

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТОЛИЦЫ РОССИИ —
ТОЧКИ ОПОРЫ И РОСТА**

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием
(Екатеринбург — Пермь, 20–22 сентября 2023 г.)

Екатеринбург
2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Р 32

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН*

Рецензенты:

Рынков Вадим Маркович,

доктор исторических наук, директор Института истории СО РАН

Мартьянов Виктор Сергеевич,

кандидат политических наук, директор Института философии и права УрО РАН

Региональные столицы России — точки опоры и роста: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Екатеринбург — Пермь, 20–22 сентября 2023 г.) / Институт истории и археологии УрО РАН, отв. ред. д.и.н. Н. В. Суржикова. — Екатеринбург: «Альфа Принт», 2023. — 496 с., 16 илл.

Материалы конференции, приуроченной к 300-летию г. Екатеринбурга и г. Перми и поддержанной Фондом «История Отечества», посвящены феномену так называемых региональных столиц России, показана их роль и место в экономическом, этно-демографическом, институционально-политическом, социокультурном развитии России, в освоении и интеграции пространства страны, в формировании ее территориального каркаса, в сохранении этноязыкового, культурно-символического многообразия и единства. Кроме того, книга актуализирует проблему «столичности» как таковой, трансформации представлений о ней, ее проявлениях и типах. Представленные в книге материалы носят выраженный междисциплинарный характер, будучи подготовленными археологами, историками, антропологами, демографами, географами, экономистами, филологами, философами, политологами, архитекторами, дизайнерами и т. д.

Книга адресована широкой аудитории читателей, интересующихся не только историей Екатеринбурга и Перми, но и современными гуманитарными исследованиями в целом.

Редколлегия: Ю. А. Кашаева, к.и.н.; С. П. Постников, д.и.н.; Н. В. Суржикова, д.и.н. (отв. редактор); Н. М. Чаиркина, д.и.н.; А. В. Черных, д.и.н., чл.-корр. РАН.

ISBN

© Авторы, 2023
© ИИиА УрО РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Городская археология и историческая реконструкция: опыт региональных столиц

<i>Балюнов И. В.</i> Павлинская башня Тобольского кремля: опыт архитектурно-археологического изучения.....	8
<i>Белавин А. М.</i> Раннегородские центры Предуралья	11
<i>Булакова Е. А., Васина Ю. В.</i> Керамический комплекс ОКН «Поселенческий слой Екатеринбурга XVIII — начала XX веков в районе пересечения ул. Пушкина — Первомайская»: результаты технико-типологического и морфологического анализа	14
<i>Данич А. В.</i> Раскопки некрополя второй четверти XVIII в. при устройстве наружных сетей водоснабжения, канализации, теплоснабжения, наружного освещения здания «Петропавловский собор» по адресу: Пермь, Советская, 1.....	17
<i>Дедук А. В.</i> От столицы удела (княжества) до приходского центра: судьба города Мышега	20
<i>Егоров А. В.</i> Монастырь в исторической топографии г. Слободского XVII — начала XX вв.: археологические исследования на территории Слободского Христорождественского женского монастыря.....	24
<i>Кайсин А. О., Глазырина М. К.</i> К вопросу о границах культурного слоя города Кирова (Хлынова, Вятки) XVII–XIX вв. ..	27
<i>Кисагулов А. В., Косинцев П. А.</i> Археозоологические исследования культурного слоя г. Екатеринбурга	31
<i>Крыласова Н. Б.</i> Развитие «городских» ремесел в средневековом Пермском Предуралье	37
<i>Курлаев Е. А.</i> Историческая реконструкция первых уральских заводов	40
<i>Перевозчикова С. А.</i> Погребальные конструкции Троицкого (Нагорного) кладбища Ижевска 1810–1932 гг.	43
<i>Погорелов С. Н.</i> Некоторые итоги анализа материалов с Ипатьевской усадьбы и Поросенкова лога	46
<i>Рассадинов А. Ю.</i> Археозоологические исследования Екатеринбурга: состояние, проблемы и перспективы.....	50
<i>Ткачев А. А.</i> Особенности городской археологии и опыт Тюменского государственного университета	52
<i>Черных Е. М., Калугина Д. А.</i> Археологический потенциал Сарапула — столицы несостоявшегося проекта Прикамской губернии	55
<i>Яковлева Е. С.</i> Предварительные результаты раскопок православного кладбища с. Четкарينو Свердловской области.....	59

Региональные столицы: опыт России и мира

<i>Жердева Ю. А.</i> Провинциализируя столичное: Львов в символической политике России в годы Первой мировой войны... 61	61
<i>Жеребцов И. Л., Меньковский В. И.</i> Исторический регион «Русский Туркестан» как постсоветский временной и пространственный конструктор	64
<i>Зубкова Е. Ю.</i> «Югорский кейс» региональной столичности: городские центры ХМАО в контексте позднесоветской истории.....	67
<i>Зубков К. И.</i> Где быть «столице» Уральского Севера? (Из истории соперничества Тюмени и Тобольска в 1920-е гг.)	70
<i>Кальмина Л. В.</i> Геополитика – «творец» забайкальских столиц	73
<i>Коновалова И. Г.</i> Столичные города в пространстве Халифата (VII–X вв.)	76
<i>Корчагин П. А.</i> «Наш пермский трон»: претензия на столичность?	79
<i>Куприянов А. И.</i> Спорт как атрибут «столичности» в послевоенном советском обществе	83
<i>Милюгина Е. Г., Строганов М. В.</i> Исторические города как региональные столицы: миссии и судьбы	86
<i>Петрова М. С.</i> Город-столица далекого прошлого как символ власти.....	89
<i>Редин Д. А.</i> Что такое «региональная столица»? Статус Екатеринбурга в первой трети XVIII в.	93
<i>Тимофеев М. Ю.</i> Столица текстильного края: региональный и символический капитал города Иваново	96
<i>Шишкин В. И.</i> Омск и Новониколаевск — две столицы Сибири начала 1920-х гг.	98

Столичный город в пространстве истории и политики:

реальная и воображаемая субъектность региональных столиц

<i>Белов А. В.</i> «Столичный город Москва» в структуре городской сети Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв.	102
<i>Бородина Е. В.</i> Органы полицейского надзора в раннем Екатеринбурге	104
<i>Воробьев С. В.</i> Законодательные основы функционирования городской власти Екатеринбурга — Свердловска в годы НЭПа.....	107

<i>Гагиева А. К.</i> Взаимодействие местных органов власти и общественных организаций уездного города во второй половине XIX — начале XX в. На примере уездного города Усть-Сысольска Вологодской губернии.....	110
<i>Гребенюк П. С.</i> Культурная политика на Северо-Востоке СССР в 1953 — начале 1960-х гг.....	113
<i>Ибнеева Г. В.</i> Императрица Екатерина II в губернском городе Казани в 1767 г.: социокультурный аспект.....	116
<i>Ивлиев С. А.</i> Великие реформы 1860–1870-х гг.: взгляд из провинции (на примере города Саранска).....	118
<i>Кабытов П. С.</i> Моя Самара. К 32-й годовщине возвращения исторического имени крупнейшему российскому городу....	121
<i>Киселев М. А.</i> Почему Екатеринбург был назван Екатеринбургом	125
<i>Манин В. А.</i> Роль В. Н. Татищева и В. де Геннина в систематизации технико-юридического законодательства Российской империи в первой трети XVIII в.	128
<i>Нарский И. В.</i> Политические партии и конкуренция между Екатеринбургом и Пермью в революциях 1905 и 1917 гг. ...	130
<i>Першин С. В.</i> Цехи и ремесленные управы в структуре сословного самоуправления Казани в первой половине XIX в. ...	133
<i>Плате А.</i> Екатеринбургская верхняя расправа в 1780-е гг.: работа в облегченных стартовых условиях?	136
<i>Сперанский А. В.</i> «Сталинград нашего тыла»: Свердловск в годы Великой Отечественной войны.....	139
<i>Супрун М. Н.</i> Военная история Русского Севера, 1583–2023 гг.: к 440-летию Архангельска, Города воинской славы....	142
<i>Тетерин В. И.</i> Земское и городское самоуправление как альтернатива Советам в конце 1917 г. (на материалах городов Пермской губернии).....	146
<i>Тимофеев Д. В.</i> Губернский город и формирование институтов публичной сферы в России первой четверти XIX в.	149
<i>Шкерин В. А.</i> Профессиональное горное сообщество и проект учреждения горных городов России в первой половине XIX в.	152
<i>Шумкин Г. Н.</i> Проект создания Екатеринбургской губернии в 1904 г.	155

Региональные столицы в контексте развития национальной экономики

<i>Арестов В. А.</i> Возрождение Пермской Петровской сельскохозяйственной ярмарки в 1924 г.	158
<i>Арсентьев В. М., Макушев А. Е.</i> Региональные «столицы» Среднего Поволжья в конце XIX — начале XX в.: новые локации индустриального развития России (на примере металлургии, металлообработки и машиностроения Саратовской губернии).....	160
<i>Арсентьев Н. М.</i> Российская металлургическая промышленность конца XVIII — первой половины XIX в. в глобальном измерении индустриализации	163
<i>Артемов Е. Т.</i> Проблема «комплексного» развития восточных регионов России в Генеральном хозяйственном плане	166
<i>Баканов С. А.</i> Столица страны vs столица региона: сравнение бюджетных траекторий Москвы и Челябинска в 1950–1980-е гг.....	169
<i>Бессолицын А. А.</i> Съезды горнопромышленников Урала и их вклад в подготовку профессиональных кадров для отрасли (конец XIX — начало XX в.)	171
<i>Богатырев Э. Д.</i> Влияние развития казенной поташной промышленности России на ресурсный потенциал мордовского края в первой половине XVIII в.	174
<i>Водичев Е. Г.</i> Наука, технологии и инновации: «Столица Сибири» в кольце стратегических вызовов времени.....	177
<i>Гижевский Б. А., Наумов С. В., Ильичев Д. В.</i> «Медное дело» на Урале в XVIII–XIX вв.	180
<i>Керов В. В.</i> Земельный вопрос в старообрядчестве в период Первой российской революции.....	183
<i>Килин А. П.</i> «Екатеринбург — торговый»: Свердловские ярмарки 1925–1929 гг.....	186
<i>Кондрашин В. В.</i> Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии	190
<i>Кравцова Е. С.</i> Роль управляющих казенных палат в подборе кадров служащих податной инспекции России во второй половине XIX в.	193
<i>Лаврикова Ю. Г., Ускова А. Ю.</i> Анализ развития крупнейших российских городов в последнее десятилетие: основные тенденции и факторы роста.....	196
<i>Лизунов П. В.</i> Из Архангельска в Санкт-Петербург: «торговый переворот» в России 1713–1724 гг.	200
<i>Марискин О. И.</i> Налогообложение торгово-промышленной деятельности в России во второй половине XIX — начале XX в.	204
<i>Минаева Т. С.</i> Традиции и новации в экономическом развитии Архангельска как столицы Беломорского Севера в первой половине XIX в.	207

<i>Михеев М. В.</i> «Городской регионализм» в Советском Союзе 1940-х гг. на примере Свердловска и Ленинграда.....	211
<i>Неклюдов Е. Г.</i> Екатеринбургский и Пермский казенные округа в контексте горной реформы второй половины XIX — начала XX в.	214
<i>Никулин В. Н.</i> Новгородская деревня и город во второй половине XIX — начале XX в. (к проблеме крестьянского отхода)	217
<i>Орешкин О. Ю.</i> Роль регионов в организации деятельности отделений Торгсина на периферии в 1933–1935 гг. (на примере Ивановской промышленной области).....	219
<i>Серазетдинов Б. У.</i> Военная экономика Молотовской области в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы в постсоветский период.....	221
<i>Слудных А. В.</i> Индустриальное наследие Екатеринбурга (на примере Уральского оптико-механического завода).....	224
<i>Тагирова Н. Ф.</i> Город и деревня: эволюция торгово-экономических взаимодействий в XIX–XX вв. (на материалах Поволжья).....	227
<i>Чжан Гуансян.</i> Косвенные причины медленной урбанизации в России XVIII–XIX вв.	230
<i>Шапошников Г. Н.</i> Особенности первого этапа развития телеграфии на Урале	234

Социокультурные измерения города: институты, практики, формы

<i>Аверьянова Е. А.</i> Фестиваль молодежи и студентов в 1957 г. и фестивальное движение в Республике Мордовия как фактор социокультурной мобилизации молодежи	237
<i>Белокриницкий В. И., Сушков А. В., Пьянков С. А.</i> Станция скорой медицинской помощи в Свердловске: основные вехи развития (1923–1991 гг.).....	240
<i>Богдашина И. В.</i> «К нашему огорчению в театре идет старая вещь и идти некуда»: отдых и досуг в повседневной жизни горожанок нестоличного региона 1950–1960-х гг.	243
<i>Бойцов С. Ф., Чурсин Д. В.</i> Социокультурные измерения приоритетов архитектурно-художественного образования... ..	246
<i>Бугаев Р. С.</i> Демонстративное потребление как маркер «столичности» в новосибирском Академгородке (1960–1970-е гг.).....	249
<i>Дашкевич Л. А.</i> Уральский горный институт: рождение вуза в противостоянии двух региональных столиц	252
<i>Жукова А. Е.</i> «...Чтобы дети гуляли, не смотря ни на какую погоду»: прогулки детей из образованных семей в Санкт-Петербурге середины XIX — начала XX в.	255
<i>Казакова-Анкаримова Е. Ю.</i> Общественный активизм и социокультурные особенности Перми и Екатеринбурга в конце XIX — начале XX в.	258
<i>Карпов В. П.</i> Свердловские организаторы Тюменского индустриального института	262
<i>Клинова М. А.</i> «К новым успехам!»: репрезентация Нового года на страницах газеты «Уральский рабочий» (1946–1956 гг.).....	265
<i>Кругликова Г. А.</i> Воспитательно-образовательный потенциал уральских музеев: история и современность.....	268
<i>Пирогова Е. П.</i> Усадьба в уезде или особняк в столице: приоритеты домовладения уральских дворян-промышленников XVIII в.	271
<i>Постников С. П.</i> Архитектурно-художественное образование на Урале как фактор устойчивого развития региона.....	275
<i>Разинков С. Л., Мальцева З. А.</i> «Столичный город» как фактор социализации молодежи (на примере учащихся учреждений профессионально-технического образования г. Свердловска 1940–1950-е гг.)	278
<i>Синова И. В.</i> Учреждения для детей в городском пространстве Санкт-Петербурга в середине XIX — начале XX в.	282
<i>Сюй Цзиньсю, Юй Сяо</i> Столицы как центры книжного дела: Париж и Москва во второй половине XVIII в.	286
<i>Хайдаров Т. Ф.</i> Эпидемии как объективный фактор развития городов в России	289
<i>Шевырин С. А.</i> Развитие туризма в Пермской губернии.....	292
<i>Яхно О. Н.</i> Городской костюм начала XX в.: источники формирования	295

Города и люди: сообщества, группы, персоны

<i>Бахарев Д. С.</i> Естественное движение населения Перми и Екатеринбурга во второй половине XIX — начале XX в.	298
---	-----

<i>Баяндина Н. П.</i> Дело братьев Каменских: от извозного промысла до акционерного общества	301
<i>Бреславский А. С.</i> Региональные столицы в трансформации городского расселения Дальнего Востока России (1989–2020 гг.)	304
<i>Головашина О. В.</i> Как город становится домом: мигранты в Екатеринбурге	307
<i>Ермакова О. К.</i> Формирование социальной группы иностранцев на Урале: административная роль Екатеринбурга (1720–1750-е гг.).....	311
<i>Ершов М. Ф.</i> Аборигены, город и социальное тело	314
<i>Заболотных Е. А., Главацкая Е. М.</i> Феномен безбрачия в городах Пермской губернии (по материалам Переписи 1897 г.)...317	
<i>Измайлов Б. И.</i> «Может слыть столицею большого царства»: формирование многонационального облика Казани в XVIII–XIX вв.	320
<i>Каменских М. С.</i> Урал в национальной политике России 1920–1930-х гг.....	323
<i>Караваева Д. Н.</i> Стереотипизация и региональная идентичность (на материалах индустриальных районов Северной Англии).....	326
<i>Корнилов Г. Е.</i> Население Екатеринбурга за 300 лет (1723–2023 гг.): процесс роста	329
<i>Кузнецов В. Н.</i> Память об И. В. Курчатове на Урале: музеи, памятники, геонимы	333
<i>Масальцева Т. Н.</i> Н. А. Синецын — педагог и журналист	336
<i>Миронова Н. С., Уморина Ж. Э.</i> Архитектор уральского неоклассицизма 1930–1950-х гг. Александр Павлович Тафф ..	338
<i>Мотревич В. П.</i> Город Свердловск накануне Второй мировой войны (по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г.).....	341
<i>Пашков А. М.</i> Антропология горнозаводского города конца XVIII — середины XIX в. (на примере Петрозаводска)...	344
<i>Пирожкова Н. К.</i> Жители губернской Перми в архивных документах генеалогического характера	347
<i>Псянчин А. В., Мигранова Э. В., Каримов А. Г.</i> Этноязыковой и культурный портрет уфимца (на материалах этносоциологического исследования в г. Уфа).....	350
<i>Середа Н. В.</i> Городское сообщество в контексте процесса модернизации России	355
<i>Титов А. Л.</i> М. П. Малахов: архитектор и инженер, создатель школы зодчих	358
<i>Торопов А. Н.</i> Уральский заводовладелец Иван Саввич Яковлев	361
<i>Туров С. В.</i> Православные традиции региональных центров Северного Зауралья (Березов, Сургут, Самарово) в контексте природно-общественных взаимосвязей (XVII — начало XX вв.)	364
<i>Черных А. В.</i> Этничность в условиях города: от территориальных сообществ к сетевому взаимодействию	366

Пространства «региональных столиц»: градостроительная эволюция и культурные ландшафты

<i>Алексеева Е. В., Быстрова Т. Ю.</i> Топологический подход в исследовании индустриального города (на примере Екатеринбурга XVIII–XX вв.).....	369
<i>Бугров К. Д.</i> Старые рабочие поселки в пространствах региональных «столиц» Урала: ВИЗ и Мотовилиха в XX в.....	372
<i>Бушмакина Ю. В., Сафрошенко О. Н.</i> Индустриальное наследие г. Усолье: проблемы сохранения и ревитализации территории Нижних соляных промыслов	375
<i>Быстрова Т. Ю.</i> Методы работы с индустриальным наследием: что необходимо и возможно для Екатеринбурга	378
<i>Веретёнов В. А.</i> Неизвестная Мотовилиха: индустриальное наследие пермского завода в наши дни	381
<i>Демина И. В.</i> Личные фонды архитекторов как документальная основа сохранения индустриального и культурного наследия Перми и Пермского края	385
<i>Думчиков А. А., Симонов М. А.</i> Градостроительная политика в административных центрах Большого Урала 1929–1939 гг.....	388
<i>Зубова И. С., Карташова Л. С.</i> Архитектура и история города как объекты композиционного анализа в процессе обучения композиции	390
<i>Иливицкая Л. Г.</i> Исторический потенциал индустриальных районов в восприятии горожан	393
<i>Кашаева Ю. А.</i> Индустриальное наследие города Перми в документах Государственного архива Пермского края	396

<i>Козлова В. Ю.</i> Роль транспорта в развитии Егошихинского завода и города Перми в XVIII–XIX вв.....	398
<i>Коньшова Е. В.</i> От рабочего поселка к «социалистическому городу»: трансформация градостроительных подходов при проектировании промышленно-селитебных комплексов в период первой пятилетки.....	402
<i>Манькова И. Л.</i> Отражение столичности в культурном ландшафте средневекового Тобольска.....	405
<i>Нагорная О. С., Воробьева Д. Н.</i> Индустриальное прошлое российских провинциальных столиц: приемы культурной медиации сложного наследия	407
<i>Никонова О. Ю., Агуниязн Н. Т.</i> «Рассадники социалистической культуры» в Челябинске, Свердловске и Перми в 1930-е гг.: ПКНО как маркеры «столичности».....	411
<i>Сарабеев В. Ю.</i> Земельная собственность Пермских пушечных заводов как часть будущего городского пространства Перми	414
<i>Сперанский П. А.</i> Раннесоветская урбанизация на примере развития одного из центральных кварталов Свердловска в 1920–1930-е гг.....	417
<i>Стариков А. А.</i> Горный город Екатеринбург. К вопросу об идентичности.....	420
<i>Черепанов А. Б., Черепанова А. А.</i> Общественные инициативы по сохранению индустриального наследия Перми: опыт АНО «Пермский автомобильный музей “Ретро-гараж”».....	423
<i>Шарапова А. Г.</i> Подходы к развитию промышленных территорий: ревитализация или редевелопмент?	426
<i>Штиглиц М. С.</i> Памятники промышленной архитектуры ленинградского авангарда: история и современное состояние ..	429

Культурные коды «региональных столиц»

<i>Абашев В. В.</i> «Императрица или рабочие»? Имя как источник городского воображаемого в истории Перми	432
<i>Богумил Т. А.</i> Горнозаводской пруд Барнаула в художественной литературе.....	436
<i>Всеволодов А. В.</i> Гений и места: о «родине» В. В. Верещагина как проблеме истории культуры.....	439
<i>Голикова С. В.</i> Источники второй трети XIX в. о «столичности» Оренбурга.....	442
<i>Головнева Е. В.</i> Владивосток в архивных видовых открытках.....	445
<i>Горюнов Д. В., Загороднева К. В.</i> Геопозитика Урала в произведениях Владимира Бабенко «Мой Екатеринбург» и Анны Матвеевой «Горожане»	448
<i>Грамотчикова Н. Б.</i> Пермь и Екатеринбург в путеводителях первой половины XX века: динамика историко-культурного ландшафта Урала.....	451
<i>Григорьев Г. А.</i> «Завтрашнее Свердловска начинает вырисовываться вовсе большим»: П. П. Бажов о прошлом и будущем города	454
<i>Дианов С. А., Дианова Ю. В.</i> Образы пермскости в геокультурном потенциале городских и сельских поселений	456
<i>Кондакова Ю. В.</i> Воплощение бренда Екатеринбурга в моде как отражение городской идентичности	460
<i>Лебедева Е. Ю., Суржикова Н. В.</i> Между «городом-сказкой», «культурным городом» и «прескверным городишком»: советский город в дневнике провинциалки конца 1940-х — начала 1950-х гг.	463
<i>Лейбович О. Л.</i> Локальная идентификация горожан в советском обществе 1930–1940-х гг. Пермский вариант	467
<i>Лимерова В. А.</i> Репрезентации столицы Коми края в литературе региона 1840–1930 гг.....	470
<i>Литовская М. А., Созина Е. К.</i> Литературные метаморфозы образа Екатеринбурга — Свердловска в свете государственных утопий.....	472
<i>Маштакова Л. В.</i> Формирование советского мифа об Урале и уральцах (на материале однодневной газеты «Литературный Урал», 1943 г.)	474
<i>Мурзина И. Я.</i> Образ «третьей столицы» в контексте образовательной урбанистики	477
<i>Подлубнова Ю. С.</i> Репрезентации Екатеринбурга — Свердловска в очерках 1920-х — начала 1930-х гг.....	480
<i>Сироткина Т. А.</i> Пермь в воспоминаниях Елены Николаевны Поляковой	483
<i>Срмикян В. С.</i> Красноярский текст: к проблеме начала локального культурогенеза	486
<i>Хубитдинова Н. А.</i> «Три чуда» одной местности: гении культурного кода земли башкирской.....	489
<i>Шербич С. Н.</i> «Столичность» сибирских городов в путевых описаниях французского путешественника Жюль Лёгра....	492

ГОРОДСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ

Балюнов Игорь Валерьевич

к.и.н., начальник отдела, Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (г. Тобольск)

E-mail: balyunoff@mail.ru

ПАВЛИНСКАЯ БАШНЯ ТОБОЛЬСКОГО КРЕМЛЯ: ОПЫТ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

УДК 904(571.12):72

Обобщение сохранившихся источников позволяет кратко представить историю Павлинской башни Тобольского кремля. В разное время она изучалась архитекторами, которые разрабатывали проекты ее сохранения и реставрации. Эти источники, дополненные материалами археологических исследований, позволяют представить первоначальный облик башни, конструкцию ее фундаментов и произошедшие с ней изменения.

Ключевые слова: Павлинская башня, Тобольский кремль, реставрация, археологические шурфы

Тобольский кремль, являющийся главной достопримечательностью г. Тобольска, появился благодаря начавшемуся в Сибири в конце XVII в. каменному строительству. В тот период времени возводившийся «город каменный» в значительной степени должен был подчеркнуть столичный статус центра воеводского, а позже губернского правления. На раннем этапе в 1681–1686 гг. был возведен Софийский собор и вслед за этим вокруг митрополичьего двора поставлен периметр крепостных стен и башен. Конечно, с течением времени эти постройки не могли сохраниться в неизменном виде, целый ряд изменений претерпел собор, военно-оборонительные сооружения были перестроены практически полностью. Согласно существующим историческим свидетельствам, к сегодняшнему дню сохранилась только одна башня, которую можно датировать концом XVII в. — Павлинская. Она не являлась наугольной, когда-то находилась в линии западного прясла крепостных стен Софийского двора, возведенных «каменных дел подмастерьем» Герасимом Шарьпиным [3; 4]. Когда позднее стены были перестроены, на этой линии ближайшими зданиями к башне стали Покровский собор и Архиерейская баня.

Одним из ранних источников, содержащих информацию об этой постройке, является Служебная чертежная книга С. У. Ремезова. На нескольких планах рядом с изображением башни присутствует надпись: «Павлинская башня», а кроме того, на верхнем шпиле угадывается изображение птицы (вероятно, кованый железный флюгер). Такая форма навершия стала причиной появления версии, объясняющей наименование башни. Другую версию (со ссылкой на мнение искусствоведа Л. А. Перфильева) озвучил исследователь тобольской архитектуры С. П. Заварихин. Им обосновывалась гипотеза, что своим названием башня обязана митрополиту Павлу, организовавшему строительство каменного кафедрального собора и стен Софийского двора [3, с. 81–82]. Павлинская башня неизменно присутствует на планах кремля XVIII–XIX вв., и можно видеть, что за это время к ней неоднократно делались разного рода пристройки. Например, когда по проекту С. У. Ремезова в 1713–1717 гг. было построено здание Рентереи (Дмитриевские ворота, Шведская палата), от него к Павлинской башне поставили еще один участок крепостной стены. В XIX в. была возведена сторожка, примыкавшая к башне с севера.

В конце 1930-х гг., во многом благодаря деятельности историка и археолога А. Ф. Палашенкова, начались подготовительные работы по реставрации объектов Тобольского кремля. Тогда же им были сделаны подробные описания технического состояния с указанием основных размеров башни и разработаны

рекомендации по ее сохранению. Автор в тексте именуется либо как «Башня круглая низкая», либо как «Низкая шатровая круглая башня» [5, с. 230–231, 263, 277]. Отмечается, что она имеет наклон к северу около 20 см, кирпичная кладка получила частичные утраты. Имеются четыре сквозные трещины, идущие вертикально по стенам от верха до низа. Необходимо указать, что А. Ф. Палашенков не знал о работах Г. Шарыпина и считал, что стены и башни были построены пленными шведами в 1714–1716 гг.

Реставрационные работы архитектурных памятников Тобольского кремля, намеченные на самое начало 1940-х гг., не получилось реализовать в связи с началом Великой Отечественной войны, и только по прошествии более чем десятилетия было проведено их новое обследование. В описании технического состояния 1952 г. за авторством Б. Н. Азбукина к Павлинской башне применяется наименование «Круглая западная низкая шатровая башня». Считается, что она была перестроена в 1714–1716 гг. из старой башни пленными шведами, приобретя название «Шведской»¹. Можно видеть, что исследователям 1930–1950-х гг. была неизвестна история ее строительства и историческое наименование. Как следует из описания, вся конструкция и части здания находились в состоянии медленного прогрессирующего разрушения. Обследование фундаментов не производилось, но делалось предположение, что трещины в стенах указывают на возможность их смещения.

В скором времени была проведена шурфовка нескольких участков стен и башен кремля. В фондах Тобольского музея-заповедника сохранились некоторые фотографии этих работ, в частности, виды шурфа у фундамента «Круглой башни у шведских палат» со стороны церковного двора, датированные 1953 г. На одном из фото хорошо видна кирпичная кладка стены башни на глубину около 1,5 м, в ней видны повреждения в виде диагональной трещины. На другом фото — нижняя часть фундамента, расширяющаяся за счет уступа (ступеньки) примерно на длину кирпича. Высота этой части конструкции составляет около 1,4 м. На основании этих изображений можно прийти к выводу, что при строительстве башни первоначально была возведена широкая платформа, на которую был поставлен основной цилиндр объекта, меньший по диаметру.

По-настоящему ремонтно-реставрационные работы на памятниках Тобольского кремля начались в 1956 г., когда их возглавил московский инженер Ф. Г. Дубровин. Им были проведены исследования по поиску и изучению фундаментов стен и башен, создавались и реализовывались проекты их восстановления. Павлинская башня тогда была полностью отремонтирована, пристроенная к ней в XIX в. каменная сторожка разобрана, крепостная стена, соединявшая башню с Рентереей, фактически отстроена заново [1, с. 134]. В своей работе Ф. Г. Дубровин активно сотрудничал с выдающимся историком архитектуры В. И. Кочедамовым, автором фундаментального труда об архитектуре Тобольска. В своих исследованиях В. И. Кочедамов пришел к выводу, что круглые башни, возведенные в конце XVII в., имели высоту 17 м и имели значительное сходство. Цилиндр башни вверху расширялся, образуя машикули, его стены имели округлые отверстия двухъярусного боя. Завершением служил высокий кирпичный шатер, покрытый черепицей и украшенный кованым железным флюгером. Из этого следует, что Павлинская башня с течением времени стала заметно ниже (в описании технического состояния — высота стен без шатра 6,3 м), она лишилась своей верхней части — машикулей [4, с. 32]. Очевидно, что Ф. Г. Дубровин был согласен с этими выводами, поскольку на одном из его эскизных проектов реставрации был обозначен вариант восстановления верхнего яруса. Однако этот проект в последующем не был реализован.

Новые данные о Павлинской башне были получены в начале 2000-х гг. при археологических исследованиях, предварявших работы по благоустройству Тобольского кремля. В 2005 г. был заложен шурф на смотровой площадке в углу, образованном башней и стеной Софийского двора. Полученные результаты позволяют нам подтвердить и уточнить информацию раскопок 1950-х гг. Кладка выложена из большеформатного кирпича (усредненные размеры 28 × 12,5 × 5,5 см) на известковом растворе. На глубине около 0,6 м выявлена нижняя часть фундамента, расширяющаяся за счет уступа (ступеньки). Она

¹ Описание технического состояния памятников архитектуры Тобольского кремля 1952 г. // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея заповедника. № 368/2. Л. 9–10.

выложена из восьми рядов кладки, общая толщина которых составляет чуть более 0,65 м. Ниже ее находится слой засыпки из битого кирпича, мощность которого может достигать до 0,8 м. Такая засыпка, очевидно, была обнаружена и при шурфовке 1950-х гг., но определить ее, ориентируясь исключительно на сохранившееся фотоизображения, практически невозможно. В 2005 г. археологическими шурфами исследовались другие фундаменты стен и башен Тобольского кремля, время постройки которых относится к концу XVII в. Раскопками установлено, что эти объекты имеют аналогичную конструкцию.

Еще одним результатом археологических исследований Павлинской башни в 2005 г. явилось обнаружение к югу от нее трех погребений. Захоронения были совершены в деревянных колодах, в одном случае зафиксированы фрагменты бересты, являющиеся, вероятно, остатками верхнего перекрытия. Костяки расположены вытянуто на спине, ориентированы головой на запад. Погребального инвентаря обнаружено не было. Найденные погребения, вероятнее всего, принадлежали христианскому кладбищу при деревянной Троицкой церкви. Этот храм был поставлен одновременно с основанием города в 1587 г. и просуществовал до пожара 1643 г., а, следовательно, погребения можно датировать этим промежутком времени. Спустя несколько десятилетий на месте заброшенного кладбища были возведены некоторые крепостные сооружения Тобольского кремля [2]. И поскольку погребения не были разрушены полностью, можно прийти к выводу, что современная ограда Софийского двора, примыкающая к Павлинской башне с юга, находится на фундаменте первой кремлевской стены.

В заключении стоит сказать, что письменные и картографические источники позволяют представить первоначальный (частично утраченный) облик Павлинской башни. Археологические исследования, в свою очередь, дают информацию о конструкции фундаментов и свидетельствуют, что нижняя часть башни не подвергалась какой-то перестройке.

Литература и источники

1. Балунов И. В. Архитектурно-археологические исследования на территории Тобольского кремля в 1950-х годах (по фотодокументам Тобольского музея-заповедника) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 2. С. 130–139.
2. Балунов И. В. История тобольской Троицкой церкви: от первой деревянной до второй соборной (конец XVI — конец XVIII века) // Тобольск в веках: история, архитектура и культура. Материалы круглого стола, посвященного 435-летию города Тобольска и году Даниила Чулкова, основателя города Тобольска. Киров, 2022. С. 43–55.
3. Заварихин С. П. В древнем центре Сибири. М., 1987.
4. Кочедамов В. И. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень, 1963.
5. Палашенков А. Ф. Избранные труды. Омск, 2013.

Igor V. Balyunov

Candidate of Historical Sciences, Tobolsk Historical and Architectural Museum Reserve (Russia, Tobolsk)
E-mail: balyunoff@mail.ru

PAVLINSKAYA TOWER OF THE TOBOLSK KREMLIN: THE EXPERIENCE OF ARCHITECTURAL AND ARCHAEOLOGICAL STUDY

A generalization of the surviving sources allows us to briefly present the history of the Peacock Tower of the Tobolsk Kremlin. It was studied by architects who at various times developed projects for its preservation and restoration. These sources, supplemented by materials from archaeological research, allow us to imagine the original appearance of the tower and the design of the foundations, as well as the changes that have occurred to it.

Keywords: Pavlinskaya Tower, Tobolsk Kremlin, restoration, archaeological pits

Белавин Андрей Михайлович

д.и.н., заведующий Отделом истории, археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований УрО РАН — филиал Пермского ФИЦ УрО РАН (г. Пермь)

E-mail: halikov_2011@mail.ru

РАННЕГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ ПРЕДУРАЛЬЯ

УДК 94(470.4)“9/13”:904

X–XIV вв. — период ранней урбанизации Предуралья. Здесь возникают раннегородские центры — ремесленно-торговые фактории булгар. Эти поселения отличаются смешанным в этническом, культурном и религиозном отношении составом населения, правильной планировкой, высоким уровнем развития различных ремесел, более комфортным и насыщенным событиями образом жизни. Однако уже к концу XIV в. они исчезают, как и большинство финно-угорских памятников.

Ключевые слова: ранний город, ремесленный центр, торговля

К концу X в. в Предуралье складываются условия для формирования раннегородских структур. Это происходит под влиянием Волжской Булгарии, купцы и ремесленники которой были заинтересованы в природных богатствах Прикамья.

На ряде крупных финно-угорских городищ (таких как Иднакар, Анюшкар, Соламаатовское, Рождественское) булгары основывают свои торгово-ремесленные фактории. В XI столетии эти городища значительно модернизируются: строятся новые линии укреплений, площадки расширяются, перед внешним валом возникают неукрепленные посады, основываются мусульманские некрополи. Наиболее крупная модернизация происходит на Рождественском городище на р. Обва. Площадка городища увеличивается практически в три раза, строится большой дугообразный внешний вал с проездными воротами (их остатки фиксировались еще в XVIII в.) и с посадом перед ним. Формируется уличная планировка. На соседнем мысу, господствующем над площадкой Рождественского городища, строится цитадель с мощными деревянно-земляными укреплениями, в том числе со смотровой земляной башней, проездными воротами, остатки которых в валу прослеживаются по сию пору. Это была цитадель городского комплекса. У восточной оконечности внешнего вала обустраивается мусульманский некрополь. Подобная планировка средневековых городов хорошо известна в Волго-Камье. По две укрепленные площадки и неукрепленную часть имеют Николо-Райское, Зеленское, Якимово-Стрелкинское, Чуру-Барышевское и ряд других городищ Волжской Булгарии. С точки зрения специалиста в области фортификации Волжской Булгарии А. М. Губайдуллина, укрепленная часть Рождественского комплекса, состоящая из двух укрепленных площадок, принадлежит к весьма распространенному типу сложномысовых и сложных городищ Волжской Булгарии [3, с. 29]. Подобная схема известна и на Руси.

На площадке городища формируются ремесленные кварталы. Большой интерес представляют остатки производственной мастерской в восточной части площадки Рождественского городища, устроенной в небольшом логу, засыпанном еще в древности [4, с. 27–41]. Вдоль бортов лога выявлены ряды крупных столбовых ям, очевидно, связанных с конструкцией стен мастерской. Они располагались параллельно друг другу на расстоянии 6 м, следы торцевых стен постройки не зафиксированы.

Внутри мастерской выявлены остатки многочисленных очажных устройств разного характера, которые размещались вдоль условной оси постройки двумя рядами, расположенными на расстоянии около 3 м друг от друга. Некоторые из них использовались в течение непродолжительного периода, но несколько сооружений фиксировались от верхних слоев заполнения лога до материка. Среди последних наиболее интересны остатки двух крупных горнов с каменными сводами.

Уже на раннем этапе существования мастерской кроме литья изделий из цветных металлов она была ориентирована и на кузнечную обработку, со временем это направление деятельности стало преобладающим. Основным доказательством наличия здесь кузнечного производства являются находки железных

шлаков, криц и кузнечных заготовок. В слоях заполнения мастерской обнаружено более трех сотен железных изделий. Значительную часть из них можно отнести к предметам, предназначенным для перековки, инструментам и личным вещам ремесленников, некоторые находки являются готовой продукцией мастерской.

Таким образом, изученное сооружение представляло собой многопрофильную мастерскую, основным назначением которой являлось производство металлических изделий. Большое количество очажных конструкций и универсальное назначение мастерской позволяют предполагать, что в ней могло работать более десятка ремесленников, специализирующихся в разных направлениях. Продукция мастерской была ориентирована, прежде всего, на местный рынок, удовлетворяя спрос населения на украшения, детали костюма, всевозможные бытовые вещи, хозяйственный инструментарий. Однако размах литейного производства, наличие среди находок формы-изложницы позволяют предполагать, что здесь существовало и крупное товарное производство готовых сплавов цветных металлов, поставлявшихся в виде слитков за пределы Пермского Предуралья на рынки Восточной Европы.

В северо-восточной части городища неподалеку от вала изучена медницкая мастерская XII–XIII вв. — значимое открытие не только для средневековой археологии Пермского Предуралья, поскольку медная посуда и иные изделия из медных пластин имели широкое распространение, а полученные данные в значительной степени позволяют расширить представления об особенностях медницкого производства.

Мастерская представляла собой большую постройку площадью более 200 кв. м, разделенную перегородкой: одна часть постройки была производственной, вторая — жилой. Анализ культурных напластований в ее пределах, содержащих следы перестройки и ремонта, позволяет предполагать, что мастерская могла существовать более 100 лет.

В мастерской собрано множество полуфабрикатов и отходов медницкого производства — заготовки пластин, разнообразные обрезки, в том числе с нарезанными зубцами для сборки медных котлов, заготовки и готовые заклепки, заготовки проволоки и многие другие предметы, отражающие все стадии медницкого производства.

Ремесленник, основавший мастерскую, предположительно, переселился из Волжской Булгарии. Об этом свидетельствует значительная концентрация болгарской керамики, наличие многочисленных предметов, характерных для Волжской Булгарии, в том числе — серебряных перстней, пары медных позолоченных сережек ордынского типа и пр. Интересны находки двух костяных силосов с рукоятью округлого сечения и с затертой «лопаточкой» на тыльной стороне для стирания написанного на воске. В мастерской найдено пять монет: медные динары с именем багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха, которые стали чеканиться в Волжской Булгарии с 1230-х гг., медные динары Мунке, чеканившиеся с 1251 г., и серебряный анонимный данг с тамгой Менгу-Тимура, отчеканенный в Сарае во второй половине 1270-х гг. Самой уникальной является находка серебряного перстня-печатки с именем «Аджлаб ибн Умар», который, возможно, принадлежал хозяину мастерской.

По площади Рождественский комплекс — наиболее значительный поселенческий объект средневекового Предуралья. Безусловно, величина обитаемой части поселения явно выделяла его из массы синхронных поселений в глазах современников. Качество жизни населения (одно- и двухэтажные жилые сооружения большой площади, печи-каменки в жилищах, высокий уровень обустройства жилого пространства, масса различных дорогих, в том числе привозных, вещей, обилие красивой и практичной гончарной посуды и т. д.), наличие свидетельств развития сложных городских ремесел и активной роли разноэтничного и разнокультурного населения комплекса в международной восточной торговле [1, с. 30–38] ярко выделяют этот комплекс из ряда прочих средневековых поселений Предуралья. Отличия столь яркие, что позволяют однозначно воспринимать Рождественский археологический комплекс как остатки города X–XIV вв., известного в восточных источниках как «касаба Афкула» [2, с. 3–10].

В XIII–XIV вв. Предуралье превращается в слабозаселенную область, исчезает большинство родановских и чепецких памятников. Причины этого процесса не ясны. Дольше всех продержались

раннегородские центры — до середины — второй половины XIV в., но и они исчезли. Повторение процесса урбанизации Предуралья связано уже с периодом русской колонизации.

Литература и источники

1. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Новые материалы раскопок Рождественского комплекса в Пермском крае // Археология евразийских степей. Казань, 2017. № 1. С. 30–38.
2. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Касаба Афкула в письменных источниках и в археологической реальности // Вопросы интеграции археологических и исторических исследований. Материалы Всероссийской (с международным участием) археологической конференции. Астрахань, 2017. С. 3–10.
3. Губайдуллин А. М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань, 2002.
4. Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2015. № 4. С. 27–41.

Andrey M. Belavin

Doctor of Historical Sciences, Institute of Humanitarian Studies Perm Federal Research Center
of the Ural Branch of the RAS (Russia, Perm)
E-mail: halikov_2011@mail.ru

EARLY URBAN CENTERS OF THE URALS

10–14 centuries the period of early urbanization of the Urals. There are early urban centers — craft and trade trading posts of the Bulgars. These settlements are distinguished by the ethnically, culturally and religiously mixed composition of the population, the organization of proper planning, a high level of development of various crafts, a more comfortable and eventful lifestyle. However, by the end of the 14th century. They are disappearing, like most Finno-Ugric monuments.

Keywords: early city, craft center, trade

Булакова Екатерина Александровна

н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: bulakovaekaterina@gmail.com

Васина Юлия Валерьевна

заведующая Учебного музейно-выставочного комплекса «Народы и технологии Урала»,

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

E-mail: semantik@mail.ru

**КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ОКН «ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ СЛОЙ ЕКАТЕРИНБУРГА
XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКОВ В РАЙОНЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ УЛ. ПУШКИНА —
ПЕРВОМАЙСКАЯ»: РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО
И МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

УДК 94(470.5)''17/19'':904

В докладе представлены результаты технико-типологического и морфологического анализа керамического комплекса, полученного в ходе раскопок участка культурного слоя Нового времени в пределах ул. Пушкина — Первомайская — Толмачева г. Екатеринбурга. Участок представляет собой внутренний двор усадьбы Гилёвых. Характеристика полученной керамики позволяет определить виды и типы посуды XIX — начала XX вв., использовавшейся в повседневном быту жильцами усадьбы. Основанная на археологических источниках такая работа по Екатеринбургу публикуется впервые.

Ключевые слова: археология Нового времени, Екатеринбург, глиняная посуда, технико-типологический анализ, морфологический анализ

Осенью 2021 г. исследовательская группа ООО «Центра историко-культурных исследований «Астра» под руководством Ю. В. Васиной провела раскопки памятника «Поселенческий слой Екатеринбурга XVIII — начала XX веков в районе пересечения ул. Пушкина — Первомайская» в квартале, ограниченном улицами Пушкина — Первомайская — Толмачева. Общая площадь раскопа составила 373 кв. м. Объект исследования представлял собой участок, бытование на котором берет свое начало в XVIII в.: в 1730-х гг. здесь появилась Конюшенная слобода, а к 1880-м гг. формируется усадьба губернского секретаря В. А. Гилёва. В процессе работ был исследован внутренний двор усадьбы. Установлено, что основная часть участка занята крупной постройкой на каменном фундаменте (остатки дома), пристроенными к дому хозяйственными постройками, а также территорией, примыкавшей к дому, вероятно, садом [2].

Керамическая коллекция с памятника включает 757 единиц коллекционной описи, из них целые формы — 77, типологически определимые венчики (фрагменты) — 448, типологически неопределимые венчики — 105, фрагменты стенок — 90, фрагменты донцев — 190 единиц. К керамической коллекции также отнесены керамические ручки от сосудов (11 ед.), керамическая крышка от сосуда (1) и керамические бутылочки из-под Рижского бальзама (3), керамические фишки для игры (2).

Фрагменты керамики зафиксированы на всех участках и горизонтах объекта исследований. Однако распределение находок по участкам и горизонтам крайне неравномерно, большая часть фрагментов фиксируется в заполнении объектов. Особенно важным в данной связи является объект 3, который представлял собой единовременную яму больших размеров для складирования мусора в момент сноса усадьбы (ок. 1920-х гг.) и содержал развалы целых сосудов или фрагменты керамики как архаичного (неглазурованные, лепные), так и более позднего (глазурованные, гончарные) вида. Основная часть находок концентрируется на уровне второго горизонта в слоях накопления.

Керамическая посуда из поселенческих слоев г. Екатеринбурга XVIII — начала XX вв. слабо освещена в публикациях, типология гончарной посуды для данного территориально-хронологического локуса не создана. Поэтому при работе с коллекцией за образец была взята типология, разработанная для поселенческого слоя Нового времени г. Челябинска [4]. Выбранная типологическая схема основана на

формально-морфологических признаках и учитывает все типы сосудов, полученные в ходе раскопок. Типологически определены все виды посуды: горшки (в том числе корчаги), банки, кринки, латки-жаровни, латки-сковороды, латки (низкие), квашенки, чаши-миски, плоски, таз, цветочные горшки (табл.).

Таблица

Типы посуды

	Горшки	Корчаги	Банки	Кринки	Латки-жаровни	Латки-сковород.	Латки (низкие)	Квашенки	Чаше-миски	Плоски	Таз	Цветочные горшки	Другое	И/о
целые	30	2	1	10	4	1	3	6	3	2	1	7	7	0
фрагм.	157	—	13	18	41	—	—	28	35	4	—	26	12	114

С точки зрения технологии производства посуды преобладающее число сосудов рассматриваемой коллекции покрыто глазурью — 533 единицы (70 %). В письменных источниках отмечено, что в Екатеринбурге технология покрытия сосудов зеленой поливой появляется после 1850-х гг. Этот способ обработки поверхности являлся более трудозатратным и дорогим: для создания глазури необходим был свинец и, по некоторым данным, малахит (для экономии использовались отходы от гранильного производства). Сам обжиг сосуда с глазурью производился в отдельном помещении и в горне, поскольку пары свинца ядовиты — и обжиг в избе, и обжиг в печи грозил отравлением. Поэтому производство поливной посуды зеленого и других цветов связывают с гончарными артелями, которые появились в Екатеринбурге во второй половине XIX в. [3]. Поливные сосуды из коллекции памятника обычно выполнены на круге, на тулове фиксируются следы ротации и заглаживания сосуда по горизонтали (тканью или кожей). Для неглазурованной посуды отмечен такой способ обработки поверхности, как лощение. Так называется прием уплотнения поверхности глиняных изделий [1, с. 223]. Для одного сосуда (Е21ПУ28/724) лощение по тулову было выполнено в качестве приема декорирования.

Среди посуды без глазури выделяется значительная группа (70 % изделий или 159 ед.), выполненная с помощью приемов скульптурной лепки — с использованием круга в качестве вспомогательного инструмента, позволяющего завершить отдельные функциональные части емкости. Типологически определяются 50 % (76 ед.) фрагментов, за исключением двух фрагментов латок-жаровен, остальные фрагменты принадлежали горшкам. 80 % (128 ед.) фрагментов обожжены в восстановительной среде. Такая посуда может оцениваться как хронологически более ранняя, но ее присутствие в культурном слое вплоть до начала XX в. может объясняться архаичностью традиций отдельных гончаров. Фрагменты посуды, выполненные с доводкой на круге, обнаружены практически на всех участках, на всех уровнях, но преобладают во втором горизонте. Также они зафиксированы в материалах объектов 1–3, 13, 16.

Обжиг готовых изделий выполнялся в домашних печах и в специальных обжиговых устройствах-горнах. Зафиксированы два варианта условий обжига: окислительная атмосфера (красно-коричневые цвета поверхности и сломы сосуда) — 123 ед. (16 %) и восстановительная (темно-серые и черные цвета поверхности и сломы изделия) — 98 ед. (13 %).

Коллекция весьма представительна с точки зрения разнообразия типов посуды, однако стоит отметить численное преобладание горшков, значительное количество кринок и малое, в сравнении с коллекциями соседних городов, количество таких крупных сосудов, как корчаги и квашенки. Также важно подчеркнуть, что некая «стандартизированность» форм внутри типологических групп позволяет предположить единое место изготовления посуды в рамках нескольких производств, поставлявших посуду жителям Екатеринбурга в XVII–XIX вв. [5].

Литература и источники

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М., 1978.
2. Васина Ю. В. Отчет о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселенческий слой Екатеринбурга XVIII — начала XX века в районе пересечения улиц Пушкина-Первомайская» в зоне капитального строительства в квартале ул. Пушкина — ул. Первомайская — ул. Толмачева в г. Екатеринбурге Свердловской области в 2021 г. по Открытому листу № 2614-2021 от 30.09.21 г. Челябинск, 2023.
3. Лесунова А. Ю. Гончарный промысел в селе Большое Белоносово Каменского района // Пятые Невьянские исторические чтения. Материалы научно-практической конференции, 4 декабря 2010 г. Невьянск, 2011. С. 137–145.
4. Самигулов Г. Х. Челябинск XVIII–XIX вв.: население, планировка, материальная культура (по данным археологии и письменных источников): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2005.
5. Сауков Г. Н. Происхождение гончарной посуды в культурном слое Екатеринбурга последней четверти XIX — начала XX в. по письменным источникам // Пограничный город России: археология, история архитектуры и фортификации, этнология. Киров, 2022. С. 34–49.

Ekaterina A. Bulakova

Researcher of the Laboratory for Interdisciplinary Humanitarian Research, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: bulakovaekaterina@gmail.com

Yulia V. Vasina

Head of Educational Museum and Exhibition Complex “Peoples and technologies of the Urals”, South Ural University for the Humanities (Russia, Chelyabinsk)
E-mail: semantik@mail.ru

CERAMIC COMPLEX OF “SETTLEMENT LAYER OF EKATERINBURG

18th — EARLY 20th CENTURIES IN THE AREA OF THE CROSSING OF STREETS OF PUSHKINA — PERVOMAYSKAYA”:

RESULTS OF TECHNICAL-TYOLOGICAL AND MORPHOLOGICAL ANALYSIS

The report presents the results of a technical-typological and morphological analysis of a ceramic complex obtained during excavations of a section of the cultural layer of the New Age within the limits of the street. Pushkin — Pervomaiskaya — Tolmacheva in Ekaterinburg. This site represents the courtyard of the Gilev estate, and the characteristics of the obtained ceramics make it possible to characterize the dishes of the 18th — early 20th centuries, which were used in everyday life by the inhabitants of the estate. For Ekaterinburg, such a work based on archaeological sources is published for the first time.

Keywords: archaeology of the New Age, Ekaterinburg, earthenware, technical and typological analysis, morphological analysis

Данич Андрей Васильевич

ведущий специалист, Лаборатория археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии НИИ «Археологии и антропологии», Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь)

E-mail: adanich@yandex.ru

**РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. ПРИ УСТРОЙСТВЕ
НАРУЖНЫХ СЕТЕЙ ВОДОСНАБЖЕНИЯ, КАНАЛИЗАЦИИ, ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ,
НАРУЖНОГО ОСВЕЩЕНИЯ ЗДАНИЯ «ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ СОБОР» ПО АДРЕСУ:
ПЕРМЬ, СОВЕТСКАЯ, 1**

УДК 94(470.5)''17/18'':903.57

В августе–октябре 2021 г. были проведены спасательные археологические работы (археологическое наблюдение) в г. Перми на объекте археологического наследия «Егошихинский медеплавильный завод, поселение» в квартале № 41 по адресу: ул. Советская, 1 на участках устройства наружных сетей теплоснабжения, водоснабжения, канализации, наружного освещения здания «Петропавловский собор». Общая площадь археологического наблюдения составила 999 кв. м. В результате работ выявлен некрополь второй четверти XVIII в. Обнаружено 38 погребений и разрозненный антропологический материал, 13 погребений законсервированы, остальные исследованы. Собран вещевой материал XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Петропавловский собор, погребение, Егошихинский медеплавильный завод, поселение

В 1724 г. в Егошихинском заводе была построена деревянная Петропавловская церковь. В связи с ростом поселка в 1757 г. заложен, а 4 декабря (23 ноября) 1764 г. освящен каменный собор во имя Св. апостолов Петра и Павла — первое каменное здание города Перми. В 1903 г. теплый и холодный храмы, соединенные прежде узким переходом, объединили путем расширения последнего. Тогда же к собору была пристроена паперть и каменная ограда. До 1929 г. собор находился в ведении приходского совета, затем, после освидетельствования комиссией горисполкома, здание изъяли у верующих «с целью лучшего сохранения». В 1932 г. собор приспособили под склад. В конце 1930-х гг. была утрачена колокольня, каменная ограда, купола. В период Великой Отечественной войны собор был передан Наркомату обороны.

В 1948 г. Петропавловский собор был принят под охрану как памятник архитектуры, а в 1960 г. передан на баланс Пермскому паровозоремонтному заводу им. Шпагина. Завод приспособил трапезную под спортивный зал, в 1974 г. в храмовой части собора разместили участок Пермских специализированных научно-реставрационных мастерских (ПСНРМ). В 1990 г. в здании начались богослужения, а в конце 1992 г. собор был полностью освобожден от нерелигиозных организаций.

В августе–октябре 2021 г. проводились спасательные археологические работы (археологическое наблюдение) на объекте археологического наследия «Егошихинский медеплавильный завод, поселение» в квартале № 41 по адресу: ул. Советская, 1 на участках устройства наружных сетей теплоснабжения, водоснабжения, канализации, наружного освещения здания «Петропавловский собор». Наблюдались четыре траншеи: электрика, водоснабжение, канализация, теплосеть.

Общая площадь археологического наблюдения составила 999 кв. м.

Целью спасательных археологических работ являлось выявление возможных сохранившихся участков культурного слоя и предметов материальной культуры на участках памятника, которые отведены под устройство наружных сетей.

При работах на траншее теплотрассы у западной стены собора выявлено погребение № 1. Для полного разбора и фиксации погребения в стенке была сделана «люлька». При зачистке стенок траншеи зафиксированы погребения № 2 и 10, уходящие в восточную стенку прямо под бутовый фундамент

собора, и погребения № 3 и 5, уходящие в северную стенку. Погребение № 3 было исследовано позже, после снятия верхних балластных напластований. Остальные погребения (№ 2, 5, 10) было решено законсервировать, так как расширять траншею не было необходимости, а исследовать их в существующих условиях не представлялось возможным.

После первой промежуточной зачистки на участке № 2 были зафиксированы нечеткие аморфные очертания погребений. Также после зачистки участка и особенно после расчистки первых погребений стало ясно, что фиксация очертаний погребений до расчистки костяка очень затруднительна. На участке № 2 выбрано 16 погребений (№ 4, 6–9, 11–20). Погребения № 25–26, которые частично «уходили» в стенку, решено законсервировать, так как расширять траншею не было необходимости.

На участке № 2 теплотрассы было выбрано восемь погребений (№ 3, 22–24, 27–31). На дополнительном участке № 2 сделано две промежуточные зачистки, при которых были найдены фрагменты керамических сосудов, в том числе 14 венчиков, и монеты: деньга 1750 г.; полушки 1736 г. и 1748 г. над очертаниями погребения № 36 (в дальнейшем законсервировано). После зачистки по уровню проектных отметок фиксировались очертания возможных погребений (условно эти очертания пронумерованы № 31–38), которые решено законсервировать, так как они располагались ниже уровня проектных отметок.

Участок, на котором зафиксированы погребения, расположен с западной и юго-западной стороны собора. Его начало расположено вплотную к западной стене собора, там, где существует ввод старых коммуникаций. Погребения фиксировались до условной границы, которая была выражена полосой битого кирпича, перемешанного с коричневой и рыжей супесью, за этим объектом погребения не фиксировались.

Общая площадь участка, на котором были выявлены, исследованы и частично законсервированы погребения, составила 26 кв. м. На указанной площади зафиксировано 38 погребений, 26 из них исследовано, 13 — законсервировано.

В ходе работ исследованы останки не менее 46 индивидов, происходящих из 27 погребений и 3 участков межмогильного пространства (с межмогильного пространства собрано 199 костей и фрагментов) «Петропавловского некрополя». Сохранность большинства костей удовлетворительная. Достоверно определено: 7 мужских индивидов, 2 вероятно мужских индивида, 2 женских индивида, 4 взрослых индивида, пол которых не определен, 31 ребенок (индивиды, возрастом младше 15 лет) (антропологическое исследование выполнено П. Р. Смертиным).

В погребениях захоронено по одному индивиду, за исключением нескольких случаев. В погребении № 12 обнаружено два индивида — взрослый и ребенок (погребение ребенка является подзахоронением к телу взрослого). В погребениях № 8, 15, 19 обнаружено несколько индивидов, однако фактически захоронения являются отдельными.

В большинстве могил погребенные были уложены на спину, головой на запад (с небольшими отклонениями), ноги выпрямлены или незначительно согнуты в коленях, руки сложены на груди или на животе, в редких случаях (погребение № 6, 11) — в районе таза. Судя по положению костей, взрослые индивиды были захоронены в могильные конструкции с ограниченным пространством (гробовища), в отдельном случае — оборачивались погребальными пеленами (погребение № 7). Дети перед захоронением, вероятно, были обернуты погребальной пеленой, за исключением нескольких погребений (№ 4, 15, индивид «В», 28, 29), где умершие были захоронены, вероятно, в гробовищах.

Все случаи отклонения отдельных костей от анатомического порядка можно объяснить течением тафономических процессов, антропогенным фактором (совершение хронологически более поздних погребений, земельные работы, связанные с хозяйственной деятельностью человека).

Концентрация погребений на участке была очень высокой. Так, например, только на площади 9 кв. м участка 2 зафиксировано 17 погребений с 21 расчищенным костяком, наслаивавшихся друг на друга. Грунт на этих участках перемешан из-за чего выявление и фиксация погребений в большинстве случаев были затруднительны. У большинства погребений не было явной фиксации очертаний до начала

расчистки, погребения фиксировались, когда начинали уже проявляться костные останки, часто сразу под расчищенным и снятым костяком проявлялся следующий. По ходу работ и по глубинным отметкам было выявлено семь уровней погребений. Из всех исследованных погребений только два (погребения № 12 и 16 — это погребения самого нижнего седьмого горизонта) были выкопаны в материковом суглинке. Все остальные располагались в слое перемешанного оранжевого суглинка с редкими вкраплениями серого суглинка и вкраплениями мелкой известковой, угольной и кирпичной крошки.

Анализ проведенных работ показал, что это участок некрополя, существовавшего при первом (деревянном) здании Петропавловского собора (1724–1764 гг.), который подвергся разрушению при закладке и строительстве нового каменного здания в 1757–1764 гг.

Общие выводы по Петропавловскому некрополю:

- все исследованные захоронения православные;
- все погребения ориентированы по сторонам света по линии запад–восток, с незначительными отклонениями;
- соотношение детских и взрослых погребений 1 к 4;
- высокая плотность погребений;
- взаиморасположение погребений линейное;
- комплекс нательных крестов из погребений характеризуется большим разнообразием типов и указывает на конец XVII — первую половину XVIII вв.

Исходя из анализа вещевого материала (кресты, монеты 1736, 1748, 1750 гг.), исторических источников (время существования (1724–1764 гг.) и месторасположение старого деревянного храма, время постройки нового каменного храма в 1757–1764 гг.) и планиграфии погребений (несколько погребений разрушено при строительных работах нового храма) можно датировать этот некрополь второй четвертью XVIII в.

Andrey V. Danich

Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm)

E-mail: adanich@yandex.ru

EXCAVATIONS OF THE NECROPOLIS OF THE 2ND QUARTER OF THE XVIII CENTURY. WHEN INSTALLING OUTDOOR WATER SUPPLY NETWORKS, SEWERAGE, HEAT SUPPLY, OUTDOOR LIGHTING OF THE PETER AND PAUL CATHEDRAL BUILDING AT: PERM, SOVETSKAYA, 1

In August–October 2021, rescue archaeological work (archaeological observation) was carried out in Perm at the archaeological heritage site “Egoshikhinsky Copper Smelter, settlement” in block No. 41 at the address: Sovetskaya str., 1 at the sites of the installation of external heating networks, water supply, sewerage, outdoor lighting of the Peter and Paul Cathedral building. The total area of archaeological observation was 999 sq. m. As a result of the work, the necropolis of the 2nd quarter of the 18th century was revealed. 38 burials and scattered anthropological material were identified, 13 burials were preserved, the rest were investigated. The clothing material of the 18–19th centuries was collected.

Keywords: Peter and Paul Cathedral, burial, Egoshikhinsky copper smelter, settlement

Дедук Андрей Владимирович

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: deduk@list.ru

ОТ СТОЛИЦЫ УДЕЛА (КНЯЖЕСТВА) ДО ПРИХОДСКОГО ЦЕНТРА: СУДЬБА ГОРОДА МЫШЕГА¹

УДК 913(470.31)''15/18''

Доклад посвящен комплексу проблем, связанных с историей города Мышега. В XV в. это был центр удела князей Мышецких, позднее — центр уезда или волости Русского государства. К 1620-м гг. на территории города осталось несколько храмов, относящихся к Мышегскому стану Тарусского уезда. Кроме того, в докладе рассмотрена проблема соотношения истории города с археологическими памятниками.

Ключевые слова: Мышега, князья Мышецкие, Тарусское княжество, Мышегский уезд, Мышегская волость

Судьба городов, вошедших в состав Московского княжества (Русского государства), складывалась различно, многие городские средневековые центры постепенно затухали под воздействием многих факторов. Одним из таких городов стала Мышега.

Согласно «Родословцу князей Одинцевичей», дошедшему в рукописи первой половины XVI в., у тарусского князя Юрия Михайловича был третий сын Михаил, которому досталась Мышега². Князья Одинцевичи являлись потомками тарусских князей по «кудели» (женской линии), что и обусловило их интерес к генеалогии феодалов Верхней Оки. Предания самих князей Мышецких о своем происхождении были, похоже, впервые зафиксированы только в 1751 г. Согласно сказке, поданной в Герольдию, род князей Мышецких восходил к «удельным маркграфам», которые отъехали в 1409 г. к московскому великому князю Василию Дмитриевичу и получили вотчину «близка Торусы... званью Мышегда». Опубликовавший впервые это дело Н. П. Лихачев справедливо, на наш взгляд, посчитал указанное в деле 1751 г. происхождение и выезд Мышецких родословной легендой [5, с. 410–411. Прим. 1; с. 412–413].

Относительно даты и обстоятельств вхождения Мышеги, относившейся к Тарусскому княжеству, в состав Московского княжества мы можем только догадываться [анализ событий см.: 8, с. 165–220]. Около 1480 г. князь Иван Мышецкий был «на докладе» при составлении докладной полной коломенскому наместнику Якову Захарьевичу Кошкину [7, с. 336]. Это самое раннее упоминание князей Мышецких на московской службе и, как видим, их службы еще не вышли за пределы окского региона.

В 1501 г. дети князя Ивана Мышецкого получили поместье в Новгородском уезде [6, с. 96–98].

Согласно духовной московского великого князя Ивана III 1503 г. Василию III должны были достаться: «город Торуса з Городцом, и с-Ыскан(ь)ю, и с Мышегою, и с Колодною»³.

В октябре 1505 г. был проведен разъезд земель с. Почепа Троице-Сергиева монастыря с землей «Ражского села», принадлежавшего князю Василию Ивановичу Шемячичу. По выписи с писцовых и межевых книг 1561/62 г., содержащей описание той же границы, что и грамота 1505 г., эта межа являлась границей с Мышегской волостью-уездом⁴. Князь В. Шемячич перешел на службу в Москву весной 1500 г. В 1523 г. он был «пойман» и умер в заточении в 1529 г. [2, с. 138–142]. Его бывшие земли отошли к князю И. Ф. Мстиславскому⁵. Мышега неоднократно в 1530–1550-х гг. давалась в кормление⁶.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159 «Картографические методы в исторических исследованиях: пространственная статистика, картирование границ, локализация археологических памятников» (рук. М. В. Михеев).

² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1980. Т. 35. С. 282.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (ДДГ). М.; Л., 1951. № 89. С. 354.

⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 303/1. Ед. хр. 530. Л. 363–365; Ед. хр. 555. Л. 9об.–12об.

⁵ ПСРЛ. Т. 26. С. 313; Т. 34. С. 15.

⁶ Акты служилых землевладельцев (АСЗ). Т. 4. № 454. С. 335; № 456. С. 336; № 457. С. 337; «Боярская книга» 1556/57 г. // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 89.

В разрядах казанских походов 1549 г. и 1552 г. фигурировала такая служилая корпорация, как «мышакжане» [4, с. 316; 5, с. 227]⁷.

В документах Троице-Сергиева монастыря сохранилась уже упоминавшиеся выше выпись с писцовых и межевых книг, выданная «мышежскими писцами» С. Ф. Нагим и А. М. Дубенским в 1561/62 г. Объектом работы писцов была административная единица, именуемая в выписи то как «Мышежская волость», то как «Мышежский уезд»⁸. Отметим, что Мышегский уезд бытовал параллельно с Тарусским, так как сохранились сведения об описании последнего в 1556/57 и 1571/72 гг., которые, соответственно, производились другими писцами⁹.

В 1574/75 г. на Мышеге несколько раз стоял полк правой руки¹⁰.

Логично задаться вопросом, где же находился город Мышега? Регион его поиска определяется территорией дореформенных Тарусского и соседних уездов. Здесь же известна река Мышега, левый приток реки Оки.

Писцовая книга 1620-х гг. зафиксировала в составе Тарусского уезда Мышецкий стан¹¹. По материалам Генерального межевания на территории Мышегского стана и на р. Мышега известен погост царя Константина «что на Городище» и на противоположном берегу погост Пресвятые Богородицы¹². На военно-топографической карте Калужской губернии 1851 г. (1 верста в дюйме) показано с. Городище на р. Мышеге. Линиями на плане отмечено возвышенное место, напоминающее оборонительное сооружение¹³.

В 1889 г. С. А. Комаров доносил в Археологическую комиссию о наличии городища у с. Городища Тарусского уезда, расположенного на реке Мышега¹⁴.

Осенью 1898 г. окрестности с. Городища были осмотрены В. М. Кашкаровым. Выявленный памятник был соотнесен исследователем с городом Мышега [3, с. 18–20].

Работы В. М. Кашкарова привлекли внимание к памятнику Ю. Г. Гендуне. В 1900 г. исследовательница сняла план городища и шестью небольшими раскопами обследовала склоны и привальную часть памятника. Мощность культурного слоя составила 1–1,8 м. На южном склоне удалось зафиксировать «остатки кузницы» и «костра, имеющего назначение обжигать глиняные сосуды». По многочисленным находкам здесь наконечников стрел, Ю. Г. Гендуне высказала предположение, что «обстреливание городища при нападениях происходило преимущественно с этой стороны»¹⁵. Ю. Г. Гендуне относила Мышегское городище к одному кругу памятников, что и городище «Дуна» и считала их культурные напластования аналогичными (ранний железный век и XII–XIII вв.) [1, с. 2, 6–7, 10, 15–16]. Датировку Ю. Г. Гендуне подтверждали и уточняли фотографии с материалами ее раскопок, содержавшие как материал указанных периодов, так и более поздний (XIV–XVIII вв.)¹⁶. В 1901–1902 гг. исследовательницей было продолжено исследование вала Мышегского городища¹⁷.

После исследований Ю. Г. Гендуне в начале XX столетия археологические работы на территории Мышегского городища и по поиску его посадов не проводились. Это было связано с тем, что в середине XX в. территория городища была отведена под карьерные разработки, которые сильно изменили рельеф

⁷ Русский исторический сборник. М., 1842. Т. 5. С. 28.

⁸ ОР РГБ. Ф. 303/1. Ед. хр. 530. Л. 363–365; Ед. хр. 555. Л. 9об.–12об.

⁹ См.: АСЗ. Т. 3. № 550. С. 477–478.

¹⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 257, 261, 265, 267.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 867. Л. 338–449об.

¹² РГАДА. Ф. 1354. Оп. 161. Ч. 1. Ед. хр. К–63 син.; П–54 син.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3141. Ч. 1. Л. 54.

¹⁴ Рукописный отдел архива Института истории материальной культуры (РО Архива ИИМК РАН). Ф. 1. 1889 г. Ед. хр. 24. Л. 18–18об.

¹⁵ РО Архива ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1900 г. Ед. хр. 28. Л. 7–7об., 9–22об.

¹⁶ Там же. Л. 21, 22.

¹⁷ РО Архива ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1901. Ед. хр. 39. Л. 9–10об.; 1902. Ед. хр. Л. 18–19, 35.

прилегающей к памятнику местности. Как результат даже вопрос о местоположении этого городища оказался дискуссионным.

В 2022 г. было начато исследование территории, на которой некогда находилось укрепленное поселение¹⁸. Как показали археологические изыскания, городище у д. Сахаровка («Мышега», «Мышегское», «городище в с. Городище») полностью или почти полностью уничтожено карьером. От прежнего рельефа сохранился только небольшой участок к югу от современного русла реки, а также северо-западный и западный участки склона левого берега старого русла реки Мышеги. Примерная площадь городища, судя по совмещению архивных карт с современной топографией, составляла около 42 000 кв. м (350 × 100–140 м). Это соотносимо с площадью городищ других центров Верхнеокских княжеств: Козельск — 7,8 га, Карачев — 5,9 га, Новосиль — 2,4 га, Одоев — 1,5 га, Волкона — 1,1 га, Таруса — 1 га [8, с. 371–372].

В юго-восточной части места расположения городища было заложено два шурфа, которые показали наличие перетурбированного культурного слоя. В нем удалось обнаружить лепную керамику мощинской (IV–VII вв.) и роменской (IX–X вв.) культур, круговую керамику XII–XIX вв., крест XVII–XVIII вв.

Кроме того, удалось выявить селище 2 у д. Сахаровка, датированное IX–X вв. (роменская культура) и XIV–XVIII вв. Этот памятник можно интерпретировать как посад Мышегского городища. Анализ архивного картографического материала позволяет соотнести выявленный памятник с с. Пречистое XIX в., на территории которого в XVIII в. располагался погост «Пресвятые Богородицы»¹⁹.

В 2023 г. планируется продолжить работы, так как ряд участков, на которых может находиться посад, все еще остается не исследованным.

В настоящий момент это единственное известное на р. Мышега городище со средневековыми слоями.

Таким образом, история города Мышеги, исходя из синтеза данных письменных источников и археологии, выглядит следующим образом. Площадка городища была заселена в эпохи мощинской и роменской культур. Затем площадка памятника была освоена в древнерусское время. В XII–XV вв. Мышега являлась административным центром округа, позднее — Мышегского удела (княжества). После ипомещения князей Мышецких в Новгороде Мышега стала центром волости Тарусского уезда. В первой половине XVI в. Мышега несколько раз выделялась в пожалование, что, возможно, позволило ей стать центром отдельного уезда со своей корпорацией детей боярских. Однако уже к XVII столетию Мышега потеряла статус города.

Литература и источники

1. Гендуне Ю. Г. Городище Дуна Лихвинского уезда Калужской губернии. СПб., 1903.
2. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
3. Кашкаров В. М. Село Городище Тарусского уезда // Известия Калужской ученой архивной комиссии за 1898 г. Калуга, 1898. Вып. 7–8. С. 18–20.
4. Курбатов О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в. // Единорогъ. М., 2009. Вып. 1. С. 196–227.
5. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. М.; СПб., 2007.
6. Мятлев Н. В. Князья Мышецкие // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып. 4. С. 93–107.
7. Сметанина С. И. Докладная полная XV века // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 332–336.
8. Шеков А. В. Политическая история и география Верховских княжеств: середина XIII — середина XVI в. М., 2018.

¹⁸ Работы велись по открытому листу Е. О. Володина, ему и Г. А. Шебанину выражаем благодарность за организацию и проведение работ.

¹⁹ Архив Института археологии РАН. Р-1. Ед. хр. б/н. Володин Е. О. Отчёт о проведённых археологических разведках на территории Алексинского района Тульской области в 2022 г. Выражаем благодарность Е. О. Володину за возможность использовать текст отчета.

Andrew V. Deduk

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS (Russia,
Ekaterinburg)

E-mail: deduk@list.ru

**FROM THE CAPITAL OF THE APPANAGE (PRINCIPALITY) TO THE PARISH CENTER:
THE FATE OF THE CITY OF MYSHEGA**

The report addresses the complex of problems related to the history of the city of Myshega. In the 15th century it was the center of the appanage of the princes Myshetsky. Later, Myshega became the center of a district or a volost of the Russian state. By the 1620s there are several temples left on the territory of the city belonging to the Myshegsky camp of the Tarusa district. In addition, the report considers the problem of the city's correlation with famous archaeological sites.

Keywords: Myshega, princes Myshetsky, Tarusa principality, Myshegsky district, Myshegsky volost

Егоров Андрей Владимирович

н.с., Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области
(г. Киров)

E-mail: general882007@yandex.ru

**МОНАСТЫРЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ Г. СЛОБОДСКОГО XVII —
НАЧАЛА XX вв.: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ
СЛОБОДСКОГО ХРИСТОРОЖДЕСТВЕННОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ**

УДК 904(470.342)''16/19''

Доклад посвящен археологическим работам на территории Христорождественского женского монастыря г. Слободского, этапам формирования его территории, особенностям материальной культуры и месте в исторической топографии города.

Ключевые слова: монастырская археология, г. Слободской, Христорождественский монастырь, усадебная застройка, историческая топография

Монастырские комплексы эпохи раннего Нового времени сочетают в себе функции не только духовных центров, центров культуры и образования, но и крупных экономических и ремесленных центров на территориях городов и имеют существенную археологическую ценность. Археологические исследования монастырей активно ведутся по всей территории России. Не является исключением и Кировская область, где в 2015, 2017 и 2019 гг. были проведены исследования на исторической территории Слободского Христорождественского монастыря, расположенного в г. Слободском.

Слободской Христорождественский женский монастырь был основан в 1671/1672 гг. [5, с. 23]. В истории развития монастыря и его территории специалисты выделяют три этапа. Первый этап — период с момента основания обители и до ее упразднения и перевода в г. Уфу в 1764 г., а затем возвращения в г. Слободской в 1775 г. В этот период территория монастыря представляла прямоугольный участок размерами около 7 616 кв. м, огороженный с трех сторон деревянным забором. Здесь располагались здания Спасской церкви (1740 г.) и отдельно стоящей каменной колокольни, соединенные каменной стеной, а также ряд других построек [1, с. 7–8]. Второй этап формирования территории обители связан с возвращением монастыря из Уфы в Слободской в 1775 г. и необходимостью расширения его территории за счет выкупа земельных участков у горожан. Выкуп проходил тяжело, и лишь с 1830-х гг. монастырь стал постепенно приобретать ближайшие к нему участки и строить новые объекты внутри монастырской ограды. Монастырь в этот период занимал городской квартал, ограниченный ул. Вятской, Никольской, Христорождественской и Шестаковской, причем в западной части этого квартала изначально располагались городские усадьбы, выкупленные монастырем. В юго-восточной части квартала были построены корпус для настоятельниц и сестер и корпус для священнослужителей. В 1827 г. у восточной стены монастыря было начато возведение каменной Христорождественской церкви. В тот же период строятся каменная ограда, северо-восточная угловая Иверская часовня, южные и восточные — Святые — ворота. Третий период развития территории монастыря — конец XIX — начало XX в., — когда обитель окончательно заняла отведенный монастырю городской квартал. Новая застройка велась по периметру квартала и включала в себя Христорождественскую церковь, новый настоятельский корпус, угловую Иверскую часовню, свечной завод, больничный корпус, каменную монастырскую стену. В 1982 г. началось возведение надвратной колокольни у южных ворот [1, с. 14–20]. Л. Б. Безверхова справедливо отмечала, что монастырь «от своего основания на заре XVII в. прошел сложный путь, то возвышаясь и расцветая, то стора в безжалостных вихрях истории» [1, с. 29]. После событий 1917 г. монастырь перестал действовать, а Спасская церковь на его территории начала разрушаться. Сегодня территория монастыря частично входит в жилую застройку, частично занята возрожденным монастырем. Все эти особенности исторической топографии монастыря были уточнены в ходе археологических работ на его территории.

В 2015 г. под руководством Р. В. Матвеева в районе предполагаемого размещения разрушенной в 1930-х гг. Спасской церкви в восточной части монастыря была проведена археологическая разведка. В ходе выборки двух шурфов размерами 2 × 2 м обнаружен культурный слой, содержащий большое количество гончарной керамики XVII–XX вв. Кроме того, в шурфе № 2 исследовано пятно слоя камня-известняка, перемешанного с битым кирпичом и известковым раствором. Это пятно имело четкие границы и было соотнесено с остатками сильно разрушенного фундамента Спасской церкви. В восточной части шурфа выявлен участок разрушенной кирпичной кладки (которая была прослежена и в шурфе № 1), определенной в качестве основания стены, отделяющей собственно монастырскую территорию от части монастыря, доступной для мирян. Под этим основанием обнаружены следы первоначальной деревянной бревенчатой стенки, существовавшей до кирпичной и выполнявшей те же функции. Остатки обеих стен упирались в линию слоя камня-известняка, перемешанного с битым кирпичом и известковым раствором, и далее не продолжались. По картографическим материалам 1874 г. эта стена начиналась от алтарной части Спасской церкви и продолжалась до одного из расположенных вблизи монастырских зданий, что и позволило сделать вывод о том, что в шурфе № 2 прослежена часть северо-восточной границы алтаря Спасской церкви. Сам фундамент церкви, сильно пострадавший в ходе сноса здания, состоял из известнякового камня, уложенного в специально выкопанные траншеи, на который опирались кирпичные стены [4, с. 181–184].

В 2017 г. в юго-западной части исторической территории монастыря проведена археологическая разведка под руководством А. И. Фахретдинова. Восточнее дома № 96 по ул. Никольской (изначальная территория городской усадебной застройки, позже выкупленная женским монастырем при его расширении в 1830-х гг.), в заложенном шурфе и в качестве подъемного материала было найдено большое количество фрагментов глиняной посуды XVII–XIX вв. и костей животных [2, с. 84]. В 2019 г. на этом участке проведены раскопки под руководством А. В. Егорова. В раскопе площадью 24 кв. м выявлен ряд хозяйственных сооружений, которые могли быть связаны как с монастырем, так и с более ранней городской усадебной застройкой. Интересно сооружение № 1, которое, учитывая многочисленные находки в его заполнении обожженных костей животных (которые могли использоваться для получения фосфора), шлака, кусков металла и следов прокала, могло использоваться в кустарном металлургическом производстве. Расположенное рядом сооружение № 4, представляющее собой колодец, могло служить источником воды в кузнечном деле, а сооружение № 2, определенное в качестве хозяйственной постройки XVII–XVIII вв., могло использоваться при кузнице для хранения готовых изделий или сырья (учитывая наличие в нем находок фрагментов изделий из металла). Сооружение № 3 представляло собой хозяйственную или жилую постройку XVIII–XIX вв. [3, с. 42–46].

В ходе работ на территории Христорожественского монастыря собрана коллекция гончарной керамики, которую можно разделить на четыре группы: красноглиняная грубая (XVII–XIX вв.), красноглиняная бытовая без грубых примесей (XVII–XIX вв.), мореная (XVII–XIX вв.) и кирпично-красная (XIX–XX вв.). Среди группы красноглиняной грубой керамики выделены донца архаичной формы «с сапожком». Индивидуальные находки представлены деньгой 1758 г., пищальным ядром, фрагментом подковы, железным ножом, фрагментом бутылки «Рижского бальзама», игральными фишками, изразцом с синей поливой, фрагментами слюдяных оконцев. Все находки укладываются в хронологический период XVII–XX вв. и отражают материальную культуру и быт как монастыря, так и ранней усадебной застройки в юго-западной части исторической территории обитатели [3, с. 56–58].

По итогу проведенных работ можно отметить, что монастырь занимал ключевое положение в исторической топографии уездного города, являясь архитектурной доминантой, центром духовной и культурной жизни и, возможно, ремесленно-экономическим центром. Работы на территории монастыря позволили не только выявить особенности его материальной культуры, но и исследовать методами археологии ряд монастырских построек, проследить расширение его территории за счет городской застройки и получить новую информацию о жизни г. Слободского эпохи раннего Нового времени.

Литература и источники

1. Безверхова Л. Б. Архитектурно-планировочное развитие Слободского Христорождественского женского монастыря с XVII до начала XX в. // Слободской Христорождественский женский монастырь: сборник очерков. Киров, 2012. С. 7–30.
2. Владимиров Н. В., Егоров А. В. Изучение культурного слоя XVII–XIX вв. г. Слободского в ходе археологических работ 2009–2017 гг. // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 1 (13). С. 79–88.
3. Егоров А. В. Научный отчет по итогам проведения археологических раскопок на территории выявленных объектов археологического наследия «Участок культурного слоя восточной части г. Слободского XVII–XIX вв.» и «Участок культурного слоя Слободского Христорождественского монастыря XVII–XIX вв.» в зоне строительства распределительного газопровода в г. Слободском в 2019 г. // Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2022.
4. Кряжевских А. Л. Археологические исследования на территории Слободского Христорождественского монастыря в г. Слободском Кировской области в 2015 г. // Обретение святых — 2017. Киров, 2018. С. 181–184.
5. Кустова Е. В. Женская обитель на переломе эпох: из истории Слободского Спасского девичьего монастыря (1671/72–1764 гг.) // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 1. С. 21–31.

Andrey V. Egorov

Scientific and Production Center for the Protection of Cultural Heritage Objects of the Kirov Region
(Russia, Kirov)

E-mail: general882007@yandex.ru

**THE MONASTERY IN THE HISTORICAL TOPOGRAPHY OF SLOBODSKY
17 — THE BEGINNING OF 20th CENTURIES: ARCHAEOLOGICAL RESEARCH
ON THE TERRITORY OF THE CHRIST-BORN MONASTERY OF SLOBODSKY**

The report is devoted to archaeological work on the territory of the Christ-Born Monastery of Slobodsky, the peculiarities of the formation of its territory, material culture and place in the historical topography of the city.

Keywords: monastic archeology, Slobodskoy, Christ-Born Monastery, manor buildings, historical topography

Кайсин Алексей Олегович

с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: akai_slob@mail.ru

Глазырина Маргарита Кирилловна

н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: ita_glazyrina1999@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДА КИРОВА
(ХЛЫНОВА, ВЯТКИ) XVII–XIX вв.¹**

УДК 904(470.342)''16/18''

В докладе поднимается вопрос о необходимости выделения исторического культурного слоя г. Кирова (Хлынова, Вятки) XVII–XIX вв. как памятника археологии. Кроме того, предлагается вариант границ памятника по данным археологических, исторических и картографических источников.

Ключевые слова: г. Киров (Хлынов, Вятка), культурный слой, памятник археологии, границы культурного слоя, историческая часть города

В современной российской повседневности мы все чаще сталкиваемся с понятием «гражданское общество». В процессе построения реально функционирующего гражданского общества одним из приоритетных направлений является воспитание гражданской ответственности составляющих его индивидов. Представляется, что неотъемлемой составляющей такого воспитания должно стать формирование в массовом сознании бережного отношения к объектам историко-культурного наследия народов России. Осознанию гражданского единства может способствовать трансляция знаний об общности исторических судеб народов, проживающих на территории России. К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время сохранность археологических объектов в ряде случаев вызывает серьезные опасения в силу разрушения культурного слоя под воздействием природных факторов (выветривание, вымывание половодьем и т. п.), при ведении хозяйственных работ (строительство, распашка), в результате разграбления «черными копателями». В связи с этим эффективность взаимодействия государственных структур, представителей научного сообщества и рядовых граждан в рамках деятельности по сохранению памятников истории и археологии вполне может служить одним из реальных индикаторов уровня развития гражданского общества, как регионального, так и российского в целом.

Город Хлынов в начальный период своего существования занимал только небольшую часть современной территории г. Кирова, ограниченную с юга Засорным оврагом, с севера — Раздерихинским оврагом, с востока — крутым берегом реки Вятки; на западе лежало болото. Образуя замкнутый многоугольник, вплотную друг к другу были поставлены срубы, заменявшие городскую стену. На месте первоначального поселения, на крутом западном берегу реки Вятки, образовался хорошо укрепленный административный, церковный и общественный центр города — кремль. Археологическое изучение этой территории началось в 1935 г. и было связано с именем М. П. Грязнова. Следующие исследования были проведены лишь в 1956–1958 гг., когда Л. П. Гуссаковский заложил на территории кремля два раскопа и шесть шурфов. Далее в исследовании Хлыновского кремля наступил длительный перерыв, который закончился в 1981 г. В тот год Л. Д. Макаров заложил разведочные шурфы, а в 1983 г. проследил разрез кремлевского вала и слоя Хлыновского городища на протяжении 207 м (по ул. Московской). Также в 1983 г. под руководством Л. Д. Макарова к югу от бывшего городского Дворца пионеров (некогда архиерейских палат) был заложен раскоп. Хронология залегания культурных напластований у исследователей сильно отличалась, и качественную информацию об этом можно получить лишь после

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159 «Картографические методы в исторических исследованиях: пространственная статистика, картирование границ, локализация археологических памятников» (рук. М. В. Михеев).

оцифровки и последующего сравнения стратиграфии раскопов и выявленных в них археологических объектов. В 2012 г. А. Л. Кряжевских заложил раскоп на склоне кремля (по ул. Спасской, 9). В 2013 г. во дворе домов были проведены археологические раскопки под руководством С. Е. Перевощикова. В 2015 г. под руководством Р. В. Матвеева был заложен раскоп в юго-восточной части Хлыновского кремля на краю склона, который спускается к оврагу Засора. Склон постоянно осыпается и размывается талыми водами, в связи с чем здесь были произведены спасательные работы [2, с. 82–92].

Известно, что городской торг был вынесен за пределы укреплений кремля, здесь, рядом со рвом, окружающим кремль, возник и стал развиваться торговый и общественный центр. Улицы вели от торгового острога, продолжаясь за ними как дороги в города и селения Вятской земли. В начале второй половины XVII в. посад получил новые границы, расширившись к западу до современной Театральной площади. Система укреплений города представляла собой распространенный тип подковообразных укреплений массовых переселений, отличаясь от них тем, что была усилена устройством земляных валов и имела сторону, хорошо защищенную естественным рельефом — крутыми берегами реки Вятки и Засорного оврага.

В 1580 г. на южном берегу Засорного оврага, где было одно из городских кладбищ и стояли две деревянные церковки, монах Трифон построил Благовещенскую церковь и положил начало новому Успенскому мужскому монастырю. Здесь активно застраивалась территория, замкнутая острогом, Заградная монастырская слободка. Территория бывшей слободки активно осваивалась и в XXI в., с 2004 г., активно археологически изучалась.

Археологическое изучение территории посада началось в 1935 г. и происходит до настоящего времени, затрагивая систему посадских укреплений, разделяющих посадскую часть и Владимирскую слободку, овраг Малая Засора, а также территории, прилегавшие к Преображенскому женскому монастырю и приходские кладбища Покровской и Вознесенской церквей. В 1990–2010-х гг. регулярные исследования культурного слоя посада предпринимались Е. А. Кошелевой, Н. А. Ханом, Т. А. Медведевой, А. Л. Кряжевских. В 1992 г. были проведены охранные работы в Александровском саду между мостом через Раздерихинский овраг и береговой ротондой, в ходе которых выявлены слои посада XV–XVIII вв.

С 2000 г. Е. А. Кошелева приступила к охранным археологическим исследованиям посадских укреплений. Раскопки 2002, 2003, 2005 и 2006 гг. производились также в районе прохождения посадских укреплений. При этом была исследована территория, прилегающая к Ильинской и Никитской проезжим башням.

На сегодня наиболее детально изучены только территории вдоль высохшей реки Засоры, территории по линии земляных укреплений Большого города (посада) и внутри Малого города (кремля). Археологические работы в городе в 2000–2010-е гг. связаны с новой застройкой города.

Всего в исторической части г. Кирова было проведено 70 археологических работ разного типа. Общая площадь раскопов (20 раскопов) с 1935 по 2022 г. превысила 4 500 кв. м. Практически все они содержат следы городской застройки, связанные с историческими частями города. Попытка картирования объектов и привязка вскрытых площадей к разновременным планам была проведена впервые. Это связано с тем, что археологи, проводившие те или иные работы, редко обращались к предыдущим исследованиям, фиксируя материалы только своих работ, которые, что характерно, в основном остались неопубликованными. В дальнейшем планируется провести анализ расположения отдельных археологических объектов относительно друг друга и их сочетания на разных хронологических этапах на всей территории города Кирова [3, с. 76–91].

В целом сохранность культурного слоя на обследованных памятниках следует охарактеризовать как фрагментарную. Непотревоженными остаются лишь отложения, залегающие на глубине, в ямах (хозяйственных, от жилищ). Для их выявления требуются предварительное согласование с хозяйствующими собственниками и большой объем земляных работ.

Для решения проблемы обеспечения сохранности объектов археологического наследия необходимы практические мероприятия. Наряду с комплексным обследованием всех известных памятников с фиксацией текущего состояния современными техническими средствами (что требует целевого

финансирования), значительным достижением могло бы стать официальное оформление в качестве объекта археологического наследия исторического культурного слоя г. Кирова.

Успешным примером практической реализации комплексного подхода к сохранению археологического достояния являются выделение границ исторических культурных слоев городов и закрепление за ними статуса объектов культурного наследия. Так, культурный слой Нижнего Новгорода находится на государственной охране как памятник археологии [5]. В Казани на государственную охрану как достопримечательные места поставлены «Культурный слой исторического центра города Казани XI–XVIII веков», «Культурный слой слобод Заречья города Казани XV–XVIII веков», «Культурный слой Кизической слободы XVII–XVIII веков», «Культурный слой Ново-Татарской слободы города Казани XVII–XVIII веков» [6; 7]. Попытки поставить на охрану городской культурный слой были предприняты в Саранске [4, с. 148–155]. Обобщением накопленного опыта и выделением особых охранных зон занимается также группа специалистов в г. Екатеринбурге [1, с. 92–109].

15 марта 2022 г. Федеральной службой по интеллектуальной собственности было выдано Свидетельство о регистрации «Геоинформационной базы археологических исследований г. Кирова». В базе отражена территория города Кирова в его современном виде — в этих границах новый геоинформационный ресурс предоставляет данные о 194 археологических работах, осуществленных с 1935 по 2021 гг. под руководством 23 археологов. Кроме того, в базу добавлены планы городов XVIII–XIX вв. [8]. Предлагаемая база является первой попыткой осмысления археологического изучения Кирова и важна для разработки и реализации проекта городской охранно-археологической зоны.

На основании изучения планов города и культурного слоя, обнаруженного в ходе археологических работ, считаем, что граница охраняемого культурного слоя г. Кирова (Хлынова, Вятки) XVII–XIX вв. может быть проведена следующим образом: на севере — по ул. Профсоюзной до Октябрьского проспекта, на западе — от перекрестка ул. Профсоюзной и Октябрьского проспекта до перекрестка с ул. Блюхера, на юге — по течению р. Хлыновки по ул. Блюхера и ул. Хлыновской, на востоке — по течению р. Вятки от впадения в нее р. Хлыновки до ул. Профсоюзной.

Юридическая фиксация исторического культурного слоя г. Кирова (Хлынова, Вятки) XVII–XIX вв. как объекта археологического наследия, по нашему мнению, могла бы способствовать активизации охранных археологических работ на территории исторической части города. В таком случае строительные организации были бы вынуждены более ответственно относиться к требованиям, установленным федеральным законодательством в части необходимости проведения историко-культурной экспертизы на месте будущего строительства. Полученные в ходе археологических изысканий сведения о характере и мощности культурного слоя, о распространении и датировке древнейших отложений на территории исторической части г. Кирова позволили бы составить комплексное представление об истории города в XVII–XVIII вв.

Литература и источники

1. Булакова Е. А., Трофимова Е. А. Культурный слой г. Екатеринбурга XVIII — начала XX в. по данным археологии: проблемы и перспективы изучения // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 3. С. 92–109.
2. Кайсин А. О., Борисова А. М., Глазырина М. К. Хлыновский кремль в XVI–XVIII вв. по археологическим данным // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 82–92.
3. Кайсин А. О., Глазырина М. К., Борисова А. М. Посад города Хлынова в XVI–XVIII вв. (по археологическим данным) // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 3. С. 76–91.
4. Кемаев Е. Н., Видяйкин С. В. К вопросу о границах исторического культурного слоя города Саранска XVII–XVIII вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 2 (50). С. 148–155.
5. Перечень объектов культурного наследия Нижегородской области, имеющих регистрационный номер в едином государственном реестре объектов культурного наследия народов Российской Федерации //

Правительство Нижегородской области. URL: <https://government-nnov.ru/?id=175429> (дата обращения: 13.06.2023).

6. Перечень объектов культурного наследия Республики Татарстан // Комитет Республики Татарстан по охране объектов культурного наследия. URL: http://okn.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1616803.xlsx (дата обращения: 13.06.2023).

7. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 79 «Об отнесении к объектам культурного наследия регионального (республиканского) значения в виде достопримечательного места культурного слоя города Казани» от 15 февраля 2010 г. URL: <http://base.garant.ru/8159842/> (дата обращения: 13.06.2023).

8. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022620518 Российская Федерация. Геобазы археологических изысканий г. Кирова: № 2022620254: заявл. 18.02.2022; опубл. 15.03.2022 / А. М. Борисова, М. К. Глазырина, А. О. Кайсин [и др.]; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет».

Aleksey O. Kaisin

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: akai_slob@mail.ru

Margarita K. Glazyrina

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ita_glazyrina1999@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE BOUNDARIES OF THE CULTURAL LAYER OF THE CITY OF KIROV (KHLYNNOVA, VYATKA) 17–19th CENTURIES

The paper raises the question of the need to highlight the historical cultural layer of Kirov (Khlynov, Vyatka) of the 17–19th centuries as a monument of archaeology. In addition, a variant of the boundaries of the monument is proposed according to archaeological, historical and cartographic sources.

Keywords: Kirov (Khlynov, Vyatka), cultural layer, archaeological monument, boundaries of the cultural layer, historical part of the city

Кисагулов Антон Владимирович

м.н.с., Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: akis9119@gmail.com

Косинцев Павел Андреевич

к.б.н., с.н.с., Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: кра@ipae.uran.ru

**АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА**

УДК 904(470.5)''18/19''

В докладе представлены результаты определения остеологического материала из раскопок территории, отводимой под приспособление объекта культурного наследия под здание торгового назначения с подземным паркингом и реконструкцией зеленой зоны по адресу: г. Екатеринбург, ул. Вайнера, 9 — пер. Театральный, 6 — пер. Банковский, 2. На основе анализа делаются выводы о типе хозяйства и диете населения города в XIX — начале XX в.

Ключевые слова: г. Екатеринбург, Новое время, археозоология, остеологическая коллекция

Последние годы в отечественной археологии отмечен бурный рост объема производимых работ в сфере городской археологии Нового времени. Изучению костных остатков животных из слоев Екатеринбурга, а также других городов и поселений Урала и Западной Сибири посвящен ряд археозоологических работ [3; 4; 5]. Основное внимание в предыдущих работах уделено анализу и обсуждению видового состава, возраста забоя и соотношению элементов скелета домашнего скота, а также реконструкции состава стада [1; 2]. В последнее время появляются работы, посвященные анализу патологий скелета скота и модификационных изменений костей [6; 7]. Целью доклада являются введение в научный оборот археозоологических материалов и интерпретация некоторых аспектов повседневной жизни Екатеринбурга XIX в.

В работе рассматривается остеологическая коллекция, полученная в результате археологических раскопок в квартале улиц Вайнера, 9 — пер. Театральный, 6 — пер. Банковский, 2 в г. Екатеринбурге (XIX–XX вв.). Общее количество костных остатков составило 20 688 экз. Из них 99% принадлежат млекопитающим, 1% — птицам и менее 1% — рыбам. Судя по характеру раздробленности, костный материал из этого памятника представляет собой «кухонные остатки», а также, вероятно, место сброса прочего мусора, в том числе и трупов павших животных.

Млекопитающим принадлежит 20 488 остатков, из которых определяемыми являются 19 443 экз. Описание и анализ материала приводится по площадным единицам (сектора/линии) (рис. 1, табл. 1). Определение костей млекопитающих произведено до вида. Те остатки, видовая диагностика которых невозможна, были отнесены в категорию млекопитающие ближе неопределимые. Приведено также количество костей птиц и рыб.

При анализе соотношения отделов скелета кости делились нами на следующие группы: голова (черепа, нижняя челюсть и изолированные зубы); рога; туловище (позвонки, ребра, грудина, лопатка, таз); проксимальный отдел конечностей (плечевая, лучевая, бедренная, большая берцовая); дистальный отдел конечностей (плюсна, пясть, мелкие кости запястья и заплюсны, фаланги).

Распределение костных остатков по площади раскопа неравномерное. Наибольшее количество остатков приходится на линию 2: сектора 4–5, линию 3: сектора 2–4 (табл. 2). В каждой из этих площадных единиц найдено более 1 000 остатков.

Во всех площадных единицах преобладают костные остатки крупного рогатого скота (КРС), которые составляют 80–95% от числа определяемых костей млекопитающих (табл. 2). На втором месте кости мелкого рогатого скота (МРС) (1–18%), на третьем — свиней (1–8%) (табл. 2). Необычным является

довольно большое количество костей лошадей (табл. 1). В материалах из раскопок на других улицах г. Екатеринбурга, а также из г. Верхотурье, присутствуют единичные остатки лошади, которые составляют доли процента. В данных материалах кости лошади составляют от 1 до 9 % (табл. 2). Найдены единичные остатки кошки и собаки, а также диких видов животных. Определены две кости человека.

Описание материала

Человек

Найдены целая ключица и фрагмент ребра человека.

Домашние животные

Крупный рогатый скот. Кости КРС преобладают во всех площадных единицах раскопа. Такое соотношение аналогично соотношению видов из раскопок на других улицах Екатеринбурга и в целом из раскопок других русских городов.

Среди костей представлены все элементы скелета. Кости сильно раздроблены (табл. 3). Целыми являются отдельные позвонки, кости заплюсны и запястья, фаланги. Практически все позвонки разрубались вдоль на две равные части. Никаких особенностей разрубания трубчатых костей не отмечено, их дробили в различных направлениях. На трех первых фалангах имеются искусственные отверстия в центре верхнего эпифиза, на одной фаланге имеются следы шлифовки.

Преобладают кости туловища (ребра, позвонки, грудина) — 48 % (табл. 4). Кости черепа и нижней челюсти составляют довольно значительную долю (8 %) от числа остатков крупного рогатого скота (табл. 4). Такой характер соотношения отделов скелета свидетельствует о практически полном использовании туши животного. Состав, характер раздробленности и соотношение отделов скелета КРС в описываемых материалах совпадает с таковыми из материалов на других улицах г. Екатеринбурга и г. Верхотурья.

Возраст забитых животных определялся по состоянию зубной системы и степени прирастания эпифизов [8]. Большая часть нижних и верхних челюстей КРС (86 %), содержащих зубы, принадлежала особям в возрасте старше двух лет (табл. 5). Равные доли (6 % и 7 %) составляют челюсти от особей в возрасте от полугода–года и 1–2 года. Одна нижняя челюсть происходит от особи, не достигшей возраста 6 месяцев. Среди остатков посткраниального скелета кости от молодых особей (моложе 5 лет) составляют всего 5%. Это свидетельствует о преимущественно молочном направлении содержания КРС. Найдено две плечевые и одна бедренная кости от новорожденных особей.

Размеры костей КРС свидетельствуют о средних размерах животных (высота в холке 110–115 см). Отмечены три фаланги с очень широкими верхними концами, которые могли принадлежать волам.

Мелкий рогатый скот. Среди остатков представлены все элементы скелета (табл. 3). Характер фрагментации и способы разрубания костей сходны с таковыми у КРС. Основу составляют кости проксимальных отделов конечностей (59%), то есть наиболее мясные части туши. Меньшее количество приходится на кости дистального отдела конечностей (7%) и черепа (6%) (табл. 4).

Большая часть челюстей (60%) принадлежит особям в возрасте 2–3 лет. Значительная часть челюстей (33%) происходит от особей возрастом 1–2 года (табл. 5). Только две челюсти принадлежали особям в возрасте до 1 года (табл. 5). Среди трубчатых костей найдены кости от полувзрослых особей, примерно двух лет. Таким образом, МРС забивали преимущественно в возрасте 1–3 лет.

Среди остатков найдены три кости со следами обработки: пястная кость, у которой зашлифован нижний конец; фрагмент рога с зашлифованной поверхностью и большая берцовая кость с искусственным отверстием в нижней части.

Свинья. Представлены кости всех отделов скелета. Никаких особенностей разрубания не отмечено. Соотношение отделов скелета отличается от такового у КРС и МРС. Значительная часть остатков (65%) приходится на кости проксимального отдела конечностей (табл. 4). Кости головы составляют

21 %. Минимальное количество приходится на кости туловища и дистального отдела конечностей (11 % и 4 % соответственно). Следовательно, у свиньи использовали только наиболее мясные части тела. Такое соотношение отделов скелета характерно для остатков свиньи в материалах всех русских городов.

Больше половины челюстей (73 %) происходят от взрослых особей старше 1,5 лет (табл. 5).

Лошадь. Среди остатков лошади найдены преимущественно фрагменты черепов, нижних челюстей и зубов, также фрагменты осевого отдела скелета и поясов конечностей (табл. 3). Судя по всему, черепа и нижние челюсти были захоронены целыми. Единичные трубчатые кости фрагментированы как кости КРС. В одной из лопаток лошади в средней части имеется искусственное отверстие.

Остатки лошади принадлежали в основном взрослым животным. Только три челюсти происходят от молодых особей в возрасте 10–12 месяцев.

Собака. Представлены все элементы скелета. Все кости целые. Большая часть особей взрослые, кости щенков единичны.

Кошка. Найдены целые кости конечностей и позвонки. Кости принадлежали взрослым и молодым животным.

Дикие животные

Заяц-беляк. Найдены целая большая берцовая, бедренная, плечевая и тазовая кости.

Азиатский барсук. Найдена целая нижняя челюсть.

Лось. Фрагмент верхнего конца рога. Срезанная сторона рога зашлифована.

Северный олень. Найдена целая правая фаланга.

В раскопках на других улицах г. Екатеринбургa кости лося и барсука не отмечены.

Заключение

Анализ остеологической коллекции памятника Нового времени в г. Екатеринбурге, расположенного в квартале ул. Вайнера, 9 — пер. Театральный, 6 — пер. Банковский, 2, позволяет сделать следующие выводы. Среди млекопитающих определены остатки домашних и диких животных. Видовой состав и соотношение видов сходно в различных археологических объектах. Основу во всех объектах составляют остатки домашних животных (от 95 % до 98 %). Следовательно, в хозяйственной деятельности жителей города охота на диких млекопитающих, также на дичь и ловля рыбы играли второстепенную роль.

Ведущая роль среди домашних животных принадлежит КРС. Следовательно, в середине XIX в. в рационе питания населения города говядина имела первостепенное значение. Туши КРС использовали полностью. Забивали преимущественно взрослых особей. Вероятно, КРС держали как для получения мяса, так и молока.

Меньшее значение в рационе питания у населения имели баранина и мясо коз. Туши МРС использовали полностью. МРС забивали в основном в возрасте одного–трех лет.

Свинина употреблялась населением города меньше всего. Забивались преимущественно взрослые особи.

Трудно судить о роли лошади в хозяйстве древнего населения. Вероятно, помимо тягловой работы, лошадь использовалась в пищу.

Костные остатки кошки и собаки происходят от павших животных.

Находка кости северного оленя может свидетельствовать об обитании этого вида в окрестностях города в середине XIX в. В настоящее время ареал северного оленя проходит севернее г. Североуральска. Остальные дикие виды млекопитающих, кости которых найдены в описываемых материалах, обитают в окрестностях города Екатеринбургa и в настоящее время.

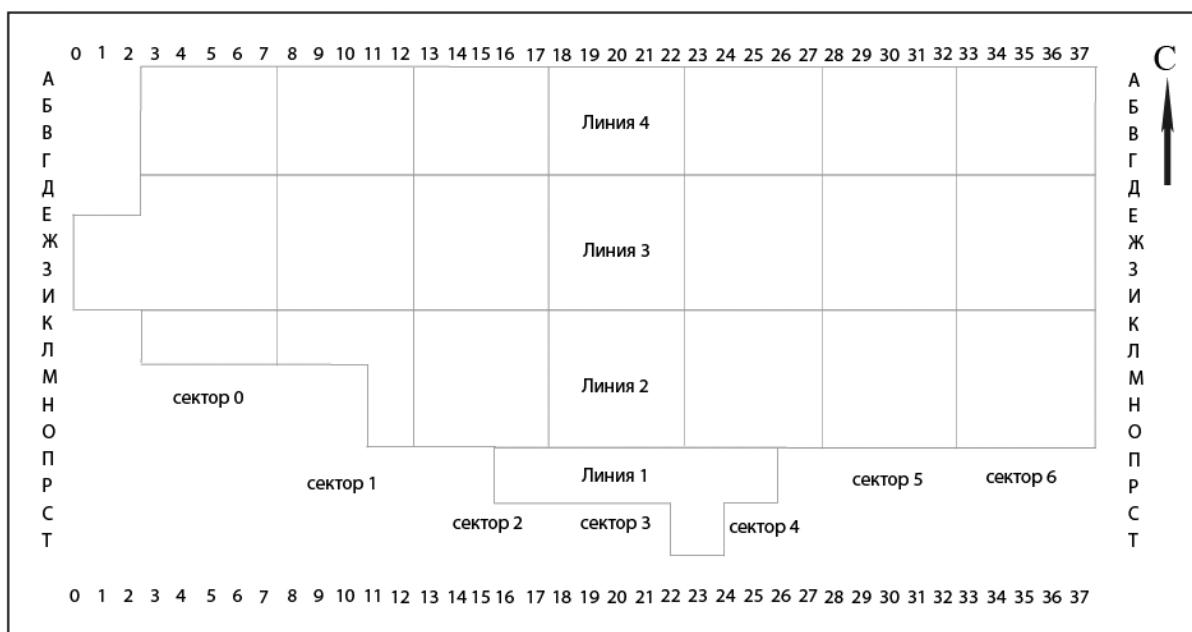

Рис. 1. Схема разбивки раскопа на линии и сектора

Таблица 1

Видовой состав и количество костных остатков животных из раскопок г. Екатеринбурга (2012 г.)

Вид	Линия/сектор																	
	1/1	2/0	2/1	2/2	2/3	2/4	2/5	3/0	3/1	3/2	3/3	3/4	4/0	4/1	4/2	4/3	4/4	4/5
Дикие																		
Заяц	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0
Северный олень	0	0		0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Домашние																		
Собака	0	1	18	4	1	2	9	0	2	20	3	2	0	1	2	3	5	2
Кошка	0	0	2	0	0	0	0	0	1	0	0	2	8	0	1	1	0	0
Лошадь	1	10	10	7	0	7	9	17	4	11	29	19	11	2	50	9	7	15
Свинья	0	23	11	17	9	35	48	11	6	28	50	35	6	12	20	20	20	20
КРС	114	419	408	501	482	943	1526	360	307	876	1201	1132	343	136	436	320	578	446
МРС	5	28	61	54	66	84	84	27	24	69	137	90	10	11	35	32	55	22
Млекоп. неопред.	17	5	52	37	18	54	91	24	9	44	53	66	12	4	17	1	55	5
Птица	0	4	12	4	8	2	9	1	0	7	17	8	2	1	6	0	4	0
Рыба	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	3	0	0

Таблица 2

Соотношение остатков млекопитающих в различных площадных единицах раскопок г. Екатеринбурга (2012 г.)

Вид	Линия/сектор																	
	1/1	2/0	2/1	2/2	2/3	2/4	2/5	3/0	3/1	3/2	3/3	3/4	4/0	4/1	4/2	4/3	4/4	4/5
КРС	95	87	80	86	86	88	91	87	89	87	85	88	91	84	80	83	87	88
МРС	4	6	12	9	12	8	5	7	7	7	9	7	3	7	6	8	8	4
Лошадь	1	2	2	1	0	1	1	4	1	1	2	1	3	1	9	2	1	3
Свинья	0	5	2	3	2	3	3	3	2	3	3	3	2	7	4	5	3	4
Собака	0	0,2	4	1	0,2	0,2	1	0	1	2	0,2	0,2	0	1	0,4	1	1	0,4
Кошка	0	0	0	0	0	0	0	0	0,3	0	0	0,2	2	0	0,2	0,3	0	0
Кол-во остатков	120	481	511	583	558	1071	1677	415	344	1004	1445	1280	379	162	544	385	665	505

Таблица 3

**Состав и количество элементов скелета КРС, МРС, свиньи и лошади из раскопок
г. Екатеринбурга (2012 г.)**

Элемент скелета	КРС		МРС		Свинья		Лошадь	
	Целые	Фрагменты	Целые	Фрагменты	Целые	Фрагменты	Целые	Фрагменты
Рог	54	18	4	6	—	—	—	—
Череп	0	521	0	24	0	43	0	14
Нижняя челюсть	2	558	4	44	0	65	2	47
Зубы	170	16	6	1	8	1	18	2
Подъязычная	5	63	0	0				
Позвонки	289	3 056	140	125	13	7	15	10
Грудина	0	12	0	0	0	0	0	0
Ребра	0	4 805	1	130	0	39	0	64
Лопатка	0	704	1	141	0	35	1	29
Таз	1	921	2	153	0	59	0	2
Плечевая кость	8	590	11	110	2	61	0	2
Локтевая кость	0	205	0	28	1	28	0	2
Лучевая кость	43	426	18	90	7	26	1	5
Бедренная кость	11	773	25	86	6	54	0	7
Большая берцовая кость	28	779	4	164	6	69	1	12
Малая берцовая кость	—	—	—	—	0	4	—	—
Коленная чашечка	26	5	1	0	0	0	0	0
Пясть	264	326	6	13	—	—	3	1
Плюсна	235	399	13	17	—	—	5	0
Метаподии	0	86	0	2	4	2	1	4
Пяточная	168	93	12	4	4	1	4	1
Таранная	153	102	21	0	4	2	1	0
Запястье, предплюсна	159	23	0	0	1	0	1	0
Фаланга 1	339	48	4	0	3	0	12	0
Фаланга 2	340	4	0	0	0	0	7	0
Фаланга 3	181	10	0	0	0	0	5	0
Сесамовидные	2	0	0	0	0	0	0	0

Таблица 4

Соотношение отделов скелета КРС, МРС, свиньи и лошади из раскопок г. Екатеринбурга (2012 г.)

Отдел скелета	КРС		МРС		Свинья		Лошадь	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Рога	72	0,4	10	1	—	—	—	—
Голова	1 335	8	79	6	117	21	83	30
Туловище	8 162	48	396	28	59	11	89	32
Проксимальный отдел конечностей	4 520	27	834	59	358	65	62	22
Нижние части ног	2 932	17	92	7	21	4	45	16
Итого	17 044	100	1 411	100	555	100	279	100

Таблица 5

Возрастной состав домашних копытных в раскопках г. Екатеринбурга (2012 г.)

Состояние зубной системы	КРС		МРС		Свинья	
	Возраст, мес.	Экз.	Возраст, мес.	Экз.	Возраст, мес.	Экз.
m1 нет	до 6	1	до 3–5	0	до 6	2
m1 есть, m2 нет	6–15	25	3–9	2	6–12	3
m2 есть, m3 нет	15–24	21	9–18	10	12–18	10
m3 есть	Старше 24	305	Старше 18	18	Старше 18	41

Литература и источники

1. Бачура О. П., Лобанова Т. В., Бобковская Н. Е. Животноводство русского населения в городах на севере Урала и Сибири в XVII–XIX веках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сборник научных статей. Омск, 2011. С. 271–275.
2. Бачура О. П., Лобанова Т. В. Кости животных из кухонных отходов русского населения Екатеринбурга в XVIII–XX веках // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей. Омск, 2017. С. 363–368.
3. Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2013.
4. Косинцев П. А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург; Салехард, 2005.
5. Пластеева Н. А., Девяшин М. М., Романов А. А. Результаты изучения костных остатков млекопитающих городища Уфа-II // Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа, 2022. С. 160–189.
6. Рассадников А. Ю. Археозоологические материалы (XIX век) из раскопок Екатеринбурга // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 75–85.
7. Рассадников А. Ю. Домашний скот в жизни Екатеринбурга в XIX веке по материалам охранных раскопок на улице Декабристов, 69 // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4 (32). С. 131–146.
8. Silver I. A. The Ageing of Domestic Animals // Science in Archaeology: A Survey of Progress and Research. London, 1969. P. 283–302.

Anton V. Kisagulov

Institute of Plant Ecology and Animals of the Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: akis9119@gmail.com

Pavel A. Kosintsev

Candidate of Biological Sciences, Institute of Plant Ecology and Animals of the Ural Branch
of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: kpa@ipae.uran.ru

ARCHAEOZOLOGICAL INVESTIGATIONS OF THE CULTURAL LAYER OF EKATERINBURG

The paper presents the results of the determination of osteological material from excavations of the territory allocated for the adaptation of a cultural heritage site for a commercial building with underground parking and reconstruction of the green zone at the address: Ekaterinburg, Vainer's street, 9 Teatralny lane, 6 Bankovsky lane, 2. Based on the analysis, conclusions are drawn about the type of economy and the diet of the city's population in the 19th century.

Keywords: Ekaterinburg, New time, zooarcheology, osteological collection

Крыласова Наталья Борисовна

д.и.н., г.н.с., Институт гуманитарных исследований УрО РАН — филиал Пермского ФИЦ УрО РАН
(г. Пермь)

E-mail: n.krylasova@mail.ru

**РАЗВИТИЕ «ГОРОДСКИХ» РЕМЕСЕЛ
В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ**

УДК 904(470.5)

В протогородских центрах Пермского Предуралья прослеживается бурное развитие ремесла, ориентированного на рынок, что выражается в распространении продукции массового ремесленного производства и появлении специализированного инструментария. Исследование крупных мастерских, связанных с цветной металлообработкой, свидетельствует о возрастающей специализации ремесленного производства.

Ключевые слова: археология, эпоха Средневековья, Пермское Предуралье, протогорода, городское ремесло

Задолго до основания «столичных» центров Урала в Пермском Предуралье возникли поселения со всеми признаками городов, именуемые в литературе «протогородами». Историческая ситуация сложилась так, что в XIV в. процесс их развития оборвался, и эти населенные пункты так и не успели стать собственно городами.

Одной из важнейших черт протогородов являлась концентрация различных ремесел. Уже с X–XI вв. наметился переход от производства ремесленной продукции на заказ к работе на рынок, что выразилось как в распространении серийной продукции, так и в выделении погребений ремесленников с набором орудий труда, отражавших специфику их профессиональной деятельности [2]. Раньше других на товарную форму ремесла вышли металлургия и металлообработка.

Черная металлургия и кузнечное дело в Пермском Предуралье были распространены повсеместно, их следы фиксируются на поселениях разного типа, хотя, конечно, в протогородах их концентрация значительно выше.

Для Пермского Предуралья характерно широкое распространение цветной металлургии и металлообработки, обусловленное наличием легкодоступного сырья. Уже с VIII–IX вв. в этом направлении наметилась специализация — медь из руды получали в непосредственной близости от месторождений в специализированных поселках металлургов (пример — памятники Березниковского археологического микрорайона [1]), откуда она поставлялась в ремесленные центры на городищах и частично шла на экспорт. В рамках городского ремесла производилось легирование меди для получения разнообразных сплавов (бронз и латуней) [7], отливавшихся в слитки, служившие сырьем для дальнейшей металлообработки и товарной формой металла, поставляемой на экспорт [3].

Благодаря многолетним исследованиям крупнейших городищ Пермского Предуралья (Рождественского, Роданова, Саломатовского) выявлено несколько мастерских, ориентированных на цветную металлообработку.

На Рождественском городище изучено три подобных мастерских. В 2008 г. в юго-западной части площадки на месте оврага, засыпанного в период функционирования городища, исследована мастерская в виде углубленного прямоугольного котлована размерами 6 × 3,7 м, где находилось шесть очагов. Там найдены многочисленные медные шлаки и отходы, скопление тиглей, ложки-ляльки, небольшие зубила, связанные с литейным производством. С кузнечным делом связаны находки криц и многочисленных кузнечных заготовок в виде прямоугольных брусков. Обнаружен фрагмент точильного круга, которые обычно использовались не в домашнем хозяйстве, а в мастерских. Судя по высокой концентрации болгарской керамики типа «Джукетау», которая в целом на городище представлена единичными фрагментами, предположительно, ремесленник, владевший мастерской, мог быть выходцем из Нижнего Прикамья.

В 2011–2012 гг. в юго-восточной части площадки Рождественского городища, также на месте засыпанного оврага, изучена мастерская в виде каркасно-столбовой постройки размерами 6×12 м, площадью 72 кв. м с 12 очагами и горнами, расположенными двумя рядами вдоль оси постройки. Первоначально мастерская была ориентирована на литейное производство: нижние слои были усеяны обломками глиняных тиглей, там собрано множество медных шлаков, а на зачистке у одного из горнов в слое наблюдались зеленые пятна от окислившихся сплесков меди и шлака. Тиглей собрано более 400 фрагментов почти от семи десятков сосудов. Наибольшая их концентрация наблюдалась у горнов и на производственных площадках с очагами. На поверхности многих экземпляров сохранились следы металла, анализ которого показал, что тигли использовались для плавки низкопробного серебра, свинцовых и многокомпонентных латуней, многокомпонентных бронз. В мастерской также найдены фрагменты льячек, глиняной формы-изложницы для отливки слитков, слитки бронзы и свинцовой латуни.

Уже на раннем этапе существования мастерской в ней осуществлялась и кузнечная обработка, со временем это направление стало преобладающим. Свидетельством кузнечного производства являются находки железных шлаков, криц, кузнечных заготовок. С кузнечным производством, очевидно, была связана углежогная яма на склоне оврага.

Вероятно, в мастерской производили готовые изделия целиком, попутно здесь занимались обработкой кожи, дерева и кости, о чем свидетельствуют находки соответствующих инструментов. В целом это была многопрофильная мастерская, в основном ориентированная на производство металлических изделий. Большое количество очажных конструкций и универсальное назначение мастерской позволяют предполагать, что в ней могло работать более десятка ремесленников, специализировавшихся в разных направлениях, что, отчасти, напоминает уже мануфактурное производство. Продукция мастерской шла прежде всего на местный рынок, удовлетворяя спрос населения на украшения, детали костюма, бытовые вещи, хозяйственный инструментарий. Не исключено, что здесь существовало и крупное товарное производство слитков цветных металлов, поставлявшихся за пределы Пермского Предуралья [5].

В 2018–2019, 2021–2022 гг. в северо-восточной части площадки городища изучена медницкая мастерская в виде квадратной постройки площадью 240 кв. м, разделенной перегородкой (в одной части жил мастер с семьей, другая носила производственный характер). Культурный слой мастерской был насыщен медными предметами, у производственных объектов он имел отчетливый зеленый оттенок. Значительную серию составляли капли, сплески металла, обрубленные литники, наиболее массово представлены фрагменты пластин (более 1,5 тыс.) — отходы производства и полуфабрикаты. По этим материалам прослеживаются все основные этапы производственного процесса — от литья заготовок дляковки пластин до выкраивания и сборки готовых изделий. Кроме медной посуды (основной продукции мастерской), здесь производили медную проволоку, украшения и детали костюма. Найдено также значительное количество предметов, связанных с кузнечным производством, имеющих много общего с медницким делом: крицы, кузнечные заготовки, фрагменты стержней и прутков, куски железной проволоки. Из инструментов, связанных как с медницким, так и с кузнечным производством, представлены миниатюрные молоточки, небольшие зубила и бородки. Для финальной обработки металлических изделий и для заточки инструментов бытового и производственного назначения использовались каменные оселки, концентрация которых в мастерской была значительно выше, чем на других участках городища. В большом количестве представлены разновесы, применявшиеся при взвешивании порций металла, необходимых в производственном процессе [4]. Конечно, ассортимент ремесленных инструментов должен был быть значительно шире. Но, как показывают наблюдения, оставляя мастерские, ремесленники тщательно собирали все специализированные инструменты. А на языческом Рождественском могильнике, сопровождавшем городище, в ряде мужских погребений обнаружены ремесленные инструменты [2], в том числе такие, которые могли использоваться в медницком деле: молотки, ножницы по металлу, шабер, фрагмент наковальни и пр. [6].

На Родановом городище в 2017–2018 г. исследована часть литейной мастерской XI в., ориентированной на производство поясной гарнитуры [8]. Здесь обнаружена представительная серия бракованных,

недоделанных и готовых изделий, полуфабрикатов отдельных конструктивных деталей поясной гарнитуры (заготовок для шпеньков). Технологические операции, связанные с литьем поясной гарнитуры, были направлены на получение больших серий изделий. Вместе с тем, в пределах мастерской производились и ювелирные изделия, о чем свидетельствуют находки сырья в виде серебряных слитков, незавершенных изделий, янтаря в форме сырья и бракованных поделок.

В протогородах прослеживается и развитие других видов ремесел, в том числе таких, которые считаются исключительно «городскими» (стеклоделие). На Рождественском и Аношкар городищах выявлены остатки гончарных (булгарских) и косторезных мастерских. О существовании иных видов ремесел (столярного, кожевенного и пр.) пока можно судить лишь по набору ремесленных инструментов. Так, среди специализированных деревообрабатывающих инструментов выделяются такие, которые применялись в бондарном производстве, следовательно, в среде столяров и плотников могла существовать своя внутренняя специализация.

Литература и источники

1. Белавин А. М. Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I — начале II тыс. н.э. // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н. э. — I тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1987. С. 117–130.
2. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2015. № 6 (361). С. 16–27.
3. Крыласова Н. Б. К развитию концепции А. М. Белавина о товарном производстве меди и сплавов на ее основе в средневековом Пермском Предуралье // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*. 2018. Вып. 14. С. 54–69.
4. Крыласова Н. Б. Мастерская булгарского ремесленника-медника на Рождественском городище в Пермском крае // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 3. С. 169–185.
5. Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // *Вестник Пермского научного центра УрО РАН*. 2015. № 4. С. 27–41.
6. Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А. Ювелирные инструменты по материалам Рождественского археологического комплекса эпохи средневековья // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пермь, 2016. С. 173–177.
7. Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А. Легирующие металлы в цветной металлургии Пермского Предуралья: товарная форма и возможные источники поступления // *Российская археология*. 2019. № 3. С. 62–74.
8. Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А., Сарапулов А. Н. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища в 2018 г.) // *Вестник Пермского университета. Сер.: История*. 2019. Вып. 1 (44). С. 56–72.

Natalya B. Krylasova

Doctor of Historical Sciences, Institute of Humanitarian Studies, Ural Branch of the RAS (Russia, Perm)

E-mail: n.krylasova@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF “URBAN” CRAFTS IN THE MEDIEVAL PERMIAN URALS

In the proto-urban centers of the Permian Urals, there is a rapid development of market-oriented crafts, which is expressed in the spread of mass craft production and the appearance of specialized tools. The study of large workshops related to non-ferrous metalworking, indicating the increasing specialization of handicraft production.

Keywords: archaeology, the epoch of the Middle Ages, Permian Urals, proto-cities, urban craft

Курлаев Евгений Анатольевич

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: kurlaev@e1.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРВЫХ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ

УДК 94(470.5)''16/17''

Автор обобщает тридцатилетний опыт изучения первых металлургических заводов Урала XVII–XVIII вв., в том числе обнаруженных в окрестностях Екатеринбурга и в Пермском крае. Анализируются особенности методов археологического исследования с использованием письменных источников. Демонстрируется пример виртуальной исторической реконструкции с созданием анимированной модели завода XVIII в. с помощью 3D-графики

Ключевые слова: историческая реконструкция, промышленная археология, история металлургии Урала

С 1990-х гг. автору удалось поработать с архивными документами, обнаружить и обследовать 28 разрушенных заводских площадок и рудников XVII–XVIII вв. Отмечу наиболее важные открытия за этот период: выявление местонахождения горных работ экспедиции М. Селина, Я. Т. Хитрово (1669–1674 гг.); поиски и раскопки Невьянского рудного железного дела (Ницинского) завода (1630–1680-е гг.), Тумашевского (1669–1675 гг.), Шувакишского (1706–1716 гг.), Мазуевского (1704–1744 гг.), Уктусского (1704–1750 гг.), Толмачевского (1716 г.), других старых заводов.

В окрестностях Екатеринбурга исследовались Уктусский и Шувакишский железоделательные заводы. Известно, что Уктусский завод (1704–1750 гг.) был основан по указу из Тобольска при личном участии главы Сибирского приказа А. А. Винюса неподалеку от места впадения р. Уктус в р. Исеть. Строительство началось 4 декабря 1702 г. и продолжалось до 1706 г. На заводе действовали доменное, железоделательное и медеплавильное производства. В 1750 г. металлургическое производство на Уктусском заводе прекратилось, при плотине устроили золотопромывальную фабрику, которая проработала до середины XIX в. До наших дней сохранились только остатки плотины, остальная часть заводской площадки разрушена. Письменных сведений о ранней истории завода совсем не много, но сохранился чертеж заводской площадки. Археологических работ и разведок не проводилось. Предложения в административные органы об установке памятного знака к 300-летию уральской металлургии и пуску Уктусского завода остались без ответа.

Шувакишский завод (1705–1715 гг.) был основан в 1704 г. Л. Мясниковым. Сохранились краткие исторические сведения о заводе и его описание. На заводе производили кричное железо в сыродутных печах для обработки под вододействующим молотом на рынок и для производства «уклада», который шел на изготовление инструмента на Уктусском заводе. От плотины по обоим берегам сохранились слабовыраженные участки насыпи, выше плотины — следы небольшого заводского пруда. На береговом склоне были обнаружены характерные остатки сыродутного железоделательного производства. Опыт сохранения и музеефикации аналогичных памятников демонстрировали непосредственно на объекте австралийские археологи. Позже силами местных краеведов на месте завода был установлен памятный знак.

На данном этапе исследований сформировалось общее представление о работе на разрушенных объектах исторического периода. Процедура соотнесения документальных данных и вещественных остатков в пространстве и времени с целью их дальнейшего совместного изучения производится в следующей последовательности. Первоначально осуществляется сбор данных по письменным источникам, указывающим на местонахождение и характерные признаки объекта. Для быстроты и точности поиска желательно наличие старых чертежей и планов местности. Район разведки уточняется с помощью современных карт и сравнения исторической топонимики с современной. Находка памятника в оконтуренном районе может производиться по данным микротопонимики, особенностям топографии местности,

расстояниям от известных населенных пунктов, характерным признакам объекта, локальным чертежам и т. д. Хронологическая идентификация памятника осуществляется по данным письменных источников, типичным для эпохи признакам, явно выраженной однослойности объекта, датированным предметам материальной культуры. Из круга однородных памятников выявляются «реперные», имеющие хорошую сохранность остатков и документальное обеспечение. В исследованиях им отдается приоритет для создания эталонных коллекций артефактов.

В изучении промышленных памятников оправдано использование традиционной для археологических исследований процедуры: полевых работ (разведок и раскопок), камерально-кабинетной обработки и обобщения данных. Возможно применение стратиграфического, планиграфического методов, а также одного из наиболее важных для археологии типологического метода. Вместе с тем, в исследовании первых металлургических заводов Урала, в его методике исследования можно отметить существенные отличия, прежде всего связанные с решающей ролью в нем письменных источников.

Разведки, проведенные с использованием данных письменных источников, позволяют устранить спорные точки зрения, выявить местонахождение объектов для дальнейшей работы с их остатками, уточнить окружающую историческую топонимику. С их помощью нередко можно точно установить название объекта, время жизнедеятельности, язык и этническую принадлежность его создателей, что чаще всего невозможно в ситуации с памятниками доисторической эпохи. Поиск памятников при этом проводится не путем сплошного обследования того или иного участка территории или берега реки, а при опоре на данные письменных источников о конкретном объекте.

Идеальными для исследователя остаются так называемые чистые — однослойные памятники. Такой объект обычно существовал относительно короткий промежуток времени, а затем был заброшен. Впоследствии он разрушился естественным образом, но при этом в архивохранилищах сохранилось значительное количество документации о нем (пример — Мазуевский завод). На основании изучения Невьянского рудного железного дела мы сделали вывод, что историко-археологическое исследование памятника позволяет решить различные спорные вопросы и пополнить сведения о его планировке, архитектуре, этапах перестройки; технологии производства и техническом оснащении предприятия. В процессе раскопок обнаруживаются образцы изделий, полуфабрикаты, отходы производства, которые можно изучать методами естественных наук, составления типологических рядов предметов и музейных коллекций.

Особо необходимо отметить тот факт, что некоторые ключевые методы, применяемые в доисторической археологии, в исследовании первых металлургических заводов Урала перестают работать. Это заметно при обработке и интерпретации материала. Например, здесь отсутствует основной рабочий материал доисторических эпох — орнаментированная керамика.

Накопив определенный опыт, мы пришли к необходимости углубленного исследования и виртуальной исторической реконструкции одного из уникальных памятников промышленности. Наиболее подходящим был признан Мазуевский завод (1704–1743 гг.) — многопрофильный металлургический завод, остатки которого были обнаружены вблизи одноименной деревни Кунгурского района Пермской области. На основе учета технико-технологических принципов обработки металла начала XVIII в., а также заводских чертежей было реконструировано внешнее и внутренне устройство заводских производственных объектов, плотины, пруда и даже окружающего ландшафта. Итогом натурного исследования данного памятника стало создание в 2000–2002 гг. первой в отечественной науке компьютерной анимированной модели уральского завода XVIII в. Добавлю, что на месте двух старейших заводов были установлены памятные знаки.

Методы поиска, раскопок и реконструкции разрушенных исторических памятников с использованием письменных источников достаточно специфичны. Нами продемонстрирован опыт такого подхода только на примере уральских промышленных памятников, где метод комплексного историко-археологического исследования наиболее востребован и продуктивен как в работе историков, так и в работе археологов. Он практически аналогичен и для других памятников археологии этой эпохи: жилых, культовых,

погребальных, и должен стать кристаллизующим, объединяющим вокруг себя другие методы естественных наук и технических отраслей (геологии, металлургии, строительства, архитектуры и др.), что позволит исследовать средневековые технологии современными средствами. Работа историков, археологов, музейщиков со специалистами по компьютерной графике позволяет при этом по-новому подойти к решению задач исторической реконструкции.

Evgenii A. Kurlaev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS

(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: kurlaev@e1.ru

A HISTORICAL RECONSTRUCTION OF THE FIRST URAL FACTORIES

The author summarizes thirty years experience in studying the first metallurgical plants of the Urals in the 17–18th centuries, including those found in the vicinity of Ekaterinburg and in Perm Krai. The paper analyzes features of the methods of archaeological research using written sources. An example of a virtual historical reconstruction is shown with the creation of an animated model of an 18th century factory using 3D graphics

Keywords: historical reconstruction, industrial archeology, history of the Urals' metallurgy

Перевозчикова Светлана Александровна

к.и.н., с.н.с., Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

E-mail: homasvet@mail.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ТРОИЦКОГО (НАГОРНОГО) КЛАДБИЩА ИЖЕВСКА 1810–1932 гг.

УДК 94(470.51)''1810/1932''

В докладе приводятся данные о погребальных конструкциях Троицкого (Нагорного) кладбища, функционировавшего в Ижевском заводском поселении в 1810–1932 гг. Были выявлены и исследованы 2 790 захоронений. В могилах сохранились деревянные погребальные конструкции прямоугольной и трапезиевидной формы. У некоторых гробов на крышке были вставлены окна в области верхней части умершего.

Ключевые слова: Ижевское заводское поселение, гробы, окна, Троицкое (Нагорное) кладбище

На основании архивных источников историю Троицкого (Нагорного) кладбища можно датировать 18 мая 1810 г., когда в Ижевском заводском поселении произошел сильный пожар, уничтоживший 172 строения, в том числе Троицкую церковь, стоявшую на Красной (Михайловской) горке. Тогда же приказом главного архитектора Камских заводов С. Е. Дудина некрополь на Красной (Михайловской) горке был закрыт, так как к нему вплотную подошла застройка заводского поселка. Место под кладбище и кладбищенскую церковь перенесли подальше от жилой застройки, за восточную черту заводского поселения (доревол. — ул. Тринадцатая, соврем. — ул. Удмуртская). В том же 1810 г. начало функционировать кладбище. Каменное здание Свято-Троицкой церкви было воздвигнуто «усердием прихожан» в 1814 г. по проекту С. Е. Дудина и освящено в честь Святой Троицы [9, с. 24; 10], перестраивалось в 1852–1867 и 1912–1914 гг. [7, с. 131–132; 8, с. 276]. К началу XX в. под церковью и оградой кладбища было 17 десятин 1 239 саженой земли [2, с. 483].

В 1920–1930-е гг. ставился вопрос о закрытии Нагорного кладбища: «Вопрос о закрытии Нагорного кладбища уже давно назрел. Рабочие настоятельно требуют этого... Из года в год рабочие всё ближе и ближе селятся около кладбища. В летнее время это место гулянья не только живущих здесь, но и проходящих сюда из центра, чтобы подышать свежим воздухом» [4]. В 1928 г. на кладбище проходят последние захоронения, в 1932 г. оно закрылось.

В 1938 г., согласно постановлению Ижевского горсовета от 24 января, бывшее Нагорное кладбище было предложено отвести под строительство стадиона, а здание собора, попадавшее в зону строительства, снести. К 1941 г. Троицкую кладбищенскую церковь планировали разобрать и построить кинотеатр, но этому помешала война. В 1945 г. здание храма было возвращено верующим¹.

По рассказам местного населения, кладбище было подвержено многочисленным актам вандализма, когда комсомольцы города в ходе нескольких субботников разобрали оградки, сняли с надгробий таблички и кресты. С тех пор и до 1960-х гг. это место представляло собой неухоженный пустырь с бесформенными холмиками.

В 1960–1990-х гг. значительная часть могильника была уничтожена при реконструкции ул. Удмуртская, строительстве вдоль нее жилых домов и общежитий, 4 и 6 корпусов университета, стадиона «Зенит» (открыт в 1968 г.) и Ледового Дворца (открыт в 1971 г.) [9, с. 76–77], а также других объектов, входивших в спортивный комплекс «Зенит».

За более чем столетний период функционирования кладбища на нем были захоронены десятки тысяч жителей Ижевского заводского поселения, в том числе и именитые граждане, такие как С. Е. Дудин, З. Лятушевич, Л. Ф. Сабакин [9, с. 10–23, 109–110], мастера-оружейники — Евдокимовы, Петровы,

¹ Документы о закрытии церкви за 1938 г. и об открытии ее вновь в 1945 г. // Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 475. Оп. 1. Д. 351.

Березины [1, с. 90–126], купцы Бодалева [1, с. 204–205], И. В. Пастухов (первый председатель Ижевского исполкома) [1, с. 542–543] и многие другие.

Как археологический памятник Троицкое (Нагорное) кладбище было поставлено на учет в 2007 г. Первые археологические исследования (раскопки) были проведены Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского госуниверситета в 2007 г. на месте построенного крытого катка «Олимпиаец» под руководством И. Ю. Пастушенко [5]. Следующие археологические исследования проходили в 2008 г., 2009 г. (раскопки И. Ю. Пастушенко), 2013 г. (раскопки В. А. Бернц), 2014 г., 2015 г. (раскопки Т. А. Цыгвинцевой), 2017 г. (раскопки О. А. Карпушкиной), 2019 г., 2020 г. (раскопки С. А. Перевозчиковой). Всего за девять лет было выявлено и изучено 2 632 погребения с останками более чем 3 000 умерших [3, с. 12; 6, с. 18].

Находки в виде предметов христианского культа (медные и серебряные нательные крестики, медалионы, образки, свечки), остатки одежды и обуви (в том числе достаточно многочисленные и разнообразные пуговицы), медные и серебряные монеты, стеклянные бутылочки, флаконы, фаянсовые кружки и чашки, личные украшения и другие предметы определяют общие рамки функционирования Троицкого (Нагорного) кладбища XIX — началом XX в. Это соответствует официальным архивным данным, по которым захоронения на территории, отведенной под кладбище, начались в 1810 г., после запрета хоронить на Красной (Михайловской) горке. Последние (официальные) захоронения на Троицком кладбище относятся к 1928 г.

К сожалению, не все археологические исследования кладбища закончились написанием полевых отчетов. Поэтому до сих пор не установлено четкое количество изученных погребений. Официально, согласно последнему полевому отчету за 2020 г. (исследования С. А. Перевозчиковой), наиболее позднее из выявленных захоронений носит номер 2632. Но при дальнейшем изучении полевых чертежей, фотографий и написанных полевых отчетов выявлено 2 790 захоронений.

Деревянные погребальные конструкции сохранились в большей части захоронений — в 2 442 могилах (87,53 %), как в детских, так и во взрослых. Выявлены гробы двух форм: прямоугольные и трапециевидные. Форма гробов не зависела от возраста: и в детских, и во взрослых могилах гробы представлены различными формами. Конструкции сколочены из досок, скреплены железными гвоздями. При этом количество гвоздей варьировалось. В некоторых случаях гробы были скреплены лишь по углам 1–2 гвоздями, а в других — в торцевых частях фиксировалось по 12 гвоздей. То же самое касается и мест крепления крышек с дном — от 2 до 10 гвоздей.

Крышки были сколочены из 2–3 досок. У семи гробов (погр. 225, 230, 252, 638, 639, 2128, 2242) доски в широкой части крышки были дополнительно скреплены поперечной планкой шириной около 5 см. Лишь в погребении 664 зафиксирована подобная поперечная планка на дне гроба.

В 13 погребениях (62, 201, 1049, 1105, 1188, 1189, 1492, 1652, 1698, 1878, 1990, 2441, 2447) в крышки гробов были вставлены окна трапециевидной формы. Лишь в погр. 62 можно зафиксировать подобие рамы, в которую вставляли стекло. Окно находилось в области головы и туловища, при этом занимая не всю ширину крышки, а только ширину головы. В восьми могилах в гробы с окнами были уложены дети, в пяти — взрослые.

У семи погребальных конструкций (1336, 1668, 1672, 1764, 1865, 1869, 1871) фиксируются остатки тканевой обивки наружной части гроба. Чаще всего фиксируются остатки атласной ленты шириной 3 см, которой были украшены борта гроба. У детских гробов по углам конструкций фиксируются кисточки с бахромой.

Уникально детское захоронение 2437, в котором были выявлены два гроба, вставленных друг в друга. Внутренний гроб украшен кисточками по углам. Причина захоронения ребенка сразу в двух гробах пока непонятна.

В пяти погребениях (549, 684, 1492, 2040, 2136) гробы были поставлены на своеобразные опоры в виде кирпичей.

Естественно, деревянные погребальные конструкции, выявленные при археологическом исследовании Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевска, отвечают общим тенденциям погребальной практики в XIX — начале XX в. Но интересны уникальные случаи с окнами и двойными гробами, использование которых в православном обществе еще не объяснено.

Литература и источники

1. Алексеева Э. В. Петровы, Евдокимовы, Березины — основатели частных фабрик охотничьего оружия // Предпринимательские династии Камско-Вятского региона XVIII–XX вв. Ижевск, 2008. С. 90–126.
2. Вятская Епархия: Историко-географическое описание. Вятка, 1912.
3. Карпушкина О. А., Бернц В. А., Вязников А. М., Митряков А. Е., Перевощиков С. Е., Пастушенко И. Ю., Сабилов Т. Р., Широбокова Н. Ф., Шишкина Н. Ф., Широбоков И. Г., Емельянова А. Ю., Хайруллина О. Ф. Спасательные раскопки на Троицком (Нагорном) кладбище Ижевска // Археологические открытия в Удмуртии — 2017. Ижевск, 2018. С. 12–13.
4. «Нагорное кладбище с 15 мая закрывается» // Ижевская правда. 1929. 12 мая.
5. Пастушенко И. Ю., Бернц В. А., Григорьева Т. М., Карпушкина О. А., Лебедева А. А., Липина Л. И., Пахомов М. А., Перевощиков С. Е., Цыгвинцева Т. А. Исследования Троицкого кладбища Ижевска // Археологические открытия 2007 года. М., 2010. С. 376–378.
6. Перевозчикова С. А., Бернц В. А., Калугина Д. А. Спасательные археологические работы в Ижевске // Археологические открытия в Удмуртии — 2020 (памяти Л. Д. Макарова). Ижевск, 2021. С. 18–20.
7. Православные храмы Удмуртии: справочник-указатель по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики / сост. О. И. Васильева, Е. С. Воронцова, И. Н. Зайцева, В. П. Напольских, Г. И. Самарцева. Ижевск, 2017.
8. Храмозданная грамота на обращение кладбищенской часовни в церковь во имя Св. Троицы от 20 марта 1782 г. // Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской губернии. Вятка, 1914. С. 276.
9. Шумилов Е. Ф. Архитектура Ижевска: история развития и перспективы архитектуры, градостроительства и монументального искусства. Ижевск, 1978.
10. Шумилов Е. Ф. Первый зодчий Удмуртии. Ижевск, 1979.

Svetlana A. Perevozchikova

Candidate of Historical Sciences, Udmurt State University (Russia Izhevsk)

E-mail: homasvet@mail.ru

FUNERARY STRUCTURES TROITSKY (NAGORNY) CEMETERY OF IZHEVSK IN THE 1810–1932

The article provides data on the funerary structures of the Trinity (Nagorny) cemetery, which functioned in the Izhevsk factory settlement in the 1810–1932. 2 790 burials were identified and investigated. Wooden funerary structures of rectangular and trapezoidal shape have been preserved in the graves. Some coffins had windows inserted on the lid in the upper part of the deceased.

Keywords: Izhevsk factory settlement, coffins, windows, Trinity (Nagorny) cemetery

Погорелов Сергей Николаевич

историк, археолог, военный поисковик (г. Екатеринбург)

E-mail: baikaltai@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ
С ИПАТЬЕВСКОЙ УСАДЬБЫ И ПОРОСЕНКОВА ЛОГА**

УДК 94(470.5)''1918'':904

Определены особые материалы, полученные автором при раскопках Ипатьевской усадьбы и Порошенкова лога Екатеринбурга. Рассматриваются вещи семьи императора Николая II, найденные здесь. На основании детального изучения и анализа артефактов, следов в земле, письменных источников, приводятся некоторые реконструкции исторических событий, ранее являющиеся неизвестными.

Ключевые слова: семья Николая Романова, Ипатьевская усадьба, Порошенков лог, артефакты и реконструкции

Трагическая страница истории Екатеринбурга связана с убийством семьи императора России Николая II и их приближенных. Они содержались в Ипатьевской усадьбе с апреля по июль 1918 г. Их имущество также доставили из Тобольска на Урал. Доступа к нему Романовы не имели, но семья пользовалась частью своих сервизов, рядом личных вещей. За период заключения узников их имущество разворовывалось, конфисковывалось. После «казни» часть вещей была разбита, сожжена, но большая — вывезена большевиками. После снятия охраны усадьбу грабили горожане, а затем представители Белой армии. С 1918 г. началось следствие о нахождении царской семьи в Ипатьевском особняке, при этом были собраны вещи, доказывавшие факт пребывания и гибели Романовых здесь. Следствие также изучило место сокрытия жертв в районе Ганиной ямы у Старой Коптяковской дороги (СКД), где также были найдены вещевые и прочие улики преступления [6]. В дальнейшем большая часть вещей, вывезенных большевиками и белогвардейцами, бесследно пропала.

В 1977 г. Ипатьевскую усадьбу снесли, в исторической земле проложили коммуникации. В 2000 г. на территории усадьбы началось строительство Храма на Крови, которое могло уничтожить последние следы истории и преступления 1918 г. За полевой сезон археологически была изучена сохранившаяся площадь объекта (более 500 кв. м, слой — 2 м). В 2001 г. был до дна вскрыт выявленный ранее Ипатьевский колодец. В результате было обнаружено более 64 тыс. артефактов XVIII–XX вв. [2]. Отсутствие финансирования и интереса к коллекциям привело к ее частичной потере. Тем не менее, автору удалось передать большую ее часть в Музей истории Екатеринбурга, где она остается не изученной до сих пор.

Некоторые исследования все же были проведены, и отдельные значимые артефакты надо отметить. Были обнаружены развалы трех фарфоровых блюдец и двух прозрачного фарфора кофейных чашечек, а также фрагменты фарфоровой тарелки, расписанной оранжево-красными и золотыми орнаментами. Из колодца были подняты обломки двух столовых тарелок из единого сервиза с указанными блюдами. Они имеют белый цвет, голубую с золотыми кантами кайму по краю борта, цветной эмалевый государственный герб снаружи и снизу клеймо Императорского фарфорового завода. Предметы входили в состав наследного Коронационного сервиза династии Романовых. Такие же изделия были собраны и белыми следователями, но только восемь блюдец и тарелок сервиза (половина из собранных) сохранились в коллекции потомка сестры Николая II Ксении в Англии — княгини Ольги (Глава Дома Романовых).

Интересен сам факт использования Романовыми предметов именно этого сервиза. Он «прост» — белый с голубой каймой, и черным орлом. Охранников, вероятно, это устроило — герб есть, а царской власти нет, но позже они все-таки выразили свое отношение к царю и его семье, раздавив несколько этих изделий. В отличие от этой посуды фрагменты золоченой тарелки — исключение. Подобная, но целая тарелка с английским клеймом была передана в Свердловский областной краеведческий музей. На одной из найденных нами кофейных чашечек мы определили клеймо фабрики братьев Корниловых (поставщики Двора ЕИВ).

При анализе артефактов из коллекции и сравнении их с перечнем предметов, найденных следователями в 1918 г. [6], были установлены сотни аналогий. Выделим: обгоревшие (вещи Романовых из печей особняка) золоченый боковой оклад маленькой иконы, серебряную золоченую заколку (с клеймом — СПб...) и бронзовый нож для бумаги (с клеймом «...UCHAT.USIA\ГГ...?»), нашивку — бронзовый золоченый якорь (с одежды Алексея?), бутылек со святой водой с изображением Божьей Матери Федоровской и С. Саровского (для Алексея), бусины из горного хрусталя (от украшений Великих княжон), деревянные — Пасху (последняя), крокетный шар и молот, части ипатьевских стульев (один расщеплен пулей) и другие исторические артефакты, связанные с жизнью и смертью узников.

В 1978–1979 гг. группой А. Н. Авдонина и Г. Т. Рябова на СКД в Поросенковом логу было выявлено и раскопано место сокрытия жертв убитых в Ипатьевском доме в 1918 г. В 1980 г. изъятые ими черепа и кости были возвращены в «могилу», но три керамических фрагмента и женский гребень остались у поисковиков. В 1991 г. органами милиции и прокуратуры (В. И. Пичугин) была проведена эксгумация останков из «могилы», среди них определены девять индивидов. Позже грунт из ямы промыли на сетках, обнаружив еще сотни костных фрагментов. В обоих случаях были найдены и другие артефакты, в том числе керамические обломки [1; 5]. В 1994 г. разведкой ИИиА УрО РАН (А. Ф. Шорин) около ямы был найден керамический фрагмент сосуда. Антропологическая и генетическая экспертизы установили, что в «Большой могиле» отсутствуют останки Цесаревича Алексея и Великой княжны Марии, которых сожгли где-то рядом. Поиски этих останков велись разными организациями и группами с 1978 г., но безрезультатно.

В 2007 г. специалистами научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Свердловской области (НПЦ) были организованы разведочные изыскания, помощь оказывали военные поисковики екатеринбургского военно-исторического клуба (ЕВИК) «Горный щит», которые шупами обнаружили костровище. Затем комплексная научная экспедиция НПЦ изучила объект. Было установлено, что найденные фрагменты жженных и сырых костей принадлежат подростку и девушке, совпадающих по возрасту с искомыми детьми [3; 4]. Также были обнаружены керамические обломки и другие артефакты. В последующие семь лет изыскания продолжались, при этом были выявлены новые следы и сотни артефактов, относящиеся к рассматриваемому событию. Автор изучил артефакты, найденные с 1990 по 2014 гг., проанализировал все материалы. Это позволило реконструировать некоторые детали событий 1918 г., не известных по архивным и иным данным.

1. Исследование керамики позволило определить вид изделия — это горшковидный, расширяющийся снизу вверх с прямыми стенками сосуд с плоским дном, с крутыми почти горизонтальными плечиками, с горлышком, имеющим короткую шейку и полностью отогнутый широкий плоский венчик, на поверхности которого есть круговые канавки. Внутри горла находится резьба, в которую вкручивалась плотно прилегающая к венчику плоская круглая крышка с цилиндрической резьбовой нижней частью. У края плеча располагалась одна овальная в сечении и по форме, горизонтально расположенная, ручка, поднимающаяся вверх. Вероятно, наличие этой ручки привело в прошлом к одному из названий этого сосуда — «кувшин».

2. Определены размеры тары — деревянных ящиков (ширина 41,5 см, высота 60 см) и сосудов (диаметр по плечам 34,5 см, дна — 19 см, высота 54 см).

3. Установлено, что кувшины были именно японские, о чем свидетельствуют клейма, на ручке сосуда — в ромбе NSK (компания — Ниппон Сейко Кабушики-гайша).

4. Исследованиями доказано, что на СКД привезли три сосуда.

5. Кислота трех кувшинов использована в районе Поросенкова лога.

6. Наша реконструкция дальнейших событий в деталях никогда не уточнялась чекистами, но вполне позволяет предположить следующее: тела девяти жертв сбросили в яму нетронутыми кислотой; кувшины расположили с западной стороны от ямы. Чекистам не удалось открутить крышки с кувшинов по причине того, что они были посажены на заводскую мастику — вязкую прокладку; тогда они топором стали отламывать крышки у двух сосудов, но это не помогло; тогда они срубили (лопата — топор)

венчики с крышками с трех кувшинов стоящих в ящиках. При этом они разбили верхние части сосудов, пролив кислоту в ящики; отдельные керамические обломки упали в яму, на ее край, в ящики и в сами сосуды; затем два ящика с кувшинами ногами наклонили и вылили кислоту на сброшенные тела, при этом верхние сломанные части сосудов упали в яму. Во время этих действий исполнители испортили себе сапоги; оставшиеся половины двух пустых кувшинов в ящиках унесли в лес и там разбивали и растаскивали фрагменты в стороны, прикапывая в землю; третий кувшин в ящике унесли в лес (в 67 м к юго-востоку) к месту, куда оттащили тела Алексея и Марии. Здесь чекисты вырыли траншею порядка $1,5 \times 0,5 \times 0,3$ м (по линии север–юг); тела детей положили в нее как в «ванну» штабелем — голова на голове; кувшин в ящике, стоящий с западной стороны траншеи, вылили на них (чекисты заявляли только о сжигании). При этом обломки из ящика и сосуда упали в траншею и рядом с ней, сам кувшин разбили и части прикопали в лесу; затем разломали все три ящика и приготовили сухие ветки, собранные в лесу; обложили тела дощечками и сосновым хворостом и облили все керосином; подожгли костер с помощью большой пластиковой расчески с клеймом (Dr H.(?) Traun), вероятно принадлежавшей кому-то из жертв. По мере сгорания лопатой рубили тела, кости, головы; после в южной части траншеи вырыли прямоугольную яму размером $1,2 \times 0,5 \times 0,6$ м (по линии запад–восток как «могилу»); почти все недогоревшие части тел и костей сгребли в яму вместе с артефактами и зарыли ее; сверху развели новый костер, по сгоранию раскидали угли вокруг до диаметра 3 м, чем замаскировали следы копания — выбросов глины. В середине 1930-х гг. кто-то из участников этих действий приходил на это место и уронил, или оставил намеренно недалеко от костра две монеты.

7. При изучении всего керамического материала автору удалось связать — подобрать сходящиеся между собой фрагменты с мест «Большой» и «Малой могилы».

8. Для идентификации и реконструкции важны и следующие находки: фрагмент обожженной полосатой ткани — нательной матроски Алексея, в которой он оставался после убийства; две пули от пистолета Браунинга калибра 9 мм, модель 1900 г., из которого Юровский добил подростка; пуля, выпущенная Медведевым-Кудриным из Браунинга калибра 7,65 мм, модель 1903 г., и убившая Марию, и другие.

Результаты исследований объектов и материалов из района Поросенкова лога, без подтверждения положительных генетических экспертиз, самостоятельно доказывают связь обеих «могил», принадлежность новых останков Алексею и Марии Романовым. На сегодня констатируем: с 2007 г. РПЦ так и не признала их подлинность, — большая часть Поросенкова лога и окрестностей до сих пор не изучены, в данное время осуществляется очередная попытка уничтожить это историческое место и следы историко-политического преступления (застройка ОКН).

Литература и источники

1. Алексеев В. В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993.

2. Погорелов С. Н. Предварительные итоги исторических исследований территории Ипатьевской усадьбы в 2000–2001 годах // Православие на Урале: вехи истории. Материалы второй межрегиональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2013. С. 189–205.

3. Погорелов С. Н., Ражев Д. И., Курлаев Е. А., Ерохин Н. Г. Эхо цареубийства: открытие на Старой Коптяковской дороге // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 115–120.

4. Погорелов С. Н. Секретное захоронение детей императора Николая II у Поросенкова лога на Старой Коптяковской дороге // Романовы в истории Урала. Материалы научно-практической конференции. Верхотурье, 2013. С. 132–149.

5. Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи / сост. В. В. Аксютин. М., 2003.

6. Соколов Н. А. Убийство Царской Семьи. М., 1990.

Sergey N. Pogorelov
E-mail: baikaltai@mail.ru

**SOME CONCLUSIONS OF MATERIAL ANALYSIS
FROM IPATIEV HOUSE AND POROSYONKOV LOG**

There were determined special materials, which were collected by the author during the excavations of Ipatiev House and Porosyonkov Log in Ekaterinburg. The items of Emperor Nicholas II's family found here are considered in the article. Based on the detailed research and analysis of artifacts, marks in the ground, written sources, some reconstructions of historical events, which were unknown earlier, are presented.

Keywords: Nicholas Romanov's family, Ipatiev House, Porosyonkov Log, artifacts and reconstructions

Рассадников Алексей Юрьевич

к.и.н., н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: ralu87@mail.ru

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 904(470/5)''17/19''

Кратко обсуждаются основные итоги и современное состояние археозоологических исследований культурного слоя г. Екатеринбурга XVIII–XX вв., а также главные проблемы и возможные перспективы подобных работ. В изучении костей животных Екатеринбурга имеется определенный задел, но существует ряд серьезных проблем.

Ключевые слова: городская археозоология/зооархеология, остеология, кости животных, Новое время, XVIII–XX вв., бабки, игральные кости

Археозоология — это отрасль знаний, предметом которой является изучение костей животных из археологических памятников. Основными получаемыми данными здесь являются вид животного, его возраст на момент смерти или убоя и патологии костей. Более частными аспектами являются биометрические данные, возрастные изменения костей и информация о том, кто и каким образом воздействовал на кость (модификационные изменения костей). Эти показатели позволяют составить представление о типе экономики древнего общества (присваивающий или производящий тип экономики или иные формы жизнеобеспечения), видовом составе разводимого скота или охотничьей добычи, характере эксплуатации животных человеком и многих других аспектах. В контексте российского города XVIII–XX вв. изучение костей животных позволяет получить представление о структуре мясного потребления населения, биологических характеристиках скота, который поставлялся в город для мясной торговли, салотопенной промышленности или разводился самими жителями, а также досуге и быте горожан.

Подавляющее количество археологических изысканий культурного слоя г. Екатеринбург приходится на последние два десятилетия. Несмотря на относительное обилие спасательных раскопок в исторической части города (63 по: [3]) существует всего четыре публикации по результатам изучения костей животных. Археозоологические материалы Екатеринбурга характеризуются существенным преобладанием костей крупного рогатого скота наряду с небольшим количеством костей мелкого рогатого скота и свиньи, а также крайне незначительным количеством лошади. Другими общими особенностями является небольшое количество костей кошек, собак, домашней птицы и единичные кости диких видов [1; 2; 4; 5]. Большинство костей крупного и мелкого рогатого скота происходит от животных старше 1,5–2,5 лет. На костях зафиксированы типичные для крупного и мелкого рогатого скота возрастные и патологические изменения. На ряде костей быков или волов обнаружены изменения, которые могут трактоваться как свидетельство их рабочего использования [4; 5]. В ходе изучения археозоологических материалов Екатеринбурга зафиксировано относительно большое количество костей для игры в «бабки» из первых фаланг крупного рогатого скота и ряд других костяных предметов [1; 2; 4; 5]. В коллекциях можно встретить целые фаланги с залитым внутрь металлом, заготовки для таких игровых костей и фаланги с едва видимыми следами использования в виде заполированности или различных насечек на поверхности. Из костей животных также делали музыкальные инструменты, зубные щетки и другие вещи. Кости домашнего скота являются одной из основных составляющих культурного слоя Екатеринбурга XVIII–XX вв.

Основной проблемой археозоологических исследований Екатеринбурга является отсутствие интереса со стороны специалистов. Это выражается не только в малом количестве публикаций на фоне относительно больших объемов археозоологических материалов, но и в разном подходе к костям животных из разных исторических эпох. Городские археозоологические материалы в ходе изучения могут обрабатываться по крайне упрощенному или неполному алгоритму. По этой причине публикации по

археозоологии Екатеринбурга могут вообще не содержать данных о размерах и патологиях костей скота и других аспектах, которые в большинстве случаев присутствуют в археозоологических публикациях по бронзовому веку и другим древним эпохам. Это ведет к тому, что некоторые публикации довольно неинформативны и их сложно использовать для сравнительного анализа. Парадоксальность ситуации заключается в том, что городские археозоологические материалы в силу ряда особенностей не требуют высокой квалификации археозоологов, а их анализ не отнимает много времени и усилий, как, например, в случае с обработкой коллекций из поселений скотоводов бронзового века и более ранних эпох. Слабая степень фрагментированности и отличная степень естественной сохранности обеспечивают легкое видовое определение и возможность фиксации биометрических показателей, возрастных и патологических изменений на костях скота. Такие материалы могут использоваться как учебный полигон для молодых специалистов. Это может частично компенсировать отсутствие интереса со стороны опытных археозоологов и решить проблему недостаточного уровня публикаций и их количества. Несмотря на все перечисленные проблемы, археозоологические исследования Екатеринбурга имеют хорошие перспективы и потенциал. Главным залогом этого могут стать будущие публикации, в которых кости животных из культурного слоя Екатеринбурга будут рассматриваться как самодостаточные, интересные и ценные материалы, заслуживающие тщательного археозоологического анализа, а также применения широкого спектра современных методик обработки костей животных.

Литература и источники

1. Бачура О. П., Лобанова Т. В., Бобковская Н. Е. Животноводство русского населения в городах на севере Урала и Сибири в XVII–XIX веках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 271–275.
2. Бачура О. П., Лобанова Т. В. Кости животных из кухонных отходов русского населения Екатеринбурга в XVIII–XX веках // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 363–368.
3. Булакова Е. А., Трофимова Е. А. Культурный слой города Екатеринбурга XVIII — начала XX в. по данным археологии: проблемы и перспективы изучения // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 3. С. 92–110.
4. Рассадников А. Ю. Археозоологические материалы (XIX век) из раскопок Екатеринбурга // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 75–85.
5. Рассадников А. Ю. Домашний скот в жизни Екатеринбурга в XIX веке по материалам охранных раскопок на улице Декабристов, 69 // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4 (32). С. 131–146.

Alexey Yu. Rassadnikov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF EKATERINBURG. STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS

The main results and the current state of archaeozoological studies of the cultural layer of Ekaterinburg in the 18th–20th centuries are briefly discussed, as well as the main problems and possible prospects for such work. In the study of the bones of animals in Yekaterinburg, there is a certain reserve, but there are a number of serious problems.

Keywords: urban archaeozoology/zooarchaeology, osteology, animal bones, modern times, 18–20 centuries, dice, game bones

Ткачев Александр Александрович

к.и.н., доцент, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)

E-mail: al.al.tkachev@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И ОПЫТ ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 903(571.12)

В докладе рассматриваются ключевые особенности городской археологии, отличия от традиционных научно-исследовательских и хозяйственных работ по археологии. Представлены результаты работ Тюменского государственного университета.

Ключевые слова: городская археология, охранно-спасательные раскопки, Тобольск, Верхняя Тура, Тюмень

Городская археология — социальная нормативно-регулируемая деятельность, направленная на сохранение археологических объектов культурного наследия, расположенных в пределах городских территорий [1].

По открытым данным Министерства культуры РФ, на научно-исследовательские раскопки приходится всего около 30 % всей археологической деятельности, остальные 70 % составляют охранно-спасательные работы при хозяйственном освоении территории или при строительстве. При этом примечательно, что государство не стремится финансировать городскую археологию как отдельное направление научных исследований, но результаты охранно-спасательных археологических работ могут приравниваться к научно-исследовательской деятельности и использоваться в образовательных, просветительских и научных целях. Таким образом реализуется конституционное право человека и гражданина на свободный доступ к объектам культурного наследия.

В 2013 г., после принятия Федерального закона № 245-ФЗ от 23 июля 2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», были внесены значительные изменения в правовое регулирование археологической деятельности [2]. Так, Федеральный Закон № 73 закрепил возможность постановки на охрану выявленного культурного слоя (как памятника археологии), а это значит, что в категорию объектов археологического наследия, помимо всего прочего, стали входить и городские культурные слои. В соответствии со ст. 3 ФЗ № 73 под культурным слоем понимается «слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы» [3]. До принятия данного закона на протяжении длительного времени осуществлялась хаотичная застройка городских исторических центров без проведения историко-культурной экспертизы и согласований с региональными органами охраны памятников [4]. Подобная ситуация была характерна для большинства городов России. В результате создавалась реальная угроза сохранению и изучению городского культурного слоя.

Городская археология полностью финансируется за счет хозяйствующих субъектов (предприятий, осуществляющих коммерческую деятельность), за исключением единичных федеральных и региональных проектов. При этом каждый год количество проводимых археологических мероприятий на территории крупных и малых городов растет. На сегодняшний день тенденция развития охранной археологии показывает ее недооцененность, что доказывает и проект постановления правительства об особенностях порядка определения наличия или отсутствия археологических объектов, предлагающий отменить в ряде случаев обязательную государственную историко-культурную экспертизу и проведение мероприятий охранно-спасательной археологии.

На территории Уральского федерального округа за последние несколько лет неоднократно проводились городские археологические работы. Все они были направлены на изучение культурного слоя того

и иного города и реконструкцию его истории, при этом финансировались негосударственными денежными поступлениями. Так, в 2021 г. в городе Верхняя Тура отрядом тюменских археологов проводились спасательные археологические работы на участке за зданием ГЦКиД перед началом нового строительства. Общая площадь работ по сохранению объекта археологического наследия составила более 2 000 кв. м. Во время раскопок было обнаружено более 500 индивидуальных находок. Среди них монеты разных времен, от Николая I до советского периода. Помимо того, были и находки бытового назначения: кованые гвозди, железные изделия, фрагменты керамики поливной и изготовленной на гончарном круге. Обнаружены также фрагменты фаянса и фарфоровой посуды, артефакты, связанные с деятельностью градообразующего завода — картель, ядра, брандскутель (зажигательное ядро).

Неоднократные спасательные работы проводились и в городе Тобольск в 2007–2012 гг., в результате было изучено около 2 000 кв. м культурного слоя [5]. Многолетними археологическими исследованиями установлено, что мощность и насыщенность культурных отложений на отдельных участках города сильно варьируется в зависимости от разных обстоятельств. Во-первых, их сохранность обусловлена масштабами современной застройки, которая является следствием регулярных преобразований планировочной структуры города. Во-вторых, необходимо учитывать топографические особенности города. Верхняя, нагорная часть города расположена на высокой террасе Иртыша, поэтому деревянные конструкции построек и органические материалы, обнаруженные здесь в ходе археологических исследований, чаще всего плохой сохранности. «Нижний город» находится в пойме, следовательно, культурные напластования, выявленные на его территории, отличаются влажностью грунта, в котором деревянные сооружения и конструкции хорошо сохраняются. В-третьих, структура и состав культурных отложений зависели от частоты городских бедствий (пожаров и наводнений), которые сотрясали Тобольск на всем протяжении его существования [6].

С весны 2023 г. археологи работают в самом центре Тюмени, на улице Ленина, где раньше никогда не проводились археологические раскопки. Причиной исследования культурного слоя областной столицы стало благоустройство города, а не научный интерес [7]. Первые документированные раскопки г. Тюмени были проведены летом 1988 г. при прокладке ливневой канализации и реконструкции дороги на участке от Исторической площади по ул. Республики до ул. Перекопской. В процессе работ были исследованы остатки фундаментов Благовещенского собора, деревянных строений XVII–XIX вв., рва и нескольких кладбищ [8, с. 205]. В 2003 г. экспедиция Тюменского государственного университета обследовала правый берег Туры от пересечения ул. Республики с ул. Перекопской до пешеходного моста. Здесь выявлены захоронения, остатки деревянных строений XIX в. и деревянные мостовые. В 2005 г. проведено зонирование культурного слоя в исторической части Тюмени [9]. В 2006 г. экспедиция Тюменского государственного нефтегазового университета (ныне ТИУ) под руководством Н. А. Ткачевой провела охранные раскопки в зоне строительства торгово-гостиничного комплекса «Панорама» на правом берегу р. Тюменки, недалеко от лестницы, ведущей с ул. Ленина на стадион «Тюмень» [8, с. 205].

Таким образом, археологические исследования культурных городских слоев являются неизменным спутником благоустройства и перестройки города и требуют особого подхода к проведению работ и анализу полученных материалов.

Литература и источники

1. Гусева Т. В. Лекция вторая. Городская охранный археология. URL: <https://clck.ru/34imEc> (дата обращения: 15.06.2023).
2. Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 30 (ч. I), 29.07.2013, ст. 4078. URL: <https://base.garant.ru/70419172/> (дата обращения: 15.06.2023).

3. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 26, 01.07.2002, ст. 2519. URL: <https://base.garant.ru/12127232/> (дата обращения: 15.06.2023).
4. Данилов П. Г. Культурный слой города Тобольска как объект культурного наследия // Genesis: исторические исследования. 2021. № 12. С. 189–197.
5. Аношко О. М. Археологические исследования культурного слоя первой российской столицы Сибири // Наследие Тюменской области. Тюмень, 2015. № 1 (5). С. 11–19.
6. Аношко О. М. Первый и второй регентские раскопы в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 53–62.
7. Найденные в Тюмени артефакты расскажут о жизни горожан в 17 веке. URL: <https://smotrim.ru/article/3402440> (дата обращения: 15.06.2023).
8. Семенова В. И., Ткачев А. А. Археология и картография Тюмени // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–1 (84). С. 204–210.
9. Матвеев А. В., Измер Т. С., Молявина Е. Ю. Новые материалы по археологии Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 217–221.

Alexander A. Tkachev

Candidate of Historical Sciences, University of Tyumen (Russia, Tyumen)

E-mail: al.al.tkachev@mail.ru

FEATURES OF URBAN ARCHAEOLOGY AND EXPERIENCE OF THE UNIVERSITY OF TYUMEN

The report discusses the key features of urban archaeology, differences from traditional research and contract work in archeology. The results of the work of the University of Tyumen are presented.

Keywords: urban archaeology, security and rescue excavations, Tobolsk, Upper Tura, Tyumen

Черных Елизавета Михайловна

к.и.н., профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

E-mail: emch59@mail.ru

Калугина Дарья Андреевна

аспирант, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

E-mail: daryakalugina96@yandex.ru

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ САРАПУЛА —
СТОЛИЦЫ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ПРОЕКТА ПРИКАМСКОЙ ГУБЕРНИИ**

УДК 94(470.51):904

В малых российских городах, не имеющих институциональных оснований называться столичными, заметна тенденция к созданию особых пространственных образов на уровне культурно-исторической памяти (или туристического брендинга). Символический капитал столичности открывает перспективы для его успешного использования локальными сообществами, в том числе, в частности, в городе Сарапуле в Удмуртской Республике.

Ключевые слова: символическая столичность, культурное наследие, археология, брендинг

Концепт столичности в российской исследовательской традиции имеет несколько определений. В рамках темы мы выбрали в качестве основания для размышлений нарратив об исключительности и уникальности [5, с. 80–87] одного из малых городов Прикамья, а именно Сарапула. Данный посыл вызван прежде всего туристическим продвижением (брендингом) города на Каме, осознаваемого в качестве важной задачи не только на уровне городских властей, но и всех общественных институций, задействованных в реализации программ социально-экономического развития территории.

Сарапул имеет все шансы для формирования символической столичности [6]. Основной гуманитарный «капитал» города составляют особенности его политической и социально-экономической истории. В XVI в. слобода Сарапул (село Вознесенское) становится «центром притяжения» русских крестьян, колонизовавших стремительно расширившиеся после взятия Казани войсками Ивана Грозного территории в Среднем Прикамье. Деревянная сарапульская крепость с двойной рубленой стеной и десятью башнями, в том числе пятью проезжими, в XVII — начале XVIII в. служила крепким форпостом на камских засечных линиях, державшим оборону от набегов башкирцев и ногайцев. В конце XVIII в. дворцовое село получило статус города и центра Сарапульского уезда. В последней четверти XIX в. в среде горожан, купцов и мещан, активно развивавших земские институты, возникла и укреплялась идея создания новой административной единицы — Прикамской губернии, которая включила бы в себя, кроме Сарапульского, Малмыжский и Елабужский уезды Вятской губернии, Осинский уезд Пермской, Мензелинский и Бирский уезды Уфимской губерний [8, с. 94]. В 1917 г. эта идея была поднята «на революционные штыки» в противостоянии уездного города и «заштатного» рабочего поселения при Ижевском заводе. Потенциальная столица в XX в. пережила еще ряд административно-территориальных трансформаций в политической игре властей, но с закатом советского периода Сарапул оказался в числе прочих небольших городков России, которым номинально было присвоено звание «исторических». Впрочем, эта номинация, увы, не подкреплена никакими ресурсами, и город оказался на грани социально-демографического иссекновения.

Безусловным фактором политической и гуманитарной «столичности» Сарапула послужили его удачная топография и богатая на события история. Как считает И. Ю. Окунев, именно наличие символического капитала позволяет даже локальным сообществам, лишенным функций государственного управления, встраивать концепт столичности в свои нарративы, дает возможность укреплять их локальные идентичности и, при грамотном использовании потенциала, выстраивать профессиональное брендинг. Это еще раз убеждает, что столицы — это места, строящиеся не на экономической, а на культурной центральности; символы здесь предшествуют материальным аспектам [5, с. 86–87].

Культурная «центральность» Сарапула в истории Удмуртии не вызывает сомнений. Именно Сарапул имеет историческое право на первое народное училище и первого профессионального учителя в Удмуртии (А. И. Вештомов), первое реальное училище – Алексеевское, первый земский музей и Общество изучения Прикамского края. Первый профессиональный археолог Удмуртии тоже родился в Сарапуле (Л. А. Беркутов). Он получил образование в Археологическом институте Санкт-Петербурга [3, с. 32–35]. Столь высокая археологическая активность в небольшом городе на Каме имела под собой (в прямом смысле) богатейшее археологическое наследие.

За последние 5–6 лет в Сарапуле произошли значительные изменения в части понимания важности культурной идентичности города и горожан [4]. Огромную роль здесь играет муниципальный музей, активный инициатор и участник корпоративных исследовательских и выставочных проектов. Ведущиеся Сарапульским музеем-заповедником работы по популяризации прошлого Сарапула органично включают в себя не только внимание к историческому, архитектурному наследию города, но и его культурному слою. С 2018 г. регулярными стали научные конференции, непременным разделом которых является археология города: «Русские в Прикамье», «Прикамское собрание», «Земские чтения». На археологической карте города появились отчетливые границы восьми объектов археологического наследия: Городище «Кладовая Веретья» III–V вв. н. э., «Чупиха», городище III–V вв. н. э., Сарапульское селище III–V вв. н. э., Сарапульское поселение XVI–XIX вв., Сарапульский I могильник XVII–XVIII вв., Сарапульский II могильник XVII в., участок культурного слоя г. Сарапула XVIII — начала XX вв., Воскресенское кладбище начала XIX — 1920-е гг. Все эти объекты документируют разновременные исторические пласты современного города [10].

В исторической части Сарапула выделены границы поселения, откуда начиналась история русского Сарапула. С севера поселение приурочено к подошвенной части Старцевой горы и устью р. Юрманка. Именно здесь, как полагают историки и археологи, изначально находилась русская крепость с тяготеющим к ней низменным посадом. Локально изученные участки культурного слоя занимают поверхности I и II надпойменных террас Камы, вниз по течению реки. Именно здесь были изучены самые ранние материалы, датируемые XVII в. Мощность культурных слоев, вмещающих остатки деревянных сооружений и археологические предметы, составляет от 1,5–2,0 до 5,0 м [7; 11]. В настоящее время территория поселения, частично совпадающая с территорией выявленного объекта археологического наследия Сарапульский I могильник, плотно застроена жилыми, административными и хозяйственными зданиями города, главным образом рубежа XIX–XX вв. Погребения первых жителей крепости и села (Сарапульский I могильник XVII–XVIII вв.) были изучены в 2017 г. при реконструкции главной городской площади; в ходе археологических работ обнаружено около 300 православных погребений [7, с. 53–54]. Сарапульский II могильник был обнаружен в 1909 г. при строительстве водонапорной башни на берегу Камы (ныне — ул. Оползина). Эти захоронения неоднократно описаны в научной литературе [2].

Городской культурный слой XVIII — начала XX в. был обнаружен при работах на территории Сарапульского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника в 2021 г. [1, с. 16–17]. Воскресенское кладбище (начало XIX — 1920-е гг.) как объект археологического наследия тогда же удалось включить в списки выявленных объектов в ходе проведения реставрационных работ Воскресенской церкви [9, с. 13].

Примечательно, что ниже уровня христианских погребений были зафиксированы культурный слой и керамика Сарапульского селища III–V вв. н. э. [9, с. 13]. В городской черте известны также два городища мазунинской археологической культуры III–V вв. н. э. — «Кладовая Веретья» и «Чупиха». Городище «Кладовая Веретья» впервые было описано Л. А. Беркутовым. Оно имеет небольшую площадь и слабо заметные вал и ров. Но место расположения городища отличается особой живописностью: это склон коренного берега Камы, разрезанный руслом р. Большая Сарапулка и экспонированный к ее долине [12, с. 19]. Городище располагается рядом с городским Ленинским парком, пользующимся большой популярностью у жителей города. У городских властей и музея-заповедника имеются планы по его

благоустройству и включению в ткань городской жизни. Городище «Чупиха» занимает мысовую площадку крутого берега Камы, на северной окраине Сарапула. Оно сильно залесено, почти не известно горожанам, но обладает выразительной фортификационной системой. Планов по использованию городища пока нет, но в ходе реализации проекта туристического кластера «Камский берег» было бы совсем не лишним рассмотреть и этот объект как предмет туристического показа.

Литература и источники

1. Иванов А. Г., Степанова Г. А., Алхимов И. А. Археологические разведки в Сарапуле, Каракулинском и Селтинском районах Удмуртской Республики // Археологические открытия в Удмуртии — 2021. Ижевск, 2022. С. 16–17.
2. Макаров Л. Д. Об уникальном археологическом памятнике Сарапула (коллективные могилы на Оползине) // Вестник Удмуртского университета. 2014. Вып. 3. С. 114–116.
3. Мельникова О. М. 100 лет местной профессиональной археологической традиции в Удмуртском Прикамье // «100 лет — это повод»: материалы научно-практической конференции «Институт культуры: баланс традиций и инноваций». Сарапул, 2009. С. 30–36.
4. Мельникова О. М. Роль образованного Сарапульского сообщества в формировании и поддержании локальной идентичности и исторической памяти горожан (начало XX в.) // Русские в Прикамье: материалы Всероссийской научно-практической конференции (22–23 марта 2018 г., г. Сарапул). Сарапул, 2018. С. 66–75.
5. Окунев И. Ю. Столица и столичность: институт и символический капитал // Философские науки. 2016. № 1. С. 80–87.
6. Окунев И. Ю., Остапенко Г. И. Символический капитал столичности: опыт концептуального картирования столиц без актуальной государственности // Символическая политика. М., 2016. Вып. 4. С. 155–186.
7. Перевозчикова С. А. Археологическое изучение исторической части Сарапула // Русские в Прикамье: материалы Всероссийской научно-практической конференции (22–23 марта 2018 г., г. Сарапул). Сарапул, 2018. С. 49–56.
8. Шарабаров П. Н. Проекты административных преобразований Сарапульского уезда Вятской губернии в конце XIX — начале XX в. // Русские в Прикамье: материалы Всероссийской научно-практической конференции (22–23 марта 2018 г., г. Сарапул). Сарапул, 2018. С. 93–100.
9. Шуравин Е. В., Перевозчикова С. А., Черных Е. М. Разведочные работы Камско-Вятской археологической экспедиции // Археологические открытия в Удмуртии — 2021. Ижевск, 2022. С. 13.
10. Черных Е. М. К вопросу об актуализации археологического наследия Сарапула // Русские в Прикамье: материалы Всероссийской научно-практической конференции (22–23 марта 2018 г., г. Сарапул). Сарапул, 2018. С. 29–36.
11. Черных Е. М. Культурный слой Сарапула. Как объединить научный интерес с общественным? // Прикамское собрание: материалы III Всероссийского открытого научно-практического форума «Ресурсы развития российских» (27–28 сентября 2019 г., г. Сарапул). Сарапул, 2019. С. 311–315.
12. Черных Е. М., Перевозчикова С. А., Митряков А. Е. Работы по определению границ территорий объектов археологического наследия федерального значения на юге Удмуртии // Археологические открытия в Удмуртии — 2018. Ижевск, 2019. С. 17–19.

Elizaveta M. Chernykh

Candidate of Historical Sciences, Udmurt State University (Russia, Izhevsk)

E-mail: emch59@mail.ru

Daria A. Kalugina

Udmurt State University (Russia, Izhevsk)

E-mail: daryakalugina96@yandex.ru

**ARCHEOLOGICAL POTENTIAL OF SARAPUL —
THE CAPITAL OF THE FAILED PROJECT OF THE KAMA PROVINCE**

In small Russian cities that do not currently have institutional grounds for being called capital cities, there is a noticeable tendency to create special spatial images at the level of cultural and historical memory (or as a tourist brand). The symbolic capital of the capital opens up prospects for its successful use by local communities, including the example of the city of Sarapul in the Udmurt Republic.

Keywords: symbolic capital city, cultural heritage, archeology, branding

Яковлева Екатерина Сергеевна

н.с., ООО «Центр историко-культурных исследований «Астра» (г. Челябинск)

E-mail: lugsamildanah@yandex.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ПРАВОСЛАВНОГО КЛАДБИЩА С. ЧЕТКАРИНО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УДК 904(470.5)''18/19''

В докладе представлены результаты спасательных раскопок православного кладбища Нового времени в с. Четкарино Свердловской области. Работами 2022 г. небольшой площадью 71,8 кв. м были исследованы 13 могильных ям и 19 костяков — детских и взрослых. Зафиксированы погребения в колодах и дощатых гробах, в наиболее поздних захоронениях — сопровождающий инвентарь — «слезницы».

Ключевые слова: православное кладбище, Новое время, раскопки

Село Четкарино расположено в юго-восточной части Свердловской области, в Пышминском районе, в долине р. Дерней, правобережного притока р. Пышма. Село было основано в конце XVII в. Первый деревянный храм здесь построили во второй половине XVIII в., а каменный — в первой четверти XIX в.; к нему же примыкало кладбище.

ВОАН «Культурный слой кладбища церкви в честь Рождества Пророка Иоанна Предтечи с. Четкарино» расположен в центральной части села; выявлен в 2021 г. Е. В. Куприяновой. В 2022 г. автором проводились спасательные раскопки части кладбища площадью 71,8 кв. м. В результате были изучены 13 могильных ям и 19 костяков. Одна из могильных ям имела подзахоронение ребенка к взрослому, еще одна представляла собой, вероятно, семейный «склеп» на пять человек. Еще в одной яме три гроба тесно накладывались друг на друга.

По данным, предваряющим заключение антрополога, из 19 погребенных 7 представлены детскими костяками; при этом только 3 из них имеют отдельную могильную яму. Основная масса костяков относится к середине XIX в., три — к концу XIX — началу XX в. В большинстве случаев погребальный инвентарь отсутствовал, костяк сопровождал только нательный крест. Однако в двух наиболее поздних погребениях, начала XX в., зафиксированы рюмка и фарфоровая чашка — «слезницы», помещенные в руках и в головах, на груди еще одного погребенного зафиксирован складень.

В целом все погребения соответствуют православному канону; ориентированы в направлении запад — восток, с небольшим отклонением в некоторых случаях запад-юго-запад — восток-северо-восток и северо-запад — юго-восток. Руки сложены на груди. В ряде случаев одна из рук посмертно сползла. У большинства погребенных фиксировались повязочные веревки, в основном на руках, но в одном случае и на ногах. У одной погребенной зафиксированы остатки головного убора — шашмура, под которым волосы были уложены в косы вокруг головы.

Также интересно наблюдать изменения в использовании типов гробов. Часть костяков, по-видимому, более ранних, погребена в гробах-колодах; на них фиксируются остатки бересты. Более поздние погребения были сделаны в дощатых гробах, но покрытие гроба берестой в некоторых случаях также сохранилось. У наиболее поздних погребений дощатые гробы имеют подголовник. Однако данные различия могут быть связаны не столько с хронологией, сколько с религиозными обычаями: погребение в колодах в значительной степени связано со старообрядческой погребальной традицией.

Среди полученных в результате раскопок предметов: девять нательных крестиков, часть из которых имеет эмалированное покрытие; медальон и миниатюрная деревянная иконка, заменяющие крестики; складень; элементы одежных застежек. Также были собраны кованые гвозди, использованные для изготовления гробов; среди них выделено три типа разного оформления «шляпки». Получены фрагменты кожаной обуви двух погребенных — остатки сапог и погребальные тапочки. Наконец, среди наиболее интересных находок следует отметить рыбную кость (фрагмент позвоночника) на груди

погребенного — возможно, это посмертное положение пищи, но не исключена и версия своеобразного амулета. В более поздней яме, перерезавшей могилы, были обнаружены два примечательных кирпича: они имеют нестандартные, очень крупные размеры, плохо промешанное, забитое примесями тесто; такие встречаются в XVIII–XIX вв. Вероятно, их появление связано с разрушением части церкви в первой половине XX в.

Таким образом, на основании полученных материалов, несмотря на малую площадь исследований, можно отметить некоторые изменения в погребальной обрядности на протяжении второй половины XIX — начала XX в.: исчезновение деревянных колод и берестяных покрытий, их замена обычными дощатыми гробами, а также появление сопроводительного инвентаря в виде слезниц.

Ekaterina S. Yakovleva

Center for Historical and Cultural Research “Astra” LLC (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: lugsamildanah@yandex.ru

PRELIMINARY RESULTS OF EXCAVATIONS OF THE ORTHODOX CEMETERY OF CHETKARINO VILLAGE, SVERDLOVSK REGION

The report will present the results of rescue excavations of the Orthodox cemetery of the New Age in Chetkarino village Sverdlovsk region. It was the fieldwork of 2022 year, with a small area of 71,8 square meters, in which were examined 13 grave pits and 19 skeletons — children’s and adults. Burials in decks and plank coffins were recorded, in the latest burials — accompanying inventory — “teardrops”.

Keywords: Orthodox cemetery, post-medieval archeology, excavations

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТОЛИЦЫ: ОПЫТ РОССИИ И МИРА

Жердева Юлия Александровна

к.и.н., доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. академика

С. П. Королева (г. Самара)

E-mail: zherdeva.yua@ssau.ru

ПРОВИНЦИАЛИЗИРУЯ СТОЛИЧНОЕ: ЛЬВОВ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

УДК 94(477.83)“14/18”

В докладе рассматривается трансформация образа Львова от столицы «Королевства Галиции и Лодомерии» в составе Австро-Венгерской империи к окраинному губернскому центру в составе Российской империи. Показано, что символическая политика России в текстовых формах пыталась представить Львов как «искони русский» город, в то время как в визуальной репрезентации и на уровне восприятия комбатантами он выглядел скорее как «европейский» или «польский».

Ключевые слова: Первая мировая война, Галиция, Львов, символическая политика

После начала Первой мировой войны перечень губерний Российской империи пополнился четырьмя новыми: в августе 1914 г. — Львовской, Тарнопольской и Черновецкой, а в апреле 1915 г. — Перемышльской, — оставшимися в составе империи в различных составах до 1916 г. [8, с. 124]. Все они относились к Галицийскому генерал-губернаторству, образованному 29 августа 1914 г. на завоеванных землях Австро-Венгерской империи; главой его стал военный генерал-губернатор Г. А. Бобринский. Вот так, с августа 1914 г. и вплоть до отхода российских войск летом 1915 г., Львов переставал быть столицей «Королевства Галиции и Лодомерии с Великим герцогством Краковским», каковым он был с момента включения Галиции в состав Австрии в 1772 г. [1, с. 23], и превратился в окраинный губернский город Российской империи.

Курс на скорейшее инкорпорирование Галиции в состав империи, взятый российскими властями, требовал юридических, экономических и административных действий, для которых особое значение приобретала репрезентация столицы «подъяремной Руси», обретшей свободу, — Львова. Как изменился политический статус города при утрате им административного статуса «столицы»? Что придавало ему «столичность» и могла ли она исчезнуть при смене административного статуса? Какое место в символических репрезентациях Львова в пропаганде Российской империи занимала его «столичность»? Этим вопросам будет посвящен доклад.

Сначала рассмотрим столичный статус Львова в Австро-Венгерской империи накануне завоевания Восточной Галиции российскими войсками. Российская публицистика 1915 г. называла Львов самым густонаселенным городом Галиции: к началу XX в. в нем проживало около 150 тыс. человек (для сравнения, в Кракове — 80 тыс., а в Перемышле — 40 тыс.) [9, с. 8]. Это был центр большого политического образования с населением около 7,3 млн человек по переписи 1900 г., около 55 % населения которого, по словам российской научной публицистики, составляли поляки, 43 % — русины, остальные — евреи [7, с. 17–18]. В середине XIX в., однако, состав был несколько иным, менее полонизированным и более

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований и Австрийского научного фонда № 21-59-14003 «Великая война и антропоген: токсичное наследие империй и трансформация окружающей среды в Центральной и Восточной Европе» (рук. О. С. Нагорная).

русинско-еврейским: 43,7 % — русины, 11,8 % — евреи [1, с. 23]. Интересен в связи с этим этнический состав студентов Львовского университета в 1905–1906 гг.: 1 601 поляк, 856 русинов и 758 евреев [9, с. 30]. Вероятно, значительную долю студентов-евреев составляли выходцы из Российской империи, где все еще существовали ограничения на получение высшего образования для лиц иудейского вероисповедания.

В административном отношении Галиция подчинялась императорско-королевскому наместнику, назначаемому императором и постоянно пребывавшему во Львове [2, с. 15]. Особый статус Львова был обусловлен специфической системой местного самоуправления в империи Габсбургов, передававшей весьма значительные полномочия на места, краевому управлению, при особом функционировании окружного. С 14 октября 1870 г. Львов управлялся на основании особого статута, регламентировавшего деятельность городского совета, магистрата и бургомистра [9, с. 48].

Столичный статус города демонстрировался не только его политическим, но и культурным уровнем: к 1900 г. во Львове издавалось более 80 газет и журналов, здесь были университет, политехнический институт, ветеринарный институт, лесное училище, учительский институт, мужские и женские классические гимназии, реальные училища, более 40 народных училищ, несколько музеев и библиотек [2, с. 2–3]. Постепенно из Варшавы в Краков и Львов «перемещался центр польской культурной и научной жизни» [1, с. 38].

Согласно указам от 4 и 10 июня 1869 г., официальным языком в управлении и в школе Галиции был польский, поэтому органы административного управления вели делопроизводство и коммуникацию на польском языке. При этом публикация общеимперских законов осуществлялась на немецком языке, с официальным переводом на польский. Русинскому, малорусскому, языку накануне Первой мировой войны было отведено уже вполне самостоятельное место: во Львовском университете были даже параллельные кафедры на разных факультетах (малорусского языка, всеобщей истории, гражданского и уголовного права и процесса, пастырского богословия) [9, с. 29]. Известный политический деятель, «украинофил», Дмитрий Дорошенко, побывавший во Львове в начале июля 1914 г., упоминает о том, как поразил его рост украинского культурного влияния в городе за 1904–1914 гг.: «Украинцы уже становились здесь в Галиции государственной нацией, они уже были на пути к тому, чтобы чувствовать себя хозяевами на своей родной земле» [4, с. 13].

Итак, балансируя накануне Первой мировой войны между «центром польской культурной жизни» и центром нарождавшейся украинской культурной жизни, Львов усиливал свой символический статус. Начавшаяся война изменила этот баланс, включив Львов в русофильскую (в Восточной Галиции ее называли «москвофильской») политическую программу.

Действия российских властей в оккупированной Галиции исходили из официальной позиции: Галиция — «искони русская область» [1, с. 44]. Еще до прибытия во Львов Г. А. Бобринского, в августе 1914 г. российские военные власти закрыли в городе все польские газеты, русофильские издания «Прикарпатская Русь» и «Голос народа», а также украинофильское «Дело», хотя в 1915 г. генерал-губернатор разрешил открыть новые русскоязычные газеты с говорящими названиями «Новый край» и «Червоная Русь» [10, р. 50]. Такая политика не прибавляла доверия местной интеллигенции к новым властям, зато соответствовала представлению об инкорпорации Галиции в русскоязычный мир Российской империи.

И, если в речах и текстах такая мысль, активно сдобренная историческими примерами из прошлого княжеств Галицкого и Волынского, могла звучать довольно убедительно, то визуальная репрезентация этого «искони русского» выглядела проблематично. Виды Львова, украшенные позднеготическими, ренессансными и барочными постройками и городскими памятниками, не особенно подходили под символическое обозначение того, что в российской архитектуре рубежа XIX–XX вв. олицетворял «русский стиль». Визуально Львов походил на столичный город Центральной и Восточной Европы, а не на центр древнерусского княжества. Эту разницу замечали и русские комбатанты: «Вот я и во Львове. Что за

вокзал! Ни с чем его сравнить не могу, потому что в России таких вокзалов не видел», — записал в дневнике в феврале 1915 г. Иосиф Ильин [5, с. 92]. Даже император Николай II во время поездки в Галицию в апреле 1915 г. оставил в дневнике такой комментарий о Львове: «Город производит очень хорошее впечатление, напоминает в небольшом виде Варшаву» [3, с. 122]. Пожалуй, особенно ярко этот инаковый, польский, образ Львова в визуальной культуре проявился в роскошном издании художника-мирискусника Георгия Лукомского по истории архитектуры Галиции, открывающая заставка которого изображала осажденную крепость европейского вида, а на переднем плане — двух бородатых аристократов, одетых с аллюзиями на польские и малороссийские исторические костюмы [6, с. 4].

Таким образом, российская символическая политика в отношении Львова выражала противоречащие друг другу смыслы: в текстовых формах она пыталась представить Львов как «искони русский» город, в то время как в визуальной репрезентации и на уровне восприятия комбатантами город выглядел скорее как «европейский» или «польский».

Литература и источники

1. Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.
2. Василевский Л. Современная Галиция. СПб., 1900.
3. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2013. Т. 2. Ч. 2: 1914–1918.
4. Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє-минуле (1914–1920). Мюнхен, 1969.
5. Ильин И. С. Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / подг. текста, вступ. ст. В. П. Жобер. М., 2016.
6. Лукомский Г. К. Галиция в ее старине: очерки по истории архитектуры XII–XVIII вв. и рисунки Г. К. Лукомского. Пг., 1915.
7. Покровский С. П. Очерк австрийского государственного права. Ярославль, 1912.
8. Раздорский А. М. «Краткий отчет по управлению Черновецкой губернией» в 1914–1915 гг. губернатора С. Д. Евреинова как исторический источник // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 124–137.
9. Хейфиц Ю. Я. Галиция. Политическое, административное и судебное устройство. Пг., 1915.
10. Hagen M., von. War in a European borderland: occupations and occupation plans in Galicia. Seattle, 2007.

Yulia A. Zherdeva

Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University (Russia, Samara)

E-mail: zherdeva.yua@ssau.ru

PROVINCIALIZING THE CAPITAL: LVIV IN THE SYMBOLIC POLITICS OF RUSSIA DURING WORLD WAR I

This report examines the transformation of the image of Lviv from the capital of the “Kingdom of Galicia and Lodomeria” within the Austro-Hungarian Empire to a peripheral provincial center within the Russian Empire. It is shown that the symbolic policy of Russia in textual forms tried to present Lviv as “originally Russian” city, while in the visual representation and at the level of perception by combatants it looked more like “European” or “Polish” city.

Keywords: World War I, Galicia, Lviv, symbolic politics

Жеребцов Игорь Любомирович

д.и.н., директор, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар)
E-mail: herebtsov@mail.illhkomisc.ru

Меньковский Вячеслав Иванович

д.и.н., профессор, Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)
E-mail: vmenkouski@gmail.com

**ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕГИОН «РУССКИЙ ТУРКЕСТАН» КАК ПОСТСОВЕТСКИЙ
ВРЕМЕННОЙ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОНСТРУКТ**

УДК 94(470+575.2+574+575.1+575.4):930.85

Показаны особенности региона, исторически сформированного как «Русский Туркестан» в имперский период российской истории, в географическом (геополитическом) и темпоральном отношении. Уточняется историко-географическое и геополитическое понятие региона, использование феномена «постсоветской идентичности» в формировании современных наций и государств.

Ключевые слова: «Русский Туркестан», регион, Российская империя, СССР, Центральная Азия, национализм

Объектом нашего рассмотрения является территория, ставшая регионом «Туркестан» в XIX в. в составе Российской империи. «При помощи категории “региона” историки преодолевают детерминизм кажущихся естественными и самоочевидными национальных нарративов и политических границ, не позволяя таким образом проецировать в прошлое сегодняшние политические реалии. ... Регионы не являются “естественными” пространственно-социальными единицами, но складывались исторически, создавались в результате административных реформ, оформлялись в силу географических причин» [6, с. 4–5].

Исторически регион состоит из трех частей: Восточный, Западный и Южный Туркестан. После того как во второй половине XIX в. большая часть земель Центральной Азии вошла в состав Российской империи, в употребление вошли понятия «Русский Туркестан», принадлежавший Китаю «Восточный Туркестан» и включавший северные районы Ирана и Афганистана «Афганский Туркестан». Термин «Русский Туркестан» имел только административное значение. Его границы менялись в зависимости от политической ситуации. Первоначально под этим термином понималось Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте, учрежденное царским правительством в 1867 г. В 1886 г. оно было переименовано в Туркестанский край. В 1918 г. на территории Русского Туркестана была образована Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика, автономная республика в составе РСФСР.

В ходе национально-государственного размежевания в 1920–1930-е гг. на территории Туркестана были образованы Туркменская, Узбекская, Таджикская и Киргизская советские республики, в отношении которых использовался официальный термин «Средняя Азия» и возникло новое географическое определение «Средняя Азия и Казахстан». После распада Союза ССР от употребления понятия «Средняя Азия» отказались в пользу термина «Центральная Азия». Предложение об использовании нового термина сделал в 1992 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев на саммите государств Средней Азии. Он предложил отказаться от определения «Средняя Азия и Казахстан» в пользу понятия «Центральная Азия», охватывающего все постсоветские государства указанного региона [1]. Таким образом, сегодня используется не географический, а региональный геополитический принцип.

Современная геополитическая характеристика — «постсоветские», «новые независимые» государства представляется достаточно противоречивой. «Сложность определения феномена “постсоветской идентичности” связана с несколькими уровнями наслаивающейся социально-политической реальности, которые формируются на основе советского опыта и параллельно ему. Исходя из этого, некоторые эксперты могут отвергать само явление “постсоветского пространства”, воспринимая его как политический

конструкт» [2, с. 54]. В научной литературе до сегодняшнего дня нет консенсуса в определении той территории, которая более 30 лет назад была территорией Советского Союза, а сейчас юридически принадлежит другим государствам. Конечно, «постсоветское пространство», как и любой другой регион — это конструируемое понятие. Вместе с тем, необходимо понимать, что регион «не появляется “из ниоткуда”». Конструкты такого рода основаны на природном ландшафте и определены реальными отношениями между человеком и тем, что его окружает. Эти основания придают региональной перспективе осязаемость. Иными словами, подобно нациям и государствам, регионы формируются в рамках сложного взаимодействия между изобретенным и реальным, между идеей и материей» [7].

Вероятно, адекватного термина для региона просто не существует¹, и сегодня продолжают использоваться условные обозначения, позволяющие исследователям понимать друг друга, но крайне уязвимые с научной точки зрения. Нам используемая терминология представляется полезной, но временной. Необходимость в ней постепенно исчезнет, и она будет заменена использованием понятий новой геополитической реальности, то есть «постсоветскость» будет восприниматься как временное явление. «...Регионы сами по себе историчны. Со временем они меняются — растут, уменьшаются или обретают иной статус. Некоторые становятся отдельными государствами, другие, напротив, теряют свою независимость, и их название дает имя новому региону» [7].

В отношении сегодняшней практики, мы согласны со спецификой смыслового контекста: «понятие «постсоветское пространство» подразумевает многоуровневый процесс дезинтеграции некогда единого государства, который продолжается и в настоящее время; понятие «новые независимые государства» характеризует логику сегодняшнего дня — существование суверенных стран — бывших союзных республик.

Новая политическая реальность 1991 г. возникла, по сути, неожиданно для значительной части граждан бывшего СССР, многие постсоветские государства стали «нациями поневоле». «...Бывшие союзные республики в основном не являлись гомогенными в этнокультурном смысле, а кроме того, сразу же после распада Советского Союза они вынуждены были пройти через болезненную социальную и экономическую трансформацию, перед элитами этих государств с самого начала встала задача легитимации нового независимого существования и консолидации общества. А для этого нужно было создать политическую нацию со своими мифами и нарративами, обосновать правомерность ее нахождения в существующих границах, обеспечить лояльность населения новой власти, сформировать чувство солидарности и “общности по истории и судьбе”» [4, с. 145].

Вместе с тем, было бы иллюзией утверждать, что в Центральной Азии советское понимание культуры и идентичности исчезло. Скорее оно преобразилось, представляя собой сегодня соединение постколониальных и постимперских подходов с советскими методами историко-политической интерпретации. «Из всех элементов советского политического наследия, вероятно, самыми устойчивыми следует признать те, которые связаны с политизацией истории и формированием коллективных идентичностей» [3, с. 47]. Вероятно, по-другому процесс и не мог развиваться в силу того, что политические и интеллектуальные/научные элиты постсоветских государств состояли, в большинстве своем, из национальных советских элит. Бывшие партийные, советские, научные функционеры могли предложить только те формы реализации исторической политики, которыми они владели. Конечно, воспроизводство идеологии приспособилось к новым условиям строительства нации и государства, однако сохраняло и сохраняет многие прежние советские формы.

¹ Обратим внимание, что дискуссия о «пост-» затрагивает не только «советское», но и многое другое «прошедшие». Например, М. Мюллер критически относится к термину «постсоциализм». «Пришло время попрощаться с постсоциализмом. Прощаться с термином, изначально условным, отжившим свой срок и гораздо больше ограничивающим, чем освобождающим; термином, который связывает нас с прошлым, а не устремляет в будущее; приковывает к территории, а не помогает детерриторизировать; отражает неравный доступ к производству знания, но достоверным знанием считаться не может» [5].

Литература и источники

1. Аканаева А. Почему Центральная Азия, а не Средняя // The Village Казахстан. URL: <https://www.the-village-kz.com/village/city/asking-question/29119-pochemu-tsentralnaya-aziya-a-ne-srednyaya> (дата обращения: 15.05.2023).
2. Казаринова Д. Б., Дунамалян Н. А. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука. 2022. № 1. С. 52–79.
3. Кирчанов М. В. Историческая наука в политических дебатах и национальном строительстве (постсоветский опыт) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 46–53.
4. Летняков Д. Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Мир России. 2016. Т. 25. № 2. С. 144–167.
5. Мюллер М. Прощай, постсоциализм! / пер. с англ. Е. Жаворонковой. 2019. URL: https://doxajournal.ru/stadis/goodbye_postsocialism (дата обращения: 15.05.2023).
6. Регион в истории империи: исторические эссе о Сибири / ред.-сост. С. Глебов. М., 2013.
7. Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение / под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М., 2021.

Igor L. Zherebtsov

Doctor of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of the RAS
(Russia, Syktyvkar)
E-mail: herebtsov@mail.illhkomisc.ru

Vyacheslav I. Menkovskiy

Doctor of Historical Sciences, Belarusian State University (Belarus, Minsk)
E-mail: vmenkouski@gmail.com

HISTORICAL REGION «RUSSIAN TURKESTAN» AS A POST-SOVIET TEMPORAL AND SPATIAL CONSTRUCT

The paper in geographical (geopolitical) and temporal terms demonstrates the features of the region, historically formed as “Russian Turkestan” in the imperial period of Russian history. It specifies the historical-geographical and geopolitical concept of the region, the use of the phenomenon of “post-Soviet identity” in the formation of modern nations and states.

Keywords: “Russian Turkestan”, region, Russian Empire, USSR, Central Asia, nation-building

Зубкова Елена Юрьевна

д.и.н., г.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)

E-mail: elena.zubkova@mail.ru

«ЮГОРСКИЙ КЕЙС» РЕГИОНАЛЬНОЙ СТОЛИЧНОСТИ: ГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ ХМАО В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(57.122)''19''

«Югорский кейс» — особенности формирования и трансформации городов ХМАО — Югры с точки зрения выполнения ими «столичных» функций в период от оттепели до перестройки. Специфика округа заключалась в фактическом наличии двух «столиц» — официального административного центра Ханты-Мансийска и центра промышленного освоения региона — Сургута. Предполагается рассмотреть основные тенденции развития этих городов в рамках процесса «фронтирной модернизации».

Ключевые слова: Югра, Ханты-Мансийск, Сургут, промышленное освоение, город, субъектность

«Столичный» статус, как и «столичная жизнь» административных центров Сибири в позднесоветский период (от оттепели до перестройки) отличались большим разнообразием. Среди «региональных столиц» и центров, претендовавших на выполнение столичных функций, были города с многовековой историей и недавно преобразованные из поселков, центры с «лагерным шлейфом» и «голубые города» новой эпохи промышленного освоения. На этом общем, довольно пестром, фоне выделяется «югорский кейс» — как вариант городского строительства и развития в рамках «фронтирной модернизации» [4; 5]. Новые поселки и города стали частью технологии освоения Севера Западной Сибири во второй половине XX в.

Статус (официальный и реальный) главного административного центра Ханты-Мансийского национального, а потом автономного округа — Ханты-Мансийска — менялся вместе с трансформацией роли и места региона в общенациональных процессах. В контексте истории России специфика Югры созвучна специфике Сибири в целом. Как отметили авторы коллективного труда о Сибири периода империи, «в составе России Сибирь имела как бы две ипостаси: отдельность и интегрированность» [6, с. 24]. В течение XX в. соотношение между обеими «ипостасями» менялось, но общий тренд можно обозначить как движение к большей интегрированности региона в общесоюзные процессы при одновременном усилении его субъектности («отдельности») как следствия интеграции.

Однако одновременно с расширением субъектности региона в целом его официальная «столица» Ханты-Мансийск переживала обратный процесс: город постепенно утрачивал статусные позиции административного центра как внутри региона, так и за его пределами, «переуступая» часть функций «новым» городам, прежде всего Сургуту. Так в округе фактически складывалось «двустоличие».

Ханты-Мансийск получил статус города только 27 января 1950 г. — через двадцать лет после образования национального округа. Решение было оформлено как постановление Политбюро ЦК ВКП(б), во исполнение которого появился соответствующий Указ Президиума Верховного Совета РСФСР¹. Тогда в рабочем поселке Ханты-Мансийск и селе Самарово, включенных этими решениями в городскую черту, проживали 13 400 чел., 2 400 из них были заняты на 13 промышленных предприятиях, которые и сформировали городскую производственную инфраструктуру². Своеобразным триггером обретения Ханты-Мансийском нового статуса послужил 20-летний юбилей образования округа, который отмечался в декабре 1950 г.

Административно (и географически) ХМНО входил в состав Тюменской области. Официально Ханты-Мансийск представлял собой центр власти округа: здесь располагались окружной комитет ВКП(б) — КПСС, окружной исполком Совета депутатов трудящихся и другие управленческие структуры. Между Тюменью и Ханты-Мансийском существовало разделение компетенций: в зоне ответственности

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 61. Д. 619. Л. 55, 57.

² Там же. Л. 56.

окружных властей находились главным образом вопросы развития округа как территории расселения коренных народов (состояние традиционных промыслов, социальное обеспечение, культурное обслуживание), тогда как решения более общего характера принимались в Тюмени. Область представляла интересы округа в Москве. Отношения внутри властной вертикали строились по принципу делегирования, когда «старшие» в иерархии регионы выступали от имени «подведомственных». Поэтому Ханты-Мансийск всегда оставался «в тени» Тюмени.

Редкий случай, когда власти округа обратились в Москву (ЦК КПСС) напрямую — «через голову» Тюмени — записка руководителей округа М. Савина и А. Лоскутова от 25 июля 1955 г. о необходимости коренным образом изменить ситуацию с состоянием культурной инфраструктуры ХМНО. Этот документ не только дошел до адресата, но и вызвал более широкий резонанс — реакцию со стороны заинтересованных ведомств³.

Выполнение Ханты-Мансийском «столичных» функций затруднялось не вполне удачным географическим расположением города и общим состоянием транспортной инфраструктуры округа. Долгое время фактически единственным средством коммуникации оставался речной путь, грунтовая дорога Ханты-Мансийск — Уват строилась с большим трудом и долго, строительство сухопутного аэродрома началось только в 1960 г., а железная дорога не дошла до «столицы» вовсе. В результате город был отрезан как от большинства районов округа, так и от центров принятия решения — «большой земли» [1, с. 68]. Фактор пространственной изолированности Ханты-Мансийска стал особенно очевидным после того, как началось интенсивное промышленное освоение природных ресурсов округа. Тем более, что в этом районе перспективных месторождений не было обнаружено.

В середине 1960-х гг. внимание Тюмени и Москвы переключилось на развитие «новых» городов округа — центров нефтедобычи — Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска и др. В 1965 г. Сургут получил статус города, второго на территории ХМНО. Так он стал административным центром нефтегазового освоения и неофициальной второй «столицей» округа. Помимо близости к разведанным запасам нефти географические и инфраструктурные преимущества Сургута способствовали трансформации города в главный «транспортный хаб» округа.

Органы окружной власти — партийные и советские — по-прежнему были сосредоточены в Ханты-Мансийске, тогда как в «новых» городах, в том числе Сургуте, начала складываться «своя» система управления. В каждом городе существовал традиционный тандем властных структур — горком партии и городской исполком. Однако основные финансовые и материально-технические ресурсы находились в руках ведомств: специализированных главков, трестов, управлений, ответственных за разработку нефтяных промыслов. Эти же ведомства занимались развитием социальной инфраструктуры городов: строительством жилья, объектов социально-бытовой и культурной сферы. В ситуации «всесилья ведомств» местные советские и партийные власти фактически утрачивали рычаги влияния или находились в подчиненном положении [2, с. 62].

Поскольку финансирование градостроительных проектов ведомствами осуществлялось по «остаточному принципу», нефтяные города [3], в том числе и вторая «столица» округа, своим внешним обликом долгое время совсем не походили на популярный образ «голубых городов», хотя хронологически совпадали с «мечтой». Даже после получения статуса города пространственная и инфраструктурная среда этих поселений сохраняла поселковый характер, а жилищный фонд представлял собой временное, неблагоустроенное жилье [7]. Ситуация начала меняться только в 1970-е гг.

Традиционно столицы являются центрами политической жизни. Но жители обеих югорских «столиц» политической активностью не отличались — вплоть до времени перестройки. Эту особенность, характерную в целом для северян, можно объяснить несколькими причинами: климатический фактор («теплые» и «холодные» регионы отличаются разной степенью политической активности); особенности

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 8. Л. 65–74.

системы расселения (отсутствие крупных городов «с историей» — центров политической жизни); нестабильность, подвижность, «зыбкость» городских социумов, которые длительное время находились в процессе формирования; культурная, ментальная традиция коренного населения, отличающегося неконфликтностью и аполитичностью.

Новая рокировка югорских «столиц» произошла уже в постсоветский период. В результате процесса суверенизации и обретения ХМАО самостоятельного статуса в качестве субъекта Российской Федерации (1993 г.) Ханты-Мансийск вернул себе репутацию «полноценной» столицы округа, тогда как Сургут сохранил за собой позиции «второго города» региона.

Литература и источники

1. Веселов С. И. Предпосылки формирования дорожно-строительной отрасли в Ханты-Мансийском национальном округе в 1930–1950-е гг. // Накануне «большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.). Екатеринбург, 2020. С. 61–71.
2. Карпов В. П. Анатомия подвига: человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень, 2014.
3. Карпов В., Стась И. Снятся людям иногда нефтяные города // Родина. 2015. № 1. С. 17–18.
4. Побережников И. В. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. М., 2013. Вып. 12. С. 246–274.
5. Побережников И. В. Фронтальная модернизация в современной отечественной историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2020. Т. 1. С. 30–38.
6. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007.
7. Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.). Курган, 2018.

Elena Yu. Zubkova

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: elena.zubkova@mail.ru

“YUGORSKY CASE”: THE URBAN CENTERS OF THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS DISTRICT IN THE CONTEXT OF THE LATE SOVIET HISTORY

“Yugorsky case” — features of the formation and transformation of the cities of Khanty-Mansi Autonomous District-Yugra in terms of performance of “capital” functions in the period from the thaw to perestroika. The specificity of the district was the actual presence of two “capitals” — the official administrative center of Khanty-Mansiysk and the center of industrial development of the region — Surgut. It is supposed to consider the main trends in the development of these cities within the framework of the process of “frontier modernization”.

Keywords: Yugra, Khanty-Mansiysk, Surgut, industrial development, city, subjectivity

Зубков Константин Иванович

к.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

**ГДЕ БЫТЬ «СТОЛИЦЕ» УРАЛЬСКОГО СЕВЕРА?
(ИЗ ИСТОРИИ СОПЕРНИЧЕСТВА ТЮМЕНИ И ТОБОЛЬСКА В 1920-е гг.)**

УДК 94(571.12)''1920''

Доклад посвящен анализу изменений в «столичном» позиционировании региональных центров Западной Сибири (Тюмень и Тобольск) по отношению к Уральскому Северу в ходе районирования 1920-х гг. Их соперничество характеризует важную роль, которую, помимо глубинных причин взлета и упадка «региональных столиц», играет в определении их судьбы фактор административно-бюрократической и идеологической борьбы.

Ключевые слова: районирование, «региональная столица», Тюмень, Тобольск, Уральский Север

Помимо эффективной административной власти над определенной самобытной территорией, а значит, способности извлекать для своего развития так называемую административную ренту в виде налогов и ресурсов, «региональную столицу», как правило, отличают соответствующий, закрепившийся в массовом сознании символический статус, определенная идеология лидерства, возвышения над обыденным порядком провинциальной жизни. В эпохи крупных общественных преобразований, в частности, всеобъемлющих административно-территориальных реформ (каковой, по форме, была кампания по районированию, проводимая в Советской России с начала 1920-х гг.), признаки оживления или упадка экономической и культурной жизни не всегда могли служить верным путеводителем на пути реформ. Прежние «региональные столицы» с трудом и не без сопротивления расставались со своим привилегированным статусом. Зачастую они стремились сохранить его, хотя бы в видоизмененной форме, прибегая к таким испытанным средствам, как бюрократический «торг» с властными инстанциями, принимавшими судьбоносные решения, и дискредитация потенциального конкурента. Яркой иллюстрацией особенностей такой напряженной борьбы за сохранение статуса «региональной столицы» могут служить перипетии соперничества Тюмени и Тобольска в 1922–1923 гг. за контроль и влияние над обширными территориями Севера Западной Сибири.

Перенесение в апреле 1918 г. административно-политического центра обширной Тобольской губернии из Тобольска в Тюмень (как и официальное переименование губернии, согласно постановлению СНК от 2 марта 1920 г., в Тюменскую) [1, с. 58] отражало назревшую и общую для Урала и Сибири тенденцию угасания старых губернских административных центров и динамичного подъема на рубеже XIX–XX вв. новых (как правило, уездных городов), в которых постепенно сосредоточивались основные организационно-экономические функции соответствующих губерний. На ускорение этого процесса существенно влияло положение новых центров на магистральных железнодорожных путях (для Тюмени таким фактором стало ее соединение железнодорожной связью в 1885 г. с Екатеринбургом и в 1912 г. — с Омском). Однако это перемещение губернской «столицы» обширных территорий Западной Сибири в более перспективную Тюмень было лишь началом масштабных преобразований и не сулило городу безоблачного будущего. Развернувшиеся в 1922 г. подготовительные работы по районированию поставили Тюмень перед сложным выбором: присоединиться к промышленной Уральской области и тем самым обеспечить себе известное разнообразие перспектив или же войти в состав проектируемой Обской (Западно-Сибирской) области (с центром в Омске), где территориям бывшей Тюменской губернии пришлось бы смириться с ролью чисто аграрной провинции.

Активная работа уральских плановиков в целом предопределила переход Тюмени под юрисдикцию Екатеринбургa, однако этот выбор имел для нее и свои существенные минусы. Принятая уральским руководством схема деления будущей Уральской области на несколько более или менее компактных

округов лишала Тюмень ее прежнего влиятельного статуса губернской «столицы» и реального контроля над обширными территориями ее губернии. По этой причине в течение 1922 г. и в первые месяцы 1923 г. Тюмень, продолжая лавировать между Екатеринбургом и Омском, путем всевозможных согласований пыталась добиться от первого согласия на сохранение в составе Уральской области в том или ином (пусть даже усеченном виде) Тюменской губернии. Тем самым Тюмень стремилась сохранить за собой роль промежуточного управленческого звена в отношениях между промышленным Уралом и аграрно-промысловыми районами Западной Сибири, — роль своего рода областной «столицы» второго порядка, или «субстолицы» [2, с. 203–205].

Екатеринбург не был склонен принимать предложения тюменского губернского руководства, однако надежды Тюмени обрели новое дыхание, когда весной 1923 г. практически встал вопрос об управлении обширными территориями Тобольского Севера (который в составе Уральской области уже часто обозначался как Уральский Север). Неразвитость и редкое население потенциально богатых и стратегически важных северных территорий исключали их разделение на более мелкие административно-территориальные единицы, и поэтому из них предполагалось создать отдельный Северный округ, который территориально должен был включить в себя большую часть бывшей Тобольской (или Тюменской) губернии. На роль центра нового округа — своего рода «столицы» Уральского Севера — естественным образом выдвигался недавно лишившийся своего губернского статуса Тобольск, который исторически являлся главной опорной — снабженческой и коммуникационной — базой освоения Севера Западной Сибири. В то же время возможная организационно-экономическая роль Тюмени в качестве центра снабжения отдаленных северных окраин и управления ими виделась на тот момент единственным существенным аргументом в пользу сохранения — хотя бы в порядке исключения — Тюменской губернии как звена внутриобластного управления. Это объясняет, почему Тюмень в этих условиях заняла непримиримую и откровенно враждебную позицию в отношении перспективы превращения Тобольска в центр управления Уральским Севером, развернув против древней столицы Сибири настоящую идейную «войну».

В своей ненависти к Тобольску Тюмень готова была пойти еще дальше, соглашаясь даже с идеей организации отдельного от Тобольского уезда Северного округа с центром в ничтожном по своим экономическим и культурным возможностям селе Самарово. В апреле 1923 г. Тюменский губисполком, рассматривая разные варианты создания отдельного округа на Севере, всячески стремился дискредитировать соперничающий с ним центр власти. Мимоходом изложив преимущества Тобольска как центра связи с северными окраинами губернии и как гипотетического центра будущего округа (административная традиция, наличие культурных сил, центр сбыта и торговли и др.), тюменцы весь смысл обсуждения свели к тому, чтобы доказать полную непригодность Тобольска к выполнению этой роли. Констатировалось, в частности, что именно искусственно созданные условия подчинения северных уездов Тобольску способствовали «экономическому замиранию всего края и доведению населения до полной нищеты». В ход были пущены и «классовые» аргументы: доказывалось, что внимание прежней администрации обращалось на земельную часть бывшей Тобольской губернии, а опека над Севером была передана группе «рыбопромышленников, которые сумели создать такие экономические отношения с туземцами края, что последние очутились на положении рабов». Губисполком утверждал, что «...для оживления [северного — К. З.] края и поднятия действительно экономической мощи его следует раз и навсегда покончить с этой химерой исторических прав и отказаться быть рабами тобольских традиций, приведших край к полной нищете»¹.

Расчет тюменских лидеров явно делался на то, что, устранив Тобольск как конкурирующий центр управления Уральским Севером, Тюмень, опираясь на свои транспортно-экономические возможности, сможет явочным порядком перехватить инициативу развития связей с северными окраинами Уральской области. На этой ниве Тюменью была развернута бурная демонстративная активность, продолжавшаяся

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2367. Л. 33–34.

практически до момента создания Уральской области. В сентябре 1923 г., когда для Екатеринбурга вопрос о передаче Уральского Севера под управление Тобольска был почти решенным, Тюмень отчаянно настаивала на создании на Севере самостоятельных структур управления, предлагая себя в качестве курирующей этот процесс инстанции [3, с. 180–181]. Только сдержанность и консерватизм Москвы позволили погасить этот спор и максимально вернуть процесс районирования Уральского Севера в русло исторической преемственности и экономической логики.

Литература и источники

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / под ред. В. П. Петровой. Тюмень, 2003.
2. Зубков К. И. В тисках районирования: Тюмень на Омском межгубернском совещании 1923 г. // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего: сборник статей Международной научной конференции (Тюмень — Тобольск, 20–21 сентября 2019 г.). Тюмень, 2019. С. 202–209.
3. Зубков К. И. Северный округ Уральской области: несостоявшийся проект кампании по районированию (1922–1923 гг.) // Тобольск научный — 2017: материалы XIV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной Году экологии в России (Тобольск, 16–17 ноября 2017 г.). Тобольск, 2017. С. 178–181.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

WHERE TO BE THE “CAPITAL” OF THE URAL NORTH? (FROM THE HISTORY OF RIVALRY BETWEEN TYMEN’ AND TOBOL’S K IN THE 1920s)

The report is devoted to the analysis of changes in the “capital” positioning of the regional centres of Western Siberia (Tyumen’ and Tobol’sk) in relation to the Ural North during the regionalization of the 1920s. Their rivalry features the important role that, in addition to the underlying causes of the rise and fall of regional “capitals”, the factor of administrative-bureaucratic and ideological struggle could play in determining their fate.

Keywords: regionalization, regional “capital”, Tyumen’, Tobol’sk, Ural North

Кальмина Лилия Владимировна

д.и.н., в.н.с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)

E-mail: kalminal@gmail.com

ГЕОПОЛИТИКА – «ТВОРЕЦ» ЗАБАЙКАЛЬСКИХ СТОЛИЦ¹

УДК 94 (571.5)''18/19''

Проанализировав историю возвышения и упадка нескольких забайкальских городов во второй половине XIX — первой трети XX вв., автор доклада приходит к выводу: главным вершителем их судеб была геополитическая стратегия Российского/Советского государства на его восточных рубежах.

Ключевые слова: Забайкальская область, геополитическая стратегия, столица, Верхнеудинск, Нерчинск, Чита

Появление в 1851 г. на карте Сибири нового административно-территориального образования — Забайкальской области — было естественным результатом формирования региона как «исторической площадки» для утверждения России в Приамурье. Впоследствии военный губернатор Е. О. Мациевский в письме Приамурскому генерал-губернатору Н. И. Гродекову отмечал, что Забайкалье во время завоевания Амура «сыграло видную роль в снабжении войска и переселенцев скотом и хлебом» и «в продовольственном отношении стоит прочно», обеспечивая нужды населения². Один из инициаторов образования области, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, полагал, что введенный ему регион нуждается в укреплении путем создания новых административно-территориальных единиц, одной из которых должна стать область за Байкалом. Не в меньшей степени формирование области стало ответом Российского государства вызовам, продиктованным геополитическими реалиями. К середине XIX в. регион фактически стал политическим «перекрестком», где сошлись интересы двух групп стран: с одной стороны, России и Китая, имевших в регионе сложившиеся государственные территории, с другой — морских держав Англии и Франции, стремившихся к устойчивому присутствию здесь для расширения своего политического доминирования [5, с. 26]. Статус области в отличие от губернии предполагал упрощенную систему управления, позволявшую ее главе, военному губернатору, принимать управленческие решения самостоятельно, без долгих согласований [3, с. 40, 51].

Если в необходимости образования области никто не сомневался, то выбор ее «столицы» вызвал вопросы. По логике на эту роль могли претендовать либо Верхнеудинск, либо Нерчинск, которые были неформальными центрами западной и восточной частей Забайкалья. Верхнеудинск имел прочный статус «торгового города», приобретенный еще в XVIII в., что определялось его удобным географическим положением — в центре плодородного Западно-Забайкальского района, на пересечении рек Селенги и Уды и трактов на Иркутск, Кяхту и Баргузин. Город был «складским пунктом», куда на хранение свозились товары из иркутских хлебных и винокуренных магазинов, и «перевалочной базой», откуда шли пути в Нерчинск, Кяхту, Селенгинск. С 1768 г. в Верхнеудинске проводилась большая зимняя ярмарка, сыгравшая заметную роль в формировании торговых связей региона [2, с. 109–110; 9, с. 32, 33]. Здесь сосредоточивался рынок сбыта китайских товаров и продукции Западного Забайкалья, торговали товарами, привезенными из Москвы, с Нижегородской и Ирбитской ярмарок. Город был центром региональной ярмарочной торговли, снабжавшей всю область мануфактурой и кирпичным чаем³.

Нерчинск не обладал торговой репутацией, но уже в XVII–XVIII вв. стал административным, а также своеобразным культурным и научным центром Забайкалья, где обязательно останавливались участники всех академических экспедиций. Так же, как Верхнеудинск в Западном, Нерчинск «центрировал

¹ Доклад подготовлен в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

² Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 10847. Л. 69.

³ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1895 г. Томск, 1895. С. 224.

наиболее развитые в сельскохозяйственном отношении территории» Восточного Забайкалья [2, с. 43; 7, с. 21]. В 1840-х гг., в связи с присоединением к России Амурского бассейна, город стал «воротами» на Амур и в этом качестве пытался претендовать на статус столицы Забайкалья [9, с. 36–37]. Однако выбор в конечном итоге пал на Читу — по сути, село с несколькими сотнями человек населения и без каких бы то ни было градообразующих признаков. Новоиспеченной «столице» удалось обойти предполагаемых соперников исключительно в силу своего выгодного географического положения — в начале Амурского бассейна, что обеспечивало функционирование всей забайкальской территории как единого целого [6, с. 3] и отвечало интересам российской политики нейтрализации нарастающего влияния западных стран на Дальнем Востоке.

Получение Читой статуса региональной столицы обеспечило ей, по оценке справочного издания, «лихорадочно-прогрессивное», «с «американской быстротой», развитие»⁴. Если при проектировании Транссибирской магистрали Нерчинск, уже начавший сдавать позиции экономического и культурного центра Восточного Забайкалья, предсказуемо оказался в стороне, а Верхнеудинску пришлось доказывать свое выгодное географическое положение возможностью бесперебойной доставки «в случае экстренной усиленной перевозки войск... и других казенных транспортов... для стратегических целей»⁵, то Чита без всякой суеты закономерно оказалась на железнодорожной линии. Прошедшая через Верхнеудинск и Читу магистраль, давшая соперникам, казалось бы, равные шансы на рост населения за счет мигрантов, привлеченных перспективой высоких заработков, наглядно показала: областной центр далеко обошел центр уездный. Население последнего с 1897 по 1904 гг. выросло лишь на 15 % — с 8 086 до 10 297 чел., в то время как население Читы за то же время увеличилось с 11 511 до 41 098 чел., то есть в 3,5 раза⁶. По прогнозам современников, город имел большое будущее как географический и административный центр области [8, с. 9].

Дальнейшая история Забайкалья подтвердила: при усиленном развитии того или иного забайкальского города или равнодушного отношении к его упадку самодержавие в первую очередь руководствовалось геополитическими интересами. После Синьхайской революции 1911 г. и обретения Монголией независимости шанс подняться появился у Кяхты, которая с открытием непрерывного рельсового сообщения от Ханькоу до Москвы, существенно удешевившего доставку чая, как центр чайной торговли просто перестала существовать. Стремление России утвердиться в Монголии изменило вектор геополитической стратегии самодержавия в регионе: Западное Забайкалье вышло на передний план и стало позиционироваться как эпицентр внешнеполитической игры на Востоке [4, с. 169].

В дальнейшем продиктованные геополитикой метаморфозы в судьбе забайкальских городов были еще удивительнее. Например, русско-еврейский купеческий город Верхнеудинск был избран на роль столицы первого национально-государственного образования бурят — Бурят-Монгольской АССР. Выбор был обусловлен тем, что город находился в центре бурятского ареала, что соблюдало баланс интересов западных и восточных бурят; имел опыт «столичности» (с апреля по ноябрь 1921 г. был столицей Дальневосточной республики, а в 1921–1922 гг. — центром автономной области бурят в ДВР) и был наиболее удобен с геополитической точки зрения (близость к Монголии) [1, с. 81]. По сути, Верхнеудинск был назначен столицей Бурят-Монгольской республики, как в свое время Чита была назначена столицей Забайкальской области.

Литература и источники

1. Балдано М. Н., Кириченко С. В. Городское пространство Верхнеудинска / Улан-Удэ: от уездного города к столице республики // Идеи и идеалы. 2015. № 2 (24). Т. 1. С. 74–93.

⁴ Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. Иркутск, 1911. С. 527.

⁵ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 577. Л. 3.

⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1904. Т. 74: Забайкальская область. С. 2–3.

2. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII– XIX вв. Улан-Удэ, 2007.
3. Кальмина Л. В., Малыгина О. А. «Блюститель неприкосновенности»: институт военного губернатора Забайкальской области. Улан-Удэ, 2016.
4. Кальмина Л. В., Плеханова А. М. Забайкалье в государственной геополитической стратегии России в 1900-е–1920-е гг.: смена вектора // Власть. 2014. № 4. С. 167–171.
5. Мерцалов В. И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1841–1895) // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 3. С. 26–33.
6. Мерцалов В. И. Город Чита: возникновение и развитие (1851–1895 гг.) // Вестник Читинского государственного университета. 2012. № 5 (84). С. 3–10.
7. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX — начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ, 2010.
8. Солдатов В. Железнодорожные поселки по Забайкальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. СПб., 1912. Вып. 2. Т. 5. Ч. 1.
9. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах Байкальской Сибири). Иркутск, 2011.

Lilia V. Kalmina

Doctor of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch of the RAS (Russia, Ulan-Ude)
E-mail: kalminal@gmail.com

GEOPOLITICS AS TRANSBAIKALIA'S CAPITALS CREATOR

The author came to conclusion: the main generator of the development was geopolitical strategy of Russian/Soviet state on their eastern borders, the process of several Transbaikalia's towns rise and decline during the second half 19 — first third 20th centuries having been analyzed.

Keywords: Transbaikalia region, geopolitical strategy, capital, Verkhneudinsk, Nerchinsk, Chita

Коновалова Ирина Геннадиевна

д.и.н., г.н.с., Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)

E-mail: irina_konvalova@mail.ru

СТОЛИЧНЫЕ ГОРОДА В ПРОСТРАНСТВЕ ХАЛИФАТА (VII–X вв.)

УДК 94(53)“6/9”

Доклад посвящен роли столиц в имперском пространстве на разных этапах истории Халифата VII–X вв. Неоднократные переносы столиц рассматриваются в контексте расширения границ Халифата, трансформации его административно-политической структуры и этнорелигиозной борьбы. Также исследуется символический капитал столичных центров, сохранявшийся несмотря на утрату последними статуса политических столиц.

Ключевые слова: город, столичность, региональные столицы, Халифат, Средние века

История Халифата дает возможность проследить роль столичных городов в имперском пространстве на разных этапах складывания государства — от его возникновения в VII в. до политической дезинтеграции в конце IX–X в.

Первоначальной столицей Халифата была Медина — исходный пункт арабской экспансии [3, с. 382–385]. В 632 г., в год смерти Мухаммада, Халифат охватывал территорию Аравийского полуострова, но в результате победоносной экспансии арабов за три последующих десятилетия поглотил Сасанидский Иран, византийские владения на Ближнем Востоке, Египет и Ливию. Затем арабами были завоеваны и другие земли, так что к середине VIII в. Халифат включал в себя огромные пространства от Испании и Магриба на западе до Инда и среднего течения Сырдарьи на востоке, от Дербента на севере до Египта и Аравии на юге. Таким образом, в короткий срок была создана огромная империя, объединявшая территории с разным уровнем социально-экономического развития и народы, различавшиеся в этнокультурном и религиозном плане, а ее хозяева оказались лицом к лицу как с практическими вопросами управления государством, так и с более общей проблемой ментального освоения новых пространств.

Территории Халифата, ранее принадлежавшие Византии и Ирану, были областями с высокоразвитой городской жизнью. Большая часть крупных городов (Дамаск, Эдесса, Иерусалим, Александрия и др.) в ходе завоевания не подверглась разорению, а перешла к арабам по договору [5, с. 93–113]. На эту уже существовавшую сеть городов наложилась редкая сеть новых центров, которыми стали построенные арабами военные лагеря, служившие базой для дальнейшего продвижения арабских войск: Куфа, Басра и Мосул в Ираке, Фустат в Египте, позднее — Кайруан (совр. Кайруан) в Тунисе [2; 3, с. 49–51, 64–65, 258–262, 290–298, 412–413; 5, с. 115–139]. Именно эти военные лагеря стали новыми административными центрами на завоеванных территориях. К середине VII в. территория Халифата была разделена на провинции: Мекка, Таиф, Йемен, ал-Джанада, Куфа, Басра, Египет, Химс, Дамаск, Бахрейн и Оман. Провинциями управляли наместники, назначавшиеся из военачальников. Наместник выполнял функции имама, возглавлял войско, был верховным судьей и отвечал за сбор и учет налоговых поступлений с подведомственных ему земель.

В этой обстановке Медина, отделенная от границ Халифата несколькими тысячами километров, стала быстро утрачивать свой столичный статус [3, с. 382–385]. Центры принятия решений все больше перемещались в Куфу, Басру, Фустат, а наместники провинций все меньше зависели от центра в финансовом и военном отношении. На фоне такого перераспределения сил попытки халифа и его ближайшего окружения рассматривать все земли Халифата и общинную казну как свою собственность воспринимались на местах особенно болезненно. Точку в этом процессе поставила разразившаяся в 656 г. Первая гражданская война, завершившаяся в 661 г. победой наместника Сирии Муавии (основателя династии халифов-Омейядов) и переносом центра политической жизни Халифата в Сирию, а его столицы — в Дамаск [3, с. 108–111]. За Мединой осталась функция сакральной столицы.

Хотя Дамаск принято считать столицей Омейядов (661–750 гг.), он не был столицей в полном смысле этого слова, так как его столичный статус был весьма неустойчивым. В Сирии и Палестине находилось не меньше десятка омейядских дворцов: Йазид I жил в Хувварине, Сулайман — в Дабике, Омар II — в ал-Хунасире, Йазид II — в резиденции в ал-Балка, ал-Хишам — в Русафе [1, с. 55]. Долгое время эту множественность резиденций рассматривали как рудимент кочевой жизни, однако впоследствии ее стали связывать с политическими причинами — со стремлением жить в районах тех племен, которые поддерживали того или иного халифа.

В ходе Второй гражданской войны (680–692 гг.) за столичный статус сражались сразу несколько городов, располагавшихся вне Сирии: Мекка, Медина и Куфа противопоставили себя Дамаску, но как конкурирующие центры власти в итоге потерпели поражение.

К середине VIII в. завоевания новых земель прекратились и границы Халифата стабилизировались. В то же время структура государства при Омейядах была унаследована от эпохи завоеваний и целиком опиралась на родоплеменную организацию арабов, сохранявших племенное деление и традиции при поселении на завоеванных землях. Поэтому в первой половине VIII в. Омейяды, которые управляли государством как империей арабов, занимавших господствующее положение по сравнению с другими входившими в Халифат народами, столкнулись с широким недовольством их политикой.

Сменившие Омейядов халифы из династии Аббасидов (750–1258 гг.) перенесли политический центр государства из Сирии в Месопотамию. Первоначально столицей стала Куфа, где в период борьбы с Омейядами находился руководящий центр Аббасидов и где был провозглашен первый аббасидский халиф Абу-л-Аббас. Однако вскоре он избрал своей резиденцией город Анбар на р. Евфрат, а его преемник ал-Мансур поначалу обосновался в крепости ал-Хашимийа, расположенной между Куфой и Басрой.

Впоследствии ал-Мансур начал строительство нового столичного города — *Мадина ат-салам* (букв. «Город благоденствия»), или Багдада. Он был заложен в 758 г. неподалеку от древней парфянской и сасанидской столицы Ктесифона, в центре густонаселенного региона, на пути в восточные провинции Халифата [2; 4]. Багдад изначально строился как центр исламской империи и символ ее новой идентичности [3, с. 30–38; 5, с. 221–245]. Переход власти от Омейядов к Аббасидам был не просто сменой правящей династии. Он сопровождался радикальными социально-политическими изменениями, в результате которых Халифат превратился из империи арабов в общемусульманское государство. В отличие от Омейядов Аббасиды позиционировали себя как лидеры всей исламской общины, принадлежавшим к которой считался любой мусульманин, даже живший за пределами Халифата. Аббасиды превратили Халифат из арабской империи в исламское государство, где вероисповедание стало важнее для определения статуса человека, чем его этническая принадлежность.

В связи с прекращением масштабных внешних завоеваний в эпоху Аббасидов на первый план вышли внутренние проблемы — прежде всего обеспечение контроля над провинциями, централизация и унификация управления, упорядочение налогообложения, консолидация входивших в империю народов на основе исламских ценностей. Аббасиды стремились превратить Халифат в централизованное государство, в котором верховная власть опиралась бы на мощный бюрократический аппарат. С этой целью в провинциях создавались — по образцу столичных — административные, военные и финансовые учреждения. Новая столица стала паттерном для провинциальных центров.

По решению ал-Му'тасима (833–842 гг.) резиденцию халифа перенесли из Багдада в Самарру, надеясь таким образом избавиться от неудобств, которые ему доставляла размещенная там халифская гвардия (ее численность при ал-Му'тасиме достигла 70 тыс. чел.). Однако в своей новой столице халифы быстро попали в полную зависимость от гвардейских военачальников и через несколько десятилетий, в течение которых сменилось восемь халифов, ал-Мутамид (870–892 гг.) вернул столицу в Багдад.

Единая для аббасидского Халифата арабо-мусульманская культура на деле существовала во множестве локальных вариантов, формировавшихся по мере взаимопроникновения исламской идеологии и местных культур. Свое политическое выражение это культурное многообразие находило в появлении

местных династий, тяготившихся зависимостью от Багдада, что положило начало дезинтеграции Халифата в конце IX–X вв. Наряду с множеством местных правителей-эмиров, были провозглашены и два новых халифата — Фатимидов в Тунисе (909–972 гг.), Египте и Сирии (969–1171 гг.), а также испанских Омейядов (с 929 г.), что привело и к возвышению новых исламских столиц, прежде всего Каира и Кордовы.

Литература и источники

1. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. Социально-экономические отношения. М., 1984.
2. AlSayyad N. Cities and Caliphs: On the Genesis of Arab Muslim Urbanism. New York, 1991.
3. Historic Cities of the Islamic World / ed. by C. E. Bosworth. Leiden; Boston, 2007.
4. Kennedy H. When Baghdad ruled the Muslim world. The Rise and Fall of Islam's Greatest Dynasty. Cambridge, 2006.
5. The City in the Islamic World / ed. by S. K. Jayyusi et al. Leiden; Boston, 2008. Vol. 1–2.

Irina G. Konovalova

Doctor of Historical Sciences, Institute for World History at the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: irina_konovalova@mail.ru

CAPITAL CITIES IN THE SPACE OF THE CALIPHATE (7th–10th CENTURIES)

The paper examines the role of capital cities in the imperial space of the Caliphate in the 7th-10th centuries. Repeated transfers of capital cities are considered in the context of expanding the boundaries of the Caliphate, transformation of its administrative and political structure and ethno-religious conflicts. The symbolic capital, which was preserved despite the loss of the status of political capitals, is also explored.

Keywords: city, capital city, regional capital center, Caliphate, Middle Ages

Корчагин Павел Анатольевич

к.и.н., с.н.с., Институт гуманитарных исследований УрО РАН — филиал Пермского ФИЦ УрО РАН
(г. Пермь)

E-mail: pakorchagin@gmail.com

«НАШ ПЕРМСКИЙ ТРОН»: ПРЕТЕНЗИЯ НА СТОЛИЧНОСТЬ?

УДК 94(470.53) “1781/1797”

В докладе обсуждается наличие столичного статуса у г. Перми в 1781–1797 гг., когда в доме пермского генерал-губернатора стоял «трон со всеми ко оному принадлежащими вещьми».

Ключевые слова: Пермь, трон, престол, столичность

Очень много в России претендентов на столичность...

Вынесенная в эпитаф цитата из статьи А. А. Овсянникова [7, с. 3] как нельзя лучше характеризует ситуацию, сложившуюся как в современной России, так и в отечественной гуманитарной науке, когда термин *столичность* широко употребляется в отношении не только крупных, но и малых городов. При этом заметим, что ни в академических, ни в иных солидных словарях соответствующей статьи обнаружить не удастся, за исключением специфической иллюстрированной энциклопедии, предназначенной для «учащихся, студентов, широкого круга читателей»: «**АСТЕИЗМ** (греч. *asteismos* — букв. столичность), вид *иронии* как *тропа* использование самоуничижающих слов для скрытого самовосхваления» [5, с. 36].

Но поскольку дискурс наличествует, есть резон посмотреть на исторические прецеденты, которые при желании можно истолковать как наличие столичного качества у городов, столицами не бывавшими, но имевшими статус наместнических центров.

В фондах Государственного архива Пермского края сохранилось «Дело о переводе трона из дома пермского генерал-губернатора в Петербург» (23 мая 1781 г. — 19 мая 1797 г.)¹, впервые введенное в научный оборот О. А. Мельчаковой [6]. Документы (по большей части черновые отпуски) подшиты не в хронологическом порядке, но общую хронологию переписки выяснить вполне возможно.

Наиболее ранним документом (Тобольск, 23 мая 1781 г.) является неподписанное распоряжение «поручику правителя» инженеру-полковнику А. И. Лопухину, ведавшему строительством в учреждаемом наместничестве, которое мог написать только его непосредственный начальник — генерал-губернатор Е. П. Кашкин:

«Государь мой Андрей Иванович! Лопухину. В бытность мою в Москве, послал я в Тверь для снятия с тамошнего трона меры и рисунка, господина секунд майора Левшина; и хотя от него никакого о том известия не получил: однако прошу постараться, потребного *для нашего пермского трона* [жирный курсив здесь и далее мой — П. К.] лесу, и на позолочение золото, приготовить... а может еще и других каких заказаны ль вами для мест не имев сведения и для того о том напоминаю дабы не учинилось остановки»².

Тверское наместничество было первым (наряду со Смоленским) открытым 25 ноября 1775 г. в соответствии с указом Екатерины II «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». Именно поэтому его примером и было решено воспользоваться при открытии наместничества Пермского.

К осени (2 октября 1781 г.) проект пермского трона был утвержден:

«Государь мой Александр Федорович! В церемониале бывшем при открытии Тверскаго наместничества означено что в зале *под балдахинном из малинового бархата* с золотым позументом и бахромой поставлен был портрет Ея Императорского Величества на месте возвышенном двумя ступенями *поставлены были большия креслы* и *поворочены к портрету*; а *перед оным* на возвышенном одном ступенье месте покрытом алым сукном *креслы для государева наместника*; следовательно и нам надлежит наше намерение

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 4. Д. 225.

² Там же. Л. 2–3.

переменить и третьей ступени не делать; а сделать против вышесказанного одною ступенью возвышенное место, и покрыть сукном, которого имеется довольно; почему изволте таким образом и исполнить»³.

Все работы по изготовлению трона были закончены в срок и «18 числа утром... по совершении молитвы и окропления жилища св. водой, генерал-губернатор *пред портретом государыни императрицы Екатерины II* говорил длинную речь, в которой обращаясь к губернатору и чиновникам, изложил всю важность и необходимость строгого исполнения обязанностей, возлагаемых государыней и законом» [3, с. 31–32].

22 января 1789 г. была произведена «ассесором Кощенецом и адъютантом Скорняковым казенному строению имуществу» опись, в которой трон был описан следующим образом: «Портрет Ея величества блаженной и вечно достойной памяти государыни императрицы Екатерины Вторья в резных золоченых больших рамах один, при нем занавес малиноваго бархата с позументом и бахромою золотою один, кистей золотых шесть, подзор с позументом и бахромою золотою один, *кресла золоченныя* обитыя малиновым бархатом с позументом *одно, рундук о двух ступенях* обит малиновым бархатом один»⁴.

6 ноября 1796 г. на российский престол взошел Павел I, начавший реформу административно-территориального устройства. Указами от 12 и 31 декабря 1796 г. все наместничества были преобразованы в губернии, а уже 5 мая 1797 г. пермский губернатор К. Ф. Модерах получил отправленное 9 апреля 1797 г. письмо генерал-прокурора князя А. Б. Куракина:

«Милостивый государь мой Карл Федорович! Его императорское величество Высочайше повелеть соизволил: имеющийся Пермской губернии в доме Генерала-Губернатора *трон со всеми ко оному принадлежащими вещьми* прислать в Санкт Петербург. О сей высокомонаршей воле сообщая вашему превосходительству к зависящему со стороны вашей исполнению, покорно прошу приказать трон сей со всеми принадлежностями доставить прямо ко мне»⁵.

В конце концов трон был разобран, его части «порядочным образом в ящики уложены» и отправлены водой в Петербург под присмотром управителя каравана прапорщика Мурыгина. На разборку и «укупорку» было затрачено «суммы денег 18 рублей». Но сейчас нас интересуют конструктивные детали и размеры трона. Из некоторых пунктов «Реестра вещам составляющим трон в генерал губернаторском доме стоявший...» они становятся более понятны: «Деревянной *небольшой балдахин* у коего три стороны золоченые. На том балдахине деревянной золоченой герб и деревянной же кумпол с золоченною шишкою отянутой малиновым бархатом коего будет *аршин пять...*»⁶

Итак, «трон сей со всеми принадлежностями» представлял собой обитый алым сукном двухуровневый подиум (рундук), на нижней ступени которого устанавливалось кресло генерал-губернатора, а на верхней — символический трон, «повороченный» к монаршему портрету, над которым возвышался на четырех столбиках «балдахин» с деревянным шатром и гербом. Упомянутый балдахин являл собой опять же символическую сень, свидетельствующую о сакральном значении покрываемого предмета. По крайней мере, «Словарь Академии Российской», максимально приближенный хронологически к изучаемым событиям, об этом свидетельствует: «БАЛДАХИН, на, с: и. Итал. Архитектурное украшение на четырех столпах, служащее для покрывания отличных мест, напр.: престола церковнаго, Царскаго места и пр. Называются также сим именем и другия подобныя церковным балдахинам украшения, употребляемые в других случаях» [9, ст. 88–89]. «СЕНЬ... 2) Шалаш, куща, намет, шатер... 3) В церкви: наречии называется *навес над св. престолом и над царскими вратами*. 4) Защита, покров...» [10, ст. 1061].

Судя по длине «отягивающего» балдахин по периметру малиноваго бархата (5 аршин), квадратная конструкция имела до 20 вершков (около 90 см) по каждой стороне. К моменту описи 22 января 1789 г.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 7об.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 9.

из комплекта исчезло генерал-губернаторское кресло, поскольку учтено только «*кресла* золоченные обитыя малиновым бархатом с позументом *одно*».

Обратим внимание, что во всех документах дела никогда не употребляется термин *престол*, но исключительно *трон*. Согласно «Словарю Академии Российской»: «**ТРОН** ... на. с. м. Греч. Царский престол» [11, ст. 272]. В вышедшем позднее «Толковом словаре...» В. И. Даля читаем: «**ТРОН** м. государев престол, *стар.* стол, *царския кресла*» [2, ст. 379].

И это существенно отличается от «**ПРЕСТОЛ**, ла. с. м. 1) В олtare стол четверугольный стоящей противу царских врат, на коем безкровная жертва приносится. 2) Возвышенное седалище, на которое Государь возсedaют. *Престол царский. Государыня во время приема посла сидеть изволила на престоле*» [10, ст. 476]. «**ПРЕСТОЛ** м. (*пре* и *стол*) вообще, *священное место*, как представительство высшего, на небесах и на земли. В церкви, столик в алтаре, перед царскими вратами, на коем совершается таинство Евхаристии... Престол государя, трон, седалище разного вида, для торжественных случаев...» [1, ст. 408–409].

Итак, в понимании россиян (бюрократии в том числе) на грани XVIII–XIX в., несмотря на синонимичность, *трон* представляется лишь как *креслы*, но не как «главная принадлежность алтаря христианского храма» [12, ст. 87–88], не случайно в позднейших словарях он толкуется как просто «богато отделанное кресло на специальном возвышении» без какого-то сакрального смысла.

«Первый от русских князей» наместник В. А. Ковер был назначен на Пермь Великую в 1505 г. [4, ст. 132]. Уже после эвакуации трона из Перми 25 октября 1804 г. К. Ф. Модерах был назначен генерал-губернатором Пермским и Вятским⁷. И в первом, и в последнем, и в других случаях сведений об устройстве в наместнических городах символических сооружений нет, что свидетельствует об отсутствии традиции (тем более официальных подзаконных актов) каким-либо образом маркировать особый статус наместничества или его административного центра.

Заметим также, что *престононаследие* — это наследование престола, но не трона, и не от слова *трон* образовано само слово *столица*. «**СТОЛИЦА**, цы. с. ж. Главный, *престольный* город, в котором Государь имеет свое пребывание. *Москва и С: Петербург столицы Российской Империи*» [10, ст. 745]. Кое-какие пояснения получаем из определения В. И. Даля: «*Стол, стар.* и *церк.* престол, столица, место пребывания и сан государя... **Столица**, *стольный, престольный* город, главный, первый в государстве, где *пребывает высшее правительство, государь*» [2, ст. 299–300]. Столица — именно престольный город и никак иначе...

Наместническая Пермь, как и подобные города, имевшие местные троны, лишь символизирующие верховную власть, но не имевшие настоящего престола, как священного места реального присутствия монарха, столичным городом не была ни юридически, ни фактически. Иной подход к решению проблемы, к толкованию совершенно определенных терминов, иное отношение к историческим фактам и источникам, находится за пределами строгой истории как науки об обществе. Постмодернистские штудии по поводу концепта *столичность*, особенно, применительно к нестоличным городам, могут позволить себе лишь представители отдельных гуманитарных дисциплин, для которых «концепт столичности не выстраивает центр-периферийные отношения, но позволяет локальным сообществам актуализировать параллельные ментальные противопоставления, которые необходимы для выделения себя из общей массы за счет противопоставления на отдельном участке идентичности» [8, с. 86].

Литература и источники

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 3.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4.
3. Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми. Пермь, 1889.
4. Иоасафовская летопись. М., 1957.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4-1809. Д. 44. Л. 2об.

5. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М., 2007.
6. Мельчакова О. А. Царский трон в Перми // Архив города Перми. URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?page=tsarskij-tron-v-permi-2> (дата обращения: 25.05.2023).
7. Овсянников А. А. Социология столичности: смыслы и стратегии // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5. С. 110–115.
8. Окунев И. Ю. Столица и столичность: институт и символический капитал // Философские науки. 2016. № 1. С. 86–87.
9. Словарь Академии Российской. СПб., 1789. Ч. 1.
10. Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. 5.
11. Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. 6.
12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. 25 (49): Пряга — Просрочка отпуска.

Pavel A. Korchagin

Candidate of Historical Sciences, Institute of Humanitarian Studies, Ural Branch of the RAS (Russia, Perm)

E-mail: pakorchagin@gmail.com

“OUR PERM THRONE”: A CLAIM TO THE CAPITAL?

The report discusses the existence of the capital status of Perm in 1781–1797, when there was “with all the things belonging to it” in the house of the Perm Governor-General.

Keywords: Perm, throne, throne, capital

Куприянов Александр Иванович

д.и.н., г.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)

E-mail: akoupryanov@rambler.ru

СПОРТ КАК АТТРИБУТ «СТОЛИЧНОСТИ» В ПОСЛЕВОЕННОМ СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 94(47)''19'':796

В XX в., особенно после Первой мировой войны, спорт и спортивные зрелища становятся неременным атрибутом жизни общества, в первую очередь жизни населения столичных городов. Это суждение справедливо и для России, где крупнейшими центрами спортивной жизни стали Москва и Петербург. По окончании Второй мировой войны в СССР идет процесс проникновения «большого спорта» в крупные центры страны.

Ключевые слова: культура, спорт, досуг, советское общество, региональная история

В Советском Союзе, несмотря на предпринятые еще в 1930-е гг. усилия по приобщению к занятиям физической культурой максимального числа людей, преодолеть разрыв между явными лидерами спортивной жизни страны и хотя бы крупными индустриальными центрами так и не удалось. Сразу после окончания Второй мировой войны стало ясно, что высшее руководство страны намерено выйти из изоляции и активно участвовать в международной спортивной жизни. В 1945 г. Всесоюзным Спорткомитетом был разработан план строительства спортивных объектов на 1946–1950 гг.

Сопроводительные материалы к перечню спортивных сооружений и сметным суммам, необходимым на их возведение¹, обнаружить не удалось. Поэтому реконструкция мотивов, которыми руководствовался Спорткомитет, планируя размещение спортивных объектов, будет опираться на наиболее распространенные факторы: административный статус города, численность населения, природно-климатические условия и локальные культурно-исторические традиции, которые будут редуцированы применительно к решению стоящих задач до уровня развития спортивной жизни города.

Планы сооружения новых стадионов первостепенное внимание уделяли столицам союзных республик. Республиканские стадионы предлагалось построить во всех 16 столицах советских республик. Самыми скромными предстают пятитысячные арены в Петрозаводске, Фрунзе и Сталинабаде², население каждого из которых могло разместиться на трибунах московского гиганта, рассчитанного на 100 тыс. зрителей. На 10 тыс. человек планировали построить стадионы в Кишиневе и Ашхабаде, на 15 тыс. в Вильнюсе и Алма-Ате, на 20 тыс. в Таллине, на 30 тыс. в Баку, Ереване, Минске, Тбилиси, Риге, Ташкенте. Наиболее крупный стадион с наполняемостью до 50 тыс. зрителей был запланирован в Киеве. Вместимость республиканских стадионов, кроме Петрозаводска, Фрунзе и Сталинабада, не имела четкой привязки к численности столиц союзных республик. Так, 30-тысячные арены планировалось построить в Киеве (846 тыс. чел.) и в Баку (810 тыс. чел.), с одной стороны, а с другой — в Ереване, где до войны проживало всего 189 тыс. чел., и в Минске (238 тыс. чел.). Преференции получили столицы западных республик: Белоруссии, Эстонии, Литвы, а также Армении. Расчет строился на том, что в прибалтийских республиках спорт получил неплохое развитие до Второй мировой войны, поэтому советской пропаганде надо было показать миру, что социалистический строй создал более благоприятные условия для занятий спортом, чем при буржуазных режимах. В некоторой степени такие резоны оправдывают и строительство большого стадиона в Минске, но здесь была и другая причина — наличие в столице Белоруссии штаба и управления военного округа.

Руководствуясь критериями численности населения и наличия/отсутствия штаб-квартиры военного округа, в Ереване вместимость стадиона не должна была превышать 15 тыс. зрителей, но стадион здесь

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 47. Д. 213.

² Статистически данные о числе горожан приведены преимущественно по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. «Численность населения СССР на 17 января 1939 г.» (М., 1941).

был запланирован такой же, как и в столицах других Закавказских республик, значительно превосходивших своей численностью столицу советской Армении. Спорткомитет здесь четко держал линию на равенство закавказских республик.

Крупные по вместимости стадионы, рассчитанные на 30 тыс. зрителей, планировалось возвести в ряде областных центров России и Украины: Казани, Горьком, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Сталинграде, Днепропетровске, Львове, Одессе, Сталино (Донецке), Харькове, и, конечно, Свердловске. Свердловск в те годы соответствовал всем критериям для отнесения его к крупнейшим центрам спортивной жизни: численность населения, заводы оборонного комплекса, многочисленный рабочий класс, студенты и учащиеся, крупный воинского гарнизона и штаб Уральского военного округа.

Корреляция между численностью населения и размерами стадионов в областных центрах России и Украины (за редкими исключениями) прослеживается прямая. Армейский фактор (штаб Львовского военного округа) сыграл, вероятно, главную роль и в том, что во Львове, довоенное население которого составляло 215 тыс. чел. был запланирован стадион на 30 тыс. чел. Строительство такого стадиона, учитывая колоссальные демографические потери Львова в войне, предстает немотивированным. Напротив, в тех городах, где не было штаб-квартир военных округов — в Саратове, Ярославле, Челябинске, Омске, население которых заметно превышало Львов, — было предусмотрено строительство лишь двадцатитысячных стадионов.

Строительство стадионов было запланировано во всех областных центрах России (исключая Камчатку и Сахалин), Украины и Белоруссии. Напротив, в Средней Азии, кроме республиканских центров, предполагалось строительство единственного стадиона, в Самарканде. Не многим лучше была ситуация и на бескрайних просторах Казахстана, где предусматривалось строительство четырех небольших стадионов на севере республики: в Актюбинске, Уральске, Караганде и Семипалатинске. В Грузии стадион планировалось возвести в Батуми (5 тыс.)³. Эта ситуация означала, что Спорткомитет, выполняя «политическую» задачу — иметь в столице каждой республики современный стадион — не стремился в ближайшие годы расширять географию спорта, выравнивая социокультурный уровень развития республик. Справедливо ли это умозаключение для региональных столиц РСФСР в 1940–1950-е гг.?

В послевоенные годы стадионы выполняли разнообразные функции. Они служили местом проведения массового досуга. Во-первых, как зрелище: летом — футбол, зимой — хоккей с мячом и хоккей с шайбой. Достаточно популярны были на открытых площадках волейбол и баскетбол. Во-вторых, как место для массовых занятий спортом, особенно учитывая колоссальный дефицит спортивных залов и плавательных бассейнов. Кроме того, стадионы выполняли задачу посредством наглядной агитации укреплять культ Сталина, портреты которого присутствовали на каждом правильно устроенном стадионе. В столицах союзных республик и областных центрах стадионы нередко носили имя сталинских соратников: Ворошилова, Кагановича, Кирова, Молотова, Хрущева и др. Показательно, что республиканский стадион в Киеве носил имя первого секретаря компартии Украины Никиты Хрущева, до этого его репрессированного предшественника Станислава Косиора, а прежде — вождя мировой революции Льва Троцкого. Стадионы служили ареной для многочасовых физкультурно-гимнастических праздников, с обязательными многочисленными портретами Сталина и других членов Политбюро, а также разнообразной советской символикой.

Далеко не каждый областной центр являлся культурной столицей региона. В этом отношении Свердловск еще в середине 1930-х гг. сформировал реноме важного центра на спортивной карте страны. Спортсмены из Свердловска участвовали в первых послевоенных чемпионатах СССР по хоккею с шайбой, хоккею с мячом, который выиграли, волейболу, не говоря уже об индивидуальных видах спорта. Спортивную честь города отстаивали две команды мастеров футбола. Напротив, в соседней Тюменской области в 1940–1960-х гг., практически полностью отсутствовал сектор спорта высших

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 213. Л. 8–10.

достижений, поэтому в Свердловске и в Тюмени в физкультурно-спортивной жизни были разные повестки. В Свердловске: борьба за победы на всесоюзных турнирах и подготовка ведущих атлетов к международным соревнованиям. А для спортивной провинции, к которой относилась и Тюменская область, в год Олимпиады в Хельсинки, где свердловские тяжелоатлеты Николай Саксонов и Аркадий Воробьев завоевали медали, актуальной была совсем иная повестка, иные цели и задачи, направленные «на привлечение широких масс населения области к систематическим занятиям физической культурой и спортом»⁴.

Преодолеть этот разрыв между центрами двух регионов в советское время было фактически невозможно. Более того, в условиях, когда в 1958 г. высшее руководство страны взяло курс на сокращение строительства административных зданий, объектов культуры и спортивных сооружений, ситуация лишь ухудшилась. Так, оба крупных спортивных объекта Тюмени остались замороженными на долгие годы, а в Свердловской и в Челябинской областях правительство разрешило продолжить в 1959 г. строительство пяти сооружений в каждой из этих областей. Очевидно, что руководство Тюменской области не имело такого символического капитала, как руководители двух уральских регионов.

Alexander I. Kupriyanov

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: akoupriyanov@rambler.ru

SPORT AS AN ATTRIBUTE OF “CAPITAL” IN THE POST-WAR SOVIET SOCIETY

In the 20th century, especially after the First World War, sports and sports spectacles become an indispensable attribute of society. First of all, the lives of the population of capital cities. This judgment is also true for Russia, where Moscow and St. Petersburg have become the largest centers of sports life. After the end of the Second World War in the USSR, the process of penetration of “big sport” into the major centers of the country is underway.

Keywords: culture, sport, leisure, Soviet society, regional history

---

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-564. Оп. 1. Д. 204. Л. 1.

Милогина Елена Георгиевна

д.филол.н., профессор, Тверской государственный университет (г. Тверь)

E-mail: elena.milyugina@rambler.ru

Строганов Михаил Викторович

д.филол.н., в.н.с., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва)

E-mail: mvstroganov@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГОРОДА КАК РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТОЛИЦЫ: МИССИИ И СУДЬБЫ

УДК 711.43

В докладе актуализирован концепт «столичность» применительно к региональным центрам. На примере Великого Новгорода и Твери реконструирован процесс становления региональной столицы и выявлены риски ее несостоятельности. В контексте управления рисками проанализированы сценарии столичности и исключительности.

Ключевые слова: концепт «столичность», региональная столица, сценарий столичности, сценарий исключительности, исторический город

Под концептом «столичность» современные политологи и регионоведы понимают «сочетание в крупнейшем политическом и культурно-историческом центре страны территориальной сверхконцентрации производительных сил, сверхспециализации функций управления и определяемого ими специфического образа жизни населения, обладающего мультипликатным эффектом и оказывающим интенсивное воздействие не только на собственно столичный центр, но и его территориальное окружение» [2, с. 318]. В эпохи социально-политической и экономической стабильности столицей государства является тот город, которому присуща столичность. В кризисной политической и экономической ситуации столичность может проецироваться на провинциальный город, что позволяет рассматривать его при альтернативном развитии исторических событий в качестве претендента на статус столицы. Вероятность превращения провинциального города в региональную столицу зависит от индекса его урбанизации, внешних (территориально-географических) факторов и внутренних (социально-психологических и философских) установок, иначе говоря — от локации, наличия природных и человеческих ресурсов и продуктивности управления.

Потенциалом стать столицей / региональной столицей изначально обладали, очевидно, все исторические города, поскольку они возникали в географически выгодном месте, собирали вокруг себя земли и общины и были фактически столицами княжества / республики. В числе первых (на территории современной России): Новгород (859 г.?) — Новгородская земля / Новгородская республика (ок. 882–1478 гг.), Ростов (862 г.) — Ростовское княжество (ок. 989 г., позже удельное в составе Владимирского княжества 1207–1474 гг.), Смоленск (863 г.) — Смоленское княжество (ок. 990–1404 гг.), Суздаль (1024 г.) / Владимир (1108 г.) — Владимиро-Суздальское княжество / Великое княжество Владимирское (1125–1389 гг.) и т. д. Население этих земель составили различные народные общности и потоки, между которыми не было резких этнографических и языковых границ; поэтому князь и образовавшиеся территориальные группы назывались по локальному центру: новгородцы, ростовцы, смоляне, владимирцы, суздальцы и т. д. Ментальное единство и сплоченность этих локальных сообществ отразились в паремическом дискурсе, фиксирующем их духовно-нравственные качества: честность («Новгородская честь. Новгородская душа»), религиозность («Ездил черт в Ростов, да напугался крестов»), независимость («Якой губернии? — Смоленской. — Якого уезда? — Города Дорогобужска. — Якой волости? — Демьяновой посадки. — Якого села? — С Ивановой усадьбы. — Якого боярина? — Про то не ведам»), мастерство и трудолюбие («Владимирцы — каменщики», «Суздальцы — богомазы») и т. д. [1, с. 210, 212, 217]. Межобщинные конфликты и княжеская междоусобица актуализировали стремление локального сообщества к самоидентификации и утверждению самобытности (в языковом, этнографическом, культурном, политическом отношении), что стимулировало развитие столичных амбиций и, в логике популизма, выражалось в возникновении неофициальных, народных названий территорий.

Локативные названия (по городу-столице) — Новгородчина, Ростовщина, Смоленщина, Суздальщина, Владимирщина и т. п. — акцентировали собственное имя территории, ее единичность и уникальность; квалитативные (по реке) — Поволжье, Поднепровье, Подвинье, Пошехонье, Донщина и др. — подчеркивали размер, протяженность и культурно-хозяйственные связи территории, нивелируя социокультурные различия и имена составлявших ее княжеств.

В какой мере обиходное, народное именование территорий отражало их социокультурный потенциал и определяло будущее? Сравним исторические миссии и судьбы равно заявлявших о своих столичных амбициях Новгорода, столицы Новгородчины, и Твери (1135 г.), столицы более молодого Тверского княжества (1247–1485 гг.), обиходного названия не получившего и традиционно соотносящегося с Верхневолжьем.

Новгород реализовал символический потенциал столичности для региональной консолидации, став после переноса столицы в Киев (882 г.) столицей Новгородчины со своей особой этнокультурой (варяги / славяне) и диалектом, а с учреждением епископской кафедры (992 г.) — духовной столицей Древней Руси. Благодаря северной локации он избежал золотоордынского ига. В способности интенсивно воздействовать на территориальное окружение и продолжать собирать вокруг себя земли Новгород в XIV–XV вв. соревновался с Москвой и в ряде случаев ее обошел, купив или захватив земли бывшего Ростовского княжества — «ростовщины» и «белозерщины» [7, с. 320], что свидетельствует о столичных амбициях Новгорода даже в условиях утраты столичного статуса (а также о том, что не все исторические города прошли испытание на столичность; пример — Ростов и Белоозеро, оба 862 г., ровесники Новгорода). Дальнейшие политические перипетии: поражение в Шелонской битве (1471 г.), подчинение Москве (1478 г.), Новгородский погром (1569 г.), вхождение в состав Шведского королевства в эпоху Смуты (1611–1617 гг.) — работали на повышение статуса Новгородчины как избранного региона, не только способного противостоять Москве, но и реально равного ей в военных конфликтах и территориальных спорах противника. Амбициозность выделяет Новгородчину и в паремическом дискурсе: «Новгород (древний) судит один Бог. Древний Новгород и Псков — Господа (а Новгород был даже господин, государь). Сердце в Волхове (в Новгороде), душа на Великой (древний Псков). Нов город Новгород, а постарше старого» [1, с. 210]. Связанные с Новгородчиной пословичные концепты-стереотипы отражают народные представления о безусловной ее культурно-значимой ценности: божественной избранности, неподвластности земным владыкам, исключительной энергетике и неподсудности даже в ситуации видимого поражения: «Хоть София и пуста, да не Крутицким верста (София новгородская; духовенство новгородское не хотело подчиниться митрополитам московским на Крутицком подворье)» [там же], что характеризует Новгород как устойчиво развивающуюся региональную столицу.

Прошла ли испытание на столичность Тверь? Территориально-географическое положение Тверского княжества на Волжском торговом пути, связывающем Каспий с Балтикой, работало на политическое и экономическое его укрепление. Мощь княжества усиливали удельные города (в основном по Волге или ее притокам близко к устью): Кашин, Микулин, Зубцов, Кснятин, Телятьев городок, Холм, Клин, Чернятин и Белый Городок. Столичные амбиции собирания земель проявились в попытках захвата территорий соседей (Переславль-Залесский — 1305 г., Кострома — 1305, 1317 г., Городец и Нижний Новгород — 1311–1312 гг.), борьбе за влияние в Новгороде (продовольственная блокада в Торжке 1312 г., поход на Новгород 1314 г.), военных походах на Москву (1305, 1308 г.), борьбе с Москвой за ярлык на великое княжение владимирское и т. д. Тверское княжество было густо заселено: общее число жителей в XVI в. равнялось 350–400 тысячам человек; во времена своего могущества оно могло выставить до 40 тысяч дворян, а простолудинов вдвое и втрое более [3]. Однако, как это ни парадоксально, паремический дискурс тверитян не отразил ни военных авантюр, ни локального патриотизма — здесь представлены исключительно типы простых тружеников с их простотой и наивностью. Как и многие другие исторические города, Тверь характеризуют концепты-стереотипы отнюдь не «столичной» коннотации: ей свойственна «верхневолжскость» (список упомянутых в паремии горожан: тверитяне, кушали, осташи,

кимряки, новоторы, ржевцы, старичане, кашинцы, калязинцы — существенно длиннее новгородского), ремесленность (бердники, тонкопряхи, золотошвеи, сапожники, штукатуры, колбасники) и особенно пряничность (булочники, пряничники, пирожники), и потому насмешка «Вязьма в пряниках увязла» [1, с. 211–212, 217] вполне применима к ней в прямом и переносном смысле.

В чем причина «столичной несостоятельности» Твери? Условия выгодной локации и наличия природных и человеческих ресурсов выдержаны сполна — остается фактор продуктивности управления. Очевидно, тверские князья определяли судьбы края «сверху», приучив тверитян к пассивности и безынициативности, и в этом случае действовал сценарий столичности — неоправданное ожидание локальным сообществом инициатив центральной / местной власти. Он и нынче практикуется тверскими «верхами» в стремлении обосновать первородство края первенством в различных областях и сферах деятельности: науке, государственном управлении, творчестве, медицине, военном искусстве, спорте и других сферах [5]. «Снизу» сегодня востребован сценарий исключительности — тяготение к мифопоэтическому дискурсу, поиску истоков Тверской земли — той самой сакральной Тверщины, которая дала бы тверитянам «ярлык» на столичность. Одна Тверщина уже найдена — по легенде, так в XVII в. назывался приход с. Вырец нынешнего Лихославльского района, где укрылись от преследования москвитян новгородцы [6]. Другая — картографирована в границах области, зонирована на Верхнюю балтскую и Нижнюю финскую с Волгой как связующей вертикалью [4]. Стремление авторов расширить сакральные модели до реальных границ области говорит о попытке превратить сценарий исключительности в сценарий столичности, однако инициативы эти отвлечены и единичны для того, чтобы изменить статус края.

Данное сопоставление носит, разумеется, предварительный и гипотетический характер. Привлечение материалов иных территорий, имеющих собственные именованья (Псковщина, Архангелогородчина, Вологодчина, Смоленщина, Ростовщина, Курщина, Владимирщина, Рязанщина, Орловщина, Тамбовщина, Тюменщина и др.) и не имеющих их, должно дать более прочные основания для необходимых выводов.

Литература и источники

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2000.
2. Жирякова С. Н. Столичность и провинциальность как показатели территориального сообщества // Регионоведение. 2008. № 2. С. 317–319.
3. Михня С. История Тверской земли с древнейших времен до наших дней. Тверь, 1999.
4. Орей. Волжский Миф. Кровь и почва Тверской вертикали // Merjamaa. URL: http://www.merjamaa.ru/news/volzhskij_mif_krov_i_pochva_tverskoj_vertikali/2013-07-05-762 (дата обращения: 05.06.2023).
5. Первые: тверские в истории / автор идеи Ю. Овсянникова; тексты: В. Толстов. Тверь, 2021.
6. Тверской американец Юрий Рулин — возвращение к истокам // Тверь Охотничья. 2008. № 9 (21). URL: <https://tver-club.com/?s=2008> (дата обращения: 05.06.2023)
7. Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

Elena G. Milyugina

Doctor of Philological Sciences, Tver State University (Russia, Tver)

E-mail: elena.milyugina@rambler.ru

Mikhail V. Stroganov

Doctor of Philological Sciences, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: mvstroganov@gmail.com

HISTORICAL CITIES AS REGIONAL CAPITALS: MISSIONS AND DESTINIES

The report updates the capital city concept in relation to regional centers. On the example of Veliky Novgorod and Tver, the authors reconstruct the history of the forming the regional capital and identify the risks of its failure. To manage the risks, the authors analyze capital and exclusivity scenarios.

Keywords: capital city concept, regional capital, capitality scenario, exclusivity scenario, historical city

Петрова Майя Станиславовна

д.и.н., г.н.с., Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)

E-mail: mayapetrova@yandex.ru

ГОРОД-СТОЛИЦА ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО КАК СИМВОЛ ВЛАСТИ

УДК 94(44)''7/8''

В докладе обсуждается возведение средневекового города-столицы Ахена (Франкия) как символа власти Карла Великого (742/4–814); анализируются источники Каролингской эпохи, сыгравшие особую роль в формировании средневековой идеологии единства Города и власти его создателя. Рассматривается наиболее яркий пример утверждения такого мировоззрения — третья книга (vv. 1–536) эпической поэмы (фрагментарно сохранившейся и некогда значительной по объему), известной под титулами «Карл Великий и папа Лев» (*Karolus Magnus et Leo papa*), а также «Ахенский эпос» и «Падерборнский эпос». В заключение отмечается, что это сочинение, включающее в себя живописное описание строительства Ахена как второго Рима, не только оказало влияние на последующую каролингскую поэтическую традицию, но и стало поворотным пунктом в развитии нарративной поэзии периода правления династии Каролингов, восхваления личности правителя и памяти о нем.

Ключевые слова: текст, город, власть, прошлое, традиция

В докладе обсуждается возведение города Ахена как символа власти Карла Великого (742/4–814), а также выявляется роль, которую сыграли поэты каролингской эпохи в формировании идеологии единства Города и власти его основателя и создателя. Яркий пример утверждения такого мировоззрения — третья книга (vv. 1–536) эпической поэмы (сохранившейся не полностью и некогда значительной по объему), принадлежащей неизвестному автору¹. Ее появление датируется 800 г. или же чуть более поздним временем (уже после того, как Карл был провозглашен императором (25 января 800 г.)²).

Само сочинение, известное под титулом «Карл Великий и папа Лев» [16, р. 22–24; 14, р. 55], в сюжетном отношении начинается с традиционного панегирика Карлу (тема 1, vv. 1–97), затем переходит к описанию основания Ахена (794 г.) — укрепленной резиденции, а позднее любимого города Карла и столицы франкского государства (тема 2, vv. 97–136). В нем также описаны сцены охоты (тема 3, vv. 137–325) и встреча франкского короля и папы Льва III в Падерборне в 799 г. (тема 4, vv. 326–536), — отсюда и его название³.

В восхвалении подробно перечислены военные достижения правителя и его добродетели. Подобно Теодульфу Орлеанскому (*Theod. Carm. XXV*, vv. 1–8 [12]), поэт открывает книгу уподоблением своего героя значимым объектам природного мира, при этом подчеркивая его превосходство над последними (vv. 15–25).

Далее следует традиционный ряд эпитетов: «могучий воитель», «благочестивый победитель», «король-триумфатор» (vv. 27–28: *Armipotens... victor pius... triumphans Rex*); «почитатель и образец справедливости» (vv. 33–34: *Iustitiae cultor... Iustus in exemplum*); «справедливый судья» (v. 65: *Arbiter insignes, iudex*); «христианский правитель, торящий праведный путь» (vv. 34–40). Несравненные качества короля

¹ Относительно возможного авторства этого сочинения в зарубежной историографии велись длительные, но безрезультатные дискуссии [22, р. 136–168; 23, col. 1041–1045; 17, р. 43–53]. В числе ее авторов назывался Эйнхард [23, col. 1041–1045], а также его современники — Модуин [16, р. 8, 15, 18 et passim] или Ангильберт [1, с. 279–280; 2, с. 284–286]. Заметим, что в MGH (*Poetae*, vol. 1, р. 355, 366 sq.) этот текст атрибутирован Ангильберту с указанием на сомнительность его авторства (Ib., р. 358).

² О провозглашении Карла императором пишет Эйнхард в «Жизни Карла Великого» (гл. 28–29) [7, с. 7–34; 223–238, примеч. 105–106 и 78]. Об Эйнхарде и этом событии см.: [3, с. 57–74; 4, с. 7–41].

³ Поэма известна под титулами «Карл Великий и папа Лев» (*Karolus Magnus et Leo papa*), а также «Ахенский эпос», «Падерборнский эпос». Ориг. текст: MGH (*Poetae*, vol. 1, р. 366–379).

описываются в подробнейших выражениях — так, что создается идеализированный образ, характерный для «зеркала принцев»⁴.

Как и в метрическом житии св. Мартина у Венанция Фортуната (*Ven. Fort. Vita S. Mart. I, 48–49*)⁵, император Карл представлен «маяком Европы» (v. 12: *Europaе... pharus*). Однако сияние святого и сияние короля имеют разную природу. Мартин является источником духовного света. Для каролингского автора свет, излучаемый Карлом (v. 13: *...Europaе quo celsa pharus cum luce coruscet*; v. 56: *...saga... lux*), определяется его славой победителя и триумфатора, это блеск его власти (vv. 59–66).

Но воспеваются не только упомянутые качества Карла. Поэт подробно описывает интеллектуальные способности правителя, называя его «блестящим учителем грамматики», «известным чтецом», «величайшим мудрецом», «велеречивым оратором» (vv. 65–70; 74–75). Он наделяет своего покровителя различными достоинствами и представляет его не только как лучшего наставника во многих науках (vv. 67–85)⁶, но и создателя и строителя великого Города (v. 97 sqq.)⁷.

В итоге фигура Карла, «высочайшего короля» (v. 1) и «властного правителя» (v. 23), постепенно приобрела совершенно иное качество в поэзии, создававшейся после коронации Карла в 800 г. Он — физическое воплощение всех культурных идеалов, провозглашенных в период его правления; он настолько превосходит других королей могуществом своей власти, насколько выше всех в искусствах и начинаниях (vv. 86–87)⁸.

В поэме «Карл Великий и папа Лев» панегирист опирается не только на уже сложившуюся каролингскую поэтическую традицию⁹, но и на античные образцы. Естественным образом возводимый Карлом Ахен¹⁰ предстает новым Римом, а сам Карл — вторым Энеем (v. 94). Нарративный стиль поэмы не остается неизменным: если сначала Карл является во всем своем статическом великолепии (vv. 1–96), то затем изображение постепенно приобретает динамику: следует сцена строительства Ахена (vv. 97–98), осуществлявшегося в середине 790 года.

Центром описания, как и прежде, является император: стоя на возвышении, он и наблюдает, и руководит разнообразной деятельностью. Во всех частях Города ведутся различные работы. Взгляд автора выхватывает строительство театра, бань, базилики (vv. 99–127).

⁴ Ср. «Стихи к Вильгельму» женщины-поэтессы Дуоды (*Dhuoda. Wilh., vol. 4, p. 765*) [11, с. 345–346]. В числе поздних памятников «Зерцало принца, писанное по приказу королевы Иоланды» [9].

⁵ Оригинальные тексты, кроме случая, оговоренного особо, см. в электронных текстовых базах данных: *Aureae Latinitatis Bibliotheca*; *Monumenta Germaniae Historica (MGH): Poetae Latini Aevi Carolini*, vol. 1–2; 4; *MGH: Auctores antiquissimi*; *Patrologia Latina*; *Perseus Digital Library*, *The Packard Humanities Institute's Latin Texts CD ROM 5.3*, а также открытом доступе сети Интернет или иных изданиях.

⁶ Каролингские панегиристы, как правило, восхваляли эрудицию правителя или его покровительство ученым. Ср., напр., Пролог (vv. 12–13; 25–26) к «Жизни Карла Великого» Валафрид Страба [5, с. 7–8; 6, с. 46–49].

⁷ Ко времени составления поэмы так называемый военный период Карла уже завершился. О его созидательной политике см., напр., у Эйнхарда в «Жизни Карла Великого» (гл. 17) [7; 8].

⁸ Такие утверждения поэта восходят к строкам, которые десятью годами раньше написал Ангильберт (*Ang. Carm. II, vv. 1–100*) [2, с. 284–286], желавший восславить возрождение учености и возобновление королевского покровительства литературе.

⁹ Времени создания поэмы «Карл Великий и папа Лев» (написанной, возможно, в Ахене) предшествовало более двух десятилетий литературной активности приближенных ко двору поэтов. В пример раннего стихотворного восхваления Карла можно привести «Просительное послание Павла к Карлу» (*P. Diac. Ad reg. vv. 1–28*) [20; 10, с. 96], составленное в начале 780-х гг. Павлом Диаконом.

¹⁰ Город был основан в Нижней Германии (*Germania Inferior*), у Рейна на месте римского поселения, возникшего во время правления Октавина Августа (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) и Тиберия (14–37 гг.). Чуть позже (ок. 80 г.) там, на территории старых лагерей (*Castra Vetera*) и Нойса (*Neuss*), римские легионеры (VI и XXX победоносных легионов) построили для своего лечения и отдыха у целебных и горячих минеральных источников две бани (*Büchelthermae* и *Münsterthermae*), которые использовались вплоть до второй половины IV в. Эти бани вместе с храмовым ансамблем, а также жилыми помещениями, включенными в общую территорию, образовали единый оздоровительный центр, вероятно, для находившихся в этой провинции войск. В III–IV вв., к северо-западу от городища был выстроен некрополь. Это поселение получило название *Aquisgranum* (букв. частица, капля воды), которое, согласно легенде, было связано с именем кельтского божества врачевания Гранна (*Grannus*; *Aquis Grannum* — «Воды Гранна»), отождествлявшегося с римским богом Аполлоном-Гранном [21, p. 632; 18, S. 93–107; 24, S. 141–170; 19, p. 1–13].

Подобная быстрая смена объекта описания характерна для Вергилия [13, р. 107; 16, р. 24]. Автор фокусирует внимание на деталях, обладающих политической символикой. Так, Карл предстает как властелин Города (v. 94: *urbe potens*), он обозревает с высоты возведение стен будущего второго Рима (v. 98)¹¹.

Имперская, абсолютная власть Карла подчеркивается его положением над сценой, где разворачивается вся эта трудовая активность. Он только распоряжается, другие же исполняют его волю (v. 99 sqq.). Это одно из главных отличий перспективы рассматриваемой нами поэмы от Вергилиевой. Ни один персонаж, даже Эней, не играл столь преобладающей роли в «Энеиде», как Карл у каролингского автора. Изображаемое Вергилием строительство Карфагена (*Verg. Aen. I, 418 sqq.*) дает ближайшие параллели к описанию построения Ахена, включая сравнение тружеников с пчелами (vv. 127–136).

Трансформация Вергилиевой «Энеиды» не является случайной, но отражает значительные политические изменения. Франкский поэт отправляется от Вергилия, чтобы создать образ Нового, каролингского Рима, который должен быть не просто копией города Цезарей, но превосходить его. Подобно тому, как Карл не только напоминает, но и превосходит Энея, так Ахен должен не только воспроизводить, но и превышать Рим. В этом амбициозном поэтическом сочинении ранней каролингской поэзии Ахен служит символом Империи, созданной вторым, более могущественным Энеем.

Наличие тесных связей между идеологическими и интеллектуальными проектами Карла Великого и работами поэтов при его дворе отразилось в художественных произведениях, которые в своей сфере обосновывали и пропагандировали актуальные задачи политического и культурного характера. Рассмотренный нами текст, включающий в себя яркое описание основания и возведения Ахена, будущего франкского Рима, дополненное пространством панегириком Карлу, красноречиво свидетельствует о такой ангажированности его автора. В заключение заметим, что возможно именно по этой причине это сочинение оказало влияние на последующую каролингскую поэтическую традицию [16, р. 24, 197], послужив поворотным пунктом в развитии нарративной поэзии периода правления Карла.

Список сокращений

- Alc. Carm.* — Alcuini Carmina LVIII: Conflictus veris et hiemis.
Ang. Carm. — Angilberti (Homeri) Carmina.
Ang. (Dubia). [Kar. Magn.] — Angilberti (Homeri) Carmina.
Nig. Carm. — Carmen Ermoldi Nigelli in honorem Hludowici christianissimi Caesaris Augusti.
Dhuoda. Wilh. — Dhuoda dilecto filio Wilhelmo salutem lege.
Mod. Ecl. — Modoinus. Ecloga.
P. Diac. Ad reg. — Versus Pauli Diaconi ad regem precando.
Theod. Carm. — Carmina Theodulfi XXV: Ad Carolum Regem (Dümmler).
Ven. Fort. Vita S. Mart. — Venantii Fortunati Vita S. Martini libri quatuor (Migne).
Ven. Fort. Vita S. Mart. — Venanti Honori Clementiani Fortunati presbyteri Italici Opera pedestria (Leo).
Verg. Aen. — Vergilius Maro. Aeneis.
Verg. Ecl. — Vergilius Maro. Eclogae.

Литература и источники

1. Гаспаров М. Л. Ангильберт // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970. С. 279–280.
2. Гаспаров М. Л. (пер.) Ангильберт. Эклога королю // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970. С. 284–286.
3. Петрова М. С. Эйнхард — биограф Карла Великого // Карл Великий: реалии и мифы. М., 2000. С. 57–74.

¹¹ Ср. подобный пассаж у Модуина (*Mod. Ecl. vv. 24–27*) о Палемоне, отождествляемом с Карлом Великим. Фигура Палемона символизирует справедливого судью и восходит к эклоге Вергилия (*Verg. Ecl. III, 50 sqq.*). Ср. у Алкуина (*Alc. Carm. LVIII, v. 43*) [15, р. 95–10; 13, р. 107 ff.; 16, р. 202].

4. Петрова М. С. Эйнхард: историк в истории // Эйнхард. Жизнь Карла Великого. М., 2005. С. 7–41.
5. Петрова М. С. (пер.) Валафрид Страб. Пролог // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 7–8.
6. Петрова М. С. (пер.) Валафрид [Страб]. Пролог // Эйнхард. Жизнь Карла Великого. М., 2005. С. 46–49.
7. Петрова М. С. (пер.) Эйнхард. Жизнь Карла Великого // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 8–33; 223–239.
8. Петрова М. С. (пер.) Эйнхард. Жизнь Карла Великого. М., 2005. С. 50–151.
9. Пташкина Е. (пер.) Зерцало принца, писанное по приказу королевы Иоланды // Принцесса Кентская. Королева четырех королевств. Приложение. М., 2017.
10. Федоров Н. А. (пер.) Павел Диакон. Просительное послание Павла к Карлу // Латинская словесность Средних веков и Возрождения. Хрестоматия. М., 2019.
11. Ярхо Б. И. (пер.) Дуода. Стихи к Вильгельму // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970. С. 345–346.
12. Ярхо Б. И. (пер.) Теодульф. Послание к королю // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970. С. 270–276.
13. Anderson T. M. Early Epic Scenery: Homer, Virgil, and the Medieval Legacy. Ithaca; London, 1976.
14. Dutton P. Carolingian Civilization. Toronto, 1993; repr. 1996.
15. Falkenstein L. Der ‘Lateran’ der karolingischen Pfalz zu Aachen. Colone; Craz, 1966.
16. Godman P. Poetry of the Carolingian Renaissance. London, 1985.
17. Green R. P. H. Moduin’s ‘Eclogues’ and Paderborn Epic // *Mittellateinisches Jahrbuch*. 1981. Vol. 16. P. 43–53.
18. Hanel N. Die Militärlager von Vetera I und ihre Lagersiedlungen // Müller M., Schalles H.-J. Colonia Ulpia Traiana. Xanten und sein Umland in römischer Zeit / hrsg. N. Zielsing. Zabern; Mainz, 2008. S. 93–107.
19. Jackson R. Waters and spas in the classical world // *Medical History*. Vol. 34. Suppl. 10: The Medical History of Waters and Spas. 1990. P. 1–13.
20. Neff K. (ed.) Versus Pauli Diaconi ad regem precando // Die Gedichte des Paulus Diaconus / Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters. Munich, 1908. URL: http://www.fh-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost08/PaulusDiaconus/pau_carm.html#05 (дата обращения: 10.05.2023).
21. Pioreschi P. A History of Medicine. Ohama, 1996. Vol. 3: Roman medicine.
22. Schaller D. Das Aachener Epos für Karl den Kaiser // *Fruhmittelalterliche Studien*. 1976. 10. P. 134–168.
23. Schaller D. Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Band 4: Hildegard von Hürnheim — Koburger, Heinrich. 1983. Col. 1041–1045.
24. Schmitz D. Das Lager Vetera II und seine Legionen // Müller M., Schalles H.-J. Colonia Ulpia Traiana. Xanten und sein Umland in römischer Zeit / hrsg. N. Zielsing. Zabern; Mainz, 2008. S. 141–170.

Maya S. Petrova

Doctor of Historical Sciences, Institute of World History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: mayapetrova@yandex.ru

CITY OF THE DISTANT PAST AS A SYMBOL OF POWER

The paper discusses the construction of the medieval city Aachen (Frankia) as a symbol of the power of Charlemagne (742/4–814). The writing sources of the Carolingian epoch, which played a special role in the formation of the medieval ideology of the unity of the City and the power of its creator, are analyzed. The most striking instance of the assertion of such a worldview is under consideration — there is the third book (vv. 1–536) of the fragmentarily preserved epic poem, known under the titles “Charlemagne and Leo Pope” (Karolus Magnus et Leo papa), as well as “Aachen epic” and “Paderborn epic”. Its authorship, features, purpose of writing, plot and content are discussed. In conclusion, it is noted that this work, which includes a picturesque description of the construction of Aachen as the second Rome, not only influenced the subsequent Carolingian poetic tradition, but also became a turning point in the development of narrative poetry during the reign of the Carolingian dynasty, praising the personality of the ruler and the memory of him.

Keywords: text, city, power, past, tradition

Редин Дмитрий Алексеевич

д.и.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: landrat14@mail.ru

ЧТО ТАКОЕ «РЕГИОНАЛЬНАЯ СТОЛИЦА»? СТАТУС ЕКАТЕРИНБУРГА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

УДК 94(470.5)''17''

Не считая удачным применять к дореволюционным крупным городским центрам определение «региональные столицы», автор доклада приводит доводы, которые позволяют считать Екатеринбург от начала его функционирования городом и влиятельным региональным центром провинциального/ губернского уровня, отличавшимся от остальных лишь своим ведомственным подчинением.

Ключевые слова: Екатеринбург, город, В. И. Геннин, административно-территориальная структура, отраслевое подчинение

Понятие «региональная столица» («региональные столицы»), вынесенное в название научной конференции, посвященной 300-летию Екатеринбурга и Перми, конечно, является неологизмом, во многом обязанным своим появлением определенной моде. Моде, которая родилась, насколько можно судить, не в научной среде, а в публицистическом и отчасти региональном политическом пространстве в результате распада Советского Союза и активизации политических процессов на местах. Впрочем, возможно и наоборот: поиск региональными элитами аргументов в пользу своей самодостаточности и особой значимости, поиск оснований для своей уникальности и субъектности, особенно ярко проявившиеся в 1990-е гг. и не только в среде национальных автономий, стимулировали информационный шум по поводу «столичности» центра той или иной административной единицы в публичном пространстве во всех его сферах.

До начала 1990-х гг. ни о каких региональных столицах речи не шло. В Советском Союзе существовала единственная общесоюзная столица — Москва (даже Ленинград «второй столицей» называли редко и в основном в неофициальном контексте) и столицы Союзных республик. Административные центры областей и краев столицами не именовали; в некоторых случаях этот статус применялся в отношении центров автономных республик. Если же вести речь о дореволюционной России, то региональные центры никогда не упоминались как столичные.

Тем не менее, по объективным обстоятельствам те или иные региональные центры в силу своего местного экономического, демографического, военно-административного и иных потенциалов выделялись из общей массы аналогичных образований. К ним у имперского центра было особое отношение, правда, не имевшее до поры до времени вербальной маркировки. Уездные центры допетровской России, формально равностатусные, имели свою неформальную иерархию и *de facto*, например, никому из приказных дельцов в центре не приходило в голову считать ровней уездный город Березов, затерянный в тундрах и лесотундрах Северо-Западной Сибири с уездным городом Казанью, или уездный город Ярославль с уездным городом Обоянью. В результате первых административных реформ петровского времени официальная иерархия усложнилась. Объективно наиболее значимые города получили статус губернских и провинциальных центров (вторые по факту уже в ходе первой областной реформы, юридически — в ходе второй областной). Наиболее значимые региональные и локальные центры прежде всего выделялись из остальных населенных пунктов тем, что группировали вокруг себя более мелкие города и сельские поселения, которые «тянули» к ним, то есть находились по отношению к ним в подчиненном положении в административной, налоговой, церковной сферах и в области местного самоуправления. Если брать территориально близкие нам примеры, то классическим образцом такого рода может быть Хлынов (Вятка). Исстари к нему «тянули» четыре «пригородка»: Слободской, Шестаков, Котельнич и Орлов. Даже когда эти города становились уездными центрами, старшинство Хлынова оставалось

неоспоримым, и в конце концов они в качестве уездных городов вошли в Вятскую провинцию, центром которой ожидаемо стал Хлынов.

Совсем другую историю демонстрирует Екатеринбург. Город был построен «с нуля» и начинал свою историю с чистого листа. Сразу оговорюсь, что использую по отношению к Екатеринбургу термин «город» по нескольким причинам. Во-первых, Екатеринбург по всем существующим критериям изначально соответствовал статусу города, за исключением двух позиций: в нем почти не существовало гражданской общины, хотя зачатки таковой проявлялись в нем изначально. Это были торговцы и вольные ремесленники, снабжавшие население завода-крепости продуктами питания и предметами быта. С 1727 г. в этой среде появляются и некоторые признаки самоуправления: выборный «заводской купчина», штатный «главный снабженец всех заводов Екатеринбургского ведомства» [3, с. 48]. Генерал Геннин признавал значимость этой общины и оберегал ее от посягательств со стороны екатеринбургских горных чиновников: «...Уведомился я, что у здешних... жителей, лавошников и бобылей, также у шарташских и становских (которые поселены для ползы завоцкой), и обретающихся здесь мастеровых и работных людей и протчих служителей, коих для того надлежит беречь и излишнюю тягость им не наносить, много стало быть командиров, и всяк оных высылает якобы в завоцкие работы... Того ради впредь никому оных жителей... без ведома моего или обер-бергамского члена нарезать не в какие работы и высылать не велеть...» (14 июня 1732 г.)¹.

Община эта быстро разрослась и уже в 1735 г. обладала развитой системой посадского самоуправления. А несколькими годами ранее, в 1733 г., жители Екатеринбурга, не относившиеся к категории заводских работников, начали использовать понятие «Екатеринбургское земство»².

Не было у Екатеринбурга и официально дарованного статуса города, который он получил только в 1781 г. Но так ли это было важно? Екатеринбург — поселение нового типа; его столичный предшественник и аналог — Санкт-Петербург, тоже изначально представлял собой крепость и производственный комплекс, Адмиралтейскую верфь. Его основным населением «были военные и строители; дворян, купцов и ремесленников жило здесь очень мало» [1, с. 4], и никаких органов посадского самоуправления поначалу не было. Но это не мешает признавать его городом. Если же вспомнить простое и емкое определение Вернера Зомбарта, что город — это «любое поселение людей, существование которых зависит от продуктов сельского хозяйства, ведущегося за его пределами» [цит. по: 4, с. 44], то дискуссия о городском характере начального Екатеринбурга покажется искусственной.

Строитель Екатеринбурга, В. И. Геннин, поначалу пользовался вербальной конструкцией «крепость и завод» или просто «крепость», обозначая ею созданный комплекс³. Однако уже с 1724 г. за новоосвоенным поселением прочно закрепляется наименование Екатеринбург, без уточняющих «крепость и завод», а под «Екатеринбургскими заводами» подразумеваются новые заводы в окрестностях Екатеринбурга, вроде Верх-Исетского (цесаревны Анны) или Верхне-Уктусского (цесаревны Елизаветы). Главенствующая роль Екатеринбурга проявилась вне системы традиционного административно-территориального деления. Расположив в нем Сибирский обер-бергамт, первый и, пожалуй, единственный на то время региональный орган отраслевого управления, Геннин получил под его начало и соответственно под начало Екатеринбурга реальную эксклюзивную территорию — обширные приписные села, слободы и деревни, что сразу придало Екатеринбургу статус значимого центра. Воспользовавшись новым административно-территориальным законодательством 1719–1720 гг., еще В. Н. Татищев сгруппировал подчиненные земли в дистрикты — единицы уездного уровня; первоначально их было два: Уктусский и Алапаевский, при В. И. Геннине их стало четыре (с учрежденными Каменским и Камышловским). В отличие от многих старых уездов, лишь переименованных в дистрикты, горнозаводские административно были устроены

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 354. Л. 205.

² Там же. Д. 151. Д. 321.

³ Как, например, в известном письме императрице Екатерине от 14 марта 1723 г. [2, с. 91] или в доношении в кабинет Е.и.в. от 22 октября 1723 г. [Там же, с. 130].

в полном соответствии с новым законодательством. Их главы, земские комиссары, обладавшие полномочиями прежних городских воевод, обзавелись штатом подчиненных и мостовых комиссаров, а общая организация этих дистриктов была устроена по принципу функциональной специализации. В подчинении земских комиссаров оказались специальные заводские комиссары, отвечавшие за производственный процесс заводов, функционировавших на территории дистриктов [5, с. 333–340]. Все это в совокупности подняло статус Екатеринбурга, как минимум, до уровня провинциального центра, главенствующего как над собственной территорией, «Екатеринбургским ведомством», так и над заводами и бывшими при них поселениями, располагавшимися на обширных землях от Вятки и Соликамска до Нерчинска. Чуткое административное делопроизводство немедленно отреагировало на новую реальность. Документы из канцелярий провинциальных городов, вроде Хлынова и Соликамска, и даже канцелярии губернского Тобольска стали поступать в «Сибирский обер-бергamt в Екатеринбург» в виде *промеморий* — документов, которыми обменивались между собой равностатусные учреждения.

Таким образом, практически со времени своего возникновения, не имея официального статуса города, Екатеринбург стал таковым, причем в ранге, как минимум, провинциального, если не губернского ранга. От «классических» провинциальных и губернских городов его отличала только отраслевая подчиненность. Если это угодно считать «региональной столицей», то Екатеринбург мог претендовать на это наименование, что называется, от рождения.

Литература и источники

1. Базарова Т. А. Планы петровского Петербурга: источниковедческое исследование. СПб., 2003.
2. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / вступ. статья и комм., сост. М. О. Акишин. Екатеринбург, 1995.
3. Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). Екатеринбург, 2001.
4. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб., 2010.
5. Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007.

Dmitry A. Redin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS

(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: landrat14@mail.ru

WHAT IS A “REGIONAL CAPITAL”? THE STATUS OF EKATERINBURG IN THE FIRST THIRD OF THE 18th CENTURY

Not considering it successful to apply the definition of “regional capitals” to pre-revolutionary large urban centers, the author of the report gives arguments that make it possible to regard Ekaterinburg from the beginning of its functioning as a city and an influential regional center of the provincial/governorate level, which differed from the rest only in its departmental subordination.

Keywords: Ekaterinburg, city, V. I. Gennin, administrative-territorial structure, sectoral subordination

Тимофеев Михаил Юрьевич

д.филол.н., профессор, Ивановский государственный университет (г. Иваново)

E-mail: timofeev.01@gmail.com

СТОЛИЦА ТЕКСТИЛЬНОГО КРАЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ГОРОДА ИВАНОВО

УДК 94(470.315):677

Иваново (с 1871 по 1932 г. — Иваново-Вознесенск), будучи безуездным городом, стал в конце XIX в. промышленным центром, а в XX в. административным центром текстильного региона. Его слава как текстильной столицы страны была гораздо известней, чем его административные успехи и провалы. Однако, обладая столичным статусом город не смог конвертировать свой символический капитал, оказавшись в постсоветское время заурядным областным центром и в значительной степени утратив текстильный потенциал.

Ключевые слова: символический капитал, столичный статус, текстильная промышленность, Иваново

Возвышение Иванова от крупного промышленного села — «русского Манчестера» — в первой половине XIX в. до города Иваново-Вознесенска — центра промышленной области площадью 123 тыс. квадратных километров — заняло столетие. Период административно-политического и экономического расцвета длился очень недолго — порядка десяти лет (с 1925 по 1937 г). Однако в середине XX в. за городом закрепился символический статус столицы текстильного края и текстильной столицы СССР.

Сложившийся на севере Владимирской и на юге Костромской губернии в конце XIX в. Шуйско-Иваново-Кинешемский текстильный район в значительной степени ориентировался на Иваново-Вознесенск как важный центр принятия финансовых и экономических решений, а губернские центры лишь сдерживали социально-экономические процессы в этом регионе. Иваново-Вознесенск в то время стал крупным центром равнинно-фабричной цивилизации в центральной части России [5].

В 1918 г. было принято решение о создании новой Иваново-Вознесенской губернии. После административно-территориальных изменений 1917–1921 гг. в РСФСР появилось более 10 административных центров крупных регионов, имевших прежде статус уездных центров. Своим возвышением город был обязан не только экономическому потенциалу, но и революционным традициям, связанным, в частности, с тем, что во время 72-дневной стачки 1905 г. в нем был образован Совет рабочих депутатов, считавшийся прообразом советской власти [6].

Город не был приспособлен для выполнения административных функций. Губернские учреждения размещались первоначально в различных приспособленных для этого помещениях — прежде всего, в бывших особняках фабрикантов. Ректорат основанного в 1918 г. политехнического вуза занял корпус реального училища. В середине 1920-х гг. начал меняться облик города — были построены многочисленные рабочие поселки, проведен водопровод и канализация, снесены храмы и оборудованы летние сады и парки, открылась первая в СССР фабрика-кухня. Во второй половине 1920-х гг. началось массовое жилищное строительство, возвели новые фабрики. Город позиционировался как третья пролетарская столица СССР.

В 1929 г. произошло важное для города событие — 14 ноября было принято решение об образовании Ивановской промышленной области, объединившей современные Ивановскую, Владимирскую, Костромскую, Ярославскую и часть Нижегородской областей.

Еще в 1928 г. был составлен план коренной реконструкции и перепланировки города. Ставилась задача «превратить Иваново в подлинный культурно-хозяйственный центр области». Это предполагало проектирование городской среды с перспективой на 20–30 лет и с расчетом на миллион жителей [2, с. 14].

Началось строительство знаковых объектов, демонстрирующих высокий статус города. С 1929 по 1936 г. был реализован целый ряд общественных зданий «столичного» статуса. Это конструктивистский

железнодорожный вокзал (седьмой по площади в СССР), гостиница «Центральная», фабрика-кухня «Нарпит № 2», кинотеатр «Центральный», комплекс интернационального детского дома МОПРа имени Е. Д. Стасовой. В 1933 г. был возведен цирк, ставший самым крупным в СССР, а в 1934 г. пущен трамвай.

Однако в 1936 г. Ивановская промышленная область была расформирована путем разделения на Ивановскую и Ярославскую, а в 1944 г. из нее выделилась Владимирская область. Строительство третьего по величине театра в СССР завершилось лишь к 1940 г., а масштабный Дом Советов так и не был достроен из-за недофинансирования.

Иваново на два десятилетия стал рядовым советским областным центром. Однако амбиции нового руководства области в 1960-е гг. привели к тому, что городу вернули утерянный в 1936 г. статус «родины первого Совета [см.: 4]. В конце 1960-х гг. пропагандисты отказались от сравнения Иванова с Манчестером, утверждая, что «Иваново — не советский Манчестер!», так как советская текстильная промышленность по всем показателям обогнала английскую [3, с. 143–153]. Наряду со строительством жилья, объектов соцкультбыта, были возведены монументы в память о событиях 1905 г. Но ни успехи текстильной промышленности, ни статус родины Советов не позволили городу вернуть утраченное звание третьей столицы. Население города не смогло достичь полумиллионной отметки. Как иронично отметил В. Агеев, Иваново остался городом «второй категории снабжения» [1].

В настоящее время по своему экономическому потенциалу город уступает центрам соседних Нижегородской и Ярославской областей, однако превышает Владимир и Кострому. Стремление к реализации масштабных проектов, способных изменить статус города, сохраняется.

Литература и источники

1. Агеев А. Город второй категории снабжения // Знамя. 1996. № 10. С. 182–191.
2. Волжанин А. Иваново 1960 года // Рабочий край. 1933. № 1. С. 14–15.
3. Лешуков Т. Н. Текстильный цех республики. М., 1961.
4. Семенов А. М., Тимофеев М. Ю. «Самый советский» город: Конструируя родину Советов (Иваново-Вознесенск/Иваново, 1918–1985) // Городские исследования и практики. 2021. № 1. С. 77–86.
5. Тимофеев М. Ю. Равнинно-фабричная цивилизация. Иваново, 2023. Кн. 1: Время империи.
6. Тимофеев М. Ю. Создание образцового социалистического города: Иваново-Вознесенск 1920–30-х годов // Городские исследования и практики. 2021. № 1. С. 50–65.

Mikhail Yu. Timofeev

Doctor of Philosophical Sciences, Ivanovo State University (Russia, Ivanovo)

E-mail: timofeev.01@gmail.com

THE CAPITAL OF TEXTILES: IVANOV AS THE REGIONAL AND SYMBOLIC CAPITAL

Ivanovo was called the textile capital in the USSR. This city was the center of the industrial region in the 19th century. In the 20th century, due to the industrial power and the glory of the homeland of the first Soviet (council), the city became the center of a large region. However, political crises have made this city ordinary in the 21st century.

Keywords: symbolic capital, capital status, textile industry, Ivanovo

Шишкин Владимир Иванович

д.и.н., г.н.с., Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)

E-mail: patric@academ.org

ОМСК И НОВНИКОЛАЕВСК — ДВЕ СТОЛИЦЫ СИБИРИ НАЧАЛА 1920-х гг.

УДК 94(571.1)''1914/1922'':911.6

В докладе обсуждается вопрос о «локальных» столицах, существовавших в Сибири в 1914–1922 гг. Автор проводит мысль о том, что их выбор обуславливался совокупностью разных факторов, субординация которых каждый раз была различной. Чаще всего первостепенное значение имели географический и геополитический, инфраструктурный, демографический и культурный факторы, учитывавшиеся именно в указанном порядке.

Ключевые слова: город, столица, Омск, Новониколаевск, Сибревком, И. Н. Смирнов

В поздний имперский период почти все города России являлись административными центрами территориальных единиц того или иного уровня: уездного, губернского, областного, краевого или генерал-губернаторского. Сибирь в этом отношении не составляла исключения. В начале XX в. на ее территории имелись два генерал-губернаторства: Степное и Иркутское. В первое входили Акмолинская и Семипалатинская области, во второе — Енисейская и Иркутская губернии, Забайкальская и Якутская области. Резиденции генерал-губернаторов располагались соответственно в Омске и в Иркутске. По численности населения Омск и Иркутск в 1914 г. являлись самыми крупными городами Сибири, насчитывая соответственно 127,9 тыс. и 126,7 тыс. человек. В обоих городах существовала достаточная материально-техническая инфраструктура и кадровый потенциал, позволявшие соответствующим администрациям осуществлять функции управления подведомственными территориями. Все это в совокупности позволяло считать оба города не только на бытовом уровне, но и в административной практике локальными столицами.

В начале XX в. в «столичном пространстве» Омск и Иркутск оказались в положении конкурентов. В этом заочном соревновании Иркутск сначала был явным фаворитом по ряду параметров. Благодаря бывшим политическим ссыльным и каторжанам, осевшим в городе, его общественность отличалась более высоким уровнем культуры и активности. Достаточно напомнить, что в течение многих лет она добивалась от верховной власти открытия в Иркутске университета, тогда как омская общественность вопрос об образовании высшего учебного заведения стала активно лоббировать только после Февральской революции. Но Омск стремился обойти Иркутск на другом поприще. Здесь было задумано построить в центре города два крупных административных здания, предназначенных для размещения в них Управления Омской железной дороги и Палаты судебных установлений. Это резко повышало престиж Омска и его шансы на звание столицы Сибири.

После Февральской революции оба города сохранили свой статус локальных столиц: Омск в масштабах бывшего Степного края, Иркутск — Восточной Сибири, Забайкалья и Якутии. Но Октябрьская революция и установленная в ходе ее осуществления советская власть вызвали значительные административно-территориальные изменения. Большевики превратили Омск в административный центр всей Западной Сибири, подчинив ему Тобольскую и Томскую губернии, а в Иркутске учредили высший советский орган — Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сибири, наделив его полномочиями по управлению всей Сибирью и Дальним Востоком.

Свержение советской власти на востоке России и установление антибольшевистских режимов (последовательно сменявших друг друга Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства и Российского правительства) привело к существенному изменению властной иерархии. В силу совокупности военных, политических, социокультурных и иных объективных обстоятельств все названные правительства в течение почти полутора лет Гражданской войны, с июня 1918 г. до середины

ноября 1919 г., находились в Омске. Его столичный статус определялся наличием здесь верховных органов гражданской и военной власти и управления, включая Совет министров, Верховного правителя А. В. Колчака, Ставку верховного главнокомандования, был общепризнан в лагере контрреволюции и союзниками.

Освобождение в конце 1919 — начале 1920 г. Сибири от колчаковцев и интервентов сопровождалось восстановлением на ее территории советской власти. Руководство советизацией Сибири Москва возложила на специально учрежденный постановлением ВЦИК от 27 августа 1919 г. Сибирский революционный комитет, наделенный чрезвычайными полномочиями. Первоначально Сибревком состоял всего из трех человек. Его председателем был назначен профессиональный революционер, большевик с 1899 г., кандидат в члены ЦК РКП(б), член Реввоенсовета 5-й армии И. Н. Смирнов. Именно он стал организатором разгрома колчаковцев и затем был удостоен почетной в большевистской среде клички «сибирской Ленин».

В начале сентября Сибревком с небольшим штатом сотрудников выехал из Москвы и 18 сентября прибыл в Челябинск, где временно приступил к работе. 23 ноября Сибревком приехал в Омск. С этого времени Омск вновь стал советской столицей, только на этот раз всей Сибири. К весне 1920 г. под управлением Сибревкома оказались восемь губерний: Челябинская, Тобольская (Тюменская), Омская (бывшая Акмолинская область), Семипалатинская, Алтайская, Томская, Енисейская и Иркутская. Состоявшийся в апреле 1920 г. Пленум ЦК РКП(б) фактически одобрил проделанную Сибревкомом работу, расширил его состав и компетенцию.

Кроме того, 3 декабря 1919 г. для руководства большевистскими организациями Сибири находившиеся в Омске партийно-советские работники образовали Сибирское областное бюро РКП(б). Апрельский (1920 г.) пленум ЦК РКП(б) придал Сибоблбюро статус территориального отдела ЦК партии, которому были подчинены все партийные структуры и институты. 1 марта 1920 г. по решению Москвы в Омск прибыло и приступило к работе в качестве руководящей инстанции областное бюро Союза коммунистической молодежи. В результате положение Омска в качестве столицы советской Сибири упрочилось и казалось довольно убедительным.

Но на самом деле положение Омска как сибирской столицы изначально являлось не очень устойчивым. Эта позиция подрывалась теми национально-территориальными и административно-территориальными преобразованиями, которые осуществляли верховные власти РСФСР. Первой для Омска потенциальной угрозой в роли столицы стал декрет Совнаркома о революционном комитете по управлению Киргизским краем. В документе, датированном 10 июля 1919 г., в ведение Кирревкома предполагалось передать ряд областей, в том числе Акмолинскую и Семипалатинскую. Более года спустя, 26 августа 1920 г., появился декрет об образовании автономной Киргизской социалистической советской республики. В нем в состав Киргизского края включались все уезды Семипалатинской и Акмолинской областей, кроме Омского уезда, разграничение которого должно было осуществиться по соглашению между Кирревкомом и Сибревкомом.

Более серьезной и реальной угрозой оказалось постановление ВЦИК об изъятии из ведения Сибревкома Челябинской и Тюменской губерний с Ишимским уездом и передаче их в управление Совета I революционной армии труда.

Как следствие такого «обрезания» Омск оказался почти на самой западной границе огромной по протяженности территории «сибревкомовской Сибири». С геополитической точки зрения такое положение столицы было нерационально, особенно с учетом неразвитых средств коммуникации, и существенно затрудняло эффективность управления подконтрольными Сибревкому административно-территориальными единицами, а Сиббюро ЦК РКП(б) и Сиббюро ЦК РКСМ — партийно-комсомольскими структурами. Понимание неудачности географического и геополитического положения столицы и необходимости ее перенесения в другой город пришло довольно быстро, но острота военно-политического и экономического положения в РСФСР и Сибири не позволяла заняться его решением.

Была еще одна причина, заставлявшая поменять столицу Сибири. Дело в том, что за непродолжительный срок пребывания Сибревкома в Омске его исполнительный аппарат резко увеличился за счет служащих бывших антибольшевистских правительств. Такие отделы Сибревкома, как военный, продовольственный и промышленности, насчитывали до тысячи сотрудников, уволить которых из-за нежелания заведующих отделами сократить количество подчиненных было трудно. Перевод «сибов» в другой город позволял в жесткой форме решить этот вопрос.

Впервые вопрос «О перенесении сибирского центра в Новониколаевск» официально был поднят на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) 14 января 1921 г. Кто был инициатором постановки этого вопроса, из документа не ясно. По итогам его обсуждения Сиббюро приняло такое решение: «Не возражая по существу, поручается тов. Смирнову провести это постановление через Сибревком для практического проведения в жизнь, поставить об этом в известность Москву».

Не подлежит сомнению, что инициатива исходила от И. Н. Смирнова. Скорее всего, в конце декабря 1920 г., находясь в Москве, он предварительно проинформировал об этом В. И. Ленина и даже заручился его согласием.

Новониколаевск в качестве новой столицы Сибири был избран не случайно. В начале XX в. город стремительно развивался. По темпам развития его иногда даже сравнивали с американским Чикаго. Численность населения Новониколаевска в 1917 г. достигла 100 тыс. человек. По этому показателю он уступал только Иркутску, Красноярску, Омску и Томску. «Отцы» молодого города были людьми амбициозными и креативными. Они несколько раз пытались повысить статус Новониколаевска, добиваясь его превращения в центр Томской губернии или создания самостоятельной Новониколаевской губернии. Томичи парировали эти попытки. «Сибирским Афинам», являвшимся интеллектуальной и студенческой столицей Сибири, удалось сохранить свои позиции.

Но и Новониколаевск не стоял на месте. Он превратился в крупный транспортный узел, торговый и промышленный центр, заслужил звание мукомольной и кооперативной столицы Сибири. Весной 1916 г. здесь обосновалось правление крупнейшего на востоке России кооперативного объединения «Товарищество комиссии сибирских кооперативов по закупам и сбыту “Закупсбыт”». В 1917 г. Новониколаевск получил новый статус, превратившись из безуездного города в уездный, а с июня 1918 г. фактически приравнялся властями к губернским городам.

Поскольку Новониколаевск был освобожден Красной Армией раньше Томска, именно созданный в нем в середине декабря 1919 г. ревком получил статус губернского. Тем самым Новониколаевск стал административным центром Томской губернии. Но такой порядок просуществовал немногим более четырех месяцев. По разным причинам в конце апреля 1920 г. Сибревком наделил статусом губернского Томский ревком, оставив Новониколаевск уездным городом.

Но не прошло и года, как партийно-советское руководство Сибири приняло решение переместить «сибы» в Новониколаевск. Выбор Новониколаевска на роль столицы советской Сибири был вполне закономерен и обусловлен совокупностью факторов. Главными среди них, безусловно, являлись более выгодное географическое и геополитическое положение, наличие инфраструктуры, достаточного демографического и культурного потенциала.

Перенос столицы оказался операцией, довольно болезненной в социальном и затратной в финансовом отношении. Для ее осуществления Сибревком создал специальную межведомственную комиссию. Она определяла численность и персональный состав тех служащих «сибов», которым надлежало поменять место жительства, выявляла и назначала в Новониколаевске помещения для перемещенных учреждения, жилье — для сотрудников. Наиболее «горячая» фаза переезда пришлась на май — первую половину июня 1921 г. По ее итогам лишились работы сотни омичей. Лишь небольшая часть высшего персонала с семьями была перевезена в Новониколаевск. Как следствие такой крупной миграции в Новониколаевске резко обострился жилищный вопрос. Власти решали его довольно жестко. Неработающих жителей, а также некоторых членов семей почти в принудительном порядке выселили

за пределы города. Одновременно для жилья в срочном порядке строились временные здания барачного типа. Острый жилищный кризис существовал примерно два года. Но для многих горожан он компенсировался столичным статусом работы и проживания, надеждами на улучшение ситуации в ближайшие годы. Важно, что когда в 1922 г. встал вопрос о переименовании Новониколаевска, то местный губисполком Советов принял постановление переименовать его в Смирновск, аргументируя свое решение в том числе и тем, что именно И. Н. Смирнову принадлежала мысль «перенести сибирский центр из Омска в Новониколаевск и сделать последний столицей Сибири».

Vladimir I. Shishkin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: patric@academ.org

OMSK AND NOVONIKOLAEVSK – TWO CAPITALS OF SIBERIA OF THE EARLY 1920s

The report discusses the issue of «local» capitals that existed in Siberia in 1914–1922. The author suggests that their choice was determined by a combination of different factors, the subordination of which was different each time. Most often, geographic and geopolitical, infrastructural, demographic and cultural factors were of paramount importance, taken into account in that order.

Keywords: city, capital, Omsk, Novonikolaevsk, Sibrevkom, I. N. Smirnov

СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ: РЕАЛЬНАЯ И ВООБРАЖАЕМАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ

Белов Алексей Викторович

д.и.н., с.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)

E-mail: belovavhistpost@mail.ru

«СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД МОСКВА» В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОЙ СЕТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

УДК 94(47+57-25)''17/18''

Во второй половине XVIII в. в России был проведен комплекс преобразований, в результате которых в стране была выстроена иерархическая поселенческая структура. На ее вершине стояли два «столичных города» Петербург и Москва. При этом последняя несла звание столицы неформально, исполняя ряд обязательных столичных функций и обладая соответствующими элементами управления.

Ключевые слова: русский город, дореформенный город, городская сеть, столичный город, столица

Одним из направлений преобразований Екатерины II выступала реформа города. При этом усилия направлялись не только на упорядочивание социальной структуры городского населения. Велась также масштабная работа по выстраиванию в стране единой территориально-пространственной поселенческой структуры, состоящей из городов-административных центров и близких им по статусу поселений с разным статусом и функционалом. Центральное место в ней занимал столичный город, к которому в равной степени были причислены два города: Санкт-Петербург и Москва. «Первопрестольная» официально относилась к категории столиц Российской империи. Во всех отчетах, идущих из Москвы в Петербург¹ и обратно, она неизменно называлась не иначе как «Столичный город Москва». Причем часто это происходило в написании «...Столичный Город москва», так как обозначение имени с прописной буквы было обусловлено незначительным положением собственного обозначения по сравнению с официальным статусом (как административного центра (города), так и столицы).

При этом столичный ранг не носил сугубо внешнего значения. Москва имела определенный набор столичных функций, которые «Первопрестольная» честно исполняла. Выражаясь чиновным языком, Москву назначили служить столицей так же, как Рязань или Тверь обязали служить губернскими центрами.

В Москве даже после превращения Петербурга в главную «северную» столицу по-прежнему функционировали канцелярии центральных имперских учреждений (коллегий, синода и др.). Если в 1726 г. их насчитывалось 6, то в 1742 г. уже 13. И это не считая дворцовых учреждений [3, с. 296–297]. С 1726 г. здесь же работала Коллегия экономии. С 1742 г. — Вотчинная коллегия. Помимо того, в городе имелись собственные подразделения, по масштабам функций не уступавшие общегосударственным. Так была открыта контора Сената, с 1732 г. контора Канцелярии тайных розыскных дел (наследница возникшей в Петербурге Тайной канцелярии). После ее упразднения заработала Тайная экспедиция Сената и ее московская контора [2, с. 298]. Когда в 1763 г. произошла реформа Сената, разделенного на шесть департаментов, в Москве заработали два из них [2, с. 298].

Главнокомандующий (генерал-губернатор) Москвы резко выделялся среди прочих региональных руководителей, занимая вместе с Петербургом высшую ступеньку в служебной иерархии и одновременно являясь членом Сената [2, с. 300]. В XIX в. эти должности в том виде, в каком их вводила Екатерина II, были отменены [3, с. 405]. Но, что показательно, в середине XIX в. в Москве была специально сохранена должность московского генерал-губернатора, в то время когда иные центры страны ее утратили. Причем сделано это было «сообразное со значением Москвы как второй столицы» [1, с. 328].

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Д. 575. Ч. 2. Л. 158.

В наставлении Екатерины II Московскому и Петербургскому губернаторам (1765 г., 12 апреля) особо подчеркивалось, что Москва и Петербург возглавляют две губернии, принципиально отличающиеся от других административных образований в связи с «разностью положений»². Тишину и порядок в обеих столицах (и только в них) устанавливал общеимперский полицейский орган во главе с генерал-полицеймейстером³, что также являлось приметой особого статуса. Показательно, что по отдельным важным вопросам инструкции составились сразу для обеих столиц, без их разделения⁴.

Важным качественным признаком столичного города (одновременно и его функцией, и почетной обязанностью) выступало наличие здесь постоянной резиденции императора. Таких городов в России было только два — Москва и Петербург: «будучи в Резиденциях наших» — неоднократно писала Екатерина II. Кроме того, она так же не раз подчеркивала в своем наставлении Московскому и Санкт-Петербургскому губернаторам принцип взаимообусловленности функций столицы и резиденции императора⁵.

Выполнение столичных функций предусматривало, в том числе, иной масштаб местных учреждений различного профиля. В частности, в Москве был «устроен» почтамт, что было предусмотрено только для столичных городов. Причем его создание было произведено не только из-за насущной необходимости, но в связи с соответствием столичному статусу города: «...а для помещения здешнего почтамта, во уважение как здешней столицы»⁶. Продолжением этой тенденции стал масштабный план реконструкции Москвы Екатерины II, задуманный императрицей, начатый, но до конца так и не осуществленный.

Другой формой выражения столичной роли стал долгий и трудный процесс устройства в Москве собственного национального театра, а также возведение для него подходящего здания. Показательно, что после пожара 1812 г., когда перед властями стояли куда более насущные проблемы, было принято решение о «возобновлении» утраченного театрального здания. При этом в «представлении», составленном по этому вопросу московским военным генерал-губернатором князем В. М. Голицыным, особо подчеркивалось: «Московский театр не должен бы, казалось, ни в каких частях уступать Санкт-Петербургскому, ибо оба они в столицах» [4, с. 290].

Литература и источники

1. Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собрание сочинений А. Д. Градовского. СПб., 1899. Т. 1.
2. Ковальчук А. В. Вторая столица империи («порфиноносная вдова») // История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М., 1997. Т. 1: XII–XVIII вв. С. 293–303.
3. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М., 2007.
4. Погожев В. П. Столетие организации Императорских Московских театров (опыт исторического обзора). СПб., 1907. Вып. 1. Кн. 2.

Aleksey V. Belov

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: belovavhistpost@mail.ru

“THE CAPITAL CITY OF MOSCOW” IN THE STRUCTURE OF THE RUSSIAN EMPIRE’S URBAN NETWORK AT THE TURN OF THE 18th–19th CENTURIES

In the second half of the 18th century in Russia, a complex of transformations was carried out, they led to the formation of a hierarchical settlement structure in the country. On its top stood two «capital cities» — St. Petersburg and Moscow. At the same time, the latter carried the title of the capital informally, performing a number of mandatory functions of the capital and possessing the corresponding controls.

Keywords: Russian city, pre-reform city, urban network, capital city, capital

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ-1). Т. 17. № 12306. С. 6.

³ ПСЗ-1. Т. 17. № 12306. С. 6.

⁴ ПСЗ-1. Т. 28. № 21658. С. 892.

⁵ ПСЗ-1. Т. 17. № 12306. С. 6–7.

⁶ РГАДА. Ф. 16. Д. 575. Ч. 2. Л. 154об.; ПСЗ-1. Т. 44. Ч. 2. № 18938. С. 328–329.

Бородина Елена Васильевна

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

ОРГАНЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО НАДЗОРА В РАННЕМ ЕКАТЕРИНБУРГЕ

УДК 94(470.5)''17''

Доклад посвящен характеристике органов полицейского надзора в первые десятилетия существования Екатеринбурга. В результате анализа документальных источников автор установил, что с 1727 г. функции полиции выполняли Екатеринбургские ротные дела. Должность полицмейстера была введена лишь в ноябре 1734 г. Функционал органов полиции не ограничивался поиском и поимкой преступников.

Ключевые слова: история Урала, Екатеринбург, история государства и права, полиция

История Екатеринбурга представляется неполной без изучения структур, которые осуществляли контроль за порядком на территории завода-крепости. Формирование населения и горнозаводской округи требовало пристального внимания со стороны региональной администрации, которая была заинтересована в первую очередь в создании социальной общности, обеспечивавшей нужды горно-металлургического комплекса и состоявшей преимущественно из специалистов горного дела и мастеровых и рабочих людей. Основатели города предполагали, что он будет представлять собой оплот регулярности, которой следовало проявиться как в застройке, так и в организации жизни населения.

В частности, в 1723–1734 гг., в годы руководства уральскими заводами В. де Генниным, были введены строгие требования к застройке города и внутренней обстановке домов. Кроме того, генерал-майор ограничил продажу алкоголя, установил запрет на выпас домашнего скота на улицах в пределах крепостных стен. Таким образом, жизнь на территории завода-крепости была ограничена разнообразными рамками. На протяжении первых десятилетий своего существования Екатеринбург действительно представлял собой регулярно организованный населенный пункт, соответствовавший западноевропейским образцам. Это отмечали и прибывавшие в город иностранные ученые и путешественники [4].

Не привыкшее к такому образцовому образу жизни население требовалось дисциплинировать, что было не самой простой задачей для местных администраторов. Ее решение предполагало создание специальных структур, ответственных за порядок в будущем городе. Очевидно, что для этой цели могли быть пригодны лишь военизированные структуры, которыми ввиду особенностей их организации было легко управлять. В 1727 г. такой структурой стали Екатеринбургские ротные дела — военная штабная структура при горнозаводской администрации, просуществовавшая до 1781 г. [5, с. 261].

Екатеринбургские ротные дела были сформированы после возвращения в Тобольск, под начало сибирского губернатора, Тобольского гарнизонного командированного полка, который был направлен на Урал в 1723 г. для строительства Екатеринбургских завода и крепости [1, с. 24]. Возможно, организация Екатеринбургских ротных дел могла произойти раньше. В 1725 г. начался процесс формирования собственного военного подразделения при Екатеринбурге [3]. В ведении Екатеринбургских ротных дел находилась рота драгун, оставленная для «охраны крепости и караулов» [1, с. 25]. Со временем в их подчинение перешли две Екатеринбургские горные роты (с 1737 г.) и артиллерийская команда [1, с. 29–30; 3]. Присутствие Екатеринбургских ротных дел было сформировано из армейских пехотных офицеров. В него входили управитель (командир, в ранге капитана) и два члена присутствия (командиры рот, в ранге поручиков) [2]. В частности, в 1727 г. Екатеринбургские ротные дела возглавил поручик (с 1728 г. — лейтенант) К. Брандт [5, с. 261]¹. В качестве делопроизводителей при ротных делах состояли солдаты «за писаря»². Ротные дела подчинялись «главному командиру» заводов

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 2. Д. 1432. Л. 68об.

² Там же. Л. 46об., 68об.

и присутствию Сибирского обер-бергамта (с 1734 г. — Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов)³.

Ротные дела следили за комплектованием и снабжением воинских подразделений, базировавшихся в Екатеринбурге и на подчиненных Сибирскому обер-бергамту территориях⁴. В конце 1720-х — начале 1730-х гг. Екатеринбургские ротные дела также занимались расставлением караулов, следили за общественным порядком, санитарно-эпидемиологической обстановкой, состоянием тюрьмы и других мест содержания правонарушителей. В их ведении также находились охрана тюрьмы и колодников, направлявшихся на заводские работы. По распоряжению Сибирского обер-бергамта ротные дела взимали штрафы и отчитывались об освобождении помилованных заключенных⁵. Екатеринбургские ротные дела ежемесячно рапортовали об отсутствии на территории завода-крепости гулящих «бес пашпортов»⁶.

С конца 1734 г. управитель и один из членов Екатеринбургских ротных дел руководили Екатеринбургской полицией. С 1735 г. члены Екатеринбургских ротных дел также входили в состав присутствия Екатеринбургской конторы судебных и земских дел (полицмейстер и адвокат «для безгласных дел»). Ротные дела были ликвидированы в 1781 г. в связи с началом на Урале административно-судебных реформ Екатерины II. Таким образом, военные играли важную роль в поддержании общественного порядка. Тем не менее, в середине 1730-х гг. Екатеринбургские ротные дела потеряли часть полицейских функций. Они были переданы такому органу охраны правопорядка, как Екатеринбургская полиция.

Должность полицмейстера была учреждена в Екатеринбурге в ноябре 1734 г. Первым полицмейстером стал поручик С. Г. Сикорский [1, с. 32; 7, с. 11–12]. В начале 1735 г. полицмейстер вошел в состав присутствия Екатеринбургской конторы судебных и земских дел. Новым начальником полиции стал поручик А. Зубов, которого в 1737 г. заменил капитан К. Брандт. Последний оставался полицмейстером и членом Екатеринбургской конторы судебных и земских дел до своей смерти в 1750 г. [7, с. 12–13]. Полномочия полицмейстера оговаривались специальной инструкцией, выдававшейся Канцелярией Главного заводов правления. В обязанности полицмейстера входил контроль за регулярностью городской застройки, противопожарной безопасностью, благоустройством и чистотой городской территории, соблюдением правил торговли и общественного порядка. Он пресекал противоправные действия, распределял солдат на постой и контролировал передвижения людей. Полицмейстер взаимодействовал со старостами, десятскими и караульщиками из числа местных жителей, которые также отвечали за поддержание общественного порядка и противопожарную безопасность. До 1781 г. полицмейстеры представляли горнозаводское ведомство. В результате реформ начала 1780-х гг. заводская полиция в Екатеринбурге была упразднена, произведены попытки создать новую полицию, подчинявшуюся городскому и губернскому управлению [6, с. 53–54].

Таким образом, попытки создания органов охраны правопорядка наблюдались в Екатеринбурге с момента основания завода-крепости. Они были обусловлены, с одной стороны, необходимостью контроля над производственными процессами и пожарной безопасностью, с другой стороны, стремлением предотвратить появление в населенном пункте неблагонадежных элементов, которые могли бы негативно повлиять на работоспособность местного населения. Такая многофункциональность органов полицейского надзора считалась обычной для того времени и отражала идеи регулярного государства, положенные в основу организации общества. Все руководители ротных дел и полицмейстеры были военными, что также являлось нормой и определялось необходимостью поддержания общественного порядка и спокойствия. Деятельность екатеринбургской полиции являлась важным показателем основных направлений развития Российского государства раннего нового времени.

³ Там же. Л. 68–68об.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 138. Л. 131–133об.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1432. Л. 46–46об., 68–68об.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Ф. 1435. Л. 34об., 47об., 50об., 65.

Литература и источники

1. Земцов В. Н., Ляпин В. Н. Екатеринбург в мундире. Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVIII — начала XX в. Екатеринбург, 1992.
2. Корепанов Н. С. Екатеринбургские ротные дела // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 188–189.
3. Лобанов Д. А. Екатеринбургские горные роты — первые воинские формирования горного ведомства в 1730-е гг. // История военного дела: исследования и источники. 2018. Т. 9. С. 398–419.
4. Редин Д.А. Екатеринбург генерала Геннина: опыт прочтения городского текста // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 3. С. 1042–1063.
5. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в. СПб., 2022.
6. Чашников В. А. Становление полиции на Урале во второй половине XVIII в. // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 52–55.
7. Чашников В. А. Создание полиции на Среднем Урале в первой половине XVIII в. // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 11–13.

Elena V. Borodina

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

POLICE SUPERVISION IN EARLY EKATERINBURG

The article is devoted to the characteristics of police supervision in the first decades of the existence of Ekaterinburg. As a result of the analysis of documentary primary sources, the author established that since 1727, the functions of the police were performed by the Ekaterinburg company department. The position of chief of police was introduced only in November 1734. The functions of the police were not limited to the search and capture of criminals.

Keywords: history of the Urals, Ekaterinburg, history of state and law, police

Воробьев Сергей Викторович

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: svorob.hist@gmail.com

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ВЛАСТИ
ЕКАТЕРИНБУРГА — СВЕРДЛОВСКА В ГОДЫ НЭПА**

УДК 94(470.5)''1922/1925''

В докладе рассматривается законодательная база деятельности Свердловского городского совета в период НЭПа. Можно выделить несколько этапов функционирования городского совета, которые определялись законодательными шагами центральной власти в отношении местного управления. В связи с этим проанализированы принципы функционирования городской власти, ее структура и полномочия, установленные положениями о городских советах 1922 и 1925 гг.

Ключевые слова: Екатеринбург, Свердловск, Свердловский городской совет, окружком ВКП(б), окрисполком, секции, законодательство

В ноябре 1923 г. в связи с созданием Уральской области Екатеринбург превратился в областной центр. В рассматриваемый период основным органом городской власти являлся Екатеринбургский (Свердловский) городской совет рабочих и красноармейских депутатов, который осуществлял всю текущую работу по обеспечению жизни города и функционированию городского хозяйства. Городские органы власти в своей деятельности опирались на законодательные постановления центральной власти, посвященные местному самоуправлению. Основные принципы их деятельности и управленческая структура были закреплены в положениях о советах.

Первое «Положение о советах» периода НЭПа, утвержденное ВЦИК, было издано в 1922 г. Согласно положению, самостоятельный городской исполком в совете в тот период не создавался, а работа горсовета обслуживалась аппаратом губисполкома и его соответствующих отделов, а позднее окружного исполкома. Непосредственное руководство горсоветом осуществляли президиум и пленум горсовета¹. Президиум между пленумами являлся высшим органом власти на территории города. Состав президиума горсовета утверждался окружкомом партии². Избирался городской совет сроком на один год.

В «Положении о советах» указывалось, что «президиумы губернских и уездных исполнительных комитетов являются в то же время и президиумами городских советов»³. Поэтому руководители города того периода С. И. Клепацкий, Г. Н. Пылаев, А. Ф. Сивков, А. Н. Бычкова одновременно занимали руководящие должности в окружной исполнительной и партийной власти [2, с. 182–183]⁴.

Взаимоотношения горсовета с окрисполкомом и его отделами осуществлялись на основании «Положения о горсоветах» 1922 г.⁵ Его недостаток заключался в том, что оно не вводило строгого разграничения полномочий и размежевания сфер деятельности между городскими советами и исполкомами. В связи с этим управление городом осуществлялось совместно окружным исполкомом и Свердловским горсоветом. Фактически в них существовали параллельные структуры управления. Поэтому все решения, принятые на заседании пленума или президиума горсовета для предания им законодательной силы, передавались на окончательное разрешение в президиум окрисполкома⁶.

¹ Положение о советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М., 1950. С. 164, 166.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1624. Л. 28.

³ Положение о советах... С. 164.

⁴ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Д. 876. Л. 1; Д. 1624. Л. 44об.; Пылаев Георгий Николаевич // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. URL: <http://www.knowbysight.info/PPP/04210.asp> (дата обращения: 10.05.2023);

⁵ Положение о советах... С. 168

⁶ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 369. Л. 25.

Эту двойственность хорошо понимали городские власти. В отчете 1925 г. о своей деятельности в адрес окружкома партии они в качестве недостатка в деятельности горсовета отметили «недостаточно выраженное разграничение работы между горсоветом и исполкомом, вследствие чего происходит дублирование работы, когда одни и те же вопросы подвергаются обсуждению в президиуме горсовета и окрисполкоме. В связи с этим они выступали за большую самостоятельность горсовета, считая, что ему «необходимо предоставить самостоятельные функции в работе на его территории»⁷.

В соответствии с «Положением о советах» 1922 г. в структуре аппарата горсовета создавались секции, которые решали задачи, связанные с функционированием города. На секции возлагалась подготовительная работа, они должны были предварительно обсуждать те вопросы, которые подлежали вынесению на пленум или президиум⁸. В составе Екатеринбургского городского совета VI созыва, который начал работать 1 декабря 1923 г., действовало восемь секций: коммунальная, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, финансово-налоговая, торгово-промышленная, административная и военная⁹. В дальнейшем состав секций менялся. Согласно «Положению о советах» 1925 г. в составе горсовета на обязательной основе должны были действовать пять секций. В Свердловском горсовете дополнительно были созданы еще две секции: собеса и труда и административно-судебная¹⁰. В 1926 г. их стало восемь — за счет создания промышленной секции¹¹. В 1929 г. в составе горсовета, помимо шести обязательных секций, были созданы административно-судебная, промышленная и военная секции [3, с. 116].

Еще в 1924 г. активно обсуждалась проблема расширения прав советов в политико-административной сфере [1, с. 79]. Эта позиция центральной власти в отношении местного самоуправления привела к тому, что в октябре 1925 г. ВЦИК было принято, а 7 декабря 1925 г. введено в действие «Положение о городских Советах», заложившее, по мнению Е. Г. Анимицы и А. Т. Тертышного, фундамент советского городского самоуправления [1, с. 79]. Оно расширяло права горсоветов в административной, финансовой и хозяйственной сферах. Городские советы как исполнительный орган власти получили право издавать обязательные постановления. Этим они по статусу приравнивались к исполкомам, которые имели правомочия на издание таких постановлений. Также городские советы получили полномочия на «составление, рассмотрение, утверждение и исполнение городского бюджета», установление и взимание городских налогов и сборов, возможность управлять предприятиями, находившимися в ведении горсовета, сдавать их в аренду, а также создавать новые промышленные и торговые предприятия¹².

Получение большей самостоятельности проявилось также в том, что, если по «Положению о советах» 1922 г. работой секции совета руководил заведующий соответствующим отделом губисполкома, являвшийся одновременно председателем бюро секции¹³, то по новому положению председателем секции уже не мог быть руководитель соответствующего исполнительного органа¹⁴. Изменилась и подчиненность секций. Теперь общее руководство работой секций входило в компетенцию пленума и президиума городского совета¹⁵, и если прежде решения секций должны были получить одобрение со стороны окрисполкома, то сейчас «постановления секции утверждаются и проводятся в жизнь через президиум городского совета»¹⁶.

⁷ Там же. Л. 25 об.

⁸ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 480. Л. 1об.

⁹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 199. Л. 1.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 480. Л. 1об.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 868. Л. 10.

¹² Положение о городских советах (утвержденное постановлением ВЦИКа от 24 октября 1925 г.): депутатам Оренбургского Городского Совета. Оренбург, 1927. С. 6, 12–13.

¹³ Положение о советах... С. 168.

¹⁴ Положение о городских советах... С. 19.

¹⁵ Там же. С. 20.

¹⁶ Там же. С. 19.

Хотя, согласно постановлению 1925 г., городские советы и объявлялись «высшими органами власти на территории соответствующего города или поселка»¹⁷, в значительной степени это было лишь декларацией о намерениях. В связи с тем, что основные финансовые и административные ресурсы находились в руках окружного исполкома, для решения существующих городских проблем горсовету часто приходилось обращаться за помощью к окружной исполнительной власти. Городские советы оставались в значительной степени подконтрольными местным исполкомам, так как основная работа городского совета «производится отделами соответствующих исполнительных комитетов», в которых выделялись отдельные подразделения (так называемые городские части) для решения городских вопросов. Руководители этих подразделений назначались горсоветом по согласованию с исполкомом. Таким образом, на практике многие городские вопросы продолжали решаться при непосредственном участии партийных и советских органов власти.

Литература и источники

1. Анимица Е. Г., Тертышный А. Т. Основы местного самоуправления: учебник. М., 2000.
2. Микитюк В. П. Степан Иванович Клепацкий // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: исторические очерки. Екатеринбург, 2008. С. 182–183.
3. Свердловск. Справочник-путеводитель на 1929–1930 год. Свердловск, 1929.
4. Яркова Е. И. Портрет партийного и советского руководителя местного уровня 1920–30-х годов (на примере биографии А. Ф. Сивкова) // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. Десятые международные историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2006. С. 326–331.

Sergey V. Vorobyov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: svorob.hist@gmail.com

LEGISLATIVE BASIS FOR THE FUNCTIONING OF THE CITY GOVERNMENT OF EKATERINBURG — SVERDLOVSK DURING THE NEP YEARS

The article discusses the legislative framework for the activities of the Sverdlovsk City Council during the NEP period. There are several stages in the functioning of the city council, which were determined by the legislative steps of the central government in relation to local government. In this regard, the principles of functioning of city government, its structure and powers established by the regulations on city councils of 1922 and 1925 are analyzed.

Keywords: Ekaterinburg, Sverdlovsk, Sverdlovsk city council, district committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, district executive committee, sections, legislation

¹⁷ Там же. С. 5.

Гагиева Анна Капитоновна

д.и.н., профессор, Коми республиканская академия государственной службы и управления

(г. Сыктывкар)

E-mail: gngkol2@mail.ru

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ УЕЗДНОГО ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
НА ПРИМЕРЕ УЕЗДНОГО ГОРОДА УСТЬ-СЫСОЛЬСКА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ**

УДК 94(470.12)''18/19''

В докладе рассматривается взаимодействие уездных органов власти с общественными организациями. Делается вывод, что в уездном городе во второй половине XIX — начале XX в. отношения между городской администрацией и общественными организациями не всегда строились на сотрудничестве и диалоге. К концу периода, с прибытием на изучаемую территорию политических ссыльных, надзор над общественными организациями усилился.

Ключевые слова: общественные организации, любительский театр, клуб, собрание, городской Голова, политические ссыльные

Изучение вопросов взаимодействия местных органов власти с городскими общественными организациями уездных городов Российской империи в конце XIX — начале XX в. продолжает сохранять актуальность. Это связано не только с недостаточной изученностью сюжета для отдельных регионов страны, но и с дискуссией, посвященной роли местных органов управления в контроле над текущей деятельностью и ликвидацией городских общественных организаций. Одни исследователи считают, что «местные органы власти полностью регламентировали деятельность создающихся городских общественных организаций» [9, с. 27–29], другие утверждают, что «несмотря на известные факты противостояния местной власти и общественных организаций, в целом можно говорить о доминирующей тенденции их взаимопонимания и сотрудничества (особенно в социокультурной сфере)» [5, с. 78]. Признавая правомерность заявленных положений, следует отметить, что они в основном базируются на исследовании взаимодействия власти и общественных организаций губернских центров, тогда как в уездных городах ситуация была не столь однозначна.

Цель работы — рассмотреть взаимодействие местной уездной власти и городских общественных организаций. Следует отметить, что данный вопрос нашел освещение в контексте изучения истории сословий, уездных городских общественных организаций, истории благотворительности и попечительства и так далее [5; 7; 9]. Однако исследование вопросов взаимодействия уездной власти и общественных организаций, особенно в национальных регионах, находится в стадии становления.

Для достижения цели нами были исследованы как опубликованные [6], так и неопубликованные источники. Последние представлены документами Национального архива Республики Коми¹. Они известны исследователям, занимающимся историей культуры народа коми XIX — начала XX вв. [1; 2; 4], но для показа взаимодействия местных органов власти и общественных организаций привлекаются впервые.

Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии с центром в г. Усть-Сысольске находился на слиянии р. Вычегды и Сысолы в северо-восточной части губернии. По переписи 1897 г. в Усть-Сысольском уезде насчитывалось 89 840 жителей, в том числе постоянного населения 86 294 (96,1 %), временного — 3 546 (3,9 %) [4, с. 386, 389]. В уездном центре — г. Усть-Сысольске — проживало 5 597 человек (2 616 мужчин и 2 981 женщина) [3, с. 60]. Большинство населения составляли коми — 82,86 %, русские — 16,49 %, поляки — 0,45 %, евреи — 0,05 %, других — 0,15 % [4, с. 386]. По социальному составу

¹ Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 182: Усть-Сысольская женская гимназия; Ф. 118: Усть-Сысольская городская Дума; и др.

это были купцы, торговцы, мещане. В городе имелись мужская и женская гимназии, духовное училище, церковно-приходские и земские школы. Учителя, семинаристы, купцы, уездные и городские чиновники принимали активное участие в работе общественных организаций.

Конец XIX — начало XX в. для Усть-Сысольского уезда и всего Европейского Севера России характеризовался значительными экономическими и социальными переменами. Вслед за губернскими городами здесь активизировались общественные силы «в направлении изучения языка, истории и культуры коренных народов» (в нашем случае — коми), а также пропаганды научных знаний [2, с. 783].

До 1906 г. деятельность уездных общественных организаций не регламентировалась. Представители администрации имели обширные полномочия по открытию, контролю над деятельностью и закрытию общественных организаций. Однако в изучаемое время власть иногда шла на компромиссы с уездной общественностью при создании общественных организаций. Это было связано с изменением взгляда на общественные организации как на организации, приносящие пользу местному хозяйству и культуре, а также с изменением городской среды.

Известно, что в изучаемое время в г. Усть-Сысольске отсутствовали профессиональные учреждения культуры (музеи, театры и др.). Общественность активно создавала их на любительской основе. Примером может служить городской любительский театр, который на протяжении изучаемого периода смог сформировать свой репертуар и стать значимым «культурным явлением» в жизни уездного города [2, с. 788]. Открытие театра сформировало основы для развития профессионального театрального искусства в изучаемом регионе в будущем. В театре силами энтузиастов была создана музыкальная группа, состоявшая из любителей, которая сопровождала все театральные постановки.

Власть в лице Городской управы постоянно контролировала репертуар театра. Так, в 1872 г. в г. Вологду, в театральную цензуру, был отправлен репертуар театра, состоящий из 53 пьес. Лишь после получения положительного ответа Усть-Сысольский любительский театр приступил к постановкам произведений [2, с. 787]. Чиновники уездной администрации присутствовали на генеральных репетициях, после чего составлялись рапорты о возможности или невозможности показа спектакля.

Большой популярностью среди городского населения пользовались Общественное собрание и Общественный клуб [2, с. 790]. Эти организации, созданные исключительно по инициативе купцов, мещан и чиновников сыграли определённую роль в активизации культурной жизни уездного города. Имея свой Устав, руководство, финансовую поддержку в лице благотворителей и членов клуба, эти организации были поддержаны местной властью. Так, в уставе относительно почетного членства в Общественном клубе специально использовались формулировки, которые позволяли привлекать к участию в нем представителей местной власти. В 1872 г. во главе клуба стал секретарь земской управы Латкин, который инициировал открытие катка в городе, народные гуляния в Заречье, публичные лекции «о вреде пьянства» и другое [2, с. 790]. Уставом общества оговаривался и контроль земской управы над его деятельностью.

Иногда уездная власть сама инициировала создание общественных организаций, которые пользовались ее покровительством. Например, открытие в уездном городе «Общества трезвости», Народного Дома, просветительских организаций, и так далее [4, с. 531, 538, 539]. Бывали случаи, когда власть запрещала проведение каких-либо мероприятий, мотивируя это тем, что они не соответствуют специфике работы организации². Особое внимание при этом уделялось создаваемым клубам, кружкам, обществам в образовательных учреждениях города. Количество таких ограничений увеличилось, когда в Усть-Сысольский уезд и г. Усть-Сысольск стали прибывать первые политические ссыльные.

Взаимодействие местной власти и общественных организаций в г. Усть-Сысольске целиком и полностью зависело от личности городского Головы, его мировоззрения и человеческих качеств. Примером служит деятельность городского Головы И. П. Комлина который много сделал для развития просвещения,

² НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

популяризации новых знаний, традиций, культуры народа коми, а также для изучения миссионерской деятельности Стефана Пермского³.

С одной стороны, взаимодействие местных органов власти и общественных организаций в уездном городе было довольно успешным. Многие члены Городской Думы, чиновники уездной канцелярии сами были активными участниками проводимых общественных организациями мероприятий. С другой, как показывают исторические документы, каждая общественная организация от зарождения до закрытия, находилась под «гласным и негласным» надзором полицейских органов.

Если сравнивать взаимодействие местной власти и общественности в губернских и уездных городах, то следует отметить, что в губернских центрах наблюдалось доминирование сотрудничества, тогда как в уездных центрах местная администрация с большой осторожностью и опаской рассматривала предложения об открытии новых и постоянно контролировала деятельность уже существовавших общественных организаций.

Литература и источники

1. Бондаренко О. Е. Учебные заведения в Коми крае в конце XIX — начале XX вв. Сыктывкар, 1998.
2. Гагиева А. К. «Местное общество» г. Усть-Сысольска Вологодской губернии во второй половине XIX в. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 783–792.
3. Игнатова Н. М., Вишнякова Д. В., Обедков А. П., Силин В. И. Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX — XX в.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера. Сыктывкар, 2022. Вып. 1.
4. История Коми с древнейших времен до конца XX века: в 2-х т. Сыктывкар, 2004. Т. 1.
5. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на среднем Урале (вторая половина XIX — начало XX в.). Екатеринбург, 2008.
6. Культурная жизнь Коми края. 1800–1917 гг. Сборник документов и материалов. Сыктывкар, 2017.
7. Рогачев М. Б., Цой А. И. Усть-Сысольск: страницы истории. Сыктывкар, 1989.
8. Туманова А. С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII — начала XX вв. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 58–64.
9. Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации в России на рубеже XIX — XX. М., 1980.

Anna K. Gagieva

Doctor of Historical Sciences, Komi Republican Academy of Public Administration and Management
(Russia, Syktyvkar)
e-mail: gngkol2@mail.ru

INTERACTION OF LOCAL AUTHORITIES AND PUBLIC ORGANIZATIONS OF THE COUNTY TOWN IN THE SECOND HALF OF THE 19th — EARLY 20th CENTURIES. ON THE EXAMPLE OF THE COUNTY TOWN OF UST-SYSOLSK, VOLOGDA PROVINCE

The article discusses the interaction of county authorities with public organizations. It is concluded that in the county town in the second half of the 19th — early 20th centuries, relations between the city administration and public organizations were not always based on cooperation and dialogue. By the end of the period, with the appearance of political exiles on the studied territory, the supervision of public organizations is strengthened.

Keywords: public organizations, amateur theater, club, assembly, Mayor, political exiles

³ НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3874. Л. 11, 13об.; и др.

Гребенюк Павел Сергеевич

к.и.н., с.н.с., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило
ДВО РАН (г. Магадан)
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СССР В 1953 — НАЧАЛЕ 1960-х гг.

УДК 94(571.65)''1953/1960''

В докладе рассматриваются особенности культурной политики на Северо-Востоке СССР в 1953 — начале 1960-х гг. в контексте взаимоотношений власти и общества. Особое внимание уделяется наследию Дальстроя как фактору новой культурной политики, формированию идеологических установок, развитию учреждений культуры.

Ключевые слова: Северо-Восток СССР, Магаданская область, Дальстрой, учреждения культуры, театр, книгоиздание, красная яранга, кино, телевидение

Создание Магаданской области в декабре 1953 г. явилось не только частью преобразований, следовавших после смерти Сталина, но было призвано в корне изменить ситуацию — момент ожидания, желания кардинальных перемен здесь был несравненно выше, чем в целом по стране. Изменения в культурной политике, непосредственно затронувшие жизнь людей, начались с программной деятельности новых органов власти. Магаданский обком и облисполком имели четко поставленные задачи, среди которых первостепенной было устранение «перегибов» дальстроевского управления территорией, или говоря партийным языком того времени — исправление «искривлений социалистической законности» на Колыме. Новые институты власти должны были принять власть у Дальстроя, обеспечить стабильное развитие золотодобывающей отрасли, а также начать работу по созданию условий для повседневной жизни людей, поскольку на социальную инфраструктуру в Дальстрое обращали внимание в последнюю очередь.

Только к концу 1950-х гг. партийно-советские руководители смогли взять под контроль решение важнейших вопросов развития региона и поставить точку в вопросе центра политической власти на Северо-Востоке. Настроения определенной части дальстроевских управленцев, в особенности известных геологов, были связаны с поддержкой «теории затухания Золотой Колымы», которую можно рассматривать как явление протеста дальстроевских руководителей по отношению к переменам, происходившим на Северо-Востоке. Парадокс заключался в том, что сама эта «теория» стала культурным феноменом, а партийно-советские кадры, боровшиеся за власть, включили победу над ней в список своих важнейших достижений.

Потребность области в квалифицированных кадрах отчасти компенсировалась большим числом так называемых практиков — работников, не имевших профессионального образования, но приобретших опыт трудовой деятельности в условиях Северо-Востока. Многие из них в прошлом были заключенными Северо-Восточного ИТЛ и, освободившись из мест заключения, оставались работать на предприятиях Дальстроя. На фоне интенсивной миграции населения наблюдалось социальное разделение общества — определяющую роль играли социальные противоречия между старыми дальстроевцами и новыми кадровыми пополнениями, зачастую абсолютно неготовыми к колымским условиям. Особенно это проявлялось на горнодобывающих предприятиях, где было занято большинство населения.

Культурная политика после образования области была направлена на рост числа культурно-просветительских учреждений, строительство и открытие новых домов культуры, клубов, библиотек, кинотеатров, а также на расширение сети красных яранг, призванных обеспечить культурное развитие оленеводов и пастухов. Учреждения культуры, принадлежавшие Дальстрою, переходили на баланс облисполкома, партийные органы укрепляли контроль через рассмотрение главных вопросов культурного развития на бюро и секретариате областного партийного комитета. Текущее руководство через городской и районные отделы культуры осуществляло управление культуры Магаданского облисполкома. Важнейшие вопросы рассматривались на заседаниях советов управления культуры, проведение областных мероприятий

помогало мобилизовать районы на выполнение поставленных задач, а для контроля на местах в районы командировались представители аппарата управления культуры. Управление культуры облисполкома занималось вопросами культурно-просветительной работы, организацией и контролем деятельности учреждений искусств, полиграфии, кинопроката, планированием и материально-техническим снабжением организаций культуры и искусства.

Всего к началу 1960-х гг. в области работало 886 различных культурно-просветительных учреждений. В 1964 г. в Магадане открыли областной Дворец культуры профсоюзов. Новые дома культуры были открыты во многих районных центрах области. Всего с 1954 г. по 1971 г. в области было построено четыре дворца и дома культуры на 1 220 мест, 54 клуба на 8 715 мест, четырнадцать кинотеатров на 4 410 мест, в том числе на Чукотке в действие было введено шестнадцать клубов, два районных Дома культуры и четыре кинотеатра.

Педагогический институт в г. Магадане начал работу только в 1961 г. В том же году был образован и Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения Академии наук. Задержка в столь важном для региона вопросе объясняется сложным переходным периодом становления государственных органов власти на Северо-Востоке 1954–1957 гг. и рабочими противоречиями с Дальстроем, который имел огромное влияние в решении текущих управленческих задач.

В целях снижения расходов в 1955 г. была проведена реорганизация Магаданского музыкально-драматического театра и сокращение штатов, введена практика выездов на гастроли за пределы области. В 1950-е гг. руководству области удалось спасти театр от закрытия, финансовые затруднения отчасти компенсировались расширением концертной деятельности и высокими доходами от гастрольной деятельности известного певца Вадима Козина, обеспечивавшими в 1950-е гг. до 35–40 % доходов театра.

В 1957 г. в Магадане при активном участии общественности был сооружен любительский телевизионный центр, первая студийная телепередача состоялась 31 декабря 1959 г., внестудийная — в 1967 г. Как отмечали руководители области в 1967 г., телевизионная вышка, венчающая проспект Ленина в г. Магадане, стала символом развития культуры области. Повышенное внимание партийное руководство уделяло работе кинотеатров, кинематограф играл большую роль в пропагандистской и агитационной деятельности, увеличивалось количество кинотеатров и сеансов.

Жесткая цензура художественной литературы не позволяла текстам с лагерной темой появляться на страницах печатных изданий, однако литераторы не могли не писать об этом здесь, на Колыме: они зашифровывали тему лагеря и свободы в своих произведениях, которые издавались в 1950–1960-е гг. магаданским издательством. Издание повести Ивана Гарающенко «Прописан на Колыме» — исключение из правил. Судя по архивным документам, публикация стала возможной с позволения партийных руководителей области.

Деятельность учреждений культуры контролировалась облисполкомом и обкомом. Руководящие кадры учреждений культуры, председатели творческих союзов, руководители художественной самодеятельности, редакторы газет утверждались на бюро обкома. Планы газет, репертуар театров, программы мероприятий также обсуждались членами бюро и утверждались на заседаниях бюро обкома. Основной составляющей культурной политики в конце 1950-х — начале 1960-х гг. была установка на увеличение количества произведений, отражавших производственные проблемы и современную жизнь горняков, шоферов, специалистов колхозов, оленеводов и охотников.

Несмотря на рост числа клубов, библиотек и кинотеатров не были решены вопросы строительства новых зданий для областных учреждений культуры, которые все еще размещались в ветхих помещениях дальстроевских времен. Количественный рост учреждений культуры сопровождался управленческими проблемами переселения организаций и объединений, найма сотрудников, подготовки помещений для работы и проживания работников. Помимо сложностей с набором квалифицированных специалистов, в учреждениях культуры в начале 1960-х гг. сохранялась высокая текучесть кадров. Этот вопрос неоднократно поднимался и в отношении красных яранг. Несмотря на их успехи в работе с оленеводами

и охотниками Севера-Востока, огромные расстояния и трудные условия работы не позволяли выполнять планы по привлечению квалифицированных специалистов из центральных районов страны. Тяжелые условия работы, невысокая зарплата, отсутствие нормального жилья, климатические условия были причинами высокой текучести кадров, особенно в Чукотском национальном округе. Согласно действующему законодательству, молодые специалисты должны были отработать три года после окончания учебного заведения, но большинство специалистов или покидали область, или с согласия местных организаций переводились на другую работу до окончания трехлетнего периода.

Таким образом, в рассматриваемый период в государственной политике произошел поворот к социально-культурной сфере. Новое руководство региона начало формировать систему управления учреждениями культуры. Культурная политика была направлена на привлечение специалистов, создание благоприятных условий для жизни населения и формирование новой региональной идентичности. Однако природные условия, географическая отдаленность, дальстроевское наследие и другие проблемы замедлили развитие инструментов управления. Вплоть до конца 1950-х гг. происходили трансформации культурной политики, а затем, после смены руководства и проведения партийной конференции в 1958 г., начался активный рост учреждений культуры. В Магаданской области в конце 1950-х — начале 1960-х гг. были открыты новые учреждения, обновлено оборудование, основаны региональные творческие союзы композиторов, писателей и художников, а также созданы педагогический и научный институты. Несмотря на трудности, произошедшие изменения в культурной сфере были заметными, особенно для северян, которые начинали трудовой путь в Дальстрое еще в 1930–1940-е гг.

Pavel S. Grebenyuk

Candidate of Historical Sciences, the North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute,
Far Eastern Branch of the RAS (Russia, Magadan)
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

CULTURAL POLICY IN THE NORTH-EAST OF THE USSR IN THE 1953 — EARLY 1960s

In this report, I focus on the peculiarities of cultural policy in the North-East of the USSR in the 1953 — early 1960s, in the context of power and society relations. Special attention is given to the legacy of Dalstroy as a factor in the new cultural policy, changes in the image of power, formation of ideology and development of cultural institutions.

Keywords: North-East of USSR, Magadan region, Dalstroy, cultural institutions, theatre, publishing, red yaranga, cinema, television

Ибнеева Гузель Вазыховна

д.и.н., профессор, Казанский федеральный университет (г. Казань)

E-mail: Guzel.Ibneyeva@yandex.ru

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II В ГУБЕРНСКОМ ГОРОДЕ КАЗАНИ В 1767 г.: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

УДК 94(470.41)“1767”

В докладе рассматривается пребывание императрицы Екатерины II в губернском городе Казани в 1767 г., анализируется восприятие ею социокультурных особенностей города.

Ключевые слова: губернский город, социокультурные особенности города, преемственность власти

Интерес к Казани со стороны императрицы был вызван его полиэтничным и, следовательно, конфессиональным многообразием. В столице Поволжского региона она увидела то, чего не видела ранее: этническое многообразие империи. Автор рассматривает коммуникативное пространство пребывания Екатерины II в городе, в том числе участие императрицы в ежегодных народных гуляниях на Арском поле по случаю праздника Троицы, где была представлена полиэтничная среда города, а также в празднестве в загородном доме губернатора.

Казань — город с большим символическим капиталом. Посещению Казани Екатерина II придавала особое значение. Ее неравнодушие к городу во многом было обусловлено тем, что Казань была столицей покоренного в прошлом царства, а татары — народом с развитыми традициями государственности. Императрица проявила внимание к историческому прошлому Казани. В докладе анализируется содержание ее разговоров с казанским губернатором А. Н. Квашниным-Самариным об исторической топографии города. Разговор с ним, касающийся взятия Казани Иваном Грозным, выявил интерес императрицы к городской археологии, в частности, к брешу в стене Казанского Кремля, решившей исход осады города. Екатерина повелела также предоставить ей план древних крепостей Казани и взятия города царем Иваном Васильевичем. В докладе будет обращено внимание на судьбу этого повеления.

Падение Казани явилось событием, предопределившим имперское будущее России. Именно после ее завоевания Московское государство стало развиваться как полиэтничная держава, как империя, включившая в свой состав и множество других, неправославных народов. В этом смысле императрице было важно акцентировать внимание на истоках формирования этой империи и отразить величие и наковость момента падения Казани: обращение к «славному» наследию Грозного подчеркивало преемственность и ее правления.

Установление преемственности власти Екатерины II с предшествующими правителями являлось важным аспектом легитимации ее власти. В этом отношении Казань, которую в свое время посетил Петр Великий, позволяла установить символическую связь между правителями. В докладе будет показано как в речах архиепископа Вениамина, учителя казанской семинарии Иван Стефановича обосновывалась преемственность власти между Екатериной и Петром Великим.

При этом будет обращено внимание на ее встречу с 91-летним Нефедом Никитичем Кудрявцевым, который в 1712 г. был послан Петром в Казань для осмотра и описи корабельных лесов. После участия в Персидском походе Кудрявцев был назначен вице-губернатором в Казань. Помимо того что это был действительно заслуженный человек, для императрицы он был интересен тем, что символизировал преемственную связь с Петром I. Он был связующей нитью времен, олицетворял связь поколений. Такие люди консолидировали общество.

Подобное внимание к заслуженным людям способствовало также «смягчению нравов». Ведь для Екатерины важной задачей было не только повышение образовательного, но и культурного уровня горожан. Для нее «цивилизованное поведение» включало и повышение общей культуры, и умение ответственно вести себя в обществе. Губернский город — это культурный и образовательный центр.

Важную культурную функцию здесь реализовывала казанская гимназия. Известно, что директор казанской гимназии Юлий Иванович Каниц и ученики принимали участие в постановке пьес, а почтеннейшие жители Казани бывали на них. В Рождество, Масленицу, Пасху и каникулы в гимназическом зале давались представления. Для Екатерины театральные представления в гимназии являлись одним из средств цивилизовать городское население. В докладе будет рассматриваться роль Екатерины в возобновлении спектаклей, которые были прекращены по причине конфликта между директором гимназии и казанским губернатором.

Guzel V. Ibneyeva

Doctor of Historical Sciences, Kazan Federal University (Russia, Kazan)

E-mail: Guzel.Ibneyeva@yandex.ru

**EMPRESS CATHERINE II IN THE PROVINCIAL CITY OF KAZAN IN 1767:
SOCIO-CULTURAL ASPECT**

The report examines the visit of Empress Catherine II to the provincial city of Kazan in 1767, analyzes her perception of the socio-cultural characteristics of the city.

Keywords: provincial city, socio-cultural features of the city, succession of power

Ивлиев Сергей Александрович

к.и.н., с.н.с., Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (г. Саранск)

E-mail: ser.ivliev@yandex.ru

**ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ 1860–1870-х гг.: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОВИНЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА САРАНСКА)**

УДК 94(47): 82–94

В докладе на примере уездного города Саранска рассматриваются особенности буржуазных преобразований 1860–1870-х гг. в российской провинции, в ходе которых город получил большую свободу в промышленном, торговом и финансовом развитии.

Ключевые слова: буржуазные преобразования, российская провинция, город Саранск, земская реформа, судебная реформа, городская реформа.

Как известно, Великие реформы 1860-х — 1870-х гг. начались с выхода в свет Манифеста об отмене крепостного права. Падение крепостного права в России не могло не отразиться и на истории уездного города Саранска. Поскольку крестьянская реформа в большей мере касалась сельской местности, при исследовании Саранска в годы великих преобразований, мы не будем затрагивать её подробно, но подчеркнем, что именно она стала отправной точкой для всех последующих буржуазных трансформаций.

В целях приспособления самодержавия к потребностям капитализма, правительством в 1860–1870-х гг. был проведен ряд реформ: земская, судебная, городская. Они создавали основы буржуазного правопорядка и тем самым способствовали развитию капитализма в России в целом и в Саранске в частности. Рассмотрим их по порядку.

Земская реформа

Посредством земской реформы правительство пыталось создать условия для участия в политической жизни страны представителей различных слоев общества. В Саранске летом 1866 г., в рамках реализации реформы, была создана временная комиссия по подготовке выборов в земское собрание. По воспоминаниям современников, выборы в Саранске проходили в обстановке политической апатии. Крестьяне, самая многочисленная и консервативная группа избирателей, не верили в то, что земские собрания смогут облегчить их жизнь, считали их очередной «барской затеей» [6, с. 39].

Господствующие позиции в земстве Саранского уезда сначала принадлежали дворянам, решающее значение которых усиливалось ещё и тем, что председателями уездных земских собраний, согласно законодательству, выбирались предводители дворянства [4, с. 294]. Однако, по мере развития капиталистических отношений, на протяжении 1860–1870-х гг. и последующих годов, менялся и социальный состав гласных уездного земского собрания. В Саранском уезде наблюдалось планомерное снижение представительства дворянства и увеличение числа гласных от городских сословий, что в немалой степени объясняется «вырождением» дворянства, которое «оказалось в массе своей не в силах приспособиться к новым условиям» [5, с. 195]. Количество же выборных от сельских обществ оставалось относительно стабильным. Следует также отметить непропорциональность представительства различных сословий в уездном земском собрании города. В Саранском уезде один гласный избирался от 3 567 крестьян, 12 дворян и 14 представителей буржуазии. Тем не менее, представительство крестьян (около 40 %) можно считать для того времени вполне достаточным [2, с. 86].

Во многом благодаря стараниям земства в Саранске начались некоторые работы по благоустройству улиц. В центре города подновлялись дощатые тротуары. В 1868 г. с Базарной площади были снесены так называемые безобразные лавки, сама площадь стала очищаться от навоза после базарных дней — среды и субботы; на мосту и некоторых главных улицах были поставлены 10 фонарей; было определено место

под разбивку городского сада, располагавшегося на месте современного здания Госсобрания [1, с. 110]. При этом, как отмечал известный краевед И. Д. Воронин, «...благие намерения по благоустройству города нередко нарушались самими жителями, которые медленно “привыкали к опрятному содержанию улиц“, “на середину коих“, как сообщал пензенский губернатор в 1869 г., “сваливался навоз, дохлые кошки, собаки и тому подобное“» [1, с. 110]. Тем не менее, земскими начинаниями было положено начало постепенному изменению облика города, хотя в целом Саранск продолжал еще «оставаться захолустьем, преимущественно деревянным и совершенно неблагоустроенным» [7, с. 14].

Судебная реформа

В рамках реформ 1860–1870-х гг. наиболее последовательными являлись преобразования в судебной сфере. На основе новых судебных уставов 1864 г. старые сословные суды в России были заменены общими судебными учреждениями для лиц всех сословий. Тем самым провозглашался буржуазный принцип равенства граждан перед законом.

Новые суды вводились медленно. На территории Саранска и его уезда судебная реформа стала проводиться лишь с конца 1868 г. На Саранском уездном земском собрании в декабре 1868 г. было избрано пять участковых судей, которые все были дворянами [4, с. 300], но так как округ включал лишь три мировых участка, Сенат утвердил три кандидатуры, получившие большее количество голосов: поручика П. А. Олферьева, поручика М. А. Дяткова и гвардии капитана А. Н. Салова. В должности почетных мировых судей были утверждены все 10 избранных саранским земством кандидатов, подавляющее число которых также были представителями дворянства. В основном только они могли преодолеть имущественный и образовательный барьер, поставленный законом [2, с. 75].

Несмотря на свою ограниченность, преобразования в судебной сфере ускорили социально-экономические и культурные процессы в провинции, способствовали развитию представлений о равноправии и социальной справедливости.

Городская реформа

В цикле буржуазных преобразований эпохи Александра II заметное место принадлежало городской реформе. В Саранске городская реформа в полном объеме стала проводиться с 1874 г. С того же времени начинается и отсчет так называемых «четырёхлетий» (сроков работы избранных должностных лиц города): 1874–1877 гг. — первое четырёхлетие, 1878–1881 гг. — второе и т. д. [2, с. 97].

Избирательным правом пользовались лица, достигшие 25 лет, владевшие недвижимой собственностью, проживающие в городе не менее 2 лет, а также представители от ведомств, учреждений и компаний. Рабочие, служащие и лица умственного труда, не имевшие недвижимой собственности, лишались избирательных прав. Избиратели, согласно имущественному цензу, разбивались на разряды [3, с. 187].

В Саранской городской думе в 1886 г. было 72 гласных. Поскольку каждый разряд избирал одинаковое их число, в данном случае по 24, то избиратели первого разряда почти полным списком вошли в состав гласных городской думы. Избиратели первого и второго разрядов избирали $\frac{2}{3}$ всех гласных, хотя составляли меньше $\frac{1}{8}$ от общего числа избирателей [2, с. 98].

Если городская дума являлась носителем распорядительной власти, то в качестве исполнительного органа избиралась городская управа в составе 2–3 человек под председательством городского головы, который одновременно являлся и председателем городской думы [3, с. 188].

Одним из направлений деятельности органов городского самоуправления являлось благоустройство Саранска, в том числе участие в строительных проектах. Так, во многом благодаря стараниям городской управы и городского головы Д. Ф. Фалилеева в Саранске в 1886 г. было завершено строительство Спасского собора [2, с. 101].

Можно сказать, что новые органы городского самоуправления, несмотря на ограниченную деятельность, были шагом вперед по сравнению со старыми бюрократическими учреждениями. Они имели реальные перспективы для своего дальнейшего развития.

Итак, в ходе реформ 1860–1870-х гг. «город получил большую свободу в промышленном, торговом и финансовом развитии. Городская дума сотнями выдавала торговые билеты и свидетельства на открытие лавок, магазинов, харчевен, гостиниц. Строились просторные каменные дома, в которых содержались постоянные дворы. Город вступал на путь капиталистического рынка. ... В “Описании Саранска 1868 года” отмечалось, что Саранск — один из лучших городов Пензенской губернии» [5, с. 35]. Однако в Саранске, как и других подобных ему уездных городах, любые трансформации происходили крайне медленно и, как правило, не всегда последовательно, что часто вызывало существенное расхождение между законодательной данностью и реальной действительностью.

Литература и источники

1. Воронин И. Д. Саранск. Саранск, 1961.
2. История Мордовии: от эпохи великих реформ до великой российской революции / ред. Н. М. Арсентьева, В. А. Юрченкова. Саранск, 2005.
3. История Мордовской АССР: в 2-х т. / ред. М. В. Дорожкин и др. Саранск, 1979. Т. 1.
4. Очерки по истории Мордовской АССР: в 2-х т. / ред. В. Н. Бочкарев и др. Саранск, 1955. Т. 1.
5. Саранск: в 2 кн. Саранск, 1997. Кн. 1: От крепости к столице.
6. Саранск: Историко-экономический очерк / ред. А. В. Клеянкина, М. Ф. Жиганова. Саранск, 1985.
7. Терехин А. Ф. Знакомьтесь: Саранск. Саранск, 1986.

Sergey A. Ivliev

Candidate of Historical Sciences, State Institution of the RM Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Russia, Saransk)
E-mail: ser.ivliev@yandex.ru

THE GREAT REFORMS OF THE 1860–1870s: A VIEW FROM THE PROVINCES (ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF SARANSK)

Using the example of the county town of Saransk, the article examines the features of the bourgeois transformations of the 1860s and 1870s in the Russian province, during which the city gained greater freedom in industrial, commercial and financial development.

Keywords: bourgeois transformations, Russian province, city of Saransk, zemstvo reform, judicial reform, urban reform

Кабытов Петр Серафимович

д.и.н., заведующий кафедрой, Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева (г. Самара)
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

**МОЯ САМАРА. К 32-й ГОДОВЩИНЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИМЕНИ
КРУПНЕЙШЕМУ РОССИЙСКОМУ ГОРОДУ**

УДК 908(470.43):81.373.211.1

В докладе освещается важнейший этап в истории средневожского города, связанный с движением за возвращение городу исторического имени Самара. Подчеркивается роль общественного комитета «Самара» в организации сбора подписей под обращением к президенту РФ и к видным общественным деятелям науки и культуры страны.

Ключевые слова: историческая память, Самара, топонимика, общественный комитет «Самара», краеведение

В начале 1970-х гг. я приехал в Куйбышев. Здесь был открыт университет и нужны были кадры. В громадном мегаполисе сосредоточились стратегически важные заводы, свыше полутора десятка отраслевых инженерно-технических институтов, которые готовили для этих заводов высококвалифицированных специалистов. Педагогический и медицинский институты поставляли выпускников для школ и медицинских учреждений области. Но речь зашла и о классическом университете [4].

Когда-то, в 1918 г. в Самаре уже открывался университет. В стране бушевала Гражданская война. Было неясно, будет ли Россия. А если и будет, то какой? Чьей? В июне Самара стала столицей, в которой обосновалось правительство Комуча. Это первое в годы Гражданской войны демократическое правительство просуществовало всего четыре месяца, но почему-то его руководство полагало, что именно сейчас в Самаре необходимо было создать центр науки, образования и культуры Поволжья. И университет был открыт, став на недолгое время таким центром [1]. Потом на его базе были созданы профильные — медицинский, педагогический и сельскохозяйственный — институты, которые, по мнению уже другой, советской, власти, требовались стране. Страна строила социализм и нуждалась в грамотных людях, образованных специалистах. И вот, в 1960-е гг., — состоялось второе рождение университета в том же городе...

Пожалуй, судьба Самары была predetermined: более 600 лет назад митрополит Московский Алексей предсказал, что здесь, на стрелке Волги и Самары, встанет великий город, который никогда не будет завоеван [2]. Во время Великой Отечественной войны здесь был глубокий тыл, и город стал запасной столицей; но тогда, в XIV в., здесь проходила граница Руси и Золотой Орды. Да и сам Алексей — наставник Дмитрия Донского — ехал тогда в Орду с дипломатической миссией. Что подсказало ему судьбу великого города? Кругом ковыль и бескрайняя степь...

А потом на карте братьев Пицигани появляется название «Самар». Крепость в чистом поле возникла неожиданно — тогда их собирали из заранее приготовленных бревен в любом месте. Стены, выросшие в одночасье на берегу реки, заставили забеспокоиться ногайского хана Измаила [2]. Вместе с Саратовом, Уфой, Царицыным и Сызранью, Самара выступала в качестве фронта на Юго-востоке Европейской России и стала надежным форпостом на пути кочевых племен [2]. Под ее защитой возникали небольшие поселения, люди осваивали землю, торговали, строились. Волга, конечно, была чем-то постоянным, стабильным, неизменным. Она давала жизнь и давала жить. Но, самое главное, она давала то состояние духа, при котором всегда есть чувство Великой Реки, а значит, и пути, выхода, перспективы. Наверное, этот дух и питал волжское казачество — очень своеобразное явление, и жителям города давал какой-то внутренний непокой, тогда как самому городу — постоянное чувство незавершенности, стремление к переменам, развитию, движению.

В XIX в. Самара переживала расцвет: расположение на перепутье торговых путей сделало ее крупным торговым центром, а освоение степных массивов приносило постоянно растущий стабильный доход. И вот в 1851 г. на картах России появилась столица новой Самарской губернии [3]. На древнем пути митрополита Алексия возникала главная — и по сей день самая важная — Дворянская улица (наш Самарский бродвей): от реки Самары до берега Волги. На Хлебной площади были сосредоточены торговые заведения, проводились хлебные операции. На Алексеевской открыли единственный тогда памятник — Александру II. Театральная жизнь, балы, концерты — все здесь. В Струковском саду в вечерние часы — воксал, променад, нарядные дамы, игравшие у фонтанов дети, легкая беседа... На Дворянской улице иное: костел и кирха, банк и гостиница, магазины и лавки. Город работал, город отдыхал, а Волга продолжала свой вечный путь.

Большевики смели этот мир. Они вообще очень просто относились к истории. Человек будущего, человек нового мира, по их мнению, не нуждался в истории, да еще такой, на их взгляд, неприглядной. Они легко отрекались от старого мира, для начала отбрасывая свою собственную историю: придумывали совершенно абстрактные псевдонимы (иногда, действительно, меткая характеристика отдельного человека — и ничего больше, ни намек на его семью, род, фамилию), мифологизировали биографии, превращая их в «жития» правоверных коммунистов. Что уж говорить про историю страны?.. Или города?..

Задержавшийся в Самаре всего на два года видный большевик В. В. Куйбышев «подарил» свое имя городу. В 1935 г. верховная власть присвоила его Самаре в честь революционных заслуг Куйбышева: в 1917 г. он являлся председателем Самарского Совета рабочих депутатов, а с осени возглавлял губернскую организацию большевиков, был одним из верных сподвижников И. В. Сталина. Иногда я думаю, что это название стало своеобразным псевдонимом Самары на десятилетия советской власти.

Куйбышев был типичным советским городом: в рамках сталинской модернизации возводились заводы, коллективизация принесла страшный голод в окрестные деревни и села, на месте взорванного собора заключенные построили оперный театр, возникали новые улицы и дома.

Наверное, в годы Великой Отечественной войны город совершил неожиданный поворот — пусть ненадолго, пусть на какой-то момент Самара стала столицей. Почему я опять говорю Самара? Да потому что во время войны мы вновь вернулись к истории, к корням, которых, собственно, и не забывали. На фронте всегда искали своих, земляков по городам: «Курский? Псковский?», искали воспоминание о доме, о довоенной жизни на своей родине.

Если пройти по улочкам старого города, то на большинстве купеческих, еще самарских особняков можно увидеть таблички — «Посольство Швеции», «Посольство Кубы»... Для иностранных дипломатов, эвакуированных в «запасную столицу», открывалась, скорее, Самара — старинный волжский город. Хотя в то же время существовал и еще один город — промышленный, заводской, рабочий: в наш край было эвакуировано 125 заводов, 16-часовой рабочий день, три смены, «Все для фронта, все для Победы!», секретный бункер... Интересно, что 7 ноября 1941 г. в Советском Союзе прошли три военных парада — в Москве, в Воронеже и в Куйбышеве. Москва уцелела и выстояла, Воронеж практически исчез, но был возрожден, Куйбышев продолжал свою судьбу — судьбу крупнейшего промышленного центра.

XX-й, а затем и XXII-й съезды партии обещали, казалось, многое: вот, восстановятся ленинские нормы, залечатся раны сталинизма, построим коммунизм. Старые большевики в своем письме в обком КПСС ставили вопрос о возвращении городу имени «Самара», Ленин, мол, жил именно в Самаре [1]. Да, это действительно «ленинские места»: пройдите по старому центру и увидите, что почти на каждом втором доме мемориальная табличка с именами Владимира Ильича или членов его семьи. Здесь он вел первые дела в суде (не очень удачно, кстати), Маняша училась в гимназии, Мария Александровна играла на рояле в уютном двухэтажном особнячке. Это был еще тот, дореволюционный период, и жизнь эта — человеческая, с понятными заботами и домашними хлопотами — была как раз очень самарской. А что Куйбышев?

Большевик, конечно, видный, но в городе их было немало, да и для революции некоторые сделали больше — так убеждали коммунисты свой обком. Но шел уже 1959 г. А оттепель в провинции — совсем

иное явление, нежели в столице. Хоть и «хилыли» по местному Бродвею, все той же бывшей Дворянской, стилиги, совсем как столичные дружинники боролись с ними местные комсомольцы и «ремесленники», в ТЮЗе шла модная пьеса Радзинского «104 страницы про любовь», но Валериан Куйбышев незыблемо возвышался перед громадой оперного театра со зловещей датой постройки «1937–1938», а его фамилия украшала излучину Волги.

Куйбышев продолжал развиваться. Если в годы войны он был «запасной столицей», то в 1960-е гг. он стал столицей космической. Только вот говорить об этом было нельзя. Город был закрытым, и его прошлое интересовало даже историков только в годы ленинских юбилеев.

Эпидемия переименований прокатилась еще раз — уже на излете «застоя». Уходящая кремлевская «геронтократия» дарила на прощанье свои имена старым городам — Брежнев, Андропов, Устинов, Черненко... Но совершалось это уже автоматически и, как и многие другие действия власти, уже не вызывало ни бурного протеста, ни горячего одобрения — страна замерла в ожидании. Перемен ли — к лучшему или худшему? Трудно было предсказать.

И вот — «перестройка». Если тридцать лет назад мы говорили об оттепели, то происходившее во второй половине 1980-х гг. можно сравнить со сходом лавины. Искоренение корней, уничтожение и изменение прошлого, видимо, все эти годы не оставляли людей равнодушными: первое, о чем заговорили жители города, было возвращение старинных названий улицам и площадям города. Конечно, это не было насущной необходимостью... Казалось бы, какая разница, где «выбросили» дефицит — на площади Устинова или на Самарской. Но оказалось, что разница есть. Наверное, мы — как в годы Великой Отечественной — пытались привязаться к прошлому, обрести равновесие хотя бы в истории. Общественные организации и газеты все чаще говорили о необходимости переименования города, возвращении Самары. На учредительном собрании Куйбышевского отделения Советского фонда культуры в 1987 г. я выступил с предложением вернуть историческое имя нашему городу. Инициативу поддержали Союз писателей и Союз архитекторов, а «Волжская заря» опубликовала письма поддержки.

В годы оттепели старые большевики стремились вернуть имя городу, мотивируя это его великим революционным прошлым, и только спорили, кто больше «матери-истории ценен» — Ленин или Куйбышев? В перестройку позиция коммунистов изменилась: они не могли «поступиться принципами» и идеологические соображения категорически перевешивали в их аргументах историческую правду и справедливость. Нет, категорическое нет старому названию! Однако патриотическое движение набирало силу. Его поддержали «Литературная газета» и «Литературная Россия», «Неделя» и «Собеседник», журнал «Наука и жизнь» и клуб «Клио». В 1988 г. при областных отделениях Советского фонда культуры и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры была создана комиссия по топонимике. Тогда же был создан общественный комитет «Самара» [1]. В него вошли люди, которые всей своей жизнью и творчеством, активной позицией и трудом создавали Самару — обновленную, открытую, начало которой было в волжских степях и которая стремилась вернуться к этому началу. Публикации в прессе, сбор подписей под обращением в Верховный Совет СССР, пикеты на Ленинградской, — работа была проделана титаническая. И вот 25 января 1991 г. Б. Н. Ельцин подписал указ о возвращении областному центру его исконного имени — Самара.

Прошло тридцать с небольшим лет. Сегодня я живу в Самаре. Это другой город, совсем не тот, в который я приехал когда-то. Здесь есть Самарский государственный университет — один из тех мостиков, который переброшен из Самары прошлой, великой, никем не покоренной, как и гласило пророчество московского митрополита Алексия, в Самару нынешнюю — просвещенную, космическую, устремленную вперед [5]. Гости города восхищаются ракетой на проспекте Ленина, железнодорожным вокзалом, новыми храмами и волжской набережной. Но сердце города — Струковский сад, Хлебная площадь, особняки на Дворянской и Панской — прежнее. И моя Самара — все это!

Литература и источники

1. Возвращение Самары / сост. П. С. Кабытов, А. Е. Павлов. Самара, 1992.
2. Гурьянов Е. Ф. Как начиналась Самара // Самарский краевед. Куйбышев, 1990. С. 9–36.
3. Кабытов П. С. Знакомство с городом // Самарский краевед. Самара, 1996. С. 209–218.
4. Кабытов П. С. Судьба-Эпоха. Автобиография историка. М., 2011.
5. Самарский государственный университет. 1918–2009. Самара, 2009.

Petr S. Kabytov

Doctor of Historical Sciences, Samara National Research University (Russia, Samara)

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

**MY SAMARA. TO THE 32nd ANNIVERSARY OF THE RETURN OF THE HISTORICAL
NAME TO THE LARGEST RUSSIAN CITY**

The report considers the most important stage in the history of the Middle Volga city associated with the movement for the return of the historical name of Samara to the city. It emphasizes the role of the public committee “Samara” in organizing the collection of signatures under the appeal to the President of the Russian Federation and to prominent public figures of science and culture of the country.

Keywords: historical memory, Samara, toponymy, public committee “Samara”, local history

Киселев Михаил Александрович

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН, Россия (г. Екатеринбург)

E-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

ПОЧЕМУ ЕКАТЕРИНБУРГ БЫЛ НАЗВАН ЕКАТЕРИНБУРГОМ

УДК 94(470/5)“1721/1723”

В докладе отмечается, что имя «Екатеринбург» было необычным для горнозаводского Урала. Обращаясь к истории возникновения Екатеринбурга, связанной с государственной деятельностью В. Н. Татищева и В. И. Геннина в 1721–1723 гг., автор показывает, что появление такого имени стало возможно благодаря тому, что Екатеринбург строился не только как завод, но и как крепость.

Ключевые слова: Екатеринбург, история Урала, В. Н. Татищев, В. И. Геннин

Екатеринбург — это необычное название для населенного пункта, обязанного своим появлением заводскому строительству на Среднем Урале в XVIII в. Названия первых заводов начала XVIII в. были образованы от имен рек, на чьих берегах они строились. Это было связано с тем, что основные механизмы металлургических предприятий того времени приводились в движение с помощью энергии падающей воды, так что важно было найти удобное для запруживания место на реке, где в итоге и строился завод. При этом заводом назывались и производственные строения, и населенный пункт, возникавший рядом с ними.

А. К. Матвеев, объясняя возникновение топонима «Екатеринбург», утверждал, что «для Петра образцом была Западная Европа. Поэтому новые города получают иностранные имена, часто с немецким словом *бург* — “крепость” или “город крепость”: Санкт-Петербург, Шлиссельбург... Так появился в самом центре российской земли, на границе Европы и Азии, город с немецким названием» [3, с. 84]. Однако одного констатирования влияния западноевропейских образцов едва ли достаточно на фоне того, что практически все имена уральских заводов, появившихся в петровское время, были образованы от названия рек. Соответственно, необходимо обратиться к специфике возникновения Екатеринбурга, чтобы понять, как появилось это необычное для горнозаводского Урала имя.

29 декабря 1720 г. на казенный Уктусский завод прибыл В. Н. Татищев, отправленный на Урал Берг-коллегией для развития казенных заводов. Он 2 января 1721 г. высказал желание построить «новой железной завод в верховье реки Исети», который предполагалось назвать, как следует из его доношения от 2 июня 1721 г., Исетским¹. Коллегия не поддержала Татищева, и начатую в 1721 г. подготовку к строительству завода остановили.

Начало строительства в итоге оказалось связанным с генерал-майором В. И. Генниным, отправленным Петром I на Урал весной 1722 г. Геннину следовало там заняться как развитием казенной металлургии, так и расследованием произошедшего в 1721 г. конфликта между заводчиками Демидовыми и Татищевым, из-за чего последний в 1722 г. был отстранен от управления заводами.

Геннин 27 апреля обратился в Кабинет Петра I: «Ежели от тотар [башкир — М. К.] будет опасность, чтоб они заводы не разорили, и для охранения от них заводов [нужно — М. К.] построить крепость или траншамент» [1, с. 26]. Дело в том, что деятельность Татищева в 1721 г. по добыче медной руды в районе р. Полевой вызвала недовольство башкир, и возникла угроза их нападения на медные рудники и Уктусский завод. Это привело к постановке в столице вопроса о строительстве в этом районе крепости «для перестерегания башкирцов» [6, с. 147–149]. Из-за убытия Петра в Персидский поход Геннин не получил письменного указа о создании крепости, хотя и заручился устным одобрением монарха², так что 26 июня писал в Сенат, что «о строении крепости хотя в Инструкции не изъяснено, однакож от» Петра «именное и утвержденное повеление о том мне... было», и просил нужных специалистов и «для

¹ Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 104.

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 23. Л. 798об.

охранения той крепости дать солдат»³. 17 июля Геннин получил указ от Сената, по которому ему следовало «в Сибири при Уктусских медных и железных заводах, где берется медная и железная руда, для охранения оных заводов крепость, где быть пристойна, осмотреть, и о строении снесшись с берг-коллегией, учинить по указу» [2, с. 33].

Прибыв 8 декабря 1722 г. на Уктусский завод, Геннин, как он извещал президента Берг-коллегии Я. В. Брюса, решил «строить вновь железные заводы на реке Исете», а также затребовал из Тобольска солдат «для строения вновь крепости»⁴. После начала строительства заводы назывались Исетскими, в то время как у крепости имени не было. И вот 12 июня 1723 г. Геннин написал императрице Екатерине, что «зачал при реке Исете» заводское строение, а также «около оных заводов зачал крепость делать... А оную крепость и завод осмелился именовать до указа Катериненбурх, а заводы — Катериненбургские... однако ж о том ожидаю указу» [1, с. 91–92].

7 сентября 1723 г. Геннин сообщал Петру, что он получил его письма 5 сентября «в новой крепости, в Катеринбурхе» и что «против посланного» к Екатерине «чертежа крепость Катеринбурх достроена». В конце сентября Геннин получил письмо от Екатерины от 28 августа, где официально решался вопрос имени: «Что же вы писали, что построенный на Исете завод именовали, до указа, Катеринбург, и оное також Его Величеству угодно. И мы вам, как за исправление положеннаго на вас дела, так и за название во имя Наше завода новопостроеннаго, благодарствуем». Уже 11 октября Геннин писал в Сибирскую губернскую канцелярию, что получил от Петра и Екатерины «письма и конфирмации, что новую крепость, которая построена в Угорской провинции при р. Исети, и при ней заводы с разными фабриками и мануфактуры назвали Катеринбург... И ежели какия промемории надлежит вам присылать, то писать: в Катеринбург, в Сибирский обер-бергамт» [5, с. 11; 4, с. 424].

Также Геннин писал Берг-коллегии 22 октября 1723 г. о «на Исети построенных Катериненбургских заводах», которым «имя оное им я назначил в бесмертную славу имени... Екатерины... по причине той, что сии начало свое и совершение возимели от Петровских [Олонецких — М. К.] его величества заводов, которые во имя его построены и трудом моим во многих знатных и государству полезных рукоделиях прославлены и едва не все оные при здешнем вмещены». Коллегия в ответ указом от 22 января 1724 г. определила «построенным на Исете железным заводам в славу ея величества быть именем ея величества... Катерининбургским»⁵.

Итак, хотя строительство Катеринбурга как крепости-завода в 1723 г. было организовано В. И. Гениным, это все же стало следствием тех действий, которые предпринял В. Н. Татищев в 1721–1722 гг. Таким образом, и Геннин, и Татищев по праву могут считаться отцами-основателями Катеринбурга, пусть Татищев предлагал построить на р. Исеть только завод, в то время как Геннин совместил заводское строительство с возведением крепости. Нормативным прецедентом в использовании имени Екатерины в названии завода для Геннина были олонецкие Петровские заводы. Благодаря этому возникала пара: заводы в честь Петра I на Олонце и заводы в честь Екатерины на Урале, что Геннин мастерски увязал и со своими достижениями в заводском деле в обоих регионах. Правда, в такой логике Исетский завод должен был бы получить имя Катерининского, но этого не произошло. Отличие уральской ситуации было в том, что Геннин в итоге объединил в одном строительстве два объекта — и завод, и крепость, призванную его охранять. Именно поэтому он смог использовать немецкое слово *burg* для названия нового населенного пункта. Как результат, появилось имя «Катеринбург», которое первоначально относилось прежде всего к крепости. Заводы же, находившиеся в ней, были названы Катеринбургскими, то есть по имени крепости. При этом крепость формально была достроена раньше, чем завод, так что к моменту пуска завода, произошедшего официально в день празднования именин Екатерины, 24 ноября 1723 г., новая крепость уже официально существовала и носила имя Катеринбург.

³ Благонамеренный. 1823. № XIII. С. 22–23.

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 640. Л. 125–125об.

⁵ Там же. Л. 658об.–659, 692.

В свою очередь это подводит к следующему вопросу: разумно ли день рождения Екатеринбурга связывать с днем пуска завода, как это было предложено в 1958 г. советскими историками? Последние, проигнорировав вопрос о строительстве и наименовании Екатеринбурга как крепости, решили считать днем пуска завода 7 ноября (18 ноября по новому стилю) 1723 г., когда был произведен пробный запуск молотов, а не 24 ноября, дабы день советского города не пришелся на религиозный праздник — день святой Екатерины. С учетом вышеизложенного было бы логичнее считать символической датой рождения Екатеринбурга 12 июня (23 июня по новому стилю), когда Геннин, сконструировавший имя Екатеринбург, объединил этим именем в неразрывное единство строящиеся крепость и завод.

Литература и источники

1. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995.
2. Злотников М.Ф. Первое описание уральских и сибирских заводов // Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 11–64.
3. Матвеев А. К. Географические названия Урала: топонимический словарь. Екатеринбург, 2008.
4. Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Кн. 2: 1713–1724.
5. Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842–1881 г. Пермь, 1882.
6. Юхт А. И. Деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1720–1722 гг. // Исторические записки. М., 1976. [Т.] 97. С. 124–199.

Mikhail A. Kiselev

Candidate of Historical Science, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

WHY EKATERINBURG WAS NAMED EKATERINBURG

The paper notes that the name “Ekaterinburg” was unusual for the mining Ural. Based on the study of the history of the founding of Ekaterinburg, connected with the state activities of V. N. Tatishchev and V. I. Gennin in 1721–1723, it is shown that the appearance of the name was possible because Ekaterinburg was built not only as a factory, but also as a fortress.

Keywords: Ekaterinburg, history of the Urals, V. N. Tatishchev, V. I. Gennin

Манин Вячеслав Анатольевич

к.ю.н., доцент, Сургутский государственный университет ХМАО — ЮГРЫ (г. Сургут)

E-mail: v.manin@mail.ru

**РОЛЬ В. Н. ТАТИЩЕВА И В. ДЕ ГЕННИНА В СИСТЕМАТИЗАЦИИ
ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.**

УДК 94(47)''17'':34

В докладе речь идет о роли выдающихся горных администраторов первой половины XVIII в., В. Н. Татищева и В. де Геннина в становлении крупного горнозаводского производства на Урале и прежде всего в области регламентации процесса производства путем создания и систематизации технико-юридических норм.

Ключевые слова: технико-юридические нормы, история административных регламентов, горнозаводское законодательство

Исследуя развитие технико-юридического законодательства Российской империи в первой трети XVIII в., мы связываем процесс систематизации технических и организационно-технических норм с возникновением крупной заводской индустрии и активным участием государства в ее становлении. Поэтому генезис технико-юридического законодательства в России мы должны отнести к первой половине XVIII в., начиная с петровского переворота и тесно связанной с ним модернизации отечественной промышленности, прежде всего горнозаводской, а также возникновением в связи с этим регионального ведомственного органа управления.

После издания Берг-привилегии 1719 г., наряду с административными нормами для правового обеспечения отрасли, в не меньшей степени были востребованы и технические нормы, обусловленные сложностью горнозаводского производства.

Поэтому центр нормотворчества, регламентирующего эту важнейшую сферу, переместился непосредственно в важнейший местный орган Берг-коллегии — Вышнее горное начальство, позднее переименованное в Сибирский обербергамт.

Создание на Урале особого органа горного управления осенью 1721 г. было связано не только с необходимостью активизации поиска, но и прежде всего с необходимостью улучшения работы нижнего звена горнозаводского производства — металлургических предприятий. Поэтому одной из основных задач сразу стала регламентация деятельности их руководителей, заводских комиссаров, которые чаще всего не имели ни необходимого административного опыта, ни специальных технических знаний. Да и правовая база, определявшая деятельность этих должностных лиц, оговаривалась только единичными указами, даваемыми на каждый конкретный случай. Поэтому для упорядочения деятельности руководства металлургических предприятий под началом В. Н. Татищева были составлены два наказа, которые заложили основы специальной регламентации их деятельности. Это наказа комиссару Уктусского завода Т. Бурцеву от 27 февраля 1721 г. и комиссару Екатеринбургского завода Ф. Неклюдову, в которых функциональные обязанности глав предприятий не только конкретизировались, но и значительно расширялись. По мнению А. Ю. Юхта, главное в названных документах — это регламентация обязанностей заводских комиссаров в административной и финансовой сферах [1].

После приезда на Урал В. де Геннина им была составлена инструкция для берг-майстера Игнатия Юдина, занимавшего должность гиттен-фервалтера (управляющего) Пыскарскими заводами, центра тогдашнего медного производства Урала¹.

Инструкция, составленная В. де Геннином, состояла из трех частей и очерчивала круг обязанностей руководителя предприятия: во-первых, как технического руководителя — гиттен-мейстера, во-вторых,

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 79.

как организатора работ, заводского комиссара и, в-третьих, как администратора над приписанными к строящемуся предприятию слободами — земского комиссара. При этом, первая часть документа значительно превышала две остальные. Уникальность инструкции при этом состояла в том, что наряду с организационно-технологическими нормами она также содержала технические нормы.

Именно техническим нормам были посвящены двадцать из тридцати пяти статей документа. Они охватывали как технику и технологию выплавки меди, так и подготовку необходимых материалов (например, угля, руды и флюса). Особенностью данной инструкции была нерасчлененность статей, содержащих одновременно как технические, так и организационно-технологические нормы.

Непосредственно управлению медными заводами была также посвящена инструкция «Управляющего горными заводами на Урале В. де Геннина начальнику Егошихинского завода капитану Берлину» от 19 января 1725 г. [2]. В отличие от предыдущего документа, в котором особое внимание уделялось вопросам техники, в инструкции Берлину технические вопросы рассматривались только в тринадцати статьях из пятидесяти двух.

Итогом деятельности В. де Геннина на Урале было составление фундаментального труда, который фактически подвел своего рода итог всему развитию уральской металлургии, в том числе и в части систематизации технических и технико-организационных норм, сложившихся и использовавшихся к середине 1730-х гг. Это сочинение мы можем условно разделить на три части: первая из них была посвящена характеристике регионального органа управления, Сибирского обербергамта, и включала в себя должностные регламенты руководства и специалистов, входивших в этот орган. Анализируя должностные обязанности специалистов, мы должны отметить, что они в первую очередь содержали организационно-обеспечительные нормы, а технологические нормы выступали в основном как дополнительные.

Таким образом, В. де Геннину удалось создать систему технических и технологических норм, которые заложили основы дальнейшего развития и унификации горнозаводского производства в России. Дальнейшие попытки систематизации законодательства, предпринятые В. Н. Татищевым, уже практически не затронули технико-юридические нормы, установленные В. де Генниным.

Литература и источники

1. Юхт А.Ю. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20–30-х годах XVIII века. М., 1985.
2. Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 305–309.

Vyacheslav A. Manin

Candidate of Juridical Sciences, Surgut State University (Russia, Surgut)

E-mail: v.manin@mail.ru

THE ROLE OF V. N. TATISHCHEV AND V. DE GENNIN IN THE SYSTEMATIZATION OF THE TECHNICAL AND LEGAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST THIRD OF THE 18TH CENTURY

The report discusses the role of prominent mining administrators in the first half of the 18th century, V. N. Tatishchev and V. de Gennin in the formation of large-scale mining production in the Urals and, above all, in the field of regulation of the production process through the creation and systematization of technical and legal norms.

Keywords: technical and legal norms, history of administrative regulations, mining legislation

Нарский Игорь Владимирович

д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет

(г. Пермь)

E-mail: inarsky@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ ЕКАТЕРИНБУРГОМ И ПЕРМЬЮ В РЕВОЛЮЦИЯХ 1905 И 1917 гг.

УДК 94(470.5)''1905/1923''

В докладе формулируется положение об активном участии политических партий в конкурентной борьбе Екатеринбурга с Пермью в начале XX в. Представления об их столичности сформировались до 1917 г. и активно поддерживалось местными отделами политических партий, а создание Уральской области в годы Гражданской войны опиралось на идеи политической оппозиции в поздней Российской империи.

Ключевые слова: Политические партии, структурная дифференциация, Уральская область.

Конкуренция между городами, в том числе между государственными или региональными столицами чаще всего объясняется обстоятельствами (гео)политики и экономики, то есть представлениями и поведением официальных элит. В предлагаемом тексте проблематизируется активное участие антиэлиты или всего спектра политической оппозиции — от радикальных социалистов до ультрамонархистов — в прокламировании и реализации конкурентных амбиций на примере Перми и Екатеринбурга в начале XX в.

Чтобы объяснить парадокс участия критиков существующего политического, экономического и социального порядка в конкуренции претендующих на статус региональной столицы городов, следует обратиться к теории, которая вписала бы многомерные модернизационные процессы в сложные пространственные трансформации. Такую концепцию предложили нидерландские социологи Ганс ван дер Лоо и Вилем ван Рейен [8], а историк из Германии Бианка Пьетров-Энкер и ее коллега из Швейцарии Карстен Гёрке адаптировали ее для описания восточноевропейских городов с позднего Средневековья до XX в. [7]. Названные социологи и историки выделили четыре сферы модернизации — структуры, культуру, личность и природу и описали перемены в них как структурную дифференциацию, культурную рационализацию, психологическую индивидуализацию и доместикацию человеческой среды. Нас в данном случае интересуют только те модернизационные процессы, которые касаются деятельности политических партий. В рамках дифференциации это формирование общности как общности, отделенной от государства. В рамках рационализации — появление новых мировоззрений, норм и символов. В сфере личности это — планирование жизни и создание нацеленных в будущее программ¹. Наконец, в области подчинения природы — овладение пространством в контексте новых властных отношений, формирования новых социальных сетей и изменения политических практик. Все эти явления отразились в участии местной оппозиции в конкурентной борьбе между Пермью и Екатеринбургом.

Между 1905 и 1912 гг. самые крупные и активные отделения политических партий на «большом Урале»² находились в Пермской губернии. В Перми и Екатеринбурге была самая плотная сеть многопартийности в регионе [2; 3; 4; 5]. В них были представлены отделы всех крупных всероссийских партий³ и их аналоги⁴. Организации были многочисленны, их руководящие органы имели сложную структуру,

¹ В духе процесса цивилизации Норберта Элиаса.

² К Уралу в начале XX в. относились Вятская, Оренбургская, Пермская и Уфимская губернии.

³ Напр.: Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), Партии социалистов-революционеров (ПСР), Конституционно-демократической партии (КДП), Союза 17 октября и Союза русского народа (СРН).

⁴ Это: Русская народно-монархическая партия (Пермь, 1905–1907 гг.), Всесословный народный союз (Екатеринбург, 1906 г., затем вошел в СРН).

при них работали просветительские и экономические подразделения, издавались влиятельные газеты⁵, а при самых радикальных имелись боевые группы. Организации были заметны, активны, а иногда успешны в избирательных компаниях в Государственную думу и местное самоуправление. Развитость многопартийности в Перми и Екатеринбурге была важным исходным условием активности политической оппозиции в конкурентной борьбе между двумя городами.

В свою очередь, развитость многопартийности в Пермской губернии было связано с ее исторической спецификой — плотной сетью горнозаводских округов, развитой системой земского и городского самоуправления, относительно развитой культурной жизнью, а также административным двоецентрием, обусловленным формированием в Пермской губернии двух городов губернского масштаба и значения.

Политическая оппозиция старалась учитывать в своей деятельности специфику региона. Так, при организации филиалов конституционно-демократической партии в Пермской губернии екатеринбургский комитет получил статус областного на правах губернского. Пермский и екатеринбургский комитеты поддерживали прямые связи с ЦК. Общие съезды должны были проходить дважды в год попеременно в Перми и Екатеринбурге. Между комитетами осуществлялось разделение труда по территориальному принципу: в ведении пермского комитета находились организации семи уездов⁶, екатеринбургского — пяти⁷ [2]⁸.

Понимание исторически сложившихся особых черт Урала было не только у официальных элит, которые предъявляли «оригинальность» Урала в качестве бонуса для получения бюджетных и управленческих привилегий. У социалистов Урала специфика края порождала областнические настроения относительно структуры и статуса своих организаций. В 1901–1903 гг. существовал, например, Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров⁹, который оставался вне РСДРП и ПСР.

Там, где рождается областной сепаратизм, неизбежен поиск столицы территории, стремящейся к самоопределению. В уральском контексте борьба между Пермью и Екатеринбургом как столицами региональных отделов оппозиционных партий была логическим продолжением формирования многопартийности. Борьба велась с переменным успехом. Так, в 1905 г. из-за противостояния пермских социал-демократов ЦК РСДРП не утвердил устав Уральского союза РСДРП (с особыми полномочиями екатеринбургской организации). В следующем году был восстановлен Уральский комитет РСДРП с равноправными Пермским и Екатеринбургским окружными комитетами [4, с. 56–57].

После прихода к власти большевиков советская власть на Урале всерьез размышляла о создании Уральской области. За статус столицы бились старые конкуренты — Пермь в лице Пермского окружного совета рабочих и солдатских депутатов и Екатеринбург, интересы которого представлял Уральский областной комитет РКП(б) [5, с. 39, 48].

Затем честь реализации областнических амбиций перехватили екатеринбургские либералы, активисты КДП с 1906 г., возглавившие в 1918 г. Временное правительство Уральской области со столицей в Екатеринбурге [1; 6]. Правда, область возникла под давлением обстоятельств, когда летом 1918 г. Урал оказался со всех сторон окружен временными антибольшевистскими правительствами, и просуществовала всего три месяца.

Наконец, уже по окончании Гражданской войны, в период нэповской стабилизации, советское руководство в 1923 г. вновь воссоздало Уральскую область со столицей в Екатеринбурге, вскоре переименованном в Свердловск. Старые областнические видения политической оппозиции царскому режиму, таким

⁵ См. такие издания, как: «Пермский край» (1900–1905 гг., 1910–1912 гг.), «Камский край» (1906–1907 гг.), «Пермский вестник» (1906–1907 гг., 1912 г.), «Урал» (1896–1908 гг.), «Уральская жизнь» (1899–1919 гг.), «Уральский край» (1905–1911 гг.). Названия трех последних газет, выходивших в Екатеринбурге, являлись программными, выражая претензию на столичный статус в рамках региона.

⁶ Пермский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Соликамский, Чердынский.

⁷ Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Верхнеуральский, Шадринский.

⁸ См.: Пермский край. 1906. 30 апр.

⁹ В Перми преобладали социал-демократы, в Екатеринбурге — эсеры.

образом, продолжали влиять на пространство политической реальности, смягчая цензуру революции 1917 г.

Таким образом, позднеимперская многопартийность на Урале оказалась активной участницей борьбы между двумя «столицами». В этом отражались сложности, противоречия и взаимные влияния структурной дифференциации и других модернизационных процессов, в которые оказались втянуты новые политические силы, организованная общественность, новые визионерские программы переделки общества и овладения пространствами.

Литература и источники

1. Иванов А. В. Социально-экономическая политика Временного областного правительства Урала (август–ноябрь 1918 года): к истории изучения проблемы // Известия УрГЭУ. 2013. № 2 (46). С. 89–95.
2. Нарский И. В. Кадеты на Урале (1905–1907). Свердловск, 1991.
3. Нарский И. В. «Революционеры справа: Черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг.: (материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994.
4. Нарский И. В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г.: (к вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995.
5. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
6. Сичинский Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала (к вопросу о «третьем пути» русской революции) // История СССР. 1992. № 1. С. 164–172.
7. Städte im östlichen Europa: Zur Problematik von Modernisierung und Raum vom späten Mittelalter bis zum 20. Jahrhundert / С. Goehrke, В. Pietrow-Ennker (hgg.). Zürich, 2006.
8. Van der Loo H., van Reijen W. Modernisierung. Projekt und Paradox. München, 1992.

Igor V. Narskii

Doctor of Historical Sciences, Perm State National Research University (Russia, Perm)

E-mail: inarsky@mail.ru

POLITICAL PARTIES AND COMPETITION BETWEEN EKATERINBURG AND PERM IN THE REVOLUTIONS OF 1905 AND 1917

This thesis formulates a statement about active participation of political parties in the competition between Ekaterinburg and Perm at the beginning of the 20th century. The ideas of their metropolitan character were formed before 1917 and were actively supported by local departments of political parties, while creation of Ural Region in Civil War years was based on the ideas of political opposition in late Russian Empire.

Keywords: Political parties, structural differentiation, Ural region

Першин Сергей Викторович

д.и.н., в.н.с., Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

E-mail: pers99@inbox.ru

**ЦЕХИ И РЕМЕСЛЕННЫЕ УПРАВЫ В СТРУКТУРЕ СОСЛОВНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ КАЗАНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

УДК 94(470.41)''18''

В докладе на материалах города Казани рассматривается процесс формирования и функционирования ремесленной организации, предусмотренной Положением 1785 г.

Ключевые слова: сословие, самоуправление, цехи, ремесленная управа, городская дума

Опубликованное в 1785 г. Ремесленное положение обязывало магистраты и ратуши образовать из городских жителей, занимавшихся одним ремеслом, цехи или ремесленные управы. В первые десятилетия XIX в. на территории средневожского региона наиболее развитая ремесленная организация, соответствовавшая положению 1785 г., функционировала в Казани¹. Целью доклада является исследование процесса формирования данных весьма специфических ячеек сословного самоуправления на материалах г. Казань. Выбор территориальных рамок работы связан с тем, что Казань в полной мере относится к числу немногих российских городов, обладающих всеми признаками «региональной столицы».

В соответствии с законодательством, цеховые должны были ежегодно избирать из своих мастеров управного старшину и двух старшинских товарищей. Выборные были призваны контролировать сроки исполнения заказов, стоимость и качество изделий, отслеживать сохранность ремесленной казны, предоставлять сходу ремесленников отчетность. Управный старшина и старшинские товарищи имели право собирать принадлежавших к цеху ремесленников каждые 4 месяца; внеочередные сходы созывались в случае особой необходимости. Ежегодно цеховые должны были определяться с кандидатурой ремесленного головы, который затем утверждался магистратом или ратушей. К обязанностям управного старшины, кроме того, относилось участие в заседаниях городской думы [1, с. 168–173].

Приступая к анализу процесса формирования и функционирования органов самоуправления ремесленников, обратим внимание на то, что сведений о цеховой организации поволжских городов до наших дней дошло немного. Так, отвечая в 1823 г. на запрос гражданского губернатора, присутствие казанского магистрата было вынуждено признать, что ничего не знает о структуре и финансах цехов. 3 июня 1823 г. казанская дума «уведомила магистрат сей что в городской доход со здешних цехов ни с котораго и ни сколько не поступает, да и сколько существует цехов или ремесленных управ сведения в думе нет»².

По распоряжению магистрата общественники собрали для губернского начальства информацию о казанских цехах. Судя по переданным ремесленным головой Григорием Бровкиным сведениям, дела цехов обстояли вполне сносно. Всего по окладу цеховых числились 710 душ. Каждая управа располагала собственными средствами, ответственность за которые несли старшины. Дефицитным был бюджет лишь одной, самой малочисленной ячейки ремесленной организации — серебряной управы³.

Ведомость сапожной управы, доставленная ремесленным головой в магистрат, позволяет выяснить, на какие цели шли собираемые с ремесленников средства. Расходы сапожников в 1821 г. составили 253 руб. 23 ½ коп., в том числе было употреблено: «на покупку книг 2 руб. 50 коп. бумаги 2 руб. снуру 7 коп. на промен целковаго 30 коп. за служение молебна с акафистом священнику 2 руб. восковых свеч на 2 руб. прощено ремесленникам Ивану Муравьеву и Семену Стрелкову должных управе 100 руб.

¹ К такому выводу пришел К. А. Пажитнов, исследовав материалы анкеты МВД за 1893 г. [см.: 2, с. 180, 186, 193].

² Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 114. Оп. 1. Д. 402. Л. 1.

³ Там же. Л. 1об.–3.

выдано бывшим в 1820 г. старшине Филипу Журалевскому и его товарищу Гавриле Гурьянову за службу жалованья 70 руб. священнику за привод к присяге балатирующих людей 2 руб. на покупку чернил 2 руб. выдано в жалованье маклеру Викторинскому и сторожам 40 руб. 66 ½ коп. промену на 13 целковых 3 руб. 90 коп. на управной расход 25 руб. 80 коп.»⁴. Помимо жалованья выборным и разного рода организационных нужд, часть финансов казанских ремесленников расходовалась на содержание особого помещения — «управной горницы»⁵.

Обособленное существование цеховых управ продолжалось предположительно до середины — второй половины 1820-х гг. Ситуация с регламентацией ремесленной деятельности начала меняться после того, как правительство приступило к наведению порядка в податном хозяйстве. 14 ноября 1824 г. было высочайше утверждено подготовленное министром финансов Е. Ф. Канкриным «Дополнительное постановление об устройстве гильдий». С того времени в Казани активизировалось вовлечение городских и пришлых ремесленников в цеховые организации. 19 августа 1827 г. старшины портной, столярной, сапожной, кузнечной и серебряной управ рапортовали думе о том, что, несмотря на их многочисленные обращения, казанские и иногородние мастера приписаться к управам с имевшимися у них работниками и учениками не пожелали. Старшины обратились к думе с ходатайством понудить не вступивших в цехи и имевших задолженности ремесленников «через кого следует»⁶.

2 сентября 1827 г. казанская дума приказала старшинам: всех ремесленников, не имеющих на производство работ разрешений, а также недобросовестных плательщиков внести в особый список, в котором должны были поименно указываться их место проживания, количество подмастерьев и учеников, род занятий⁷. 15 сентября 1827 г. дума постановила рапорт старшин с приложенным к нему регистром передать казанской полиции с просьбой принять соответствующие меры по защите интересов цехов⁸.

Ремесленники начали сдавать полагавшиеся с них средства лишь после того, как в дело вмешалась городская полиция. 3 апреля 1829 г. она уведомила думу о том, что с проживавших в ведомстве первой части города мастеровых, упомянутых в регистре от 15 сентября 1827 г., положенные деньги были затребованы.

9 июня 1836 г. казанское губернское правление постановило создать печную управу с причислением к ней печников, каменщиков и штукатуров. Круг лиц, с которых следовало взимать деньги установленным порядком в городскую и ремесленную казну, таким образом, расширился.

Предписанием думы от 20 июня 1836 г. ремесленники оповещались о разрешении губернского начальства взимать средства в пользу управы и в доход города с временно занимавшихся штукатурной и печной работами на основании параграфа 37 Высочайше подтвержденного Положения о доходах и расходах г. Казани. Стараниями нового старшины Николая Иванова Рожина была составлена опись казанцев, которых следовало приписать к печной управе. Всего в нее был внесен 21 мастер, в том числе 7 печников, 6 штукатуров, 4 каменщика. Несмотря на многократные обращения Рожина, внести сбор за прошедшую половину года все упомянутые в списке мастера отказались⁹. С еще большим трудом новшества внедрялись среди работавших в Казани иногородних ремесленников¹⁰.

Состояние дел самой исследуемой цеховой конторы в конце 1830-х гг. позволяет предположить, что даже в таком крупном торгово-промышленном центре, как Казань, ремесленники не особо стремились записаться в цеховые. В 1837 г. насчитывалось 924 казанских цеховых. В два следующих года прирост цехового общества составил всего по одному человеку мужского пола¹¹. В течение 1838 г. членами

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ НА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 615. Л. 4–4об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ НА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 1208. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ НА РТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 4. Л. 6–6об.

цехового общества стали четыре ясашных крестьянина Казанского уезда, два вольноотпущенника, три ясашных крестьянина Свияжского уезда; убыли из цеховых в казанские гильдии восемь человек¹².

В 1838 г. стремление насильно легализованных мастеров к справедливому обложению податями и повинностями подвигло казанцев к дальнейшему усложнению ремесленной организации. 31 марта цеховые на собрании постановили по аналогии с печниками и каменщиками обложить новым сбором плотников и пильщиков¹³. Рассмотрев приговор ремесленников, 27 мая 1838 г. гласные поддержали их ходатайство¹⁴. Однако губернское правление не разделило мнения общественников и не особо спешило с одобрением постановления цеховых¹⁵. Медлительность администрации была связана с тем, что исходила из необходимости учитывать не только мнение выборных, стремившихся пополнить цеховые и городские доходы, но и важность защиты интересов основной массы жителей Казани. В отличие от каменщиков многие плотники, минуя посредников, поодиночке или небольшими артелями исполняли заказы обывателей, плата за которые была относительно небольшой. Дополнительные сборы могли повысить стоимость предоставляемых населению услуг и в итоге негативно сказаться на внешнем виде губернского центра. 30 марта 1840 г. правление, наконец, поручило ремесленному голове Золотову заняться организацией плотничной управы¹⁶.

Таким образом, к началу 1840-х гг. казанские цехи охватывали все основные сферы ремесленного производства. Закономерным этапом в развитии цеховой организации стало обращение ее руководства к проблеме соответствия сословной принадлежности горожан структуре занятости членов общества. После того, как 13 марта 1843 г. городская дума приказала ремесленному голове и управным старшинам приступить к взысканию податей и повинностей со всех горожан, числившихся цеховыми, временно-цеховые добились принятия выгодного для них постановления общества¹⁷.

Литература и источники

1. Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий: учебное пособие для вузов по специальности «История» / сост. М. Т. Белявский, Л. Г. Кислягина. М., 1989. Вып. 5: Социальный и сословный строй России во второй половине XVIII в.
2. Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952.

Sergey V. Pershin

Doctor of Historical Sciences, Research Institute of Humanities under the Government
of the Republic of Mordovia (Russia, Saransk)
E-mail: pers99@inbox.ru

WORKSHOPS AND CRAFT COUNCILS IN THE STRUCTURE OF THE ESTATE SELF-GOVERNMENT OF KAZAN IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

The report examines the process of formation and functioning of the handicraft organization provided for by the Regulations of 1785 on the materials of Kazan.

Keywords: estate, self-government, workshops, craft council, city Duma

¹² Там же.

¹³ НА РТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 1322. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 1об.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ НА РТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 5. Л. 417–418.

Плате Алисе

к.и.н., н.с., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)
E-mail: aliceplate@mail.ru

**ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ВЕРХНЯЯ РАСПРАВА В 1780-е гг.:
РАБОТА В ОБЛЕГЧЕННЫХ СТАРТОВЫХ УСЛОВИЯХ?**

УДК 94 (470.5) “17“

Доклад посвящен анализу проведения губернской реформы Екатерины II на Среднем Урале. Автор обращает внимание на то, что в этом регионе преобразования сопровождались переносом управленческого центра, которым вместо Екатеринбурга, обладавшего значительным административным потенциалом, становится Пермь. Проблемами реформы были непонимание законодателями особенностей территории и кадровый голод.

Ключевые слова: история Урала второй половины XVIII в., административно-судебная реформа Екатерины II, Пермское наместничество, верхняя расправа

Чествуя именинников, следует подчеркнуть успехи и достижения, не забыть об их уникальных, отличительных свойствах. Особенно это важно, когда речь идет о круглой дате. Триста лет — это немало по меркам Урала. Неприлично портить праздничное настроение намеками на то, что не все шло гладко. И одновременно подобные замечания кажутся оправданными, так как проблемы скрываются в самом поводе — в двойном юбилее. Виновниками торжества являются Пермь и Екатеринбург — две столицы, тесно взаимосвязанные, истинно уральские города — бывшие заводские поселки, основанные одними отцами-основателями. Братья, но, по существу, конкуренты, претендовавшие на столичность, хоть и провинциальную. Осенью 1781 г. Екатеринбургскому заводу и сравнительно малоизвестному поселку Егошихинского медеплавильного завода, на основе которого появилась Пермь — губернский город и столица вновь созданного Пермского наместничества, — был присвоен статус города.

На Среднем Урале тогда, как известно, не пошли по проверенному пути. Губернской столицей не стал уже сформировавшийся административный центр. Выбор был сделан на основе стратегических критериев: было решено построить город на берегу Камы недалеко от места впадения в нее Чусовой. Поставленная задача была решена, хотя объявление об учреждении наместничества и момент воплощения планов разделяло всего полтора года. 18 октября 1781 г., не отступив от расписания, только в Перми начали работу двенадцать административных и судебных организаций¹. Примечательно, что старожилыми новой столицы являлись 344 семьи — рабочие и мастеровые люди, населявшие поселок при Егошихинском заводе [3, с. 38–42; 5, с. 61–62].

При изучении проблем осуществления губернских реформ Екатерины II (1775–1785 гг.), следует отметить, что в центре исследовательского внимания чаще всего оказывались не «коренные» губернии империи, а ее окраины. В частности, заметной популярностью пользуется вопрос возможности воплощения в жизнь положений «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. («Учреждения»), задуманных «в камерной обстановке» с учетом социально-демографических реалий густонаселенной зоны помещичьего землевладения, на обширную зауральскую часть страны.

В случае Среднего Урала ситуацию усугублял выбор административного центра. В первое время Пермь не могла выполнять функции города-донора. Вместо того, чтобы снабжать регион людскими ресурсами и ноу-хау, региональная столица нуждалась в помощи извне. Необходимой инфраструктурой для решения новых управленческих задач обладал в 1781 г. лишь Екатеринбург. При осуществлении реформы получивший статус областного города бывший Екатеринбургский завод был значимым административным и хозяйственным центром, в котором к тому времени числилось около 10 тыс. жителей

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 290. Оп. 1. Д. 22.

обоего пола [1, с. 23; 2, с. 32–47; 3, с. 23–25, 38–42; 6, с. 13] Однако и здесь, где на первый взгляд процесс привыкания к новым реалиям происходил при облегченных стартовых условиях, возникали существенные сложности. Это демонстрирует пример Екатеринбургской верхней расправы — апелляционного суда, отвечавшего за отправление судопроизводства среди свободного сельского населения губернии.

На дееспособность учреждения, ставшего в социально-экономических условиях региона преемником упраздненной Канцелярии главного заводов правления, а также высшим судебным органом в зауральской части Пермского наместничества, влияла прежде всего «утечка мозгов». Несмотря на протест руководства суда, до середины 1780-х гг. наместническое правление постепенно отзывало большинство опытных приказных служителей в страдавшую от кадрового голода столицу региона². А вакансии в верхней расправе заполнялись за счет кандидатов, зачастую славившихся сомнительной репутацией, переведенных в Екатеринбург для разрядки конфликтов в присутственных местах других городов³.

Наряду с затруднениями, вызванными кадровой текучкой, не менее серьезным препятствием для функционирования Екатеринбургской верхней расправы стали проблемы, возникшие из-за двойной нагрузки и недофинансирования учреждения. В связи с его особой позицией суду вменялось в обязанность не только выполнение роли регионального координатора деятельности 14 подчиненных ему уездных учреждений, но также наведение порядка в архивах, унаследованных от организаций-предшественников, Канцелярии главного заводов правления и Конторы судных и земских дел⁴ [4, с. 7].

Легко представить себе, какой трудоемкой была одна только работа в архивах. Решенные дела объединялись в книги, нередко насчитывавшие несколько тысяч листов, снабжались реестрами и отправлялись в Пермь. По нерешенным делам сначала составлялись описи, затем они рассылались в нижестоящие учреждения, в компетенцию которых попадало теперь их решение⁵. Однако несмотря на приложенные усилия (в некоторые годы приходилось нанимать двойной состав делопроизводителей), учреждение не справилось с поставленной задачей⁶. Задерживалось и выполнение текущих обязанностей: ревизионные меры, предпринятые наместнической прокуратурой в начале 1786 г., выявили, что Екатеринбургская верхняя расправа только за четыре года оставила без ответа более двух тысяч указов, присланных из вышестоящих организаций⁷.

К тому же, как уже говорилось, на эффективность работы верхней расправы влияла и недостаточная гибкость законодателя. При согласовании штатов Пермского наместничества власти не в должной мере учли позицию Екатеринбургской верхней расправы: она финансировалась строго по закону и в связи с этим имела такой же бюджет, как и верхняя расправа в Перми, отвечавшая всего лишь за четыре нижние расправы⁸.

Ввиду вышеизложенного возникает вопрос о том, не потерпела ли реализация правительственного проекта крах в данном регионе? С одной стороны, хочется с этим согласиться, так как представленный здесь случай Екатеринбургской верхней расправы является одним из ярких примеров среди многочисленных ему подобных. С другой стороны, концепция о «хорошо организованном полицейском государстве», разрабатывавшаяся с 1970-х гг. М. Раевым, давно подверглась пересмотру. Историки выражают сомнения в регулирующей эффективности государства раннего Нового времени. По их мнению, обработка нормативных правовых актов, как правило, не выходила за пределы дискурсивного и нормативно-го уровней, на практике же они применялись крайне редко [7, с. 648–649].

² ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 71–72, 111, 136; Д. 5. Л. 120; Д. 16. Л. 16, 93, 163–165; Д. 20. Л. 135.

³ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 107; Д. 20. Л. 61; Д. 26а. Л. 21–30об.

⁴ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22; Д. 2. Л. 9; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

⁵ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–10; Д. 5. Л. 209–371.

⁶ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 102–103; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 10–11.

⁷ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 60. Л. 3–6об.

⁸ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67. Л. 1, 3.

Таким образом, более результативным подходом в исследовании реформ представляется тот, в котором большее внимание уделяется изучению реализации той или иной реформаторской инициативы, а не подход, сосредоточивающийся на их недочетах. Можно согласиться с Д. Е. Хохолевым, что в Пермском наместничестве (1781–1797 гг.) осуществление губернской реформы прошло успешно. Несмотря на непростое решение назначить губернской столицей вновь созданную Пермь, управленческая система работала и в целом соответствовала требованиям, предъявлявшимся к местному государственному аппарату авторами екатерининских «Учреждений» [6, с. 18].

Литература и источники

1. Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В., Хохолев Д. Е. История местного управления на Урале в XVIII — начале XX в.: город, село, деревня. Екатеринбург, 1999.
2. Балбашевский Г. И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 год. Пермь, 1891. С. 24–47.
3. Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. (с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 гг.). Пермь, 1889.
4. Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). Екатеринбург, 2001.
5. Корчагин П. А. Губернская столица Пермь. Пермь, 2006.
6. Хохолев Д. Е. Управление Пермским наместничеством (1781–1796 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.
7. Schlumbohm J. Gesetze, die nicht durchgesetzt werden — ein Strukturmerkmal des frühneuzeitlichen Staates // Geschichte und Gesellschaft (GG). (23). 1997. S. 647–663.

Alice Plate

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: aliceplate@mail.ru

THE UPPER SUMMARY COURT OF EKATERINBURG IN THE 1780s. FUNCTIONING UNDER FAVORABLE STARTING CONDITIONS?

The report analyzes the provincial reforms of Catherine II in the Central Urals. In this region the transfer of the administrative center, which instead of Ekaterinburg, that had significant administrative expertise, became Perm, accompanied the transformation. Further problems caused the legislators' lack of understanding of the peculiarities of the territory and manpower shortage.

Keywords: history of the Urals of the second half of the 18th century, administrative and legal reforms of Catherine II, Perm vicegerency, upper summary court

Сперанский Андрей Владимирович

д.и.н., г.н.с., заслуженный деятель науки РФ, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: avspersky@mail.ru

**«СТАЛИНГРАД НАШЕГО ТЫЛА»:
СВЕРДЛОВСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹**

УДК 94(470.5)''1941/1945''

В докладе показан вклад Свердловска в Победу, одержанную СССР над фашистской Германией. Проанализированы сложные процессы становления и функционирования свердловских промышленных предприятий, являвшихся фундаментом Уральского ВПК. Доказано, что, честно выполнив свой долг, Свердловск по праву носит почетное звание «Город трудовой доблести».

Ключевые слова: управление, эвакуация, оборудование, население, производство, трудовой героизм

Урал, в годы Великой Отечественной войны ставший индустриальной базой и центром формирования частей Красной армии, сыграл исключительную роль «опорного края державы». Заметное место в его развитии занимала Свердловская область, центром которой являлся Свердловск. Здесь сосредоточились все административные органы, руководившие социально-экономическим, общественно-политическим и социокультурным развитием региона.

Практически городом руководил Свердловский областной комитет ВКП(б). Его первый секретарь В. М. Андрианов одновременно возглавлял областной и городской комитеты. Непосредственно же руководивший горкомом В. В. Косов считался только вторым секретарем. Городские органы ВКП(б) стремились выполнить задачи военного времени: организовывали промышленное производство, содействовали формированию подразделений Красной армии, поднимали моральный дух и идейно-политический уровень тружеников тыла. Приоритетной задачей было изготовление военной продукции. Поэтому В. М. Андрианов являлся еще и уполномоченным ГКО. В структурах обкома, горкома и райкомов формировались отделы по управлению важнейшими отраслями, подбирались профессионально подготовленные работники. Огромный вклад в дело мобилизации Свердловска на отпор врагу внесли также А. Б. Аристов, Ф. Д. Навозов, И. С. Пустовалов, В. И. Недосекин, В. П. Головин и другие [4, с. 9–11].

В период эвакуации на территории Свердловской области разместились 212 предприятий. Свыше 25 % из них нашли пристанище в ее административном центре — Свердловске. Их адаптация на новом месте основывалась на двух вариантах: слияние с местными заводами или сохранение самостоятельности, предполагавшей становление новых отраслей [6, с. 267].

Примером создания на Урале танковой промышленности стал Уралмаш, разместивший на своих площадях танковые цеха Ижорского завода, часть оборудования Кировского завода, брянского «Красного Профинтерна», киевского «Большевика» и других предприятий. Второе предприятие танкостроения в Свердловске — свердловский завод № 37 был создан на базе свердловского завода «Металлист», принявшего оборудование и специалистов московского танкового завода № 37, бронекорпусного производства подольского завода, часть оборудования московского автомобильного завода. Уральский дизель-моторный завод № 76, обеспечивавший танкостроение моторами, успешно использовал площади недостроенного турбинного завода, дизель-моторное производство Кировского завода и мощности Харьковского турбогенераторного завода [5, с. 20, 21].

Объединение производственных мощностей и кадрового потенциала эвакуированных предприятий имело место и в других промышленных отраслях. При создании завода пластмасс использовалось оборудование Охтинского химического комбината, при образовании шинного завода и завода

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01530 «Социалистический город как модель советской урбанизации (на примере Свердловска 1920-х — середины 1950-х гг.)» (рук. А. В. Сперанский).

РТИ — московского «Каучука» и киевского «Красного резинщика». Первоосновой «Уралхиммаша» стало оснащение киевского завода «Большевик». На базе однопрофильных московских заводов также были созданы оптико-механический, шарикоподшипниковый и приборостроительный заводы. Значительно усилились «Уралэлектроаппарат» и Уральский компрессорный завод, объединенные с ленинградскими «Электросилой», «Элетроаппаратом», московскими «Компрессором», трансформаторным заводом и воронежским «Коминтерном» [3, с. 169, 170].

Важнейшей задачей эвакуации было размещение и трудоустройство людей. Свердловская область приняла 719 тыс. чел.; Свердловск — более 146 тыс. К январю 1943 г. население города достигло максимальной в годы войны численности — 548 тыс., что более чем на 112 тыс. превысило довоенные показатели. Это обострило пресловутый «квартирный вопрос». В среднем обеспеченность жильем в Свердловске не превышала 3,6 кв. м на человека, что порождало скученность, антисанитарные условия, бытовые конфликты [2, с. 47, 55].

Война породила демографические проблемы: понижение рождаемости и повышение смертности. К 1943 г. смертность опередила рождаемость на 59 %. Ситуацию обостряла массовая мобилизация. В 1942 г. после ухода на фронт более 100 тыс. чел., мужское население города составило 40,8 %. Гендерная диспропорция (на 100 мужчин приходилось 145 женщин) способствовала «кадровому голоду», утолявшемуся за счет эвакуированных. На многих оборонных предприятиях доля приезжих составляла порядка 31 %, а на некоторых доходила до 50–75 %².

Обеспечение кадрами опиралось и на другие источники. В начале 1942 г. горком начал мобилизацию горожан на трудовой фронт, используя политическую агитацию и методы администрирования. На производство под угрозой выселения из города в десятидневный срок, а также уголовной ответственности, предусматривавшей принудительные работы сроком на 1 год, было направлено около 12 тыс. женщин в возрасте 15–45 лет [1, с. 41]. Одновременно была проведена компания под лозунгом «Заменим уходящих на фронт мужчин!», в ходе которой огромное количество женщин пришло на производство добровольно. Начиная с 1943 г. доля женщин в производстве Свердловска постоянно росла и составила к концу войны 50,1 %.

Предприятия города пополнялись также молодежью в возрасте от 15 до 17 лет, окончившей ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения, прошедшей через индивидуальное или бригадное ученичество. Доля подростков в трудовых коллективах составляла от 5 до 8 %³.

В производстве применялся и неоплачиваемый труд: трудовая армия (негодные к строевой службе, признанные неблагонадежными) и «спецконтингент» (заключенные, военнопленные, спецпереселенцы). В совокупности они составляли 6,4 % от всех трудовых ресурсов региона и использовались в основном на неквалифицированных работах.

В основных сферах производства работали специалисты, среди которых на разных предприятиях Свердловска удельный вес стахановцев и передовиков варьировался от 40 до 85 %. За годы войны звание «тысячник» получили более 100 свердловчан и их успехи достигались не за счет давления тоталитарной системы, а за счет патриотического настроения, лучшей организации труда и технических инноваций.

В заводской процесс были внедрены: конвейерно-поточные линии, автоматическая и полуавтоматическая сварки, кокильное литье, скоростное резание металла, закалка деталей токами высокой частоты и т. д. На всех предприятиях имелись лидеры, золотыми буквами вписавшие в анналы истории свои трудовые подвиги. Среди них — токарь Павел Спехов, расточник Михаил Попов, слесарь Анатолий Чугунов, сталевары Дмитрий Сидоровский, Нурулла Базетов и многие другие [4, с. 19].

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 771. Л. 74; Д. 773. Л. 68, 74–79; Д. 774. Л. 5; Д. 775. Л. 10; Д. 776. Л. 59.

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1470. Л. 51–57, 61; Д. 1699. Л. 144–152; Д. 1803. Л. 198–206.

Героизм тружеников тыла, умелая организация их труда со стороны «командиров производства» и партийных органов способствовали слаженной работе. Так Уралмаш, только за 1941–1942 гг. произвел более 10 тыс. танковых корпусов, а затем освоив выпуск Т-34-85, произвел за 1942–1943 гг. более 700 средних танков. С 1943 г. «завод заводов» перешел к производству самоходной артиллерийской установки (САУ) и до конца войны выпустил более 5 тыс. «зверобоев», ставших грозой для немцев. Успешно работал завод № 37/50, производивший легкие танки, основные узлы и детали для танка Т-34 и САУ. Прекрасно проявил себя завод № 76, выпускавший танковые двигатели В-2, превосходящие немецкие двигатели «Майбах» [1, с. 21; 5, с. 42; 7, с. 253, 254, 321].

Завод № 9, созданный на базе пушечных цехов Уралмаша и сталинградского завода «Баррикады», выпустил более 30 тыс. танковых пушек, около 17 тыс. 122-мм гаубицы М-30, любовно прозванной фронтовиками «Матушка». Завод им. М. И. Калинина дал фронту 18 тыс. 85-мм полуавтоматических зениток. Самоотверженно работали и заводы, связанные с минометным производством. «Уралэлектроаппарат» направил на передовую свыше 1 700 реактивных минометов БМ-13, прозванных фронтовиками «Катюшами». Ствольные 120-мм полковые минометы выпускал Уралхиммаш. Только в 1944 г. после уменьшения потребности в минометах прозванный народом «Миномётмаш» переключился на производство химического оборудования [1, с. 24–26; 2, с. 21].

Таким образом, Свердловск, взвалив на плечи всю тяжесть тыловых испытаний, дни и ночи ковал меч Великой Победы. По меткому выражению поэта Евгения Евтушенко он был «Сталинградом нашего тыла». 26 промышленных предприятий города были удостоены в годы войны правительственных наград, 12 900 жителей награждены орденами и медалями. Свердловск честно стоял на трудовой вахте во имя Победы и по праву носит почетное звание — Город Трудовой Доблести.

Литература и источники

1. Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 2005.
2. Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / изд. 2-е доп., перераб. Екатеринбург, 2010.
3. Екатеринбург. Исторические очерки (1723–1998). Екатеринбург, 1998.
4. Сперанский А. В. Испытание войной // Энциклопедия Екатеринбурга. Т. 3. Кн. 2: 1941–1991 годы: Опорный край державы. Екатеринбург, 2020. С. 5–54.
5. Сперанский А. В. На войне как войне... Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург, 2015.
6. Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000.
7. Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2008.

Andrey V. Speransky

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: avspersansky@mail.ru

“STALINGRAD OF OUR REAR”: SVERDLOVSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper shows the contribution of Sverdlovsk (now Ekaterinburg) to the Victory of the USSR over Nazi Germany. The paper analyses the complex processes of formation and functioning of Sverdlovsk industrial enterprises, which were the base of Ural military-industrial complex. The paper proves that, having honestly fulfilled its duty, Sverdlovsk rightfully bears the honorary title of “City of Labor Valor”.

Keywords: management, evacuation, equipment, population, production, labor heroism

Супрун Михаил Николаевич

д.и.н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет (г. Архангельск)

E-mail: vma@narfu.ru

**ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РУССКОГО СЕВЕРА, 1583–2023 гг.:
К 440-ЛЕТИЮ АРХАНГЕЛЬСКА, ГОРОДА ВОИНСКОЙ СЛАВЫ**

УДК 94(470.11)''1583/2023'':355.48

В докладе показано место Архангельска в военной истории России XVI–XX вв., что позволяет сделать вывод о значительной роли военного фактора не только в судьбе этого города, но и страны в целом.

Ключевые слова: военная история, Русский Север, Архангельск, армия, флот

Город Архангельск был основан в 1583 г. (по другим данным в 1584 г.) по указу Ивана IV как форпост российского государства на Севере. Таковым он и оставался на протяжении всей его истории. Практически во всех крупных военных конфликтах со времени основания города противник стремился захватить или уничтожить Архангельск.

Первая попытка осады города была предпринята в декабре 1613 г., когда разбитые вторым ополчением К. Минина и Д. Пожарского остатки польско-литовских войск с тушинцами полковника Барышпольца и Сидорки осадили Холмогоры, нацелившись на Архангельск. Горожане вместе со стрельцами «сели в осаду, а дворы на посаде свезли в город». «Литовские люди», встретив сопротивление, по выражению местной летописи «пробежали мимо» города, потеряв в стычках на подступах к Архангельску с полсотни убитыми.

Немалую роль сыграли архангелогородцы в становлении и развитии русской армии в XVII в. В ходе подготовки к Смоленской войне (1632–1634 гг.) многие северянеполнили полки «иноземного строя», положившие начало русской регулярной армии, а также отборной конницы главнокомандующего М. Б. Шеина. Северяне участвовали и в обоих походах на Крымское ханство в 1687 и 1689 гг. Только в первый поход из Поморья было призвано 864 человека.

Архангелогородцы приняли самое активное участие в строительстве Азовского флота. На первом этапе его создания они перевезли из Архангельска в с. Преображенское под Москвой 32-весельную галеру и, используя ее как образец, построили в Воронеже такие же суда, решившие исход сражения за Азов летом 1696 г. На втором этапе северные плотники построили еще несколько судов, в том числе царскую галеру «Принципиум», доставив на нее из Архангельска вооружение и постель для государя. Матросов для Азовского флота также готовили в Архангельске. В 1702 г. сюда для обучения морскому делу было направлено 60 человек, а в следующем году еще 72 человека.

Стремление России получить выход к Балтийскому морю привело к многолетней Северной войне со Швецией. Особая роль в той войне отводилась Архангельску — в то время единственному морскому порту и крупнейшей судовой верфи России. С 1693 по 1862 гг. в Архангельске и на пригородных верфях было построено 506 судов разных типов, включая 160 линейных кораблей, 6 клиперов, 78 фрегатов, составивших основу российского флота.

Понимая значение Архангельска, шведский король Карл XII снарядил на Север России эскадру из семи кораблей. 22 июня 1701 г. у острова Сосновец в Белом море шведы захватили в плен кормщика Ивана Седунова (по прозвищу «Рябов») с тем, чтобы использовать его в качестве лоцмана. Подойдя к устью Северной Двины, шведы отправили к Архангельску три корабля. 24 июня 1701 г. состоялось Новодвинское сражение, в ходе которого Иван Седунов посадил на мель под огонь орудий Новодвинской крепости шведские корабли. Пушкари цитадели разбили два корабля, заставив остатки шведских команд ретироваться на уцелевшем галеоте «Фалькене». Это была первая морская победа над шведами.

В 1702 г. состоялся третий приезд в Архангельск Петра I. В Вавчуге на судовой верфи братьев Бажениных в присутствии царя был проведен спуск на воду кораблей «Курьер» и «Святой Дух». По указу Петра

северяне быстро возвели «Государеву дорогу» длиною в 160 верст, по которой русские войска из Архангельска вышли к невским берегам, неожиданно появившись в тылу шведов.

Начало XIX в. для Европы было ознаменовано Наполеоновскими войнами, в которые оказалась втянута и Российская империя. После Тильзитского мира Россия вынужденно присоединилась к континентальной блокаде против Англии. В ответ англичане в 1808–1810 гг. установили патрулирование в северных водах. Летом 1810 г. британский фрегат захватил ладью «Евплус» архангельского купца Матвея Герасимова. Воспользовавшись непогодой, М. Герасимов с товарищами «сняли» часового и, заперев британскую команду в кубрике, завладели фрегатом. Несмотря на постоянный огонь, который вели англичане с нижних палуб, архангельским мореходам удалось довести корабль до норвежского берега и сдать англичан коменданту Варде. «В вознаграждение предприимчивости Герасимова и столь отличной его храбрости» Александра I пожаловал архангельского героя военным орденом.

12 июня 1812 г. началась Отечественная война. Учитывая важность Русского Севера, император манифестом от 18 июля отменил сбор земской рати в северных губерниях: местные ратники могли быть в любой момент востребованы для обороны северных рубежей. Тем не менее, Архангельск и губерния продолжали поставлять рекрутов, а также денежные средства на нужды армии. Всего население губернии собрало для этих целей 110 тыс. рублей. После разорения французами Москвы жители Архангельска собрали дополнительно 20 тыс. рублей для оказания помощи москвичам.

Прославил Архангельск и построенный на его верфи в 1826 г. линейный корабль «Азов». Под командованием М. П. Лазарева он принял участие в Наваринском сражении в 1827 г. На «Азове» в этом сражении получили боевое крещение будущие флотоводцы лейтенант П. С. Нахимов, мичман В. А. Корнилов, гардемарин В. И. Истомин.

Значение Архангельска как морского порта и базы судостроения резко возросло с началом Крымской войны. Стремясь блокировать Россию с Севера, англичане и французы дважды направляли в Белое море свои эскадры. В июле 1854 г. в него вошла англо-французская эскадра в составе двух 60-пушечных парусно-фрегат. Подойдя к Соловецким островам, вражеские корабли начали обстреливать монастырь. Береговые артиллеристы ответили метким огнем. Не причинив монастырю ощутимого вреда, неприятель был вынужден ретироваться. Проверяя оборону Беломорья на прочность, 11 июля 1854 г. противник высадил десант в поморском селе Пушлахта. Отряд из 23 вооруженных крестьян и двух отставных солдат принял бой, пытаясь завести противника в лес. Враг в ярости сжег село. Продолжая рейдерство по Беломорью, эскадра 20–22 июля высадил десант в Кандалакше, Керети и Ковде, а 11 августа 1854 г. сожгла Колу. В 1855 г. неприятель вновь вошел в Белое море, но напасть на Архангельск не решился, ограничившись разведкой боем на ближних подступах. 27–28 июня 1855 г. вражеский корабль три часа обстреливал деревню Лямца, дважды пытаясь высадить десант. 34 местных крестьянина огнем из ружей и небольшой пушки не допустили неприятеля на берег.

В ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. архангелогородцы принимали участие во всех решающих сражениях как на суше, так и на море. Многие из них, в частности командир броненосца «Ретвизан» архангелогородец Э. Щенснович, содержатель шкиперской части крейсера «Варяг» А. Денисов, унтер-офицер С. Горбунов, минный квартирмейстер миноносца «Стерегущий» Ф. Юрьев, за свои подвиги были награждены высшими правительственными орденами. В составе экипажей броненосцев «Князь Суворов», «Наварин», «Адмирал Ушаков» северяне принимали участие в Цусимском сражении. В 1904 г. на Дальний Восток из Архангельска было направлено два добровольческих санитарных отряда. К исходу войны в действующей армии состояли 4 362 уроженца Архангельской губернии. Многие из них в составе Брянского, Тамбовского, Орловского, Пензенского и других полков принимали участие во всех крупнейших сражениях. На полях той войны погибли 27 архангелогородцев, 231 получил ранения разной степени тяжести.

В годы Первой мировой войны город стал единственным европейским портом, через который осуществлялись связи России с союзниками. Военный совет под руководством губернатора С. М. Бибикова принял решение город без боя не сдавать. В случае приближения кораблей противника было решено

перекрыть фарватер, затопив интернированные немецкие суда. В устье Северной Двины были установлены орудия, снятые с парохода «Бакан». Здесь были сформированы добровольческие дружины: 14-ая пешая, 668-ая Костромская, 348-я Вологодская. Для обеспечения проводки конвоев, направленных в Архангельск, в 1916 г. была создана Флотилия Северного Ледовитого океана в составе 89 боевых кораблей, включая линкор «Чесма», крейсера «Аскольд» и «Варяг». В состав флотилии влился и созданный в Архангельске Отряд подводных лодок особого назначения.

Понимая значение Архангельска, противник организовал в его порту ряд диверсий. Первая привела к катастрофе 26 октября 1916 г., когда при разгрузке боеприпасов взорвался пароход «Барон Дризен». Погибли и получили ранения тысячи людей. 13 января 1917 г. в порту произошла вторая катастрофа: у причала аванпорта Экономия взорвался ледокол «Семен Челюскин». Через три часа произошел взрыв на стоявшем рядом английском пароходе «Бойропеа». Взрывами были повреждены еще пять пароходов.

Значительную помощь фронту оказали жители Архангельска сбором средств для мобилизованных. Только за первые три дня войны архангелогородцы собрали 4 500 рублей. На благотворительные средства в городе было развернуто 19 госпиталей. 2 августа 1918 г. Архангельск при поддержке войск Антанты был занят белыми и до освобождения Красной армией в феврале 1920 г. находился в их руках.

С началом Второй мировой войны город стал восточным пунктом созданного союзниками «Арктического фронта», с которого в 1941–1942 гг. предполагалось открыть «второй фронт» и вдоль которого проходил основной маршрут поставок грузов в СССР. С июня 1941 г. город оказался в положении прифронтового. Только за июнь 1941 — июнь 1943 гг. над территорией Архангельского района ПВО было зафиксировано 465 полетов вражеской авиации. А в августе–сентябре 1942 г. с приходом в город очередного каравана PQ-18 Архангельск был подвергнут массированным бомбардировкам, в ходе которых были сожжены и разрушены более 200 домов, убиты 86 человек, 112 — тяжело ранены.

2 августа 1941 г. в Архангельске была создана Беломорская военная флотилия (БВФ), 90 % кораблей которой составили бывшие гражданские суда с архангельскими командами. В ходе тяжелых боев в зоне ответственности БВФ было потоплено 17 боевых союзных кораблей, 29 гражданских судов, погибло 1 534 человека, в том числе 737 военнослужащих и 793 мирных советских граждан. В их числе моряки ледохода «А. Сибиряков», спасая от разгрома два каравана судов, вступившие в бой с германским крейсером «Адмирал Шеер» 25 августа 1942 г.

Ценою жизни архангельские моряки и краснофлотцы совместно с союзниками обеспечили доставку в Архангельск 4,2 млн тонн грузов. Вместе с моряками и портовиками в перевозках участвовали речники и железнодорожники города. Почти все 4 млн тонн, обработанных на архангельских станциях грузов, прошли без задержек. Судами Северного речного пароходства было перевезено 21,6 млн тонн грузов и 25,4 млн пассажиров. Бесперебойную работу флота Северного бассейна, ремонт кораблей и судов обеспечивали восемь судостроительных заводов и верфей Архангельска. За годы войны ими были возвращены в строй 1 012 кораблей, построено свыше 500 малых судов. Наряду с основной деятельностью, судоремонтники Архангельска выполняли специальные военные заказы по производству боевых аэросаней, корпусов мин, бомб, гранат.

К выполнению военных заказов были привлечены и все 22 архангельских лесозавода. За годы войны лесопильщики Архангельска дали стране и фронту 3 млн кубометров пиломатериалов, 17 млн комплектов спецтар, 28 тыс. кубометров авиадеталей, тысячи корпусов мин, саней, лыж, ружейных заготовок. Свыше 124 тыс. тонн целлюлозы, 25 тыс. тонн бумаги, — таков итог работы архангельских бумажников в годы войны.

С началом военных действий в городе был развернут 31 эвакуогоспиталь, работники которых вернули в строй более 10 тыс. воинов. Кроме того, в госбюджет по займам из Архангельска было перечислено 276 млн рублей. Свыше 47 млн рублей деньгами, 9,6 млн рублей облигациями, более 1 кг золота, 41,5 кг серебра, 130 тыс. предметов теплой одежды и обуви, тысячи тонн овощей, мяса, рыбы передали жители Архангельска в Народный фонд обороны.

Имена 23 052 погибших на фронте архангелогородцев вписаны в областную Книгу Памяти. Каждый третий призванный в армию горожанин, не вернулся с фронта. Не менее шокирует другая цифра: за 1941–1944 гг. в городе умерло 38 тысяч жителей. Жизнь каждого пятого горожанина, умершего от голода и болезней, заплатил Архангельск за своевременно направленные на фронт ленд-лизские грузы, за построенные и отремонтированные корабли, за лес, целлюлозу, рыбу, — за все то, что он мог дать стране.

Военные заслуги архангелогородцев были отмечены в разные времена правительственными наградами. 10 мая 1984 г. указом Президиума Верховного Совета СССР за большой вклад в развитие морского флота, освоение северных районов страны, заслуги города в Великой Отечественной войне город Архангельск был награжден орденом Ленина, а 5 декабря 2009 г. ему было присвоено звание «Город воинской славы».

Mikhail N. Suprun

Doctor of Historical Sciences, Northern (Arctic) Federal University (Russia, Arkhangelsk)

E-mail: vma@narfu.ru

**MILITARY HISTORY OF RUSSIA'S NORTH, 1583–2023:
TO THE 440th ANNIVERSARY OF ARKHANGELSK, THE CITY OF MILITARY GLORY**

The report shows the place of Arkhangelsk in the military history of Russia in the 16th–20th centuries and makes it possible to conclude that the military factor played a significant role not only in the fate of this city, but also of the country as a whole.

Keywords: military history, Russian North, Arkhangelsk, army, navy

Тетерин Вадим Игоревич

к.и.н., доцент, Пермский государственный аграрно-технологический университет (г. Пермь)

E-mail: teterinvi@gmail.com

ЗЕМСКОЕ И ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОВЕТАМ В КОНЦЕ 1917 г. (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДОВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

УДК 94(470.5)''1917''

В докладе рассматривается противостояние органов местного самоуправления Пермской губернии и большевистских Советов в конце 1917 г. Исследование проведено с привлечением новых архивных материалов из городов — бывших уездных центров губернии. Последний этап существования органов земского и городского самоуправления характеризовался острым политическим противостоянием с Советами. В такой ситуации земствам и городским думам не хватало мобильности, а значит, и поддержки со стороны населения. Когда большевики начали выстраивать четкую вертикаль власти, приводя исполнительные органы управления на местах к единообразию, для земств и городских дум не нашлось места в новой структуре.

Ключевые слова: земство, городские думы, местное самоуправление, Советы, революция, Пермская губерния

В современных реалиях, когда на повестке дня стоит реформа местного самоуправления, по-прежнему актуальным является анализ исторических процессов, связанных с развитием системы местного самоуправления в России. В Российской империи именно земства и городские думы были активными участниками модернизации в стране. Это ярко проявилось во время революции 1917 г., когда роль земства и городского самоуправления на местах была особенно высока. Однако, несмотря на обширный комплекс изданных в последнее время работ, по-прежнему востребованным остается освещение вопросов, связанных с возникшим на местах в конце 1917 г. противостоянием органов местного самоуправления и большевиков. Взаимодействие с местным самоуправлением в конце 1917 г. остается при этом за пределами внимания исследователей [1; 2]. Все современные историографические исследования выделяют широкий круг нераскрытых до конца вопросов, в том числе противостояние местного самоуправления и Советов в конце 1917 г. [4, с. 41].

Важнейшим изменением в работе местных органов самоуправления в условиях революции стала необходимость организации управления на местах. Центральная власть была дезориентирована, полного контроля на всей территории страны было трудно достичь. Ставка была сделана на земства и городские думы. Гласные органов самоуправления, давно стремившиеся стать реальной силой на местах, тем не менее, оказались к этому также не готовы в полной мере. Однако в сложившейся ситуации они вынуждены были включиться в политическую деятельность.

В результате выборной кампании по новым правилам к осени 1917 г. был сформирован новый состав губернского и уездных земств. Несмотря на активную борьбу партий, за их списки голосовали мало. Во всех уездах с большим отрывом побеждали беспартийные кандидаты. Среди партий абсолютное большинство мест получила партия эсеров. Вслед за ней шла партия кадетов. Большевики почти везде, за исключением заводских территорий, получали одно-два места. Это предопределило противостояние органов местного самоуправления и Советов, где власть в свои руки в этот период брали большевики.

Осенью ситуация значительно ухудшилась как в стране в целом, так и в Пермской губернии. Временное правительство в таких условиях пыталось использовать органы местного самоуправления для контроля над ситуацией. 10 октября губернский комиссар эсер Б. А. Турчевич предложил уездным комиссарам Временного правительства укреплять власть, опираясь прежде всего на органы самоуправления [4, с. 25].

Уездные земства получили 31 октября 1917 г. телеграмму от губернского земства о захвате в Петрограде власти большевиками. Телеграмма содержала «горячий протест» и призыв к единению органов местного

самоуправления для борьбы с анархией. Уездные органы местного самоуправления поддержали губернское земство¹. Единственной силой, которая могла бы решать вопрос о власти, по мнению кунгурских земцев, должно быть только Учредительное собрание. Немногочисленные представители большевиков в земстве пытались выставить на голосование альтернативные послания, но их не поддержали².

В ответ Уральский областной комитет Советов рабочих и солдатских депутатов сразу постановил в своем воззвании немедленно «сместить нежелательных представителей старой власти, сопротивляющихся арестовать. Всякое сопротивление подавлять оружием»³. Под представителями власти понимались не только комиссары Временного правительства, но и гласные земства и городского самоуправления. В Перми был даже сформирован Революционный комитет, в который вошли по три эсера, меньшевика и большевика. Предполагалось, что он будет заниматься именно вопросами местного самоуправления [5, с. 113]. Однако в ноябре 1917 г. достаточной для ликвидации местного самоуправления силы на местах еще не было.

Тем не менее, 2 ноября 1917 г., реагируя на захват большевиками власти, земские служащие в Перми просили городскую думу создать помимо милиции добровольческие дружины⁴. Была организована народная охрана, жители объединялись в квартальные бригады. Управа сообщала о том, что милиция продолжала действовать, охрана вводилась лишь в связи с временным уменьшением численного состава органов правопорядка. Городской думой было введено новое положение о милиции⁵. Во многих уездах самоуправление было вынуждено создавать такие же специальные дружины, которые становились вспомогательной силой для милиции⁶. Однако даже такие меры не помогли предотвратить беспорядки. В ноябре по губернии прокатилась волна пьяных погромов. Вечером 3 ноября такой погром начался в Перми. Сам погром вылился в борьбу между политическими силами губернии: все заинтересованные стороны пытались переложить вину друг на друга. Гласные городской думы писали, что во всем виноваты большевики, выпустившие ситуацию из-под контроля; большевики утверждали, что вина лежит на гласных, которые не поддержали Советы, сами же они не смогли справиться «из-за незрелости социализма»⁷.

Тем временем в уездах Пермской губернии в середине ноября 1917 г. беспорядки продолжались. Пьяные погромы были зафиксированы в Кунгуре, Осе, Верхотурье и других уездах. Массовые волнения 23 ноября были зафиксированы в Шадринске. Милиция не справлялась, и городская дума вынуждена была вызвать военные части из Омска. Порядок был установлен, части отбыли назад.

Эта ситуация показала неспособность гласных земства и городских дум контролировать ситуацию на местах. Несмотря на принимавшиеся меры, органы местного самоуправления быстро утратили инициативу. В первую очередь им перестали доверять сами граждане. Сразу после погромов в ответ на неспособность гласных защитить население сначала от погромов, а затем от повальных обысков, инициированных исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, началась стихийная самоорганизация граждан⁸.

В Перми и уездах земство пыталось еще удержать контроль над ситуацией, апеллируя к Учредительному собранию, его всяческой поддержке. В основном это выливалось в распространение воззваний и отправку телеграмм на места. Однако этого явно не хватало, чтобы успевать за стремительно развивавшимися политическими событиями. Земство не вмешивалось в партийную борьбу на местах. Кроме того, земцы

¹ Кунгурский городской архив (КГА). Ф. 588. Оп. 1. Д. 379. Л. 6об.

² Там же. Л. 7.

³ Воззвание уральского областного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов // Из истории борьбы за установление советской власти. М., 1943. С. 35–36.

⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 35. Оп. 1. Д. 378. Л. 51.

⁵ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 392. Л. 1–9, 143–152.

⁶ Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Оп. 1. Д. 120. Л. 2.

⁷ Пермская жизнь. 1917. 11 нояб. С. 2.

⁸ Протокол общего собрания граждан 3-го района г. Перми о повальных обысках у населения и самоохране жителей района // 1917 г. в Пермской губернии. Пермь, 2007. С. 171–172.

не имели достаточной силы, чтобы реализовывать свои решения. В результате большевики начали постепенное упразднение земства — 28 февраля 1918 г. левый эсер Н. Г. Шалаев был назначен комиссаром по ликвидации губернской земской управы. В тот же день был выставлен караул с задачей не пускать членов управы⁹.

Таким образом, гласные оказались не готовы к политической борьбе. Органами милиции отмечалось нарастающее недовольство населения губернии. Одной из возможных альтернатив органам местного самоуправления в это время становились Советы, в которых все большую популярность набирали большевики. Конец 1917 г. прошел в упорной борьбе органов самоуправления с большевиками. Основная ставка гласными земства была сделана на Учредительное собрание, но реальная власть уже была в руках большевиков, основным органом управления которых были Советы.

Литература и источники

1. Урал в контексте российской и мировой истории XX века. Историографическая концептуализация. Екатеринбург, 2017.
2. Воробьев С. В. Уральская историография революции 1917 года: результаты исследований конца XX — начала XXI века // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (30). С. 56–69.
3. Шелохаев В. В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи // Российская история. 2017. № 2. С. 32–41.
4. Бугров Д. В. Оппоненты большевизма на Урале в 1917 г. Свердловск, 1991.
5. Кружинов В. М. Происхождение и эволюция концепции многопартийного социалистического правительства в 1917 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12–2 (50). С. 112–114.

Vadim I. Teterin

Candidate of Historical Sciences, Perm State Agro-Technological University (Russia, Perm)

E-mail: teterinvi@gmail.com

ZEMSTVO AND CITY SELF-GOVERNMENT BODIES AS AN ALTERNATIVE TO THE SOVIETS AT THE END OF 1917 (ON THE MATERIALS OF THE CITIES OF THE PERM PROVINCE)

The report examines the confrontation between the local governments of the Perm province and the Bolshevik Soviets at the end of 1917. The study was carried out using new archival materials from the cities — the former uezd centers of the province. The last stage in the existence of zemstvo and city self-government bodies was characterized by a sharp political confrontation with the Soviets. In such a situation, zemstvos and city councils lacked mobility, and therefore, support from the population. When the Bolsheviks began to build a clear vertical of power, bringing the executive bodies of local government to uniformity, there was no place for the Zemstvo and city dumas in the new structure.

Keywords: zemstvo, city dumas, local self-government, Soviets, revolution, Perm province

⁹ Наш Урал. 1919. 6 марта. С. 2.

Тимофеев Дмитрий Владимирович

д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: dmitrtim@yandex.ru

ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД И ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.¹

УДК 94(47)''18''

В рамках исследования процесса формирования в России Нового времени элементов публичной сферы губернский город рассматривается как центр системы коммуникативных взаимодействия дворянского собрания и властных структур регионального и общеимперского уровня.

Ключевые слова: публичная сфера, дворянские выборы, история общественного сознания

В Российской империи элементы публичной сферы формировались несколько позднее, чем в странах Западной Европы [4], но уже со второй половины XVIII в. можно констатировать активизацию интереса российских подданных к периодике, различным клубам, салонам и иным собраниям, где помимо развлечения, они могли высказывать мнения о событиях в стране и за рубежом, о политике и экономике, внешнеполитических обстоятельствах и возможности проведения внутренних преобразований. В начале правления Александра I бурное развитие периодической печати существенно расширило каналы публичной коммуникации и сделало возможным авторам и читателям обмениваться мнениями с достаточно широкой аудиторией образованных российских подданных, личное знакомство с которыми было уже необязательным условием для осуществления социальной коммуникации. В данном контексте публичная сфера в России второй половины XVIII — первой половины XIX в. рассматривается как сеть субъектов и информационных каналов, предоставляющих возможность российским подданным высказывать различные аргументы при обсуждении наиболее актуальных социально-политических, экономических и морально-нравственных вопросов.

Центральным элементом в процессе формирования «сетей обмена» информацией в публичном пространстве России Нового времени стал губернский город. Такое положение было обусловлено не только концентрацией управленческих структур и масштабами книготорговой и издательской деятельности, но и практикой регулярного (раз в три года) созыва со всех уездов губернии выборщиков для участия в дворянских губернских собраниях. И хотя формально участники собраний не имели права обсуждать политические вопросы, а собирались исключительно для избрания дворянских предводителей, чиновников администрации и суда, они неизбежно были вовлечены в процесс обсуждения вопросов о соответствии кандидатов на выборные должности установленным требованиям, а следовательно, и о соотношении реального положения дел и норм закона.

Более того, в период подготовки к баллотировке могли происходить непредусмотренные процедурой публичные выступления. Ярким примером такого рода коммуникативного действия является произнесенная 10 января 1810 г. перед участниками дворянского собрания Воронежской губернии речь штабс-капитана Петра Степановича Шеншина. Представленный после прочтения автором губернскому предводителю документ («Голос Шеншина») содержал указания на ряд нарушений при составлении списков для баллотирования на выборные должности: в число выборщиков и кандидатов были включены лица, «не имеющие в уезде недвижимого имения»; «владельцы людей без земли», дворяне, «не записанные в губернские дворянские родословные книги»². Все эти факты, по мнению Шеншина, являлись прямым нарушением положений «Жалованной грамоты дворянству».

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII — первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия» (рук. Д. В. Тимофеев).

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 4а. Кн. 6. Д. 165. Л. 16.

Аргументируя свою позицию, автор использовал безупречную для того времени систему доказательств. По каждому пункту выявленных нарушений были приведены обширные цитаты из «Жалованной грамоты дворянству», а для усиления эмоциональной напряженности — напоминание собравшимся о данной накануне присяге «...производить сии выборы беспристрастно». Одновременно с этим сомневающимся в необходимости пересмотра уже составленного с нарушениями закона списка Шеншин предложил подойти к столу губернского предводителя дворянства, на котором был расположен портрет Петра Великого, и прочитать предостережение императора: «В сие законы писать, когда их не хранить, или ими играть как в карты, прибирая масть к масти»³. В заключение Шеншин объявил о решении не участвовать в «баллотировке» до тех пор, пока лица, не имевшие права голосовать, не будут удалены из дворянского собрания.

Для понимания значения губернского дворянского собрания для личной и внутригрупповой самоидентификации дворянина важно выявить не только способ аргументации отказа Шеншина от участия в выборах, но и то, на какой результат он рассчитывал. Маловероятным представляется, что он надеялся на исключение из списков указанных им дворян, так как в этом случае выборы просто бы не состоялись в силу недостаточного количества кандидатов. Не мог он ожидать и изменения сроков проведения выборов, так как этот вопрос находился в исключительной компетенции министра внутренних дел и не мог быть решен не только предводителем дворянства, но и губернатором. В этих обстоятельствах для Шеншина важен был не столько практический результат, сколько возможность публичной демонстрации своей личной позиции, пример того, по его мнению, как должен вести себя дворянин, стремившийся исполнить свой гражданский долг.

Наряду с возможностью личного самовыражения, периодически созываемые в губернских городах дворянские собрания способствовали осознанию внутригрупповой солидарности губернского дворянства и формированию представлений о способах отстаивания принимаемых решений. И хотя осознание корпоративной общности имело кратковременный характер, ограниченный периодом подготовки и проведения выборов, совместное пребывание в губернском городе уездных дворян и дворян, проживавших в региональных центрах, оказывало заметное влияние на характер взаимоотношений собрания с губернской администрацией. Особенно отчетливо такого рода тенденция проявлялась в случае отказа губернатора утверждать результаты «баллотировки» на выборные должности. Такого рода конфликты нередко сопровождалась составлением жалоб министру внутренних дел или даже императору, что в совокупности с другими обстоятельствами могло стать основанием для проведения расследования или Сенаторской ревизии.

Яркой иллюстрацией осознания возможности оспорить решения губернатора являлись случаи составления коллективных жалоб и петиций. Так, например, участники дворянского собрания Казанской губернии весной 1815 г. направили министру внутренних дел О. П. Козодавлеву жалобу на действия гражданского вице-губернатора Ф. П. Гурьева, который, по их словам, «настоятельно... требовал обновления выборов, не уважив просьбы дворянства об отсрочке оных до возвращения ополчения», «...промедлил... утверждение чиновников, избранных дворянством» и «несправедливо... неутвердил в должности 24 таких дворян, кои имели полные права на выборы...»⁴ Заявив о своем несогласии с действиями вице-губернатора, дворяне задействовали формально-публичные каналы обратной связи. Министр внутренних дел потребовал от губернских властей незамедлительно представить объяснение по факту неутверждения избранных дворян. В ответном донесении вице-губернатор аргументировал свое решение сведениями о различных нарушениях и «неблаговидных» поступках избранных дворян⁵. После этого дворянское собрание в новом обращении к министру внутренних дел опровергло все обвинения, представив по каждому кандидату подробные объяснения. В результате 5 августа 1815 г.

³ Там же. Л. 160б.

⁴ РГИА. Ф.1284. Оп. 4а. 1814. Кн. 91. Д. 252. Л. 293об–294.

⁵ Там же. Л. 294–295.

вице-губернатору Гурьеву было направлено «строгое замечание за нанесение губернскому предводителю неудовольствия по выборам» [1, с. 55].

Такого рода коммуникации между периодически собиравшимися в губернском городе представителями дворянства и вышестоящими властными институтами неизбежно становились публичными. Это происходило не только в связи с тем, что по мере рассмотрения в МВД, Комитете министров, Сенате или Государственном совете увеличивалось число лиц, знакомых с обстоятельствами дела, но и вследствие издания по результатам разбирательств обязательных к рассылке во все присутственные места указов и высочайше утвержденных постановлений. На протяжении первой трети XIX в. количество таких нормативно-правовых актов стало значительным, что позволяет констатировать одновременное существование нескольких тенденций.

В общем виде сам факт наличия множества указов, изданных в результате жалоб и разбирательств по конкретным случаям, свидетельствует о складывании механизмов точечной корректировки действующего законодательства. Однако при, казалось бы, предельной централизации информационных потоков, сложилось положение, когда содержательно близкие проблемы рассматривались вне взаимосвязи с аналогичными случаями, порождая новые распоряжения, которые могли частично противоречить друг другу или содержать нормы, касавшиеся только определенной территории. Все это уже к 1811 г. привело к изданию именного указа министру внутренних дел О. П. Козодавлеву о составлении нового положения о выборах⁶, которое, впрочем, было разработано значительно позднее и утверждено только 6 декабря 1831 г. [2, с. 233–247; 3, с. 485] Однако, несмотря на противоречивость и медлительность процесса выработки решений, наличие механизмов передачи запросов с мест позволяет утверждать, что в региональных центрах Российской империи постепенно складывалась сеть субъектов и институтов публичной сферы, наличие которой способствовало выработке различных аргументов при обсуждении наиболее актуальных социально-экономических и политических вопросов.

Литература и источники

1. Бикташева А. Н. Губернаторы и дворянство Казанской губернии: уроки конфликтов (первая четверть XIX века) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 55–59.
2. Куприянов А. И. Выборы в русской провинции (1775–1861). М., 2017.
3. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855. СПб., 1906.
4. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества. М., 2017.

Dmitry V. Timofeev

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: dmitrtim@yandex.ru

THE PROVINCIAL CITY AND THE FORMATION OF PUBLIC INSTITUTIONS IN RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE 19th CENTURY

As part of a study of the process of formation of elements of the public sphere in modern Russia, the provincial town is seen as the center of the system of communication between the noble assembly and the power structures of the regional and imperial level.

Keywords: public sphere, noble elections, history of public thought

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ-1). Т. 31. № 24546. С. 568.

Шкерин Владимир Анатольевич

д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ГОРНОЕ СООБЩЕСТВО И ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ ГОРНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.¹

УДК 94(470.5)''18''

В докладе рассматривается история частично реализованного проекта «вольных горных городов» в России (на Урале) в первой половине XIX в. С инициативой учреждения таких городов выступили представители профессионального горного сообщества. Проект был поддержан высшими властями, но в России появился только один горный город — Екатеринбург.

Ключевые слова: профессиональное горное сообщество, горный город Екатеринбург, горнозаводская промышленность, либеральные реформы Александра I

XIX столетие началось в России с больших надежд на лучшее. В 1801 г. взошел на трон молодой император Александр I, обещавший «править по законам и сердцу... Екатерины Великой». Первые месяцы его царствования были отмечены каскадом отмен павловских ограничений: было возобновлено действие «Жалованных грамот» городам и дворянству, сняты запреты на пересечение границ для людей и товаров, дозволено частное книгопечатание. В сферу публичного дискурса, на страницы журналов и в повестку заседаний ученых, вольных (а потом и тайных) обществ начали выноситься темы гражданских прав и свобод, конституции и «рабства» [12].

Воспользовалось ситуацией и профессиональное горное сообщество России, терявшее свое влияние на протяжении трех четвертей XVIII в. При учреждении министерств в сентябре 1802 г. «Берг-Коллегия со всеми ей подчиненными местами» и «Монетный Департамент со всеми зависящими от него делами» вошли в состав Министерства финансов [5, с. 2]. В октябре того же года недавний (до марта) главный начальник Канцелярии Главного заводов правления и монетных дел А. С. Ярцов подал на высочайшее имя записку «Начертание заводов Уральского хребта», содержащую «изображение краткой истории возвышения и упадка заводов» и проект реорганизации управления ими. В числе мер по оздоровлению ситуации предлагалось создавать горные города по образцу европейских. Под влиянием записки был учрежден Особенный комитет по вопросам реформирования горной части. Главным результатом его работы стал «Проект горного положения», поданный императору министром финансов А. И. Васильевым и высочайше утвержденный 13 июля 1806 г. Проект был принят в виде опыта до 1812 г., однако история распорядилась иначе, и его действие продлилось вплоть до издания «Свода учреждений и уставов Горного управления» 1832 г., во многом предопределив содержание «Уставов горных» 1842 и 1857 гг. [2, с. 51; 8, с. 53–56; 10, с. 91–94]. Главным автором этого документа стал начальник Пермских и Гороблагодатских заводов А. Ф. Дерябин [7, с. 64; 14, с. 222–224].

Не потерялась в «Проекте» и инициатива учреждения горных городов. Документ отчасти апеллировал к авторитету Петра I, но главным образом ссылался на опыт Европы, где в «вольных Горных городах» (*Bergstädte*) сформировался класс «горных людей» (*Bergleute*): «Несмотря на тягость работ, сопряженных со всегдашней опасностью жизни, данные сим городам права и преимущества столько привязали горных людей к их состоянию, что они его ... почитают первейшим состоянием, и нет более для них наказания, как быть исключену из состояния горных людей...» [3, с. 464].

«Права», «преимущества» и особенно «воля» составляли, по мнению авторов, суть отличий, объяснявших успех горных городов в Европе и неудачу их российского варианта в XVIII в.: «Производство

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII — первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия» (рук. Д. В. Тимофеев).

горных работ вольными людьми, а не из принуждения, людьми, гордящимися своим состоянием, и вообще упражнению сих людей в горных промыслах, следовательно, науках, как собственно горных, так и тех, кои сим служат вспомогательными, не только усовершенствовало горные работы, но и возвело на высшую степень совершенства умозрительную часть Горных Наук. ... Если бы с учреждения Горных городов в России ... Правительство непрерывно следовало сим началам, то, вероятно, многие заводы или, по крайней мере, многие работы были бы исправляемы уже вольными людьми. В учреждении горных городов сей предмет есть главнейший, и сия польза не только для заводов, но и для государства есть самая важная» [3, с. 464–465]. Показательно, что при переносе опыта на российскую почву проект смещал ценностные акценты: в Европе вольный труд способствовал развитию горных наук и промышленности, в России же горные города предлагалось учреждать ради утверждения вольного труда.

Несовместимость горных городов с крепостничеством декларировалась и далее: «Но как заводы частных людей населены большею частию крепостными их людьми, то ни имя, ни права Горных городов были бы несовместны с их положением, ни с правами собственности заводчиков. Однако ж, дабы не отнять у них средств сделать сии селения городами, если они найдут в том свои выгоды и найдут оным надлежащую свободу, то им предоставляется Горным Положением просить от Правительства означенных прав для Горного города. Сие положение послужит новым средством для приведения заводов в состояние исправлять свои работы вольными людьми, но не из принуждения» [3, с. 465]. Забегая вперед, отметим, что до конца крепостной эпохи никто из уральских горнозаводчиков не воспользовался предоставленной возможностью.

Соответствовала ли вольнолюбивая инициатива горных деятелей их собственным убеждениям или они руководствовались лишь желанием угодить либеральному монарху? Большинство горных деятелей происходило не из столбового или титулованного дворянства. Ярцов был сыном небогатого дворянина, Дерябин — попovichем [9; 13]. Еще один член Особенного комитета — управляющий Монетным департаментом Г. С. Качка был сыном австрийского штейгера [1]. Редко кто из этих дворян владел значительным числом крепостных душ. Аристократическим бенефициарам былой приватизации уральских горных заводов сложно было рассчитывать на их симпатию. Поддержавший «Проект» финансов-министр А. И. Васильев тоже происходил из незнатного чиновничества [11].

«Проект» предусматривал учреждение пяти горных городов по числу существовавших тогда на Урале казенных горнозаводских округов: Екатеринбург — для Екатеринбургского округа, Кушва — для Гороблагодатского, Богословск — для Богословского, Юговский завод — для Пермского и Ижевск — для Камско-Воткинского. 1 мая 1807 г. Екатеринбург официально стал горным городом [6, с. 91–92]. Вскоре монарх охладел к идее «вольных горных городов». Административные центры прочих казенных округов на Урале городского статуса не получили. Единственный же горный город России так и не стал оазисом вольного труда. На его предприятиях не было крепостных. Но и казенных мастеровых и непрременных (урочных) работников, чье положение было приравнено к статусу военнослужащих, также нельзя считать вольными людьми. Новые либеральные реформы Александра II стерли статус горного города как неудавшийся эскиз былых преобразований. В сентябре 1863 г. Екатеринбург был возвращен из горного ведомства в гражданское [4, с. 102].

Литература и источники

1. Бальзер А. Гавриил Симонович Качка // Горный журнал. 1846. Ч. 4. Кн. 12. С. 504–510.
2. Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896.
3. Высочайше утвержденный доклад Министра Финансов и проект Горного Положения // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 29: 1806–1807. С. 437–630.
4. Горловский М. А. Горный город Екатеринбург: 1807–1863. Свердловск, 1948.
5. Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I, 1802–1826 гг. СПб., 1888. Т. 1: 1802–1810 гг.

6. Корепанов Н. С. В провинциальном Екатеринбурге (1781–1831 гг.). Екатеринбург, 2003.
7. Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства в России 1700–1900 гг. СПб., 1900.
8. Манин В. А. Реформа горнозаводской промышленности Российской империи в начале XIX в.: особенности правового оформления и институционального обеспечения // Российская история. 2020. № 5. С. 45–58.
9. Маньковский Г. И. А. Ф. Дерябин о преобразовании горной промышленности России // Труды Института истории естествознания и техники. М., 1959. Т. 25. С. 44–83.
10. Неклюдов Е. Г. Региональное горное управление в России: институциональная динамика XIX — начала XX в. // Экономическая история: ежегодник. 2022. Т. 2021. С. 89–129.
11. Политковский Н. Биография графа Алексея Ивановича Васильева. СПб., 1827.
12. Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011.
13. Тулисов Е. С. А. С. Ярцов — главный начальник и директор Канцелярии Главного заводов правления и монетных дел (1797–1802) // II Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1999. С. 158–161.
14. Тулисов Е. С. Законодательные инициативы уральских горных начальников: к вопросу о создании Горного положения // IV Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2002. С. 221–225.

Vladimir A. Shkerin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg).

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

PROFESSIONAL MINING COMMUNITY AND PROJECT OF INSTITUTION OF RUSSIA MINING CITIES IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

This report considers the history of the partially implemented project of the establishment of “free mining towns” in Russia (in the Urals) in the first half of the 19th century. The representatives of the professional mining community came up with the initiative to establish such cities. The project was supported by the highest authorities, but Ekaterinburg turned out to be the only mining town in Russia.

Keywords: professional mining community, mining city Ekaterinburg, mining industry, liberal reforms of Alexander I

Шумкин Георгий Николаевич

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: shumk@mail.ru

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1904 г.

УДК 94(470.5)''1904'':911.6

Доклад посвящен проекту создания Екатеринбургской губернии в 1903–1904 гг. План по выделению новой губернии из состава Пермской губернии перерос в проект по изменению административно-территориального устройства Урала. Убийство министра внутренних дел В. К. Плеве остановило реализацию данного проекта.

Ключевые слова: Екатеринбургская губерния, Урал, районирование, гражданское управление

В декабре 1903 г. министр внутренних дел В. К. Плеве предложил пермскому губернатору А. П. Наумову рассмотреть возможность выделения восточных уездов Пермской губернии в отдельную губернию с центром в Екатеринбурге, обладавшим «выдающимся значением в крае, как в торговом и промышленном отношении (108 фабрик и заводов с производством на 4,5 млн), так и по численности населения (56 000)». Здесь размещались Уральское горное управление, епархиальное управление, окружной суд, контора государственного банка, шесть средних учебных заведений, метеорологическая обсерватория, а также «особый полицмейстер»¹.

Накануне нового 1904 г. для «осмотра на месте помещений, которые могли бы оказаться пригодными к обращению под присутственные места при образовании Екатеринбургской губернии», в Екатеринбург приехали вице-губернатор Б. П. Цехановецкий и губернский инженер Е. И. Артемов². В начале января 1904 г., обследовав несколько зданий, рекомендованных екатеринбургским городским головой И. К. Афиногеновым и полицмейстером М. Я. Корнейчик-Севастьяновым, они пришли к заключению, что «в Екатеринбурге легко можно было бы поместить все губернские учреждения проектируемой новой губернии»³.

Квартиру губернатора, его Канцелярию, Губернское воинское присутствие и Губернское по городским и земским делам присутствие можно было разместить в особняке Поклевского-Козелл на углу Покровского проспекта и Госпитальной улицы. Этот двухэтажный «богато отделанный» каменный дом имел 29 комнат, мезонин и дворовые службы. Однако при нем не было сада, и его двор был «тесноват», и для губернаторской квартиры он мог «оказаться неудобным» (под нее планировалось отвести весь второй этаж). Но в таком случае в нем могла бы свободно поместиться Казенная палата. Владельцы дома готовы были уступить его приблизительно за 100 тыс. рублей или сдать в аренду.

Идеальным местом для губернаторской квартиры была «хорошо и богато построенная» усадьба Железнова по Златоустовской улице с 13 жилыми комнатами, служебными помещениями, большим садом и двумя большими хозяйственными дворами с хорошо устроенными службами. Ее можно было приобрести за 60 тыс. рублей или взять в аренду за 3 тыс. рублей в год. Если же для квартиры губернатора выбирался дом Поклевского-Козелл, то Казенную палату, а также Губернское казначейство, можно было разместить в строившемся двухэтажном доме Жукова по Покровскому проспекту у Каменного моста. Цена дома составляла 60 тыс. рублей, а стоимость аренды — 3 тыс. рублей в год. Под Контрольную палату планировалось отвести каменный двухэтажный дом О. К. Козицина.

Остальные учреждения можно было разместить в двух двухэтажных каменных домах по Главному проспекту, принадлежавших сарапульскому купцу Д. Г. Ижболдину: в первом доме (38 комнат) — Губернское правление и Губернское присутствие; во втором (24 комнаты) — Акцизное управление. Эти здания не

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 4. Д. 515. Л. 1.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

продавались, но Ижболдин соглашался сдать их в аренду: первый дом за 5 тыс. рублей, второй — за 2,6 тыс. рублей, флигель за 2,5 тыс. рублей в год.

Б. П. Цехановецкий также осмотрел Харитоновский дом на Вознесенском проспекте, принадлежавший Обществу Кыштымских заводов, но находившийся в аренде у города и использовавшийся под служебное жилье. В этом «огромном, очень поместительном» особняке можно было легко разместить большую часть Губернских присутственных мест. Общество Кыштымских заводов готово было уступить его за 150 тыс. рублей, но дому при этом требовался капитальный ремонт стоимостью не менее 80 тыс. рублей.

«Таким образом, — резюмировал Цехановецкий, — в Екатеринбурге легко можно было бы поместить все губернские учреждения проектируемой новой губернии, не прибегая даже к покупке имеющихся и пригодных под помещение присутственных мест домов»⁴.

В рапорте министру Плеве от 26 февраля 1904 г. А. П. Наумов обосновал необходимость выделения Екатеринбургской губернии тем, что «в настоящее время управление Пермским краем представляет большие затруднения, что обусловливается громадностью его территории и высокой численностью населения, разнообразного притом по племенному составу и по экономическим и бытовым условиям жизни». По площади Пермская губерния (290 кв. верст) была третьей (после Архангельской и Вологодской) в Европейской России, а по численности населения (около 3,3 млн чел.) — одной из первых в стране. «Все это в общей совокупности вызывает массу дел по всем отраслям управления, а отсюда скопление их в губернских учреждениях и затруднительность в своевременном решении. С выделением из Пермской особой губернии указанные затруднения сами собою устранятся»⁵.

А. П. Наумов предложил оставить в Пермской губернии семь уездов — шесть по западному склону Урала — Пермский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Соликамский, Чердынский и один по восточному — Верхотурский; Екатеринбургской же губернии планировалось отдать пять уездов — Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский и Красноуфимский. Такое разграничение А. П. Наумов мотивировал тем, что зауральские уезды «гораздо богаче западных: там горная и металлургическая промышленность развита в более широких размерах, сельскохозяйственная — также. Образование Пермской губернии из одних западных уездов привело бы к диспропорции в ресурсах, оставление Верхотурского уезда в Пермской губернии его устраняло. Верхотурский уезд давал около 25 % чугуна, изготовлявшегося в Пермской губернии, 40 % стали, 55 % меди, 40 % добычи золота и 70 % платины»⁶. С Пермью Верхотурский уезд связывала железная дорога. После завершения строительства ветки Кушва — Верхотурье — Богословск, прорезавшей весь уезд от юга на север, «вопрос о расстоянии и сообщениях» должен был быть «окончательно разрешен». Площадь Пермской губернии должна была составить 207 160 кв. верст, а ее население 1,6 млн жителей.

К Екатеринбургской губернии, которой, согласно проекту, доставалась только ¼ территории Пермской губернии, А. П. Наумов предложил присоединить два северных уезда Оренбургской губернии — Челябинский и Троицкий. По его мнению, «такое предположение географически вполне целесообразно», поскольку эти уезды находились ближе к Екатеринбургу, чем к Оренбургу⁷. Присоединение Троицкого и Челябинского уездов к новой губернии открывало возможность организовать в них земства (в Оренбургской губернии земства появятся только в 1912–1913 гг.). А то, что треть Оренбургского казачьего войска должно было отойти в новую губернию, по мнению Плеве, «препятствий не представляло»: земли Астраханского казачьего войска тоже были разделены между несколькими губерниями⁸. По площади Екатеринбургская губерния должна была быть меньше Пермской — 132 338 кв. верст, а по населению больше — около 2 млн чел.

⁴ Там же. Л. 2об.–4.

⁵ Там же. 5–5об., 9.

⁶ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1902 г. СПб., 1905. С. 2–41, 198–211, 230–231, 314–321.

⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 107. Л. 5об.–6.

⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 515. Л. 2–2об.

Взамен Троицкого и Челябинского уездов Оренбургская губерния должна была получить территорию Тургайской области, за исключением Кайдаульской и Кызыл-Джингельской волостей, которые передавались Сыр-Дарьинской области. В результате Оренбургскую губернию составили бы семь уездов: Оренбургский, Орский и Верхнеуральский уезды собственно Оренбургской губернии, а также Актюбинский, Кустанайский, Иргизский и Тургайский уезды Тургайской области. Площадь губернии составила бы 469 862 кв. верст, население — 1,5 млн человек. На первый взгляд замена выглядела почти равноценной. В Челябинском и Троицком уездах проживало около 640 тыс. чел., в Тургайской области — около 450 тыс. чел.

Однако оренбургский губернатор Я. Ф. Барабаш выступил категорически против этого проекта. Замена богатых Челябинского и Троицкого уездов на Тургайскую область, населенную в основном кочевниками (около 85 %), была явно неравноценна. С передачей этих уездов Оренбургская губерния теряла 86% добычи золота, 40 % промышленности (5,6 из 13,9 млн рублей)⁹ лишалась задекларированной недвижимости на 35 млн рублей, что было очень важно, если бы в губернии создали земство. Кроме того, с присоединением Тургайской области усложнялось управление губернией, «население которой, по осуществлении проекта будет слагаться из крестьян, казаков, башкир и киргизов, управляемых на различных основаниях»¹⁰. Яков Федорович хорошо знал то, о чем писал: 10 лет он прослужил военным губернатором Тургайской области.

Итак, планы по выделению Екатеринбургской губернии из состава Пермской разрослись в проект по пересмотру административных границ на огромном пространстве от Северного Урала на севере до Аральского моря на юге. В случае его реализации было бы создано три примерно равные губернии. Однако оптимизация управления Средним Уралом и Южным Зауральем должна была осуществиться за счет ухудшения администрирования Оренбургским краем. Поэтому против данного проекта выступил оренбургский губернатор Я. Ф. Барабаш. В качестве контраргументов он привел те же доводы, которыми А. П. Наумов обосновывал необходимость выделения Екатеринбургской губернии — сложность управления и необходимость финансовой поддержки земства. Но 15 июля 1904 г. В. К. Плеве был убит, и продвигать идею создания Екатеринбургской губернии стало некому.

Georgy N. Shumkin

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: shumk@mail.ru

THE PROJECT OF CREATING THE EKATERINBURG PROVINCE IN 1904

The report is devoted to the project of creating the Ekaterinburg province in 1903–1904. The plan to separate the new province from the Perm province turned into a project to change the administrative-territorial structure of the Urals. The murder of Interior Minister V. K. Plehve stopped the implementation of this project.

Keywords: Ekaterinburg province, the Urals, zoning, civil administration

⁹ Ведомость о состоянии фабрично-заводской промышленности в 1902 г. // Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1904 г. Оренбург, 1903; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1902 г. СПб., 1905. С. 40–81.

¹⁰ РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 515. Л. 4об.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТОЛИЦЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Арестов Владимир Андреевич

главный археограф научно-исследовательского отдела, Государственный архив Пермского края
(г. Пермь)

E-mail: arestovvolodya@yandex.ru

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПЕРМСКОЙ ПЕТРОВСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЯРМАРКИ В 1924 г.

УДК 94(470.53)

В докладе на основе документов из фондов Государственного архива Пермского края рассматривается проведение первой советской Петровской ярмарки 1924 г. Особое внимание уделяется данным о сроках проведения Петровской ярмарки, денежных оборотах, сделан вывод о положительном влиянии указанного опыта на повседневную жизнь населения.

Ключевые слова: новая экономическая политика, торговля, Пермь, ярмарка, конкуренция

В начальный период НЭПа широкое развитие получила ярмарочная торговля, служившая показателем баланса торговых интересов и возможностей регионов. В условиях восстановления естественного продуктообмена, а также как фактор, стабилизирующий связи между регионами, они стали занимать заметные позиции. Эта традиционная для России форма торговли еще раз доказала свою жизнеспособность.

Однако прерванные в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» ярмарочные связи восстанавливались с большим трудом. За десятилетие, предшествовавшее НЭПу, в экономических взаимоотношениях многих районов произошли более или менее значительные изменения. Место прежних торговых связей заняли новые.

С осени 1923 г. Советское правительство начало проводить целую систему мероприятий, направленных на снижение цен на промышленные товары и поднятие на сельскохозяйственные товары. Свою роль в решении этих вопросов сыграли ярмарки, и, в частности, Петровская в Пермском округе.

В летний период в Перми оживленная торговля велась на Петровской ярмарке, открытой 9 июля 1924 г. и считающейся первой советской сельскохозяйственной ярмаркой¹. Петровская ярмарка 1924 г. проводилась под лозунгом смычки города и деревни. В Петровской ярмарке 1924 г. принимали участие 60 фирм², а в 1925 г. уже 158³. В 1925 г. увеличилось количество участвовавших в ярмарке частных лиц и кооперативов.

В дореволюционный период Петровская ярмарка имела важное значение и положительным образом влияла на товарооборот прилегающих к Перми районов и губерний. Она являлась связующим звеном с далеким Печерским краем, широко используя водный транспорт для заброски туда продовольствия, промышленных товаров, предметов охотничьего промысла и рыболовства.

На ярмарке в то время были представлены торговые фирмы, промышленные предприятия и кустари из Вятской, Ярославской, Владимирской, Казанской, Нижегородской и других губерний.

В положении о проведении Петровской ярмарки говорилось, что торгующие на ярмарке обязаны были принимать участие во всех расходах по ее организации, производившихся по усмотрению Ярмарочного

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 230. Л. 4.

² ГАПК. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 28. Л. 240.

³ Там же.

комитета. За организацией и ходом торговли на ярмарке следил Окружной отдел внутренней торговли, которым и был образован Ярмарочный комитет.

Торговавшие на ярмарке 1924 г. государственные и кооперативные учреждения, а также частные лица заняли 62 таких балагана. На ярмарке категорически воспрещалось производить скупку и продажу товаров и продуктов в постоянных дворах, гостиницах и меблированных комнатах и всякого вида азартные игры⁴. Что касается оборота Петровской ярмарки 1924 г., то он, судя по совокупной денежной продаже всех фирм, ставил сумму в 162 887 руб.⁵

Основной особенностью ярмарок советского периода было доминирование на них уральских контрагентов. Существенной особенностью Петровской ярмарки 1924 г., как и всех ярмарок раннесоветского периода, также стал кардинально изменившийся по сравнению с довоенным временем состав торговавших на ярмарке фирм и организаций⁶. При этом главными участниками Петровской ярмарки оказались государственные торговые предприятия. Затем шла кооперативная торговля. Частная торговля была на их фоне менее заметной, поскольку основной интерес покупателя был сосредоточен на фабрикантах государственной промышленности — текстильных изделиях, бакалейных товарах, сельскохозяйственных орудиях и т. п. Растущую силу государственной и кооперативной торговли напрямую отразили оптовые ярмарочные сделки, заключенные участниками Петровской ярмарки 1924 г.

Таким образом, следует отметить, что проведенная впервые после Первой мировой и Гражданской войн Петровская ярмарка 1924 г. не просто подтвердила свое значение. Ее обороты превысили довоенный уровень, тем самым продемонстрировав, что торговое предпринимательство вновь вошло в повседневную жизнь жителей Перми, хотя его «лицо» и претерпело довольно заметные изменения.

Vladimir A. Arestov

The State Archive of the Perm Region (Russia, Perm)

E-mail: arestovvolodya@yandex.ru

REVIVAL OF THE PERM PETROVSKY AGRICULTURAL FAIR IN 1924

The report based on documents from the funds of the State Archive of the Perm Region, examines the holding of the first Soviet Petrovsky Fair in 1924. Special attention is paid to statistical data on the timing of the Petrovsky Fair, monetary turnover, and a conclusion is made about the positive impact of this experience on the daily life of the city's population.

Keywords: New economic policy, trade, Perm, fair, competition

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ ГАПК. Ф. печ. изд. № 3772. Л. 11.

⁶ ГАПК. Ф. печ. изд. № 3772. Л. 13.

Арсентьев Виктор Михайлович

д.и.н., заведующий кафедрой, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

E-mail: vicars@bk.ru

Макушев Андрей Евгеньевич

к.э.н., ректор, Чувашский государственный сельскохозяйственный университет (г. Чебоксары)

E-mail: main@academy21.ru

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ «СТОЛИЦЫ» СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX —
НАЧАЛЕ XX в.: НОВЫЕ ЛОКАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ МЕТАЛЛУРГИИ, МЕТАЛЛООБРАБОТКИ
И МАШИНОСТРОЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

УДК 94(470.44)''18/19''

В докладе анализируются процессы структурных и территориальных изменений российской экономики в конце XIX — начале XX в. На примере Саратовской губернии исследуется появление новых локаций промышленного развития в области металлургии, металлообработки и машиностроения. Показано, что под влиянием процессов раннеиндустриальной модернизации происходят довольно существенные пространственные сдвиги в размещении производства.

Ключевые слова: индустриализация, металлургия, металлообработка, машиностроение, Среднее Поволжье, Саратовская губерния

Развернувшаяся в конце XIX — начале XX в. раннеиндустриальная модернизация задавала новые параметры промышленного развития, приводя к значительным структурным изменениям экономики. Существенным образом корректируется территориальное разделение труда, что порождало появление новых локаций индустриального развития. В частности, в указанный период мы наблюдаем довольно существенные пространственные сдвиги в металлообрабатывающей отрасли и машиностроении. Наряду с традиционными центрами, к которым мы относим Урал и Центр страны, появляются новые. К их числу можно отнести Среднее Поволжье, где в конце XIX — начале XX в. возникают крупные центры металлургии, металлообработки и машиностроения. Одним из таких центров стала Саратовская губерния, а важнейшими локациями промышленного развития являлись города Царицын и Саратов, где были построены крупные и передовые в техническом отношении заводы.

Одним из крупнейших предприятий региона являлся Царицынский сталелитейный завод в Саратовской губернии, основанный в 1898 г. [2, с. 100–101] по инициативе Урало-Волжского металлургического общества — транснациональной компании с широким участием иностранного капитала [8, с. 282]. Разработанный бизнес-план предприятия предполагал поставки каменного угля с Донбасса, нефти — с предприятий Бакинского нефтедобывающего района, чугуна — с Урала. Реализация готовой продукции (листовое железо и «сортовой» прокат) осуществлялась не только в Поволжье, но и в Средней Азии, и на Кубани. В 1908 г. в производстве было занято 2 188 рабочих, а годовая производительность в стоимостном выражении превышала 6 млн руб.¹

Столь успешная деятельность завода стала основанием для включения его в структуру Продамета, российского монополистического гиганта в области металлургии [7, с. 56, 71]. Основной капитал предприятия в 1913 г. составил более 9 млн руб., а его годовая производительность превысила 7 млн пудов на сумму 10,7 млн руб. С 1908 по 1913 гг. численность рабочих на Царицынском заводе увеличилась в 2,3 раза, достигнув 5 109 человек [4, с. 111].

Следует отметить, что важную роль в формировании новых индустриальных центров в Среднем Поволжье сыграл иностранный капитал. При этом наибольшую активность проявляли французские инвесторы. В 1895 г. парижские банкиры с участием Русского Торгово-промышленного банка учредили

¹ Список фабрик и заводов Российской Империи за 1908 г. СПб., 1912. Гр. VIII. С. 254.

Общество Волжского стального завода, располагавшегося близ г. Саратова [1, с. 265]. Первоначально даже планировали организовать добычу и плавку железной руды, месторождения которой были обнаружены в окрестностях Саратова². Однако история Волжского сталелитейного завода в Саратове сложилась не столь гладко, как Царицынского. Последствия экономического кризиса 1900–1903 гг., а также обнаружившаяся бедность железорудных месторождений привели к остановке производства в 1905 г.

Появление новых металлургических предприятий в регионе (прежде всего Царицынского сталелитейного завода), а также развитие транспортной инфраструктуры благоприятно повлияли на поволжский рынок металла, что, в свою очередь, послужило фундаментом для развития металлообработки и машиностроения в регионе. Это не только стало импульсом для развития уже существующих предприятий, но и стимулом для создания новых.

Так, открытие Царицынского сталелитейного завода вдохнуло «вторую жизнь» в деятельность предприятия «Сотрудник», принадлежавшего германскому подданному О. Э. Берингу. Если в 1888 г. его обороты составляли 79 000 руб., то в 1900 г. они достигли 453 500 руб. [5, с. 102, 158].

Царицынский металл использовал довольно крупный завод металлических изделий Торгового дома братьев Серебряковых в г. Царицыне [5, с. 157].

В 1898 г. усилиями крупного немецкого промышленника Ф. Б. Гантке основан гвоздильно-проволочный завод [9, с. 77].

Развитие пароходства на Волге послужило стимулом к созданию в приволжских саратовских городах судостроительных и судоремонтных предприятий. Например, построенный по инициативе товарищества братьев Нобель в г. Царицыне Саратовской губернии нефтеперерабатывающий завод бельгийской фирмы «Нобель» включал в себя слесарно-механические мастерские, где изготавливались паровые двигатели и котлы, корпуса для судов³.

Строительство пароходов только в Царицыне в конце XIX в. осуществляли судоремонтные заводы Зимана, «Гардиен и Валлос», «Товарищества Ахтубинского пароходства». Там же располагались мастерские по производству стальных барж «Строительной конторы Бари». Причем ее владелец, американский подданный А. В. Бари, владел также судостроительным заводом в г. Саратове [3, с. 70–71].

Довольно крупным в г. Саратове было предприятие товарищества на вере «Волжский чугунно-литейный и механический, котельный и судостроительный завод “Работник” инженера А. Л. Зандберг и компании»⁴.

Саратовская губерния была одним из крупнейших центров машиностроения в Поволжье, где производились сельскохозяйственные машины, насосы, стационарные паровые двигатели и локомобили, двигатели внутреннего сгорания и др. В числе наиболее успешных предприятий следует отметить машиностроительные заводы Р. К. Эрга, «Сотрудник», предприятие братьев Маминых. Кроме того, в Саратовской губернии действовал целый ряд небольших предприятий по производству сельскохозяйственных машин, большая часть которых принадлежала немцам [6, с. 254–255].

Крупные предприятия в области металлообработки и машиностроения в конце XIX — начале XX в. действовали и в ряде других губерний Среднего Поволжья, прежде всего в Самарской и Казанской [6, с. 252].

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что в конце XIX — начале XX в. в Среднем Поволжье возникли новые точки индустриального роста России. Ярким примером таких точек стали города Саратов и Царицын. Их индустриальный подъем стал отражением новых реалий промышленного развития, выразившихся в изменениях территориального разделения труда, структурной перестройке промышленной сферы, трансформации производственно-отраслевой специализации региональных

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 300. Л. 8.

³ Статистический сборник Министерства путей сообщения. Нобель. Царицын. Внутреннее судоходство в 1912–1914 гг. М., 1915.

⁴ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 323.

экономик, притоке иностранных капиталов, ускорении урбанизационных процессов, развитии транспортной инфраструктуры регионов (благодаря росту железнодорожного строительства и интенсификации паромного сообщения).

Литература и источники

1. Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967.
2. Водолагин М. А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М., 1968.
3. Воронова А. А. Промышленное предпринимательство в Саратовской губернии в конце XIX — начале XX в.: судостроение и судоремонт // Астраханские Петровские чтения: «Россия — Астрахань — Восток: интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской губернии)»: материалы Международной научной конференции, Астрахань, 26–28 октября 2017 года. Астрахань, 2018. С. 70–73.
4. Клейн Н. Л. Промышленность Среднего Поволжья в период капитализма // Исторические записки. М., 1981. Т. 106. С. 74–126.
5. Клейн Н. Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX — начале XX века. Саратов, 1981.
6. Макушев А. Е. Сельскохозяйственное машиностроение в Среднем Поволжье в конце XIX — начале XX в. // Экономическая история. 2019. Т. 15. № 3. С. 241–256.
7. Монополии в металлургической промышленности России, 1900–1917. М.; Л., 1963.
8. Назаров А. М. Участие иностранного капитала в развитии тяжелой промышленности Среднего Поволжья в конце XIX — начале XX в. // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3 (13). С. 282–284.
9. Щербаков И. В. Германские инвестиции и предприниматели в промышленности Юга России (70-е гг. XIX в. — 1914 г.) // Экономическая история: ежегодник. 2007. М., 2008. С. 59–117.

Viktor M. Arsentiev

Doctor of Historical Sciences, Mordovian State University N. P. Ogaryov (Russia, Saransk)

E-mail: vicars@bk.ru

Andrey E. Makushev

Candidate of Economic Sciences, Chuvash State Agricultural University (Russia, Cheboksary)

E-mail: main@academy21.ru

**REGIONAL “CAPITALS” OF THE MIDDLE VOLGA REGION
AT THE END OF THE 19th — BEGINNING OF THE 20th CENTURY:
NEW LOCATIONS OF THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA
(ON THE EXAMPLE OF METALLURGY, METALWORKING
AND MECHANICAL ENGINEERING OF THE SARATOV PROVINCE)**

The study analyzes the processes of structural and territorial changes in the Russian economy in the late 19th — early 20th century. On the example of the Saratov province, the emergence of new locations of industrial development in the field of metallurgy, metalworking and mechanical engineering is studied. It is shown that under the influence of the accelerated processes of early industrial modernization, quite significant spatial shifts in the location of production occur.

Keywords: industrialization, metallurgy, metalworking, mechanical engineering, Middle Volga region, Saratov province

Арсентьев Николай Михайлович

чл.-корр. РАН, д.и.н., директор института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

E-mail: director_isi@bk.ru

**РОССИЙСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ**

УДК 94 (47)

Одной из актуальных проблем истории промышленности России по-прежнему остается определение ее места в глобальном измерении индустриализации. В частности, в данном исследовании на примере истории металлургического производства анализируется вопрос о состоянии и об упущенных возможностях отечественного промышленного развития конца XVIII — первой половины XIX в.

Ключевые слова: промышленная революция, торговля железом с Англией, российская индустриализации, индустриальное общество, металлургическое производство России конца XVIII — первой половины XIX в., горные округа

Каждая историческая эпоха характеризуется существованием большого числа стран с разным уровнем социально-экономического развития и военно-политического и культурного влияния. Одни страны в чем-то вырываются на передний край прогресса, а другие, опираясь на собственные ресурсы, выстраивают собственную траекторию в соответствии с новыми вызовами истории. Попытки выделять центр, полупериферию и периферию, а также проводить размежевание на страны первого, второго, третьего эшелона модернизации или же воспроизводить другие разного рода иерархии уровня зависимости не отражают многообразия в развитии постоянно воспроизводящего себя многополярного мира. Результатом подобных манипуляций чаще всего становятся лишь нивелирование и схематизация исторических процессов в контексте той или иной теории. Возникшую, в том числе в России, в конце XVIII — первой половине XIX в. новую реальность, связанную с развитием промышленности и становлением индустриального общества, невозможно анализировать только в рамках отдельной страны, так как способы производства были взаимосвязаны и распространялись по всему миру. Движущие силы процесса индустриализации были разнообразными. Все страны пытались развивать промышленность, основываясь на собственных традициях экономического развития. Индустриальное общество изначально не было универсальной мировой системой, а состояло из разновидностей социально-экономических укладов, национальных конструкций экономик разных стран. Россия того времени также стала частью формирующихся индустриальных обществ.

Отечественное металлургическое производство велось на заводах: 1) Урала, 2) замосковных, 3) финляндских, 4) виленско-волинских и 5) Царства Польского. «Уральским заводам принадлежат 75 % всего чугуна, добываемого в России из руды, а из всего выделяемого у нас количества железа они же доставляют 86 %. Из остальных 14 % принадлежат 4/12 Замосковным заводам, 1/12 — Финляндии, а 7/12 — заводам западных губерний и Царства Польского» [2].

Как известно, Россия к концу XVIII в. стала великой европейской державой. Она быстро догнала в промышленном развитии многих соседей. Анализируя события тех лет, все исследователи подчеркивают чрезвычайно успешное развитие отечественной металлургической промышленности. В XVIII в. русская черная металлургия, опередив сначала Англию, а затем и Швецию, занимала по объему продукции первое место в мире. По мнению С. Г. Струмилина, изумительны были и темпы ее роста — за 100 лет в 66 раз. Для сравнения укажем, что за весь XIX в. выплавка чугуна в царской России выросла всего в 18 раз [4, с. 342–343]. По производству металла до конца столетия Россия удерживала лидирующее положение в мире. Затем шли Англия, Франция, Швеция, Австрия и США. В 1800 г. на ее долю приходилось 34,7 % их выработки, Великобритании — 33,3, Франции — 12,9, Швеции — 12,0 % [6, с. 83].

Внешняя торговля железом, которое производилось главным образом на Урале, в то время проходила преимущественно по морским границам. При этом вывоз железа осуществлялся в основном по Балтийскому морю, на долю которого приходилось не менее 81 % от всего объема экспорта металла, что дало повод ряду зарубежных исследователей (Крис Эван, Горан Райден) назвать XVIII в. веком российского железа, подразумевая при этом его решающую роль в развитии британской промышленности.

Ситуация во внешней торговле российским железом начала меняться в начале XIX в. К середине XIX в. экспорт отечественного металла стал мало заметен во внешней торговле Российской империи. На долю России приходилось уже всего около 5 %. По материалам Г. П. Неболсина, «на всех зарубежных рынках преобладает сбыт Английского и частью Шведского железа» [3]. Изменения в конъюнктуре внешнего рынка не были связаны с сокращением производства российской металлургической продукции. Потребление железа внутри страны даже выросло. Нельзя сказать, что в первой половине XIX в. отечественная металлургическая промышленность перестала развиваться. С 1801 по 1861 г. прирост выплавки чугуна составил 79 % [5, с. 374]. Однако в сравнении с другими странами, создавшими условия для индустриального рывка, прежде всего с Англией, отечественная металлургия значительно отставала.

В 1859 г. на долю России приходилось около 4 % (18 млн пуд.) от мировой плавки чугуна (460 млн пуд.). Годовая выплавка Англии в то же время составила 234 млн пуд., Франции — 53, Соединенных Штатов — 52, Пруссии — 24, Австрии — 20, Бельгии — 19 млн пуд. [5, с. 374]. В 1861 г. удельный вес России в мировой плавке упал до 3,9 %, а к 1880 г. снизился до 2,5 %. Если в конце XVIII в. годовым объемом российского железа на мировом рынке доходил до 3 млн пуд., то в 1850-е гг. он составлял только 747 тыс. пуд. [1].

В XVIII в. страна прирастала новыми землями, развивалась социально-экономически и культурно, а в мировом производстве черных металлов, ведущей отрасли экономики, определявшей место страны в мировом ВВП, даже лидировала. Россия смогла обеспечивать потребности Европы в дешевом и качественном металле, что ускорило становление там, прежде всего в Англии, индустриальных обществ. Однако к середине XIX столетия Россия в экономическом развитии оказалась промышленно зависимой от западных технологий, а ее международное положение заметно ухудшилось в связи с поражением в Крымской войне 1853–1856 гг.

Причины упущенных возможностей индустриализации России многообразны. Самодержавно-помещичье государство желало прежде всего сохранения существующих порядков, устоявшейся модели развития страны, ориентированной на поддержку помещичьего аграрного производства. Сложившиеся обстоятельства не способствовали развитию промышленности в целом и, в частности, отечественной металлургии. Здесь дело даже не в том, что отрасль совсем не соответствовала современным стандартам того времени. Техногенная среда отечественного металлургического производства, как неоднократно подчеркивали специалисты, была сравнима с европейской, но возникло немало факторов, приведших вначале к снижению конкурентоспособности российского металла, а затем и его вытеснению с внешнего рынка.

Во второй половине XVIII в. Россия была даже лидером индустриального развития, но ее успехи в этом направлении определялись прежде всего государственной поддержкой и системой феодально-крепостнических отношений. Модели эволюции аграрного общества в индустриальное многообразны, продолжительны по времени и не универсальны. «Промышленная революция» в современной историографии является лишь символом длительного процесса, подчеркивающего революционность перехода от аграрного общества к индустриальному. Россия, имея в последней трети XVIII в. мощный промышленный потенциал, в первой половине XIX столетия использовала его неэффективно. Создание индустриального общества растянулось на десятилетия, что объясняется прежде всего доминированием в изучаемое время аграрной экономики и самодержавно-помещичьей идеологии при формировании промышленной политики. Лишь поражение в Крымской войне выявило уязвимость России в соперничестве с индустриально-развитыми странами и активизировало процессы индустриального развития страны.

Литература и источники

1. Английская торговля железом // Коммерческая газета. 1856. № 50.
2. Гагемейстер Ю. О торговле железом в России // Коммерческая газета. 1856. № 146.
3. Неболсин Г. П. Статистическое обозрение внешней торговли. СПб., 1850.
4. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960.
5. Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1.
6. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898. Т. 1.

Nikolay M. Arsenyev

Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the RAS,
National Research Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk)
E-mail: director_isi@bk.ru

RUSSIAN METALLURGICAL INDUSTRY OF THE LATE 18th — FIRST HALF OF THE 19th CENTURIES IN THE GLOBAL DIMENSION OF INDUSTRIALIZATION

One of the urgent problems in the history of Russian industry is still the definition of its place in the global dimension of industrialization. In particular, in this study the author, using the example of the history of metallurgical production, has analyzed the issue of the position and missed opportunities of domestic industrial development at the end of the 18th — first half of the 19th century.

Keywords: Industrial revolution, iron trade with England, Russian industrialization, industrial society, metallurgical production in Russia at the end of the 18th — first half of the 19th century, mining districts

Артемов Евгений Тимофеевич

д.и.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

ПРОБЛЕМА «КОМПЛЕКСНОГО» РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В ГЕНЕРАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПЛАНЕ

УДК 94(47)“1951/1970”

В докладе представлен анализ проектировок развития восточных районов России «предварительного варианта» Генерального хозяйственного плана на 1951–1970 гг. Подчеркивается, что в плановый период намечалось заметное повышение их удельного веса в народном хозяйстве Советского Союза. Приоритетное внимание уделялось наращиванию производства базовыми отраслями промышленности. Вместе с тем, строились амбициозные планы комплексного развития региональной экономики. На практике эту задачу решить не удалось. Несмотря на все декларации, народное хозяйство восточной макрзоны России развивалось преимущественно по ресурсно-ориентированной формуле вплоть до окончания советской эпохи.

Ключевые слова: Генеральный хозяйственный план, восточные районы России, комплексное развитие региональной экономики

Идея органичного сочетания годовых, пятилетних и генеральных планов обсуждалась еще во второй половине 1920-х гг. Однако в реальности такую попытку предприняли только накануне Великой Отечественной войны, когда был подготовлен отправной вариант Генерального плана на 1943–1957 гг. Он предусматривал решение «поставленной товарищем Сталиным» задачи «перегнать главные капиталистические страны в производстве на душу населения чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства и потребления». Это рассматривалось как необходимое и достаточное условие «построения материально-технической базы коммунизма». Важная роль в выходе на запланированные рубежи отводилась «дальнейшему приближению промышленности к источникам сырья». Считалось, что «вовлечение в хозяйственный оборот» топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов восточных районов России будет способствовать повышению эффективности производства и обеспечит исключительно высокие темпы экономического роста. Поэтому в плановый период намечалось увеличить долю Урала, Сибири и Дальнего Востока в общесоюзном выпуске промышленной продукции в два раза (с 11,7 % до 24 %). Еще более впечатляюще выглядели показатели, устанавливаемые для отраслей специализации районов. Их удельный вес планировалось довести в добыче угля до 48–49 %, в производстве цемента — до 36–38 %, в выработке электроэнергии и производстве чугуна — до 34–35 %, в металлообработке — до 27–28 % [1, с. 160].

По понятным причинам — начало войны — завершение работы над Генпланом пришлось отложить. К нему вернулись, когда обозначились успехи в перестройке экономики на мирный лад. И уже к декабрю 1948 г. был подготовлен предварительный вариант Генплана, рассчитанного на 20 лет. Он, как и его довоенный аналог, должен был конкретизировать положения новой программы партии, программы «построения коммунистического общества». Поэтому по целевым установкам, методологии расчета плановых заданий они принципиально ничем не отличались. Имевшиеся различия в показателях объема производства, «совершенствования» его отраслевой и территориальной структуры объяснялись иными стартовыми условиями. В частности, учитывалось, что в годы войны удельный вес восточной макрзоны в общесоюзном выпуске промышленной продукции вырос почти в два раза в результате массовой эвакуации сюда промышленных предприятий из Европейской части страны. Поэтому по сравнению с предвоенным Генпланом намечались более «скромные» изменения в размещении производства. С 1951 по 1970 гг. доля восточных районов России в валовой продукции промышленности СССР должна была увеличиться с 24,3 % до 27,2 %. Их опережающего развития планировалось достичь за счет масштабных вложений в экономику макрзоны. Если в 1951–1955 гг. ее удельный вес в общесоюзном объеме

капитальных работ должен был составить 26,0 %, то в 1966–1970 гг. — уже 32,2 % (в ценах 1945 г.). Это было почти на треть больше, чем в предвоенные пятилетки, когда удалось добиться выдающегося «сдвига» производства на восток страны¹.

Согласно проектировкам Генплана, приоритет отдавался развитию отраслей специализации восточных районов. Для Урала и Западной Сибири это были электроэнергетика, горнодобывающая промышленность, черная и цветная металлургия. Особое внимание уделялось развитию машиностроения. Планировалось значительно расширить производство автомобилей, металлорежущих станков, металлургического, химического, дорожного, горно-обогатительного, электротехнического оборудования, вооружений и военной техники. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке намечалось ускоренными темпами развивать добычу полезных ископаемых, цветную металлургию и металлургию редких металлов, лесную и рыбную отрасли. Также планировалось возведение предприятий союзного значения по производству чугуна, стали, проката, отдельных видов тяжелого машиностроения. Исключительное значение придавалось строительству сверхмощных гидроэлектростанций в Ангаро-Енисейском регионе. Это должно было обеспечить его превращение в крупнейший центр электроемких производств (алюминия, магнезия, электроферросплавов и т. д.). При всей «четко выраженной специализации» восточных районов, намечалось «создание» в каждом из них отраслей, «удовлетворяющих потребности населения в продовольствии и предметах массового потребления». Иначе говоря, фактически признавалось, что «повышение производительности общественного труда» зависит от «приближения промышленности» как к источникам сырья, так и к «районам потребления». И это «объективное» требование стремились учесть в Генеральном плане. Аналогичная установка содержалась и в его предвоенном варианте. Но теперь она наполнялась конкретным содержанием за счет включения в число приоритетных объектов промышленного строительства предприятий, работающих на потребительский рынок. Одновременно ставилась задача создания более комфортных условий жизни в промышленных центрах. «Отдельной строкой» устанавливались задания по возведению жилья и «реконструкции» хозяйства крупных городов (к таковым на территории Урала, Западной Сибири, Дальнего Востока относили 12 городов из 64 в целом по Союзу). Правда, в них ограничивалось строительство новых промышленных предприятий. Однако все равно они рассматривались как «локомотивы комплексного развития» регионов².

Генеральный хозяйственный план не утвердили в качестве директивного документа. Главную роль в этом сыграли два обстоятельства. Во-первых, он создавался для конкретизации стратегии коммунистического строительства, которую предполагалось изложить в новой программе партии. Однако ее разработчики не смогли сформировать системное представление о том, каким должно быть новое общество. И работу над программой отложили. Поэтому задача доведения Генплана до готовности утратила политическую актуальность. Во-вторых, снизилась и его практическая значимость. Втягивание страны в «холодную войну» потребовало концентрации всех сил и средств на укреплении оборонных возможностей страны. И стало не до долгосрочных планов создания «материально-технической базы коммунизма», «совершенствования» отраслевой и территориальной структуры производства, «комплексного развития регионов» и т. д.

Правда, декларации о необходимости «опережающего» комплексного хозяйственного освоения восточной макрзоны России, к которой теперь относились только Сибирь и Дальний Восток, продолжали звучать вплоть до окончания советской эпохи. Однако на практике реализовывалась ресурсно-ориентированная модель регионального развития [2, с. 5, 6]. И только добыча и первичная переработка полезных ископаемых, электроэнергетика позволяли поддерживать темпы роста восточных районов на среднесоюзном уровне.

¹ См.: Приложение к проекту постановления о Генеральном хозяйственном плане // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1388. Л. 15, 16.

² Проект постановления о Генеральном хозяйственном плане // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 98. Д. 1387. Л. 342–426, 249–252, 356–360; Приложение к проекту... Л. 558–569.

Литература и источники

1. Артемов Е. Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2013. № 1. С. 151–166.
2. Кулешов В. В., Суслов В. И., Селиверстов В. Е. Стратегические установки долгосрочного развития Сибири // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 3–22.

Evgeny T. Artemov Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)**THE PROBLEM OF “INTEGRATED” DEVELOPMENT OF RUSSIA’S EASTERN REGIONS
IN THE GENERAL ECONOMIC PLAN**

The paper presents the analysis of the development of eastern regions of Russia according to the “preliminary version” of the General Economic Plan for 1951–1970. It is noted that in the planned period their specific weight in the national economy of the Soviet Union was considerably increased. Priority was given to the increase of production by the basic industries. At the same time, ambitious plans were made for the comprehensive development of the regional economy. In practice, this task could not be solved. Despite all declarations, the national economy of Russia’s eastern macro-zone had been developing mainly according to the resource-oriented formula until the end of the Soviet era.

Keywords: general economic plan, eastern regions of Russia, integrated development of the regional economy

Баканов Сергей Алексеевич

д.и.н., заведующий кафедрой, Челябинский государственный университет (г. Челябинск)

E-mail: bakanov-s@mail.ru

**СТОЛИЦА СТРАНЫ VS СТОЛИЦА РЕГИОНА:
СРАВНЕНИЕ БЮДЖЕТНЫХ ТРАЕКТОРИЙ МОСКВЫ И ЧЕЛЯБИНСКА В 1950–1980-е гг.**

УДК 94(470.55)''1950/1980'':336

В докладе производится сравнение динамики и структуры местных бюджетов столицы СССР Москвы и региональной столицы — города Челябинска. Исследование проведено на основе анализа документации финансовых отделов исполнительных комитетов, отложившейся в Центральном государственном архиве Москвы и Объединенном государственном архиве Челябинской области. Для анализа был использован метод баз данных. Исследование показало схожесть финансовой траектории двух городов.

Ключевые слова: городские финансы, городской бюджет, советская экономика, бюджетная политика, история финансов, столицы

Советская бюджетная система была построена на принципе централизма, в соответствии с которым местные бюджеты отдельных городов и регионов являлись частью единого государственного бюджета СССР. В советской юридической практике столицы регионов не выделялись в какую-либо отдельную категорию субъектов бюджетного права и являлись наряду с другими городами и районами структурными единицами бюджетной системы региона. В то же время столица СССР имела особый статус города республиканского подчинения, что позволяло Москве выступать в бюджетной системе СССР одновременно и как город, и как регион. По общему объему доходов столица превосходила большинство союзных республик. Так, в 1950 г. больше Москвы доходов имели только РСФСР, Украинская, Белорусская и Казахская ССР, а в 1989 г. меньше столицы имели доходов 7 союзных республик из 15. Однако, несмотря на разницу в масштабах денежных средств, аккумулируемых в бюджетах Москвы и других крупных городов, являвшихся региональными столицами, структура доходов и направления расходов их местных бюджетов были вполне сопоставимыми. В докладе траектория финансового развития Москвы 1950-х — 1980-х гг. сравнивается с динамикой бюджета города Челябинска — крупного регионального центра, ставшего в 1976 г. городом-миллионником.

Всего за четыре десятилетия доходы Москвы выросли в 11 раз: с 359,1 млн руб. в 1950 г. (в ценах 1961 г.) до 3 964,4 млн руб. к 1989 г. Средний темп прироста составлял около 7 % в год. Доходы бюджета Челябинска в то же время увеличились в 18,6 раза: с 18,5 млн руб. в 1950 г. (в ценах 1961 г.) до 344,3 млн руб. в 1989 г., возрастая в среднем на 8 % в год. Разница в темпах объясняется эффектом от политики сдерживания роста столичного мегаполиса.

В пересчете на душу населения, рост доходов столицы оказался несколько скромнее — в 5,6 раза. Если в 1950 г. на одного жителя столицы в бюджете города приходилось около 80 руб. (в ценах 1961 г.), то в 1959 г. — 162 руб., в 1970 г. — 200 руб., в 1979 г. — 306 руб., в 1989 г. — 450 руб. В бюджете Челябинска на одного человека в 1956 г. приходилось около 43 руб. (в ценах 1961 г.). К 1973 г. эта сумма возросла до 118 руб., а к 1989 г. достигла цифры в 302 руб. В целом рост доходов городских бюджетов Москвы и Челябинска был пропорционален росту численности населения этих городов, но столица страны имела заметное преимущество перед столицей региона из-за большей диверсификации экономики города.

Примечательно, что в рассматриваемый период оба города пережили схожую эволюцию источников своих финансовых поступлений. В начале 1950-х гг. их бюджеты в значительной мере наполнялись местными источниками доходов. Отчисления от государственных налогов покрывали только 23 % расходов Москвы и 34 % расходов Челябинска. Заметную роль в доходах бюджетов играли местные налоги и сборы (налог со строений, земельная рента, разовый сбор на рынках, сбор с владельцев транспортных

средств, сбор с владельцев скота и др.). В городскую казну Челябинска они приносили от 14 % до 29 % общей суммы городских доходов. Для Москвы вклад местных налогов и сборов составлял 10 %. Однако уже во второй половине 1950-х гг. ситуация начала меняться. Основной рост городских доходов с того момента оказался связан не с развитием местных источников доходов, а с увеличением отчислений от государственных налогов, которые в порядке бюджетного регулирования передавались из союзного в нижестоящие бюджеты.

В итоге, к концу 1980-х гг. московский городской бюджет оказался полностью зависимым от доходов, регулируемых вышестоящими органами. Собственные доходы города росли очень медленно, а вклад отдельных отраслей городского хозяйства неуклонно сокращался. Например, предприятия торговли в 1959 г. приносили 19 % всех доходов московского бюджета, а к 1989 г. — только 9,8 %, вклад предприятий ЖКХ в то же время сократился с 14 до 11 %, предприятий автомобильного транспорта — с 6 до 2 %. Фактически более чем на 90 % московский бюджет наполнялся за счет отчислений контингентов от государственных налогов и отчислений из прибыли государственных предприятий. Аналогичный процесс наблюдался и в Челябинске, где местные источники доходов также стагнировали, а доходы городской казны к концу 1980-х гг. на 82 % зависели от контингентов государственных налогов, передаваемых в местный бюджет в порядке регулирования.

В структуре расходов городских бюджетов наряду с поступательным ростом расходов на социально-культурные мероприятия стоит выделить рост значения расходов на содержание городского жилищно-коммунального хозяйства. Так, в Москве эти расходы увеличились в 13,3 раза с 142 млн руб. в 1951 г. до 1,9 млрд руб. к 1989 г., что составило 53 % всех расходов столичного бюджета. В Челябинске основной объем бюджетных расходов также приходился на содержание системы жилищно-коммунального хозяйства. Расходы по этой статье выросли за рассматриваемый период почти в 50 раз с 1,7 млн руб. в 1950 г. (в ценах 1961 г.) до 85,9 млн руб. к 1989 г. Они составляли 90 % всех расходов на народное хозяйство города или 25 % от всех городских расходов.

В условиях советской системы хозяйствования гипертрофированные расходы на ЖКХ не покрывались полностью доходами от данной сферы и требовали увеличения поступлений из вышестоящих бюджетов, что делало крупные города зависимыми от таких поступлений. Такой подход к бюджетной политике и местным финансам заведомо делал города дотационными, и пусть до реальных дефицитов бюджета дело доходило не часто, зависимость от внешних источников доходов становилась одним из важнейших факторов, сдерживавших городское развитие.

Sergey A. Bakanov

Doctor of Historical Sciences, Chelyabinsk State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: bakanov-s@mail.ru

**THE CAPITAL OF THE COUNTRY VS. THE CAPITAL OF THE REGION:
A COMPARISON OF THE BUDGET TRAJECTORIES OF MOSCOW AND CHELYABINSK
IN THE 1950S–1980S**

The paper compares the dynamics and structure of local budgets of the capital of the USSR, Moscow, and the regional capital, the city of Chelyabinsk. The study is carried out on the basis of an analysis of the documentation of the financial departments of the executive committees deposited in the Central State Archive of Moscow and the United State Archive of the Chelyabinsk Region. The database method was used for the analysis. The study showed the similarity of the financial trajectory of the two cities.

Keywords: city finance, city budget, Soviet economy, budget policy, history of finance, capitals

Бессолицын Александр Алексеевич

д.э.н., профессор, в.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)

E-mail: A_Bessolitsyn@mail.ru

СЪЕЗДЫ ГОРНОПРОМЫШЛЕННИКОВ УРАЛА И ИХ ВКЛАД В ПОДГОТОВКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ДЛЯ ОТРАСЛИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

УДК 94(470.5)''18/19''

Важную роль в экономической модернизации России играли отраслевые съезды предпринимателей, возникшие в конце XIX — начале XX в. Помимо решения производственных вопросов, значительное внимание в своей деятельности они уделяли развитию профессионального образования. Автором предпринята попытка проанализировать деятельность съездов горнопромышленников Урала, собиравшихся в Екатеринбурге, в решении проблемы подготовки кадров для горнозаводской отрасли.

Ключевые слова: горнозаводская промышленность, отраслевые съезды предпринимателей, промышленное образование, профессиональные кадры

В 1870–1880-е гг. в России в основном завершается промышленный переворот (так называемая паровая революция), нашедший отражение в промышленном подъеме 1890-х гг., который, в свою очередь, перерос в индустриализацию. Отличительной особенностью индустриализации России стало то, что в результате государственного регулирования отрасли тяжелой промышленности развивались быстрее, чем легкой. Это происходило вследствие необходимости форсирования железнодорожного строительства и создания современной военной промышленности, которая требовала огромного количества продукции металлургии и машиностроения. На рубеже веков страна вступает в масштабную экономическую модернизацию, что потребовало привлечения в промышленность высококвалифицированных кадров, имеющих специальную подготовку. Причем это касалось не только высшего инженерного, но также низшего и среднего специального образования. В условиях разворачивающейся модернизации повышенное внимание правительство уделяло развитию прежде всего промышленного образования.

Необходимость «насаждения» промышленного образования впервые была зафиксирована в 1888 г. в плане Министерства народного просвещения, однако, в реальном выполнении этого плана до начала 1890-х гг. практически ничего сделано не было. Поэтому решение данного вопроса включается в Программу экономического развития империи, разработанную в период министерства С. Ю. Витте. В нее, в частности, был включен вопрос об учреждении новых типов учебных заведений в соответствии с требованиями промышленности [2, с 101–102]. В результате в ведение Министерства финансов перешли как уже существовавшие коммерческие учебные заведения, так и право учреждать новые коммерческие училища.

Помимо министерства финансов это право получили общественно-профессиональные организации предпринимателей, которые также начали учреждаться в 1870–1880-х гг. Наибольшую активность в этом плане развернули отраслевые съезды предпринимателей, возникшие в условиях модернизации экономики и представлявшие интересы практически всех отраслей производства. Испытывая острый недостаток в кадрах, именно эти организации объективно были заинтересованы в создании системы профессионального образования, нацеленного на подготовку кадров разного уровня.

Ведущими организациями этого типа явились съезды, сформированные в добывающих отраслях экономики и обеспечивавшие промышленность необходимым сырьем. На Урале такой организацией являлись Съезды горнопромышленников, представлявшие интересы горнозаводчиков и собиравшиеся начиная с 1880 г. сначала в Екатеринбурге, а с 1914 г. — в Петрограде.

Создание подобных съездов было обусловлено рядом причин, в основе которых лежало стремление кардинально улучшить прежде всего экономическое положение уральской горнозаводской промышленности. Всего за период с 1880 по 1918 г. состоялось 26 съездов горнопромышленников Урала. Более подробно

деятельность этой общественно-профессиональной организации предпринимателей рассмотрена в публикациях автора [1; 2]. В докладе основное внимание будет уделено деятельности съездов Уральских горнопромышленников в решении проблемы подготовки кадров для горнодобывающей промышленности.

Уже на Первом съезде, состоявшемся в ноябре 1880 г., наряду с другими вопросами был поднят вопрос о подготовке специалистов для горной промышленности. При этом в качестве одной из основных проблем отрасли был назван недостаток специалистов со средним техническим образованием [4, с. 21–23]. Затем данный вопрос поднимается практически на каждом съезде. Предметом обсуждения становится проблема организации горнотехнических школ и горных училищ, а также создания в Екатеринбурге Горного института, который должен был завершить систему подготовки технических специалистов для промышленных предприятий региона.

Главным препятствием в решении этого вопроса оставалось финансирование специальных учебных заведений. Именно отсутствие регулярного финансирования являлось сдерживающим фактором открытия новых технических школ. Всего к концу XIX в. на Урале работали четыре технических училища, готовившие специалистов для отрасли. Это были Красноуфимское промышленное, Воткинское механико-техническое (при Воткинском заводе), Златоустовское механико-техническое и Горнозаводское при Пермском Алексеевском реальном училище. Из них прямое отношение к горной промышленности Урала имело только последнее, организованное по типу средних учебных заведений горнозаводской специальности. При поддержке съезда в 1911 г. педагогическим советом училища было возбуждено ходатайство о его преобразовании в Пермское среднее горнозаводско-техническое училище с приготовительным классом [6, с. 384–389]. Хотя это ходатайство в принципе было поддержано в Министерстве народного просвещения, принятие окончательного решения по созданию такого училища было, однако, отложено. Причина заключалась в наличии финансовых проблем и нежелании съездов взять на себя их решение.

Именно отсутствие регулярного финансирования являлось главным препятствием к открытию в регионе новых технических школ. Хотя эти вопросы ставились на съездах, — например, на пятом съезде (1896 г.) было обращено внимание на крайнюю недостаточность количества горнотехнических школ на Урале вообще и почти полное отсутствие низших профессиональных школ, которые готовили бы работников для отрасли [5, с. 90–91], — но вплоть до начала Первой мировой войны эти вопросы не находили своего решения.

Только на XX съезде, состоявшемся в марте 1915 г., эти проблемы стали обсуждаться в практическом плане. Съезд пришел к выводу, что имеющиеся на Урале технические училища не в полной мере обслуживают интересы горной промышленности и ни по количеству, ни по постановке образования не удовлетворяют потребности подготовки как средних, так и в особенности низших техников. В резолюции съезда подчеркивалось, что «...из существующих низших технических училищ ждут скорейшего перечисления в разряд средних Нижнетагильское и Турьинское, а также требуется обособление Горнозаводского Отделения от Алексеевского реального училища. При каждом из названных училищ должен быть открыт приготовительный класс. Только в этом случае количество выпускаемых средних техников может быть приведено в соответствие с потребностями развивающейся промышленностью Урала» [6, с. 400–402, 416–417].

Результатом обсуждения вопроса «О постановке технического образования на Урале» явились поручения, данные Совету съезда:

- 1) возбудить перед министром торговли и промышленности ходатайство о созыве на Урале Съезда деятелей по техническому образованию, при участии представителей промышленности, земств и городов Уральского края, для выработки типов и сети средних и низших технических школ на Урале, с тем, чтобы для обеспечения производительности работ Съезда ему предшествовала анкета, программа которой должна быть выработана организационным Комитетом съезда;

- 2) ходатайствовать о преобразовании Горнозаводского Отделения при Пермском Алексеевском реальном училище в самостоятельное среднее техническое училище, с открытием при нем приготовительного

класса и с передачей из Министерства народного просвещения в ведение Министерства торговли и промышленности;

3) ходатайствовать о преобразовании Нижнетагильского и Турьинского низших технических училищ в средние технические училища;

4) ходатайствовать об увеличении до максимума приема учеников в Уральское горное училище и о скорейшем утверждении выработанных преподавательским персоналом его новых программ этого училища [6, с. 113–115].

Анализ этих поручений позволяет сделать вывод о том, что проблема подготовки кадров низшего и среднего звена для отрасли стояла достаточно остро, однако, как видно из перечня ходатайств, с которыми должен был выступить Совет, решение этой проблемы в значительной мере зависело от позиции государственных и местных органов управления. Что касается определения конкретных типов специальных учебных заведений, которые следовало бы признать более целесообразными для Урала и где их открытие представлялось бы более удобным, то решение этого вопроса горнопромышленники хотели полностью переложить на плечи Съезда деятелей по техническому образованию, а также земств и городов Уральского края.

Литература и источники

1. Бессолицын А. А. Государство и съезды предпринимателей в России (вторая половина XIX — начало XX в.). М.; СПб., 2020.

2. Бессолицын А. А. Съезды горнопромышленников Юга России и Урала: вклад в решение проблемы повышения качества человеческого капитала на рубеже XIX–XX вв. // Социально-экономическая история Урала XVIII–XX вв.: проблемы и решения: сборник научных статей и материалов памяти Е. Ю. Рукосуева. Екатеринбург, 2021. С. 80–91.

3. Представление С. Ю. Витте в Государственный Совет «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур» от 30 октября 1893 г. // Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. М., 2006. Т. 4. Кн. 1. С. 47–135.

4. Труды Первого съезда Уральских горнопромышленников. Екатеринбург, 1881.

5. Труды XIX Съезда горнопромышленников Урала с 25-го по 28-е февраля 1914 г. в г. Екатеринбурге / Совет съездов горнопромышленников Урала. СПб., 1914.

6. Труды XX Съезда горнопромышленников Урала с 27 февраля по 3 марта 1915 г. в г. Екатеринбурге / Совет Съездов горнопромышленников Урала. Пг., 1915.

Alexander A. Bessolitsyn

Doctor of Economic Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: A_Bessolitsyn@mail.ru

CONGRESSES OF MINING INDUSTRIALS OF URAL AND THEIR CONTRIBUTION INTO THE PREPARATION OF PROFESSIONAL STAFF FOR THE INDUSTRY (END OF 19th — BEGINNING OF THE 20th CENTURY)

Branch congresses of entrepreneurs appeared at the end of 19th — beginning of the 20th century played an important role in the economic modernization of Russia. Apart from solving industrial issues they paid significant attention to the development of professional education during their activity. The author takes an attempt to analyze the activity of the mining industrials congresses of Ural who gathered in Ekaterinburg in solving the problems of staff training for the mining industry.

Keywords: mining industry, branch congresses of entrepreneurs, industrial education, professional staff

Богатырев Эдуард Дмитриевич

д.и.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

E-mail: edbog@mail.ru

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ КАЗЕННОЙ ПОТАШНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ НА РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОРДОВСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

УДК 94(470.345)''17''

В докладе рассматривается проблема влияния развития казенного поташного производства на ресурсный потенциал мордовского края в первой половине XVIII в. Основными ресурсами региона являлись леса, дававшие возможность населению заниматься различными промыслами; гидросистема и трудовые ресурсы. Развитие поташного производства привело к сокращению лесов и разорению приписных к поташным заводам крестьян.

Ключевые слова: поташная промышленность, ресурсный потенциал, мордовский край, XVIII в.

В конце XVII в. на территории мордовского края стало быстро развиваться поташное производство. Одним из первых частных и самым крупным организатором производства поташа стал боярин Б. И. Морозов. После его смерти принадлежавшие ему поташные предприятия — будные станы (гарты) — были отписаны в казну и стали ядром складывающейся казенной поташной промышленности. Поскольку российский поташ производился в подавляющей массе на экспорт, правительство, стремясь снизить конкуренцию на внешнем рынке со стороны частных предпринимателей, ввело монополию сначала на торговлю поташом, а потом — и на его производство [2, с. 28, 29].

Анализ процесса производства поташа показывает, что для его организации в сколько-нибудь крупных масштабах необходимо наличие ряда условий. Во-первых, так как для производства поташа требуется очень большое количество золы определенных пород широколиственных деревьев (по справке из Коммерц-коллегии, предоставленной в 1770 г. академику П. С. Палласу, для изготовления одного пуда поташа необходимо израсходовать четверть золы, на практике же ее приходилось тратить даже больше), то это само собой подразумевает наличие в достаточной близости от места производства огромных массивов подходящих лесов. Во-вторых, неподалеку должно иметься определенное количество дубовых и липовых лесов для изготовления клепочных дров (на производство десяти пудов поташа расходовалось более сажени только дубовых дров)¹. В-третьих, наличие достаточных массивов требуемых лесов само по себе еще недостаточно для организации поташного производства, так как требуется переработать древесину в золу и клепку и доставить их на будные майданы. Поэтому в регионе обязательно должно быть достаточно рабочей силы, причем такой, которую можно было бы свободно задействовать.

Кроме того, изготовление поташа требовало нахождения поблизости от места производства источников воды. Наличие достаточно крупных рек было крайне желательным для организации доставки готового поташа к местам продажи.

Всем этим условиям удовлетворяла территория мордовского края [3, с. 83–85]. Здесь по соседству с обширными лесами находились степные районы с достаточно плодородными почвами, пригодные под распашку. Поэтому после ликвидации Казанского ханства произошло резкое увеличение населения края: по мнению А. А. Герасимовой, «население мордовских бортничьих деревень за четверть века, протекшее между двумя дозорами (то есть 1588 и 1614 гг.), увеличилось, по крайней мере, в три раза» [5, с. 245]. Все это решало проблему рабочих рук, необходимых для организации производства поташа.

Наличие обширных лесных массивов способствовало развитию целого ряда промыслов, игравших значительную роль в хозяйстве мордовского населения. Ведущую роль среди них играло бортничество. О значительном развитии бортничества у мордвы свидетельствуют книги мордовских бортных ухажав

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1091. Оп. 2. Д. 125. Л. 5об.

Алатырского уезда за 1624 г. Из 1 200 дворов в уезде 714 занимались бортничеством, что составляло порядка 60 % хозяйств мордвы. Для отдельных хозяйств бортничество было одной из крупных статей доходов [6, с. 78]. Также большое распространение получили промыслы, связанные с деревообработкой — изготовление ушатов, кадок, ведер, бочек, колес, лодок и т. д.

Крупномасштабное производство поташа в первой половине XVIII в. на территории мордовского края привело к массовой вырубке лесов под нажигание золы и рубку клепочных дров. Так, для изготовления одной четверти золы, по оценкам командира поташной конторы Д. Ладыгина, сжигалось 100 квадратных сажень леса². Исходя из того, что в 1736–1740 гг. в год расходовалось в среднем около 88 тыс. четвертей золы, то на ее нажигание должно было вырубаться не менее 35 квадратных верст леса (квадратная верста содержит 250 000 квадратных сажень).

В результате сокращения лесов окрестное население теряло возможность заниматься привычной промысловой деятельностью, что подрывало стабильность хозяйства.

Стремление максимально увеличить объем производимого поташа в 1730-х гг. привело к значительному усилению эксплуатации дворцовых крестьян, приписанных к поташным заводам. Положение приписных крестьян, а следовательно, и возможность исполнения ими установленных поташной конторой обязанностей по поставке припасов и уплате подушного налога усугублялось злоупотреблениями администрации. Разоряющиеся крестьяне уже не могли в полном объеме выплачивать положенный на них подушный оклад, в результате чего очень быстро росла числящаяся на них недоимка. Крестьяне оказались не в состоянии выполнять возложенные на них обязанности, что ставило под вопрос возможность функционирования казенных поташных предприятий уже в ближайшем будущем [4, с. 290, 292].

Производство поташа сопровождалось обмелением и заиливанием находившихся на заводах водоемов. Можно предположить, что в местах концентрации поташных майданов вследствие вырубки лесов происходило обмеление рек. Правда, документальных подтверждений этому пока нет. Впрочем, конечно, серьезного влияния на гидросистему мордовского края поташная промышленность все-таки не оказала.

Таким образом, стремление максимально увеличить производство поташа потребовало предельного напряжения всех сил поташной конторы, которое сопровождалось истощением как лесных, так и людских ресурсов [1, с. 48], снижая ресурсный потенциал мордовского края.

Литература и источники

1. Богатырев Э. Д. Деятельность российского правительства в конкурентной борьбе на внешнем рынке в первой половине XVIII века (на примере экспорта казенного поташа) // *Экономическая история*. 2013. № 3 (22). С. 45–51.
2. Богатырев Э. Д. Казенная поташная промышленность России в условиях модернизационных процессов первой половины XVIII века: основные тенденции развития // *Экономическая история*. 2010. № 4 (11). С. 27–36.
3. Богатырев Э. Д. Экспортоориентированная казенная промышленность России во второй половине XVII — XVIII веках. Саранск, 2010.
4. Богатырев Э. Д. Экспортоориентированная казенная промышленность России во второй половине XVII — XVIII веках: дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2010.
5. Гераклитов, А. А. Дозоры Нижегородской мордвы 96 и 122 гг. // *Известия Нижне-Волжского института краеведения*. Саратов, 1929. Т. 3.
6. Очерки истории Мордовской АССР: в. 2 т. Саранск, 1955. Т. 1.

² РГАДА. Ф. 276. Оп. 1, ч. 1. Д. 1125. Л. 10.

Eduard D. Bogatyrev

Doctor of Historical Sciences, National Research Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk)

E-mail: edbog@mail.ru

**INFLUENCE OF THE DEVELOPMENT OF THE STONE FAMILY INDUSTRY RUSSIA
ON RESOURCE POTENTIAL OF MORDOVSK REGION
IN THE FIRST HALF OF THE 18th CENTURY**

The report considers the problem of the influence of the development of state-owned potash production on the resource potential of the Mordovian Territory in the first half of the 18th century. The main resources of the region were forests, which enabled the population to engage in various fisheries; hydraulic system and labor. The development of potash production led to the reduction of forests and the ruin of peasants ascribed to potash plants.

Keywords: potash industry, resource potential, Mordovian region, 18th century

Водичев Евгений Григорьевич

д.и.н., профессор, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск);
профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск)
E-mail: vodichev@mail.ru

**НАУКА, ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ: «СТОЛИЦА СИБИРИ»
В КОЛЬЦЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ ВРЕМЕНИ**

УДК 94(571.14)''1950/2020'':711-1

В докладе рассматривается роль науки, технологий и инноваций как факторов развития Новосибирска с 1950-х гг. до настоящего времени. Охарактеризован научно-технический вектор в развитии города после формирования крупнейшего научного центра — Академгородка, а также показана противоречивость попыток его «перезапуска» для актуализации инновационных траекторий в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: Новосибирск, Академгородок, наука, инновации

Новосибирск — крупнейший город на востоке России, третий по численности населения, и административный центр Сибирского федерального округа, в прошлом — один из мировых лидеров по темпам роста. Однако нынешние претензии Новосибирска на глобальный статус и даже на «региональную столичность» многим экспертам представляются не вполне обоснованными, а темпы развития во многом потеряны. Многие эксперты полагают, что амбиции Новосибирска опираются на «прошлые заслуги», когда в советскую эпоху образ города связывался с достижениями в области научно-технического прогресса (НТП).

Цель доклада — установление релевантности развития города в период после окончания Второй мировой войны «вызовам времени». Отметим также, что при этом не стоит преувеличивать субъектность Новосибирска: в условиях существовавшей (и сохраняющейся и поныне) конфигурации власти право города на формирование и проведение в жизнь собственных стратегий всегда было ограниченным не только на уровне Центра, но и региона. В рамках политики «регион для страны» город фактически оказывался функцией от властных интенций Центра.

К середине 1950-х гг. Новосибирск считался одним из крупнейших промышленных центров СССР, и эта производственная траектория казалась незыблемой. Но 1950-е гг. дали мощный импульс формированию научно-технического вектора городского развития. К тому времени реализовался потенциал расположенных в городе отраслевых научно-исследовательских учреждений военно-промышленного комплекса (НИУ ВПК). В Новосибирске сложился пул наукоемких и технологически продвинутых предприятий, относившихся к «оборонному» сектору промышленности — Новосибирский завод химконцентратов (НЗКХ), Приборостроительный завод, Авиаавиазавод им. В. П. Чкалова, Новосибирский завод полупроводниковых приборов и др., — в то время как до этого здесь вообще не было предприятий электротехнической, радиотехнической и электронной промышленности [3, с. 53]. Олицетворяя собой производства четвертого технологического уклада, они формировали комплекс перспективных направлений технико-технологического развития. Быстро развивались вузы различного профиля, в том числе и готовившие специалистов для НИУ и предприятий ВПК.

Но, несомненно, главным фактором определившегося научно-технического вектора развития Новосибирска стало решение о создании Сибирского отделения АН СССР (ныне СО РАН) и строительство крупнейшего российского наукограда, административно включенного в состав Новосибирска — академгородка. Новосибирск вошел в число ведущих научных центров, став, по некоторым оценкам, вторым после Москвы по своему потенциалу. Взаимоотношения между локальным сообществом Академгородка и руководством научного центра, с одной стороны, и городскими и областными властями, с другой, не всегда складывались гладко. Благодаря паблисити и открытости нового исследовательского комплекса

уже спустя несколько лет Академгородок в интеллектуальной среде явно затмил Новосибирск. Все последующие годы Новосибирск активно эксплуатировал фактор Академгородка и позиционировал себя не только и не столько как индустриальный город, сколько как центр науки, обеспечивающей глобальную роль города как «интеллектуальной столицы». Вокруг «Новой Атлантиды» сразу же возникло огромное количество мифов, и это тоже стало показателем растущего статуса и роли Академгородка и Новосибирска в интеллектуальном пространстве страны и мира [1].

Благодаря Академгородку и появившимся позднее другим наукоградом, формально не входящим в структуру города, но тесно взаимодействующим с ним (Краснообск и Кольцово), траектория развития Новосибирска как одного из крупнейших в СССР центров научно-технического и технико-технологического прогресса доминировала вплоть до распада страны. С наукой, однако, все обстояло лучше, чем с технологиями. Прогресс в сфере науки был очевиден для общественности из-за развитой системы международных коммуникаций Академгородка, хотя, конечно, прикладные исследования в «оборонном» секторе оставались «за кадром». Но с технологиями и технологическим трансфертом в гражданскую экономику, полигоном для которого зачастую становились производственные предприятия Новосибирска, возникали постоянные проблемы. Их пытались решать с двух сторон. В Академгородке были предприняты усилия по формированию «пояса внедрения» из НИУ и КБ двойного подчинения или иных институциональных площадок (например, мощного центра аэрокосмических исследований), которые могли бы вывести Новосибирск на лидирующие позиции не только в науке, но и в сфере технологий. Но эти усилия по разным причинам оказались провальными. На предприятиях повсеместно пытались решить «проблему внедрения достижений НТП в производство» посредством административных методов, моральных стимулов и структурных преобразований, но тоже без особого успеха. И в науке, и на производстве возникало все больше понимания, что дело не в организационном или личностном факторе, а в самой экономической модели. Впрочем, попытки решения этой проблемы на основе использования потенциала «технологических лидеров» не прекращались вплоть до распада СССР в рамках целого ряда программ и стратегий (Программа Сибирь, Комплексная программа развития научно-технического прогресса и др.). В большинстве своем они были связаны с СО АН СССР и, соответственно, с Новосибирском.

Распад СССР и осмысление новых реалий на фоне глобальных трендов постиндустриального развития привели к актуализации цели смены научно-технического вектора развития на инновационно-технологический. При гармонизации с национальными стратегиями в Новосибирске вновь была сделана попытка опереться на возможности высокотехнологичных предприятий и научного комплекса СО РАН, а также ведущих университетов города. Возникло понимание необходимости формирования регионального сегмента инновационной экосистемы как совокупности взаимосвязанных институтов, производящих, хранящих и передающих знания, навыки и продукты, используемые при разработке новых технологий. Но при этом акценты расставлялись, главным образом, на капитализации прежнего опыта и сохранившегося научно-технического потенциала, дополняемого лишь некоторыми другими звеньями как, например, возникший в Академгородке технопарк («Академпарк»). Однако, во-первых, гармонизации разноректорных интересов отдельных субъектов так и не произошло. Во-вторых, недостаточно учитывался тот факт, что при формировании платформы технологического уклада, призванного стать драйвером экономики страны в условиях постиндустриального развития, акценты должны расставляться не столько на генерировании отдельных технологий, сколько на высокотехнологичных продуктах, имеющих не только материальную, но и нематериальную, информационную составляющую, относящуюся к технологии их эксплуатации [4, с. 115–116]. Эту задачу весьма успешно удавалось решать, например, в Кремниевой долине в США, но она даже не ставилась перед научным комплексом Академгородка. И в-третьих, в условиях постоянных кризисов и необходимости справляться с сонмом рутинных проблем в реальном секторе экономике по-прежнему сохраняется крайне осторожное отношение к использованию инноваций.

В настоящее время в Новосибирске активно обсуждается инновационная стратегия, получившая название Академгородок 2.0 и ориентированная на создание условий для прорывных фундаментальных исследований с использованием установок класса «мегасайенс», развитие научной, социальной и инженерной инфраструктуры для научной деятельности и высокотехнологичного бизнеса. Как справедливо отмечается, «перспективной целью проекта видится появление научно-технологической экосистемы, связывающей науку, образование и высокотехнологичный бизнес. Однако в ближайшем горизонте ожиданий проектантов остается инфраструктура и ее кластеры: научно-производственные, жилые, транспортные и иные. Основные дискуссии нередко разворачиваются вокруг их уместности и целесообразности» [2, с. 108]. К тому же, как видится, варианты реализации проекта также во многом рассчитаны на применение мобилизационных методов из прошлой эпохи лишь с поправкой на время, которые не только не оправданы, но и невозможны даже с учетом недавно определившихся трендов социального развития. Это ставит под вопрос не только перспективы возникновения «Сибирской тайги» как российского *alter ego* Кремниевой долины, но и саму релевантность траектории развития Новосибирска на основе инновационно-технологического сценария.

На протяжении десятилетий траектории развития города удачно сочетались с «вызовами времени», и это «созвучие эпохам» стало основным фактором формирования прогрессивного имиджа Новосибирска и обуславливало его быстрое развитие. В послевоенные годы ключевую роль в этом сыграло создание Академгородка. В постсоветский период возникла потребность в существенной корректировке советского наследия в области науки, технологии и инноваций на новых институциональных основаниях, чего в полной мере до сих пор сделать не удалось. В итоге город ныне рассматривается, скорее, как логистический и транспортный узел, чем как центр перспективных инноваций и лидер новых технологических укладов, многое потеряв по сравнению с предшествующей эпохой.

Литература и источники

1. Водичев Е. Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу» или мифы и реалии Сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая: мифы // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1. № 1 (35). С. 9–23.
2. Ерохина Е. А. Есть ли будущее у кремниевой тайги? Перспективы и риски проекта «Академгородок 2.0» // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 3. С. 106–118.
3. Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005.
4. Федоров В. С. Академгородок и Стэнфорд: наука и производство в инновационных экосистемах 50-х — 70-х гг. XX века // Философия науки. 2017. № 1 (72). С. 114–130.

Evgeny G. Vodichev

Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State Technical University;
National Research Tomsk State University (Russia, Novosibirsk; Tomsk)
E-mail: vodichev@mail.ru

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION: “THE CAPITAL OF SIBERIA” IN THE RING OF THE STRATEGIC CHALLENGES OF THE TIME

The role of science, technology and innovation as factors of the strategic development of Novosibirsk since the 1950s until now is considered in this paper. Science and technology vector of the urban development capitalised after formation of the scientific centre of Akademgorodok in the structure of Novosibirsk, as well as inconsistency of modern attempts to “restart” it in order to enforce innovative trajectories are characterised.

Keywords: Novosibirsk, Akademgorodok, science, innovation

Гижевский Борис Александрович

к.физ.-мат.н., с.н.с., Институт физики металлов им. М. Н. Михеева УрО РАН (г. Екатеринбург)
e-mail: gizhevskii@imp.uran.ru

Наумов Сергей Владимирович

к.физ.-мат.н., с.н.с., Институт физики металлов им. М. Н. Михеева УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: naumov@imp.uran.ru

Ильичев Денис Владимирович

м.н.с., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)
E-mail: d.v.ilichev@urfu.ru

«МЕДНОЕ ДЕЛО» НА УРАЛЕ В XVIII–XIX ВВ.¹

УДК 903.05; 669.141.3

В докладе приводятся результаты исследования металла уральской медной монеты и утвари XVIII–XIX вв., начало производству которых было положено в Екатеринбурге. Установлены составы сплавов и металловедческие характеристики ряда уральских изделий. Показаны возможности археометалловедческих исследований для атрибуции исторических артефактов на основе медных сплавов.

Ключевые слова: уральская утварь, медь, сплавы, химический состав

Медь — стратегический материал для государства. В исторической перспективе медь и сплавы на ее основе необходимы в военном производстве, для чеканки монет, а также для изготовления бытовой и церковной утвари. В начале XVIII в. после открытия в Предуралье и на Урале крупных месторождений медных руд начался быстрый рост производства медной продукции для удовлетворения потребностей государства, а также бытовых нужд. В то же время развивалась железоделательная промышленность на основе доменного производства. Эти проблемы широко освещены в трудах уральских исследователей [1; 3; 6]. Однако вопросы качества меди и сплавов, металловедческие характеристики продукции разных производителей и в разные периоды времени остались при этом в тени. Доклад посвящен исследованию химического элементного и фазового состава российских медных монет и предметов бытового назначения, изготовленных на территории современной Свердловской области и Пермского края, в том числе в Екатеринбурге, в XVIII–XIX вв. Работа относится к междисциплинарным исследованиям.

Исследованы некоторые монеты, представленные в Музее архитектуры и дизайна УрГАХУ, и предметы медной утвари из собраний фонда по поддержке и сохранению искусства и культуры «МОМАРТФОНД» (Екатеринбург). В целях сохранности артефактов элементный состав исследовался без изъятия проб с помощью рентгенофлуоресцентных спектрометров, фазовый состав определялся посредством рентгенофазового анализа. Монеты, как правило, чеканились из наиболее качественной меди, поэтому чистота металла медных монет характеризует уровень развития медеплавильной промышленности. На Урале чеканка медных денежных знаков (квадратных плат) началась в 1725 г. на Платном дворе (позднее — Екатеринбургский монетный двор). Измерения показали высокую чистоту металла монет: 99 % и выше на всем протяжении производства вплоть до закрытия монетного двора в 1876 г. (табл. 1). Такая чистота меди свидетельствует о высоком уровне развития уральской медной промышленности, а присутствие различных по составу и концентрации микропримесей указывает на разные источники поступления меди.

Прочерк в ячейках таблиц означает, что элемент не обнаружен или показания прибора сравнимы с погрешностью измерения. Почти все монеты покрыты коррозионным слоем. Как показывают наши эксперименты, такой слой не оказывает влияние на определение чистоты меди методом рентгенофлуоресцентного анализа, если в нем присутствуют только окислы меди. Сторонние загрязнения поверхности (кремний, фосфор) занижают чистоту основного металла.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Спин», № 122021000036-3.

Таблица 1

Химический состав медных монет XVIII–XIX вв., мас. %

Образец	Cu	Cr	Si	P	Ni	As	Nb	Ag	Sn
Полушка 1731 г.	99,4	0,05	—	—	0,04	0,066	0,05	0,14	—
Денга 1731 г.	98,9	0,04	—	0,014	0,08	0,36	0,05	0,12	—
Денга 1750 г.	89,4	—	2,38	6,82	0,11	—	—	—	0,16
2 копейки 1800 г.	99,3	—	—	—	0,08	—	—	—	—
2 к. 1815 г.	99,5	0,05	—	—	0,07	—	0,05	—	—
Денежка									
1858 г.	98,9	0,04	—	0,35	0,37	—	0,05	—	—
3 коп. 1868 г.	99,6	0,05	—	—	0,04	—	0,04	—	—

В 1727 г. Екатериной I был издан указ о прекращении чеканки медных плат на казенном Екатеринбургском заводе и переходе к производству заготовок для монет и выпуску хозяйственной и церковной утвари. С этой целью были присланы медных дел мастера, в частности, Степан Миронов. Он имел личное клеймо МСМ [2]. Этот период следует считать началом широкого изготовления медной утвари на Урале. Медное дело было прибыльным и быстро распространилось на партикулярные заводы. Наиболее известными производителями медной утвари были крупные заводчики (Демидовы, Турчанинов, Осокин), предприятия которых находились в регионе современных Свердловской области и Пермского края. В составе коллекции «МОМАРТФОНДА» — шкатулки, посуда, предметы бытового назначения. Основной целью исследования являлось определение химического состава материала изделий (медь, латунь, бронза), выяснение особенностей металла различных производителей и в разные периоды времени. Составы металлов некоторых изделий представлены в табл. 2.

Таблица 2

Химический состав изделий «медной» коллекции «МОМАРТФОНДА», мас. %

Образец, завод	Клеймо мастера, год	Cu	Zn	Fe	Co	Pb	Ni	Cd	Sn	Сплав
Шкатулка 1 SIBIR корпус	МВ? 1763	72,1	27,8	0,03	0,03	—	—	—	—	латунь
Шкатулка 1 дно		99,9		0,03	0,03	—	—	—	—	медь
Кувшин SIBIR тулово	1762	73,7	24,2	0,21	0,02	0,38	—	—	—	латунь
Кувшин дно		94,2		0,24	0,03	—	0,30	—	5,2	бронза
Шкатулка 2 ЗПО		73,1	25,9	0,32	0,04	0,30	0,09	0,25	—	латунь
Ковшик ТСАТ	176?	99,7	—	0,06	—	0,16	—	—	—	медь
Форма для выпечки		65,5	33,8	0,10	—	0,44	—	0,14	—	латунь
Весовой набор, 24 золотника	1883	68	25	0,88	—	1,15	0,04	—	3,75	латунь
Весовой набор, 12 золотник	1883	54	35	1,1	—	3,8	2,19	—	3,5	латунь

Интересными с точки зрения технологии и художественного облика были шкатулки. Демидовские изделия имели клеймо «SIBIR», а также год изготовления и клеймо мастера. На предметах заводов А. Турчанинова и П. Осокина стояли клейма ТСАТ и ЗПО. Основной материал изделий — латунь (сплав меди и цинка). Некоторые изделия имели корпус из латуни, а дно из бронзы (сплав меди и олова) или меди (см. табл. 2). Состав латуни большинства предметов XVIII в. близок к соотношению меди к цинку 70:30. Это связано с пределом растворимости цинковых руд в меди при плавке на открытом воздухе. «Классическая» латунь 70:30 имеет более высокую прочность по сравнению с чистой медью и в то же время сохраняет пластичность. Состав латуни некоторых предметов (форма для выпечки, весовой набор) отличается от классического меньшим содержанием меди и более высокой концентрацией цинка. Учитывая различное содержание микроэлементов в этих предметах в сравнении с демидовскими изделиями, можно предположить, что они изготовлены на разных заводах и, вероятно, в разное время. Ковшик изготовлен из чистой меди, стакан из свинцовистой бронзы, состав которой не имеет близких аналогов среди современных марок бронзы.

Отметим весовой набор. Он содержит пять разновесов от 2 до 48 золотников, состав латуни каждого из них отличен от других. Содержание меди колеблется от 54,2 до 68,85 %. Более того, в некоторых из них отмечено высокое содержание железа и никеля — до 1–2,2 %. Эти гири проявляют сильный магнетизм — притягиваются к магниту. Это, по-видимому, связано с несовершенной технологией, использованием разных слитков. Рентгенофазовый анализ показывает, что латунь в ряде случаев состоит из двух структурных составляющих с разными параметрами кристаллической решетки, что связано с особенностями технологии. Поверхность всех «медных» предметов покрыта тонким коррозионным слоем (патиной), состоящим преимущественно из закиси меди Cu_2O .

Расцвет медного дела на Урале приходится на середину XVIII в. [5; 4]. В XIX в. изготовление художественных изделий на крупных заводах практически прекращается. Мелкие производители переходят к производству утилитарных хозяйственных вещей. В то же время происходит быстрый рост производства чугунного литья широкого назначения, поскольку чугун, железо значительно дешевле меди. Здесь мы не касаемся производства самоваров, которое, возникнув на Урале, получило самое широкое распространение в XIX в. Не рассматривается также изготовление церковной утвари. Можно утверждать, что импульс развитию медного дела на Урале дали крупные казенные и частные заводы, в первую очередь Екатеринбургский казенный завод. Говорить о народном творчестве в первые годы производства медной утвари не приходится. Археометалловедческий подход с использованием переносных рентгенофлуоресцентных спектрометров и рентгенофазового анализа дает полезную информацию о материале изделий и способствует их атрибуции.

Литература и источники

1. Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. *Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней*. М., 2008.
2. Корепанов Н. С., Рукосуев Е. Ю. *Клейма уральских заводов XVIII–XIX вв.* Екатеринбург, 2004.
3. Курлаев Е. А., Корепанов Н. С., Побережников И. В. *Технико-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв.* Екатеринбург, 2011.
4. Петрова Л.А. «Медный век» России. *Художественная медь Урала 1730–1770*. Каталог-определитель. М., 2004.
5. Пудов Г. А. *Уральская бытовая утварь и посуда XVIII века*. Екатеринбург, 2021.
6. Фирсов В. Я., Мартынова В. Н. *Медь Урала*. Екатеринбург, 1995.

Boris A. Gizhevskii

Candidate of Physics and Mathematics Sciences,
M. N. Mikheev Institute of Metal Physics, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
e-mail: gizhevskii@imp.uran.ru

Sergey V. Naumov

Candidate of Physics and Mathematics Sciences,
M. N. Mikheev Institute of Metal Physics, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: naumov@imp.uran.ru

Denis V. Ilichev

Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: d.v.ilichev@urfu.ru

“COPPER WORK” IN THE URALS IN THE 18–19th CENTURIES

The report presents the results of a study of the metal of the Ural copper coins and utensils of the 18–19th centuries, the production of which began in Ekaterinburg. The alloy compositions and metallurgical characteristics of a number of Ural products have been established. The possibilities of archaeometallogical studies for the attribution of historical artifacts based on copper alloys are shown.

Keywords: Ural utensils, copper, alloys, chemical composition

Керов Валерий Всеволодович

д.и.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

E-mail: vvkerov@gmail.com

**ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

УДК 94(47)''1905/1907''

Доклад посвящен земельному вопросу в старообрядчестве в период революции 1905–1907 гг. Требования крестьян-старообрядцев, составлявших большую часть староверов, включали принудительное отчуждение казенных, монастырских и неиспользуемых помещичьих земель за «справедливый» выкуп ниже рыночной цены. Позиция крестьян-староверов была левее октябристов и правее социалистов.

Ключевые слова: аграрная история, земельный вопрос, крестьянство, старообрядчество, Первая российская революция

Общим местом современной историко-экономической литературы стал тезис об особом месте старообрядцев в экономическом развитии России. В обширной историографии экономической истории старой веры в основном присутствует история старообрядческих предпринимателей, в то время как почти 90 % староверов составляли крестьяне [2, с. 16]. Соответственно, только включив в анализ крестьянские старообрядческие массы, мы сможем с полным правом говорить о хозяйственной истории старой веры.

Сами старообрядцы ясно осознавали значение крестьян в староверии. Председатель нижегородской старообрядческой общины, городской голова Д. В. Сироткин справедливо отметил, что «главствующий наш класс — крестьянство»¹. Председатель Всероссийских старообрядческих съездов Древлеправославной христианской церкви (ныне — РПСЦ), политический лидер сообщества П. П. Рябушинский заявил, что необходимо «сделать все, чтобы русское крестьянство с его материальными нуждами стояло высоко»².

В связи с этим одним из наиболее важных для староверов был земельный вопрос. Уже в период Первой российской революции сами старообрядцы прямо указывали на то, что «самым насущным и живейшим вопросом должен считаться вопрос крестьянский — земельный»³. Он стал предметом обсуждения на II чрезвычайном съезде старообрядцев в Москве в январе 1906 г.⁴ В старообрядческих источниках политического характера в марте–октябре 1917 г. этот вопрос был третьим по числу упоминаний после проблемы государственного устройства и отношения к войне. Однако аграрный вопрос в истории старообрядчества практически не имеет историографии и лишь упоминается в отдельных статьях [см.: 1].

Экономическая структура старообрядческого крестьянства несколько отличалась от таковой для паствы синодальной церкви. По данным анкетирования 100 тыс. дворов крестьян-старообрядцев 1909 г., они «в общем являются экономически более обеспеченным элементом деревни». В Европейской России лошадей на 100 душ мужского населения у староверов было в 1,64 раз больше (31,4 против 19,2 в целом по региону)⁵. Земли на хозяйство (включая сенокосы и выгоны) — в 2 раза больше, чем у крестьян других вероисповеданий за счет земли купчей (в 5 раз больше — 5,4 дес. на двор против 1,1 дес.) и взятой в аренду. Безземельные и малоземельные (до 5 дес. на двор) крестьяне-старообрядцы составляли всего 14 % против 34,6 %⁶ в среднем по региону⁷.

¹ Слово Церкви. 1917. № 24. С. 448.

² Отдел рукописей Российского государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 260. К. 2. Д. 20. Л. 19.

³ Голос старообрядца. 1906. 19 янв.

⁴ Труды Седьмого Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2–5 августа 1906 г. и 2-го чрезвычайного съезда старообрядцев в Москве 2–3 января 1906 г. Нижний Новгород, 1906. С. 182.

⁵ Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 года). М., 1910. С. 111.

⁶ На 1905 г. см.: [3, с. 151].

⁷ Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев... С. 202–205.

Свою позицию крестьяне-старобрядцы проявили уже в 1905 г. Некоторая часть старообрядческого крестьянства приняла участие в наиболее активном протестном движении. Это заставило одного из наиболее либеральных старообрядческих начетчиков Ф. Е. Мельникова осудить такие явления, как «захват помещичьих имений, порубка лесов, сожжение усадеб». Начетчик при этом попытался оправдать единоверцев и вообще крестьян, объяснив, что на это их толкнули «или страшная нужда — голод и холод или пришлые подстрекатели, которые возбудили крестьян заведомо ложными толками о земле или обещанием золотых гор»⁸. Однако речь все же шла о небольшой доле аграриев-старобрядцев: не только сами старообрядцы, но и сочувствовавшие им политические деятели признавали, что, когда в России «горели усадьбы, рубились леса, ... все это производилось православным населением [паствой синодальной церкви]. Руки старообрядцев... делу пожаров и разрушения не прилагались»⁹.

В то же время острота земельной проблемы заставила съезды старообрядцев обратить на нее свое внимание. На II чрезвычайном съезде старообрядцев в январе 1906 г. советом съезда было предложено для обсуждения положение о наделении малоземельных и безземельных крестьян землей путем правильного отчуждения и оценки земли, об обучении крестьян сельскохозяйственным знаниям, о доступном приобретении земледельческих орудий и закреплении земли за крестьянами, «без уплаты выкупных сумм посредством круговой поруки». Вопрос вызвал настолько острые и «продолжительные прения», что «в виду разноречивых мнений председатель предложил избрать комиссию из присутствующих на собрании крестьян, чтобы детально обсудить этот важный пункт и представить следующему заседанию съезда на рассмотрение и утверждение»¹⁰.

Уже через месяц собрался съезд крестьян-старобрядцев, названный самими староверами «подлинно крестьянским»¹¹: в нем участвовали 350 представителей из 43 губерний и областей. Съезд принял резолюции, где главным было требование принудительно «отчуждать земли казенные, удельные, мещанские, купеческие, монастырские, церковные и [!] крупновладельческие... пахотные, луговые и лесовые», прежде всего «неиспользуемые владельцами». За отчужденную частновладельческую землю должна была взиматься плата «справедливая, умеренная и необременительная для крестьян», а «оценочная комиссия» должна была наполовину состоять из «крестьян данной местности». Выплаты следовало проводить под государственным контролем, не через банк, а «на счет государства»¹².

Для старообрядцев большое значение имела аренда, они использовали ее больше, чем остальные мелкие земледельцы¹³. На съезде 1905 г. старообрядцы-аграрии приняли решение о том, что максимальная «цена аренды устанавливается комиссией с участием половины местных крестьян», причем «крупная аренда» — свыше 30 дес. — «нежелательна»¹⁴.

Крестьян старообрядцев волновала не только проблема земли, но и другие аспекты аграрного вопроса. Они приняли резолюцию о местном самоуправлении, признав, что «желательно, чтобы были всесословная волость и всесословный суд», а институт «земских начальников... упразднить». В земскую управу необходимо избирать по два крестьянина от каждой волости, и без их участия «никакие бы постановления в управе не определялись»¹⁵.

В целом, по справедливой оценке С. П. Мельгунова, старообрядческий съезд «своими радикальными постановлениями отделился демаркационной линией от всех, так называемых умеренно-прогрессивных, то есть правых политических партий», в том числе от партии Союз 17 октября [3, с. 32].

⁸ Голос старообрядца. 1906. 19 янв.

⁹ Церковь. 1910. № 44. С. 1087.

¹⁰ Труды Седьмого Всероссийского съезда... С. 182.

¹¹ Голос старообрядца. 1906. 29 янв.

¹² Материалы по вопросам земельному и крестьянскому. Всероссийский съезд крестьян-старобрядцев в Москве. 22–25 февраля 1906 года. М., 1906. С. 74–75; Старобрядец. Ежемесячный журнал (Нижний Новгород). 1906. № 3. С. 359–360.

¹³ Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев... С. 203.

¹⁴ Материалы по вопросам земельному и крестьянскому... С. 86.

¹⁵ Там же. С. 88.

Отличались требования крестьян-староверов и от аграрной программы радикальных социалистических партий. Несмотря на крепость старообрядческого корпоративного сознания, земля, по мнению крестьян-староверов, должна была быть «их неотъемлемой собственностью»¹⁶.

После окончания революции старообрядцы сохраняли интерес к земельному вопросу, но, полностью поддерживая столыпинскую аграрную реформу, уже не проявляли такой активности. Лишь в 1917 г. они возобновили свое участие в аграрном движении [см.: 1].

Литература и источники

1. Керов В. В. Земля трудящемуся народу: аграрный вопрос в политической программе старообрядцев в 1917 г. // *Quaestio Rossica*. 2019. № 4. С. 1243-1258.
2. Кириллов И. А. Статистика старообрядчества. М., 1913.
3. Мельгунов С. [П.] Аграрный вопрос на старообрядческом съезде // *Старообрядчество и освободительное движение*. М., 1906.
4. Рубакин Н. А. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. СПб., 1912. 216 с.
5. Шестаков А. Всероссийский крестьянский союз // *Историк-марксист*. 1927. № 5. С. 94–123.

Valeriy V. Kerov

Doctor of Historical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)
E-mail: vvkerov@gmail.com

LAND ISSUE IN OLD BELIEVE DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

The paper deals with the land question in the Old Believers during the First Russian Revolution. The demands of the Old Believer peasants, who made up most of the Old Believers, included the forced alienation of state, monastery and unused landowner lands for a “fair” ransom below the market price. The position of the Old Believers peasants was to the left of the Octobrists and to the right of the socialists.

Keywords: agrarian history, land issue, peasantry, Old Believers, First Russian Revolution

---

¹⁶ Материалы по вопросам земельному и крестьянскому... С. 75. Для сравнения: Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза потребовал отмены частной собственности на землю, ее перехода во всенародную собственность и ее передачи в пользование тем, «кто будет обрабатывать ее силами своей семьи, без наемного труда». Ноябрьский 1905 г. съезд ВКС призвал крестьян отказаться от покупки и аренды помещичьей земли [см.: 5].

Килин Алексей Павлович

д.и.н., профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)

E-mail: alexey.kilin@urfu.ru

«ЕКАТЕРИНБУРГ — ТОРГОВЫЙ»: СВЕРДЛОВСКИЕ ЯРМАРКИ 1925–1929 гг.

УДК 94(470.5)“1925/1929”

На различных этапах истории преобладали различные специфические функции Екатеринбурга: стратегическая, производственная или сервисная. В 1923–1934 гг. город был столицей Уральской области, не только административным, но и экономическим ядром региона. Товарно-денежные отношения периода НЭПа возродили традиционные формы торгово-посреднической деятельности, в том числе и ярмарочную торговлю. В 1925–1929 гг. было проведено пять Свердловских ярмарок, которые в условиях раннесоветского общества можно рассматривать как ретроинновации.

Ключевые слова: Свердловск, НЭП, ярмарка, многоукладность, внешнеэкономическая деятельность, внутренняя торговля

Восемь жизней Екатеринбурга

Развитие города Екатеринбурга происходило циклично, и в разные периоды его отличали такие функции, как: стратегическая (фронтирная), производственная (промышленная, индустриальная), сервисная (торговля, образование, культура). При этом менялась и идентичность города (как человека) [4], он проживал несколько жизней [2].

Полагаем, что периодизацию истории Екатеринбурга можно представить в следующем виде:

1723–1780: город-завод, город-крепость;

1781–1861: горный город;

1862–1917: торгово-промышленный центр;

1918–1928: пространство политических битв, многоукладной экономики, столица «Уральской области»;

1929–1940: очаг индустриализации;

1941–1945: военно-промышленный центр, тыл армии и трудовой фронт;

1946–1990: индустриальный центр, очаг НТР и форпост освоения Сибири;

1991–2023: город-сервис, логистический центр, мегаполис.

Два периода в истории Екатеринбурга, конец XIX — начало XX в. и 1920-е гг. сближает факт доминирования сервисной, торговой функции.

Единство в многообразии

Город — это конгломерат различных объектов, точка локализации максимального количества разнообразных акторов, стремящихся реализовать собственные интересы. Это обеспечивает динамику в развитии, одновременно создавая постоянное напряжение, порой достигающее до состояния накаливания, — все это сформировало образ «красного города» [3].

В центре нашего внимания «четвертая жизнь» Екатеринбурга в годы НЭПа. Период новой экономической политики, далекий от унификации, открывал возможности для развития потенциала не только отдельных субъектов предпринимательской деятельности, но и целых регионов, которые существенно отличались по факторам своего развития и стратегическим целям [5, с. 36–56].

НЭП как модель экономики переходного периода был основан на многоукладности. Мы при этом исходим из того, что хозяйственный уклад определяется формой собственности, способом экономического оборота и характером существующих в обществе социальных взаимодействий [6, с. 18–19]. Как сам уклад, так и его набор на определенной территории может быть уникальным, соответственно, рассмотрение многоукладного хозяйства города Екатеринбурга — Свердловска в 1920-е гг. представляет исследовательский интерес.

Специфика «регионального варианта» НЭПа была предопределена совокупностью факторов:

— *географическое положение* предопределяет природно-климатические условия региона, выход к морям, удаленность от государственных границ или приграничное положение;

— *ресурсный потенциал*, который включает в себя пространственные, климатические, природные и антропогенные ресурсы;

— *отраслевая структура экономики региона*: отрасли специализации; уровень комплексного развития, потенциал диверсификации; степень развития многоукладности, то есть наличие различных укладов и характер связей между ними (рыночные, плановые начала: зачастую степень «рыночности»); степень экономической автономии, в том числе связанной с уровнем бюджетной обеспеченности региона; интенсивность товарообменных операций;

— *социально-демографические ситуация*: социальная структура населения, численность, плотность, естественный прирост, миграция, этническая и конфессиональная специфика;

— *политические факторы*: степень зрелости и уровень консолидации региональных элит (партийной, хозяйственной, культурной), политический спектр (степень влияния партий и движений, в том числе региональных), сепаратизм, зрелость и укорененность органов советской власти, уровень лояльности центру, характер взаимоотношений элит центра и периферии, интенсивность их связей, наличие и влияние региональных органов управления;

— *уровень консолидации региона* в рамках самостоятельных административно-территориальных или национально-государственных образований, либо включенность в административно-территориальные единицы более высокого ранга;

— *экономическое районирование*: его адекватность реально сложившимся хозяйственным связям [5, с. 63–64].

Свердловские ярмарки 1925–1929 гг.

В годы НЭПа были реанимированы традиционные формы торгово-посреднической деятельности, в том числе и ярмарки. Стремительное возрождение товарно-денежных отношений в годы НЭПа было предопределено естественностью и органичностью этих отношений для большинства граждан, став символом восстановления мира и прекращения войны. Ярмарка воспринималась как зримое воплощение многообразия в торговле, создавала ощущение праздника.

Свердловск являлся в эти годы столицей Уральской области (1923–1934 гг.) и претендовал не только на роль административного, но и экономического центра. По этой причине именно он стал местом проведения региональной ярмарки.

Всего было проведено пять ярмарок: первая (20.02–20.03.1925); вторая (20.11–20.12.1925); третья (20.02.–20.03.1927); четвертая (20.02–20.03.1928) и пятая (20.02.–20.03.1929).

Анализ ярмарочной торговли основан как на опубликованных, так и архивных источниках. Значительный материал содержится в статьях журнала «Хозяйство Урала» [7], в отчетах¹ и путеводителях по ярмарке². В фондах Государственного архива Свердловской области хранятся документы Объединенного рыночного комитета торговцев г. Свердловска³, а в фотофонде — коллекция Л. М. Сурина с фотографиями ярмарки 1928 г.⁴

Имеющиеся материалы позволяют рассмотреть процессы, связанные с проведением ярмарок в динамике (состав участников, численность, ассортимент, размер товарооборота).

¹ Отчет Первой Свердловской ярмарки 1925 г. Свердловск, 1925; Вторая Свердловская ярмарка (20-го ноября — 20-го декабря 1925 года): отчет Свердловского ярмарочного комитета Наркомвнуторгу РСФСР и Уральскому областному исполнительному комитету. Свердловск, [1926].

² Свердловская ярмарка 1928 г. и путеводитель по г. Свердловску. Свердловск, 1928.

³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1429: Объединенный рыночный комитет торговцев г. Свердловска (1927–1929 гг.).

⁴ Коллекция Л. М. Сурина // ГАСО. Ф. Ф-1. Оп. 32, 33.

Свердловская ярмарка не могла по своим масштабам и кругу участников конкурировать с Ирбитской ярмаркой в период ее наивысшего расцвета [1]. При этом традиция привлечения на ярмарку представителей зарубежных фирм из Восточного Китая сохранилась. Таким образом, Екатеринбург — Свердловск вновь обозначил свое положение как посредника в торговле со странами Востока. Наглядным примером могут служить данные, приведенные в таблице.

Таблица

Распределение участников Свердловских ярмарок по районам

Ярмарки	2-ая	3-я	4-ая	Ярмарки	2-ая	3-я	4-ая
Районы				Районы			
Свердловск	118	121	82	Юго-Восточный	—	—	2
Уралобласть	35	30	24	Закавказье	—	1	2
Башреспублика	5	2	6	Туркменистан	5	1	6
Северо-Западный	4	5	3	Сибирь	12	5	17
Северо-Восточный	2	1	2	Дальне-Восточный	3	3	6
Западный	3	—	—	Юго-Западный	2	—	—
Центрально-Промышленный	30	38	49	Южно-Горно-промышленный	2	—	1
Верхне-Волжский	—	2	2	Крым	—	—	—
Средне-Волжский	14	8	11	Западный Китай	—	20	47
Вятско-Ветлужский	1	2	—	Монголия	—	1	1
Казахстан	15	20	12	Турция	—	—	1
Центрально-Черноземный	—	2	1	Персия	—	—	1
Украина	—	7	13	ИТОГО:	261	274	297

Составлено по: Я. К. Четвертая Свердловская ярмарка // Хозяйство Урала. 1928. № 5–6. С. 174.

В связи с процессом свертывания НЭПа и насаждением «моноукладной» экономики ярмарочная торговля утратила свое значение, а частная торговля криминализировалась и ушла в тень. Советская торговля в большей степени ассоциировалась с распределением, несмотря на то что на смену эгалитарным принципам пришли принципы элитаризма вслед за потребностью стимулировать население активнее включаться в планы индустриализации.

Литература и источники

1. Дмитриев А. В. Ирбитская ярмарка (1801–1917). Екатеринбург, 2004.
2. Каменский С. Ю. Проект «Будущее прошлое». URL: E-2023.ru.
3. Килин А. П. «Красный город»: симбиоз аграрного и индустриального укладов в уральской провинции // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 177–194.
4. Килин А. П. От инженера металлурга к торговцу и банкиру: нарративный анализ образа Екатеринбурга // Открытый город: подходы, критерии, практики. Екатеринбург, 2017. С. 166–172.
5. Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018.
6. Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы / отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М., 2009.
7. Я. К. [Ярмарочный комитет — А. К.] Четвертая Свердловская ярмарка // Хозяйство Урала. 1928. № 5–6. С. 174.

Alexey P. Kilin

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: alexey.kilin@urfu.ru

TRADING EKATERINBURG: SVERDLOVSK FAIRS OF 1925–1929

At various stages of history, Ekaterinburg's specific functions prevail: strategic, production or service. In 1923–1934, the city was the capital of the Ural region, not only the administrative, but also the economic core of the region. Commodity-money relations of the NEP period revived traditional forms of trade and intermediary activity, including fair trade. In 1925–1929, five Sverdlovsk fairs were held, which under the conditions of early Soviet society can be considered as retro-innovations.

Keywords: Sverdlovsk, NEP, fair, mixed economic order, foreign economic activity, domestic trade

Кондрашин Виктор Викторович

д.и.н., г.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)

E-mail: vikont37@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗИ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

УДК 94(47)''19''

Важнейшим условием развития городов России как региональных центров в период индустриальной модернизации была трудовая миграция крестьянского населения. Особой интенсивностью она характеризовалась в XX в. в годы первых пятилеток и в послевоенный период. Особенность отечественной модернизации: ее осуществление за счет ресурсов деревни и значительное влияние на менталитет горожан «крестьянского наследия».

Ключевые слова: город, деревня, взаимосвязь, модернизация, крестьянское наследие

Важнейшим фактором развития городов как региональных центров в период индустриальной модернизации России была трудовая миграция крестьянского населения. Особенно интенсивной она была в XX в.: в годы первых пятилеток и в послевоенный период. Именно в то время в результате реформ и революционных потрясений Россия превратилась из страны крестьянской в страну городскую, из страны аграрной в страну индустриальную. В годы первых пятилеток процесс урбанизации наиболее ярко проявился в росте населения городов, ставших флагманами форсированной индустриализации: Первоуральска, Челябинска, Харькова, Ростова-на-Дону и др. [3, с. 127, 130, 132, 137, 148]. Новыми горожанами стали бывшие крестьяне. Причем большинство из них вынужденно: из-за негативных последствий насильственной коллективизации. Наиболее интенсивным процесс стихийной трудовой миграции как реакции крестьян на коллективизацию наблюдался в годы первой пятилетки. Если в 1928 г. число рабочих и служащих в СССР составляло 11,5 млн человек, то в 1932 г. их стало более 22,9 млн человек. Городское население выросло на 11,4 млн, то есть практически удвоилось. Из них 4 млн человек дал город, а 8,5 млн — советская деревня. Значительную массу бывших деревенских жителей, в большинстве своем вынужденно покинувших свои родные места, представляла крестьянская молодежь в возрасте до 22 лет (38,5 %), из которой юноши и девушки в возрасте до 18 лет составляли около 10 % [3, с. 165]. Всего за годы первых пятилеток из деревень в города пришло 18,5 человек. В то же время благодаря индустриализации за счет сооружения в сельских поселениях крупных промышленных предприятий горожанами стали их жители, ранее занимавшиеся сельским хозяйством. Их насчитывалось 5,8 млн человек [3, с. 248–249].

Деревня оставалась важнейшим источником развития городов и превращения их в крупные региональные центры и в последующий период, особенно в первые десятилетия после окончания Великой Отечественной войны, когда СССР вступил в гонку вооружений и вынужден был форсировать строительство новых объектов военно-промышленного комплекса, в том числе связанных с созданием ракетно-ядерного щита государства. В результате возникли новые региональные центры на базе существовавших городов, где реализовывалась данная задача.

Одним из таких центров стал, например, г. Пенза с пригородом Заречный. В 1950–1960-е гг. в Пензе были построены крупные предприятия, связанные с оборонно-промышленным комплексом, а в Заречном — предприятие, участвовавшее в создании ядерного оружия СССР. Это Пензенский и Грабовский компрессорные заводы, «Пензтекстильмаш», «Счетмаш», «Химмаш», Сердобский часовой, Пензенский дизельный, второй арматурный заводы, крупнейшее в регионе предприятие военно-промышленного комплекса (ВПК) — приборный завод № 1134 (п/я 46; позднее — ПО «Старт») [4, с. 261]. В результате форсированной индустриальной модернизации Пензы в первые послевоенные десятилетия численность населения города за очень короткий по историческим меркам срок резко возросла. Если в 1939 г. все население Пензенской области составляло 1 649,3 тыс. чел., соответственно

городское — 285,2 тыс. чел. (17 %), а сельское — 1 364 тыс. чел. (83 %), то в 1996 г. его общая численность составила 1 562,5 тыс. чел., из которых горожан насчитывалось 998,0 тыс. чел. (64 %), а сельских жителей — 564,5 тыс. чел. (36 %). Население Пензы в указанный период выросло с 159,8 тыс. чел. в 1939 г. до 552,3 тыс. чел. в 1992 г. (в 3,5 раза) [1].

Высокие темпы роста городского населения области, в том числе Пензы, обеспечивались прежде всего за счет миграции сельского населения, в первую очередь молодежи, видевшей в городе перспективу более или менее нормальной жизни. Их не задерживали и родители, не желавшие для них повторения своей судьбы — тяжелой и беспросветной работы «за палочки» в колхозе. Именно сельчане, прибывшие в Пензу в 1950–1960-е гг., стали основным ее трудовым потенциалом. Их руками была создана действующая и поныне в Пензе и области индустриальная база и связанная с ней инфраструктура. Они сформировали современный облик города, возведя наиболее значимые объекты жизнеобеспечения горожан.

Таким образом, бывшие крестьяне, ставшие горожанами в послевоенные годы, и их дети в первом и втором поколениях составляют в настоящее время основную массу трудоспособного городского населения областного центра и городов области.

Данное обстоятельство имеет важнейшее значение для понимания современной социально-экономической и общественно-политической ситуации в регионе и России в целом.

Аграрный, «крестьянский менталитет» стал определяющим фактором поведения подавляющего большинства городского населения страны в советский и постсоветский периоды. Его образуют, проистекая из общинного характера жизнедеятельности российского крестьянства коллективизм, взаимовыручка, слабое индивидуальное, эгоистическое начало, трудолюбие, вера в сильную власть (патерналистские настроения). В 1990-е гг. наиболее ярким проявлением «крестьянского менталитета» стало массовое участие горожан в «дачном движении». Ни в одной развитой стране Запада не возможна ситуация, когда в условиях экономического кризиса городское население занимается огородничеством, вместо того чтобы активно участвовать в политической борьбе за свои права. В России это стало возможным потому, что городское население не потеряло связи с деревней и не превратилось в «стопроцентных горожан», поскольку современное городское общество сформировалось из крестьян, принесших в города, на заводы, в инженерные конструкторские бюро, вузы и до сих пор в большинстве своем сохранивших (о чем многие из них не подозревают) крестьянскую общинную психологию, прямые или опосредованные связи с деревней, элементарные навыки работы с землей, которым легко и даже с энтузиазмом обучались потомственные горожане и интеллигенты [2, с. 13].

«Крестьянское прошлое» российских региональных городских центров объясняет политическую стабильность российского общества в постсоветский период, поскольку масса горожан, ввергнутая властью в начале 1990-х гг. в экстремальные условия самовыживания, обратилась к своим корням, к земле и с помощью участия в «дачном движении» обеспечила себя необходимым минимумом продовольствия.

Но в настоящее время ситуация меняется, поскольку основными «дачниками» остаются люди старшего возраста (горожане в первом или втором поколениях). Молодежь же не привлекает перспектива труда на огороде в условиях интернета и других достижений научно-технического прогресса и городского комфорта. Новые поколения горожан в подавляющем большинстве своем уже «свободны» от «крестьянского менталитета». В лучшем случае их прельщают идеи «зеленой революции»: дом в близлежащих к городскому центру деревнях для отдыха и производства экологически чистых продуктов. Уход поколений горожан — выходцев из деревни, ставших таковыми в 1950–1960-е гг., не может не оказать влияние на общественно-политическую жизнь России, в том числе на ее «стабильность».

Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии в эпоху индустриальной модернизации проявились и в обратном процессе: влиянии города на деревню. Обратной стороной трансформации России из страны аграрной в промышленную, крестьянской в городскую стали процессы важнейших социально-экономических изменений в аграрном секторе экономики и жизни сельского населения страны. Они проявились в смене производственных укладов: утверждении крупного сельскохозяйственного

производства в форме колхозов и совхозов на базе последовательной материально-технической модернизации всех отраслей вместо частных дореволюционных сельхозпредприятий и крестьянских семейно-трудовых хозяйств. Лучшие условия труда и жизни в городе, по сравнению с деревней, в силу остаточного принципа финансирования сельской социальной инфраструктуры, а также издержки государственной аграрной политики (например, идея о неперспективных селениях в Нечерноземье России) стали основной причиной массовой организованной и стихийной трудовой миграции молодежи из села в город и даже фактического обезлюживания значительных территорий сельской России, появления в деревне агробизнеса, основанного на труде привозной рабочей силы и нередко на хищнической эксплуатации природных ресурсов, постепенно вытесняющего из сферы сельскохозяйственного производства и с рынка продовольствия местные мелкие и средние фермерские хозяйства. Перспектива в этом направлении — это дальнейшее обезлюживание сельской местности, концентрация оставшегося сельского населения, как правило, в районных центрах с развитой городской инфраструктурой, господство в сельскохозяйственном производстве крупного агробизнеса, использующего в основном труд сезонных рабочих и части местного сельского населения на созданных в регионе предприятиях по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, а также для эксплуатации и охраны своих сельскохозяйственных угодий.

Литература и источники

1. Кондрашин В. В. Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии (на материалах Пензенского края // Пенза на рубеже тысячелетий: идеалы и реальности культуры российского города. Материалы научно-практической конференции. Пенза, 2000. С. 63–64.
2. Кондрашин В. В. Влияние коллективизации на судьбы России // Российская история. 2018. № 4. С. 3–13.
3. Лельчук В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984.
4. Очерки истории города Заречного. Заречный, 2013.

Victor V. Kondrashin

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: vikont37@yandex.ru

RELATIONSHIPS BETWEEN THE CITY AND THE VILLAGE IN THEIR HISTORICAL DEVELOPMENT

The most important condition for the development of Russian cities as regional centers during the period of industrial modernization was the labor migration of the peasant population. It was especially intense in the 20th century during the first five-year plans and in the post-war period. A feature of domestic modernization: its implementation at the expense of the resources of the village and a significant impact of the «peasant heritage» on the urban residents' mentality.

Keywords: city, village, relationships, modernization, peasant heritage

Кравцова Елена Сергеевна

д.и.н., и.о. заведующей кафедрой, Курский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ (г. Курск)

E-mail: elenakravcova@yandex.ru

**РОЛЬ УПРАВЛЯЮЩИХ КАЗЕННЫХ ПАЛАТ В ПОДБОРЕ КАДРОВ
СЛУЖАЩИХ ПОДАТНОЙ ИНСПЕКЦИИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

УДК 94(47)''18'':336.13

Казенные палаты в Российской империи играли важную роль в жизни и государства в целом и отдельных губерний в частности. Управляющие Казенными палатами, лично назначавшиеся на должность главой Министерства финансов, занимали высокое положение среди губернских чиновников. Кроме непосредственного ведения финансовых дел в регионе, управляющие занимались и кадровой политикой, в том числе подбором кандидатов на должности податных инспекторов — налоговых инспекторов, чей функционал был весьма широк.

Ключевые слова: Казенная палата, Податная инспекция, управляющий, Российская империя, финансовая система

Говоря о функционировании региональных представительств Министерства финансов Российской империи, нужно отметить, что в советское время имелось небольшое количество работ, освещавших их деятельность [см.: 1; 2; 11], и всплеск интереса к истории этих учреждений связан с современной историографией. Стоит выделить работы, посвященные общим направлениям работы губернских Казенных палат [см.: 3; 5; 6; 8], в них рассматривались правовые основы деятельности учреждений, определялись их основные задачи и специфика работы. Имеются исследования по узким направлениям деятельности губернских финансовых учреждений [см.: 4; 10]. Небольшое количество работ посвящено кадровой политике Палат: от управляющих до нижних чинов [см.: 7; 9].

Основной задачей губернских Казенных палат был контроль за всем оборотом финансов (как доходы, так и расходы) на подведомственной территории. К этому направлению можно отнести: сбор окладных сборов, всех прямых налогов, решение вопросов с недоимками и возможное их списание, контроль за исполнением уставов по всем прямым налогам, надзор за выплатами земских и мирских сборов и др. Огромный объем работы ложился на плечи служащих, во главе которых стоял управляющий — одна из наиболее привилегированных должностей в губернии [2, с. 163]. Для облегчения деятельности Палат по инициативе министра финансов Н. Х. Бунге в 1885 г. была создана Податная инспекция — учреждение, занимавшееся только вопросами прямого государственного и местного налогообложения и общения с налогоплательщиками. Для Податной инспекции Казенные палаты были вышестоящей организацией и выполнение их поручений было обязательным¹. Подбор кадров для вновь создаваемого института был возложен на места на управляющих Казенными палатами. Отметим, что это была не простая задача. Управляющий Курской казенной палатой писал, что направления работы, обозначенные податным инспекторам «обширны и разнообразны» и их выполнение в полном объеме вызывает сомнение, особенно в свете того, что участки, закрепленные за инспекторами, были очень масштабны, поскольку планировалось в один податный участок объединить по 2 уезда².

Должность податного инспектора по губернским рамкам была довольно престижна и относилась к VI классу. Подбором кадров на эту должность занимался управляющий Казенной палаты. В 1885 г. от кандидатов требовалось наличие образования, опыта работы, обязательны были рекомендации от лиц, известных в Департаменте окладных сборов Министерства финансов. Все курские кандидаты на должность податного инспектора имели опыт службы в государственных учреждениях: от народного

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (ПСЗ-III). СПб., 1887. Т. 5: 1885. С. 180.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 20. Д. 183. Л. 61.

образования и окружного суда до чиновников особых поручений³. Образование будущие податные инспекторы имели различное: от Петербургского университета до Рязанского духовного училища. Управляющий подчеркивал, что все кандидаты на занятие вакантных должностей податных инспекторов Курской губернии являлись высоко нравственными, совестливыми и трудолюбивыми людьми. Все претенденты в обязательном порядке приходили на прием к управляющему, который опирался в выборе не только на бумаги, но и на собственную интуицию в отношении соискателя.

Одним из основных критериев отбора было умение кандидата найти общий язык с налогоплательщиками, поскольку в должностных инструкциях инспекторам — «Наказе» — прямо было указано, что они должны были анализировать условия налогообложения, возможности плательщиков в выплате назначенных сумм, постоянно быть на связи с местным населением. Благодаря сохранившимся отчетам податных инспекторов можно анализировать положение дел в сельских обществах и городах, экономическом развитии уездов и др.

В целом можно сделать вывод, что управляющие Казенными палатами подошли очень серьезно к подбору кадров податных инспекторов, и большая часть фискальных агентов оказалась хорошими профессионалами, заинтересованными в должном исполнении своих обязанностей людьми.

Литература и источники

1. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. Учебник для студентов по специальности «историко-архивоведение». М., 1983.
2. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978.
3. Кантимирова Р. И. Казенная палата Уфимской губернии во второй половине XIX века // Современные вопросы науки и образования — XXI век. Сборник научных трудов по материалам Международной заочной научно-практической конференции: в 7 ч. Тамбов, 2012. Ч. 5. С. 59–60.
4. Кириллов А. К. Прагматичный консерватизм: Томская казенная палата в обсуждении реформы промышленного налога 1898 г. // Экономическая история. 2016. № 4 (35). С. 63–70.
5. Кравцова Е. С. Проблема функционирования местных финансовых органов – Казенных палат (конец XIX в. — 1918 г.) // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 6 (116). С. 150–154.
6. Латышева Е. В. Таврическая казенная палата в системе государственных учреждений Крымского полуострова // Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии: материалы Всероссийского научного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Н. Ф. Демидовой. Уфа, 2021. С. 180–187.
7. Семин Г. А. Чиновники Московской казенной палаты в начале XX в.: социальный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2014. № 5. С. 113–119.
8. Соловьев Я. В. Московская казенная палата: правовые и организационные основы деятельности в первые годы существования // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2008. № 3. С. 62–69.
9. Соловьев Я. В. Чиновники Московской казенной палаты в конце XVIII — начале XIX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2017. № 1. С. 52–59.
10. Соловьёв Я. В. Надзор со стороны губернских Казенных палат за снабжением солью в конце XVIII — начале XIX веков (на материалах Московской казенной палаты) // История Московского края: проблемы, исследования, новые материалы: материалы научно-практической конференции, посвященной 85-летию МГОУ. М., 2016. С. 171–179.
11. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начало 80-х гг. XIX в. М., 1991.

³ Там же. Л. 1.

Elena S. Kravtsova

Doctor of Historical Sciences, Kursk State Medical University of the Ministry of Health
of the Russian Federation (Russia, Kursk)

E-mail: elenakravcova@yandex.ru

**ROLE OF THE GOVERNING CHAMBER IN THE SELECTION OF STAFF OF EMPLOYEES
OF THE RUSSIAN TAX INSPECTION IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY**

Treasury chambers in the Russian Empire played an important role in the life of both the state and the province. Governors of the Treasury Chambers, personally appointed by the head of the Ministry of Finance, occupied a high position among provincial officials. In addition to directly managing financial affairs in the region, the managers were also involved in personnel policy, including the selection of candidates for the positions of tax inspectors — tax inspectors, whose functionality was very wide.

Keywords: Treasury Chamber, Tax Inspectorate, manager, Russian Empire, financial system

Лаврикова Юлия Георгиевна

д.э.н., директор, Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: lavrikova.ug@uiec.ru

Ускова Анна Юрьевна

к.э.н., заместитель директора, Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: uskova.ay@uiec.ru

**АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ КРУПНЕЙШИХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ
В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РОСТА**

УДК 332.05

В 2017–2022 гг. в силу внешних условий крупнейшие российские города развивались медленнее, чем страна в целом. Негативное влияние на развитие городов оказывает перенос доходов в столичные города при сохранении занятости на местах. Однако города различаются по динамике развития, что определяет необходимость выявления факторов, позволяющих одним развиваться более активно нежели другим.

Ключевые слова: крупнейшие города, ключевые показатели, динамика, рост

В последние десятилетия происходит концентрация населения и соответственно экономического роста в крупнейших городах и агломерациях. С 2010 г. количество российских городов с численностью более 1 млн человек (без учета городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга) увеличилось с 10 до 14. Численность населения за этот период превысила 1 млн чел. в Красноярске, Перми, Воронеже и Краснодаре. В то же время доля населения, проживающего в городах-миллионниках (без учета городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга), увеличилась незначительно и составляет 11,4 %. При этом в регионах, где расположены города-миллионники, проживает 32 % населения страны.

Города играют ведущую роль в социально-экономическом развитии России. Здесь сосредоточена промышленность, наука и инновации, высшее и профессиональное образование, медицина, финансовые организации, культурные и спортивные центры. По данным ВЭБ.РФ города формируют почти 70 % ВВП страны¹. На крупнейшие города приходится порядка 9 % российского объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в целом по экономике, порядка 8 % объема промышленного производства, 10 % оборота розничной торговли, 8–9 % инвестиций в основной капитал, объема платных услуг населению. Более низкий вклад городов-миллионников в экономические показатели развития страны по сравнению с долей проживающего в них населения обусловлен переносом доходов в столичные города при сохранении занятости на местах.

Рост численности населения, в том числе притяжение крупнейшими городами населения в активных репродуктивных возрастах из других городов и регионов требует адекватного развития социальной инфраструктуры, которая меняется в ответ на запросы времени и населения, развивается благодаря целенаправленным действиям органов власти. Однако не во всех городах удастся решить эти задачи в полной мере.

Остается актуальной проблема снижения доступности и обеспеченности дошкольной образовательной инфраструктуры. Во всех крупнейших городах России требуется улучшение ресурсного обеспечения здравоохранения. Отмечается расширение амбулаторного звена и сокращение стационаров круглосуточного пребывания, при этом сохраняется дефицит врачебного и среднего медицинского персонала. Города-миллионники имеют мощный потенциал для развития инфраструктуры в области спорта, поскольку часто являются центрами проведения крупных соревнований, массовых спортивных мероприятий. При этом по общему числу спортивных сооружений города-миллионники существенно отличаются. В большинстве крупнейших городов отмечается низкая объектная насыщенность учреждениями

¹ Городская экономика // ВЭБ.РФ. URL: <https://вэб.рф/biznesu/finansirovaniye-proyektov/gorodskaja-ekonomika/> (дата обращения: 10.05.2023).

культуры. При этом население, проживающее в крупнейших городах, оценивает учреждения культуры более высоко, чем в других российских городах.

Крупнейшие города имеют в основном промышленную специализацию экономики, о чем свидетельствует высокая доля промышленности в объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), которая близка или превышает 50 %. Исключение составляет только Краснодар, где доля промышленности составляет 37 %. Негативное влияние на социально-экономическое развитие городов, усиление зависимости местных бюджетов от поступлений из вышестоящих бюджетов оказывает перенос головных компаний в столичные города.

Анализ динамики социально-экономического развития городов в последние годы свидетельствует о том, под влиянием усиливающегося внешнего давления, пандемии коронавируса и связанных с ней ограничениями, затронувшими в большей степени малый бизнес, сферы торговли и услуг, общественного питания, играющими существенную роль в экономике городов, крупнейшие города России в 2017–2022 гг. развивались медленнее, чем страна в целом. При этом концентрация наиболее подвергнутых влиянию вышеназванных факторов секторов именно в административных центрах регионов объясняет и тот факт, что большинство регионов без учета административных центров показали более высокую динамику социально-экономического развития. Несмотря на некоторое замедление динамики, социально-экономическое развитие городов-миллионников в целом характеризуются динамичным ростом инвестиционной и деловой активности.

В целом говоря о подходах к анализу социально-экономического развития крупнейших городов и рассматривая прирост населения как главный показатель эффективного развития и привлекательности города, можно выделить:

- активно растущие крупнейшие города, которые одновременно являются драйверами развития региона;
- крупнейшие города, рост в которых происходит в том числе за счет перетока населения и экономики с периферии в центр;
- крупнейшие города, в которых происходит снижение численности населения, в том числе на фоне отрицательной динамики в регионе при положительной динамике основных экономических показателей развития.

Это предопределяет необходимость более глубокого анализа складывающихся тенденций, выявления факторов, позволяющих одним городам активно развиваться, быть конкурентоспособными в привлечении людей, инвестиций, финансов, распространяя положительный эффект в том числе на экономику региона, в отличие от других.

Качество жизни является интегральной категорией, всесторонне характеризующей уровень и степень благосостояния, свободы, социального и духовного развития человека, а также его физического здоровья и условий его сохранения. Цель исследования — провести анализ ключевых индикаторов, дающих наиболее полную информацию о современном состоянии всех сфер жизнедеятельности городов, выявить негативные процессы, связанные с неблагополучием в определенных сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения городского сообщества, сформулировать предложения по совершенствованию городской социальной среды с ориентацией на насущные потребности жителей городов.

Одним из аспектов исследования динамики развития городов является анализ доли городов в показателях регионов, центрами которых они являются, и ее изменение в последние годы.

Ключевое значение для объективной оценки социально-экономической ситуации, складывающейся в крупнейших городах, является качественная информационная база. Важным источником информации, безусловно, является Федеральная служба государственной статистики. Однако не всегда статистическая информация является достаточной, своевременной и детализированной. Так, пока остаются нерешенными вопросы, связанные с едиными классификаторами наименований субъектов РФ, муниципальных

образований, показателей. Отсутствие значительного числа показателей в разрезе муниципальных образований, несопоставимость наблюдаемого круга организаций на уровне муниципальных образований и субъектов РФ зачастую не позволяют провести качественный анализ социально-экономической ситуации в городе, достоверно определить его вклад в развитие региона. Практически полностью отсутствует статистическая информация о социальной сфере (здравоохранении, образовании, культуре, физической культуре и спорте, безопасности).

Это обуславливает необходимость поиска дополнительных источников оперативной информации о социально-экономическом развитии территорий. В настоящее время основными источниками больших данных в России и мире являются социальные сети, электронные СМИ, банковские транзакции, данные компаний о заказах и профилях клиентов, медицинские данные, показания считывающих устройств и оборудования, данные геолокации и сотовой связи.

Так, с учетом данных геоаналитики на регулярной основе формируется Индекс качества жизни в городах России², который охватывает 115 крупнейших городов страны за исключением Москвы и Санкт-Петербурга. На основе больших данных банковских транзакций развиваются сервисы и исследования для государственного и муниципального сектора, позволяющие оценить социальное и экономическое состояние региона, контролировать достижение целей по развитию территорий, принимать управленческие решения с опорой на данные³. Данные сотовых операторов активно используются в целях исследований туристических потоков, наиболее популярных у туристов мест на территории ряда регионов, составлении портрета туриста⁴. Кроме того, такие данные помогают определить нагрузку на региональную инфраструктуру, спрогнозировать ее дальнейшее развитие с учетом потребностей населения⁵.

Существующие цифровые технологии позволяют использовать возможности социальных сетей для получения больших данных по многим параметрам. Данные социальных сетей используют в исследованиях множества различных предметных областей [1–4].

Исследование, проведенное Институтом экономики УрО РАН, показывает, что на основе обезличенных данных социальной сети ВКонтакте о жителях городов-миллионников можно составить социально-демографический профиль городов и оценку трудовой миграции жителей крупнейших городов и городов-спутников.

Литература и источники

1. Гапич А. Э., Асатрян С. С., Минкина О. В. Визуальный контент социальных сетей и молодежный радикализм: основные методологические подходы и концептуальный дизайн исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12–1. С. 38–42.

2. Лакман И. А., Тимирьянова В. М. Технологии сбора данных в сети интернет и их пространственного анализа при принятии стратегических решений в туристической отрасли // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2021. № 12 (2). С. 170–177.

² Качество жизни в городах России. Результаты исследования // ВЭБ.РФ Индекс качества жизни. URL: <https://citylifeindex.ru/research> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Мониторинг экономики региона // СберАналитика. URL: <https://sberanalytics.ru/products/gossector/mr> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Ростовская область с помощью Big Data МТС изучит туристический поток внутри региона // ComNews. 13 октября 2021 г. URL: <https://www.comnews.ru/content/216889/2021-10-13/2021-w41/rostovskaya-oblast-pomoschyu-big-data-mts-izuchit-turisticheskiy-potok-vnutri-regiona> (дата обращения: 10.05.2023); Решения МегаФона помогут создать новый туристический кластер в Мурманской области // Мегафон. 22 ноября 2022 г. URL: https://corp.megafon.ru/press/news/federalnye_novosti/20221122-1233.html (дата обращения: 10.05.2023); Романов К. Big Data и искусственный интеллект в B2B. Как создается новый бизнес // Билайн now. 29 марта 2023 г. URL: <https://beelinow.ru/articles/big-data-i-iskusstvennyy-intellekt-v-b2b-kak-sozdaetsya-novyy-biznes/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁵ МТС и ЮУрГУ оценили транспортную инфраструктуру Челябинска с помощью Big Data // МТС. 10 декабря 2020 г. URL: <https://magnitogorsk.mts.ru/about/media-centr/soobshheniya-kompanii/novosti-mts-v-regione/2020-12-10/mts-i-yuurgu-ocenili-transportnyu-infrastrukturu-chelyabinska-s-pomoshhyu-big-data> (дата обращения: 10.05.2023).

3. Щекотин Е. В., Мягков М. Г., Гойко В. Л., Кашпур В. В., Коварж Г. Ю. Субъективная оценка (не)благополучия населения регионов РФ на основе данных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 78–116.

4. Zachlod C. et al. Analytics of social media data—State of characteristics and application // Journal of Business Research. 2022. Т. 144. С. 1064–1076.

Yulia G. Lavrikova

Doctor of Economic Sciences, Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: lavrikova.ug@uiec.ru

Anna Yu. Uskova

Candidate of Economic Sciences, Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: uskova.ay@uiec.ru

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF THE LARGEST RUSSIAN CITIES IN THE PAST DECADE: MAIN TRENDS AND GROWTH FACTORS

In 2017–2022 due to external conditions, the largest Russian cities developed more slowly than the country as a whole. Urban development is negatively affected by the transfer of income to capital cities while maintaining local employment. However, cities differ in development dynamics, which determines the need to identify factors that allow one to develop more actively than others.

Keywords: largest cities, key indicators, dynamics, growth

Лизунов Павел Владимирович

д.и.н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Северодвинск)
E-mail: pavelvl@mail.ru

**ИЗ АРХАНГЕЛЬСКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ:
«ТОРГОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ» В РОССИИ 1713–1724 гг.**

УДК 94 (47).05

Приступив к строительству Петербурга, Петр I обращал особое внимание не только на военное положение будущей столицы, но и на возможности внешней торговли. Петербург должен был стать главным портом России, имеющим значительные преимущества перед единственной в то время морской гаванью в Архангельске. С волевого решения царя о приоритете балтийской торговли над беломорской начинается постепенный упадок Архангельска.

Ключевые слова: Архангельск, Петербург, Петр I, торговля, купцы

При возведении Петербурга Петр I исходил не только из стратегически важного военного положения будущей столицы, но и из возможностей внешней и внутренней торговли. Он хотел превратить свое детище в приморский купеческий город — «второй Амстердам», «желанную пристань Балтийского моря», как сам не раз его называл. Петербург должен был стать «окном в Европу» — главным портом российского государства, центром ввозной и вывозной торговли, имеющим значительные преимущества перед единственной тогда морской гаванью в Архангельске. Ревель и Рига еще не были присоединены, а Нарва не имела удобного водного сообщения с внутренними районами страны и потому не соответствовала обширным планам Петра I.

Архангельск, основанный еще в 1584 г., в течение всего XVII и начала XVIII в. являлся главной морской гаванью России, через которую велась почти вся торговля с европейскими странами. В самом начале своего царствования Петр I относился чрезвычайно благосклонно к Архангельску как единственному тогда русскому порту. Царь трижды, в 1693, 1694 и 1702 г. посетил город, принимал меры к расширению беломорской торговли и строительству на северных верфях торговых кораблей.

Известный архангелогородский историк XVIII столетия В. В. Крестинин, ссылаясь на воспоминания старожилов, видевших царя, записал предание, согласно которому во время первого пребывания Петра I в Архангельске голландский купец Иван Ферколен «открыл, в приятельском обхождении, любопытному государю, главные основания и таинства торговой науки, во внешних куплях и продажах товаров» [6, с. 22].

Есть исторические сведения, что во время ежегодных архангелогородских ярмарок функционировали купеческие собрания, подобные биржевым. Крестинин, ссылаясь также на «сказания» архангелогородских стариков, писал, что сам «государь посещал городскую биржу» [6, с. 23]. Из-за участия в ярмарках крупных иностранных купцов-оптовиков сделки были весьма значительными, особенно на хлеб, пеньку, юфть, сало, лен и др. Крупные партии товаров доставлялись в Архангельск на ярмарку от казны. Однако основными партнерами иноземных купцов были русские купцы, съезжавшиеся в Архангельск из разных районов страны. По подсчетам Р. И. Козинцевой, в начале XVIII в. на Архангелогородской ярмарке торговали купцы из 90 городов, слобод и торговых сел России [5, с. 128–131, 135–136]. Оборот Архангельского порта при Петре I возрос с 850 тыс. руб. в конце XVII в. до 1 485 тыс. руб. в 1710 г. [9, с. XXI; 11 с. 18–22]. В 1700 г. в Архангельск прибыло 64 иностранных корабля, в 1705 г. — 143, в 1711 г. — 184, а в 1715 г. — 230 [8, с. 144].

Перенесение направления внешней торговли из Архангельска в Петербург, названное В. О. Ключевским «торговым переворотом», затрагивало множество интересов и привычек [4, с. 114]. Против были как русские, так и иностранные купцы, давно обосновавшиеся в Архангельске. Переносить торговлю

в Петербург, где их ждали многочисленные неудобства только что основанного города, было затруднительно, а главное — убыточно. Особенно недовольны были голландские купцы. Резидент Соединенных провинций Яков Де Би неоднократно просил Петра I оставить торговлю в Архангельске, представляя всевозможные трудности: мелководье Невы, небезопасность плавания по Балтийскому морю из-за военных действий, величина платы за проход через пролив Зунд, необходимость конвоев для сопровождения торговых судов, дороговизну жилья и продуктов питания, отсутствие складов для товаров, недостаток рабочих для погрузки и разгрузки кораблей в Петербурге и т. д. Однако Петр I отвечал, что «с течением времени все интересы примирятся» [12, с. 451].

Против изменения направления внешней торговли были многие ближайшие сподвижники царя. Так, генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, исполнявший с 1693 по 1696 г. должность двинского воеводы и губернатора Архангельска, даже высказал Петру I, что он своей затеей «разорит купечество и возьмет себе на шею вечные, никогда не осушаемые слезы», но переубедить царя не смог и он [12, с. 71]. Де Би полагал, что за перенесение торговли в Петербург был один только А. Д. Меншиков [12, с. 451].

Секретарь прусского посольства И. Г. Фоккеродт в своем сочинении о России отмечал, что Петербург «цветущим» положением своей торговли обязан одному только пристрастию Петра I и его горячему желанию сделать этот город великим во всех отношениях. Автор был уверен, что ненависть к новой столице русских купцов была так велика, что будь их воля, они никогда бы не завели в ней значительной торговли и сохранили главный торг в Архангельске [13, с. 72].

С основанием Петербурга и изменением направления внешней торговли начинается постепенный упадок Архангельска, связанный с волевым решением царя о приоритете балтийской торговли. Петр I прекрасно понимал, что его новая столица станет крупным торговым центром, только если перенести международную торговлю из Архангельска в Петербург. В 1713 и 1714 гг. были изданы царские указы, запрещавшие привозить в Архангельск пеньку, юфть и предметы государственной монополии. Все это было велено доставлять в Петербург.

31 октября 1713 г. было объявлено, «чтобы купецкие и других чинов люди, у кого есть пенька, юфть к городу Архангельскому и на Вологду для торговли не возили, а привозили в Петербург; также которые государевы товары: икру, клей, поташ, смолу, щетину, ревень к городу не отпускать, а привозить по тому же в Петербург, а хлеб... возить... куда способнее невозбранно»¹. Затем, 16 ноября 1713 г. и 16 января 1714 г., были изданы подтверждающие указы о «стеснении» архангельской отпускной торговли, чтобы те товары «не возили под потеряннем своих пожитков», а у «ослушников, имение их все без остатка взято будет на Великого государя бесповоротно»².

В начале 1714 г. русские и иностранные купцы обратились к царю с общей просьбой, назвав ее «слезное сие наше прошение», об отмене этих указов³. Они опасались, что могут войти в «несносные ж убытки». Беспокоились купцы, что «от военного случая... товары в Санктпетербурге залежатся» и от того могут «перепортиться». 15 марта 1714 г. правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки и разрешить в 1715 г. половину товаров доставлять в Петербург, а половину в Архангельск⁴.

Сенатским указом от 12 декабря 1716 г. было велено «купецким людям, которые возят всякие товары к городу Архангельскому, из тех всех товаров, кроме юфти, нынешним зимним путем отправить в Санктпетербург на продажу за море шестую долю, без всякого отлагательства»⁵. Однако на следующий год, в октябре 1717 г. доля Петербурга была увеличена до $\frac{2}{3}$ всех товаров, но в январе 1719 г. снова снижена до $\frac{1}{3}$ доли⁶. К тому же с товаров, предназначенных для вывоза за границу через Балтийское море,

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ-1). Т. 5. № 2732. С. 66.

² ПСЗ-1. Т. 5. № 2737. С. 68; № 2760. С. 77.

³ ПСЗ-1. Т. 5. № 2784. С. 88.

⁴ ПСЗ-1. Т. 5.

⁵ ПСЗ-1. Т. 5. № 3051. С. 481.

⁶ ПСЗ-1. Т. 5. № 3115. С. 517–518; № 3268. С. 608.

не бралось никаких пошлин на внутренних заставах. Тем не менее, в 1718 г. в Архангельск прибыло 116 кораблей, средняя цифра отпуска товаров достигла 2 034 000 руб., а привоз — 518 521 руб. [8, с. 144, 147]. В Петербурге в том же 1718 г. в «приходе» было всего 52 корабля, отпуск товаров на 233 051 руб., а привоз — на 188 854 руб. [8, с. 144, 147].

В апреле 1721 г. был издан указ, запрещающий вывоз из-за моря сахара, который являлся одним из основных товаров, доставлявшихся через Архангельск⁷. В том же году указом царя от 2 декабря ограничивался подвоз всех товаров к Архангельску из разных регионов страны, кроме «тех провинций, которые прилежали действительно к водяному ходу Двины без переволоков землею»⁸. Разрешалось доставлять в Архангельск только такое количество товаров, которое требовалось для нужд жителей Архангельской губернии. В результате всех этих мер в 1723 г. в Петербург было привезено избыточное количество российских товаров. На следующий год строгость запрета была несколько смягчена. Однако указом от 15 февраля 1724 г. в Архангельском порту было велено взимать с привозных товаров, за исключением дегтя, ворвани, мачт и других деревянных изделий, пошлин «четвертою долей больше против С.Петербургского порта»⁹. Этого было достаточно, чтобы свести беломорскую торговлю к минимуму.

Но и этими мерами поощрения петербургской торговли Петр I не ограничился. В 1710 г. по предписанию царя предусматривалось переселить из Архангелогородской губернии на вечное жительство в Петербург 555 семей торговых людей, в том числе 23 семьи из Архангельска [7, с. 19]. После 1711 г. был опубликован еще ряд указов о принудительном перемещении нескольких тысяч зажиточных купцов и ремесленников из разных городов России [1, с. 131]. Так, историк А. В. Предтеченский обращал внимание на стремление Петра I заселить Петербург представителями видных купеческих фамилий, считая, что мелкие розничные торговцы появятся сами собой, без всякого на то понуждения [10, с. 135].

Падение беломорской внешней торговли произошло очень быстро: в 1722 г. в Архангельский порт прибыло только 60 кораблей, в 1723 г. — 40, в 1724 г. — 22, а в 1725 г. — 19 [8, с. 144]. В 1737 г. представители русского купечества в своей челобитной писали: «В купеческом де их промыслу обращаются де они более при Санкт-Петербургском порте с проданными за море товарами; також и собою отпускают за море пеньку, воск, сало, холсты, юфть и другие разные товары» [3, с. 167]. То же значение Петербурга отмечала Коммерц-коллегия в 1740 г.: «Ныне уже от иностранных купцов корешпонденты обретаются почти все здесь, при Санкт-Петербурге, и купечество основались. Також и российское купечество уже привозит все товары свои по способности водяного пути от Гжатской пристани к здешнему порту. И так те все... к городу Архангельскому товары свои вести не пожелают» [3, с. 167–168].

Лишь в 1762 г. торговля Архангельска и Петербурга были уравнены¹⁰. Но хотя Архангельск и получил все торговые права, он уже не мог вернуть своего прежнего положения — основная торговля осталась в более удобном балтийском порту. С годами преимущества Петербурга перед Архангельском стали очевидны. Из петербургского порта корабль мог сделать за навигацию два рейса в Европу, в то время как из Архангельска — только один. С течением времени купцы поняли, что, доставлять товары в Петербург гораздо дешевле и выгоднее, чем в Архангельск. Западноевропейским купцам теперь не было нужды держать два дома: один в Москве для заключения торговых сделок, а другой в Архангельске, для приема и отпуска товаров. Наконец, близость новой российской столицы к европейским торговым городам значительно удешевлял перевод денег в Петербург.

Литература и источники

1. Анисимов Е. В. Время Петровских реформ. Л., 1989.
2. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1.

⁷ ПСЗ-I. Т. 6. № 3775. С. 380; Т. 7. № 4416. С. 204; № 4466. С. 259.

⁸ ПСЗ-I. Т. 6. № 3860. С. 462–463.

⁹ ПСЗ-I. Т. 7. № 4475. С. 264–265.

¹⁰ ПСЗ-I. Т. 16. № 11630. С. 31, 33.

3. Заозерская Е. И. Торговля и купечество // Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957.
4. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4.
5. Козинцева Р. И. Внешнеторговый оборот Архангельской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1964.
6. Крестинин В. В. Исторический опыт о внешней торговле государя, императора Петра Великого, от 1693 года по 1719 год // Месяцеслов исторический и географический на 1795 год. СПб., 1795.
7. Овсянкин Е. И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000.
8. Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.
9. Покровский В. И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1901. Т. 1.
10. Предтеченский А. В. Население и быт Петербурга // Петербург петровского времени. Л., 1948.
11. Семенов А. В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговли и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. СПб., 1859. Ч. 3.
12. Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1993. Т. 15–16. Кн. 8: История России с древнейших времен.
13. Фоккеродт И. Г. Россия при Петре Великом // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. 2.

Pavel V. Lizunov

Doctor of Historical Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

(Russia, Severodvinsk)

E-mail: pavelvl@mail.ru

**FROM ARKHANGELSK TO ST. PETERSBURG:
“TRADE REVOLUTION” IN RUSSIA 1713–1724**

During the construction of St. Petersburg, Peter I paid special attention not only to the military situation of the future capital, but also to the possibilities of foreign trade. Petersburg was to become the main port of Russia, having significant advantages over the only sea harbor in Arkhangelsk. With the strong-willed decision of the king on the priority of the Baltic trade over the White Sea, the gradual decline of Arkhangelsk begins

Keywords: Arkhangelsk, Petersburg, Peter I, trade, merchants

Марискин Олег Иванович

д.и.н., заведующий кафедрой, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)
E-mail: mariskinoi@mail.ru

**НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

УДК 94(47)''18/19'':336.221

В докладе исследуется трансформация налоговой системы торгово-промышленного предпринимательства в России в пореформенный период. Основное внимание уделено анализу промыслового налога, сбору с торговли и промыслов земского налога, изменениям в системе косвенного налогообложения.

Ключевые слова: торгово-промышленная деятельность, промысловый налог, косвенные налоги, акцизы, пошлины, земские сборы

В пореформенный период торгово-промышленная деятельность являлась объектом как прямого (промысловый налог, земский сбор), так и косвенного налогообложения (акцизы).

«Положение о пошлинах за право торговли и промыслов» 1865 г. освободил торговлю и промышленность от лежавших на ней при крепостном праве резких сословных ограничений. В промысловом налоге 1865 г. учитывались внешние признаки деятельности того или иного рода предприятий, что способствовало крайней неуравнительности обложения и негативно отражалось на продуктивности промыслового налога для фиска. Сборы за права торговли и промыслов составили в 1867 г. 9,5 млн руб. (11,3 %, всех прямых налогов или 2,3 % всех государственных доходов); в 1884 г. — 21,0 млн руб. (19,8 % и 2,9 % соответственно)¹.

28 ноября 1884 г. Н. Х. Бунге внес в Государственный совет новый проект, ставший 15 января 1885 г. законом. Он содержал два вида дополнительных сборов: процентный, которому подлежали акционерные компании, товарищества на паях и прочие общества, обязанные публичной отчетностью, и раскладочный для прочих торговых и промышленных предприятий, обязанных по прежнему законодательству выборкою гильдейских свидетельств и билетов. Вопреки опасениям предпринимателей, его взимание не создавало препятствий для развития промышленности и торговли. Введение закона 1885 г. позволило увеличить поступления промыслового налога с 21,0 млн руб. в 1884 г. до 25,7 млн руб. в 1885 г. [6, с. 640]. В Казанской губернии средний сбор с торговли и промыслов составил в 1886–1895 гг. 490,3 тыс. руб., в Пензенской — 205,1 тыс. руб., Самарской — 498,1 тыс. руб., Симбирской губернии — 265,9 тыс. руб. [1, табл. 2].

«Положение о государственном промысловом налоге» от 8 июня 1898 г. способствовало большей уравнительности, пропорциональности и доходности обложения. Главной особенностью нового порядка промыслового обложения было перенесение центра внимания с предпринимателя на предприятие. Введение в действие «Положения о государственном промысловом налоге» 1898 г. значительно увеличило бюджетные поступления от торговли и промышленности. Если в 1898 г. данные доходы давали казне чуть более 48 млн руб., то в 1899 г. — более 60 млн руб. [4, с. 115]. В 1910 г. общая сумма промыслового налога составила 118,4 млн руб. (54,8 % прямых налогов или 4,3 % всех государственных доходов), в 1913 г. — 150,1 млн руб. (55,1 % и 4,4 % соответственно)².

Введение в России в 1864 г. новой системы местного управления повлекло за собой и коренное изменение местных земских налогов. Предметами обложения стали: 1) торговые и промышленные свидетельства; 2) земли; 3) податные лица. Трансформация земского сбора и промыслового налога изменила структуру налогоплательщиков, с развитием торговли и промышленности росли суммы земских бюджетов.

¹ Статистический временник Российской империи. СПб., 1886. Вып. 15. Сер. 3. С. 7, 140.

² Ежегодник Министерства финансов за 1916 г. Пг., 1917. С. 11, 16–17.

Так, в 1860 г. бюджет Пензенской губернии составлял 56,535 тыс. руб., в 1868 г. — 290,473 тыс. руб., в 1876 г. — 426,530 тыс. руб. По данным 1889 г., в Пензенском уездном земстве торговые документы и патенты были обложены 10,2 % на общую сумму в 75 171 руб. 42 коп. [3, с. 393].

Характерной чертой косвенного налогообложения России в пореформенный период было преобладание акцизов. В целом по России во второй половине XIX в. подлежали обложению акцизом следующие промышленные предприятия: винокуренные, водочные, пивоваренные, дрожжевые, уксусные, песочно-сахарные, рафинадные, нефтяно-керосиновые, табачные и спичечные. До 1881 г. взимался акциз с соли. Общая производительность заводов и фабрик России, подлежавших уплате акциза, росла достаточно быстрыми темпами. Так, в 1878 г. она составляла 185 млн руб., в 1892 г. — 367 млн руб., то есть увеличилась почти в 2 раза. Повысились и акцизные сборы: с 272 млн в 1882 г. до 398 млн руб. в 1894 г.³

Питейный акцизный доход давал треть всех податных поступлений казначейства. В 1863 г. винные налоги составили 121,5 млн руб., в 1865 г. — 120,5 млн руб., в 1867 г. с распространением устава о питейном сборе на Царство Польское — 134 млн руб., в 1879 г. — 215 млн руб., в 1881 г. — 224 млн руб., в 1884 г. — 244 млн руб., в 1888 г. — 264 млн руб., в 1893 г. — 261 млн руб., в 1895 г. — 298 млн руб. [5, с. 255–256].

Пензенская губерния была лидером в Среднем Поволжье по винокуренному производству. В 1860 г. 70 местных заводов произвели 11,5 % от общего объема вина для казны. Доля же винокурения в общем промышленном производстве губернии составила 46 % [7, с. 85].

С начала XX в., в связи с установлением льгот и быстрым ростом спроса на спирт в период установления казенной продажи питей, произошел быстрый рост винокурения в Пензенской губернии. Число действующих заводов увеличилось к 1910 г. до 68, к 1913 г. — до 92 [7, с. 86].

В целом фискальное значение винной монополии в дореволюционной России было исключительно велико. Ее доля в доходах государственного бюджета в начале XX в. была практически постоянной: в 1903 г. — 26,7%, в 1913 г. — 26,4 % . Поступления от монополии в 1907 г. составили 707,1 млн руб., в 1910 г. — 783,7 млн руб., в 1913 г. — 919,9 млн руб. [2, с. 6].

Акцизная политика оказала влияние на развитие спичечной промышленности. В Пензенской губернии данная отрасль возникла в конце 1850-х гг. из мелких кустарных заведений. До конца XIX в. большая часть фабрик изготавливала фосфорные спички. Затем они начали вытесняться безопасными бесфосфорными. С повышением в 1905 г. акцизов в два раза производство фосфорных спичек стало невыгодным, и их выпуск в Пензенской губернии был прекращен в 1907 г.

Из других производств, подлежавших обложению акцизом, необходимо отметить сахарные и крахмально-паточные заводы, а также табачно-махорочные фабрики. В 1860 г. в губернии действовало 13 сахарных заводов, в 1867 г. — 8, в 1875 г. — 4. К 1886 г. осталось только три завода, из них работал только один — сахарорафинадный, находившийся в г. Пензе. Но и этот завод к 1889 г. был закрыт [7, с. 79]. Крахмально-паточных заводов в Пензенской губернии в начале XX в. насчитывалось 22, табачно-махорочных фабрик было всего две (обе фабрики находились в г. Саранске).

В 1913 г. на косвенные налоги приходилось 21,8 %, пошлины — 5,7 %, правительственные регалии (в том числе на водочную монополию) — 32,8 %, доход от казенного имущества и капитала (в том числе от казенных железных дорог) — 26,8 %, а на прямые налоги только 8 % доходной части обыкновенного бюджета России, составлявшего 3 417,4 млн руб.⁴

В начале XX в. податная тяжесть прямого обложения была перенесена с крестьянского населения на торгово-промышленное и городское население, имущественные объекты. В то же время широкое распространение косвенных налогов имело крайне негативный характер: увеличивало налоговую нагрузку на предпринимателя, снижало покупательную способность населения, суживало рынок сбыта.

³ Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1896. С. 9–10.

⁴ Ежегодник Министерства финансов за 1914 г. Пг., 1914. Раздел XII.

Литература и источники

1. Антропов П. А. Финансово-статистический атлас России. 1885–1895. СПб., 1898.
2. Дементьев Г. Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг., 1917.
3. Евграфов Н. Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского земства, 1865–1889 г. Пенза, 1894.
4. Кашкаров М. П. Финансовые итоги последнего десятилетия. 1892–1901 гг. СПб., 1903. Т. 1.
5. Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913.
6. Министерство финансов. 1802–1902: в 2-х ч. СПб., 1902. Ч. 2.
7. Сумерин П. Г. Промышленность Пензенской губернии в дореволюционный период (1861–1913 гг.) // Ученые записки ПГПИ им. В. Г. Белинского. Пенза, 1958. Вып. 5. С. 66–142.

Oleg I. Mariskin

Doctor of Historical Sciences, National research Ogarev Mordovia State university (Russia, Saransk)

E-mail: mariskinoi@mail.ru

TAXATION OF COMMERCIAL AND INDUSTRIAL ACTIVITY IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19th — EARLY 20th CENTURY

The report examines the transformation of the tax system of commercial and industrial activity in Russia in the post-reform period. The main attention is paid to the analysis of the fishing tax, the collection from trade and crafts of the zemstvo tax, changes in the system of indirect taxation.

Keywords: commercial and industrial activity; commercial tax; indirect taxes; excise taxes; duties; zemstvo fees

Минаева Татьяна Станиславовна

д.и.н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Архангельск)

E-mail: t.minaeva@narfu.ru

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АРХАНГЕЛЬСКА КАК СТОЛИЦЫ БЕЛОМОРСКОГО СЕВЕРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

УДК 94(470.11)''18''

Архангельск как столица Беломорского Севера в первой половине XIX в. имел широкие перспективы развития. Экономическая жизнь города традиционно зависела не только от местных природных ресурсов и путей сообщения, но и от состояния внешней торговли, на которую влияли международные политические и экономические условия, таможенно-тарифная политика России, положение купечества. В торгово-промышленном развитии города в первой половине XIX в. проявлялись новые черты развития капиталистических отношений.

Ключевые слова: Архангельск, торгово-промышленное развитие, морской порт, купечество

В первые годы XIX в. Архангельск представлял собой медленно изменяющийся провинциальный город, тенденции развития которого определялись внешней торговлей. На долю беломорской торговли приходилось всего 4,3 % от общего внешнеторгового оборота страны. Короткие сроки навигации, удаленность Архангельска от центра России и главных западноевропейских партнеров не способствовали его экономическому развитию. К тому же узость местных рынков, слабость русского торгового флота оказывали свое негативное влияние. Беломорский экспорт начала века ограничивался продукцией самой Архангельской и соседних с ней губерний — Вологодской, Вятской, Пермской. Среди товаров, отправлявшихся за границу из Архангельского порта, преобладали продукты животноводства и земледелия (рожь, лен и льняное семя, говяжье сало). Из-за границы ввозились преимущественно такие товары, как сахар и сахарный песок (50 % импорта), вина, фрукты, табак, ткани, красители и другие мануфактурные изделия. Все внешнеторговые перевозки в начале века осуществлялись в основном иностранными судами, прежде всего английскими — 57 %, и немецкими — 25 %, тогда как на долю российских судов приходилось всего 3 % таких перевозок¹.

На начало XIX в. в Архангельске насчитывалось 27 купеческих контор, 9 из них принадлежали иностранцам, а остальные русским. Но русские купцы осуществляли лишь 41 % всего архангельского экспорта, в импортных операциях доля иностранных компаний была еще выше и составляла 62 %². Поощряя отправку товаров за границу на российских судах, правительство в 1800 г. учредило премию за всякое отправление корабля за море и за возвращение его оттуда по 15 рублей за ласт судна [1, с. 255]. Премии побудили купечество проявить предприимчивость в изыскании новых рынков. Так, слободской купец из Вятской губернии К. А. Анфилатов, торговавший при Архангельском порте и получивший правительственные льготы, впервые в истории отечественной торговли организовал плавание судов из Архангельска и Санкт-Петербурга в Нью-Йорк и Бостон, что привело к появлению в 1811 г. в Архангельске первой американской торговой фирмы «Дэвис Лаулер и Ко» и стимулировало других российских купцов к организации прямых торговых связей с Америкой³.

Показателем растущей инициативы предпринимателей города стало строительство речного наплавного моста между центральной частью Архангельска и островным районом — Соломбалой. К началу XIX в. в Соломбале уже образовалась большая купеческая гавань, и архангельское купечество первой

¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. Д. 277, 301, 355, 402, 438, 472.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 13. Оп. 2. Д. 780. Л. 16.

³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. Д. 501. Л. 40.

гильдии, занимавшееся внешней торговлей, начало испытывать трудности с переправой через реку Кузнечиху. В 1805 г. все купцы 1-й гильдии Архангельска подали прошение в Городскую думу о строительстве наплавного моста⁴. Дума поддержала его единогласно. В 1805 г. на постройку плавучего моста местные купцы внесли по 10 рублей с каждого своего корабля, пришедшего в порт, и, кроме того, подписали обязательство вносить по 5 рублей с корабля в последующие годы⁵.

Правительственная поддержка способствовала также появлению акционерной промысловой «Беломорской компании», основанной купцами, занимавшимися внешней торговлей при Архангельском порте. Предприятие просуществовало с 1803 по 1813 гг., действовало с переменным успехом, но разорилось из-за ущерба, нанесенного компании в ходе военных действий, связанных с континентальной блокадой Англии.

Организация тайной торговли с Англией в годы континентальной блокады и укрепление торговых связей с Норвегией в то же время позволила поднять объемы внешней торговли Архангельска почти в 6 раз, с 3,9 млн рублей в 1807 г. до 22,9 млн рублей в 1811 г.⁶, что окончательно вывело порт из кризисного состояния и повлияло на дальнейшее торгово-промышленное развитие города.

Русский Север, его природные богатства и потенциальные экономические возможности привлекали внимание российского правительства. В 1819 г. Архангельск посетил император Александр I. Выяснив причины затруднений архангельских купцов в организации торгового дела, он предоставил купечеству ряд льгот, в том числе освобождение на 20 лет от платежа в казну всех сборов и податей⁷. В 1820 г. только Архангельску было выдано разрешение сроком на 10 лет о наборе на российские суда иностранных матросов в любом количестве, так как купцам было дешевле фрахтовать иностранные суда, чем строить свои и искать для них опытную российскую команду⁸.

Развитие торговли влияло и на промышленное развитие Архангельска. Так, в начале века в Россию начал поступать английский рафинад, но с 1807 г. его поступление прекратилось, а в 1811–1816 гг. привоз рафинированного сахара вообще запретили. Все это вместе взятое стимулировало рост числа сахарных заводов в России. В 1810 г. архангельский купец гамбургского происхождения В. Брандт построил в Архангельске сахарный завод, который действовал до 1855 г. Завод работал на заграничном сахаре-сырце. Продукция шла не только на Север России, но и в Москву, на Ирбитскую, Ростовскую и Нижегородскую ярмарки. Такие же заводы появились у купцов Амосова и Грибанова с Дес-Фонтейнсом. Для поощрения сахарозаводчиков в Архангельске с 1846 г. существовала возвратная пошлина: 50 копеек с каждого вываренного пуда сахара (официальная таможенная пошлина — 75 копеек с 1 пуда сахарного песка) [1, с. 283].

Сырье для фабрик поступало с Кубы или из Бразилии, но чаще его привозили из Англии, а также из Бремена, Гамбурга и Амстердама. Иногда, но не более трех раз в год, корабли, принадлежавшие Брандту, отправлялись за сахаром в Америку, кроме того, почти ежегодно американские корабли посещали Архангельск с грузом сахара, кофе, сандала, фруктов и вина. К началу 1820-х гг. фирма В. Брандта стала во главе архангельских импортеров, коммерсант купил Маймаксанскую верфь в Архангельске и начал строить свои суда. Масштабы деятельности фирмы быстро росли, как и авторитет В. Брандта в заграничных кругах, о чем свидетельствовали назначения В. Брандта генеральным консулом Гамбурга, Ганноверским, Нидерландским, Датским и Бременским консулом в Архангельске.

В течение навигации 1827 г. Брандт успел отправить за границу 233 корабля с товарами⁹. В том же году филиал фирмы был открыт в Петербурге, а через год компания стала называться «Вильгельм

⁴ ГААО. Ф. 49. Оп. 2. Д. 1274. Л. 9.

⁵ ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т. 1. Д. 1406. Л. 12.

⁶ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. Д. 627. Л. 38; Ф. 6. Оп. 2. Т. 1. Д. 4. Л. 25об.

⁷ ГААО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 152. Л. 54.

⁸ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1008. Л. 259–262.

⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1106.

Брандт и сыновья». Брандту принадлежали также лесопильный, канатный, уксусный заводы и другие более мелкие предприятия. К 1832 г. товарооборот фирмы достиг 2,5 млн рублей серебром.

Еще одной производственной сферой, активно развивавшейся во второй четверти XIX в. в беломорской столице, стало лесопиление. В 1822 г. петербургский, позднее архангельский купец 1-й гильдии Егор Классен построил в Архангельске первый лесопильный завод и получил право на 20 лет вырубать для распиловки 30 тыс. деревьев¹⁰. В 1823 г. этот завод перешел В. Брандту. За год на заводе обрабатывалось до 60 тыс. бревен [2].

Тем не менее, количество заводов и фабрик в Архангельске сократилось с 67 в начале 1830-х гг. до 31 — в начале 1850-х гг., а число занятых на производстве до 410 человек¹¹. Причины отсутствия значительных успехов в фабрично-заводском деле, видимо, заключались в следующем: 1) недостаток капиталов для поддержания производства, 2) слабое знание технологии, 3) ограниченность сбыта, 4) недостаток сырья.

Важным показателем развития городской торговли и укрепления связей с другими районами стало учреждение в 1844 г. по решению городского общества Маргаритинской ярмарки, которая стала собираться в Архангельске ежегодно, с 1 сентября по 1 октября. Ярмарка была необходима и иностранным, и русским купцам, торговавшим в порту, поморским промысловикам для обмена товаров. В число крупных российских ярмарок она тогда еще не попала, но обороты ее год от года росли, увеличившись за вторую половину 1840-х гг. более чем в 2 раза¹². Главным товаром на ярмарке были рыба, пушнина, хлеб, ворванное сало. Архангельские купцы, кроме хлеба, предметов домашнего обихода и импортных товаров, представляли мед, хлопчатобумажные, шерстяные ткани и другие мануфактурные изделия, закупленные ими в столицах, на Нижегородской и Ростовской ярмарках.

Таким образом, в первой половине XIX в. в развитии Архангельска можно отметить как традиционные, так и новые черты. К первым можно отнести определяющее значение внешней торговли для экономики города, главенствующую роль в торговле и промышленности купцов иностранного происхождения, сохранение внутренних торговых связей с Поволжьем, Сибирью и соседними губерниями. Среди новых тенденций следует отметить растущую инициативность местного купечества и устойчивое внимание центральных властей к проблемам города. Повышалось значение лесозэкспорта, быстрыми темпами увеличивались поставки хлеба за рубеж из Архангельска, росла доля сырьевых материалов в структуре импорта, увеличивался объем внешнеторговых операций порта в целом, налаживались связи с новыми государствами (Норвегией, США, странами Южной Америки), — все это, в свою очередь, способствовало формированию торгово-промышленной буржуазии северной столицы и внутреннему развитию губернии.

Литература и источники

1. Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.
2. Куратов А. А. Брандт Вильгельм Иванович // Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 83.

¹⁰ ГААО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1008. Л. 211.

¹¹ ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 3. Л. 87об.–88.

¹² Там же. Л. 96об.

Tatiana S. Minaeva

Doctor of Historical Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
(Russia, Arkhangelsk)

E-mail: t.minaeva@narfu.ru

**TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE DEVELOPMENT OF ARKHANGELSK AS THE
CAPITAL OF THE WHITE SEA NORTH IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY**

Arkhangelsk, as the capital of the White Sea north, had broad development prospects in the first half of the 19th century. The economic life of the city traditionally depended not only on local natural resources and communication routes, but also on the state of foreign trade, which was influenced by international political and economic conditions, the customs and tariff policy of Russia, the position of merchants. In the commercial and industrial development of the city in the first half of the 19th century, new features of the development of capitalist relations were manifested.

Keywords: Arkhangelsk, commercial and industrial development, seaport, merchants

Михеев Михаил Викторович

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: mikheeviiiaururan@yandex.ru

**«ГОРОДСКОЙ РЕГИОНАЛИЗМ» В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 1940-х гг.
НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКА И ЛЕНИНГРАДА¹**

УДК 94(470.23-25+470.5)«1940»

В докладе описаны регионалистские экономические тенденции в Ленинграде в послевоенный период. Рассмотрен конфликт интересов между руководством Свердловска и Ленинграда за топливные ресурсы Печорского угольного бассейна. Показана роль председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского в разрешении этих противоречий в пользу Ленинграда.

Ключевые слова: Свердловск, Ленинград, регионализм, Печорский угольный бассейн, поздний сталинизм, Н. А. Вознесенский

Регионализм — явление, часто рассматривающееся в контексте сепаратизма. В данном случае оно имеет противоположное, но не менее деструктивное значение. Под регионализмом мы понимаем желание тех или иных «групп влияния» подчинить ресурсы страны (природные, людские промышленные и т. д.) интересам отдельно взятого региона, не принимая во внимание государственные приоритеты.

Советский Союз не был свободен от регионализма. По нашему мнению, пик экономического регионализма в СССР пришелся на период 1920–1940-х гг. Он имел несколько волн и был вызван различными обстоятельствами внутреннего и внешнего характера. Одна из таких волн стала следствием регионалистских тенденций в Ленинграде 1940-х гг. Последние вызвали конфликт интересов между руководством Ленинграда и Свердловска в силу разницы целеполаганий при проектировках систем территориальной организации размещения производительных сил в стране.

К началу Второй мировой войны Ленинград был одним из крупнейших индустриальных центров Советского Союза. Весной 1938 г. доля Ленинграда и Ленинградской области только в части размещения здесь предприятий Народного комиссариата оборонной промышленности составляла 17,3 % [6, с. 98]. По данным на 1940 г., удельный вес произведенной в Ленинграде промышленной продукции составил 10,5 % от общесоюзных показателей². Высокое место региона в системе советской экономики не было неувязимым. Его слабой стороной был преимущественно «обрабатывающий» характер ленинградской промышленности. Город был лишен собственных источников сырья, в первую очередь железной руды и каменного угля. Такое положение вещей было наследием дореволюционного времени. Тогда в пределах Санкт-Петербурга «старый режим» осуществлял концентрацию «казённых заводов и военно-морских заказов», работавших на дальнепривозных иностранных металле и топливе [3, с. 141]. Впоследствии их заменили поставки из регионов Юга, Урала и Центра. Решением проблемы правительство видело в строительстве металлургического комбината на Северо-Западе. Согласно постановлению СНК от 1940 г. комбинат, используя каменный уголь Печорского бассейна, должен был осуществлять плавки руд Кольского полуострова для снабжения Ленинграда металлом [4, с. 7]. Печорскому бассейну предстояло также обеспечивать город минеральным топливом. Реализация этих планов была прервана войной.

После 1945 г. ситуация усложнилась. Сама возможность сохранения ленинградской промышленности в ее довоенном виде оказалась под вопросом. Город потерял 63,4 % населения [2, с. 17]. Выпуск валовой продукции промышленности снизился на 68 %, в то время как в Западной Сибири и на Урале он

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159 «Картографические методы в исторических исследованиях: пространственная статистика, картирование границ, локализация археологических памятников» (рук. М. В. Михеев).

² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-24. Оп. 2. Д. 5663. Л. 25.

составил 270 % и 305 % от довоенного уровня [5, с. 214]. Форсированное развитие индустрии восточных районов не только уменьшило удельный вес Ленинграда в общесоюзном промышленном производстве (до 7 % в 1944 г.³), но и перетянуло на Восток основные потоки сырья, что ограничивало возможности восстановления и дальнейшего развития ленинградской индустрии, особенно в условиях разрушенной металлургии Юга.

Тем не менее, аппарат Ленинградского обкома ВКП(б) не был готов мириться со сложившейся ситуацией, ведь именно промышленный потенциал города обеспечивал его региональным властям традиционно высокое место в системе сталинской партийной номенклатуры. Стоит ли удивляться, что 5 сентября 1945 г. на объединенном бюро Ленинградского обкома и горкома, услышав от уполномоченного Госплана о планируемом снижении удельного веса ленинградской промышленности в СССР с 10,5 % в 1945 г. до 7 % в 1950 г., первый секретарь А. А. Кузнецов резко оборвал его: «Снижаться нельзя, никак нельзя. ... За удельный вес союзной промышленности нам нужно бороться. В музей мы не хотим превратиться. Будут нас уважать за историю, что Ленин и Сталин революцию здесь создавали, что белогвардейцев мы здесь убивали, что эталоном мужества и стойкости были. Но мы не хотим быть на выставке, хотим быть индустриальным центром»⁴. Эта позиция означала неминуемое увеличение промышленного производства в Ленинграде в абсолютных цифрах, ведь согласно разрабатывавшемуся в то время IV пятилетнему плану, валовая продукция основных отраслей советской индустрии возрастала до полутора раз⁵.

Планы ленинградского руководства, однако, входили в конфликт с планами руководства других регионов СССР. Так, еще с 1942 г. Свердловский обком ВКП(б) предпринимал последовательные шаги для переориентации угледобычи в Печорском бассейне под нужды металлургии Урала. В конце 1941 г. секретарь по черной металлургии Свердловского обкома ВКП(б) А. Б. Аристов предложил компенсировать за счет Печоры нехватку угля из Кузбасса, с доставкой которого с трудом справлялась перегруженная магистраль, связывавшая Центр с Востоком [1, с. 4, 23]. К концу войны Свердловским обкомом ВКП(б) активно лоббировался вопрос о строительстве Урало-Печорской железнодорожной магистрали, которая могла бы соединить Печорский каменноугольный бассейн с промышленными центрами Урала. Общий грузооборот проектируемой дороги в первые годы после ее открытия должен был составить 10 млн т в год⁶. Около 70 % всех перевозок (7 млн т) должны были приходиться на печорский уголь, что позволяло разгрузить на соответствующие объемы перевозок Урало-Сибирскую магистраль. Начать строительство магистрали планировалось уже в последние годы IV пятилетки⁷. Таким образом, свердловский проект освоения угольных ресурсов Северного Урала вступал в противоречие с интересами ленинградских руководителей.

21 октября 1948 г. свердловские предложения были рассмотрены заместителем Председателя Совмина СССР Г. М. Маленковым⁸. Свое согласие с проектом выразили все отраслевые министры. Еще 20 октября его одобрило Министерство лесобумажной промышленности, 26 октября поступило согласие министерств металлургии и угольной промышленности восточных районов. Министерство путей сообщения поддержало проект 12 ноября 1948 г.⁹ Однако возражения против строительства поступили 16 ноября 1948 г. со стороны Госплана. Он настаивал на сосредоточении усилий на достройке существующей Печорской железной дороги (построена в декабре 1941 г.) с переоборудованием ее в двухпутную магистраль на всем протяжении для снабжения печорскими углями промышленности районов Севера и Северо-Запада. Немедленное строительство Урало-Печорской магистрали, по мнению Госплана,

³ Там же. Л. 25.

⁴ Там же. Л. 26.

⁵ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. // Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 252.

⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 41. Д. 218. Л. 50–55.

⁷ Там же. Л. 50–55.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 134. Д. 425. Л. 108–114.

⁹ Там же. Л. 115, 116, 117, 118.

«привело бы лишь к распылению строительных ресурсов и не обеспечило бы ни своевременной достройки Печорской магистрали, ни ввода в действие Урало-Печорской железной дороги»¹⁰. Протест Госплана против строительства магистрали интересен с учетом того, что в докладе Госплана СССР «О предварительном проекте генерального хозяйственного плана СССР на 1946–1965 гг.», представленном в ЦК ВКП(б) и Совмин СССР, был целый раздел, посвященный необходимости «Соединения Печорского угольного бассейна с Северным Уралом»¹¹. И все же в 1948 г., несмотря на собственные доводы, Госплан СССР выступил против сооружения железной дороги между Печорой и Уралом в пользу модернизации Северо-Печорской дороги, соединявшей Печорский угольный бассейн с Севером и Северо-Западом.

Мы полагаем, что решающую роль в принятии такого решения сыграло покровительство со стороны руководителя Госплана Н. А. Вознесенского ленинградской политической группировке. Н. А. Вознесенский в 1949 г. был арестован и казнен по так называемому Ленинградскому делу. В документах Ленинградского обкома сохранились прямые упоминания об успешном лоббировании интересов города через председателя Госплана еще в 1945 г.: «...тов. Вознесенский говорит “Я хотел бы заслушать Ваш доклад по крупным вопросам, которые Вы решаете в четвёртой пятилетке, с тем, чтобы мне разрешить эти вопросы”»¹².

Литература и источники

1. Аристов А. Б. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 3–32.
2. Ваксер А. З. Возрождение ленинградской индустрии. 1945 — начало 1950-х гг. СПб., 2015.
3. Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1922.
4. Дьяков Ю. Л. Создание Северной угольно-металлургической базы СССР // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 3–15.
5. Можин В. П., Кистанов В. В., Лаврищев А. Н., Адамеску А. А., Токарев С. П. Планирование размещения производительных сил СССР: осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. М., 1985. Ч. 1.
6. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. М., 1996.

Mikhail V. Mikheev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: mikheeviiiaururan@yandex.ru

“URBAN REGIONALISM” IN THE SOVIET UNION OF THE 1940s ON THE EXAMPLE OF SVERDLOVSK AND LENINGRAD

The report describes the regionalist economic trends in the city of Leningrad in the post-war period. The conflict of interests between the leadership of Sverdlovsk and Leningrad for the fuel resources of the Pechora coal basin is considered. The role of the chairman of the USSR State Planning Committee N. A. Voznesensky in solving these contradictions in favor of Leningrad is shown.

Keywords: Sverdlovsk, Leningrad, regionalism, Pechora coal basin, late Stalinism, N. A. Voznesensky

¹⁰ Там же. Л. 119–120.

¹¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 96. Д. 239. Л. 28–35.

¹² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2. Д. 5663. Л. 76.

Неклюдов Евгений Георгиевич

д.и.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: ntplant9@mail.ru

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ И ПЕРМСКИЙ КАЗЕННЫЕ ОКРУГА В КОНТЕКСТЕ ГОРНОЙ РЕФОРМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

УДК 94(470.5)“18/19”

Прослеживается судьба двух уральских казенных горнозаводских округов, Екатеринбургского и Пермского, оказавшихся расформированными в ходе реализации горной реформы второй половины XIX — начала XX в. Описаны результаты «отчуждения в частные руки» заводов и промыслов, входивших в состав округов, представлены возможные причины неудачи большинства из них.

Ключевые слова: Урал, вторая половина XIX — начало XX в., горная реформа, Екатеринбургский округ, Пермский округ

В середине XIX в. Пермь и Екатеринбург были не только губернским и уездным городами, но и центрами двух горнозаводских округов — территориально-хозяйственных комплексов, которые являлись составными частями казенного сектора уральской горнозаводской промышленности.

Центральное место по своему расположению занимал Екатеринбургский округ, к которому относилась огромная территория в 1 120 тыс. десятин. Здесь действовали Каменский и Нижнеисетский металлургические заводы, Екатеринбургская механическая фабрика и Екатеринбургский монетный двор, а также Березовские золотые промыслы. Округ не отличался большими объемами производства, поскольку был «наименее обеспеченным горючими материалами» из-за расстроенного состояния принадлежавших ему лесов (до 445 тыс. дес.). В округе выплавлялось до 200 тыс. пуд. чугуна в год для выделки различных сортов железа и изготовления артиллерийских снарядов, пушек и чугунного литья. Механическая фабрика «производила машины как для казенных горных заводов, так и по заказам частных лиц», на Монетном дворе издавна чеканилась медная монета, Березовские промыслы давали до 33 пуд. золота в год.

В Пермском округе (его территория составляла 310 640 дес.) на двух заводах — Юговском и Мотовилихинском — выплавлялось в год в среднем 16 тыс. пуд. меди, шедшей преимущественно на «дело монеты». Кроме того, на Юговский завод поступала «десятичная штыковая медь» (в качестве горной подати) с частных предприятий, из которой изготовлялась листовая медь и «некоторые изделия для артиллерийского ведомства». На месте закрытого в 1863 г. Мотовилихинского завода возвели сталепушечную и чугунопушечную фабрики «для приготовления пушек всех калибров, начиная с малых полевых, до самых громадных крепостных». Строительство новых военных предприятий на полноводной Каме объяснялось как дешевой и удобной доставкой «сырых материалов» в основном из Гороблагодатского округа, так и не менее выгодной поставкой готовой продукции «ко всем главным стратегическим пунктам». В 1872 г. военные предприятия были слиты и стали называться Пермскими пушечными заводами¹

В ходе подготовки реформы организационных основ российской горнозаводской промышленности в числе многих решался и вопрос о судьбе казенных заводов и промыслов. Стимулом к этому стала назревшая необходимость сокращения государственных расходов. В 1866 г. Александр II повелел Податной комиссии Министерства финансов определить перечень заводов, которые без ущерба для обороны страны можно было передать «в частные руки». Принятые при этом решения оказались судьбоносными для Екатеринбургского и Пермского округов. Проведенный анализ показал, что в Пермском округе «специально» военную продукцию выпускали только пушечные заводы, а Юговский завод и все предприятия

¹ По вопросу о передаче некоторых казенных горных заводов в частные руки // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13. Ч. 1. Прил. 1 к журн. № 59.

Екатеринбургского округа изготавливали изделия, не особенно востребованные военными ведомствами. Такие предприятия и было предложено передать «в руки частной промышленности»². В 1868 г. Государственный совет поддержал предложения Комиссии, предписав продавать заводы с торгов лишь «после обеспечения поземельного устройства крестьян». Правила продажи с публичных торгов и перечень заводов Александр II утвердил 18 октября 1871 г.³

Наиболее подготовленными к продаже оказались Екатеринбургская механическая фабрика (к ней присоединился и закрытый Монетный двор) и Березовские промыслы, не имевшие «приписанного населения». Их было предложено продавать «в первую очередь»; подготовка к продаже остальных предприятий требовала более длительной подготовки, включавшей землеустройство многочисленного горнозаводского населения.

В ходе затянувшегося процесса «отчуждения» оба округа были расформированы, утратив прежнюю административную самостоятельность⁴. Это было вызвано как маломощностью окружных хозяйств, так и сложностью их производственной и пространственной организации, и вело к реальному сокращению государственных расходов за счет ликвидации окружного управления, на что и рассчитывали реформаторы.

Однако финансовой выгоды сама операция «отчуждения» не принесла, поскольку ни один из назначенных к продаже заводов этих округов так и не был продан. В малоэффективной и преждевременно завершенной аренде находились два предприятия, одно из которых было ликвидировано (Юговский завод после аренды горных инженеров И. Н. Урбановича и Д. И. Захаровского в 1892–1902 гг.) [1, с. 256–263], другое перешло в состав соседнего округа (Нижеисетский завод после аренды рабочей артели в 1907–1914 гг. был причислен к Воткинскому заводу) [2; 1, с. 267–280]. Два предприятия были закрыты и переведены в другое государственное ведомство (Екатеринбургская механическая фабрика и Монетный двор после неудавшихся попыток приватизации в 1883 г. перешли Екатеринбург-Тюменской железной дороге) [1, с. 241–246]; Каменский завод был исключен из перечня продававшихся предприятий, затем снова в него включен, но так и остался в горном ведомстве [1, с. 264–267].

Причинами неудачи оказалась не столько невысокая привлекательность для частных предпринимателей выставленных на продажу предприятий, запущенных в руках казны и требовавших серьезных инвестиций для дальнейшего развития, сколько условия самого отчуждения, связанные с необходимостью сохранения их промышленного профиля и предварительного землеустройства рабочих. Дополнительной причиной в этих условиях становилась и недостаточно гибкая позиция регионального горного начальства, пропустившего несколько вполне перспективных предложений (в частности, от известных екатеринбургских предпринимателей Н. И. Севастьянова и И. И. Симанова или промышленников Ятесов на покупку Механической фабрики, Д. П. Соломирского и Злоказовых на покупку Нижеисетского завода). Наиболее привлекательными оказались в такой ситуации золотые промыслы Екатеринбургского округа, не имевшие подобных ограничений. Они вызвали интерес у бизнеса и были довольно быстро, в 1874–1878 гг., отчуждены на публичных торгах компании В. И. Асташева и другим частным предпринимателям [3; 1, с. 334–342].

Таким образом, решения, принятые в ходе горной реформы второй половины XIX — начала XX в., определили судьбы Екатеринбургского и Пермского казенных горнозаводских округов, которые оказались по сути идентичны, но отличны от истории других казенных заводов Урала. Отметим, что два округа тогда были проданы (Богословский и Вятский), один сдан в аренду (Холуницкий) и только три сохранили свой прежний статус под управлением горного ведомства (Гороблагодатский, Златоустовский и Камско-Воткинский). Тем не менее, в результате всех этих перемен казенный сектор уральской горнозаводской промышленности существенно сократился, стал менее затратным и был

² Записка по вопросу о передаче некоторых казенных горных заводов в руки частной промышленности // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13. Ч. 1. Прил. 2 к журналу № 59.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). Т. 46. № 50048.

⁴ ПСЗ-II. Т. 41. № 43055; Т. 46. № 50108; ПСЗ-III. Т. 6. № 3569.

специализирован в основном на производстве военной продукции, как и предполагалось реформаторами 1860-х гг.

Литература и источники

1. Неклюдов Е. Г. Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX в.: от замысла к реализации. СПб., 2018.
2. Ольховая Л. В. К истории мелкого производства на Урале (Нижнеисетская трудовая артель. 1906–1915 гг.) // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 3. С. 7–14.
3. Сапоговская Л. В., Рукосуев Е. Ю. Березовская золотопромышленная компания (1874–1917 гг.). Екатеринбург, 2004.

Eugeny G. Neklyudov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: ntplant9@mail.ru

EKATERINBURG AND PERM STATE DISTRICTS IN THE CONTEXT OF MINING REFORM IN THE SECOND HALF OF THE 19th — EARLY 20th CENTURIES

The fate of two Ural state-owned mining districts — Ekaterinburg and Perm, which were disbanded during the implementation of the mining reform in the second half of the 19th — early 20th centuries is traced. The results to “alienate into private hands” the factories and industries that were part of the districts are described, the possible reasons for the failure of most of them are presented.

Keywords: Urals, second half of the 19th — early 20th centuries, mining reform, Ekaterinburg District, Perm District

Никулин Валерий Николаевич

д.и.н., профессор, Балтийский государственный университет им. И. Канта (г. Калининград)

E-mail: nikuliny@mail.ru

**НОВГОРОДСКАЯ ДЕРЕВНЯ И ГОРОД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(К ПРОБЛЕМЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ОТХОДА)**

УДК 94(470.24)''18/19''

Рассмотрено состояние отхожих промыслов в новгородской деревне во второй половине XIX — начале XX в. Охарактеризованы причины, порождавшие отходничество, направления отхода, его количественные и качественные характеристики. Уделено внимание социокультурным последствиям отхода новгородских крестьян.

Ключевые слова: Новгородская губерния, крестьяне, неземледельческие промыслы, отходничество, «раскрестьянивание»

Крестьяне неземледельческих губерний Европейской России, в том числе и Новгородской, еще с до-реформенных времен получали значительную часть необходимых в хозяйстве средств с помощью отхожих промыслов. Все более растущий отход крестьян из деревень определялся постоянно растущим малоземельем, тяжестью податей и ростом недоимок, хроническими неурожаями.

Наиболее развито было отходничество в волостях, расположенных в районах с многочисленными речными путями сообщения, связывавшими крестьянские селения с Санкт-Петербургом, и в местностях с железнодорожным сообщением. Там, где отсутствовала удобная транспортная инфраструктура, располагались волости, характеризовавшиеся слабым развитием отходничества.

Темпы развития отходничества значительно превосходили прирост крестьянского населения в Новгородской губернии. В то время как сельское население увеличилось с 1861 г. по 1905 г. в 1,8 раза, число отходников с 1861 г. по 1906 г. выросло в 6,3 раза. Отходничество новгородских крестьян находилось в прямой связи с процессом «раскрестьянивания» — отрывом от земли и превращением крестьян в наемных рабочих.

При устойчивом сокращении с 1861 г. к концу XIX в. количества выданных краткосрочных и полугодовых документов резко, почти в 10 раз, увеличилась выдача годовых паспортов. Это характеризует уровень отрыва крестьян-отходников от сельскохозяйственного производства. Крестьяне, уходившие на заработки по полугодовым паспортам и краткосрочным билетам, сохраняли связь с сельским хозяйством. Крестьяне, что уходили по годовым паспортам и на более длительные сроки, нередко совершенно порывали с земледелием, не участвовали в сельскохозяйственных работах, постоянно жили и трудились в городах. Связь их с деревней становилась крайне непрочной и состояла, как правило, лишь в уплате податей и повинностей и получении паспорта в волостном правлении на очередной год.

Такие документы брали, как правило, крестьяне, занявшиеся капиталистическим предпринимательством, или крестьяне, связавшие свою судьбу с постоянной работой по найму. По существу, происходило изменение социального статуса крестьян: одни пополняли ряды буржуазии, другие — наемных рабочих.

Росло отходничество новгородских крестьянок, являвшихся главной опорой деревенского хозяйства. В течение всего пореформенного периода Новгородская губерния была единственной среди губерний Европейской России, в которой женщины-отходницы преобладали над мужчинами-отходниками. Уход на заработки крестьянок оказывал серьезное влияние на крестьянское хозяйство, способствовал разрушению патриархального уклада крестьянской жизни, не в последнюю очередь сказывался на демографической ситуации в губернии.

В Новгородской губернии преобладал «ближний отход». Санкт-Петербург, также Псков, Новгород, Нарва давали работу большинству отходников северо-западных губерний. Проведенные однодневные переписи населения в столице свидетельствуют о значительном увеличении в ней числа новгородских

крестьян — с 18 тыс. человек в 1869 г. до 63 тыс. в 1900 г. Новгородская и другие губернии неземледельческого центра России были основным резервуаром рабочей силы для петербургской промышленности.

Новгородские отходники трудились преимущественно чернорабочими на металлических, текстильных, пороховых, газовых, стекольных, пивных и других предприятиях. Часть крестьян находила работу в сфере обслуживания — легковыми и ломовыми извозчиками, кучерами, дворниками. Прислугой работали $\frac{2}{3}$ новгородских женщин-отходниц. Следствием отходничества являлся отток из новгородской деревни рабочей силы, что было зафиксировано губернской администрацией.

Неземледельческие промыслы крестьян существенно влияли на процесс социального расслоения новгородской деревни, способствуя выделению крестьян-предпринимателей, использовавших наемный труд, и крестьян, живших продажей рабочих рук. Значительными и глубокими были последствия отходничества, влиявшие на социально-психологический облик крестьян, втянутых в промыслы. Это проявлялось в большем числе грамотных среди отходников, в подрыве основ патриархальной семьи, в изменении положения женщин, вовлеченных в отхожие промыслы.

Valery N. Nikulin

Doctor of Historical Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)

E-mail: nikuliny@mail.ru

**THE NOVGOROD VILLAGE AND THE CITY IN THE SECOND HALF OF THE 19th —
EARLY 20th CENTURIES (TO THE PROBLEM OF PEASANT SEASONAL WORK)**

The paper considers seasonal work (otkhodnichestvo) in the Novgorod village in the second half of the 19th — early 20th centuries. It characterizes the reasons that gave rise to seasonal work, its directions, quantitative and qualitative features. Attention is also paid to the socio-cultural consequences of seasonal work of the Novgorod peasants.

Keywords: Novgorod province, peasant, non-agricultural industries, otkhodnichestvo

Орешкин Олег Юрьевич

к.и.н., учитель истории, Школа имени дважды Героя Советского Союза И. С. Полбина (г. Москва)

E-mail: vicit1945@mail.ru

**РОЛЬ РЕГИОНОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОТДЕЛЕНИЙ ТОРГСИНА НА ПЕРИФЕРИИ В 1933–1935 гг.
(НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ)**

УДК 94(470.315)“1933/1935”

В докладе рассматривается потенциал регионов в организации деятельности Торгсина на территории Ивановской промышленной области в 1933–1935 гг. Представлены итоги привлечения валютных ценностей (золотые и серебряные монеты, иностранная валюта и драгоценные камни) и выполнения планов реализации промышленных и продовольственных товаров.

Ключевые слова: Ивановская областная контора Торгсин, Ивановская промышленная область, валютные ценности, индустриализация

В ходе перестройки экономики на рубеже 1920–1930-х гг. необходимы были дополнительные резервы для форсированной индустриализации. Одним из таких резервов стал Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами в СССР). Торгсин скупал у населения различные виды валютных ценностей — иностранную валюту, золотые и серебряные монеты, бытовое золото и серебро, а также драгоценные камни [2, с. 11–12]. В дальнейшем скупленные валютные ценности использовались для приобретения импортного оборудования для нужд индустриализации.

Крупнейшим исследователем проблемы Торгсина в постсоветский период является Е. А. Осокина. Отдельные фрагменты истории Торгсина обнаруживаются в исследованиях А. С. Ивановой, Е. Д. Твердюковой, Н. А. Грошковой, Л. А. Муравьевой.

Цель доклада — рассмотреть роль регионов в организации деятельности отделений Торгсина на примере Ивановской промышленной области (ИПО). Для достижения поставленной цели необходимо: 1) изучить роль местных властей в организации торговой сети; 2) исследовать возможности местной промышленности в деле снабжения товарами; 3) рассмотреть валютный потенциал населения региона; 4) проанализировать особенности кадрового потенциала региона в сфере торговли.

В начале 1930-х гг. г. Иваново стал центром четырех современных самостоятельных областей (Ивановской, Владимирской, Костромской и Ярославской). [1, с. 223]. В городе была сосредоточена политическая и экономическая власть региона. Руководство обширной территорией потребовало от города серьезных усилий.

В сущности, Торгсин, говоря современным языком, проект «федеральный», а его реализация во многом происходила за счет региональных ресурсов. В этой связи успешность Торгсина на периферии в вопросе привлечения валютных ценностей во многом зависела от позиций местных властей, усилий региональной промышленности и колхозов, кадрового потенциала и технических возможностей области. Эти ресурсы предстояло объединить ивановским властям.

Первым шагом в этом направлении стала передача центра принятия решений из Москвы (от Московской областной конторы Торгсин) в Иваново и создание в 1933 г. самостоятельной структуры — Ивановской областной конторы Торгсин (ИВОК). Появление ИВОК способствовало резкому росту количества торговых отделений. При поддержке Ивановского обкома ВКП(б), местная торговая сеть Торгсина получила лучшие помещения для торговли и складирования товаров, а также право на первоочередное снабжение ими. Торговая сеть Торгсина в ИПО в разные периоды своей деятельности была представлена не менее чем в 63 населенных пунктах ИПО.

Статус Торгсина как торгового учреждения потребовал ряда решений в области логистики. Своевременное снабжение товарами — одно из условий успешного функционирования отделений Торгсина

в Ивановской области. Эта задача была возложена на специально созданную Ивановскую областную базу Торгсина. Снабжение товарами осуществлялось преимущественно со стороны местной промышленности. В 1933 г. и по стране, и по региону потребность населения в продуктовых товарах резко превосходила потребность в промышленных товарах, что объясняется острым дефицитом продовольствия, возникшим в СССР в конце 1932 г. — начале 1933 г. Среди продовольственных товаров, наибольшим спросом у населения пользовалась хлебофуражная продукция, а также сахар и крупы. Среди промышленных товаров особый интерес для жителей представляли хлопчатобумажные ткани, шерсть и сукно.

Резкий рост торговой сети обозначил кадровую проблему в регионе. Обеспечение торговых учреждений Торгсина торговыми и руководящими работниками во многом было осуществлено благодаря собственному кадровому потенциалу Ивановской промышленности области.

Привлеченный потенциал Ивановского региона способствовал получению Торгсином различных видов валютных ценностей от населения. По имеющимся данным, объем всех видов валютных ценностей, приобретенных Торгсином в ИПО за 1933–1935 гг., составил не менее 3 857 742,6 зол. руб.¹ За аналогичный период Торгсин реализовал товары населению на сумму 3 849 461,4 зол. руб.²

На основе тезисов доклада мы приходим к следующим выводам. Решения, содержащиеся в документах обкома ВКП(б) в ИПО, свидетельствуют о поддержке со стороны местного начальства региональной конторы Торгсина. Объем реализованных товаров позволяет говорить о важной роли местной промышленности для снабжения Торгсина в ИПО. На основании объема валютных ценностей, полученных торговой сетью в целом по СССР и в рамках изучаемой периферийной конторы, мы можем утверждать, что Торгсин выполнил свою главную миссию — выступил в качестве дополнительного источника финансирования индустриализации СССР. Полученные данные свидетельствуют о высоком потенциале периферийных территорий в деле накопления валютных ценностей. Открытие отделений Торгсина в ИПО и допуск в них советского покупателя позволил им выполнить важную социальную миссию: обеспечить часть населения области товарами первой необходимости, смягчить последствия дефицита продовольствия в стране. Значительный процент управленческого и торгового аппарата сети Торгсина в ИПО состоял из «бывших», так называемых спецов, уроженцев местного края. Можно предположить, что часть этих сотрудников составляли бывшие работники кооперативов.

Литература и источники

1. Околотин В. С. ИПО (1929–1936 гг.). Уроки экономической истории. Иваново, 2009.
2. Осокина Е. А. Золото для индустриализации: Торгсин. М., 2009.

Oleg Yu. Oreshkin

Candidate of Historical Sciences, School named after twice Hero of the Soviet Union I. S. Polbin
(Russia, Moscow)

E-mail: vicit1945@mail.ru

THE ROLE OF THE REGIONS IN THE ORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF THE OFFICES OF TORGSIN ON THE PERIPHERY IN 1933–1935 (BASED ON THE MATERIALS OF THE IVANOVO INDUSTRIAL REGION)

The report examines the potential of the regions in organization the activities of the Torgsin in the territory. The results of attracting currency values (gold and silver coins, foreign currency and precious stones) and the implementation of plans for the sale of industrial and food products.

Keywords: Ivanovo regional office Torgsin, Ivanovo industrial region, currency values, industrialization

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1285. Оп. 2. Д. 109. Л. 115; Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 26, 114, 173, 275, 330; Д. 92. Л. 170об., 175об., 223об., 267об., 335об., 396об., 461об.

² ГАИО. Ф. Р-1285. Оп. 2. Д. 109. Л. 116об.; Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 28об., 115об., 177об., 277об., 332об.; Д. 92. Л. 18–19, 176–177, 268–269, 336–337, 397–398, 462–463.

Серазетдинов Борис Уразбекович

к.и.н., в.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)

E-mail: sbu54@bk.ru

**ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

УДК 94(47) 084.8

Подведены итоги изучения военной экономики Молотовской области в годы Великой Отечественной войны в постсоветской историографии. Выявлены определенные успехи в изучении работы предприятий оборонно-промышленного комплекса, отмечается введение в научный оборот новых комплексов источников. Тем не менее, автор приходит к выводу о существовании пробелов в исследовании таких ведущих отраслей военной промышленности, как производство вооружений, боеприпасов, военное судостроение.

Ключевые слова: отечественная историография, Великая Отечественная война, военная экономика, Молотовская область, оборонно-промышленный комплекс

Постсоветский период — время открытия новых архивных данных и переосмысления многих аспектов истории. В этот период появились многочисленные публикации и монографии, в которых на основе ряда недоступных ранее источников из центральных и региональных архивов освещается развитие военно-промышленного комплекса СССР в годы войны.

Большой вклад в первичный анализ статистических данных о развитии уральской промышленности в целом накануне и в годы Великой Отечественной войны внес А. А. Антуфьев [1]. Появились исследования, посвященные истории оборонной промышленности. Это прежде всего «История промышленности Пермского края XX век» [2]. В издании «Пермский край в Великой Отечественной войне: сборник документов» представлены документы промышленных предприятий, научно-исследовательских институтов, трестов и других организаций по самой разнообразной тематике. Большая часть представленных в сборнике документов публикуется впервые [3].

Пермские историки и краеведы провели большую работу по изучению работы предприятий, которые выпускали артиллерийские орудия [4; 5], двигатели для самолетов [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12], стрелковое оружие [13], безгазовые составы для дистанционных взрывателей, специальные составы для взрывателей к снарядам мелкокалиберной зенитной артиллерии, глубинные противолодочные авиабомбы, взрыватели для снарядов к танковым и противотанковым, полковым и дивизионным пушкам, к дивизионным гаубицам, для осколочно-трассирующих снарядов к зенитным пушкам и для осколочных мин, взрыватели М-50 для минометных снарядов, МД-5, МД-6 для 23-мм и 25-мм бронебойных снарядов, МГ-8 к снарядам для зенитных пушек, К-20 к авиационным снарядам [14; 15], корпуса артиллерийских снарядов, а также освоили минно-тральное производство (противолодочные и противоторпедные сети), производство бронекатеров [16; 17] и аэросаней [18; 19].

Отдельные особенности положения аграрного сектора Молотовской области в годы войны нашли отражение в энциклопедии «Пермский край в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.» [20]. Проблемы аграрного сектора военной экономики в военные годы до 2012 г. затрагивались исключительно в рамках тематических разделов обобщающих работ [21; 22; 23]. Лишь в последние годы разработка данной темы стала привлекать внимание исследователей [24].

Краткий историографический обзор показывает, что проблема создания и развития военной экономики в Молотовской области в годы Великой Отечественной войны до сих пор разработана фрагментарно. Несмотря на достигнутые успехи, недостаточно изученными остаются проблемы истории таких ведущих отраслей военной промышленности, как производство вооружений и боеприпасов, а также

военное судостроение. Между тем, без углубленного изучения истории военной экономики в региональном аспекте невозможно ответить на вопросы, касающиеся реальных производственных возможностей оборонной промышленности страны в годы военного лихолетья.

Литература и источники

1. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.
2. История промышленности Пермского края XX век. Пермь, 2006.
3. Пермский край в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Пермь, 2018.
4. Веретенев В. Сохраняя традиции: Мотовилихе — 285 лет // Уральский следопыт. 2021. № 5. С. 14–17.
5. Бессмертный цех: книга воспоминаний / [предисл. Е. Соколовской]. Пермь, 2020.
6. Семенов Г. Ф. И стал нам полем боя цех: дневник фронтовой бригады. Пермь, 1990.
7. Попович Е. В. Факторы успеха завода № 19 им. Сталина в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Город Пермь в промышленном развитии России: исторический опыт и современный потенциал: материалы научно-практической конференции. Пермь, 2018. С. 48–59.
8. Феномен Солдатова. Исследования. Воспоминания. Документы: к 100-летию со дня рождения А. Г. Солдатова / отв. сост. Т. И. Силина. Пермь, 2004.
9. Арестов В. А. Роль А. Г. Солдатова в развитии Пермского моторного завода: 1942–1953 годы // Город Пермь в промышленном развитии России: исторический опыт и современный потенциал: материалы научно-практической конференции. Пермь, 2018. С. 207–213.
10. Силина Т. И. Моторы Победы: [об истории завода «Моторостроитель» им. Я. М. Свердлова (Пермские моторы) во время войны]. Пермь, 2017.
11. Ивашкевич В. Пермский «мотор Победы» — АШ-82ФН // Компаньон magazine. 2018. № 2 (111). С. 26–28.
12. Победа в деталях: [завод № 19: коллективу пермских моторостроителей посвящается: фотоальбом] / сост. В. Гаврилова. Пермь, 2020.
13. Гриф М. Л. Пистолет-пулемет системы Зайцева — подарок молотовских авиамоторостроителей // Дней и лет круговорот: календарь-справочник города Перми и Пермского края. Пермь, 2015. С. 180–186.
14. Пермский пороховой бастион. 85: Пермский пороховой завод — 85 лет, 1934–2019: история завода — в истории страны... / ред. М. Г. Коровушкина; авт. текста В. Н. Коровин. Пермь, 2019.
15. Ваганова Е. В. Пороховая столица: завод № 98 в годы Великой Отечественной войны // Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве: 2019. Пермь, 2020. С. 444–450.
16. Гриф М. Л. Памятник плавающей крепости. Тайны речного бронекатера № 181 // Пермский дом в истории и культуре края: материалы 8-й научно-практической конференции. Пермь, 2015. С. 45–56.
17. Гриф М. Л. Тайны пермского речного танка // Пермь: история города как пространство диалога: открытый исторический форум: сборник статей научно-практической конференции «Город Пермь: тенденции и динамика исторического развития». Пермь, 2015. С. 95–104.
18. Зыкин И. В. Динамика экономических показателей в лесопромышленном комплексе Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы XIV Всероссийской научной конференции: в 2-х т. Екатеринбург, 2020. Т. 2. С. 557–563.
19. Мельчакова О. А. Производство аэросаней в Перми: по воспоминаниям Г. В. Парамошкина и приказам по личному составу лесокombината «Красный Октябрь» // Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве: 2019. Пермь, 2020. С. 327–333.
20. Пермский край в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: энциклопедия / сост. Т. С. Волкова, В. И. Тетерин, А. В. Хованская, Ю. Б. Шувалова, О. В. Ярома. [Екатеринбург]. URL: <https://www.permgaspi.ru/enc/> (дата обращения: 10.05.2023).
21. Мотрович В. П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург, 1993.

22. Якунцов И. А. Урал в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пермь, 2003.
23. Пермский край в Великой Отечественной войне: сборник документов / науч. ред. Л. А. Обухов. Пермь, 2018.
24. Аграрное производство Пермского края в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: справочник / сост. Ю. Б. Шувалова, Т. С. Волкова, О. В. Ярома, А. В. Хованская, В. И. Тетерин. Пермь, 2020.

Boris U. Serazetdinov

Candidate of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: sbu54@bk.ru

MILITARY ECONOMY OF THE MOLOTOV REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM IN THE POST-SOVIET PERIOD

The paper sums up the results of the study of the military economy of the Molotov region during the Great Patriotic War in the post-Soviet historiography. Certain successes have been revealed in the study of the work of enterprises of the military-industrial complex, the introduction of new complexes of sources into scientific circulation is noted. However, the author comes to the conclusion that there are gaps in the study of such leading branches of the military industry as the production of weapons, ammunition, military shipbuilding.

Keywords: domestic historiography, military economy of the Molotov region, military-industrial complex, interdisciplinary research

Слудных Анатолий Владимирович,

к.и.н., генеральный директор, АО ПО «Уральский оптико-механический завод им Э. С. Яламова»
(г. Екатеринбург)

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО ОПТИКО-МЕХАНИЧЕСКОГО ЗАВОДА)

УДК 719(470.5):681.7

В докладе проанализирована роль Уральского оптико-механического завода в индустриальном наследии города Екатеринбурга. Кратко изложена история предприятия, роль завода в развитии промышленности города, становлении его жилищной, социальной инфраструктуры, человеческого потенциала.

Ключевые слова: Уральский оптико-механический завод, Екатеринбург, индустриальное наследие, оптические приборы

Город Екатеринбург сегодня — четвертый по численности населения и по территории город-миллионер в России, административный центр Свердловской области и Уральского федерального округа. Уральский оптико-механический завод является одним из крупнейших предприятий города и страны. Индустриальное наследие Екатеринбурга во многом связано с историей завода.

Началась история предприятия в Москве, в 1837 г., с оптико-механической фирмы Ф. Швабе¹, его имя сегодня носит Холдинг, в состав которого входит завод. В советское время фирма Ф. Швабе была преобразована в производственное объединение «Геофизика»², а в 1937 г. предприятие было засекречено как «Завод № 217», поскольку приобрело оборонную специализацию³.

В 1941 г. завод был эвакуирован в г. Свердловск, в стратегически безопасный Уральский регион с развитой сырьевой и промышленной базой [3]. С 1941 г. и по сегодняшний день развитие завода неразрывно связано с историей города Свердловска — Екатеринбурга.

Осенью 1941 г. в рекордно короткие сроки, в условиях налетов немецкой авиации, нехватки подвижного состава, средств погрузки и рабочей силы в Свердловск было переправлено 10 эшелонов оборудования, материалов, инструментов, технической документации. Для перевозки крупногабаритного заводского оборудования была проведена специальная трамвайная ветка, для электропитания предприятия построен трансформаторный пункт, проложена кабельная ЛЭП⁴.

В Свердловске производственные площади завода по сравнению с Москвой сократились в два раза. Предприятие было размещено в не приспособленных для высокотехнологичного производства недостроенных зданиях учебных заведений. Заводу были переданы разбросанные по городу земельные участки: во Втузгородке (по улице Малышева и Студенческой) — под склады; по Березовскому тракту — под строительство корпусов. В 1946 г. заводу № 217 была предоставлена площадка эвакуированного из Подмоскovie завода № 46 (на территории бывшей текстильной фабрики им. Ленина)⁵.

В годы войны завод № 217 единственный в стране выпускал бомбардировочные авиаприцелы, танковые призмы, перископические артиллерийские буссоли, топогеодезические приборы, прицелы стрелкового вооружения, бомбардировочные прицелы-полуавтоматы. Он снабжал фронт дефицитными изделиями не оптического профиля: минными взрывателями, узлами затвора к «Катюше», приемником к пулемету «Максим». За годы войны на заводе было разработано 17 новых видов вооружения. Предприятие стало частью военно-промышленного комплекса СССР.

¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 51. Оп. 10. Д. 1921. Л. 32.

² Там же. Л. 30.

³ Приказ № 21, 14 февраля 1937 г. // Архив АО ПО «УОМЗ»: Приказы по заводу № 217 НКОП СССР за 1937 г.

⁴ Григорьев И. И. Из истории Свердловского оптико-механического завода периода Великой Отечественной войны. Свердловск, 1959 // Архив АО ПО «УОМЗ».

⁵ Постановление № 320 Суженного заседания Исполкома Комитета Свердловского Городского Совета депутатов трудящихся, 8 октября 1941 г. // Музей АО ПО «УОМЗ».

В Свердловск в начале войны приехало 3,5 тыс. работников завода, с семьями количество эвакуированных составило 10 тыс. человек. Большинство из них навсегда стали жителями Свердловска. Именно поэтому были построены не просто новые производственные корпуса. Жилой фонд завода постоянно пополнялся домами в разных районах города (по Сибирскому тракту, в поселке «Синие камни»). Кроме того, при заводе было создано коллективное подсобное хозяйство.

Процессы индустриальной модернизации продолжились в 1950–1980-е гг. Они не ограничивались развитием производственных мощностей, огромную роль в них играли социальные процессы, личностный потенциал участников индустриализации.

Коллектив завода создавал высокотехнологичное производство в Свердловске во главе с директорами предприятия: В. О. Сафроновым, И. М. Корниловым, Э. С. Яламовым, другими руководителями [2]. Начальники цехов, конструкторы, инженеры и рабочие, комсомольские и партийно-государственные работники Свердловска внесли свою лепту не только в развитие предприятия, но и города в целом, его социальной сферы. Так, в начале 1950-х гг. при предприятии появился детский сад на 100 детей. Открылся заводской дом отдыха, пионерский лагерь, санаторий. Пошивочная и сапожная мастерские, парикмахерская, банно-прачечный комбинат обслуживали быт заводчан. Гордостью коллектива были духовой оркестр, драмкружок, хор. Заводская футбольная команда была одной из сильнейших в городе⁶.

Во второй половине XX в. оптика стала одним из лидеров индустриального развития, «локомотивом» индустриальной модернизации страны. Уральский оптико-механический завод стал главным предприятием оптико-механической промышленности Урала. Заводские приборы использовались в строительстве, сельском хозяйстве, геологоразведке. Первый в стране фазовый дальномер с полупроводниковым излучателем, произведенный на заводе, использовался в исследовании Южного полюса. Предприятие способствовало электрификации Свердловской области: производило оборудование для электростанций [4].

Наряду с выпуском геодезических, медицинских, светотехнических приборов завод производил оптические приборы и разрабатывал технологии для военно-промышленного комплекса и космоса, атомной энергетики и электроники. На предприятии было создано конвейерное автоматизированное наукоемкое производство. Появились станки с программным управлением, алмазный инструмент, юстировочная аппаратура, освоены новые способы отлива стекла [1]. Развивалось сотрудничество Уральского оптико-механического завода с научными и учебными заведениями города и региона: Уральским филиалом АН СССР, Свердловским научно-исследовательским проектно-технологическим институтом машиностроения, Уральским политехническим институтом им. С. М. Кирова.

Таким образом, история одного из крупнейших предприятий оптико-механической отрасли страны Уральского оптико-механического завода составляет важную часть индустриального наследия города Екатеринбурга и Свердловской области: его локаций, промышленных и жилых зданий, специалистов. Завод способствовал не только развитию промышленной базы города, но и становлению его жилищной, социальной инфраструктуры, человеческого потенциала.

Литература и источники

1. Коридоров Э. А. Уральский оптико-механический завод: под счастливой звездой. Екатеринбург, 2002.
2. Куренец Р. М. История завода — история людей. Екатеринбург, 2014.
3. Сперанский А. В. Формирование оборонно-индустриального комплекса на Урале в начальный период Великой Отечественной войны // Известия Уральского федерального университета. 2012. № 2 (102). С. 146–155.
4. Шубарина Л. В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: исторический опыт регионального развития (1945–1965 гг.) // Вестник Военного университета. 2010. № 2 (22). С. 68–73.

⁶ Большевицские темпы. 1942. № 48 // Музей АО ПО «УОМЗ».

Anatoly V. Sludnyh

Candidate of Historical Sciences, Ural Optical and Mechanical Plant (Russia, Ekaterinburg)

**INDUSTRIAL HERITAGE OF EKATERINBURG
(ON THE EXAMPLE OF THE URAL OPTICAL AND MECHANICAL PLANT)**

The report analyzes the role of the Ural Optical and Mechanical Plant in the industrial heritage of the city of Ekaterinburg. The history of the enterprise, the role of the plant in the development of the city's industry, the formation of its housing, social infrastructure, and human potential are briefly described.

Keywords: Ural Optical and Mechanical Plant, Ekaterinburg, industrial heritage, optical devices

Тагирова Наиля Фаридовна

д.и.н., в.н.с., Самарский федеральный исследовательский центр РАН (г. Самара)

E-mail: tag-nailya@yandex.ru

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В XIX–XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖЬЯ)

УДК 94(470.4)''18/19''

Автор рассматривает преимущества и ограничения научной концепции модернизации для анализа экономических связей между городом и деревней в России на протяжении двух столетий, характеризует изучение их как преимущественно однонаправленные и центростремительные, предлагает новые сюжеты для изучения.

Ключевые слова: торговые и экономические связи, город и деревня, урбанизация, индустриализация, Среднее Поволжье

Основные наработки в изучении темы «Город» в отечественной историографии сделаны в рамках концепции модернизации, которая предполагает, что исторически города возникали, либо как центры ремесла и торговли, либо как центры административного управления и религиозно-духовного значения.

В ходе развития общества число городов и численность населения в них увеличивались. Урбанизация стала ведущей тенденцией в условиях промышленного переворота и последующих технологических революций. Сегодня в городах проживает большинство населения.

Территориально-пространственный ракурс исследования темы «Город» учитывает экономико-географическое положение, преимущества расположения городов. Это направление изучает тяготение населения, товаров к этим пунктам, расположение транспортных коммуникаций, размещение институтов и административных учреждений. Здесь также преобладает центростремительный взгляд: город как центр притяжения сельской округи, как место реализации торгово-экономических запросов населения, как центр местного и регионального рынка, как главный «конструктор» технических и технологических изменений.

Взаимодействие города и деревни в рамках концепции модернизации выстраивается вокруг сюжетов, связанных с обменом, преимущественно товарным. Мы рассматривали взаимодействие «город–деревня» в Среднем Поволжье на протяжении XIX–XX вв. Безусловно, что за два столетия специализация региона в общероссийском торгово-экономическом пространстве кардинально изменилось — от аграрного к индустриальному и постиндустриальному. Мы рассматривали сферу зернового (мукомольного) производства и сбыта.

Используя аккумулятивный подход, обобщенно отобразим его основных участников и формы их взаимодействия в области хлебной торговли (табл.).

Таблица

**Основные участники торгово-экономического взаимодействия города
и деревни в сфере обмена сельскохозяйственной продукции XIX–XX вв.**

	Первая половина XIX в.	Вторая половина XIX в.	Первая треть XX в. (1900–1929 гг.)	XX в. (1930–1991 гг.)
Главные акторы сельскохозяйственного производства	Помещичьи имения, промышленные предприятия крупных городов	Помещичьи экономии	Крестьянские и фермерские хозяйства	Коллективные крестьянские хозяйства
Главные акторы обмена города и деревни	Купцы-оптовики	Купцы, земство	Куцы, земство, кооперативы, государство	Государство, потребительская кооперация (заготовители)

	Первая половина XIX в.	Вторая половина XIX в.	Первая треть XX в. (1900–1929 гг.)	XX в. (1930–1991 гг.)
Формы взаимодействия	Рыночно-договорная			
(персонализированная модель обмена, по Д. Нортю)	Рыночно-ценовая			
(специализированная модель обмена, по Д. Нортю)	Рыночно-ценовая, рыночно-договорная, государственные реквизиции 1916–1920 гг.	Государственное планирование производства, обмена, распределения и потребления		
Виды торговли и обмена	Сельские ярмарки, городские базары	Сельские ярмарки и лавки, городские магазины и базары, биржи	Сельские ярмарки и лавки, городские магазины и базары, биржи, банки (хлеботорговые операции Госбанка) и комиссионные операции ком. Банков. Гос. монополия хлебной торговли в 1916–1920 гг.	Государственные организации по закупке, снабжению и сбыту (центральные и региональные)
Местоположение основных обменных пунктов	Село	Город	Город	Город

Мы видим, что на протяжении двух столетий местом соединения интересов города и села, точкой обмена был город. Здесь же были расположены основные учреждения, организовывавшие специализированный обмен. Транспортные коммуникации, прежде всего железные дороги, корректировали ситуацию, но не кардинально.

Формы торгово-экономического взаимодействия города и деревни за прошедшие два столетия строились преимущественно на рыночных основаниях. Это означает, что в основе обмена лежали интересы его выгоды (прибыли). Доход (прибыль) возможно было увеличивать за счет снижения издержек в процессе обмена, повышения производительности труда в производственном секторе, снижении транспортных расходов. При специализированном обмене, который стал ведущим уже со второй половины XIX в., росте числа участников, снижение торговых издержек было практически невозможно, повышение производительности и эффективности труда требовало финансовых, научных, технических и технологических вложений (инвестиций). Это значит, что наиболее быстрый способ снижения издержек при рыночном обмене города и деревни — это снижение первоначальной цены закупки товара у сельского производителя.

Торговые связи в этом случае приобретали преимущественно однонаправленный характер, проявлявшийся в «оседании» прибыли в городах. Несмотря на смену государственной стратегии от рыночной к административно-распределительной (в советский период), преобладание политики по удовлетворению прежде всего городских запросов населения над сельским также сохранилось. То есть на протяжении XIX–XX вв. «город» (в широком смысле) оставался ведущим участником торгово-экономического взаимодействия, выступая как потребитель (условно «реципиент»), а село — как поставщик товаров (условно «донор»).

Такой ход мышления применительно к вопросу взаимодействия «город–деревня», думается, сохраняется. Выстраивание взаимоотношений по линии неэквивалентного обмена вело к тому, что производственные возможности села истощались, а село вымирало. Эти явления усиливала и демографическая политика. И тогда город как главный потребитель сельскохозяйственной продукции начинает брать ее из другой деревни, условно именуемой Global Village. Мышление в рамках концепции модернизации, ее

реализация на протяжении XIX–XX вв. приводят к подобному логическому заключению об эволюции экономических связей, при которых российское село исчезает как его полноправный участник.

Современные реалии («умирание» узкопрофильных промышленных городов, ухудшение их экологического состояния, стремление части горожан к сельскому образу жизни и т. д.) показывают необходимость дополнения научной концепции модернизации иными ориентирами.

С нашей точки зрения, одна из возможностей такого дополнения — это очередное смещение акцентов в изучении темы, изучение связей как двусторонних контактов: село — городу, город — селу. Среди этих новых сюжетов могут быть формы и факторы (торгово-рыночные, планоно-распределительные) влияния города на деревню. Априори считается, что это воздействие было прогрессивным (индустриализация села, революционно-просветительская и образовательная деятельность).

Каким было влияние села на город? Какие сельские традиции, в том числе духовные, связанные с трудом, обменом и коммуникациями переносились в город из села? Как они менялись: исчезали, трансформировались? К примеру, персонализированный обмен сохраняется сегодня в базарной торговле. Вопрос о взаимном влиянии важен, так как стихийное стремление горожан в село сопровождается привнесением туда традиций городского быта и образа жизни. А это уже традиции больше потребительского поведения, которые укоренились в современном городе.

Итак, в научных историко-экономических изысканиях XIX–XXI вв. при изучении модернизации, в разные ее периоды, именно город был и остается главным объектом изучения. Тем не менее, потенциал теоретической концепции модернизации не исчерпан до конца. С нашей точки зрения, его возможно развивать, опираясь не столько односторонне на объект «город», сколько на взаимосвязь «город–деревня». Данные размышления основаны на изучении материалов городской и сельской истории Среднего Поволжья. Возможно, они носят локальный характер, а потому представляет интерес сопоставление аналогичных связей на материалах других регионов.

Экономические связи города и деревни представляют собой многоуровневый, разноразрядный (с точки зрения города, села и самой коммуникации между ними) предмет изучения. В каждый момент времени действует подвижная, настолько сложная и необъятная сеть взаимодействий, которая говорит о невозможности человеческого разума исследовать все эти аспекты одинаково полно и объективно. Хотя это невероятно притягательный подход и к нему надо стремиться.

Nailya F. Tagirova

Doctor of Historical Sciences, Samara Federal Research Center of the RAS (Russia, Samara)

E-mail: tag-nailya@yandex.ru

**THE CITY AND THE COUNTRYSIDE:
EVOLUTION OF TRADE AND ECONOMIC INTERACTIONS IN THE 19th — 20th CENTURIES
(ON THE MATERIALS OF THE VOLGA REGION)**

The author considers the advantages and limitations of the modernization concept for the analysis of economic relations between the city and the countryside in Russia over the course of two centuries, characterizes their study as predominantly unidirectional and centripetal, and offers new subjects for study.

Keywords: trade and economic relations, city and countryside, urbanization, industrialization, Middle Volga region

Чжан Гуансян

д.и.н., профессор, Цзилиньский университет (г. Чанчунь, КНР)

E-mail: zhangguangxiang388@sina.com

КОСВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ МЕДЛЕННОЙ УРБАНИЗАЦИИ В РОССИИ XVIII–XIX вв.

УДК 94(47)“17/18”

В докладе характеризуются урбанизационные процессы в России XVIII–XIX вв. и прежде всего причины их замедленной динамики: ценовая революция, развитость крестьянских промыслов, традиции общинного общежития в деревне, миграционная политика правительства и др.

Ключевые слова: урбанизация, городское население, крестьяне, революция цен, промышленная революция, промыслы, миграции

Косвенные причины медленной урбанизации в России XVIII–XIX вв. следующие: революция цен сделала занятие земледелием более прибыльным относительно торговли и промышленности, и крестьянин не хотел переезжать в город; под влиянием сельской общины социальная структура в деревне в целом была стабильна, масштабы и степень дифференциации в деревне были недостаточны, стимулы крестьян к выходу на работу были недостаточны; промышленная революция отставала и не давала крестьянам достаточных возможностей для трудоустройства, города были не очень привлекательны для них; крестьяне участвовали во внутренней миграции в приграничные районы для работы в сельском хозяйстве. По разным причинам крестьяне редко мигрировали в города, а каналы пополнения городского населения часто перекрывались, что приводило к медленной урбанизации.

Ограничение процесса урбанизации ценовой революцией

С XVIII в. в России началась революция цен, оказавшая глубокое влияние на внешнюю торговлю страны, структуру экономики и городское развитие [1; 2; 3]. В ходе революции цен Россия постепенно вовлекалась в международное разделение труда, менялась структура ее импорта и экспорта: Россия в основном экспортировала сырье, а по импорту долгое время преобладала готовая продукция. Зерно являлось основным сырьевым продуктом, экспортируемым Россией. С 1710 г. по 1802–1805 гг. вывоз из России пеньки, льна и зерна увеличивался с 41 % до 52 %, вывоз зерна с конца XVIII в. до XIX в. рос по прямой, в результате чего среди объемов экспорта товара зерно заняло первое место. Кроме того, с XVIII в. до конца XIX в. площадь пахотных земель Европейской России непрерывно увеличивалась с 20 % до 31 % от площади земли Европейской России [4]. Увеличение пахотных земель требовало больше рабочей силы, но поскольку техника земледелия в России развивалась медленно, и крестьянское производство сохраняло экстенсивный характер, темпами промышленного развития пришлось пожертвовать, миграция крестьян в города была ограничена, некоторые горожане вынуждены были совмещать земледелие с промышленностью и торговлей.

Городское население России увеличивалось по двум основным каналам: естественный прирост и миграция крестьян в города. С одной стороны, в результате революции цен цены на продовольствие в России в XVIII в. все время росли, и миграция крестьян в города замедлилась. В 1740–1783 гг. за счет естественного прироста число горожан возрастало в среднем в год на 0,8 %, за счет миграции — на 0,18 %, в 1783–1801 гг. соответственно — на 0,61 % и 0,16 % [3, с. 90]. С другой стороны, прирост сельскохозяйственных продуктов превысил прирост промышленных продуктов, а прирост товарной цены были выше, чем прирост заработной платы, что оказало негативное влияние на уровне жизни городских жителей. Горожане всячески старались поддерживать связь с сельским хозяйством и заниматься сельскохозяйственным производством, экономическая структура городов не претерпела коренных изменений, города еще не полностью отделялись от деревни.

В целом общая экономическая ситуация в России в XVIII в. под влиянием революции цен была невыгодна для развития городов, промышленная и коммерческая функции города были ослаблены, все это тормозило процесс превращения городов в подлинные промышленные и торговые центры страны.

Влияние стабильной сельской социальной структуры на подталкивание крестьян в города

В российской историографии весьма представительны исследования академика И. Д. Ковальченко по истории русского крестьянства в середине XIX в. По его мнению, дифференцированный характер русского крестьянства определялся совокупностью господствующих социально-экономических отношений в деревне. Изменения форм дифференциации крестьянства зависели от общих изменений в социально-экономическом развитии деревни, а этапы дифференциации в крестьянском хозяйстве соответствовали основным этапам крестьянского экономического развития. Дифференциацию крестьянства можно разделить на три этапа: период господства натурального хозяйства; период образования и развития мелкотоварного производства; период возникновения и утверждения капитализма в крестьянском хозяйстве. На первом этапе первичной формой дифференциации в крестьянском хозяйстве было «простое имущественное и экономическое неравенство»; на втором этапе простое экономическое и имущественное неравенство стало превращаться в реальную дифференциацию, а дифференциация крестьянства утратила присущую ей прежнюю обратимость. На первых двух этапах накопление богатства и дифференциация крестьянства происходили в деревне, но это еще не первоначальное накопление. На третьем этапе в деревне начался процесс исходного накопления капитала.

До реформы 1861 г. причины медленного роста городского населения во многом были связаны с недостаточной степенью и масштабами дифференциации в крестьянском хозяйстве, и важную роль в сдерживании дифференциации крестьянства в российских губерниях играли сельские общества [5]. Сельское общество поддерживалось за счет уравниловки, в условиях, когда уровень агротехники в России был низок, коренного изменения агротехники не произошло, урожайность хлеба у крестьян была низка, естественный прирост населения был слишком высок, налоговая нагрузка на крестьян была тяжела, уравниловка в основном лишала крестьян возможностей накопления капитала, земли и скота. И хотя уравниловка не могла полностью устранить дифференциацию, но она в значительной степени замедляла ее. Одним словом, до середины XIX в. социальная структура деревни была устойчивой, в 1751–1860 гг. число середняков неуклонно росло, после реформы 1861 г. число середняков сокращалось продолжительно, а удельный вес бедноты увеличивался. Беднота являлась основным источником городского населения, но этот источник часто был отсечен до реформы, что неизбежно повлияло на процессы урбанизации в изучаемый период.

Трудное обеспечение возможности работы для крестьян запоздалой промышленной революцией

С 1850-х гг. Россия вступила в эпоху промышленной революции. Из-за позднего вступления в промышленную революцию, относительно недостаточного накопления капитала, недостаточных и низкокачественных резервов рабочей силы, низких цен на рабочую силу промышленная революция в России в этот период характеризовалась экстенсивным развитием, то есть характеризовалась простым расширением деятельности, сосуществованием крупного машинного производства и ручного труда, а также наемного труда и принудительного труда.

Текстильная промышленность была предвестником промышленной революции в России и первой перешла к механизации производства. Однако в то же время техническое оснащение текстильной промышленности сильно различалось в разных отраслях и формах производства. Раньше всех началась перестройка хлопчатобумажного производства, одновременно приведя к механизации производства набивки; однако техническое обновление шерстяной промышленности и льнопрядение произошло относительно поздно, и паровая энергия в этих отраслях отставала; в шелковой промышленности механические станки составляли лишь 7,6 % их общего числа, только пятая часть предприятий использовала паровую энергетику [6, с. 171, 172]. Машинное оснащение в основном было связано с вспомогательными

производствами, а в качестве основного и ключевого звена производственного процесса ткацкая технология долгое время оставалась на стадии мануфактуры.

Что касается машиностроения, то в 1850-х гг. в России постепенно появлялось самостоятельное машиностроение, однако в период, период зарождения, предприятия российского машиностроения были небольшими по размеру и производили в основном сельскохозяйственные машины, винокурное и сахароварное оборудование. Машиностроение не могло удовлетворить потребности промышленности и транспорта. В 1850–1860 гг. количество ввоза иностранных машин увеличивалось в 2,4 раза [6, с. 97]. В середине XIX в. спрос на металлы в развивающейся отечественной промышленности, на транспорте и в военном производстве резко возрос, но снабжение металлами отечественного производства не отвечало спросу. Например, в 1870 г. российская металлургия дала 21,9 млн пуд. черного металла, что удовлетворило лишь $\frac{1}{3}$ внутреннего спроса [6, с. 179]. Это позволяло царскому правительству несколько раз регулировать тарифы, резко увеличив импорт металлов.

Развитые крестьянские промыслы также не способствовали концентрации промышленности в городах. В 1830–1850-е гг. и после реформы 1861 г. российская крестьянская промышленность по ряду причин в значительной степени обходила города. Так, в 1850-х гг. годовая стоимость продукции всей обрабатывающей промышленности составляла около 550 млн рублей, из которых $\frac{2}{3}$ приходилось на стоимость продукции крестьянских промыслов [7, с. 316]. Крестьянские промыслы в Центрально-Промышленных регионах были наиболее развиты, каждая деревня занималась главным образом земледелием и одновременно промышленностью. Крестьяне этого района часто занимались промыслами, которые далеко выходили за рамки местных нужд и имели общероссийское значение. Это важное проявление углубления общественного разделения труда доказывает, что крестьяне внесли большой вклад в развитие национальной производительности.

Причинение ущерба пополнения населения внутренней миграцией

С 1462 по 1867 г. территория России неоднократно увеличивалась — с 0,4 млн кв. км до 19,8 млн кв. км [8, с. 132]. В целях освоения плодородных земель в приграничных районах Россия приняла ряд мер по стимулированию миграции крестьян из северных, северо-западных и центральных регионов (Центрально-Земледельческих регионов и некоторых Центрально-Промышленных регионов), а также левобережья Украины в Новороссию, на Северный Кавказ, в Сибирь, Южное Приуралье, Нижнее Поволжье и Закавказье. Например, право на переселение получили государственные крестьяне малоземельных губерний, в которых на ревизскую душу приходилось менее 5 десятин земли, миграция разрешалась в губернии, где новоселы могли получить на каждую ревизскую душу от 8 до 15 десятин удобной земли. Переселенцы освобождались от всех налогов и военной службы на 3 года на новом месте жительства [9, с. 86]. Правительство также молчаливо разрешило незаконное бегство всего населения, включая крепостных крестьян, в приграничные районы. Кроме того, правительство также приглашало жителей соседних стран эмигрировать в Поволжье и Новороссию, предоставляя льготы для приезжих [7, с. 352].

Поощряемые правительством многие крестьяне переселились в приграничные районы. По статистике в 1795–1858 гг. 3,5 млн чел. мигрировали в Новороссию, на Северный Кавказ, в Сибирь, Южное Приуралье, Нижнее Поволжье и Закавказье, а в 1700–1858 гг. на окраины выбыло около 5 млн чел. [9, с. 91, 107]. За тот же период число жителей Северного Кавказа, Южного Приуралья, Новороссии, Нижнего Поволжья, Сибири и Северного Приуралья увеличилось на 343 %, 247 %, 204 %, 160 %, 155 % и 115 %, в то же время количество русских в Центрально-Промышленном, Центрально-Земледельческом, северо-западном и северном регионах снизилось соответственно с 30,3 % до 23,6 %, с 26,1 % до 24,6 %, с 9,5 % до 7,7 % и с 3,6 % до 3,2 %, доля русских в Среднем Поволжье и на территории левобережной Украины не изменялась [9, с. 73–74, 115, 117]. В случае высокого естественного прироста населения приграничные районы продолжали дополняться населением районов «раннего освоения», что привело к бурному развитию сельского хозяйства в этих районах, но развитие районов «раннего освоения»

было ограничено из-за потери рабочей силы, города теряли свою материальную базу, энергию и силу [2, с. 227], что неизбежно повлияло на темпы градообразовательного процесса и процесса урбанизации.

В целом косвенными причинами медленной урбанизации в позднефеодальную Россию можно назвать следующие. Прежде всего это революция цен, происходившая в России в начале XVIII в., которая оказала глубокое влияние на общественно-экономический процесс России на протяжении всего XVIII в. В то время заниматься земледелием было более выгодно, чем заниматься торговлей, и крестьяне не хотели на длительное время оставаться в городах. Кроме того, дифференциацию крестьянства до реформы 1861 г. задерживало существование сельских обществ, степень и масштабы дифференциации крестьянства были недостаточными, экономическое положение, в котором крестьяне играли господствующую роль, было относительно стабильным, и городское население росло медленно. В первой половине XIX в. промышленная революция характеризовалась экстенсивным отстающим развитием, не обеспечивала достаточной занятости крестьян; относительно развитые крестьянские промыслы не способствовали концентрации промышленности в городах. Наконец, ради освоения плодородной почвы в приграничных районах правительство проводило политику льгот, поощряя внутреннюю миграцию крестьян, что не благоприятствовало концентрации крестьян в городах. К тому же правительственная политика в сфере промышленности и торговле не отличалась последовательностью, транспорт был неудобен, фрахт дорог, а административно-военные функции города преобладали над торгово-промышленными функциями, что было невыгодно для миграции крестьян в города. Все это свидетельствует о том, что направления и масштабы крестьянской миграции в значительной степени определяли динамику и характер урбанизации в России в XVIII–XIX вв.

Литература и источники

1. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985.
2. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
3. Миронов Б. Н. Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие // История СССР. 1992. № 1. С. 86–99.
4. Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 327–329.
5. Чжан Гуансян. Дискуссия о системе русской сельской общества // Вестник социальных наук Цзилиньского университета. 1997. № 1997. С. 62–68.
6. Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990.
7. История крестьянства России: с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. Т. 3.
8. Миронов Б. Н. История в цифрах: математика в исторических исследованиях. Л., 1991.
9. Кабузан В. М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1719–1989). СПб., 1996.

Guangxiang Zhang

Doctor of Historical Sciences, Jilin University (Changchun, People's Republic of China)

E-mail: zhangguangxiang388@sina.com

INDIRECT CAUSES OF SLOW URBANIZATION IN RUSSIA IN THE 18th – 19th CENTURIES

The report characterizes urbanization processes in Russia in the 18th – 19th centuries and, above all, the reasons for their slow dynamics: the price revolution, the development of peasant crafts, the traditions of communal living in the countryside, the government migration policy, etc.

Keywords: urbanization, urban population, peasants, price revolution, industrial revolution, trades, migrations

Шапошников Геннадий Николаевич

д.и.н., заведующий кафедрой, Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург)

E-mail: hnshaposhnikov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ ТЕЛЕГРАФИИ НА УРАЛЕ

УДК 94(470.5)“1860/1880”

Проведен анализ первого этапа развития электросвязи на Урале. На примере телеграфии показаны особенности формирования информационного пространства на Урале, трудности устройства скоростных сообщений. Подробно описан ввод телеграфных магистральных телеграфных сообщений на уральской дистанции сибирского телеграфа в 1860–1880 гг. Делается вывод, что электросвязь способствовала бурному развитию уральской экономики, и уральские телеграфы играли в этом первую роль.

Ключевые слова: телеграфия, телеграфисты, строительство скоростных линий передач, уральская дистанция сибирского телеграфа, региональная экономика

В дореволюционный период развитие магистральных и местных сетей телеграфных сетей в Уральском регионе прошло ряд этапов. Первый из них приходится на 1860–1880-е гг. Его можно назвать начальным этапом, поскольку в это время были устроены первые магистральные линии скоростной электросвязи. Второй стартовал в 1880 — начале XX в. и закончился в конце 1920-х гг. Этот период характеризовался бурным развитием местных телеграфных сетей, восстановлением и совершенствованием почтовой и электросвязи на старом оборудовании после Гражданской войны. Принципиальных технологических новаций в это время не происходило. Третий период начался с развитием индустриализации в начале 1930-х гг. и характеризовался быстрым развитием информационной инфраструктуры.

Остановимся более подробно на первом этапе, в ходе которого в регионе утвердилась телеграфия. В 1860-х гг., после отмены крепостного права, Урал вступил в новую полосу исторического развития. Этому способствовали социально-экономические, политические, демографические и административные моменты, которые привнесла в уральскую жизнь индустриализация. Это также требовало и качественно иного информационного пространства. Масштабные миграции в Сибирь и возрастание роли Урала как транзитного центра между восточными и центральными регионами, рост его индустриальной мощи после кризиса 1860-х гг. стали предпосылками расширения коммуникаций. Мощным стимулом к быстрому развитию информационной инфраструктуры индустриального типа в регионе стали урбанизация, железнодорожное строительство, развитие торговли. Во второй половине XIX в. изменился и культурно-бытовой облик уральских городов. Через города проходили почтовые тракты, железные дороги, тянулись транзитные телефонно-телеграфные сети. Почтовые сообщения уже не удовлетворяли потребности финансовых, промышленных и торговых кругов, обострив вопрос об устройстве скоростной связи. Через губернские и уездные центры телеграфно-телефонные линии были проложены к заводским поселкам и крупным торгово-промышленным селам.

Впервые вопрос о проведении телеграфов на Урале встал в ходе обсуждения проекта Сибирского телеграфа. При этом проблема административного управления старым промышленным районом и информационного транзита в Сибирь стояли на первом месте. Как предпосылка вывода уральской экономики из кризиса, электросвязь в начале 1860-х гг. даже не рассматривалась. Работы по устройству уральской дистанции Сибирского телеграфа (Казань — пос. Малмыж, где пошла отводная линия на г. Вятку — Пермь — Екатеринбург — Тюмень — и далее на г. Омск) начались весной 1861 г. В течение лета 1861 г. провод был протянут по территориям Казанской и Вятской губерний. 14 октября 1861 г. телеграф заработал в пос. Малмыж, отсюда ветка пошла на г. Оханск, где был проложен подводный кабель через р. Каму и далее на г. Пермь. Официально в Перми телеграф был открыт 8 ноября 1861 г.¹ [все даты по старому стилю — *Г. Ш.*]. Зимой работы продолжались: 14 декабря 1861 г. телеграф был открыт

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 1. Д. 1432. Л. 217.

в г. Екатеринбурге. Официальное открытие Екатеринбургской телеграфной станции с включением ее в реестр российских телеграфных станций состоялось 16 декабря 1861 г.² От Екатеринбурга провод протянули по долине р. Пышмы на г. Камышлов, а оттуда — на г. Тюмень. Уже 24 декабря 1861 г. телеграфное сообщение было открыто и там³.

Уральская дистанция Сибирского телеграфа от г. Казани до г. Тюмени с двумя ответвлениями линии до г. Вятки и Ирбита составила 1,3 тыс. верст и стоила 184 тыс. руб. Строительством ее руководили офицеры телеграфного корпуса капитан А. Дихт, поручики Шатилов и Волюнкин. В канун нового 1862 г. главноуправляющий департаментом общественных зданий и путей сообщений К. В. Чевкин лично доложил императору Александру II о завершении строительства уральской дистанции Сибирского телеграфа и постоянном действии телеграфного сообщения от Санкт-Петербурга через Москву, Нижний Новгород, Казань с Пермью, Екатеринбургом, Тюменью и заштатным городом Тюкалинском⁴. Зимой–весной 1862 г. работы были продолжены: летом 1862 г. через р. Иртыш была устроена временная линия. 6 ноября 1862 г. телеграфная станция г. Омска была официально включена в сеть общероссийских телеграфов⁵.

Устройство телеграфной магистрали через Уральский хребет имело огромное оперативно-военное, административно-управленческое и хозяйственное значение. Телеграммы от Екатеринбурга до столицы империи шли 2,5 часа, до Москвы — 2 часа (срочные правительственные депеши передавались за час). Телеграммы от Тюмени и заштатного города Тобольской губернии — Тюкалинска — доходили до Санкт-Петербурга за 3 часа. Для сравнения укажем, что в то время почта от Екатеринбурга до Перми шла неделю, а от Тюмени до Перми — две. Впервые скоростная связь была установлена между Волжско-Камской и Обь-Иртышской водными системами, что способствовало бурному развитию торговых и всех хозяйственных операций и послужило косвенной предпосылкой вывода уральской экономики из кризиса начала 1860-х гг.

С середины 1860-х гг. Урал получил устойчивую связь с черноморскими портами, Кавказом, Астраханью и волжским торговым путем на всем его протяжении (депешы с Кавказа, Астрахани Одессы достигали Перми и Екатеринбурга за 9–10 часов). К сожалению, часто тексты телеграмм, из-за многочисленных перепримов на аппаратах Морзе и малообразованности телеграфистов, доходили до адреса в искаженном виде. Главное управление путей сообщений и публичных зданий (к этому ведомству относились телеграфы в начале 1860-х гг.) устраивало показательные проверки. Работа телеграфов и телеграфисты подвергались и общественной критике⁶.

В то же время началось и строительство первых широтных (местных линий). В 1871 г. вступила в строй первая местная магистраль Нижний Тагил — Невьянск — Екатеринбург — Касли — Златоуст⁷. Она проходила по почтовым трактам и соединяла скоростной связью два важнейших горных округа региона. Местная сеть Урала быстро росла: прямые телеграфные сообщения получили Тобольск, Ялуторовск, Сарапул, Шадринск, Мензелинск, Уфа. Стерлитамак, Орск, Уральск, Воткинск и другие населенные пункты.

Телеграфный обмен по Казанскому телеграфному отделению, куда входили уральские губернии, в 1866 г. составил 74,4 тыс. депеш, причем 62,0 тыс. (83 %) из них составляли частные телеграммы и только 6 % — правительственные (остальные 10 % являлись служебными). Высокий удельный вес частной корреспонденции в конце 1860-х гг. весьма показателен: деловые круги Урала активно использовали услуги телеграфии для своих нужд. Одновременно это стало показателем общей культуры: население Урала училось пользоваться техническими новшествами, которые несла модернизация. Именно

² Там же. Л. 227.

³ Там же. Л. 232.

⁴ Там же. Л. 264. Официально телеграфная линия от г. Казани до г. Тюмени была принята в строй действующих 6 марта 1862 г. (Там же. Л. 252–253).

⁵ Официально г. Омск был включен в общероссийскую сеть телеграфов 6 ноября 1862 г. (см.: РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 1432. Л. 375, 542).

⁶ См. напр., стихотворение А. К. Толстова «Отрывок» (Толстой А. К. Стихотворения. Свердловск, 1983. С. 251–256).

⁷ Статистика телеграфов Российской империи за 1871 г. СПб., 1873. С. 7, 9.

деловая активность населения Урала, его стремление использовать скоростную связь для своих нужд и подтолкнули власти к пересмотру концепции использования телеграфии: с начала 1880-х гг. началось строительство местных линий. Экономические интересы в использовании телеграфов начали теснить административные. Это стало причиной первого телеграфного бума на Урале.

Быстрое развитие уральской телеграфии потребовало и совершенствования системы местного управления средствами оперативной передачи данных. В начале 1860-х гг. проходила первая реорганизация управления телеграфной сетью страны: все линии были разделены на особые телеграфные отделения, которые имели свое управление с подчинением телеграфному отделу Главного управления путей сообщений и публичных зданий. 10 мая 1862 г. были образованы Казанское и Екатеринбургское отделения. К Екатеринбургскому первоначально отошли 1,5 тыс. верст телеграфных линий от Очерского сторожка (ныне г. Очер Пермского края) до г. Омска. Руководство отделений располагалось в Екатеринбурге. Его возглавил капитан Астафьев, он же заведовал и Екатеринбургской телеграфной конторой. В его подчинение в то время входил штат в 15 чел., в том числе четыре механика и четыре мастера-монтера, остальные — писари, и 17 телеграфных станций по всей уральской дистанции сибирского телеграфа. В каждой, как правило, работал один телеграфист, который нес дежурство с 9.00 до 18.00 часов⁸. С запада Екатеринбургское отделение граничило с Казанским, на юге — с Саратовским, а на востоке — с Иркутским телеграфным отделением, граница с которым шла по г. Омску. Казанское, Саратовское, Иркутское и Екатеринбургское телеграфные отделения и создали первое информационное пространство на огромной территории Поволжья, Урала и Сибири.

Телеграфный обмен на Урале быстро рос. Если в 1866 г. он составил 74,7 тыс. депеш, то в 1874– 884 гг. — 34 643 тыс., увеличившись тем самым за 1866–1884 гг. в 44 раза, в то же время количество линий выросло в 7,7 раз. Для сравнения укажем, что в Российской империи показатели за эти годы составили 68,4 раз и 4,5 раз⁹. Одновременно совершенствовалось и техническое оснащение телеграфов. В то время на Урале получили распространение не только аппараты Морзе, но и более производительные телеграфные аппараты Юза, что позволило сократить брак при передачах. К середине 1880-х гг. все уральские уездные центры уже были связаны сетью электросвязи. Три уральских города, Екатеринбург, Пермь, Оренбург, по масштабам телеграфного обмена входили в число 50 самых крупных телефонов страны¹⁰. Это показывает, что Урал в третьей четверти XIX в. стал крупным транзитным центром между востоком и западом.

Gennady N. Shaposhnikov

Doctor of Historical Sciences, Ural State Medical University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: hnshaposhnikov@yandex.ru

FEATURES OF THE FIRST STAGE OF TELEGRAPHY DEVELOPMENT IN THE URALS

The analysis of the first stage of telecommunication development is carried out. Using the example of telegraphy, the features of the formation of the information space in the Urals, the difficulties of the device of high-speed messages are shown. The introduction of telegraph trunk telegraph messages at the Ural distance of the Siberian telegraph in 1860–1880 is described in detail. It is concluded that telecommunications contributed to the rapid development of the Ural economy, and the Ural telegraphs played the first role in this.

Keywords: telegraphy, telegraph operators, construction of high-speed transmission lines, Ural distance of the Siberian telegraph, regional economy

⁸ Архив Центрального музея связи им. А. С. Попова. Ф. Телеграфный. Д. 420. Л. 1.

⁹ Рассчитано по: Статистика телеграфов Российской империи за 1871 г. СПб., 1873. С. 20–25; Краткий обзор деятельности Главного управления почтово-телеграфного ведомства за 1878 г. СПб., 1880. С. 14–33; Краткий обзор деятельности ГУПиТ за 1884 г. СПб., 1886. С. 14–19.

¹⁰ Краткий обзор Главного управления деятельности телеграфного ведомства и телеграфной статистики за 1879 г. СПб., 1881. С. 71.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ГОРОДА: ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ, ФОРМЫ

Аверьянова Екатерина Алексеевна

к.и.н., преподаватель, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск, Россия)

E-mail: averyanova-morm@mail.ru

ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В 1957 г. И ФЕСТИВАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

УДК 37.014

Фестивальные формы социокультурного поведения как алгоритм проявления агитационных, просветительских, развлекательных функций при проведении массовых мероприятий в последнее время стали объектом изучения. Потребность научного обобщения формирования среды взаимопонимания для упрочения межкультурного диалога повысили внимание к историческому опыту проведения подобных кросс-культурных мероприятий, анализу стратегий и механизмов трансляции информации и форм поведения для создания взаимопонимания в обществе и среди участников встречи, формированию позитивного образа страны.

Ключевые слова: Всемирный фестиваль молодежи и студентов в 1957 г., комсомольские организации Мордовии, политическая «оттепель» 1960-х гг., делегаты фестиваля, фестивальное движение, творчество, студенчество

Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666) в качестве одного из важнейших приоритетов государственной национальной политики Российской Федерации определяет «укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». Понятие «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)» выступает базовой категорией государственной политики в данной сфере. Под ним понимается «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества». В связи с этим при разработке механизмов формирования общероссийской гражданской идеологии очень важно учитывать опыт модернизационных преобразований в стране, связанных с формированием ценностных ориентаций общества; оценить современные проекты построения российской идентичности исходя из учета региональных и локальных рисков процесса трансформаций.

Изучая историю проведения Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 г., можно найти немало полезных для современности инструментов мобилизации общества. В нем нашла отражение относительная либерализация общественных отношений в Советском Союзе, которая выражалась прежде всего в том, что фестивали организовывались и проводились под руководством ВЛКСМ и других советских общественных и культурных организаций.

Комсомол и КПСС благодаря фестивалям решали ряд общественных, образовательных и культурных проблем. Например, с целью ликвидации старого патриархального общества в Республике Мордовия особое внимание уделялось вопросам эмансипации регионального сообщества к культурным традициям молодежи и студентов разных стран.

Можно было обнаружить разные форматы празднований на локальном уровне. Местные традиции смешивались с культурными стандартами, продиктованными из Москвы. Модернизация советского общества, на первый взгляд, была успешной. Молодежь готовилась к праздникам, повышала политический и культурный уровень, что позволяло молодежи Советского государства оставаться конкурентоспособной.

Для подготовки к фестивалю были созданы Международный подготовительный комитет и национальные подготовительные комитеты в странах-участниках. В программу фестиваля традиционно входили соревнования по различным видам спорта, политические семинары и дискуссии, концерты, массовые празднества, красочные шествия делегаций. Все средства массовой информации и прежде всего молодежные активизировали фестивальную проблематику, мобилизуя молодежь на решение стоящих перед страной задач.

Фестиваль стал делом огромного политического значения. Целый год в стране шла подготовка к фестивалю. Проходила она и в Мордовской АССР. Фестивальное движение в республике осложнялось низким уровнем культурно-массовой работы среди молодежи. Чтобы попасть на московский фестиваль, необходимо было прежде всего проявить себя на сельском, районном, городском, областном уровнях. Молодежь были развернуты социалистические соревнования на предприятиях, в колхозах, МТС, совхозах, во всех производственных и учрежденческих коллективах за выполнение и перевыполнение производственных планов шестой пятилетки.

В Мордовии было открыто 148 новых клубов. Летом 1956 г. комсомольскими организациями Мордовии была проведена большая работа по направлению выпускников средних школ на заводы, стройки, в колхозы и совхозы республики. Только в 1956 г. 1 250 комсомольцев и молодежи трудоустроились на постоянную работу на животноводческие фермы. В связи с подготовкой к фестивалю многие молодые передовики сельскохозяйственного производства брали повышенные обязательства.

Люди жили в условиях коммунистической идеологии, смыслы жизни и мотивация деятельности выстраивались в духе воспитания молодых строителей коммунизма. Фестивальное движение было под контролем КПСС, не только планировалось, проводились мероприятия, но и строго подводились итоги.

9 и 10 июня 1957 г. в Саранске прошел заключительный этап республиканского фестиваля. В нем приняли участие 3 тыс. человек из районов республики, в том числе около 1 тыс. физкультурников и показано более 700 номеров. 28 июля 1957 г. в Москве открылся VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, длившийся 15 дней. На форум собрались 34 тыс. человек из 131 страны мира. От Мордовии в Москву были делегированы 17 чел., 6 из них находились в составе делегации СССР и 11 — в составе делегации РСФСР.

Подготовка к Всемирному фестивалю молодежи и студентов в идеологии КПСС должна была вылиться в мощную манифестацию решимости молодого поколения СССР жить в дружбе, отстаивать мир, бороться против угрозы новой войны. Фестивальное движение ориентировало на дальнейшее расширение и укрепление интернациональных связей советской молодежи с молодежью зарубежных стран. Руководство страны стремилось наглядно показать тысячам зарубежных юношей и девушек достижения и успехи советского народа, в том числе мордовского, в коммунистическом строительстве.

Фестивальное движение молодежи Мордовии также было направлено на выявление новых способных организаторов, талантливых юношей и девушек, способствовало поднятию инициативы и самостоятельности в комсомольских организациях, научило комсомольских работников организовывать интересные молодежные мероприятия.

Со дня проведения первого и второго республиканских фестивалей молодежи и студентов прошло более полувека. О глобальных изменениях в республике, стране и обществе вряд ли уместно говорить в данном докладе. Хочется лишь отметить, что темы сохранения мира на планете, равенства среди народов и развития молодежного и студенческого творчества по-прежнему актуальны. Во все времена будет значимо понимание, как строится и создается наше восприятие, как оно мотивируется в разных обществах, как наша деятельность приобретает социальную значимость.

Ekaterina A. Averyanova

Candidate of Historical Sciences, National Research Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk)

E-mail: averyanova-morm@mail.ru

**FESTIVAL OF YOUTH AND STUDENTS IN 1957
AND FESTIVAL MOVEMENT IN REPUBLIC OF MORDOVIA
AS A FACTOR IN THE SOCIO-CULTURAL MOBILIZATION OF YOUTH**

Festival forms of socio-cultural behavior, as an algorithm for displaying agitation, educational, and entertainment functions during mass events, have recently become the object of study. The need for scientific generalization creates an environment of mutual understanding to strengthen intercultural dialogue, have highlighted the attention to historical experience of such cross-cultural events, for analysis of strategies and mechanisms of translation of information and forms of behavior to create understanding in society and among the participants, promoting a positive image of the country.

Keywords: world festivals of youth and students of the 1950s, Komsomol organizations of Mordovia, political thaw of the 1960s, festival delegates, festival movement, creativity, students

Белокриницкий Виталий Иосифович

к.мед.н. (г. Екатеринбург)

Сушков Андрей Валерьевич

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: suschkow@mail.ru

Пьянков Степан Александрович

к.и.н., с.н.с., Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: kliostefan@mail.ru

**СТАНЦИЯ СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СВЕРДЛОВСКЕ:
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ (1923–1991 гг.)**

УДК 94(470.5)''1923/1991''

В докладе представлена краткая история становления и развития станции скорой медицинской помощи в городе Свердловске (Екатеринбурге). Рассмотрены основные этапы модернизации инфраструктуры службы скорой медицинской помощи, вклад выдающихся врачей и организаторов здравоохранения в развитие скорой медицинской помощи в городе.

Ключевые слова: история медицины, скорая медицинская помощь, Свердловск.

Станция скорой медицинской помощи г. Свердловска ведет свою историю с 1923 г., когда при Верх-Исетском металлургическом заводе был организован пункт скорой медицинской помощи с персоналом из трех человек. В распоряжении пункта находилась карета скорой помощи с конной упряжкой. Первый санитарный автомобиль марки Ford для нужд скорой помощи был закуплен Свердловским окружным отделом здравоохранения предположительно в 1927 г. Бригада на автомобиле совершала от 7 до 30 выездов в сутки. Ввиду недостатка медикаментов и средств оказания скорой медицинской помощи функции бригады ограничивались, как правило, транспортировкой больных в тяжелом состоянии в стационар [2, с. 12–14; 4, с. 137; 1, с. 8].

В 1936 г. в распоряжение скорой помощи поступили отечественные санитарные автомашины на базе грузового ГАЗ-АА¹. С 1937 г. бригады делились в соответствии с характером вызовов на бригады по «скорой помощи», обслуживавшие вызовы в общественные места, включая уличные случаи, предприятия и учреждения, и по «неотложной помощи», обслуживавшие вызовы на дому. В конце 1930-х — 1940-е гг. помимо центральной станции были организованы самостоятельные службы скорой помощи: в 1939 г. — пункт неотложной помощи при медсанчасти Уралмашзавода (позднее преобразован в станцию Орджоникидзевогo района), в 1945 г. — станция в Куйбышевском районе, в 1948 г. — станция в Кировском районе.

В первые послевоенные годы в связи с изношенностью автопарка на дежурстве по городу находились лишь 3–4 машины. Поступление в 1946 г. нескольких санитарных автомобилей ГАЗ-55 не смогло кардинально улучшить медицинское обслуживание населения в Свердловске. Нехватка автотранспорта, отсутствие запчастей приводили к значительной задержке обслуживания адресов. Вызовы на дом, как правило, передавались в поликлиники и амбулатории². Ситуация изменилась в 1950-е гг., когда автопарк станции скорой помощи был укомплектован машинами ПАЗ-653 (выпускавшимися на базе грузового ГАЗ-51), ГАЗ-12Б «ЗИМ» и чехословацкими Škoda. В 1953 г. в единственном экземпляре на станцию поступил автомобиль ЗИС-110А — санитарная модификация знаменитого лимузина ЗИС-110.

Под руководством главного врача Станции скорой медицинской помощи г. Свердловска В. Ф. Капиноса в 1957 г. действовавшие самостоятельно три станции были объединены с центральной

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООО). Ф. 4625. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

² Там же. Л. 3, 8об.

станцией и преобразованы в подстанции № 2 (Кировский район), № 3 (Уралмаш), № 4 (Эльмаш) с единым телефонным номером вызова из любого района Свердловска — «03». Позже было ликвидировано неоправданное деление бригад на скорую помощь (врач и два фельдшера) и неотложную помощь (один врач), так как зачастую квартирные вызовы оказывались более тяжелыми, чем уличные (инфаркты, инсульты, отеки легких, тяжелые травмы и т. д.) [1, с. 9–10, 20].

1960-е гг. явились периодом создания первых специализированных бригад скорой медицинской помощи. В 1960 г. по инициативе и под научным руководством доктора медицинских наук, профессора Б. П. Кушелевского и при активном участии В. Ф. Капиноса, главного терапевта Свердловского городского отдела здравоохранения К. Ф. Новиковой, врачей В. И. Белокриницкого, В. А. Фиалко и др. на Станции скорой медпомощи Свердловска была организована вторая в СССР (после Ленинграда) кардиологическая бригада для оказания экстренной помощи больным с инфарктом миокарда. Бригада состояла из трех человек, имела портативный электрокардиограф и специальные медикаменты. Уже в первые годы бригадой было госпитализировано около 80 % больных инфарктом миокарда, ранее считавшихся нетранспортабельными. Это способствовало значительному снижению летальности от инфаркта миокарда по Свердловску. В 1962 г. по инициативе врачей скорой помощи В. Н. Штуца и Л. С. Шмушкевича, под научным руководством доктора медицинских наук, профессора Д. Г. Шефера впервые в СССР была создана неврологическая (инсультная) бригада для оказания помощи больным с острым нарушением мозгового кровообращения. В связи с ростом вызовов кардиологического профиля в 1964 г. в дополнение к основной кардиологической бригаде впервые в СССР были созданы «малые кардиологические бригады», состоявшие из врача (с подготовкой по кардиологии) и фельдшера, оснащенные специальным оборудованием и медикаментами. Данные бригады явились прообразом созданных много позже в СССР бригад интенсивной терапии (БИТ). В 1967 г. по инициативе и под научным руководством доктора медицинских наук, профессора А. Т. Лидского и при участии врачей скорой помощи В. В. Коллонтая и Б. А. Мелешко была создана терминально-токсикологическая бригада для оказания экстренной помощи больным с острыми отравлениями, положившая начало реанимационной службе Станции скорой медпомощи г. Свердловска [2, с. 14; 1, с. 10, 26–30]. Автотранспортное хозяйство станции скорой помощи в конце 1960-х — начале 1990-х гг. составляли различные модификации санитарных автомобилей РАФ.

Рост Свердловска, необходимость сокращения времени прибытия бригады скорой медицинской помощи к больному обусловили открытие в 1960–1980-е гг. новых подстанций: в 1967 г. — № 1 («Центр») и № 5 (Железнодорожный район), в 1969 г. — № 6 (Верх-Исетский район), в 1974 г. — № 7 (микрорайон Сортировка), в 1981 г. — № 9 (Химмаш), в 1982 г. — № 8 (Чкаловский район) и № 10 (пос. Кольцово), в 1987 г. — № 12 (Октябрьский район) [1, с. 20–24].

В конце 1970-х — 1980-е гг. происходила дальнейшая специализация бригад. В 1979 г. для оказания экстренной и неотложной помощи детям на догоспитальном этапе была создана первая педиатрическая бригада. В том же году были сформированы врачебные психиатрические бригады, в задачи которых входила диагностика заболевания, оказание экстренной психиатрической помощи и транспортировка больных (до этого транспортировку таких больных осуществляла фельдшерская психиатрическая (перевозочная) бригада, созданная в 1958 г. после нападения больного с психическим заболеванием на бригаду скорой помощи). В 1983 г. психиатрическое отделение станции скорой помощи было преобразовано в специализированную подстанцию № 11, обслуживавшую весь Свердловск. В 1979–1981 гг. терминально-токсикологические бригады были разделены на токсикологические и реанимационно-травматологические (противошоковые), организованы бригады интенсивной терапии, по своему оснащению и квалификации медработников занявшие промежуточную ступень между специализированными и общеврачебными линейными бригадами [1, с. 23, 31].

В 1981 г. станция скорой помощи вошла в состав Свердловской городской клинической больницы скорой медицинской помощи. Но ввиду негативных последствий такого объединения в 1987 г. вновь обрела самостоятельность [3, с. 18–20].

Станция скорой медицинской помощи в г. Свердловске являлась одной из старейших служб скорой помощи в стране. Сотрудники станции внесли большой вклад в развитие и совершенствование экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе, являлись первыми во многих начинаниях в этой области.

Литература и источники

1. Белокриницкий В. И., Фиалко В. А. 80 лет станции скорой медицинской помощи Екатеринбурга (1923–2003): исторический обзор. Екатеринбург, 2003.
2. Соркин Ю. Э. Из истории скорой медицинской помощи в г. Екатеринбурге // 30 лет специализированной службы скорой медицинской помощи города Екатеринбурга: материалы конференции станций скорой медицинской помощи союза. Екатеринбург, 1991. С. 12–15.
3. Шапошников А. Ю., Фиалко В. А., Белокриницкий В. И., Кириченко М. А. Уроки шестилетней работы городской станции и больницы скорой медицинской помощи в условиях объединения // 30 лет специализированной службы скорой медицинской помощи города Екатеринбурга: материалы конференции станций скорой медицинской помощи союза. Екатеринбург, 1991. С. 18–20.
4. Шевелевский Д. Скорая помощь в Свердловске // Уральский медицинский журнал. 1930. № 7–8. С. 136–137.

Vitaly I. Belokrinickij

Candidate of Medical Sciences (Russia, Ekaterinburg)

Andrey V. Sushkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: suschkow@mail.ru

Stepan A. Pyankov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: kliostefan@mail.ru

EMERGENCY MEDICAL SERVICES STATION IN SVERDLOVSK: KEY MILESTONES IN DEVELOPMENT (1923–1991)

The report provides a brief history of the establishment and development of the emergency medical services station in Sverdlovsk (Ekaterinburg). The main stages of infrastructure modernization of the emergency medical services are examined, along with the contribution of outstanding doctors and healthcare organizers to the development of emergency medical services in the city.

Keywords: history of medicine, emergency medical services, Sverdlovsk

Богдашина Ирина Владимировна

к.и.н., н.с., Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)

E-mail: ira18bogdashina@mail.ru

**«К НАШЕМУ ОГОРЧЕНИЮ В ТЕАТРЕ ИДЕТ СТАРАЯ ВЕЩЬ И ИДТИ НЕКУДА»:
ОТДЫХ И ДОСУГ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАНОК
НЕСТОЛИЧНОГО РЕГИОНА 1950–1960-х гг.¹**

УДК 94(470.45)''1950/1960'':379.82

Досуг и отдых приобретали исключительную ценность для жительниц нестоличного и полностью разрушенного войной Сталинграда/Волгограда. Именно в женской памяти и текстах отражены важные для воссоздания истории повседневности чувственно-эмоциональные переживания, позволяющие с иной стороны представить досуговые практики. Досуговое разнообразие напрямую зависело от культурного потенциала региона, который оставался все еще на невысоком уровне.

Ключевые слова: досуг, устная история, дневники, горожанки, Сталинград/Волгоград, 1950–1960-е гг.

Отдых и досуг приобретали особую актуальность в городе Сталинграде/Волгограде, который был практически до основания разрушен в период войны. В сложный восстановительный период 1950–1960-х гг. уровень развития повседневной культуры выступал важным фактором для горожанок, которые были обеспокоены не только повседневными домашними делами, но и заботой о себе. Досуговые практики женщин нестоличного города приобретали особенную специфику, потому как на отдых большинству из них удавалось отводить лишь небольшую часть своего свободного времени.

Привлеченные к исследованию эго-документы (дневники, устная история) позволили выявить особенности культурно-досуговой жизни, а также чувственно-эмоциональные переживания женщин, по воспоминаниям которых самыми распространенными видами повседневного досуга в разное время года выступали: походы в кинотеатр и театр, чтение, радио и телевидение, уличные прогулки и выезды на природу². Для многих горожанок отдых вне дома являлся способом «убежать» от домашних дел. Послевоенный регион постепенно удовлетворял досуговые потребности своих жителей, поэтому открытие культурно-досуговых учреждений воспринималось как целое событие: «Сегодня открытие театра — нового драматического. 1-й концерт московских артистов, масса народу в бальных платьях. С открытием нового театра город стал выглядеть более оживленным, настроение делается каким-то возвышенным — чувствуешь гордость за город, в котором живешь» (июль 1952 г.)³. Отметим, что в 1951 г. в распоряжении горожан было два театра и менее десятка клубов и кинотеатров, а к 1960 г. функционировало уже свыше пятнадцати кинотеатров и киноплощадок, планетарий и филармония⁴.

Если кинотеатр выступал массовым и доступным учреждением, то театр являлся скорее делом интеллигенции. В театры, сосредоточенные в центральной части города, съезжались даже с самых отдаленных районов⁵. Знаковые (в особенности столичные) постановки посещали при первой же возможности, но даже дорогие билеты не всегда можно было «взять свободно», с надеждой на удачу их приходилось покупать «с рук» прямо перед началом спектакля: «Купили билеты на балет “Щелкунчик” и “Снегурочка”. Билеты по 17 и 20 рублей. Ужасно дороги!» (июль 1960 г.)⁶. Программки театральных постановок собирались жительницами в знак памяти, например, бережно вклеивала в дневник

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)» (рук. Н. Л. Пушкарева).

² Полевые материалы автора (ПМА). г. Волгоград, 2019–2021 гг. А. Д. 1943 г. р., И. В. 1937 г. р., М. П. 1933 г. р., Г. Ю. 1951 г. р., Н. П. 1941 г. р., Н. В. 1938 г. р., О. В. 1953 г. р., А. И. 1948 г. р., Т. В. 1948 г. р.

³ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 59–60.

⁴ Сталинградская правда. 1951. 3 апр. № 65 (6557); 27 апр. № 82 (6574); 1960. 2 марта. № 51 (13838); 18 июня. № 143 (14030).

⁵ ПМА. И. В. 1937 г. р., Н. А. 1942 г. р., Н. П. 1941 г. р., О. В. 1953 г. р., Т. А. 1954 г. р.

⁶ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 25. Л. 23об.; Д. 26. Л. 92, 114.

буклеты посещенных театральных постановок врач Зинаида Сергеевна Седельникова⁷, коллекция таких программ хранится и у одной из опрошенных респонденток⁸. Любительницам театрального искусства рано или поздно приходилось сталкиваться со скудостью репертуара, а значит и с досуговой бедностью: «К нашему огорчению, в театре идет старая вещь и идти некуда. Дома сидеть не хочется. Мы поехали в центр на набережную», — отметила в июне 1961 г. женщина-врач в дневнике⁹. При этом многие горожанки стремились быть в курсе новостных событий мира театра и кино, ведь «если кто не смотрел — был недостаток» и потому «обязательно ходили в кино, театры, интересовались, обсуждали»¹⁰.

В пределах дома кинокартины, концерты и спектакли заменяли радио и телевидение. По радио слушали театральные постановки, особенно в первой половине 1950-х гг., когда в только что открытый театр было сложно попасть: «Вчера по радио передавали радиопостановку “Новые люди”, по роману Чернышевского “Что делать” до пол первого. Слушала каждое слово — склонилась у приемника. Это моя любимая вещь, книгу я перечитывала трижды, а в постановке театра слышу впервые» (июнь 1952 г.)¹¹. По телевизору смотрели кинокартины, что значительно сократило походы горожан в кинотеатры в 1960-е гг. (именно тогда в большинстве городских семей начали появляться телевизоры)¹². Не менее важную роль играли радиолы, при помощи которых можно было послушать любимые пластинки. Уже упомянутая нами врач Зинаида Седельникова с большой радостью и нетерпением ожидала появления в доме приемника с проигрывателем, о чем женщина записала в дневнике: «Купила сегодня 4 пластинки, ибо на днях будет приемник с проигрывателем. Купила свое любимое танго “Брызги шампанского” и “Журавли” — остальные три пластинки танцевальные <...> Дома сюрприз — Слава привез приемник “Рекорд” с универсальным проигрывателем 500 р. Мы тут же с Д. проиграли свои 5 пластинок, из них 4 моих любимых» (март 1956 г.)¹³. Бережно хранит по сей день граммофонные пластинки и одна из наших респонденток: «У меня есть граммофонные пластинки: Евгений Онегин, Пиковая дама, Садко — эти пластинки я покупала в 1960-х годах. У нас был комбинированный приемник и проигрыватель “Урал”, но его уже давным-давно нет. Пластинки я брала в Универмаге, у мужа в семье было очень много пластинок, он их все к нам принес»¹⁴.

Музицирование как форма досуга было нечастым явлением для провинциального города. Большой редкостью было и пианино, которое нужно было еще потрудиться приобрести, к тому же стоил инструмент внушительных денег. У немногих из наших респонденток пианино было в домашнем распоряжении. О покупке инструмента одна из женщин вспоминает как о знаковом событии в жизни: «Когда родители жили еще вместе, мы могли себе позволить купить пианино, которое очень дорого стоило по тем временам. Пианино купили сразу, как родилась сестра, в 1959 г., его привезла моя бабушка из Ленинска, оно поступило в магазин в единственном экземпляре, никто не покупал. С большими трудностями оно было доставлено домой к нам»¹⁵. А мама одной из наших информанток «обожала читать, играла на пианино, хотя закончила только десять классов»¹⁶. Инструмент, которого «ни у кого не было», непременно выступал формой домашнего культурного времяпрепровождения как для его обладателей, так и для гостей¹⁷. Например, любила музицировать Зинаида Седельникова, вечера в кругу семьи и друзей нередко были заняты игрой на пианино и гитаре¹⁸.

⁷ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 16. Л. 5–6; 48–50.

⁸ ПМА. И. В. 1937 г. р.

⁹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 26. Л. 89об.

¹⁰ ПМА. О. В. 1953 г. р., Е. В. 1944 г. р.

¹¹ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 41.

¹² ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 27. Л. 36; Д. 71. Л. 39.

¹³ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 18. Л. 16–17.

¹⁴ ПМА. Л. И. 1939 г. р.

¹⁵ ПМА. Г. Ю. 1951 г. р.

¹⁶ ПМА. Е. В. 1944 г. р.

¹⁷ ПМА. Л. Д. 1948 г. р.

¹⁸ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 188; Д. 15. Л. 113; Д. 17. Л. 103; Д. 24. Л. 6.

В заключении отметим, что материалы эго-документов позволили выявить частную сторону повседневной жизни, которая менее всего регламентировалась обществом и практически не была отражена в средствах массовой информации. Именно в женских текстах оказались запечатлены личностные переживания и реальные жизненные ситуации, на примере которых стало возможным реконструировать отдельные практики, сопряженные с досуговой бедностью региона. В данном исследовании была предпринята попытка показать эвристический потенциал источников личного происхождения, которые являются важнейшей составляющей для историко-антропологического изучения советского женского быта.

Irina V. Bogdashina

Candidate of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology
named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS (Russia, Moscow)

E-mail: ira18bogdashina@mail.ru

**“TO OUR CHAGRIN, THERE’S AN OLD THING GOING ON IN THE THEATER AND
NOWHERE TO GO”: RECREATION AND LEISURE IN THE EVERYDAY LIFE OF URBAN
WOMEN IN THE NON-METROPOLITAN REGION OF THE 1950–1960s**

Leisure and recreation were of exceptional value for the residents of non-metropolitan and completely war-ravaged Stalingrad/Volgograd. It is women’s memories and texts reflect important for reconstructing the history of everyday life sensual-emotional experiences, allowing to present leisure practices from a different side. Leisure diversity depended directly on the cultural potential of the region, which was still at a low level.

Keywords: leisure time, oral history, diaries, townswomen, Stalingrad/Volgograd, 1950–1960s

Бойцов Сергей Федорович

к.искусствоведения, заведующий кафедрой, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н. С. Алфёрова (г. Екатеринбург)

Чурсин Дмитрий Владимирович

к.арх., доцент, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н. С. Алфёрова (г. Екатеринбург)

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПРИОРИТЕТОВ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК 7.012 (075)

В докладе показана специфика профессиональной подготовки специалистов художественных направлений и универсальность сформулированных и внедренных в УрГАХУ образовательных методик, как залог применения результатов учебного процесса в широком спектре практических аспектов.

Ключевые слова: профессиональное обучение композиции, неизобразительная пластика, композиционная подготовка, образование, преподавание композиции, популяризация композиционных ценностей

Влиятельным фактором культурного своеобразия современного Екатеринбурга можно признать сложившуюся и «работающую» систему архитектурно-художественного образования региональной столицы. История появления архитектурного, а затем и дизайнерского образования в Екатеринбурге относительно невелика, но этого времени хватило, чтобы в архитектурном облике и предметном наполнении города стали заметны вдохновляющие перемены. Похоже, что период накопления культурного потенциала переходит в стадию видимых преобразований. Поскольку процесс этот исключительно деликатный, одним из условий его благополучного развития видится точное обозначение наиболее актуальных приоритетов архитектурно-художественного образования. Некоторую долю участия и свою миссию в решении этой проблемы видит и кафедра композиционно-художественной подготовки Уральского государственного архитектурно-художественного университета.

Специфика композиционной подготовки опирается на сложившийся со времен античности опыт достижения гармонических состояний формы, который не утратил своей актуальности, а в наши дни обрел статус «вечных» ценностей. Важнейшие из них — выразительные возможности неизобразительной пластики и главное — секреты достижения целостности. Той самой целостности, которая созвучна общечеловеческой потребности в гармонии и столь желанной полноте эстетических достоинств любого продукта проектно-художественной деятельности. Наиболее опасный враг данных ценностей возникает из обстоятельств «живой» жизни, где сиюминутные интересы стимулируют не глубину и осмысленность поиска, а коммуникативную суету и немотивированную «креативность». Перестает работать известная формула «мышления формами и пространствами». Вернуть принципиально важный приоритет пластических ценностей можно только в контексте композиционного осмысления формы, где все решает «молчаливая» картина сложившихся визуально-пластических реалий предметной формы. Ее полноценность видна без устных разъяснений и не зависит от актуальных «трендов» и модных тенденций. Ее яркая интонационная составляющая не может возникнуть без повода — только через коллизию пластических отношений, иерархию совместимых средств выразительности, учет конкретных условий, которые обязательно присутствуют в процессах формообразования. В композиционном подходе заложена уникальная возможность открытия новых пластических ценностей, благодаря которым, можно говорить о созидательном значении абстрактных состояний формы. Воздействия абстрактных характеристик формы не так заметны, как изобразительные признаки, но именно поэтому обладают особой «проникающей» силой. Именно они через зрительное восприятие пространства и формы порождают эмоционально окрашенный поток продуктивного воображения и те интонационные переживания, которые делает нас людьми, поддерживают личностную самодостаточность.

Созидательные возможности обозначенного подхода демонстрирует многолетняя практика и разработанная на кафедре композиционно-художественной подготовки УрГАХУ оригинальная методика преподавания формальной композиции [1]. Понимая, что обучение композиции процесс исключительно деятельностный, подбирались задания, в которых целостность — не только желаемый результат, но и специально подобранный педагогом сценарий манипуляций с формой. Эффективным показал себя особый подход к тематике учебных заданий (метод радиантных проникновений), основанный на многократном погружении в одну и ту же проблему с разных направлений, где постоянство цели не ограничивает новизны решений в каждом конкретном случае. Был предложен универсальный инструмент контроля целостности через аналогию с равновесием и процедурами композиционно-пластического уравнивания. Его преимущества: интуитивная доступность, универсальность в применении к видимым и невидимым аспектам целостности, ясность созидательных и проверочных действий. Работа с уравниванием показала исключительную важность пластических и поведенческих различий абстрактной формы. Появилась инновационная методика выстраивания учебных заданий на основе проблемных ситуаций — в виде конфликта пластических различий и предлагаемой схемы разрешения противоречий. В результате сложилась последовательная цепочка учебных упражнений, в которой соединились единство целей и преемственность достижений первых и последующих результатов. При первом знакомстве гармония отношений формы раскрывается через аналогию «весовых» отношений. Далее — демонстрируется работа всего комплекса пластических признаков: от количественных (масса — пространство), до более тонких проявлений (геометрия очертаний, поведенческий характер членений, направленность, темп преобразований) и многое другое. Формообразующее действие цвета выступает как еще один фактор «силы» и новый фигурант пластических взаимодействий. Очередное проникновение в целостность знакомит с явлением пустотного центра и понятием «активной пустоты», где наглядно раскрывается важность поведенческих характеристик неизобразительной формы. Следующий этап обучения позволяет увидеть возможности активной пустоты в раскрытии утилитарных значений предметной формы. Отдельное внимание уделяется композиционному уравниванию группы тел, где актуализируется проблема целостности многофигурных построений. В завершении цикла — знакомство с созидательными возможностями словесного ключа, который в формате абстрагированной мотивации и обеспечивает рационально-чувственный способ соединения формы и содержания.

Продуктивность композиционной подготовки зависит не только от методически точно ориентированной системы обучения, но и от популяризации композиционных ценностей во внешнем социуме. Композиционная проблематика обнаруживает себя в основном опосредованно, в продуктах реализованной проектной деятельности. В «отдельном» виде вопросы композиции редко становятся объектом внимания культурной общественности, в то время как культура формообразования во многом зависит именно от понимания основ композиционной целостности. Ошибочно думать, что композиция важна только для внутреннего употребления архитекторов или художников. Кафедра уверена в необходимости расширения «зоны контакта», что следует делать через проведение регулярных целевых выставок, специально посвященных популяризации созидательных возможностей формальной композиции. Определилась и форма демонстрации: безусловно наглядная, с понятными комментариями и разъяснениями, с обязательным раскрытием учебно-методических тонкостей. Такая выставка должна быть интересна и как зрелище для неподготовленной публики, и как площадка для профессионального обмена между коллегами по работе и практикующими специалистами. Примером подобных выставок служат экспозиции кафедры, проведенные в 2022–2023 гг. в выставочном зале УрГАХУ и Уральском Центре развития дизайна. В них на материалах студенческих работ демонстрируются решения, способные служить основой комплексных объектов архитектуры, дизайна и прикладного искусства.

В заключение необходимо отметить следующее. Сформированная и внедренная в образовательный процесс кафедрой КХП УрГАХУ методика преподавания композиции не ограничивается непосредственной подготовкой узких специалистов художественных направлений — художников и дизайнеров.

Универсальность сформулированных принципов позволяет включать в «орбиту влияния» смежные специальности, расширять горизонты их применения, используя выработанную и апробированную механику и логическую структуру. А такой элемент популяризации этих идей, как учебно-методические и отчетные выставочные проекты, будучи неотъемлемой частью образовательного процесса, позволят вовлечь в дискуссию о значимости фундаментальных композиционных ценностей и возможности применения результатов изысканий на практике самую широкую аудиторию специалистов и заинтересованных зрителей.

Литература и источники

1. Бойцов С. Ф., Чурсин Д. В. Равновесие: учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2020.

Sergey. F. Boytzov

Candidate of Art Criticism, Ural State Academy of Arts (Russia, Ekaterinburg)

Dmitriy V. Chursin

Candidate of Architecture, Ural State Academy of Arts (Russia, Ekaterinburg)

SOCIOCULTURAL DIMENSIONS OF PRIORITIES ARCHITECTURAL AND ARTISTIC EDUCATION

The specifics of professional training of specialists in artistic areas. The versatility of the educational methods formulated and implemented at USAA as a guarantee of applying the results of the educational process in a wide range of practical aspects.

Keywords: professional training in composition, non-pictorial plastic arts, compositional training, education, teaching composition, popularization of compositional values

Бугаев Роман Сергеевич

лаборант-исследователь, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)

E-mail: rbugaev@eu.spb.ru

ДЕМОНСТРАТИВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК МАРКЕР «СТОЛИЧНОСТИ» В НОВОСИБИРСКОМ АКАДЕМГОРОДКЕ (1960–1970-е гг.)¹

УДК 94(571.12)''1960/1970''

Новосибирский Академгородок создавался как передовой город ученых с повышенным уровнем снабжения. Дополнительно вокруг потребления в новосибирском Академгородке создавался дискурс «столичности», описывающий жизнь в городе науки как соответствующую уровню Москвы. В результате новосибирский Академгородок осмыслялся и как сибирский, и как столичный город, воплощавший «локальный коммунизм».

Ключевые слова: новосибирский Академгородок, Плутония, советское потребление, региональная столица

Новосибирский Академгородок был основан в 1957 г. как новый научный центр Сибири для ускорения процесса освоения восточных территорий СССР. Созданный под Новосибирском город науки воплощал в себе передовые архитектурные и научно-организационные идеи своего времени, по сути, становясь одним из проектов по построению «локального коммунизма» [2, с. 143]. Создание такого центра требовало привлечения значительного количества высококлассных исследователей, которые работали в центральных городах Советского Союза: Москве, Ленинграде, Киеве. Три академика, М. А. Лаврентьев, С. А. Христианович и С. А. Соболев, стали организаторами новосибирского Академгородка, и задача привлечения кадров была одной из первоочередных для них. Характерно, что в Москве многие не верили, что кто-то согласится ехать из столицы в «глухую» Сибирь². Было важно, чтобы ученые не просто приехали в строящийся сибирский городок науки, но и захотели остаться там. Помимо того, что специалистам предлагали места в Академии наук, которые было сложно получить в центральных городах из-за переполненности академических институтов, их пытались привлечь еще и бытовыми условиями, создаваемыми в новосибирском Академгородке.

Новосибирский Академгородок наследовал традиции научных городов, которые до середины 1950-х гг. существовали как закрытые города. Американская исследовательница К. Браун проанализировала модель советских и американских атомных городов середины 1950-х гг., используя при этом термин «Плутония» [3, с. 335]. Под ним автор понимает специальные научные поселения, в которых ученые, работая на вредных производствах и тем самым жертвуя своими свободами и здоровьем, могли рассчитывать за это на повышенный уровень снабжения различными потребительскими благами. Несмотря на то, что позднесоветские научные города не были закрытыми, как это было с атомными городами, в них сохранялась идея создания для ученых высокого уровня потребления как части оплаты за их труд [4, с. 176]. В новосибирском Академгородке была схожая ситуация, однако необходимость привлечения кадров из центральных городов обусловила тот факт, что потребление здесь изначально описывалось в терминах соответствия столичному.

Прежде всего на соответствие столичности указывала сама организация городского пространства по передовым идеям советского градостроительства. Так, за ориентир при проектировании новосибирского Академгородка были взяты не только другие научные центры (Дубна или Пущино), но и новые микрорайоны Москвы. М. А. Лаврентьев на заседании АН СССР в 1957 г. говорил о строительстве в Сибири

¹ Исследование выполнено за счет гранта Президента РФ № МК-862.2022.2 «Пространства природы и науки сибирских академгородков: модели и перспективы (вторая половина XX–XXI вв.)».

² Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 123.

новых городов: «Тайга отступает и на её месте возникают новые, прекрасные города... Создаются новые кварталы в Новосибирске с домами и планировкой, не уступающей нашему Московскому Юго-Западному району»³. Лаврентьев таким образом уравнивал строительство в новосибирском Академгородке и строительство в столице, акцентируя внимание на создании столь же благоприятных условий жизни, как в Москве. Это нашло воплощение в реализации при строительстве новосибирского Академгородка идеи «города-сада», где предполагалось сохранить большие зеленые массивы.

Кроме того, особое внимание уделялось созданию достаточного уровня духовного и культурного потребления в сибирском городе науки. Для этих целей в Дом ученых, расположенный в новосибирском Академгородке, привезли рояль экстра-класса, чтобы здесь могли выступать выдающиеся пианисты. В своих мемуарах М. А. Лаврентьев подчеркивал, что новосибирский Академгородок в чем-то даже превосходил столицу, например, в ситуации, когда сюда специальным рейсом привезли картины Н. К. Рериха: «Вроде бы это и не касалось науки, но зато жители Академгородка и Новосибирска смогли свободно увидеть ту самую выставку, на которую москвичи и рижане часами стояли в очереди»⁴.

На столичный уровень претендовало и местное образование. Эффективность создаваемой при НГУ системы основывалась на модели «физтех» МФТИ, где студентов привлекали к реальным исследованиям со второго–третьего курса. С. А. Христианович и М. А. Лаврентьев апробировали эту систему в Москве и привезли ее с собой в Сибирь. По этой причине качество образования в вузе сравнивалось с Москвой и Ленинградом, а не сибирскими университетскими центрами⁵.

Повышенное снабжение также стремились обеспечить через обеспечение населения Академгородка жилплощадью, товарами и услугами. Так, для академиков выделялись 7-квартирные коттеджи в самых живописных уголках, тогда как на территории городка была создана сеть «столов заказов», где ассортимент продуктов для ученых и обычных строителей существенно различался [1, с. 178].

Формирование образа особого уровня снабжения обрело особую значимость еще и потому, что ученые переезжали с семьями, которые далеко не всегда хотели менять столичную московскую жизнь на сибирскую тайгу. По этой причине демонстративность потребления различных благ и приобретала такую значимость, создавая привлекательный внешний образ новосибирского Академгородка. Однако обещанный уровень жизни становился обязательством, которое возлагалось на его организаторов. И когда, например, выяснялось, что парикмахерские услуги в Академгородке уступали по уровню и качеству Новосибирску, обсуждение этой проблемы проходило публично, в местной газете, на страницах которой жители указывали на несоответствие образу «столичности».

Подводя итог, можно сделать вывод, что формировавшийся дискурс «столичности» влиял на осмысление новосибирского Академгородка и не как Москвы, и не как Сибири, а как чего-то среднего между ними. Образ столичной Сибири проецировал соответствие уровню снабжения аналогичного Плутотопиям, но отличавшегося его демонстративностью. Публичность повышенного уровня потребления влияла на привлечение высококвалифицированных кадров, но в то же время накладывала на организаторов новосибирского Академгородка ответственность за реализацию проекта создания «локального коммунизма» для ученых как особой, привилегированной социальной группы.

Литература и источники

1. Кузнецов И. С. Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2019. № 11 (545). С. 172–192.
2. Фокин А. А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017.

³ Стенограмма общего собрания АН СССР, посвященного вопросам организации Сибирского отделения АН СССР. 02.11.1957 // Научный архив СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

⁴ Лаврентьев М. А. ...Прирастать будет Сибирью. Новосибирск, 1982. С. 40.

⁵ Лаврентьев М. А. Молодым – наша забота // За науку в Сибири. 1969. 30 июля.

3. Brown K. Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters. Oxford, New York, 2013.

4. Rogacheva M. A. The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; New York, 2017.

Roman S. Bugaev

Research Assistant, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: rbugaev@eu.spb.ru

**DEMONSTRATIVE CONSUMPTION AS MARKER OF “CAPITAL CITY”
IN NOVOSIBIRSK AKADEMGORODOK (1960–1970s)**

Novosibirsk Akademgorodok was created as an innovative city of scientists with an increased level of supply. Additionally, a discourse of “capital city” was created around consumption in Novosibirsk Akademgorodok, describing life in the city of science as corresponding to the level of Moscow. As a result, Novosibirsk Akademgorodok was conceptualized both as a Siberian and as a capital city embodying “local communism”.

Keywords: Novosibirsk Akademgorodok, Plutopia, Soviet consumption, regional capital city

Дашкевич Людмила Александровна

д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: ldash54@mail.ru

УРАЛЬСКИЙ ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ: РОЖДЕНИЕ ВУЗА В ПРОТИВОБОРСТВЕ ДВУХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ

УДК 94(470.5)''18/19''

Доклад посвящен истории Уральского горного института, за право создания которого боролись Пермь и Екатеринбург. В противостоянии двух региональных столиц победил Екатеринбург, использовавший символический ресурс исторически сложившегося центра горнозаводской промышленности. Закон об учреждении Уральского горного института был утвержден 3 июля 1914 г.

Ключевые слова: высшее образование, местное самоуправление, история Урала

В конце XIX — начале XX в. вопрос о создании Горного института был одним из самых заметных и обсуждаемых в уральском обществе. В авангарде движения за создание в крае высшей школы стояли органы местного самоуправления. Впервые вопрос об учреждении на Урале технического вуза был поднят на заседании Екатеринбургской городской думы в 1896 г. Заводовладельцы, однако, это предложение не поддержали, сочтя его «преждевременным и едва ли осуществимым»¹. Следующий шаг к организации уральского вуза сделало городское управление Перми. Пермская городская дума впервые обсудила вопрос о высшем учебном заведении в 1907 г. Городской голова П. А. Рябинин, с разрешения губернатора А. В. Болотова, горячо поддержавшего инициативу думы, созвал особое совещание, которое решило вопрос о наиболее желательном типе будущего вуза и мерах к осуществлению плана создания такого заведения в Перми. Совещание избрало редакционную комиссию, которая составила мотивированный текст заключения о необходимости создания в городе высшего учебного заведения по типу политехникума с тремя отделениями — горным, сельскохозяйственным и механическим. Это заключение легло в основу ходатайства Пермской городской управы к министру торговли и промышленности, которое было одобрено на чрезвычайном собрании думы 8 декабря 1909 г.² В декабре 1909 г. вопрос о создании политехникума был вынесен на заседание губернского земства 40-й очередной сессии. Земские гласные, представлявшие всю губернию, решили выделить на устройство будущего уральского вуза 500 тыс. рублей, не оговорив, правда, в каком городе он будет размещен. Это решение стало одним из стимулов для «схватки» за право создания вуза двух региональных столиц — Перми и Екатеринбурга.

5 февраля 1910 г. министру торговли и промышленности было отправлено ходатайство Пермской городской управы о создании в губернском городе политехникума. Пермская городская дума готова была ассигновать в распоряжение правительства на устройство политехникума 200 тыс. рублей, а также отвести под постройку зданий в городе 12 тыс. кв. сажен земли, оцениваемой в 120 тыс. рублей³. Пермское уездное земство присоединившись к решению городской думы, пообещало выделить на нужды высшего образования пособие в 200 тыс. рублей. На заседании Пермской городской думы встал вопрос о том, стоит ли направлять в Санкт-Петербург особую делегацию для поддержки «в подлежащих учреждениях» ходатайства об учреждении в городе высшего учебного заведения. Посовещавшись, гласные решили, что можно обойтись силами Ивана Григорьевича Каменского, представлявшего Пермское земство в Государственном Совете. Эту оплошность Пермской городской думы использовало городское управление Екатеринбурга. 23 апреля 1910 г. екатеринбургский городской голова А. Е. Обухов собрал экстренное заседание городской думы, где поставил вопрос об открытии уральского политехникума в Екатеринбурге⁴.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 23. Д. 2642. Л. 18об.

² РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5826. Л. 1.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Хроника // Уральская жизнь. 1910. 16 апр.

Город согласился выделить на строительство вуза 300 тыс. рублей. Постановлением местного уездного земства на эти цели было определено пособие в 200 тыс. рублей⁵. Ассигнования Екатеринбургa, таким образом, превысили планировавшиеся расходы Перми. К ноябрю 1910 г. была подготовлена и отправлена в Петербург обширная докладная записка Екатеринбургской городской думы об открытии в городе высшего технического учебного заведения, а в конце декабря для поддержки ходатайства в столицу отправилась большая екатеринбургская «депутация», посетившая почти все ведомства, от которых зависело решение вопроса об учреждении в городе высшей школы.

В Перми, в противовес екатеринбургскому ходатайству, в 1911 г. была составлена новая фундаментальная докладная записка, в которой отвергались все притязания соперника на будущее высшее учебное заведение. В записке утверждалось, что Екатеринбург уже потерял свое значение как центр горнозаводской промышленности. Окружающие его заводы и промыслы или закрыты, или еле существуют. Горное управление в Екатеринбурге, возможно, тоже скоро будет ликвидировано. «Как же при таких условиях можно назвать Екатеринбург центром горнозаводской промышленности Урала?» — вопрошалось в записке. Совершенно иную картину, по мнению авторов документа, представляла Пермь, окруженная лучшими на Урале заводами⁶. Для усиления своих позиций город решил увеличить ассигнования на устройство вуза до 500 тыс. рублей. Общая сумма от Перми, учитывавшая взнос пермского губернского земства, таким образом, возросла до 1 млн 200 тыс. рублей [2, с. 39], превысив екатеринбургские ассигнования.

14 января 1911 г. докладная записка Пермской городской думы вместе с отношением Пермского биржевого комитета была отправлена в Петербург. Вслед за ней туда выехала большая городская депутация во главе с городским головой П. А. Рябининым. Добиться своих целей пермякам, однако, не удалось. Мнение чиновников к тому времени уже сформировалось. Окончательно вопрос о размещении уральского политехникума был решен на междуведомственном совещании, которое состоялось в мае 1911 г. под руководством министра народного просвещения Л. А. Кассо. Екатеринбургская городская управа успела к тому времени подготовить возражения на все доводы пермяков о желательности размещения политехникума в губернской столице. 4 апреля 1911 г. городской голова А. Е. Обухов отправил министру народного просвещения Л. А. Кассо доклад с дополнениями к Екатеринбургской докладной записке. В докладе городского головы заявлялось, что при выборе места для политехникума вряд ли стоит ориентироваться на современное состояние окружающих город Екатеринбург заводов, так как «всем известно, что не только отдельные заводы, но и целые промышленные районы, и не только у нас, но и во всем свете переживают кризисы»⁷, но это — временное явление. Гораздо важнее вся совокупность условий, обеспечивающих наибольшее развитие горного и заводского производств, и в этом плане Екатеринбургский район, обнимавший центральную часть главной рудоносной полосы Урала, навсегда сохранит свое значение как центр заводской промышленности⁸. Екатеринбургская докладная записка отменила и самый главный аргумент Пермской городской думы — о нехватке у Екатеринбургa средств для создания высшего учебного заведения. Пермь могла единовременно внести в казначейство 1 млн 200 тыс. руб., Екатеринбург — только 1 млн. Но, как утверждалось в докладе А. Е. Обухова, Екатеринбург был готов отвести под строительство институтского здания 36 тыс. кв. саженей земли, рыночная стоимость которой составляла 360 тыс. руб., Пермь же — только 12 тыс. кв. саженей.

Все эти доводы, очевидно, сыграли свою роль при обсуждении вопроса о размещении высшего учебного заведения. 31 мая 1911 г. на специальном заседании комиссии Министерства народного просвещения интересы Екатеринбургa защищали городской голова А. Е. Обухов и горный инженер Н. С. Михеев, Перми — представитель пермского земства в Государственной думе Г. Е. Львов. Интересно сравнить основные положения, которые были представлены комиссии представителями Перми и Екатеринбургa.

⁵ Хроника // Уральская жизнь. 1910. 5 мая.

⁶ РГИА. Ф. 573. Оп. 16. Д. 22614. Л. 1.

⁷ РГИА. Ф. 741. Оп. 3. Д. 352. Л. 122.

⁸ Там же. Л. 123.

Князь Львов считал Пермь центром северо-восточной части империи, включавшей Пермскую, Вятскую и часть Вологодской губерний, большинство населения которых занималось земледелием. В будущем вузе поэтому он видел ведущим направлением научно-технической работы сельское хозяйство [3, с. 102]. Екатеринбургские делегаты позиционировали Екатеринбург как исторически сложившийся центр горнозаводской промышленности. Они считали, что создающийся политехникум станет прежде всего горным учреждением, сходным с пользовавшейся неувядающей славой Фрейбергской горной академией [1, с. 33]. После прений совещание признало, что «Урал нуждается не столько в улучшении сельского хозяйства, сколько в правильной и планомерной эксплуатации его горных богатств»⁹. С этой целью решено было учредить политехникум не в Перми, а в Екатеринбурге. Закон «Об учреждении Горного института в городе Екатеринбурге», одобренный Государственным Советом и Государственной Думой, был подписан императором Николаем II 3 июля 1914 г. Первые лекции в вузе состоялись 10 октября 1917 г. [4, с. 55].

Схватку за создание Горного института, таким образом, выиграл Екатеринбург. Используя символический ресурс недавнего прошлого, городские власти сумели доказать преимущества заводской столицы в развитии высшего технического образования. У губернского центра, однако, тоже имелись большие финансовые и административные ресурсы. Новый шанс на реализацию проекта создания вуза Пермь получила с началом Первой мировой войны, когда встал вопрос об эвакуации вглубь России некоторых университетов. В 1916 г., учитывая давние прошения и инициативу меценатов и городского самоуправления, министр народного просвещения П. Н. Игнатьев подал в Совет министров представление об открытии в Перми отделения Петроградского университета в качестве подготовительной меры к созданию самостоятельного вуза. Решение об учреждении самостоятельно действующего в Перми университета было принято Временным правительством 5 мая 1917 г. (определенное лоббирование в этом вопросе, очевидно, оказал министр-председатель Временного правительства князь Г. Е. Львов, представлявший ранее интересы Перми на совещании у Л. А. Кассо). История создания уральских вузов показала, что, несмотря на все сложности, импульс институализации высшей школы в крае был устойчивым, так как он аккумулировал в себе запросы местного общества.

Литература и источники

1. Докладная записка Екатеринбургской городской думы по вопросу об открытии высшего технического учебного заведения на Урале. Екатеринбург, 1910.
2. Докладная записка Пермской городской думы по вопросу об открытии в г. Перми Политехнического института имени императора Александра II. Пермь, 1911.
3. Записка уполномоченного Пермского городского управления князя Георгия Евгеньевича Львова по вопросу об открытии высшего технического учебного заведения в северо-восточной части России. М., 1911.
4. Филатов В. В. «Отечества пользы для...»: к 75-летию Уральского горного института (1917–1992). Екатеринбург, 1992.

Liudmila A. Dashkevich

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: ldash54@mail.ru

URAL MINING INSTITUTE: THE BIRTH OF A UNIVERSITY IN THE CONFRONTATION OF TWO REGIONAL CAPITALS

The article is devoted to the history of the Ural Mining Institute, for the right to create which Perm and Ekaterinburg fought. Ekaterinburg, which used the symbolic resource of the historically established center of the mining industry, won the confrontation between the two regional capitals. The law on the establishment of the Ural Mining Institute was approved on July 3, 1914.

Keywords: higher education, local self-government, history of the Urals

⁹ Совещание о высшей школе // Уральская жизнь. 1911. 14 июня.

Жукова Анастасия Евгеньевна

м.н.с., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург)

E-mail: zhukova-a-e@yandex.ru

**«... ЧТОБЫ ДЕТИ ГУЛЯЛИ, НЕ СМОТЯ НИ НА КАКУЮ ПОГОДУ»:
ПРОГУЛКИ ДЕТЕЙ ИЗ ОБРАЗОВАННЫХ СЕМЕЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.¹**

УДК 94(470.23-25)''18/19''

Доклад посвящен специфике детских прогулок в Петербурге середины XIX — начала XX в., которые стали распространяться в качестве целенаправленного мероприятия в среде образованных родителей. Следуя советам врачей и гигиенистов, которые писали о важности нахождения на свежем воздухе для нормального роста ребенка, родители стремились уделять должное внимание этому виду времяпровождения детей.

Ключевые слова: гигиена детства, Санкт-Петербург, прогулка, городская повседневность

В представлении современного человека город — место широких возможностей для построения карьеры и успешного роста практически во всех жизненных сферах. Однако есть и обратная сторона жизни в городе, например, не всегда благоприятная экологическая обстановка. Когда речь идет о рождении и воспитании детей, семья нередко встает перед выбором: более высокий уровень образования, медицины, качества жизни в целом на одной чаше весов, близость к природе и чистый воздух — на другой.

Аналогичные вопросы волновали городских родителей и в прошлом, в том числе и в Российской империи, где в условиях модернизации и сопутствовавших ей экономических и социальных процессов необходимо было адаптироваться к происходившим изменениям. В пространстве города оказывались рядом дети чиновников, прислуги, рабочих, вчерашних крестьян.

Сейчас кажется неслучайной и общедоступной такая форма досуга, как ежедневные прогулки, напрямую влияющие на иммунитет ребенка. Для городских жителей Петербурга середины и даже второй половины XIX в. прогулки с детьми в качестве целенаправленного мероприятия были отнюдь не так распространены, как в настоящее время. Внимание на этом виде времяпровождения ребенка не акцентировалось по разным причинам — из-за постоянной трудовой занятости родителей и отсутствия возможности гулять с детьми; необходимости начала самостоятельного заработка детьми из неблагополучных семей. Кроме того, даже среди материально обеспеченных социальных групп отсутствовали необходимые знания об уходе за ребенком. Вместе с тем, в середине XIX в. в образованных семьях уже распространялась информация врачей о важности прогулки для здоровья ребенка [5; 7], а чуть позже появились детские летние колонии и санатории [2; 4; 8].

Так, в воспоминаниях журналистки Екатерины Бартеневой (1843–1914) отмечено, что ее отец, «несмотря на служебные занятия, отнимавшие у него много времени, не забывал подумать и о детях, читал кое-что по гигиене и старался применять прочитанное к нашему воспитанию. Помню у него не одну толстую книгу, известное сочинение Гуфланда². Он заботился о правильном проветривании детской, о том, чтобы дети гуляли, несмотря ни на какую погоду»³.

В дворянско-интеллигентских семьях родители редко сами гуляли с детьми: это делали няни и гувернантки, что было вполне приемлемым в их среде [3], но в то же время вызывало иронические оценки современников. В. О. Михневич отмечал в своих произведениях, что няни зачастую были больше заняты

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421 «Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии в середине XVIII — начале XX в.» (рук. В. А. Веремко).

² Кристоф Вильгельм Гуфеланд — лейб-медик прусского короля Фридриха Вильгельма III, автор книги «Макробиотика, или Искусство продлить человеческую жизнь», переиздававшейся в России в 1805–1856 гг. пять раз.

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 94. Л. 8–9.

устройством личной жизни в ходе этих прогулок, а дети же предоставлялись сами себе, поэтому «дети возвращаются домой с расквашенными вновь носами, а их няни с новыми интересными главами в своих бесконечных романах» [6, с. 16]. Тем не менее, основная задача прогулки выполнялась: ребенок получал возможность проводить время на свежем воздухе и участвовать в активных играх.

В дореволюционном Петербурге прогулки детей разных возрастов проходили в первую очередь в Летнем саду. Екатерина Бартенева вспоминала: «Весною 1850 г. мы с братом познакомились с Летним садом. Там собиралось множество детей, в аллее, у ресторана. Любимой игрой была “кошка и мышка”. Одна или две девочки постарше приглашали остальных»⁴. Летний сад был настоящим спасением для петербуржцев в жаркие дни, когда стояла солнечная погода: «В полдень ... под его сень стекаются толпы заморенных в городской духоте детей... Детвора сосредоточивается, главным образом, на площадке у памятника “дедушки”, то есть дедушки-Крылова, где роется в песке, бегает, знакомится между собой и довольно неумело устраивает общие игры» [6, с. 16].

Для ребенка положительным моментом было не только нахождение на свежем воздухе, но и возможность социализации. Как отмечала Е. Бартенева, игры в Летнем саду содержали и важный соревновательный аспект, ведь именно в игре можно было продемонстрировать свои умения и «ловкость»⁵. Всеобщие игры устраивались и в Таврическом саду, где собирались и дети младшего возраста, и молодые барышни и юноши⁶.

Были в прогулках и не очень приятные для ребенка моменты, связанные со спецификой петербургского климата: «Прогулки зимой отравлялись продолжительным одеванием, кутаньем, сопровождаемым моими протестами, которые у старших носили название капризов»⁷. Однако приход весны позволял, наконец, оставить «кутанье» в прошлом хотя бы на несколько месяцев. «Какая радость надевать более легкое верхнее платье, резиновые калоши вместо зимних плисовых сапогов», — восклицала Е. Бартенева⁸.

Прогулка была необходима и для знакомства ребенка с простыми природными явлениями. Тем не менее, с этим могли возникнуть некоторые трудности. Н. П. Гундобин писал: «...Из девиц старшего класса 18–19 лет 75 % не видели восхода солнца, 30 % не видели озера; ... в младших классах многие из детей никогда не видали Невы и не знали многих деревьев» [7, с. 26]. Действительно, жизнь в городе накладывала отпечаток на специфику прогулок, но многое из вышеназванного было доступно и в городских условиях: изучить названия деревьев можно было в парках, а увидеть Неву в городе, построенном на ее берегах, не составляло особой сложности.

Ограниченные представления детей о природе также нередко высмеивались журналистами. В очерках А. Бахтиярова, к примеру, отмечалось, что городские дети не знали, как выглядит живая курица [1, с. 58]. Между тем, у городских детей была возможность с ранних лет знакомиться с улицами, набережными и архитектурными достопримечательностями, что, хоть и не играло значительной роли для здоровья физического, но было важно для культурного развития: «Мне было года три, когда ежедневно отправляли меня гулять с няней по петербургским улицам. Живо помню набережную Мойки, Синий мост и игрушечный магазин, составлявший любимую часть этих прогулок»⁹.

Таким образом, специфика городских условий сказывалась в вопросе организации детских прогулок в двух направлениях. С одной стороны, образованные родители, понимавшие важность пребывания ребенка на свежем воздухе, стремились организовать детям ежедневные прогулки, прибегая к помощи прислуги. С другой стороны, не всегда прогулка в городе имела особое гигиеническое значение, знакомила ребенка с естественной природой и ее явлениями. Возможно, именно поэтому в одной из популярных

⁴ Там же. Л. 63–64.

⁵ Там же. Л. 98.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 40.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 2.

лекций начала XX в. автор взывал: «Так дайте же и нашим городским надорванным, ослабленным или совсем больным детям возможность пользоваться воздухом и светом!» [7, с. 21].

Литература и источники

1. Бахтиаров А. Пролетариат и уличные типы Петербурга. Бытовые очерки. СПб., 1895.
2. Веремко В. А. Летний организованный оздоровительный отдых городских школьников в России на рубеже XIX–XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. СПб., 2018. Вып. 9. С. 51–57.
3. Веремко В. А., Жукова А. Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX — начала XX в. СПб., 2020.
4. Веремко В. А., Степанов С. В. Дневник воспитательницы летней детской колонии Петербургской городской думы в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии учительницы П. И. Шишипторовой // История повседневности. 2023. № 2 (26). С. 213–226.
5. Гуфеланд Х.В. Искусство продлить человеческую жизнь. СПб., 1852.
6. Михневич В. Петербургские сады и их этнография // Язвы Петербурга. Сборник газетного фельетона конца XIX — начала XX вв. Л., 1990.
7. О призрании и воспитании молодого поколения. Публичная лекция профессора детских болезней Н. Гундобина. СПб., 1901.
8. Степанов С. В. История детского лечения и отдыха в Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. Царскосельская санатория для детей // История повседневности. 2022. № 2 (22). С. 34–42.

Anastasia E. Zhukova

Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University
(Russia, St. Petersburg)

E-mail: zhukova-a-e@yandex.ru

“...FOR CHILDREN TO WALK, NO MATTER WHAT THE WEATHER IS”: WALKS OF CHILDREN FROM EDUCATED FAMILIES IN ST. PETERSBURG IN THE MID-19th — EARLY 20th CENTURIES

The report is devoted to the specifics of children’s walks in St. Petersburg in the mid-19th — early 20th centuries, which began to spread as a special event among educated parents. Following the advices of doctors and hygienists who wrote about the importance of being in the open air for the child’s normal growth, parents sought to pay due attention to this type of pastime for children.

Keywords: childhood hygiene, St. Petersburg, walk, urban everyday life

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна

д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: Apkarimova@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АКТИВИЗМ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРМИ И ЕКАТЕРИНБУРГА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

УДК 94(470.5)''18/19''

В докладе на примере Перми и Екатеринбурга конца XIX — начала XX в. анализируется история общественных организаций социокультурной направленности в контексте исследования исторического значения общественного активизма региональных столиц России. Автор заключает, что в Перми и Екатеринбурге успешно действовали общества, объединявшие художественную и творческую интеллигенцию, эти ассоциации внесли значительный вклад в развитие городской культуры, способствовали развитию краеведения, формированию гражданской идентичности.

Ключевые слова: общественный активизм, общественные организации, город, Пермь, Екатеринбург, культура, интеллигенция

Современники фиксировали социокультурные особенности Перми и Екатеринбурга в конце XIX — начале XX в., связанные с историей их общественных организаций. К тому времени в Перми и Екатеринбурге появилась собственная интеллигенция, активно занимавшаяся общественно-политической деятельностью и культурно-просветительской работой, наделенная патриотическим чувством и гражданским самосознанием. Действуя на благо города, интеллигенция постепенно вовлекала в сферу гражданской самодеятельности другие городские слои. Так, Петр Александрович Голубев, популярный земский статистик и публицист, «неутомимый» общественный работник, во всех культурных, просветительных обществах Перми «незаменимый и неизменный член» (член Пермского научно-промышленного музея, Пермского библиотечного общества имени Д. Д. Смышляева и др.) подчеркивал, что важным фактором развития Перми являлись общественные силы, прежде всего в лице интеллигенции: «Интеллигенция Перми по собственному почину и на собственные средства завела и содержит не одно просветительное учреждение, делающее честь ее энергии» [6, с. 233]. Представление о динамике городской общественной жизни значительно влияло на восприятие современниками этих городов и формирование их уникального образа. В докладе предполагается акцентировать внимание на феномене общественных организаций социокультурной направленности, существовавших в Перми и Екатеринбурге в конце XIX — начале XX столетия с целью ответить на вопрос, насколько общественный активизм был значимым явлением в процессе урбанизации?

Общественные организации создавались на основе общности интересов горожан и становились важной чертой общественной жизни в позднеимперский период. Именно в Екатеринбурге и Перми появляются первые на Урале общественные организации. Так, уже в первой половине XIX в. были созданы Екатеринбургское горное общество и Пермское благородное собрание. Что касается динамики роста общественных организаций, то ее можно увидеть на примере Екатеринбурга: в первой половине XIX в. было создано лишь одно общество [4], во второй половине XIX в. — 22 (42 %) и в начале XX в. — 30 (56 %). Показательно, что только в 1880-е гг. в Екатеринбурге появилось 12 новых обществ (23 %) [7]. Велика была инерция Великих реформ.

Писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк в историческом очерке, посвященном Екатеринбургу, писал о тенденциях социокультурного развития города, фиксируя прогрессивные начинания, связанные с возникновением общественных ассоциаций: «Возникли два артистических кружка: музыкальный кружок и общество любителей драматического искусства. Даже организовалось общество охотников, устав которого уже утвержден» [9, с. 40–41, 48–50, 53]. В ряду благих начинаний, по убеждению Мамин-Сибиряка, более важное значение имело основанное в начале 1870-х гг. Уральское общество любителей

естествознания, объединившее вокруг себя разрозненные провинциальные научные силы. Писатель подчеркивал, что были попытки основать отделения других обществ, в частности, технического и содействия торговле и промышленности, но эти попытки закончились печально: возникавшие общества так и погибли в непосильной борьбе с равнодушием собственных членов. «Отсюда, — делал вывод современник, — прямое заключение, что Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), отстоявшее свое существование ... заслуживает особенного внимания». В подтверждение своих взглядов Мамин-Сибиряк ссылался на знаменитого в то время географа Э. Роклю, упоминавшего в своем классическом труде «Земля и люди» Уральское общество любителей естествознания, «которое издает интересный сборник, содержащий статьи на русском и даже на французском языке по геологии, зоологии, ботанике и этнографии уральских стран» [9, с. 40–41, 48–50, 53].

Современники не преувеличивали значение УОЛЕ. Достаточно сослаться на мнение специалиста Л. И. Зориной, посвятившей специальное научное исследование УОЛЕ: «1870 год в истории Урала стал не просто отправной точкой в деятельности общества естествоиспытателей. Он явился датой рождения культурного феномена, значимость которого намного переросла рамки истории обычного любительского краеведческого движения. Среди многих десятков подобных обществ, созданных в разных городах России в конце XIX— начале XX века, УОЛЕ выделялось не только самой большой численностью своих рядов, но и размахом научно-исследовательской, собирательской, культурно-просветительской, издательской деятельности». Исследователь приводит убедительную аргументацию, указывая, что УОЛЕ успешно работало на протяжении более полувека, втянув в свои ряды почти 2,5 тыс. человек, создало прекрасный музей и богатую научно-краеведческую библиотеку; 40 томов «Записок» общества дали широкую картину культурной жизни края на протяжении довольно значительного исторического периода [5].

Писателю Д. Н. Мамину-Сибиряку вторил другой художник слова, Михаил Андреевич Осоргин, ссылаясь на пример родной Перми и подчеркивая развитие и рост общественной жизни в провинции, в частности, «учреждение обществ с серьезными целями», «чтение публичных лекций»: «Это сразу бросается в глаза приезжему, хорошо знакомому с жизнью города за многие предшествующие года. Чувство общности проникает постепенно от центра к периферии, из более интеллигентных слоев в менее культурные уголки, если только, говоря о Перми, можно делать подобные разграничения ее населения по “кварталам” культурности» [10].

Другие современники также констатировали оживление общественной жизни в Перми и Екатеринбурге после Великих реформ, писали о появлении множества культурно-просветительских обществ и активных общественных работников. П. А. Голубев, например, восхищался деятельностью Богородицкого попечительства в Перми [3, с. 4]. Попечительство действительно действовало весьма успешно: содержало женскую школу с 200 учащимися, рукодельную школу, детский летний санаторий, дешевую столовую и чайную, устраивало народные чтения (два раза еженедельно), поддерживало курсы хорового пения. Представитель пермской интеллигенции с удовольствием перечислял другие культурно-просветительские общественные организации губернского города: «В Перми есть два библиотечных общества (одно — бесплатной, другое — Смышляевской библиотеки), есть общество научно-промышленного музея (прежняя комиссия Уральского общества любителей естествознания), которое уже не первый год устраивает научные беседы и ведет систематические курсы по разным наукам, есть ученая архивная комиссия, драматический и музыкальный кружок, общества печатников, приказчиков, народных учителей и учительниц» [3, с. 4].

И. Г. Остроумов, член нескольких научных обществ (Пермской ученой архивной комиссии, Экономического общества, Пермской комиссии УОЛЕ), вспоминал свое возвращение в Пермь в 1893 г. и включение в общественную жизнь города: «Я сейчас же вступил как член Уральского общества, вошел в эту комиссию. Вначале нас было 10 чел., и опять завел борьбу с местным комитетом в том смысле, что нам нужно оценить существование и быть самостоятельными — открыть самостоятельное общество. ... В 1901 году только мы открыли музей, как самостоятельную единицу» [2].

Говоря о необходимости строительства народного дома (Пушкинского народного дворца) в Перми, П. А. Голубев приводил такие аргументы: «А устройство его вызывается быстрым ростом города вообще (в 1885 г. общее число жителей было менее 33 тыс., а ныне [в 1901 г. — *Е. К.*] оно превосходит уже 50 тыс.) и в частности развитием его ремесленно-фабричной деятельности; город имеет 150 фабрично-ремесленных заведений и больше того торговых; здесь сосредоточено несколько тысяч рабочих и служащих, потребность которых в духовной пище растет в поражающей прогрессии» [3, с. 5].

По данным «Адрес-календаря и справочной книжки Пермской губернии. 1914 г.» в списке обществ, внесенных в реестр Пермского губернского по делам об обществах присутствия, насчитывалось 85 обществ, расположенных в городах. Анализ сведений показал их неравномерное распределение по населенным пунктам: правления 33 обществ располагались в губернской Перми, 20 — в Екатеринбурге [1, с. 255–262]. Кроме того, существовали потребительские общества, в губернском городе их было пять [1, с. 263–279].

Важно отметить интегрированность общественно-культурных сил Урала в общественно-культурный ландшафт страны, о чем свидетельствует их участие в значимых научных событиях того времени. Так, в 1901 г. И. Г. Остроумову довелось побывать на «празднике российской науки» (так часто называли съезды естествоиспытателей, ставших, по замечанию Д. Н. Анучина, «школой российского естествознания») [12, с. 388]. Несколько заседаний Пермского научно-промышленного музея в первой половине 1902 г. было посвящено ознакомлению публики с результатами прошедшего в конце предыдущего года XI съезда русских естествоиспытателей и врачей. Представлявший музей на этом съезде И. Г. Остроумов ознакомил присутствовавших на заседании с очерком о деятельности съезда, проинформировал земляков о работе географической секции и палеонтологических раскопках профессора В. П. Амалицкого. Интерес публики вызвал также обзор ботанической секции, воспроизводились некоторые речи на общих собраниях съезда, представленные другими референтами, в частности, посвященные геологии и физике. Как и в предыдущие годы, живой интерес у общественности вызывали также доклады, посвященные истории, экономике, статистике края [11, с. 9]. В отчете И. Г. Остроумова за 1902 г. подчеркивался успех научно-популяризаторской работы музея. В частности, хранитель музея указал на солидный факт: 12 тыс. посетителей музея в 1902 г. [11, с. 9].

Социолог Максим Ковалевский писал в начале XX в. о важности процессов возрастания солидарности, самоопределения коллективных групп посредством участия в ассоциациях и временных или постоянных союзах (профессиональных, религиозных, благотворительных, научных, художественных) [8, с. 225–260]. Рассмотренный материал позволяет заключить, что в Перми и Екатеринбурге активно действовали различные общества, объединявшие художественную и творческую интеллигенцию. Эти ассоциации внесли значительный вклад в развитие городской культуры, способствовали развитию краеведения, формированию гражданской идентичности. Именно с их деятельностью во многом связано появление городских музеев и общественных библиотек, развитие науки и просвещения в городах. Рассматриваемые общественные организации в значительной степени восполняли пробелы и недочеты государственной политики в социокультурной сфере, дополняли работу органов городского самоуправления в этой области. О существовании некоторых из этих общественных организаций знали далеко за пределами России. Можно с уверенностью заключить, что феномен общественного активизма в конце XIX — начале XX в. был в полной мере присущ таким уральским городам, как Пермь и Екатеринбург, будучи одним из признаков их «столичности».

Литература и источники

1. Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии. 1914 г. Пермь, 1914.
2. Воспоминания тов. И. Г. Остроумова. Ч. 2. URL: <https://uncle-ho.livejournal.com/1616353.html> (дата обращения: 15.10.2022).
3. Голубев П. А. К вопросу о постройке народного дворца в Перми. М., 1901.

4. Зорина Л. И. Екатеринбургские общества — предшественники Уральского общества любителей естествознания // Третьи Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 19–20 апреля 2000 г. Екатеринбург, 2000. С. 312–314.
5. Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996. Т. 1.
6. Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. История Пермской губернии. Пермь, 1916. Вып. 2.
7. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2008.
8. Ковалевский М. Прогресс // Вестник Европы. 1912. Т. 47.
9. Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург // Очерки истории Урала. Екатеринбург, 1996. Вып. 1.
10. Осоргин М. Московские письма. Пермь, 2003.
11. Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1902 год. Пермь, 1903.
12. Очерки русской культуры XIX века. М., 2000. Т. 2: Власть и культура.

Elena Yu. Kazakova-Apkarimova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: Apkarimova@mail.ru

PUBLIC ACTIVISM AND SOCIO-CULTURAL FEATURES OF PERM AND EKATERINBURG IN THE END OF THE 19th — BEGINNING OF THE 20th CENTURIES

The history of public organizations of a sociocultural orientation in the context of the study of the historical significance of public activism in the regional capitals of Russia is analyzed in the report on the example of Perm and Ekaterinburg in the late nineteenth — early 20th centuries. The author concludes that societies that united artistic and creative intelligentsia successfully operated in Perm and Ekaterinburg, these associations significantly contributed to the development of urban culture, study of local history and the formation of civic identity.

Keywords: public activism, public organizations, city, Perm, Ekaterinburg, culture, intelligentsia

Карпов Виктор Петрович

д.и.н., профессор, Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень)

E-mail: 7654321.58@mail.ru

**СВЕРДЛОВСКИЕ ОРГАНИЗАТОРЫ
ТЮМЕНСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА**

УДК 94(571.12):378.1

В докладе характеризуется вклад в организацию Тюменского индустриального института (ТИИ) ученых свердловских вузов. Основное внимание уделено первым ректорам ТИИ — А. Н. Косухину и В. Е. Копылову. Рассмотрены причины, обстоятельства и результаты создания института, а также вузовского музея истории науки и техники Зауралья. Оценивается значение сотрудничества вузов Урала и Тюмени для развития ТИИ.

Ключевые слова: Тюменский индустриальный институт, Свердловск, вуз, специалисты

В декабре 2023 г. Тюменскому индустриальному университету (ТИУ) (в 1963–1994 гг. — Тюменский индустриальный институт, в 1994–2016 гг. — Тюменский государственный нефтегазовый университет) исполняется 60 лет, а в начале 1960-х гг. идея организации нового вуза в Тюмени казалась многим руководителям системы образования РСФСР несостоятельной, потому что в Тюмени и области: 1) отсутствовала крупная промышленность; 2) не было материально-технической базы для будущего вуза; 3) учить будущих специалистов в провинциальном городе было некому.

Создание нового вуза инициировал секретарь Тюменского промышленного обкома КПСС А. К. Протозанов, который добился включения в Постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. пункта о создании в Тюмени индустриального института [6, с. 298]. Само название института не было случайным: по словам ректора ТИИ (1973–1986 гг.) В. Е. Копылова, подобные институты создавались, как правило, там, «где их организация признавалась министерством преждевременной, либо, уступая давлению обкомов КПСС» [5, с. 307].

На пионерном этапе ядро высококвалифицированных кадров вуза сформировалось, главным образом, благодаря энтузиастам, прибывшим из-за пределов Тюменской области. В числе основателей ТИИ было много ученых из Свердловска — ближайшего к Тюмени крупного индустриального и научного центра. Первым ректором ТИИ 3 февраля 1964 г. бюро Тюменского обкома КПСС утвердило кандидата технических наук, доцента Анатолия Николаевича Косухина (1925–1988), прежде работавшего в Уральском политехническом институте (УПИ) им. С. М. Кирова. Он возглавлял ТИИ до 1973 г. и именно на его плечи легли все трудности организационного периода.

Первый ректор ТИИ — личность легендарная. В годы Великой Отечественной войны, будучи совсем молодым человеком, он руководил симферопольским комсомольским подпольем в Крыму, которое действовало до освобождения города от оккупантов (декабрь 1941 — апрель 1944 г.). Несмотря на активные поиски гестапо 39 из 51 участника подполья остались в живых. Накануне 9 мая 2023 г. в университетский музей передано личное дело подпольщика, в котором 56 страниц. В нем содержится проект наградного листа на звание Героя Советского Союза и докладная самого Косухина о подвигах каждого члена подпольной группы [2].

Звание Героя Анатолий Косухин не получил, но к двадцатилетию Победы в 1965 г. был награжден орденом Ленина, а еще через несколько лет в журнале «Уральский следопыт» была опубликована статья о военном прошлом первого ректора ТИИ. Тогда и стало известно о подвиге подпольщика. Память А. Н. Косухина увековечена мемориальной доской на здании ТИУ по ул. Володарского, 38. Обсуждается возможность дать имя ученого и героя Великой Отечественной войны основанному им ТИИ.

Руководить организацией исторического образования в новом вузе А. Н. Косухин пригласил в августе 1964 г. коллегу по УПИ доцента Б. А. Нима. Они были хорошо знакомы по совместной работе

в парткоме УПИ. Борис Александрович Ним (1920–2020) в 1951 г. закончил истфак Уральского государственного университета им. А.М. Горького (УрГУ, Свердловск), работал сначала ассистентом кафедры марксизма-ленинизма в УПИ, а после защиты диссертации в 1955 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова продолжил работать старшим преподавателем и затем доцентом на кафедре истории КПСС в том же вузе. Много хороших слов о Ниме я слышал от заведующего кафедрой истории КПСС УПИ, профессора А. В. Бакунина, с которым Б. А. Ним работал на одной кафедре в 1950–1960-е гг. Б. А. Ним, стоявший у самых истоков создания вуза, не только руководил кафедрой, но и решал проблемы института в составе парткома ТИИ, возглавлял идеологическую работу первичной партийной организации института.

Первым деканом ключевого для ТИИ нефтегазопромыслового факультета тоже был свердловчанин — Виктор Ефимович Копылов (1932–2019). Проректором по учебной и научной работе в 1964 г. стал кандидат геолого-минералогических наук, доцент Василий Константинович Ермаков (1909–1992), который после войны заведовал кафедрой «Минералогии и кристаллографии» и руководил геологическим факультетом в УрГУ.

О том, в каких условиях стартовал ТИИ, можно судить по воспоминаниям свердловчан. На вопрос А. К. Протозанова, пригласившего на встречу В. Е. Копылова, почему в обком доцент ТИИ пришел небритым, Виктор Ефимович объяснил, что живет в коридоре гостиницы на раскладушке и поэтому возможности утреннего туалета ограничены [3, с. 107]. Первых посланцев уральских вузов удивляла провинциальность города, в котором им предстояло работать: в 1964 г. в Тюмени была только одна гостиница «Заря», каменной застройкой мог похвалиться в основном только центр города, сохранялись деревянные тротуары и непролазная грязь в межсезонье. Тем не менее, корпус ТИИ строился быстро, местная власть предприняла все возможное, чтобы сгладить первое, неблагоприятное впечатление гостей от знакомства с городом, помогала с обустройством новоселов.

Уже в первом учебном 1964/65 году институт набрал 1 605 студентов, которых обучали 95 преподавателей, в вузе было три факультета (нефтегазопромысловый, инженерный и вечерне-заочный), 11 кафедр готовили инженеров по 12 специальностям [1, с. 222–223].

В январе 1968 г. Тюмень посетил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Побывал он и в ТИИ. В книге почетных посетителей института осталась его запись: «Ваш институт — решающий фактор в развитии области. Тюмень будет энергетической базой страны. Успех ее развития – ваши кадры. Желаю успеха (4/-1968 г.)» [1, с. 9].

В 1969 г. в ТИИ состоялось торжественное вручение дипломов первому выпуску специалистов. На торжество прибыли коллеги из УПИ им. С. М. Кирова, других уральских вузов. Второй выпуск инженеров ТИИ вырос на треть, а в 1972 г. достиг 1 тыс. чел. [3, с. 5]. Подразделения ТИИ росли стремительно. В 1973 г., когда праздновалось десятилетие института, в нем было уже 10 факультетов, 48 кафедр, 22 специальности, 8 955 студентов, 1 382 преподавателя и сотрудника, включая 11 докторов наук, профессоров, 168 кандидатов наук, доцентов [1, с. 223].

Уральцы стояли и у истоков Музея истории науки и техники Зауралья (МИНТЗ), созданного в ТИИ. Идею организации МИНТЗ активно поддержал А. Н. Косухин, а больше других для развития институтского (впоследствии университетского) музея сделал В. Е. Копылов, вложивший всю душу в любимое детище. Второй ректор ТИИ (1973–1986 гг.), В. Е. Копылов после окончания Свердловского горного института (СГИ) им. В. В. Вахрушева преподавал в том же вузе, но с перерывом — в 1956–1962 гг. работал сначала буровиком, а затем начальником геологоразведочной партии в Уральском геологическом управлении Мингео РСФСР. В 1964 г. уралец связал свою дальнейшую судьбу с Тюменью, полюбил этот город и посвятил ему многие свои публикации, а МИНТЗ, руководимый В. Е. Копыловым, стал известен на всю страну и за ее пределами.

Ученые Свердловска в 1980-е гг. сделали немало для подготовки кандидатов и докторов наук ТИИ. Только на кафедре Гуманитарных наук и технологий сегодня работают три доктора исторических наук,

подготовившие и защитившие как кандидатские, так и докторские диссертации в УрГУ или ИИиА УрО РАН Свердловска–Екатеринбурга. Заметный вклад в сотрудничество с Тюменью внесли Е. Т. Артемов, А. В. Бакунин, В. Г. Запарий, К. И. Зубков, Г. Е. Корнилов, В. Е. Лебедев, Б. В. Личман, И. В. Побережников, В. П. Тимошенко, В. Г. Чуфаров и другие ведущие уральские историки.

Масштаб задач, стоявших перед регионом, определил масштаб руководителей, ученых, организаторов, связавших свою судьбу с Тюменью в 1960-е гг. Благодаря таким профессионалам и энтузиастам, как А. Н. Косухин, В. Е. Копылов, В. К. Ермаков, а также усилиям их соратников и был открыт Тюменский индустриальный институт, и именно его выпускники в дальнейшем внесли большой вклад в создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, ставшего спасением для страны.

Литература и источники

1. Вуз, нефть и люди / сост. В. Е. Копылов. Тюмень, 1993.
2. Дело Анатолия Косухина: секретный документ передан в Музей ТИУ // Тюменский индустриальный университет. URL: <https://www.tyuiu.ru/delo-anatoliya-kosuhina-sekretnyj-dokument-peredan-v-muzej-tiu/> (дата обращения: 19.05.2023).
3. Кафедра истории и культурологии. Тюмень, 2002. (Сер. «Тюменский государственный нефтегазовый университет»).
4. Комгорт М. В., Майданов В. С. Лидер нефтегазовой революции. Тюмень, 2013.
5. Копылов В. Е. Окрик памяти (история Тюменского края глазами инженера): в 3-х кн. Тюмень, 2002. Кн. 3.
6. Нефть и газ Тюмени в документах (1901–1965). Свердловск, 1971.

Viktor P. Karpov

Doctor of Historical Sciences, Tyumen Industrial University (Russia, Tyumen)

E-mail: 7654321.58@mail.ru

SVERDLOVSKIANS ARE THE ORGANIZERS OF THE TYUMEN INDUSTRIAL INSTITUTE

The contribution to the organization of the Tyumen Industrial Institute (TII) of scientists from Sverdlovsk universities is clarified. The main attention is paid to the first rectors of TII — A. N. Kosukhin and V. E. Kopylov. The reasons, circumstances and results of the creation of the Institute, as well as the university museum of the history of science and technology of the Trans-Urals, are considered. The importance of cooperation between the universities of the Urals and Tyumen for the development of TII is assessed.

Keywords: Tyumen Industrial Institute, Sverdlovsk, university, specialists

Клинова Марина Александровна

д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: klinowa.m@yandex.ru

**«К НОВЫМ УСПЕХАМ!»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОГО ГОДА
НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» (1946–1956 гг.)**

УДК 94(470.5)“1946/1956”

В докладе предпринят анализ содержания и специфики репрезентации образа Нового года в областной газете «Уральский рабочий» (1946–1956 гг.). Сделан вывод, что в репрезентации Нового года в первую очередь акцентировалась тема рубежа между трудовыми циклами, а освещение практик празднования было вторичным.

Ключевые слова: Новый год, праздник, труд, Свердловск, советская пресса

Проблематика медийного конструирования советских праздников не является малоизученной темой отечественной историографии. Авторами изучалась советская праздничная культура [2], рассматривались проблемы репрезентации советских праздников в 1920-е гг. [4; 5], оформления праздничных мероприятий в 1960–1980-е гг. [6]. Праздничная культура послевоенного периода рассматривалась в немногочисленных исследованиях [3]. В большинстве работ авторы сфокусировали внимание на изучении официальных советских праздников (7 ноября, 1 мая), в то время как практики празднования Нового года рассматривались в единичных публикациях [1].

Целью работы является раскрытие содержания и специфики репрезентации образа Нового года в областной газете «Уральский рабочий» (1946–1956 гг.), выявление его эволюции в рамках периода. В выборку включались выпуски газеты, предшествовавшие празднику (29, 30 или 31 декабря); первые выпуски после Нового года (1, 3, 4 января).

Новый год был одним из главных календарных праздников, отмечаемых в СССР. В отличие от большинства других праздников он являлся еще и своеобразным рубежом — завершением одного отчетного трудового календарного цикла и началом следующего. «Новогодние» публикации издания можно условно разделить на две группы: материалы, маркирующие рубеж трудовых календарных циклов, и непосредственно праздничные сюжеты.

Перейдем к рассмотрению сюжетов первой группы. Предновогодние тексты «Уральского рабочего» второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. создавали у читателя ощущение исторической важности Нового года как рубежа трудовых циклов. Публикации отличала торжественная стилистика. Неотъемлемой частью предновогоднего выпуска являлась итоговая статья, посвященная результатам и успехам, достигнутым страной, а также тружениками региона в истекшем году: «Трудящиеся Свердловской области, оглядываясь на пройденный путь, с гордостью отмечают, что в победах страны есть и доля их самоотверженного труда»¹. В газете подводились итоги социалистических соревнований², освещались результаты труда отдельных предприятий³. Характерно, что трудовые достижения и успехи презентовались в качестве новогодних подарков региону и стране⁴.

В первом выпуске нового года в газете публиковалась поздравительная статья. В ней в торжественной стилистике обозначались перспективы развития страны: «Новый 1946 год страна встречает с великой радостью. Он несет нам новые победы и приближает нас к вершинам человеческого счастья»⁵. Нередко

¹ Год новых побед советского народа // Уральский рабочий. 1950. 31 дек. С. 1.

² Победители в социалистическом соревновании... // Уральский рабочий. 1948. 29 дек. С. 1.

³ Итоги и перспективы // Уральский рабочий. 1950. 30 дек. С. 1; Улучшенный буровой станок // Уральский рабочий. 1947. 28 дек. С. 1.

⁴ Подарки индустриального Тагила // Уральский рабочий. 1946. 31 дек. С. 1; Родине — наши трудовые подарки! // Уральский рабочий. 1950. 31 дек. С. 1.

⁵ Год тысяча девятьсот сорок шестой // // Уральский рабочий. 1946. 1 янв. С. 1.

на первой странице газеты помещался рисунок новогодней тематики. Наиболее востребованным визуальным сюжетом являлось изображение Кремля (Спасской башни).

Типичной практикой послевоенных лет являлась публикация в прессе новогоднего письма Сталину от трудящихся различных предприятий. В «Уральском рабочем» такие письма не только публиковались, также в газете фиксировался процесс их обсуждения и подготовки⁶. Кроме того, в газете печатались письма читателей, где перечислялись достижения, озвучивались перспективные планы трудовой деятельности, высказывались слова благодарности стране и вождю⁷. Присутствие образа Сталина являлось характерной особенностью публикаций прессы конца 1940-х — начала 1950-х гг. Он фигурировал в контексте освещения достижений страны, выступал гарантом ее благополучного развития, являлся центральной фигурой завершения старого и начала нового трудового годовичного цикла.

В 1954–1956 гг. образ Сталина исчез со страниц газеты, сменившись образом партии: «Коммунистическая партия — партия неутомимых новаторов и смелых преобразователей — ведет нашу родину от победы к победе»⁸. Новацией середины 1950-х гг. стала публикация на первой странице выпуска от 1 января новогодней речи Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова. Уровень торжественности и пафоса в публикациях, посвященных достижениям уходящего года, при этом несколько снизился. Уменьшилось общее количество статей, касавшихся итогов года, которые вытесняли сюжеты другой тематики.

Перейдем ко второй группе сюжетов «Уральского рабочего», посвященных практикам празднования Нового года. На протяжении второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. тематика новогоднего праздника, не связанная с рубежом трудовых свершений, получала минимальное освещение на страницах газеты. Как правило, это были две–три заметки на последней странице издания, где освещались праздничные приготовления: «молодежь готовит карнавальные костюмы», «в праздничный наряд одеваются залы клубов» и пр.⁹ На последней странице газеты помещалась фотография: дети, катающиеся с горки на площади 1905 года, женщина, покупающая цветы и пр. В отличие от рисунков на первой полосе, здесь отсутствовали какие-либо символы государственности (Кремль) и цикличности (куранты). В 1954–1956 гг. в последних выпусках «Уральского рабочего» появились рисунки и фотографии, посвященные предновогодним заботам горожан: покупке елки, телевизора, продуктов к новому столу, украшению сцены клуба и пр.¹⁰ Количественно увеличилось число сюжетов о повседневных реалиях граждан.

В первом выпуске Нового года в газете публиковались заметки о встрече праздника жителями Свердловска и области. Как правило, в них освещались торжественные коллективные мероприятия в клубах, избах-читальнях и пр.¹¹ Заметки о практиках семейного празднования Нового года были единичны. Их героями были передовики-новоселы, получившие квартиры от предприятий, построившие дома¹². Сюжеты о праздновании Нового года в ресторанах не публиковались в газете.

В целом на основании предпринятого анализа текстов и визуальных сюжетов «Уральского рабочего» 1946–1956 гг., посвященных новогодней тематике, можно прийти к выводу, что в репрезентации Нового года в первую очередь была важна его рубежность как грани между календарными трудовыми циклами, прохождение каждого из которых важно на пути к коммунизму. Такое понимание праздника актуализировало обращение к политическим образам и государственной символике в его репрезентации. Практики празднования Нового года гражданами были представлены немногочисленными сюжетами

⁶ С большим патриотическим подъемом трудящиеся области обсуждают новогоднее письмо товарищу И. В. Сталину // Уральский рабочий. 1949. 29 дек. С. 1.

⁷ Филиппов К. Я буду токарем // Уральский рабочий. 1946. 1 янв. С. 3; Юсим Л. Моя мечта // Уральский рабочий. 1948. 1 янв. С. 3.

⁸ Растет могущество нашей Родины // Уральский рабочий. 1954. 31 дек. С. 1.

⁹ Сельский бал-маскарад // Уральский рабочий. 1947. 31 декабря. С. 4; Бал медеплавильщиков // Уральский рабочий. 1948. 31 дек. С. 4.

¹⁰ Дианов В. Перед праздником // Уральский рабочий. 1956. 30 дек. С. 4; Предновогоднее // Уральский рабочий. 1955. 31 дек. С. 4.

¹¹ Первый тост за товарища Сталина // Уральский рабочий. 1947. 1 янв. С. 4; Бал-маскарад // Уральский рабочий. 1948. 1 янв. С. 4.

¹² В новом доме // Уральский рабочий. 1949. 1 янв. С. 4; Новоселье трубников // Уральский рабочий. 1951. 1 янв. С. 4.

на страницах газеты, где освещались «правильные» праздничные события коллективного и культурного отдыха, прошедшие в регионе. Газета была призвана не столько освещать новогодние реалии послевоенного Свердловска, сколько демонстрировать производственные достижения страны и региона, формировать у граждан сознательное отношение к труду, а также прививать привычки культурного досуга.

Литература и источники

1. Жидченко А. В. «Женский праздник»: традиции празднования Нового года в новом советском городе в 1950–60-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2022. № 4 (64). С. 111–124.
2. Зеверт Д. Современные подходы к пониманию праздничной культуры в Советском Союзе // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 2 (2). С. 103–113.
3. Клинова М. А., Трофимов А. В. Великая Отечественная война: коммеморативные практики и образы в газетной периодике (1946–1965 гг.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 36–45.
4. Кулачков В. В., Николашин В. П., Безгин В. Б., Гатилов Э. В., Ерин П. В. Советские праздники в 1920-е гг. // Вопросы истории. 2022. № 2–1. С. 141–149.
5. Кустова Э. М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3 (101). С. 57–77.
6. Маслова-Лисичкина И. А. Художественное оформление массовых праздников Киева советского периода (60–80 года XX века) // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 1168–1171.

Marina A. Klinova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS

(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: klinowa.m@yandex.ru

“TO NEW SUCCESSES!”: REPRESENTATION OF THE NEW YEAR ON THE PAGES OF THE “URALSKIY RABOCHIY” NEWSPAPER (1946–1956)

The report analyzes the content and specifics of the representation of the image of the New Year in the regional newspaper “Uralskiy rabochiy” (1946–1956). It is concluded that in the representation of the New Year, the topic of the boundary between labor cycles was primarily emphasized, and the coverage of the celebration practices was secondary.

Keywords: New Year, holiday, labor, Sverdlovsk, Soviet press

Кругликова Галина Александровна

к.и.н., доцент, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург)

E-mail: kruglickova.galina@yandex.ru

ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УРАЛЬСКИХ МУЗЕЕВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 069.12:94(470.5)

Доклад посвящен анализу культурно-просветительской и воспитательно-образовательной деятельности музеев. Приведен опыт деятельности музея УОЛЕ. Представлены новые направления и формы работы с молодежью, практикующиеся Свердловским областным краеведческим музеем. Делается вывод о важности музейной работы в рамках изучения культурного наследия региона, воспитания гражданственности и патриотизма.

Ключевые слова: культурное наследие, музей, СОКМ, воспитательный потенциал музея

В современном обществе растет интерес к формированию музеев в образовательных учреждениях как уникального социального института, который обладает потенциалом в образовательной и воспитательной сферах. Музеи несут в себе цель сохранения социальной памяти, ее передачи другим поколениям. Как однажды сказал академик Д. С. Лихачев: «Любовь к родному краю, знание его истории — основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества» [4, с.13].

Музейные учреждения Урала имеют богатый исторический опыт просветительской деятельности. Уральское общество любителей естествознания, музей которого с 1888 г. активно занялся просветительской деятельностью, выстраивало свою работу с образовательными организациями в разных направлениях. В музее регулярно проходили лекции для учащихся гимназий и взрослого населения. Музей посещали учащиеся Екатеринбурга и других населенных пунктов Урала. В качестве примера приведем дополнения к отчету хранителя музея за 1908 г., где указан список учебных заведений, учащиеся которых посетили музей УОЛЕ на бесплатной основе. В Екатеринбурге это были: «Архиерейская школа, Воскресенская женская школа, 1-ое и 2-ое Городское училище, Духовное училище, Железнодорожное училище, Женская гимназия, Мужская гимназия, Профессиональная школа, Пушкинское училище, Румянцевой прогимназия, Реальное училище, Симеоновская школа, Спасское училище, Тихвинское училище, Художественно-промышленная школа. Суммарно только из Екатеринбурга музей посетило 1 646 учащихся» [1].

В 1899 г. был создан подвижный музей, целью которого было «дать возможность как просветительским учреждениям г. Екатеринбурга и его окрестностей, так и частным лицам, получать во временное пользование бесплатно демонстративный материал для уяснения сведений по различным отраслям знания» [2]. К примеру, популярностью пользовалась геологическая коллекция музея. Так, 5 июня 1909 г. УОЛЕ получило письмо от учителя-инспектора Нежинского 2-го четырехклассного городского училища с просьбой выслать каталоги коллекций по минералогии и геологии, которые изготовлял музей¹. Сохранилось также письмо от 22 августа 1913 г., написанное от имени помощника инспектора 2-го Московского им. Николая I кадетского корпуса с просьбой выслать одну коллекцию по минералогии из 158 минералов с деревянной шкатулкой². И подобных просьб в адрес УОЛЕ приходило очень много.

В здании музея активно проводилась не только лекторская работа, но и массовые мероприятия. Так, в 1902–1903 гг. О. Е. Клер организовал целый цикл бесед по ботанике, рассчитанных главным образом на молодежь — учащихся старших классов екатеринбургских школ. Занятия в музее при этом чередовались им с экскурсиями в окрестности Екатеринбурга. Целью таких бесед Онисим Егорович считал «ознакомление желающих с практическими приемами составления и сохранения ботанических коллекций» [3, с. 109].

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 101. Оп. 1. Д. 615. Л. 18.

² ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 617. Л. 88.

В числе действительных членов УОЛЕ было немало педагогов. Согласно данным Л. И. Зориной, «в сфере образования работало более 25 % членов УОЛЕ» [3, с. 90]. О. Е. Клер, главный создатель УОЛЕ, и сам был учителем по профессии, и конечно же профессиональные интересы постоянно давали о себе знать. Помимо активной работы на благо развития общества, он продолжал преподавать французский язык в первой Екатеринбургской женской гимназии.

Не менее показателен пример П. М. Вологодского, действительного члена УОЛЕ и хранителя библиотеки общества в 1875–1876 гг. В работе «О первоначальных занятиях с детьми» П. Вологодский писал, что «ребенок обыкновенно имеет некоторые предубеждения к науке, он смотрит на неё и вместе с тем на учителя как на предметы, отнимающие у него свободное время и как на врага»³, поэтому не нужно «пускаться в бесконечно длинные рассуждения о пользе науки, а напротив в первых уроках науку оставить в стороне, и впоследствии уже постепенно втягивать в неё ребенка»⁴.

Свердловский областной краеведческий музей продолжает традицию своих предшественников. Отметим действующую здесь с 2008 г. программу «Музейный абонемент». Она знакомит с историческим прошлым Екатеринбурга 1723–1924 гг., с культурой, бытом, общественными и семейными традициями горожан, с известными и малоизвестными именами людей, живших в Екатеринбурге на протяжении двух первых веков его существования. Участники музейных занятий погружаются в своеобразную атмосферу провинциального города, пытаются освоить культурное пространство городской среды в ее историческом и современном бытии [6].

В течение 10 лет в СОКМе действует центр инновационных музейных технологий, занимающийся проектной («Ночь музеев», «Ночь искусств», мобильное приложение «Искусство путешествий»), информационной, обучающей деятельностью. Цифровые технологии, пришедшие не только в научно-исследовательскую работу, но в работу с посетителями, поставили перед музеем новые задачи. Как результат Свердловский областной краеведческий музей в последние годы активно вышел в цифровое пространство. Для популяризации деятельности музея созданы новые группы, через которые сотрудники оперативно коммуницируют с посетителями. К примеру, в музее «Истории и археологии Урала», Художественном музее Эрнста Неизвестного, Музее памяти представителей Российского Императорского Дома «Напольная школа в городе Алапаевске» была проведена специальная сеть для перехода посетителей на платформу Artefact [5]. Здесь выставку можно приближать, рассматривать, читать ее полное описание. Версия музея на 360 градусов представлена на сайте «Культура. РФ». Конечно, это не может заменить живого восприятия коллекций и «общения» с музейными предметами. Но это позволяет расширить ареал взаимодействия музея с отдаленными территориями и приобщить ребят к изучению историко-культурного наследия родного края.

Таким образом, развитие музеев идет по пути превращения их в комплексные историко-просветительские, культурно-образовательные центры, что кардинально меняет требования к организации музейного пространства. Гармоничное и органичное сочетание научно-исследовательской и воспитательно-образовательных функций, интеграция и их эффективная реализация может и должна способствовать передаче социально-значимой информации, укреплению и развитию социокультурных связей и отношений в обществе.

Литература и источники

1. Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1909. Т. 28.
2. Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1916. Т. 35. Вып. 11–12.
3. Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала / Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург, 1996. Т. 1.
4. Лихачев Д. С. Любить родной край. М., 1990. № 1.

³ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 641. Л. 29–30.

⁴ Там же. Л. 30.

5. Свердловский областной краеведческий музей. Годовой отчет. Екатеринбург, 2020.
6. Швецова С. К. Педагогический потенциал образовательных программ историко-краеведческого музея. URL: <http://www.yafalian.ru//konfer/041.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).

Galina A. Kruglikova

Candidate of Historical Sciences, Ural State Pedagogical University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: kruglickova.galina@yandex.ru

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE URAL MUSEUMS: HISTORY AND MODERNITY

The paper is devoted to the analysis of cultural and educational and educational activities of museums. The experience of the UOLE Museum is given. New directions and forms of work with youth are presented by the Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore. The conclusion is made about the importance of museum work in the framework of the study of the cultural heritage of the region, the education of citizenship and patriotism.

Keywords: cultural heritage, museum, SOCM, educational potential of the museum

Пирогова Елена Павловна

к.и.н., доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет
(г. Екатеринбург)

E-mail: eppirogova@yandex.ru

**УСАДЬБА В УЕЗДЕ ИЛИ ОСОБНЯК В СТОЛИЦЕ: ПРИОРИТЕТЫ ДОМОВЛАДЕНИЯ
УРАЛЬСКИХ ДВОРЯН-ПРОМЫШЛЕННИКОВ XVIII в.**

УДК 94(47) "17":728.83

На примере промышленного рода Демидовых рассматриваются различные виды домовладений: дома, дворцы и усадьбы в уездных городах России, на уральских заводах, в Москве и Петербурге. Ставится вопрос о том, каким из них, местным или столичным, отдавали свои предпочтения для проживания уральские заводовладельцы.

Ключевые слова: дворянская усадьба, дом-дворец, заводовладельцы Демидовы

Расцвет русской дворянской усадебной культуры, начавшийся со второй половины XVIII в., затронул не только дворянство столичных и центральных, так называемых помещичьих губерний, но и промышленного Урала. Владельцы уральских заводов обладали домами в уездных городах, усадьбами (призаводскими, городскими и загородными) на территории своих заводов, и при этом многие из них строили дома и роскошные особняки в столичных городах.

Каково было соотношение, условно говоря, местных (уездных) и столичных усадеб уральских заводчиков, кто из них предпочитал жить на Урале, а кто в Москве и Петербурге, мы рассмотрим на примере рода Демидовых, известного своими огромными доходами и особым вкладом в промышленное развитие страны.

Сыновья основателя династии Никиты Антюфеева (Демидова) жили преимущественно на Урале. Старший, Акинфий Никитич, — в Невьянском заводе, где у него были деревянные «хоромы» (в отличие от каменной наклонной башни они не сохранились), которые имели «высокие, с изломом, кровли, балконы, плоские наличники», и это свидетельствовало о том, что создавались они в далекой от традиции московского барокко стилистике и походили больше «на здания петровского Петербурга» [5, с. 51].

Внуки Н. Н. Антюфеева (Демидова) от второго сына, Никиты, владели рядом заводов на Южном Урале. С именем одного из них, Никиты Никитича Демидова, владельца Кыштымских и Каслинского железных заводов, связано сразу два известных здания, одно из которых, «Белый дом», находилось в Кыштыме, другое, со знаменитыми «золотыми комнатами», в Москве. Прежде чем к ним перейти перечислим другие дома и усадьбы Н.Н. Демидова. Полный их перечень стал известен благодаря опубликованному недавно документу — духовному завещанию Н. Н. Демидова 1786 г. В нем упомянуты доставшиеся ему по разделу с братьями после смерти отца дома в Екатеринбурге и Казани «с каменным и деревянным в них строением», а также купленные им «вотчины» в Екатеринбургской округе, Саратовском и «Володимерском» наместничествах, в нескольких волостях Московской губернии. Ценно, что оба петербургских «двора» имеют в документе конкретные адреса. Наконец, в духовном завещании фигурирует и «двор московской, состоящей за Земленным городом в Новой Басманной улице в приходе церкви Петра и Павла с построенным... каменным строением и с садом». О том, что Н. Н. Демидов часто проживал в своих «московском и в петербургском дворах», говорит упомянутое в завещании наличие в них «разной серебряной и другой посуды, книг и всяких вещей, уборов, мебели и протчаго движимаго имения» [2, с. 379–381].

Последний, московский дом Н. Н. Демидова в Басманной слободе, следует отметить особо. По сути, это настоящий дворец (здание сохранилось), признанный выдающимся образцом архитектуры московского классицизма XVIII в. Считается, что он был построен в 1789–1791 гг. архитектором М. Ф. Казаковым. С этим домом-дворцом связаны знаменитые «золотые комнаты», названные так

потому, что стены, двери и окна в них украшены ювелирной деревянной резьбой, покрытой натуральным сусальным золотом разных оттенков. Позднее в здании располагался Константиновский межевой институт, одно из старейших в России учебных заведений.

Неизвестно, в каком из своих столичных особняков Н. Н. Демидов жил чаще, но можно утверждать, что обоим предшествовал еще один дом-дворец, находившийся в Верхне-Кыштымском заводе и получивший название «Белый дом». Это здание показано на плане усадьбы 1762 г., а сам проект усадебного дома был разработан на несколько лет раньше, возможно, еще его отцом. В целом планировка усадьбы соответствовала типу «жилой усадьбы с открытым парадным двором-курдоньером». Фундамент дома был «обставлен» чугунными досками, в его оформлении использованы чугунные плиты, выполненные на Каслинском заводе, которые составляли по цоколю фасадов дома декоративный пояс. Как убедительно доказывает Л. Г. Михайлова, Н. Н. Демидову удалось выстроить под видом традиционной усадьбы оборонительную крепость с тремя дозорными башнями, ставшую надежной защитой от набегов вооруженных отрядов башкир [3, с. 51, 53].

Старший сын Акинфия Демидова Прокофий Акинфиевич не любил заводы и Урал, жил в Москве, где заложил чудный «Нескучный сад» с домом-дворцом на берегу реки Москвы рядом с Донским монастырем — признанный памятник архитектуры классического стиля середины XVIII в. (ныне Президиум РАН). Особой гордостью П. А. Демидова был ботанический сад, открытый и доступный для посещения всем желающим. Сохранилось описание дворца и план всего участка со службами, оградой сада и террасами, оранжереями, прудами и прочим, знаменитыми решетками, выполненными в сложной технике чугунного литья. Последние были отлиты на Нижнетагильском заводе по проекту Ф. С. Аргунова.

Еще один дом-дворец был построен П. А. Демидовым на Басманной улице. По свидетельству историка С. Н. Шубинского, он был «самой затейливой архитектуры» и обит снаружи железом, внутренняя отделка дома тоже «великолепна и вполне соответствовала колоссальному богатству хозяина», напоминая восточные сказки 1001 ночи.

Сыновья П. А. Демидова не унаследовали его домов в Москве, но выстроенный одним из них, Аммосом Прокофьевичем, известен как памятник гражданского зодчества, имеющий большую архитектурно-художественную и историческую ценность. Речь идет о знаменитой городской усадьбе в Толмачевском переулке (рядом с Лаврушенским) в стиле классицизма, автором проекта которой предположительно был М. Ф. Казаков. Отметим, что и этот трехэтажный каменный дом-дворец окружала чугунная ограда с воротами — образец литейного искусства 1750-х гг.

Никите Акинфиевичу Демидову по разделу с братьями достался каменный дом на Васильевском острове, но он явно тяготел к Москве, где ему принадлежало по меньшей мере три замечательных памятника архитектуры. Начало строительства Слободского дома на Вознесенской улице Немецкой слободы связано с именем известного крепостного архитектора Ф. С. Аргунова, а общее руководство осуществлял скульптор Иоган Юст. Возведение здания началось в 1762 г. и продолжалось до конца 1770-х гг. За эти полтора десятка лет «в русской архитектуре произошли большие изменения: пышную декоративность барокко сменил молодой строгий классицизм». Но дом Демидова был так хорошо, что даже в этих условиях привлекал всеобщее внимание и вызывал восхищение самых горячих сторонников классицизма [1, с. 66, 68].

В те же годы велось строительство подмосковной усадьбы Н. А. Демидова Сергиевское-Алмазово со всем ансамблем: главный дом, флигель, хозяйственные постройки, сады, пруды, каналы. Но самой замечательной следует признать другую подмосковную усадьбу — Петровское-Алабино, возведенную в 1776 г. М. Ф. Казаковым. Квадратный в плане дом имел четыре одинаковых фасада, связанных угловыми выступами, украшенными двухколонными портиками с балконами. Здание завершалось барабаном с куполом, увенчанным статуей Аполлона. Прекрасная усадьба Петровское-Алабино строилась Н. А. Демидовым для любимой супруги Александры Евтихиевны, но, к его страшному огорчению, она умерла, так и не увидев усадьбу во всем великолепии, и была похоронена рядом с усадьбой, в церкви

Святого Петра Митрополита. С потерей жены Никита Акинфиевич редко посещал Петровское, но после смерти его тело было погребено рядом с ней.

Из сыновей Акинфия Демидова только средний Григорий Акинфиевич изначально жил на Урале, в селе Красном под Соликамском, где отец еще в 1730 г. купил для него соляные промыслы. Здесь он развел первый научный ботанический сад в России. При этом он приобрел в Петербурге замечательную по красоте усадьбу в Гривцове переулке, возможно, ему принадлежал также дом на Мойке. После его смерти владельцем этих домов, как и соликамской усадьбы, стал его старший сын Александр Григорьевич, который предпочел жить ближе к северной столице. Продав соликамское имение в селе Красном, он в 1772 г. купил часть мызы Тайцы в Гатчинском районе, где архитектор И. Е. Старов возвел для него великолепную резиденцию со сложной ирригационной системой прудов и ключей, регулярным голландским садом, оранжереями и теплицами. «Необычным для усадебной архитектуры, — пишет исследователь гатчинских усадеб, — было здание дворца — редкий пример центрической композиции. Фасады квадратного в плане здания были решены идентично и оформлены пилястрами большого ордера... Особую пластичность и выразительность придавали дворцу открытые лоджии-террасы, обрамленные колоннами...» [4, с. 478].

По соседству с Тайцами А. Г. Демидова находилась усадьба его брата, Петра Григорьевича Сиворицы, тоже архитектора И. Е. Старова. Здесь усадебный каменный дом был выстроен по традиционной схеме: «Центральный двухэтажный с бельведером корпус соединился с двухэтажными, более низкими, флигелями дугами оград. Выдвинутые несколько вперед, они образовывали парадный двор с партером в центре, к которому вела подъездная дорога» [4, с. 474]. В Сиворицах П. Г. Демидов постоянно жил с семьей, как и его брат в Тайцах.

Даже такой явно неполный перечень домов, дворцов, имений, усадеб и иных видов домовладений Демидовых позволяет сделать более общий вывод о том, что уральские дворяне-промышленники XVIII в. могли себе позволить их строительство в разных регионах страны, включая обе столицы. При этом первые поколения заводовладельцев, больше связанные необходимостью личного присутствия на заводах, чаще жили на Урале. Как исключение можно отметить далекого от производства Г. А. Демидова и его соликамское имение. Во второй половине века Демидовы уже явно отдавали предпочтение Москве или Петербургу, часто при этом проживая в роскошных подмосковных или гатчинских усадьбах.

Литература и источники

1. Борис А. Г., Канаев М. Б. Слободской дом Демидовых в Москве // Демидовский временник. Исторический альманах. Екатеринбург, 1994. Вып. 1. С. 65–73.
2. Демидовы. Взгляд сквозь века: научное издание / сост., науч. ред. Е. П. Пирогова, Н. Г. Павловский. М., 2022.
3. Михайлова Л. Г. К вопросу истории формирования усадьбы «Белый дом» в Кыштыме (Часть 1) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2017. № 2. С. 49–53.
4. Мурашова Н. В. Усадьбы Ленинградской области // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1993. М., 1994. С. 454–480.
5. Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы (к 300-летию города) / науч. ред. В. И. Байдин. Екатеринбург, 2001.

Elena P. Pirogova

Candidate of Historical Sciences, Russian State Vocational-Pedagogical University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: eppirogova@yandex.ru

**MANOR IN THE COUNTY OR A MANSION IN THE CAPITAL: HOMEOWNERSHIP
PRIORITIES OF THE URAL NOBLE INDUSTRIALISTS OF THE 18th CENTURY**

On the example of the industrial family of the Demidovs, various types of households are considered: houses, palaces and estates in the county towns of Russia, in the Ural factories, in Moscow and St. Petersburg. The question is raised as to which of them, local or metropolitan, did the Ural plant owners give their preference for living.

Keywords: noble estate, house-palace, factory owners Demidovs

Постников Сергей Павлович

д.и.н., заведующий кафедрой, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н. С. Алфёрова; г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: Sppostnikov@mail.ru

**АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА УРАЛЕ
КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

УДК 378.09:72

Доклад посвящен истории архитектурно-художественного образования на Урале с момента его становления до наших дней. Показано, что старейшим вузом Урала, готовившим архитекторов, был Уральский индустриальный (политехнический) институт. Позже был создан самостоятельный Свердловский архитектурный институт, а также Уфимский нефтяной институт. С 2011 г. готовить архитекторов стал также Южно-Уральский государственный университет. Выпускники этих вузов много сделали для обеспечения устойчивого поступательного развития региона. Своими воплощенными на практике проектами они создавали комфортную среду проживания для населения Урала.

Ключевые слова: История, Урал, архитектурно-художественное образование

Архитектурно-художественному образованию на Урале, особенно Свердловскому архитектурному институту — Уральскому государственному архитектурно-художественному университету, посвящен целый ряд публикаций [1–21]. Однако его роль для региона и России в целом изучена далеко недостаточно.

Старейшим на Урале вузом, где с 1947 г. готовились архитекторы, являлся Уральский политехнический институт. Уральский филиал Московского архитектурного института (УФ МАИ) был создан по приказу Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР от 17 мая 1967 г. Он возник на базе кафедры архитектуры строительного факультета Уральского политехнического института, где подготовка архитекторов прекращалась, и они переводились во вновь созданный УФ МАИ. В 1972 г. решением Совета Министров СССР филиал был преобразован в самостоятельный Свердловский архитектурный институт (САИ). В 1968 г. в УФ МАИ началась подготовка дизайнеров. Всего, по нашим подсчетам, САИ/академия/университет выпустил около 18 тысяч специалистов — архитекторов, градостроителей, дизайнеров, художников. Лучших из них оставляли работать в институте (академии/университете). Среди них архитекторы А. А. Барабанов, М. В. Голобородский, С. А. Дектерев, Б. А. Демидов, Л. В. Десятов, А. В. Долгов, В. И. Иовлев, Г. С. Заикин, А. В. Калабин, А. В. Лемегов, Н. Н. Ляпцев, А. А. Стариков, дизайнеры Е. П. Постникова, Е. Ю. Рудакова, В. А. Курочкин и другие. Около 10 выпускников САИ стали главными архитекторами городов и областей России (М. Б. Вяткин, Г. В. Мазаев, А. В. Молоков, В. Ю. Спиридонов, Ю. В. Рысин и другие). Некоторые выпускники САИ стали видными деятелями культуры и искусства (В. И. Хотиненко, В. Г. Бутусов).

Несколько позже — в 1969 г. — началась подготовка архитекторов в Уфимском нефтяном техническом университете. Наконец, в 2011 г. архитекторов стали готовить в Южно-Уральском национальном исследовательском университете, где был открыт архитектурно-строительный институт. Всего, по нашим подсчетам, эти три вуза подготовили около 25 тысяч выпускников.

Многие из них вошли в историю, став авторами целого ряда архитектурных и художественных проектов. Так, Александр Владимирович Долгов (с 2020 г. — ректор Уральского государственного архитектурно-художественного университета) автор около 100 архитектурных проектов, большинство из которых воплотились на практике. Среди них: фасады зданий Министерства обороны РФ на Фрунзенской набережной в Москве, реставрация и приспособление под Дом почетных гостей дома купца Севастьянова в Екатеринбурге, реставрация здания Первого железнодорожного вокзала и Собора Александра Невского Ново-Тихвинского женского монастыря, часовня Святой Екатерины на площади Труда, деревянный храм Во Имя Серафима Саровского в Новоуральске, воссоздание деревянного дома таможни в селе Лучинкино в Нижней Синячихе и другие.

Другим выдающимся выпускником САИ был Александр Васильевич Калабин. По окончании института он работал в институте на кафедре АЖОЗ (1980–2001 гг.). Затем стал директором архитектурного бюро «Квадрат». Среди его архитектурных проектов — казино в РЦ «Водолей» в Екатеринбурге (в соавторстве), реконструкция отеля ROYAL GOLF со спа-центром в Чехии (в соавторстве), коттеджи в поселке «Галактика» в Екатеринбурге (в соавторстве), квартал «Европейская деревня» в поселке Коптяки Свердловской области, жилой дом на улице Covbedal Road, 12 в Лондоне (в соавторстве) и др.

Комплексная программа «Каменный пояс» была уникальным явлением в истории высшего образования Урала и всей России. С начала 1970-х гг. программа органического соединения научно-исследовательской деятельности студентов с учебно-воспитательным процессом стала генеральным направлением в повышении качества знаний студентов. 27 октября 1977 г. опыт Свердловского архитектурного института по реализации данной программы обсуждался на Коллегии Минвуза СССР, получил одобрение и был рекомендован для использования другими высшими учебными заведениями. В 1980 г. специальная комиссия Министерства еще раз проанализировала и положительно оценила деятельность САИ по программе «Каменный пояс». В инструктивном письме Минвуза РСФСР от 15 марта 1978 г. отмечалось: «Широта научных исследований программы “Каменный пояс” предусматривает возможность привлечения к ее осуществлению других вузов Урала».

Реализовывалась программа при финансовой поддержке Министерства культуры РСФСР, уральских областных отделов культуры. Ежегодно в экспедициях студентов и преподавателей САИ принимали участие от 200 до 300 человек.

В докладе секретаря партбюро Г. С. Заикина, также одного из организаторов программы, на партсобрании 19 февраля 1981 г. отмечалось, что программа «Каменный пояс» является конкретной формой соединения учебно-научно-воспитательного процесса с решением практических вопросов экономического и социального развития страны.

Всего, по данным А. А. Старикова, в ходе реализации программы «Каменный пояс» было выявлено свыше 5 тысяч объектов культурного наследия, поставлено на госохрану более тысячи памятников истории и культуры. На материалах научных экспедиций «Каменный пояс» в 1975 г. был создан Музей архитектуры и промышленной техники Урала. Многие объекты культурного наследия Урала были реставрированы по проектам студентов и преподавателей УрГАХУ.

За большую и плодотворную работу по изучению и сохранению историко-культурного наследия Урала руководители программы «Каменный пояс» А. Э. Коротковский был награжден Орденом Трудового Красного Знамени, Г. С. Заикин и А. А. Стариков — орденом «Знак Почета».

К сожалению, программа «Каменный пояс» в 1991 г. была приостановлена в связи с прекращением финансирования субъектами РФ. Однако ее материалы продолжили широко использоваться учеными САИ-УрГАХУ в исследованиях. Это работы В. Е. Звагельской, А. В. Долгова, А. Ю. Каптиева, Е. К. Золотова, А. А. Старикова, Л. П. Холодовой, Р. М. Лотаревой и других [22].

Таким образом, архитектурно-художественные вузы Урала своими воплощенными на практике архитектурными проектами создавали комфортную среду проживания для населения Урала и не только Урала.

Литература и источники

1. Веселовская В. Г. Бабыкин К. Т. — основатель архитектурной школы на Урале // Архитектон: известия вузов. 2013. № 42. С. 21.
2. Владимирский Ю. А. У истоков высшего образования по дизайну на Урале // Юбилейный этаж: книга искренних воспоминаний и лирических размышлений. Екатеринбург, 2007. С. 119–128.
3. Валерий Костин. Живопись: альбом. Екатеринбург, 2007.
4. Гафуров В. Г. Международные связи: от взаимного интереса через кризис к новому уровню сотрудничества // Architecton. 2002. № 3. С. 19.
5. Геворкян Геворк Арутюнович. Скульптура. Каталог. Екатеринбург, 2012.

6. Горонков Е. С. Зарождение и становление дизайнерского образования на Урале: исторический очерк. Екатеринбург, 2010.
7. Дектерев С. А. Шагнув в новый век (кафедра архитектуры жилых и общественных зданий: немного истории и взгляд в перспективу) // Юбилейный этаж: книга искренних воспоминаний и лирических размышлений. Екатеринбург, 2007. С. 128–133.
8. Десятов В. Г. Учитель в мире прекрасного (К. Т. Бабыкин) // Юбилейный этаж: книга искренних воспоминаний и лирических размышлений. Екатеринбург, 2007. С. 10–17.
9. Десятов В. Г. Три кафедры — три моих заботы // Юбилейный этаж: книга искренних воспоминаний и лирических размышлений. Екатеринбург, 2007. С. 108–119.
10. Десятов В. Г. Николай Семенович Алферов: воспоминания о жизни мастера архитектуры. Екатеринбург, 2010.
11. Иовлев В. И. Начало (Кафедра основ архитектурного проектирования УралГАХА: история и перспективы развития) // *Architekton*. 1997. № I–II. С. 27–31.
12. Иовлев В. И. Основоположник научной школы системной архитектуры (А. Э. Коротковский) // Юбилейный этаж: книга искренних воспоминаний и лирических размышлений. Екатеринбург, 2007. С. 25–32.
13. История промышленной специализации в архитектурной школе России: учебное пособие / сост. и ред. проф. С. В. Демидов. Екатеринбург, 2006.
14. Козлова Л. И., Стыров А. В. Перспективы развития архитектурно-художественного образования в Нижнем Тагиле // *Архитектон: известия вузов*. 2005. № 12. С. 95–98.
15. Колясников В. А. Градостроительная специализация: становление и развитие // *Architekton*. 1997. № I–II. С. 41–44.
16. Костина Нина: каталог выставки живописи и графики. Екатеринбург, 2010.
17. Котышов А. В. Керамика: Альбом. Екатеринбург, 2014.
18. Лемегов А. В. История и перспективные направления уральской градостроительной школы // *Architekton*. 2002. № 3. С. 70–73.
19. Лесникова М. Музею 30 лет // *Стройкомплекс Среднего Урала*. 2005. С. 52–53.
20. Мильчаков В. А. «Откуда есть пошла» кафедра рисунка // Юбилейный этаж: книга искренних воспоминаний и лирических размышлений. Екатеринбург, 2007. С. 139–176.
21. Набойченко С. С. История высшей школы Свердловской области. Екатеринбург, 2013.
22. Постников С. П. Комплексная программа Свердловского архитектурного института (УрГАХУ) «Каменный пояс» как фактор сохранения историко-культурного наследия Урала // Тринадцатые Татищевские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 24–25 ноября 2022 года). Екатеринбург, 2023. С. 459–463.

Sergey P. Postnikov

Doctor of Historical Sciences, Ural State University of Architecture and Art; Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: Spostnikov@mail.ru

ARCHITECTURE AND ART EDUCATION IN THE URALS AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

The report is devoted to the history of architecture and art education in the Urals from the time of its foundation to the present day. It is shown that the oldest university in the Urals that trained architects was the Ural Industrial (Polytechnic) Institute. Later, an independent Sverdlovsk Institute of Architecture was set up, along with the Ufa Petroleum Institute. In 2011, South Urals State University also began to train architects. Graduates of these universities have done a lot to ensure sustainable progressive development of the region. Their projects implemented in practice have contributed to the creation of a comfortable living environment for the residents of the Urals.

Keywords: history, Urals, architecture and art education

Разинков Сергей Львович

к.и.н., доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: sergerazinkov@mail.ru

Мальцева Злата Александровна

студент, Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург)
E-mail: zlata.maltseva.01@mail.ru

**«СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД» КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ УЧАЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ Г. СВЕРДЛОВСКА 1940–1950-е гг.)¹**

УДК 94(470.5)''1940/1950''

В докладе рассматривается влияние на формирование личности учащихся жилищно-бытовых условий и культурно-воспитательной работы в учреждениях профессионально-технического образования г. Свердловска. Описаны позитивные и негативные факторы социализации учащихся в период их нахождения в учебных заведениях государственных трудовых резервов, располагавшихся в г. Свердловске в 1940–1950-е гг.

Ключевые слова: государственные трудовые резервы, социализация молодежи, Свердловск, ремесленные училища, школы ФЗО

Крупные города выступают значимым фактором социализации молодежи (в том числе — внегородского происхождения), с одной стороны, предоставляя «каждому широкие возможности выбора круга общения, системы ценностей, стиля жизни, а следовательно, и возможности самореализации и самоутверждения», а, с другой стороны, содержат негативные вызовы в виде средоточия контркультуры, повышенного криминогенного потенциала, рисков формирования отклоняющегося поведения и превращения в «субъективное гетто» (для первого поколения мигрантов) [2, с. 137, 139].

Свердловск в 1940–1950-е гг. уже являлся своего рода «столичным городом», крупным промышленным и культурным центром, в котором было сосредоточено значительное количество учебных заведений, привлекавших не только местную, но и сельскую молодежь. Среди них выделялись учебные заведения профессионально-технического образования, которые входили в систему государственных трудовых резервов СССР (1940–1959 гг.), созданную для «организованной подготовки новых рабочих из городской и колхозной молодежи и создания необходимых трудовых резервов для промышленности»². СНК СССР предоставлялось право ежегодно призывать на учебу от 800 тыс. до 1 млн молодых людей в возрасте 14–15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16–17 лет для обучения в школах фабрично-заводского обучения. Учащиеся находились на казарменном положении и состояли на полном государственном обеспечении (питание, обмундирование, общежитие, учебники, учебные пособия).

Значение Свердловской области в подготовке рабочих кадров в период Великой Отечественной войны и после нее иллюстрируют абсолютные и относительные показатели численности учащихся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ: в ноябре 1940 г. — 16 600 чел. (2,8 % от их общего числа по стране); в 1942 г. — 49 029 чел. (6 %), в 1944 г. — 27 622 чел. (6,2 %), в 1949 г. — 27 360 чел.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01065 «Непарадный портрет» Даниила Кузьмича: потенциал обновления системы Государственных трудовых резервов в субкультуре учащихся (1940–1950-е гг.)» (рук. М. Б. Ларионова).

² Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 // Правда. 1940. 3 окт.

(4,5 %), в 1951 г. — 13 738 (4 %)³. При этом значительная часть учебных заведений ГТР Свердловской области была сосредоточена в областном центре (см. табл.).

Таблица

Количество учебных заведений ГТР г. Свердловска в 1940-1950-е гг.

1940		1947		1958	
Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
18	28,6	27	21,6	17	20,5
63	100	125	100	83	100

Современные историки неоднозначно оценивают деятельность государственных трудовых резервов, подчеркивая в качестве негативных сторон принудительный, мобилизационный характер комплектования системы трудовых резервов, ее антигуманистическую сущность и высокую социальную цену результатов деятельности: Д. Фильцер рассматривает учащихся учебных заведений трудовых резервов как «группу временно закабаленных рабочих» [4, с. 56]; С. П. Постников и М. А. Фельдман подчеркивают очень высокую социальную цену, сложность и противоречивость деятельности трудовых резервов, которые «основывались на принуждении молодежи при комплектовании учебных заведений и в ходе учебного процесса» [3, с. 202]. Тем самым они солидаризируются с А. А. Антуфьевым, который, допуская неизбежность введения трудовой повинности подростков в условиях войны, отмечал, что «мобилизовывать рабочую силу следовало цивилизованными средствами, предоставляя людям максимально возможные в той обстановке условия труда и быта», а не «бериевскими методами» [1, с. 317]; О. Кучеренко рассматривает трудовые резервы как органичную часть сталинской тоталитарной системы, нацеленной на идеологическую обработку молодежи, лишенной права выбора профессии ради обеспечения нужд промышленности, отмечая при этом, что учащиеся «скорее походили на беспризорников эпохи гражданской войны, ведших полукриминальное существование, чем на умных, ухоженных, дисциплинированных и умелых ребят из официальной литературы» [5, р. 393].

Многие вышеприведенные оценки, отражающие негативные стороны социализации учащихся в учебных заведениях ГТР, вполне резонны и находят подтверждение в источниках, в том числе применительно к училищам и школам ФЗО г. Свердловска. К факторам, ограничивающим применение преимуществ «столичного города» для социализации учащихся учебных заведений г. Свердловска в 1940-е гг., относятся:

— принудительный характер набора (преимущественно в школы ФЗО), который, как правило, не учитывал профессиональные предпочтения мобилизованных учеников;

— негативное отношение к обучению в ремесленных училищах, не говоря уже о школах ФЗО, которое сложилось у многих учащихся средних школ г. Свердловска, их родителей и работников Наркомпроса, которые «имеют понятие такое, что в училище только одни хулиганы и плохо их здесь учат»⁴;

— специфический состав контингента учащихся, среди которых значительную долю могли составлять ранее судимые подростки (так, в 1947 г. Свердловской школе ФЗО «из прибывших 14 человек на занятия систематически не выходили, а занимались воровством и пьянством впоследствии часть из них была посажена, а часть самовольно ушли»)⁵;

— тяжелые жилищно-бытовые условия (например, по результатам проведенной в марте 1942 г. Прокуратурой СССР проверки санитарного состояния общежитий РУ № 1 и школы ФЗО № 9 г. Свердловска отмечалось: «Всюду грязь, мусор и пыль, уборные в антисанитарном состоянии, умывальник без воды, ребята спят в верхней одежде, наблюдается вшивость»⁶).

³ Подсчитано по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9507. Оп. 1. Д. 206; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44.

⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 38. Д. 221. Л. 38.

⁵ ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 70–71.

⁶ ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 5. Д. 52. Л. 6–37.

Тем не менее, несмотря на многочисленные примеры тяжелого материально-бытового положения учащихся в учебных заведениях профессионально-технического образования г. Свердловска, представление об их пребывании в училищах и школах ФЗО, как об «украденном детстве», по нашему мнению, недостаточно объективно, как минимум по трем причинам.

Во-первых, подчеркивая принудительный характер призыва в учебные заведения, исследователи зачастую не учитывают различия между ремесленными, железнодорожными училищами и школами ФЗО, а также специфику конкретных учебных заведений трудовых резервов. Так, добровольцы всегда проявляли интерес к обучению в узкоспециализированных училищах — например, молодежь из Верхне-Тавдинского района в 1940–1941 гг. составляла основной контингент учащихся ремесленного училища № 21 при Широкореченском торфопредприятии, а в 1949 г. благодаря агитационно-разъяснительной работе в РУ № 21 на 125 мест было подано 176 заявлений, а 42 претендента имели образование 6–7 классов⁷.

Во-вторых, положение учащихся учебных заведений трудовых резервов рассматривается в отрыве от общего уровня жизни населения СССР. По нашему мнению, жилищно-бытовые условия в учебных заведениях трудовых резервов во многом отражали общий уровень жизни населения СССР в военный и послевоенный период, и для определенной части выпускников училищ и школ ФЗО, направленных на предприятия, эти условия могли быть гораздо хуже, чем в период обучения. Например, молодые работницы завода № 18 (г. Свердловск), выпущенные из ремесленного училища в октябре 1945 г., в коллективном письме в Свердловский обком ВКП(б), жалуясь на плохие жилищно-бытовые условия, помимо прочего отмечали, что «в р[емесленном] у[чилище] мы питались три раза [в день], а теперь с трехразового питания перешли на односуточное... Заработок, который мы получаем слишком мал, нам его не хватает на питание, а уж чтобы одеться, даже нет разговору»⁸.

В-третьих, не учитывается, деятельность учебных заведений по развитию и воспитанию учащихся, повышению их культурного уровня. Отмечая низкий культурный уровень молодежи, завезенной в учреждения трудовых резервов Свердловской области из других регионов, начальник областного управления Путинцев (в качестве типичного примера) в 1943 г. рассказал о девушке из Марийской АССР, которая «когда приехали [в Свердловск], считала, что в цирк нельзя ходить, туда ходят только испорченные женщины, что в кино нельзя ходить – кино портит глаза»⁹. В училищах и школах ФЗО много внимания уделялось развитию художественной самодеятельности и спорта, созданию условий для разумного отдыха и развлечений.

Таким образом, деятельность учебных заведений ГТР г. Свердловска являлась важным элементом процесса социализации учащейся молодежи, расширяя возможности для ее последующего профессионального развития, межличностной коммуникации и повышения культурно-образовательного уровня.

Литература и источники

1. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.
2. Мудрик А. В. Город как фактор социализации подрастающего поколения // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 2. С. 134–140.
3. Постников С. П., Фельдман М. А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург, 2004.
4. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011.
5. Kucherenko O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labour during World War II // The Russian Review. 2012. № 71. P. 391–412.

⁷ ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 30–31.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 148. Л. 59.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 80. Л. 12.

Sergey L. Razinkov

Candidate of Historical Sciences, Russian State Vocational Pedagogical University (Russia Ekaterinburg)

E-mail: sergerazinkov@mail.ru

Zlata A. Maltseva

Student, Russian State Vocational Pedagogical University (Russia Ekaterinburg)

E-mail: zlata.maltseva.01@mail.ru

**“CAPITAL CITY” AS A FACTOR OF YOUTH SOCIALIZATION
(ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF VOCATIONAL EDUCATION INSTITUTIONS
IN SVERDLOVSK IN THE 1940–1950S)**

The report examines the impact on the formation of the personality of students of living conditions and cultural and educational work in institutions of vocational education in Sverdlovsk. The positive and negative factors of socialization of students during their stay in educational institutions of the state labor reserves located in the city of Sverdlovsk in the 1940–1950s are described.

Keywords: state labor reserves, youth socialization, Sverdlovsk, vocational schools, FZO schools

Синова Ирина Владимировна

д.и.н., профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; Санкт-Петербургский государственный экономический университет (г. Санкт-Петербург)

E-mail: s-irina@yandex.ru

**УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
В СЕРЕДИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.¹**

УДК 94(470.23-25)''18/19''

В докладе на основе документов, хранящихся в архивах, отчетов и периодической печати проведен анализ эволюции общественного пространства Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. в контексте учреждений для детей, а также выявлены факторы, оказывавшие влияние на этот процесс, основными из которых являлись социально-экономическое развитие и миграции населения.

Ключевые слова: дети, городское пространство, благотворительность

Вопросы, связанные с развитием общественного пространства российских городов, во все периоды их исторического развития постоянно привлекали внимание исследователей разных областей науки [1; 8]. Застройка и развитие Санкт-Петербурга со дня основания осуществлялись по сословному признаку и по роду занятий жителей того или иного района, о чем свидетельствуют названия улиц, некоторые из которых сохранили их до сих пор: Мытнинская, Шпалерная, Смоляная, Артиллерийская, Конюшенная, Дегтярный переулок, Кожевенная линия и др. В столице постепенно сложилось разделение районов города на привилегированные, рабочие, торговые и те, где преобладали ночлежки и значные заведения. По такому же принципу размещались государственные учреждения, больницы, приюты и т. д.

На изменение общественного пространства Санкт-Петербурга оказывали влияние происходившие в стране социально-экономические процессы, в том числе интенсивное промышленное развитие и миграции населения, которые наиболее активно затронули город во второй половине XIX — начале XX в. Благодаря влиянию, в том числе гражданского общества, власти в тот период обратили пристальное внимание — как на законодательном уровне, так и в практическом отношении — на детей и подростков, взглянув на них как на категорию, которая требует не только особого подхода, внимания и заботы, развития образовательных, профессиональных и благотворительных заведений, но и специализированного медицинского обслуживания. Кроме того, остро встал вопрос о создании воспитательно-исправительных учреждений для малолетних правонарушителей, включая отдельного от взрослых мирового судьи по делам несовершеннолетних, и в целом формирования ювенальной юстиции.

Одним из первых благотворительных заведений для детей в Санкт-Петербурге, был Воспитательный дом, основанный в 1770 г. по инициативе И. И. Бецкого как учреждение для призрения незаконнорожденных детей, сирот и детей бедняков. Первоначально он располагался на Миллионной улице, а позднее — в специально построенном для этой цели здании на набережной Мойки. В 1797 г. воспитательные дома перешли под личную защиту и покровительство императорской семьи, в частности императрицы Марии Федоровны [7].

В 1840 г. по инициативе графини Ю. П. Строгановой для координации деятельности детских приютов, входивших в систему Ведомства учреждений императрицы Марии, был создан Совет, располагавшийся на Казанской улице и объединивший сначала восемь приютов, а к 1870 г. уже 23 заведения. В фонде Петроградского совета детских приютов, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) находятся документы, свидетельствующие о разнообразной

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421 «Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии в середине XVIII — начале XX в.» (рук. В. А. Веремко).

деятельности Совета². Вплоть до 1865 г. его председательницей являлась Юлия Петровна Строганова, которая выполняла свои обязанности с большим энтузиазмом и желанием оказать реальную помощь детям по улучшению условий их жизни, охране здоровья, предотвращению распространения инфекционных болезней.

В частности, благодаря ее авторитету, коммуникабельности и энергии благотворительные заведения эффективно вели борьбу с эпидемией холеры. Она направляла в приюты письма и инструкции, требуя неукоснительного их выполнения: «Обращаюсь к Вам милостивые государи с просьбою озаботиться по Вашему званию директора сего заведения непременно исполнением всего требования по сему вопросу», решала в том числе финансовые проблемы: «...Я ныне же предписываю казначею об отпуске под вашу расписку этих денег, которые и можете получить в Канцелярии совета от 10 до 2-х по полудни ежедневно, до получения же их, разрешается вам расходовать на сии надобности из выданных денег на содержание приюта»³.

Медицинских учреждений для детей было мало, их развитие происходило крайне медленно из-за отсутствия дефицита финансирования. При этом оказание помощи было дифференцированным. В Николаевской детской больнице, согласно Устава на 1914 г., «в отделение для приходящих больных взимается плата за каждое посещение 15 коп. В общих палатах отделения для постоянных кроватей назначается плата 15 руб. в месяц, которая вносится за месяц вперед и не подлежит возвращению. Примечание. Если больной лечится долго, то по 75 коп в день. За второй и третий месяц лечения по 4 руб. в неделю. Дети безусловно бедных родителей, по усмотрению начальства больницы, пользуются бесплатно»⁴.

Учреждение в Кронштадте больницы «для пользования женщин и детей» не увенчалось успехом, несмотря на добрые намерения. «1. Содержание той больницы полагается быть из суммы приказа общественного призрения, а управление и надзирание имеет за оною комитет. 2. Потребные в больницу и к пользованию в оной больнице 20 женщин и 20 малолетних детей медикаменты кои будут требоваться недорогих цен; определенных лекарем и засвидетельствовании доктора получать безденежно из Кронштадтской адмиралтейской аптеки»⁵. Благотворители, финансировавшие приюты, часто содержали отдельные койки в больницах для призываемых, оплачивая их на год вперед.

Общественное пространство Санкт-Петербурга в конце XIX в. расширялось за счет создания благотворительных учреждений, в том числе для детей, подвергавшимся виктимизации, жестокому обращению и склонных к девиантному поведению. Подобные заведения располагались на окраинах города или в пригородной зоне, в определенной изоляции от основных построек и жителей. Среди них был созданный в 1894 г. исправительно-воспитательный имени императора Александра III приют для девочек при Дамском благотворительно-тюремном комитете. В приют попадали за кражи, нищенство, бродяжничество, а также на время нахождения под следствием. Первоначально он располагался на Петроградской стороне на улице Бармалеева, затем на Крестовском острове, позднее его расширение потребовало пятиэтажного здания на Большой Гребецкой улице.

В 1892 г. по инициативе председательницы «Синего креста» В. Ф. Вышнеградской было создано Общество защиты детей от жестокого обращения в Санкт-Петербурге и окрестностях с целью оказания помощи детям, подвергшимся эксплуатации и вредному влиянию, которых помещали в приюты, убежища или семьи. В 1904 г. отдел принят под покровительство великой княгини Ольги Александровны. Председателем Совета общества был член Государственного совета Н. Н. Герард. Общество располагалось на Каменноостровском проспекте, затем — на Сергиевской улице, убежище для детей — на Черной речке [3].

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 411: Петроградский совет детских приютов. Оп. 2.

³ ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 2. Д. 32. Л. 3.

⁴ Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 408: Управление санитарною частью. Оп. 1. Д. 2364. Л. 10.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 1211. Оп. 1 Д. 17. Л. 9.

В соответствии с «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1866 г. началось устройство заведений принудительного воспитания для несовершеннолетних. Одной из первых в 1871 г. была открыта Санкт-Петербургская земледельческая колония на станции Ржевка, в 1913 г. переехавшая в имение Извары Царскосельского уезда [4]. В 1876 г. колонию посетил писатель Ф. М. Достоевский, оставив запись об этом в своих дневниках [2].

Одной из форм благотворительности являлась помощь девочкам, впавшим в разврат. Для них было создано отделение для несовершеннолетних в возрасте до 14 лет в Доме милосердия, состоявшем под покровительством Ея императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской [5; 6]. В Петербурге исторически сложились районы и улицы, где располагались дома терпимости, гостиницы, трактиры и ночлежки, являвшиеся местами промысла проституток, в том числе несовершеннолетних. Это была Преображенская улица, знаменитые Вяземские трущобы на Сенной площади и прилегающие к ней улицы и переулки. Представители Российского общества защиты женщин в феврале 1914 г. довели до сведения Санкт-Петербургского градоначальника, что «в виду указания на чайную в доме № 17 на Большой Подъяческой улице, как на место, где зачастую собираются малолетние проститутки и среди них бежавшие из приютов, которые здесь же и меняют свое казенное платье на частное ... были задержаны пять девиц. Все пять оказались нигде не прописанными и промышленными тайным развратом»⁶. В результате в соответствии с приказом градоначальника чайная «в интересах общественной безопасности) была признана «нетерпимой» и закрыта⁷.

В середине XIX — начале XX в. в Санкт-Петербурге происходила эволюция городского общественного пространства с учетом социально-экономического развития столицы и страны в целом, а также потребностей и интересов детей и подростков, исходя из сословного признака и дифференциации социума, а также в определенной степени исходя из специализации отдельных районов. Развитие города происходило в соответствии с целями удовлетворения потребностей, нужд и интересов разных слоев населения и включало в себя образовательные, профессиональные, благотворительные, медицинские, исправительно-воспитательные заведения.

Литература и источники

1. Вотинов М. А. Особенности формирования общественных пространств в городской среде // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2014. № 4. С. 36–40.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1876 г. // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб., 1994. Т. 13. С. 16–26.
3. Общество защиты детей от жестокого обращения в Санкт-Петербурге // Трудовая помощь. 1910. № 4. С. 148–159.
4. Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов. СПб., 1875.
5. Отчет попечительского комитета Санкт-Петербургского Дома милосердия, состоящего под высоким покровительством Ея императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской за 1907 г. СПб., 1908.
6. Отчет попечительского комитета Санкт-Петербургского Дома милосердия, состоящего под высоким покровительством Ея императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской за 1908 г. СПб., 1909.
7. Хитров А. А. Ведомство учреждений императрицы Марии в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2006. Вып. 12. С. 45–51.
8. Чернозипунникова В. А., Дудина Т. С. История формирования общественных пространств России через призму изобразительного искусства XVIII — начала XXI в. // Творчество и современность. 2019. № 1 (9). С. 49–56.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569: Управление Петроградского градоначальства и столичной полиции. Оп. 12. Д. 1167. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 60б.

Irina V. Sinova

Doctor of Historical Sciences, Pushkin Leningrad State University;
Saint Petersburg State University of Economics (Russia, St. Petersburg)
E-mail: s-irina@yandex.ru

**INSTITUTIONS FOR CHILDREN IN THE URBAN SPACE OF ST. PETERSBURG
IN THE MIDDLE OF THE 19th — EARLY 20th CENTURIES**

Based on documents stored in archives, reports and periodicals, the report analyzes the evolution of the public space of St. Petersburg in the second half of the 19th — early 20th centuries in the context of institutions for children, as well as the factors that influenced this process, the main of which were socio-economic development and migration of the population.

Keywords: children, urban space, charity

Сюй Цзиньсю

д.и.н., профессор, Цзилиньский университет (г. Чанчунь, КНР)

E-mail: jinqiuxu75@rambler.ru

Юй Сяо

д.э.н., профессор, Цзилиньский университет (г. Чанчунь, КНР)

E-mail: yux@jlu.edu.cn

**СТОЛИЦЫ КАК ЦЕНТРЫ КНИЖНОГО ДЕЛА:
ПАРИЖ И МОСКВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.**

УДК 94(47+57-25+443.611)''17''

В докладе рассматривается специфика развития книжного дела в Париже и Москве во второй половине XVIII в. Отмечается, что выявленные различия между развитием книжного дела в Париже и Москве, его специфика были связаны с культурными и историческими особенностями Франции и России и в первую очередь с различиями в их политических и социальных устоях.

Ключевые слова: Просвещение, книжное дело, Париж, Москва, сходства, различия, специфика

Столица, будучи политическим центром страны или региона, часто выполняла и культурную функцию, что было характерно для Парижа в XVIII в. Распространение новых идей во французском обществе ускорило в XVIII в., особенно после 1770 г. В Париже создание энциклопедии в 1750 г. дало впоследствии толчок Французской революции в области мысли. Книжное дело в Париже существовало как часть французского Просвещения.

В тот же период идеи Просвещения развивала Екатерина II в России. Но они не могло распространяться без развитого книжного дела. Развитие книжного дела в Москве во второй половине XVIII в. поразительно по сравнению с развитием книжного дела в Санкт-Петербурге, где оно зародилась раньше. В первой половине XVIII в. в России издательское дело было в основном официальным, и книги для гражданского пользования издавались в Санкт-Петербурге официальными типографиями. Создание университетской типографии в Москве в 1755 г. способствовало развитию московского книжного дела. Издательскую деятельность здесь осуществляли розенкрейцеры, став важным популяризатором русского Просвещения, наряду с ними, в московском книжном деле также доминировал Н. И. Новиков.

При этом книжное дело в Париже и в Москве в контексте Просвещения было схоже и несхоже одновременно. Во-первых, в обоих городах развивалось народное книжное дело. Согласно данным опросов, проведенных во Франции в XVIII в., во второй половине столетия увеличилась доля профессиональных писателей; вместе с концентрацией писателей в Париже туда съезжались и книготорговцы; книготорговцы также стремились адаптировать и дополнять книги, что говорит о том, что книжное дело в Париже было прибыльным. В Москве во второй половине XVIII в. также наблюдалось скопление авторов, крупных издателей и прибыльное книжное дело, что продемонстрировали своей активной деятельностью уже названные розенкрейцеры и Н. И. Новикова. Так, свидетельством активной издательской деятельности Новикова стало то, что до 1780-х гг. типография Московского университета была самой активной типографией в Москве, а количество изданий, напечатанных под руководством Новикова за десятилетие, примерно равнялось количеству изданий, напечатанных этой типографией за предыдущие двадцать лет. Кроме того, указ 1783 г. снял ограничения на частные типографии, после чего розенкрейцеры быстро открыли несколько типографий и создали Типографическую компанию, которая во второй половине 1780-х гг. обеспечивала под руководством Новикова 30–40 % всей книжной продукции в России. Книжное дело Новикова также приносило значительную прибыль, на основе которой розенкрейцеры осуществляли большое количество благотворительных мероприятий. Вокруг Новикова также сложилась группа молодых писателей, таких как Н. Карамзин и А. Петров. Однако, несмотря на сходство с Парижем, частное книжное дело в Москве отставало от парижского частного книжного дела, что

делало его в значительной степени зависимым от условий, предоставляемых официальными издательскими и полиграфическими органами, а его автономия была слабой и ограниченной.

Во-вторых, разнообразие содержания книг в книжном деле в обоих городах также было сопоставимым. Во второй половине XVIII в., когда в Париже была впервые опубликована энциклопедия, она сразу стала очень популярна, а к 1754 г. ее продажи достигли 4 255 экземпляров. Быстрее всего в Париже росла доля книг по искусству и науке, а содержанием официально разрешенных книг в основном были политика, наука и искусство. В то же время в Париже наблюдался большой оборот нелегальных книг всех видов. В России у читателей был примерно такой же разнообразный выбор содержания книг: московские авторы и книготорговцы предлагали широкий ассортимент книг по истории, литературе и искусству, науке, религии и философии, а также разнообразные периодические издания. В связи с деятельностью Новикова и розенкрейцеров следует обратить внимание и на масонские книги. Что касается периодических изданий, то Новиков издавал журналы для различных групп. В целом книжное дело в Москве по разнообразию содержания соответствовало парижскому, но группа подписчиков на московские издания в России обычно исчислялась десятками-сотнями человек, а количество заказываемых книг не сильно отличалось от числа подписчиков, что несравнимо с Парижем. Розенкрейцеры способствовали значительному распространению в Москве религиозных книг, в то время как в Париже эпоха религиозных книг прошла. Различия в содержании книг доказывают, что хотя Франция и Россия жили в условиях Просвещения, их развитие в эпоху Просвещения было очень разным из-за различий в сложившихся культурном фоне и национальных условиях в двух странах.

Наконец, и в Париже, и в Москве существовала связь между книжным делом и политикой. Являясь важным средством формирования и распространения общественного мнения, книжное дело как в Париже, так и в Москве неизбежно подвергалось государственному регулированию. В Париже власти часто публично изымали и сжигали запрещенные книги; 1750-е гг. были самым мрачным периодом для издательского дела в Париже. Борьба с янсенизмом и покушение Р. Дамьена на короля вызвали огромное социальное давление; после чего король начал жестокие гонения на книжное дело. Однако управление книжным делом в Париже оставалось противоречивым: притеснениям книжного дела королем противостояла защита книжного дела его чиновниками, такими как К. Мальзерб.

В России в период правления Екатерины Великой нормативные акты, регулирующие издательскую деятельность, были противоречивы. С одной стороны, императорский указ «О позволении во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках с освидетельствованием оных от управы благочиния», данный Сенату, давал возможность открывать вольные типографии и развивать частную прессу. С другой стороны, существовали нормативные акты, приравнивавшие выпуск литературы к политическому преступлению. Пример — именной указ «О недозволении производить продажу книг, исполненных странными мудрствованиями» от 27 марта 1786 г. Поскольку публикации Новикова изобиловали религиозными сюжетами, этот указ оказал влияние на книжное дело в Москве. Более того, именно надзор со стороны Екатерины II стал причиной суда над Новиковом и упадка книжного дела у розенкрейцеров: Новиков был приговорен императрицей к тюремному заключению, а многие видные розенкрейцеры подвергнуты ссылке. Можно сказать, что Н. Новиков, А. Радищев и другие деятели Просвещения в России стали жертвами жестокого преследования книжного дела со стороны правительства. В отличие от бессилия книжного дела в Москве, те, кто работал в книжном деле в Париже, активно боролись за освобождение от оков политики, а в 1780-х гг. даже добились официального ослабления ограничений на книжное дело. Это различие было связано с тем, что в отличие от французского типа Просвещения, опиравшегося на третье сословие, российский вариант Просвещения базировался на доминировании монарха.

Как видно, книжное дело в Москве началось поздно, было небольшим и слабым по масштабу и влиянию по сравнению с Парижем. Сходство между книжным делом двух городов заключается в том, что оба они находились в социальном контексте Просвещения, но российский монарх был доминирующей

фигурой в эпоху Просвещения, тогда как во Франции именно третье сословие, включая парижских книготорговцев, было центральной силой общественного движения. Эта разница обусловлена различными историческими контекстами и социальными реалиями двух стран: в России XVIII в. абсолютистские институты и идеи имели большую силу, чем во Франции, основанной на религиозных и исторических традициях. Исследование собственно идентичности города должно основываться на сравнении этих общих контекстов, как мы обнаружили, рассматривая книжное дело в Москве: Москва во второй половине XVIII в. являлась местом деятельности крупнейшего книготорговца Н. Новикова, и самой важной организации эпохи Просвещения в России, розенкрейцеров, в результате чего книжное дело в Москве быстро развивалось. Розенкрейцеры не были приняты Екатериной II, и это стало важной причиной официальной политики их преследования. Эта уникальность Москвы, наряду с историческим контекстом России в целом и социальными реалиями эпохи Просвещения, сформировала специфику московского книжного дела второй половины XVIII в., которое, как мы видим, внешне было похоже на парижское, но отличалось от него по своей сути.

Jinqiu Xu

Doctor of Historical Sciences, Jilin University (People's Republic of China, Changchun)

E-mail: jinqiuxu75@rambler.ru

Yu Xiao

Doctor of Economic Sciences, Jilin University (People's Republic of China, Changchun)

E-mail: yux@jlu.edu.cn

CAPITALS AS BOOK BUSINESS CENTERS: PARIS AND MOSCOW IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

The report considers the specifics of the development of the book business in Paris and Moscow in the second half of the 18th century. It is noted that the identified differences between the development of the book business in Paris and Moscow, its specificity were associated with the cultural and historical characteristics of France and Russia, and primarily with differences in their political and social foundations.

Keywords: enlightenment, book business, Paris, Moscow, similarities, differences, specifics

Хайдаров Тимур Фаритович

к.и.н., доцент, Казанский государственный институт культуры (г. Казань)

E-mail: timkh2000@yandex.ru

ЭПИДЕМИИ КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ В РОССИИ

УДК 930:616-036.2

В докладе анализируется роль эпидемий в истории развития городов. Исходя из позиции М. Вебера, автор приходит к выводу, что началу крупных эпидемических вспышек среди компактно проживавшего городского населения напрямую способствовали те или иные экономические процессы и интересы городов. Эту гипотезу подтверждают произведенные в последние годы археогенетические исследования человеческих остатков. Ответом на ту или иную вспышку при этом, как правило, становились инфраструктурные изменения внутри городов.

Ключевые слова: субъективные и объективные факторы, эпидемии и пандемии, город, М. Вебер, археогенетические исследования, городская инфраструктура

Общество — это находящаяся в постоянном развитии динамическая система. Начиная с глубокой древности, осмысление изменений в обществе являлось одной из любимых тем ученых. В результате был очерчен основной круг объективных [5; 6] и субъективных факторов [3], влияющих на исторический процесс. Под объективными факторами обычно понимаются те, которые не зависят от воли и сознания людей, но оказывают существенное влияние на характер их деятельности. Речь идет об отношениях и условиях, в которых люди живут и творят историю. Субъективные факторы — это те обстоятельства, которые происходят по воле отдельных людей или групп, продуманно, сознательно. Если под первыми, как правило, понимаются природно-климатические изменения, то под вторыми — крупные социальные потрясения: революции, восстания, бунты и пр. [8].

Одними из важнейших событий в истории, объединивших в себе как объективные, так и субъективные факторы, можно считать крупные эпидемии и пандемии. Еще до начала пандемии COVID-19 западные исследователи [4; 12; 13; 14], пришли к выводу, что данные бедствия оказывают большое влияние на все последующие изменения в общественных, культурных, политических и экономических областях [15]. В своих теоретических выкладках они отталкивались от концепции немецкого микробиолога Р. Коха. Согласно ей, любая эпидемия есть следствие исключительного взаимодействия возбудителя микроба и человека. Именно поэтому в центре западных исследователей, как правило, оказывались внешние проявления указанных изменений.

Отечественные исследователи эпидемий, с начиная М. А. Боголепова и А. Л. Чижевского [1; 11], вследствие крайне ограниченного источникового корпуса и влияния микробиологической теории Л. Пастера предпочтение отдавали исследованиям объективных причин возникновения эпидемий. Одними из главных были обозначены окружающая среда и происходившие природно-климатические изменения. Поэтому полученные отечественными исследователями выводы относительно протекания эпидемий носят глобальный характер, в то время как выводы, касающиеся изменений в социуме, экономике, культуре и политике носят скорее умозрительный характер. Фактически — это простое механическое перенесение наработок западных коллег. Лишь в последнее время стали предприниматься попытки исправить положение путем критического анализа нарративных источников, а также данных, полученных в ходе археологических, археогенетических и палеоклиматологических исследований.

Отсутствие «больших данных» по основным территориям проживания населения России в историческом прошлом, а также на прилегающих к ней территориях наводят на мысль, что наиболее перспективным с точки зрения изучения становятся расположенные здесь исторические города. Если исходить из точки зрения М. Вебера, город — это относительно замкнутое в рамках городских стен крупное поселение с тесно примыкающими друг другу домами, с комплексом архитектурных и инженерных

учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность постоянного и временного населения [2, с. 9]. При этом в качестве сердца города М. Вебер рассматривал городской рынок как эпицентр взаимодействия собственно городских социальных страт, так и городской сельскохозяйственной округи.

Отталкиваясь от взглядов М. Вебера и данных, полученных в ходе новейших археогенетических исследований крупных человеческих поселений древности, можно заключить, что именно экономические интересы города напрямую и косвенно способствовали постоянному притоку извне новых волн болезнетворных микроорганизмов. В частности, именно активная хозяйственно-экономическая деятельность трипольских поселений была обозначена командой Эске Виллерслева (Копенгагенский университет, Дания) в качестве одной из причин возникновения в эпоху неолита крупной вспышки чумы. Причем большую роль в начале этой эпидемической вспышки сыграли формировавшиеся в евразийском пространстве трансконтинентальные торговые пути, через которые из регионов расположения природных очагов болезнетворных микроорганизмов (*Yersinia pestis*) и шла их «бесперебойная поставка» [19; 20]. Очевидно, аналогичные процессы происходили и в других частях афроевразийского пространства.

Прямым свидетельством этого является присутствие в древних текстах указаний на крупные эпидемические вспышки. В этом плане научный интерес представляют тексты, связанные с регионами создания Ветхого завета (Месопотамия и Египет) [9]. К сожалению, ограниченность информации о клинике заболевания и, как в случае со знаменитой «чумой Фукидида», неточность сведений о месте возникновения эпидемии зачастую не позволяют реконструировать хронологию и масштаб эпидемии, а также выявить ее эпицентр [10]. Ясность тут могут внести только археогенетические исследования человеческих остатков. В частности, благодаря им «чума Фукидида» была определена как вспышка сыпного тифа, «Антонинова чума» — как оспа, «Киприанова чума» — как оспа и корь. Возбудителем «чумы Юстинина» и «Чёрной смерти» была при этом названа чумная бактерия *Yersinia pestis* [21].

Ускоренное развитие методов палеогенетики в последние десятилетия позволило добавить к списку возбудителей кишечных инфекций бактерию *Salmonella* [17], что, в свою очередь, дало возможность установить природу некоторых не трудно локализуемых при анализе нарративных источников эпидемий в историческом прошлом человечества. Кроме того, это позволило понять истоки взглядов и практик античных и средневековых врачей, уделявших большое внимание предотвращению будущих эпидемий через употребление свежей проточной воды и очищение тела посредством водных процедур. Отголоски этих воззрений проявились в форме внедрения во врачебную практику со временем Древнего Рима кровопусканий, а также в строительстве в городах общественных бань и туалетов, создании акведуков и прокладки водопровода (фонтанов), систем обеспечения населения доступной питьевой водой. Разрушение последних после распада Римской империи вплоть до первой четверти XX в. негативно сказывалось на развитии городов Старого и Нового света.

Особенно большое влияние на развитие городской среды оказала Вторая пандемия чумы («Чёрная смерть»), разразившаяся в эпоху Великих географических открытий как следствие атлантического обмена микроорганизмами и обоснования европейцев на Американском континенте [16; 18], возникновения и развития новых городов в Азии, на Урале и в Сибири. При этом, если говорить о биологической части этих процессов, то речь здесь идет о превращении городов в крупные эпидемические очаги заболеваний, возрастании роли в эпидемических процессах дорожно-транспортной системы и постоянного роста численности населения. Преодоление негативных последствий последних масштабных пандемий холеры, испанского гриппа и сыпного тифа привело к формированию облика современного города [7]. Произошедшая в 2020–2021 гг. пандемия COVID-19, скорее всего, также так или иначе скажется на внешнем облике современных городов России и мира.

Литература и источники

1. Боголепов М. А. О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. С приложением материалов, извлеченных из русских летописей. М., 1908.

2. Вебер М. Город. М., 2017.
3. Гегель Г. Философия история. М., 2019.
4. Кучарский А. Законы эпидемий. М., 2001.
5. Мечников И. И. Невосприимчивость в инфекционных болезнях. М., 2012.
6. Монтескьё Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002.
7. Миронова Н. А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советский власти. М., 2020.
8. Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб., 2012.
9. Хайдаров Т. Ф. Зарождение и развитие средневековой нарративной традиции описания «Чёрной смерти» // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 1. С. 93–105.
10. Хайдаров Т. Ф., Долбин Д. А. Антропологический взгляд на эпидемии чумы в историческом прошлом // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 6. С. 179–201.
11. Чижевский А.Л. Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность солнца. М., 1973.
12. Belich J. The Black Death an the Spear of Europe // The prospects of global history. Oxford, 2016. P. 93–107.
13. Benedictow O. J. The Black Death 1346–1352: The Complete History. Woodbrige, Rochester, 2004.
14. Campbell B. M. S. The Great Transition: Climate, Disease and Society in the Late-Medieval World. Cambridge, 2016.
15. Cohn S. K. Jr. The Black Death: End of a Paradigm // American Journal of Ophthalmology. 2002. Vol. 107 (3). P. 703–738.
16. Giffin K., Lankapalli A. K. et al. A Treponemal Genome from an Historic Plague Victim Supports a Recent Emergence of Yaws and its presence in 15th Century Europe // Scientific Reports. 2020. Vol. 10. № 1. Art. 9499. P. 1–13.
17. Neumann G. U., Skourtanioti E., Burri M. Ancient Yersinia pestis and Salmonella enterica genomes from Bronze Age Crete // Current Biology. 2022. Vol. 32. P. 3641–3649.
18. Nunn N., Nancy Q. The Columbian Exchange: A History of Disease, Food, and Ideas // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24. № 2. P. 163–188.
19. Rasmussen S., Allentoft M. E. et al. Early Divergent Strains of Yersinia Pestis in Eurasia 5,000 Years Ago // Cell. 2015. Vol. 163. P. 571–582.
20. Rascovan N., Sjoegren K.-G. et al. Emergence and Spread of Basal Lineages of Yersinia pestis during the Neolithic Decline // Cell. 2019. Vol. 176. P. 1–11.
21. Zhou Z., Alikhan N.-F. The User's Guide to Comparative Genomics with Enterobase. Three Case Studies: Micro-Clades within Salmonella Enterica Serovar Agama, Ancient and Modern Populations of Yersinia Pestis, and Core Genomic Diversity of all Escherichia // Genomes Res. 2020. Vol. 30 (1). P. 138–152.

Timuor F. Khaydarov

Candidate of Historical Sciences, Kazan State Institute of Culture (Russia, Kazan)

E-mail: timkh2000@yandex.ru

EPIDEMICS AS AN OBJECTIVE FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIA'S CITIES

The report analyzes the role of epidemics in the history of urban development. Based on the position of M. Weber, the author comes to the conclusion that certain economic processes and interests of cities directly contributed to the beginning of large epidemic outbreaks among the highly concentrated urban population. This hypothesis is confirmed by archaeogenetic studies of human remains made in recent years. The response to this or that outbreak, as a rule, was infrastructural changes within cities.

Keywords: subjective and objective factors, epidemics and pandemics, city, M. Weber, archaeogenetic studies, urban infrastructure

Шевырин Сергей Андреевич

к.и.н., доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г Пермь)

E-mail: shewirin@mail.ru

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

УДК 379.85(470.5)

В докладе рассматриваются предпосылки развития туризма на территории современного Пермского края, основные этапы развития туристических практик, их преобладавшие виды и особенности, освещается становление и развитие первых туристических организаций в Перми.

Ключевые слова: Пермь, туристические практики, туризм, экскурсии, достопримечательности, Сибирский тракт, путешествие

Для развития туризма необходимы определенные предпосылки, в первую очередь — привлекательность и доступность территории. Урал и Сибирь издавна интересовали русских первопроходцев, путешественников и купцов. О богатствах этих земель ходили легенды, в первую очередь о богатствах природы. Поток первопроходцев и купцов привел к появлению первых еще не обустроенных дорог на Урал и в Сибирь, которые впоследствии превратились в самую длинную сухопутную дорогу в мире — Сибирский тракт. Этот путь, связавший две части света, не раз менял свое направление, но почти всегда проходил через территорию Пермского края, а в XVIII в. и через город Пермь. Появление дорог намного увеличило количество путешественников, среди которых стали появляться и иностранцы. В Европе появились различные «Описания» путешествий на Урал и за Урал. Одним из первых такое «описание» оставил польский историк Матвей Меховский в своем сочинении «Трактат о двух Сарматиях, азиатской и европейской» (1517 г.) [4, с. 200]. В этих «описаниях» собраны многочисленные мифы и легенды, которые возбуждали любопытство у европейских читателей и несомненно могли способствовать притоку путешественников.

Интересные сведения в своем путевом дневнике оставил профессор химии и натуральной истории Иоганн Георг Гмелин, в 1733–1734 гг. пересекший всю Россию в составе второй Камчатской экспедиции. Экспедиция уже продвигалась по новой государственной Сибирской дороге, заменившей старую Бабиновскую. Конечно же, в это время на Урале и в Сибири, кроме дороги, не было никакой инфраструктуры для путешественников. «Мы вынуждены были готовить совсем незнакомым для нас до сих пор и необычным способом. Здесь ничего не знают о кухне, и все варится в печке, от коей отапливается горница, и чей дымоход в комнате. Дело идет весьма медленно, и во время варки в комнату попадает много дыма. Нужда научила нас все делать и терпеть, и мы приготовили пищу, которая правда, сама по себе была плохой, но на наш вкус была вполне сносной...», — зафиксировал Гмелин в своих записях. В Пермь — тогда Ягошиху — путешественники не захали, зато остановились в Кунгуре, где посетили ледяную пещеру, «которую имеют привычку осматривать все любопытные путешественники» [2, с. 8–23].

В XIX в. — веке промышленности — строились новые дороги, появлялись новые средства передвижения — пароходы, железная дорога, что немало способствовало развитию туристических практик. Железная дорога, прошедшая через Пермь в конце XIX в., сделала город еще доступнее для туристов. В 1901 г. пермская газета так видела туристское будущее Перми: «Город наш оживится, появится множество приезжих и проезжих, появятся туристы, которые будут бродить по городу, везде и всюду заглядывать, всем интересоваться. Богатые петербуржцы, москвичи будут ездить в Пермь есть пельмени и наслаждаться пермской оперой, а богатые пермяки будут наезжать в Москву и в Питер послушать цыган... Знатные и незнатные иностранцы будут обязательно останавливаться в Перми, снимать фотографии с дома Мешкова, пить пиво Поклевского... Пароходы на Каме превратятся в плавучие гостиницы. Короче, Пермь предстоит блестящая будущность... И... (дерзкая мысль) Пермь будет “окном в Азию”, так же, как Петербург, — окном в Европу... Так мечтает пермяк, узнавший о новой железной

дороге» [5, с. 47–48]. Но, мечты газетчиков остались только на бумаге, а значительный шаг в развитии туризма в Пермской губернии сделал, пожалуй, только путешественник Александр Хлебников. Побывав в Америке, Европе, Китае и Японии, в мае 1914 г. Хлебников арендовал у местных крестьян в родном ему Кунгуре Ледяную пещеру для организации в ней экскурсий. Хлебников расчистил и благоустроил пещеру, провел рекламную кампанию и до конца своей жизни водил экскурсии для многочисленных туристов¹.

Еще одной достопримечательностью губернии стал Пушечный завод. В пермских архивах сохранились десятки прошений туристических групп о посещении завода. Так, уже в 1878 г. директор Алексеевского реального училища писал горному начальнику Пермских пушечных заводов: «Имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, разрешить преподавателю вверенного мне училища инженер-технологу Станиславу Никодимовичу Степневскому бывать на вверенных вам заводах вместе с учениками для практического ознакомления с механизмами заводов»². Созданное в 1895 г. Российское общество туристов, при котором вскоре была образована Комиссия экскурсий по России, предлагая путешественникам посетить Пермь, также не обошло своим вниманием Мотовилихинский завод. Маршрут в Пермь предусматривал его посещение, в рамках которого экскурсанты обычно осматривали паровой молот, мартен, литейный, лафетный и снарядный цеха³.

В начале XX в. бурно развивался образовательный туризм. Ученики пермских училищ, семинарий, школ в начале XX в. активно путешествовали по Уралу и всей России. Так, летом 1914 г. ученицы пермской учительской семинарии отправились в образовательную экскурсию в Москву⁴. Летом 1912 г. воспитанники Пермской духовной семинарии в количестве 85 человек отправились в Екатеринбург для осмотра обсерватории, гранитной фабрики и музея⁵.

В то же время начинают появляться специализированные организации, помогавшие путешественникам. Так, в 1909 г. в Перми возникло «Общество содействия начальному образованию» при Кирилло-Мефодиевском училище. Одной из задач Общества было устройство общеобразовательных экскурсий для учеников начальных школ Перми и Пермской губернии. Общество даже выпустило «Краткий путеводитель по городу Перми и его окрестностям», в котором предлагалось несколько экскурсионных маршрутов, приводились адреса недорогих гостиниц, аптек, больниц, почты. В январе 1914 г. в Перми состоялось учредительное собрание общества «Экскурсий по Уралу». Инициаторами создания общества стали студенты, занимавшиеся в Обществе любителей естествознания. Студент Токарев так выразил задачи экскурсионного общества: «Они [экскурсии — С. III.] знакомят учащуюся молодежь с природой края и после длинного учебного периода, укрепляют физическое здоровье учащихся и освежают их психику. Следуя примеру Западной Европы, надо сделать экскурсии явлением обычным, развить это дело и поставить широко — для этого необходим объединяющий центр, экскурсионное бюро»⁶.

Спортивно-оздоровительное направление туризма также было представлено в Перми. В конце XIX в. стал модным велосипед. Тысячи людей бросились путешествовать на велосипедах, поправляя здоровье и осматривая достопримечательности. В 1895 г. в Санкт-Петербурге было создано Российское общество велосипедистов-туристов, которое через некоторое время трансформировалось в Российское общество туристов или Русский туринг-клуб. Одной из главных задач клуба была разработка и организация велосипедных маршрутов по России и за границу [1, с. 42]. Пермь не стояла в стороне от велосипедно-туристического движения. В 1896 г. пермские любители спорта и путешествий обратились с ходатайством об открытии кружка велосипедистов по образцу Санкт-Петербургского общества велосипедистов-туристов.

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 3767. Л. 1.

² ГАПК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

³ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 513. Л. 22.

⁴ ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–24.

⁵ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 485. Л. 79.

⁶ ГАПК. Ф. Р-953. Оп. 1. Д. 77.

Открыто общество было только в 1898 г. В обществе состояло несколько десятков человек. Эмблемой общества стало изображение велосипедного колеса с крыльями [3, с. 68–76].

К 1910 г. московское отделение Российского общества туристов разработало целый цикл дальних экскурсионных поездок на велосипеде по стране — на Кавказ, Черное море, Урал. При этом на местах организаторами и экскурсоводами выступали местные члены РОТ. Так, маршрут на Урал, рассчитанный на 28 дней, включал посещение Нижнего Новгорода, Уфы, Златоуста, Екатеринбургa, Кунгура, Перми.

Таким образом, к началу XX в. туристические практики и туризм, в самых разных своих формах и направлениях, активно развивались в Пермской губернии, делая досуг пермяков познавательным и увлекательным.

Литература и источники

1. Долженко Г. П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов, 1988.
2. Иоганн Георг Гмелин и его путешествие по Уралу в 1733–1734 годах (отрывок из путевого дневника). Пермь, 1999.
3. Красноперова Н. В. Пермское общество велосипедистов-любителей // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Пермь, 2011. Вып. 3. С. 68–76.
4. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.
5. Прогулки по старой Перми: страницы городского фельетона конца XIX — начала XX в. Пермь, 1998.

Sergey A. Shevyrin

Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm)

E-mail: shewirin@mail.ru

TOURISM DEVELOPMENT IN PERM PROVINCE

The report discusses the prerequisites for the development of tourism in the territory of the modern Perm Region, the main stages of tourism development, the prevailing types of tourism, the peculiarities of tourism in the Urals. It also highlights the issues of the formation and fate of the first tourist organizations in Perm.

Keywords: Perm, tourism, excursions, sights, Siberian tract, travel

Яхно Ольга Николаевна

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: mrsyakhno@mail.ru

ГОРОДСКОЙ КОСТЮМ НАЧАЛА XX в.: ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ

УДК 94(470.5)“18/19”

Доклад посвящен выявлению и комплексному анализу источников формирования современного городского костюма на рубеже XIX–XX вв. Основное внимание уделено вещественным источникам личного происхождения, фотографиям, рекламе и т. д. Городской костюм является отражением различных стороны человеческой жизни: политики, экономики, культуры эпохи. На нем сказываются малейшие изменения общественной и личной жизни, направления в искусстве и уровне развития техники. Потребительское общество усваивало и постоянно копировало самые различные нововведения. И даже самые авангардные формы в конце концов становились частью массовой культуры.

Ключевые слова: городской образ жизни, костюм, мода, исторический источник

Неотъемлемой частью любой культуры являются одежда и механизмы ее смены. Мысль о том, что одежда заключает в себе некое послание, кажется очевидной. Внешний облик человека, господствующая в данный исторический период мода всегда выступают важным источником изучения более общих сторон человеческой жизни: экономических, социальных, культурных и т. д. Первыми к костюму как к источнику обратились этнографы. Но с конца 1990-х гг. и историки активно включают его в свой исследовательский арсенал [1; 3; 4; 6; 8].

Становление городского костюма в современном его понимании воплотило в себе все многообразие факторов. Екатеринбург строился не только как завод, но и как крепость. Среди его строителей и первых жителей были солдаты Тобольского полка, а руководили строительством служившие в артиллерии капитан В. Н. Татищев и генерал В. И. Геннин. Поэтому традиционным костюмом здесь был военный мундир, регламентирующийся уставом и другими официальными распоряжениями. Однако большинство гражданского населения продолжало ходить в туникообразных рубахах и традиционных портах, надевая сверху в теплое время года армяки и зипуны, а зимой — овчинные тулупы, шубы и полушубки.

Реформы 1860–1870-х гг. не только привели к формированию новых экономических и социальных отношений. Екатеринбург стал превращаться из центра военизированного края в крупный уездный город, в котором основное место заняли уже мундиры многочисленных гражданских чиновников. Причем чиновники горного ведомства утратили свое главенствующее место. Произошло и существенное изменение в обмундировании. Новую форму получили инженеры путей сообщения, почтово-телеграфного ведомства, полицейские, служащие Министерства юстиции, преподаватели и учащиеся различных учебных заведений [2, с. 155–193; 11]. Но обе эти основы костюма — традиционный костюм и устав — мало подвержены моде.

Но становление стилистики модерна формировало новое представление о современном человеке. Стремление к большей раскрепощенности, а также постепенный перенос в официальный костюм элементов спортивной и повседневной одежды стали основной тенденцией первого десятилетия XX в. Строгая элегантность официального костюма постепенно смягчалась, пиджак уже не так плотно прилегал к телу как сюртук, что меняло и общую манеру поведения.

Можно отметить растущую приверженность моде, которая менялась под воздействием многих факторов [10; 13, с. 181–213]. В их числе — трансформация материальных условий жизни, социальные сдвиги, появление новых политико-идеологических установок и эстетических представлений, распространение научных знаний, собственная логика развития и т. д. На индивидуальном уровне мода выражала склонность к новым переживаниям, желание выделиться из общей массы. С другой стороны, она диктовала некие общепризнанные образцы, которым стремились следовать независимо от социального положения и материального достатка.

Все это подтверждает анализ предметов одежды из музейных коллекций, которые дополняют выкройки в журналах мод того времени. Они являются неким идеальным синтезом источников двух типов: иллюстраций и текста, что расширяет информационное поле за счет дополнительного описания модных элементов и степени их распространения. Как правило, в магазинах имелся широкий выбор журналов мод, как русских, так и иностранных: «Вестник моды», «Венский шик», «Парижский шик», «Английская домашняя портниха» и пр. Читатели журнала «Нива» могли увидеть на его страницах новинки моды, рекламу изделий лучших мастерских. Екатеринбургцы были среди его самых активных подписчиков.

Сами производители одежды также являлись источником информации о новинках для горожан. К 1887 г. число лиц, занимавшихся изготовлением одежды, обуви, головных уборов и других сопутствующих изделий, заметно выросло. Так, отряд шапочников (в том числе шляпных дел мастеров) и портных состоял уже из 396 человек (293 мужчин и 103 женщин). Кожаную обувь изготавливали 467 человек (444 мужчины и 23 женщины). В городе также трудились 15 мужчин-пимокатов и 13 женщин-чулочниц.

На углу Успенской и Покровского проспекта располагался магазин купца И. С. Соколова «Парижский шик». Это был филиал Санкт-Петербургской фирмы, а товары были из Франции, белье-конфекцион. Не менее популярным был универсальный магазин купцов Агафуровых. Екатеринбургское отделение товарищества «А. Ф. Второв и сыновья» предлагало в огромном выборе меха и отделочные меховые товары, мужское, дамское и детское готовое платье. В 1872 г. Г. Б. Перетц открыл белошвейное заведение, которое специализировалось на изготовлении дамского, мужского и детского белья. Создание нового производства не только знакомило горожан с новинками в этой области. Пришлось открыть курсы для обучения новых работниц. Также на продажу предлагались шелковые, шерстяные, суконные, бумажные материи и отделка [5, с. 70–76], а также разнообразные журналы с последними модными новинками. Ассортимент предлагавшихся товаров сохранился в каталогах этих торговых домов и мастерских. Можно отметить, что сами продавцы формировали спрос на те или иные товары.

События светской жизни — приемы, салоны, спортивные мероприятия и другие массовые события — способствовали распространению модных новинок. Репортажи в печатных изданиях позволяли донести эту информацию по всей стране. Можно было прочесть, во что были одеты участники событий, как оформлены помещения, чем угощали и как развлекались.

Значительное влияние на городской костюм оказал технический прогресс. Появление швейных машин в мастерских и в домашнем быту как минимум убыстряло проведение различных операций. Специальные приспособления позволяли наладить шитье и обшивку трикотажей, «вязаных материй, подмышников, тюлевых гардин, белья, зонтов, а равно для картузного производства и фабричных красил». Автоматическая машина с рукавом с цепообразным швом специально для соломенных шляп». Машинное производство снижало стоимость и делало костюм доступным самым широким слоям городского населения.

Актрисы театра и кино становились своеобразными «инфлюэнсерами», поскольку нередко использовали костюмы от одного мастера как на сцене, так и в быту. Модное платье актрис делало их узнаваемыми, а сам статус повышался в силу профессионализации.

Увлечение различными видами спорта привело к необходимости разработки специальной спортивной одежды. Явно наметилась тенденция большего включения элементов мужского костюма в женский гардероб, использование тканей, которые до этого использовались для мужского нижнего белья и блейзеров. Распространение спорта и увеличение числа женщин, ищущих работу, привели к отказу самых неудобных элементов костюма: корсета и избыточных элементов декора. Эмансипированные дамы все больше предпочитали носить костюмы, основанные на мужских фасонах. Таким костюмом стали пиджак и юбка, которые носили с блузкой и галстуком [7, с. 180–181]. Мнение врачей и гигиенистов также стало влиять на выбор повседневной одежды.

Свитера, платья из джерси, тренкоты и маленькие черные платья разрушали саму идею моды как демонстрации [9, с. 46]. Это позволило массовому производству освоить новые модели, а всем слоям

населения включить их в свой обиход. В идеале каждый экземпляр готовой купленной вещи должен был соответствовать высоким стандартам технического совершенства: «Красота таких вещей заключена в самой их способности быть идентичными в своей множественности, в их прекрасной и безупречной машинной обработке, и строчке» [11, с. 123]. Эти же требования высоких стандартов качества и доступности стали распространяться на совершенно разные аспекты жизни.

Массовыми становятся и источники, которые зафиксировали процесс формирования основных черт городского костюма: средства массовой информации, открытки, каталоги и реклама, изобразительное и театральное искусство. Фотографии, особенно сделанные в кругу семьи, не в ателье, позволяют увидеть костюм во всей полноте его повседневного бытования. Это дает возможность углубить наши представления о благосостоянии людей, лучше понять вектор социальных изменений и масштабы распространения культурно-эстетических новаций, свойственных буржуазному образу жизни. Все эти источники можно использовать для реконструкции модного и реального костюма, проследить влияние экономических, социальных, культурных и др. факторов, а также провести качественный анализ эволюции костюмного комплекса.

Литература и источники

1. Горбачева Л. М. Костюм XX века. От Поля Пуаре до Эммануэля Унгаро. М., 1996.
2. Земцов В. Н., Ляпин В. А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург, 1992.
3. Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половине 20 в. (опыт энциклопедии). М., 1995.
4. Мода. Век модельеров. 1900–1999 / отв. ред. Ш. Зелинг. 2000.
5. Микитюк В.П. Повседневная жизнь Екатеринбурга. Екатеринбург, 2022.
6. Пармон Ф.М. Композиция костюма. М., 1997.
7. Рибейро Э. Мода и мораль. М., 2012.
8. Русский костюм. 1890–1917 / под ред. В. Рындина. М., 1972. Вып. 5.
9. Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность. М., 2012.
10. Фефилова Л. Ю. Методика исторического анализа европейского костюма конца XIX — начала XX в. по фотоматериалам Урала и Сибири: автореф. дис. ... канд ист. наук. Екатеринбург, 2007.
11. Холландер Э. Пол и костюм. Эволюция современной одежды. М., 2018.
12. Хорошилова О. А. Костюм и мода Российской империи: эпоха Николая II. М., 2012.
13. Яхно О. Н. Мода эпохи модерна: идеи и реальность на страницах российской прессы // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020. № 5. С. 181–213.

Olga N. Yakhno

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: mrsyakhno@mail.ru

URBAN COSTUME OF THE EARLY 20th CENTURY: SOURCES OF RECONSTRUCTION

The paper is devoted to the identification and complex analysis of the sources of formation of modern urban costume at the turn of the 19–20th centuries. The main attention is paid to the material sources of personal origin, photographs, advertisements, etc. Urban embodies different aspects of human life: politics, economy, culture of the era. It reflects the slightest changes in public and personal life, trends in art and the level of technological development.

Keywords: urban way of life, costume, fashion, historical source

ГОРОДА И ЛЮДИ: СООБЩЕСТВА, ГРУППЫ, ПЕРСОНЫ

Бахарев Дмитрий Сергеевич

н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: dmitry.s.bakharev@gmail.com

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМИ И ЕКАТЕРИНБУРГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

УДК 94(470.5)''18/19'':314

В рамках исследования реконструирована динамика рождаемости и смертности в двух главных городах Среднего Урала — Перми и Екатеринбурге — с 1867 по 1911 гг. Показано, что изменения в числе рождений и смертей были тесно связаны с притоком в города мигрантов вследствие отмены крепостного права и экономических кризисов. С 1890-х гг. происходила стабилизация обоих процессов и увеличение естественного прироста.

Ключевые слова: историческая демография, пореформенный Урал, Пермь, Екатеринбург, естественное движение населения

Динамика рождаемости и смертности отражает как глобальные социальные процессы, так и уникальные исторические события. Кроме того, для городов позднеимперской России изучение естественного движения важно в силу недостатка данных о текущей численности населения, то есть динамика рождений и смертей может служить косвенным индикатором роста или убыли числа горожан. Для Перми и Екатеринбурга, двух важнейших городов Пермской губернии, до сих пор не были восстановлены непрерывные временные ряды рождаемости и смертности для пореформенного времени; лишь в ряде случаев была выполнена сегментарная реконструкция [1; 2; 3; 4; 5, с. 94–108]. В рамках представленного исследования на материалах государственной и земской статистики, а также периодики построены кривые абсолютного числа рождений и смертей для Перми и Екатеринбурга с 1867 по 1911 гг., приведена их интерпретация, отмечены общие и отличные черты.

В результате анализа динамики рождаемости и смертности Перми и Екатеринбурга второй половины XIX — начала XX в. можно предположить сильную связь демографических процессов в обоих городах с региональной и общенациональной историей (см. рис. 1). Так, большая волатильность числа демографических событий, особенно смертей, характерна для 1860–1880-х гг. в связи с большим притоком в города крестьян после отмены крепостного права и мастеровых вследствие многолетнего кризиса уральской горнозаводской промышленности. Начало 1890-х гг. в обоих городах отмечено подъемом смертности из-за общероссийского голода 1891–1892 гг. В то же время обращает на себя внимание взлет числа рождений и смертей в Перми в конце 1890-х и падение в Екатеринбурге в начале 1900-х гг., которые пока не имеют объяснения.

Примечательным выглядит увеличение естественного прироста: если в первой половине изучаемого периода (1867–1892 гг.) в обоих городах фиксировалась устойчивая естественная убыль населения, то во второй половине (1893–1911 гг.) она сменилась таким же устойчивым приростом (см. табл.). Вероятные объяснения могут быть связаны со снижением темпов урбанизации с экстремальных значений после отмены крепостного права до стабильных, и с общей эволюцией паттерна воспроизводства вследствие социальной модернизации населения.

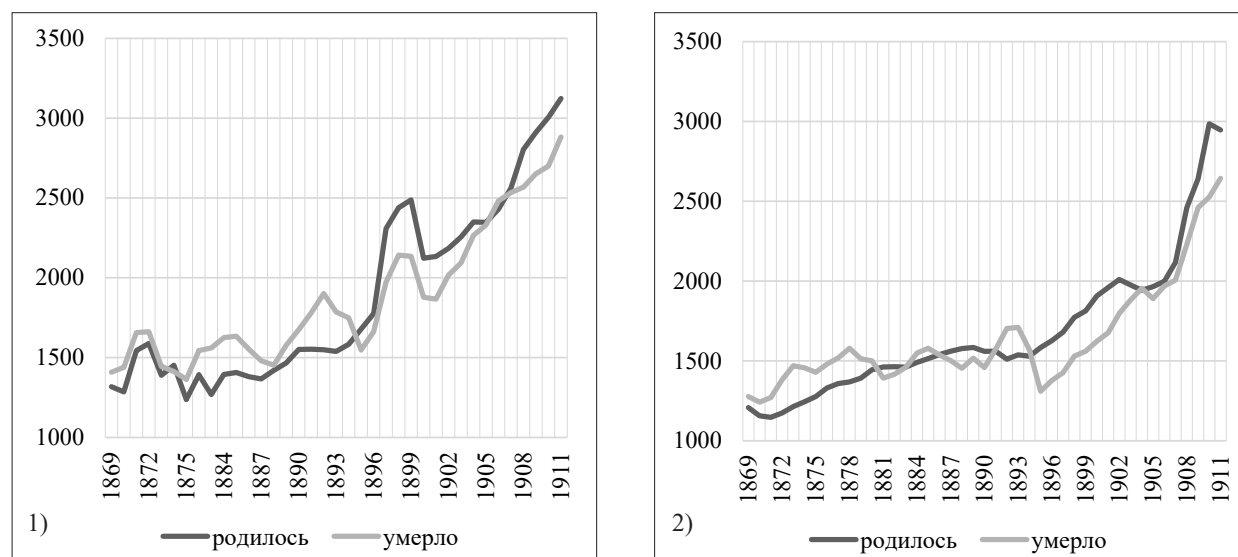

Рис. 1. Рождаемость и смертность в Перми (1) и Екатеринбурге (2) в 1869–1911 гг., средняя скользящая по трем значениям с центрированием на последнем*

* для Перми — без 1876–1881 гг.

Составлено по: Движение населения в Европейской России: за 1867...1910 гг. СПб., 1872–1914; Санитарный обзор Пермской губернии за 1911 г; Малескриптов. Что говорят метрические книги про г. Екатеринбург? // Екатеринбургская неделя. 1884. № 27. С. 468–470.

Таблица

Естественный прирост населения и статистические характеристики демографических показателей Перми и Екатеринбурга в 1867–1911 гг.

		Пермь	Екатеринбург
Естественный прирост, <i>абс.</i>	1867–1892	– 3 174	– 2 189
	1893–1911	3 536	4 234
Рождаемость	Среднее арифметическое	1 901	1 697
	Коэффициент вариации	33,5	29,0
Смертность	Среднее арифметическое	1 892	1 652
	Коэффициент вариации	25,8	23,2

Составлено по: Движение населения в Европейской России: за 1867...1910 гг.; Санитарный обзор Пермской губернии за 1911 г; Малескриптов. Что говорят метрические книги про г. Екатеринбург? // Екатеринбургская неделя. 1884. № 27. С. 468–470.

Важным отличием пермских кривых от екатеринбургских является их заметно большая вариативность, которая фиксируется коэффициентом вариации. По всей видимости, хоть оба города и являлись важными экономическими центрами, притягивавшими переселенцев, пермская миграция имела менее стабильный, «пульсирующий» характер. В качестве возможных причин можно предположить большую плотность населения приуральской части Пермской губернии, центром которой была Пермь, по сравнению с зауральской «екатеринбургской» частью, и соответственно более интенсивные волны миграции в город; специфику Перми как большого речного и железнодорожного транспортного узла, привлекавшего тысячи сезонных рабочих [6]; статистический артефакт.

Исследование демографических процессов, в том числе реконструкция многолетних рядов количественных показателей рождаемости и смертности Перми и Екатеринбурга, позволяет, с одной стороны, синхронизировать демографическую историю региона с событийной и оценить влияние последней на

демографию, а с другой — определить неявные, но важные для процесса воспроизводства факторы. В отношении представленных динамических рядов выглядит перспективным их удлинение за счет привлечения новых источников; изучение контекста для проверки старых и предложения новых интерпретаций; добавление данных новых городов сравнимого масштаба.

Литература и источники

1. Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 95–100.
2. Мазур Л. Н. Особенности демографического развития Екатеринбурга в конце XIX – начале XXI в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 131–143.
3. Мокеров И. П., Сулопаров Д. Г. Демографические процессы в Екатеринбурге (прошлое, настоящее, будущее). Екатеринбург, 1996.
4. Нечаев М. Г., Суслов А. Б. Кто проживал в Перми. Пермь, 2018.
5. Город Пермь: сборник очерков по истории, культуре и экономике города. Пермь, 1926.
6. Черныш М. И. Город Пермь — крупный рынок рабочей силы на Урале (последняя четверть XIX века) // На Западном Урале. Пермь, 1964. Вып. 4. С. 72–82.

Dmitry S. Bakharev

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: dmitry.s.bakharev@gmail.com

NATURAL MOVEMENT OF THE POPULATION OF PERM AND EKATERINBURG IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

The study reconstructed the dynamics of fertility and mortality in the two main cities of the Middle Urals — Perm and Ekaterinburg — from 1867 to 1911. Changes in the number of births and deaths were closely related to the influx of migrants into the cities due to the abolition of serfdom and economic crises. Since the 1890s, there was a stabilization of both processes and an increase in natural growth.

Keywords: historical demography, post-reform Urals, Perm, Ekaterinburg, natural movement of population

Баяндина Нина Петровна

к.и.н., заведующая сектором комплектования личных фондов, Пермский государственный архив социально-политической истории (г. Пермь)

E-mail: baya250986@yandex.ru

**ДЕЛО БРАТЬЕВ КАМЕНСКИХ:
ОТ ИЗВОЗНОГО ПРОМЫСЛА ДО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА**

УДК 94(470.53)''18''

Известными представителями купеческого сословия в Перми в XIX в. были братья Федор и Григорий Козьмичи Каменские. Династия Каменских прошла путь от крепостной зависимости до создания крупнейшего в Российской империи товарищества, занимавшегося перевозками грузов. Семейный бизнес Каменских объединил множество направлений и предприятий различного профиля: конные и железнодорожные перевозки, буксирное и пассажирское пароходство, заводы, фабрики, мельницы, типографию. Каменские были крупными благотворителями и меценатами Перми.

Ключевые слова: купцы, извозный промысел, пароходство, паевое общество, торговый дом

Торговый дом братьев Каменских, действовавший в масштабах Российской империи, имел пермские корни. Первые представители знаменитой купеческой династии происходили из крепостных крестьян богатейшей строгановской династии и исправно исполняли повинности. Братья Каменские: Федор Козьмич (10.02.1810–27.11.1883) и Григорий Козьмич (18.01.1814–28.01.1893) родились и выросли в деревне Данилиха, пригороде Перми. Их отец, Козьма Филиппович, занимался извозом, вел свою торговлю, хотя всю жизнь был крепостным. Большая крестьянская семья Каменских была дружной, работающей, религиозной. Своим тяжелым трудом в течение десятков лет Каменские заработали капитал, ставший основой масштабного семейного бизнеса по перевозке грузов. «Перевозочное дело» в России было традиционно трудным и рискованным, хотя промысел и представлял собой одно из самых прибыльных занятий для крестьянского населения. Как правило, извозом занимались яркие личности, имевшие сильный и выносливый характер, упорство и крепкое здоровье.

Пермь находилась на месте пересечения трех гужевых трактов — Казанского, Соликамского и Сибирского, город являлся крупным перевалочным пунктом. Возможность доставить товар по крупнейшим рекам, Волге, Каме, Чусовой и Белой, давали инициативным крестьянам свободу в этой сфере. В 1830-х гг. братья Каменские начали свое дело с традиционного «отхожего промысла» крестьян — зимнего конного извоза. Отпущенные хозяевами на заработки, они доставляли грузы на заводы и ярмарки, в торговые центры Урала и Сибири, зарабатывая на личную свободу. «Молодые Каменские так быстро заслужили, благодаря своей особой инициативности и заботливости всеобщую популярность и доверие со стороны грузоотправителей и получателей товаров, как и со стороны извозчиков, что приходилось расширять и расширять пространства и пределы своей деятельности. Очень скоро район извозчицких поездов оказался уже в пределах между Москвой и Китаем (Кяхта, Кульджа и др.), т.е. на протяжении пути свыше 6 тыс. верст», — писал о братьях Каменских купец Н. В. Мешков, купивший впоследствии их семейное дело¹.

В ключевых городах Урала, Сибири, Алтая Каменские покупали участки земли, открывали конторы, строили склады для постоянного приема и хранения грузов или перевалки кладей с одних обозов на другие, ставили во главе контор своих проверенных людей, чаще из извозчиков, понимавших специфику дела. Все доверенные сообщали друг другу сведения о передвижениях обозов, заранее готовились к приему или отправке грузов. Но главное новшество братьев Каменских состояло в страховании грузов, что ранее никогда и никем не обеспечивалось. Из своих сбережений Каменские давали ссуды на перевозку за умеренные проценты и принимали на себя известную долю риска в случае пропажи товаров.

¹ Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 672: Н. В. Мешков. Картон 1. Ед. хр. 23.

Тем самым братья привлекали дополнительных клиентов и формировали репутацию аккуратных и надежных партнеров.

Выкупившись из крепостной зависимости в 1857 г., братья Каменские приписались к пермскому купеческому сословию. С 1873 г. Федор и Григорий Козьмичи Каменские с сыновьями получили права потомственных почетных граждан².

Ключевым направлением перевозки кладей братьев Каменских стала линия Пермь — Нижний Новгород. Грузы со всей Сибири и нераспроданные товары с Ирбитской ярмарки шли на Нижегородскую ярмарку. Каменские зарегистрировали в 1857 г. буксирное пароходство и на арендованных судах перевозили грузы по Волге и Каме. В навигацию 1865 г. братья открыли пассажирское пароходство с рейсами от Перми до Нижнего Новгорода.

17 ноября 1871 г. было зарегистрировано полное и вечное товарищество под названием «Товарищество пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. Братья Каменские». Основу деятельности фирмы составляла перевозка грузов по России преимущественно водным путем. К началу XX в. судоходный флот Каменских насчитывал 22 парохода, из них 12 пассажирских и товаро-пассажирских и 10 буксирных. Помимо того, Торговый дом имел до 40 большемерных деревянных барж и свыше 20 дебаркадеров [1].

События революции 1905–1907 гг. оказали на транспортные компании России крайне негативное воздействие. Вся торгово-промышленная деятельность существенно сократилась, упал спрос на перевозку грузов и вывоз нефтяных продуктов. Эти факторы привели к острейшей конкуренции между транспортными и судовыми компаниями и стали переломными в судьбе многих фирм.

В 1908 г. компаньоны зарегистрировали новое юридическое лицо: товарищество на вере или паевое товарищество под тем же названием «Товарищество пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. Бр. Каменские». Основной капитал товарищества составил 5 млн рублей, разделенных на 50 тысяч паев (акций) по 100 рублей. Для сохранения решающего влияния на дела фирмы прежних владельцев предусматривались именные акции высокого номинала, а их перепродажа ограничивалась. Дивиденды компаньоны получали пропорционально. Действия «нового» Товарищества были открыты с 15 февраля 1911 г.³

К 1912 г. конкуренция транспортных предприятий резко обострилась: из-за неурожая почти отсутствовали хлебные грузы, сократилось предложение нефтяных грузов вследствие снижения добычи нефти. Семейный бизнес Каменских столкнулся с огромными проблемами: нехваткой оборотных средств, наличием огромных долгов, несогласованностью компаньонов в управленческих решениях. Катастрофические долги вынуждали собственников продавать не только свои именные паи, но и имущество. Чтобы увеличить перевозки и расширить торговые операции, Товарищество решило искать партнера. Им мог стать пароходчик Н. В. Мешков. Протокол собрания пайщиков гласил, что его компания «...наиболее подходящее в этом смысле предприятие и поэтому Собрание предлагает дать согласие на приобретение всего имущества пароходного предприятия Мешкова в полном его объеме — флота, пристаней, складов и пр...»⁴

Николай Васильевич Мешков уважал братьев Каменских. Характеризуя свое решение о покупке фирмы, он писал: «Зимой 1913 года некоторые кредиторы, а затем и сами Каменские обратились ко мне с просьбой — взять все паевое предприятие в свои руки. Вполне соглашаясь со всей необходимостью сохранить от распада большое нужное и заслуженное предприятие, было однако совершенно очевидно, каких затрат сил, энергии и инициативы потребует оно от меня... Но вместе с тем, вспоминая всю мою, с 1876 года, жизнь в Перми, вспоминая рассказы старших о пешем хождении с обозами по Уралу и Сибири и всю простоту взаимоотношений с Каменскими, я не мог оставаться равнодушным и все время думал и обдумывал, и совершенно серьезно готовился к решению большой задачи»⁵.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343: Департамент герольдии. Оп. 39. Д. 1949, 1950.

³ РГИА. Ф. 23: Министерство торговли и промышленности. Оп. 12. Д. 422. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 206.

⁵ РГБ. Ф. 672. Картон 1. Ед. хр. 23.

Благодаря деловому знакомству с А. Н. Найденовым, Мешков в 1914 г. заручился соглашением сроком на 4 года с Московским Торговым банком о финансировании предприятия. 22 мая 1914 г. было подписано соглашение, по которому Н. В. Мешков купил и принял от всех пяти пайщиков, Каменских, паи «Товарищества» и тотчас же взял в свое распоряжение и на полную ответственность все его дела и долги. В своем очерке о Каменских Мешков писал: «Вливая мое транспортное дело и флот и присоединяя имя, я таким путем акционировался. Об этом было своевременно заявлено правительству. Но изменения в Уставе были опубликованы только 23 февраля и 27 июня 1915 года. С января 1915 года наше объединение начало называться «Товарищество Пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. Бр. Каменские и Н. Мешков» [5].

Таким образом, Николай Васильевич Мешков стал полноправным хозяином транспортной компании Каменских с действующими конторами, подготовленными кадрами, огромным объемом движимого и недвижимого имущества, налаженными связями и деловой репутацией. 11 марта 1917 г. Мешков инициировал увеличение основного капитала фирмы до 10 млн рублей посредством выпуска облигаций. Но вскоре революция навсегда завершила историю легендарного Товарищества братьев Каменских, основанного крепостными крестьянами и просуществовавшего ровно 60 лет.

В июне 2023 г. свет увидела монография «Братья Каменские» [2], повествующая о семейном предприятии Каменских, которое вошло в историю России как одно из крупнейших и хорошо организованных паевых обществ.

Литература и источники

1. Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. М., 1927.
2. Баяндина Н.П. Братья Каменские. Пермь, 2023.

Nina P. Bayandina

Candidate of Historical Sciences, Perm State Archive of Socio-Political History (Russia, Perm)

E-mail: baya250986@yandex.ru

THE BUSINESS OF THE KAMENSKY BROTHERS: FROM THE TRANSPORTATION TO THE JOINT-STOCK COMPANY

The brothers Fedor Kozmich and Gregory Kozmich Kamensky were the most famous representatives of the merchant estate in Perm in the 19th century. The Kamensky dynasty went from serfdom to the creation of the largest enterprise in the Russian Empire. The family business of Kamenskiy united many directions: horse and rail transport, towing and passenger steamship, factories, mills, etc. The Kamensky were major benefactors and patrons of Perm. This book explores the history of two generations of this family and contains many first-published documents.

Keywords: Merchants, transportation, shipping company, joint-stock company, firm

Бреславский Анатолий Сергеевич

к.и.н., в.н.с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)

e-mail: breslavsky@imbt.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТОЛИЦЫ В ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ (1989–2020 гг.)

УДК 94(571.6)“1989/2020”:314(571.6)

В докладе представлены итоги демографического развития региональных центров ДФО за последние три десятилетия. На фоне продолжающейся трансформации городского расселения только в 5 из 11 региональных центров ДФО был отмечен прирост населения, а одним из наиболее значимых итогов происходящей трансформации стала еще большая концентрация населения в столичных городах и их пригородных зонах.

Ключевые слова: Дальний Восток, городское население, городское расселение

Радикальный переход России от советской (социалистической) модели общественного развития к постсоветской (неолиберальной) привел к резкому по историческим меркам кризису всей сети городских поселений на территории страны. Этот кризис остро проявился на Дальнем Востоке, экономика которого (в том числе экономика городов и поселков городского типа) находилась в высочайшей зависимости от государственного заказа. Перестройка городских рынков труда, ослабление государственного участия в регулировании процессов городского развития запустили масштабные процессы перераспределения населения внутри региона, привели к выезду значительной части жителей за его пределы. Урбанизационный процесс во всех дальневосточных субъектах РФ, в том числе инфраструктурно развитых, постепенно вошел в ситуацию кризиса, о чем свидетельствуют итоги проведенных нами исследований.

За последние три межпереписных периода (1989–2002, 2002–2010, 2010–2020 гг.) официальная численность населения 11 регионов Дальневосточного федерального округа (ДФО) в результате естественной и миграционной убыли сократилась с 10,4 до 8 млн чел., то есть почти на четверть (23 %, 2,4 млн чел.)¹. Наибольший отток населения в относительных показателях произошел на северо-востоке ДФО (Чукотский автономный округ, Магаданская область, Камчатский край, Сахалинская область), наименьший — в республиках Бурятия и Саха (Якутия), которые в 2010-е гг. даже показали прирост по населению. При этом доля жителей всех регионов ДФО в общей численности россиян сократилась за последние три десятилетия с и без того незначительных 7 до 5,4 %.

Учитывая, что к концу 1980-х гг. большую часть населения макрорегиона составляли жители городов и поселков городского типа, основные потери населения в абсолютных показателях пришлись именно на городское население. В обозначенный период в границах ДФО оно уменьшилось с 7,5 до 5,9 млн чел., то есть на 1,6 млн чел. (21,3 %). Для понимания масштабов потерь достаточно отметить, что ровно столько же проживает сегодня в трех самых крупных городах ДФО (Хабаровске, Владивостоке и Улан-Удэ). В эти 1,6 млн «утраченного» городского населения вошли не только покинувшие ДФО в результате естественной и миграционной убыли жители, но и население тех поселков городского типа и городов, которые были преобразованы в 1989–2020 гг. в сельские населенные пункты или и вовсе были заброшены или упразднены.

Показательно, что из 11 региональных столиц ДФО в 1989–2020 гг. только в 5 был зафиксирован прирост населения, что по общероссийским меркам, однако, вовсе не плохо. При этом рост населения в этих городах совсем не означал, что сами они не были точками массового исхода граждан в центральные

¹ Здесь и далее расчеты опираются на: Всесоюзная перепись населения 1989 г., Всероссийские переписи населения 2002, 2010 гг. // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (дата обращения: 10.06.2023); Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580?print=1> (дата обращения: 10.06.2023).

районы России, другие регионы страны и зарубежье. В основном этот рост был обеспечен центростремительными внутрирегиональными миграциями сельчан, жителей поселков городского типа и малых городов в региональные центры, существенно более развитые с точки зрения социальной, инженерно-бытовой, образовательной и прочей инфраструктуры, рынка труда, ресурсной обеспеченности, нежели все остальные населенные пункты.

В авангарде демографического роста в ДФО в постсоветский период оказался Якутск, население которого благодаря этнически выраженной внутрирегиональной миграции и стабильному естественному приросту населения в республике за три десятилетия феноменально увеличилось — почти вдвое (на 90 %, 168 тыс. чел.). На втором месте по схожим причинам — Улан-Удэ, столица Республики Бурятия: население города выросло на существенные 24 % (85 тыс. чел.).

Но не только столицы национальных регионов демографически росли на Дальнем Востоке. На 17,5 % (35,8 тыс. чел.) благодаря внутрирегиональной миграции выросло население Благовещенска, центра Амурской области, расположенного у границы с КНР, на 14 % (22,2 тыс. чел.) — число жителей Южно-Сахалинска, центра островной Сахалинской области. При том, сама область лишь теряла свое население от переписи к переписи, а большинство региональных городов и поселков городского типа утратили перспективы экономического развития уже к концу 1990-х гг.

Лишь на 2 % (16,8 тыс. чел.) в интересующий нас период выросло население Хабаровска, крупнейшего на данный момент города ДФО. Второй по величине город макрорегиона, Владивосток, продемонстрировавший, как и Хабаровск, умеренный демографический рост лишь в 2010-е гг., пока еще не восполнил потери населения 1990–2000-х гг. (4,8 %, 30 тыс. чел.) По существу, ни Хабаровск, ни Владивосток (наиболее развитые в инфраструктурном смысле, влиятельные в административном плане города ДФО) не показали сколь-нибудь впечатляющего демографического роста, однако, во-первых, смогли избежать существенного оттока населения, а, во-вторых, выступили мощными «генераторами» формирующихся вокруг них агломераций. Вообще на территории ДФО было заявлено о формировании как минимум 13 городских агломераций, «истинность» которых нам еще предстоит подтвердить или опровергнуть. Ядрами десяти из них стали именно региональные столицы [1].

В Забайкальской области на фоне кризиса большей части городских населенных пунктов, стягивания периферийного населения в региональную столицу сравнительно немного в численности потеряла Чита (8,6 %, 31,3 тыс. чел.). На 16,3 % (13,6 тыс. чел.) уменьшилось число жителей Биробиджана в Еврейской автономной области, на 22,8 % (3,8 тыс. чел.) — Анадыря, столицы Чукотского автономного округа. Здесь важно отметить, что эти потери были бы, пожалуй, более существенными, если бы Биробиджан и Анадырь не укрепили свой административный статус в 1991–1992 гг., став центрами самостоятельных субъектов РФ, сохранив в связи с этим значительную часть бюджетной занятости на локальных рынках труда и свою субъектность в поле федеративной политики. Обратные процессы произошли, например, с центрами Корякского автономного округа (п. Палана) и Агинского Бурятского автономного округа (п. Агинское), после их объединения соответственно с Камчатской и Читинской областями в 2000-е гг.

Наконец, наиболее существенный отток населения как в абсолютных, так и относительных показателях произошел в оставшихся двух региональных центрах на северо-востоке ДФО — Магадане (40 %, 60,8 тыс. чел.) и Петропавловске-Камчатском (38,6 %, 103,8 тыс. чел.), что вполне соответствует общему кризису урбанизационного процесса в этих регионах.

Одним из наиболее заметных и значимых итогов трансформации городского расселения в ДФО в 1989–2020 гг. стала еще большая концентрация населения в региональных городских центрах. От переписи к переписи доля населения столичных городов в городском и общем населении соответствующих регионов лишь росла (за исключением Петропавловска-Камчатского). Это происходило не только в тех регионах, где наблюдался демографический прирост столичного города, но и там, где региональные центры за эти 30 лет утратили и так и не восполнили часть своего населения.

По большинству субъектов ДФО (в 9 из 11) доля населения региональных центров в общей численности населения соответствующего региона к 2020 г. при этом не превышала 50 %. Исключение составили Магадан (66,6 %) и Петропавловск-Камчатский (56,5 %). Благодаря функционированию больших, средних, малых городов, поселков городского типа и крупных сельских населенных пунктов системы расселения в большинстве остальных регионов в основном сохраняют условно полицентрический характер при заметном демографическом, инфраструктурном, ресурсном доминировании столичных городов. Одновременно на рост концентрации населения у региональных столиц влияют усиливающиеся процессы пригородного расселения, особенно вблизи Владивостока, Хабаровска, Улан-Удэ, Якутска, Благовещенска и Южно-Сахалинска, что должно подтолкнуть нас к более внимательному анализу региональных процессов субурбанизации и агломерирования.

Литература и источники

1. Бреславский А. С. Городские агломерации на Дальнем Востоке России: «региональные фантазии» или отображение реальных трендов? // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. (к 100-летию Республики Бурятия). Улан-Удэ, 2023. С. 203–206.

Anatoly S. Breslavsky

Candidate of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ulan-Ude)
e-mail: breslavsky@imbt.ru

REGIONAL CAPITALS IN THE TRANSFORMATION OF URBAN SETTLEMENT IN THE FAR EAST OF RUSSIA (1989–2020)

The author presents the results of the demographic development of the regional centers of the Far Eastern Federal District over the past three decades. Only 5 out of 11 regional centers experienced population growth with ongoing transformation of urban settlement in the region. Besides, one of the most significant results of the ongoing transformation has been an even greater concentration of the population in capital cities and their suburban areas.

Keywords: Far East, urban population, urban settlement

Головашина Оксана Владимировна

д.филос.н., в.н.с., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)

E-mail: ovgolovashina@mail.ru

КАК ГОРОД СТАНОВИТСЯ ДОМОМ: МИГРАНТЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

УДК 314.722

На материалах полевого исследования (30 информантов, полуструктурированное интервью) автор исследует практики взаимодействия с городом внутренних мигрантов, проживающих в Екатеринбурге от года до трех лет. Автор обращает внимание, что успешной интеграции способствует повышение эмоционального отношения к городу, фланерство и активное использование публичных пространств.

Ключевые слова: внутренняя миграция, город, коммуникация, интеграция

Несмотря на обширность и многообразие миграционных исследований, тема взаимоотношений мигрантов и города, как правило, остается за пределами внимания ученых. Большинство работ, в которых в той или иной степени освещается эта проблема, посвящены влиянию пространственной организации городов на способы и интенсивность интеграции [2; 7], причем исследования связаны с мигрантами из иноязычной и инокультурной среды. Однако внутренние мигранты также сталкиваются с разрушением повседневной среды, досуговых практик, сетей коллег, друзей и зачастую остаются один на один с городом. Соглашаясь с тем, что работа с внешними мигрантами позволяет решить самые разнообразные исследовательские проблемы, мы считаем, что рост миграции внутри России, увеличение количества приезжих в крупных городах, в том числе, в Екатеринбурге, позволяет по-другому посмотреть на сам город с его инфраструктурой, социальными службами, транспортными сетями, особенностями организации публичных пространств, досуговых практик и т. д., а также обратить внимание на специфику освоения города внутренними мигрантами. Не претендуя на решение этих масштабных задач, мы предлагаем взглянуть на Екатеринбург глазами соотечественников, а также рассмотреть особенности интеграции внутренних мигрантов и факторы, способствующие ей.

В предлагаемом докладе мы будем рассматривать город в качестве полноценного участника взаимодействий мигрантов и покажем способы коммуникации мигрантов с городом. Мы исходим из идеи У. Эко о коммуникативной функции зданий и переносим эту функцию на город вообще [4]. Под коммуникацией с городом мы понимаем практики взаимодействия, обусловленные особенностями городской планировки, архитектуры, инфраструктуры, организации публичных пространств. Город в такой трактовке — это «множественные практики» (М. де Серто), то есть он сам по себе позволяет мигрантам определять себя и выбирать, как жить и с кем интегрироваться [6; 8]. В нарративах мигрантских интервью можно заметить, что город очеловечивается, то есть об отношении к нему и отношениях с ним многие респонденты говорили как об отношении с человеком, что явилось дополнительным фактором использования в этом докладе конструкции «коммуникация». Об интеграции мигрантов мы говорим только в том случае, когда мигранты начинают воспринимать город как дом, потому что именно это ощущение приводит к субъективному ощущению комфорта, то есть город в этом случае становится частью повседневности. Мы знаем о существовании других трактовок интеграции и не вступаем в дискуссию по поводу значения этого термина, но в предлагаемом докладе нам было важно показать место города в структуре повседневных практик. Под повседневностью мы имеем ввиду социологическую интерпретацию категории «жизненный мир», введенной Э. Гуссерлем, то есть привычный социокультурный мир (по А. Шюцу).

Материалом для доклада послужили данные 30 полуструктурированных интервью с мигрантами из российских регионов, проживающими в Екатеринбурге от года до трех лет. Интервью проводились лично в течение мая–сентября 2022 г. с использованием средств аудиофиксации в общественных заведениях г. Екатеринбурга. Информанты отбирались методом снежного кома. Из 30 информантов 19 женщин,

11 мужчин, возраст — от 23 до 45 лет, все работающие (в том числе, два работающих студента). Интервью продолжалось от 40 минут до 2 часов; кроме общих вопросов, связанных с мотивацией выбора именно Екатеринбурга для места жительства, критериев выбора района для проживания, нас интересовало место города в повседневных практиках горожан, а также самоидентификация себя в новом для информантов городе. При анализе мы обращали внимание на устойчивые языковые конструкции, а также их эмоциональную окрашенность.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

1. Несмотря на то, что мотивация переезда была, как правило, рациональна, интеграция происходит в том случае, если город связан с положительными эмоциональными оценками.

Описывая мотивацию переезда, респонденты высоко оценивали возможность найти работу в Екатеринбурге, более низкие, чем в Москве, цены на покупку или съем жилья, близость к родному региону, активную культурную жизнь. Только четверо из опрошенных говорили о каком-то особом отношении к городу до переезда («Приехала в гости к подруге и влюбилась в Екатеринбург с первого взгляда» (Ж., 29 л.); «Вечером вышел к пруду и понял, что хочу тут жить (М., 33 г.). Однако включение в активные досуговые практики самих респондентов (театр, музыкальные фестивали, выставки) или их детей, прогулки по местам, которые становятся любимыми, приводит к тому, что город воспринимается не только как место для работы, но и в качестве возможностей для самореализации и повышения качества жизни. Респонденты говорят о «любимых кафешках», «парках», видах, которые нравятся, вспоминают истории, которые связаны с какими-либо местами или просто описывают свои эмоции по отношению к городу: «Я гуляла, светило солнце и все эти дома были такие красивые, и я поняла, что люблю этот город» (Ж., 39 л.). Отметим, что почти 40 % из наших респондентов сохранили инструментальное отношение к Екатеринбургу как городу, в котором можно самореализоваться в профессии, «хорошему компромиссу между московскими ценами на жилье и провинциальными зарплатами». Как правило (за исключением двух человек), это респонденты, которые переезжали семьями и не стремились к расширению своего круга общения или досуговых практик.

2. Освоение города связано с активным использованием публичных пространств, противостоящих приватности дома и двора.

Для того, чтобы город воспринимался как дом, нужно выйти за пределы своего дома. Опрошенные респонденты сделали это как минимум один раз, выбрав Екатеринбург для своего места жительства (6 респондентов из 30 меняли город более одного раза). Обилие советской застройки в Екатеринбурге, как и во всех российских городах, приводит к тому, что некоторые мигранты селятся в таких же домах, в которых жили в родном городе, ходят в те же магазины и стремятся покупать те же сетевые продукты. Похоже, что в этом случае речь идет не о том, что город становится домом, а о том, что дом оказывается везде. В отличие от американского или европейского двора, советская застройка предполагала особый стиль детства — дворы с их довольно своеобразной границей публичного и приватного способствовали формированию дворовой общины. Проявлением этого оказывается уникальность конструкции «во двор», зафиксированная исследователями [3, с. 225]. Однако в современных городах большему включению в соседские практики коммуникации способствуют общедомовые чаты жителей новостроек, общие спортивные площадки в парках или места для выгула собак. Эти практики, повышая представления респондентов о качестве жизни, также способствуют интеграции. В литературе зафиксировано значение подобных практик для внешних мигрантов, местные связи (например, те, которые формируются по соседству) признаются в литературе как важные для получения информации о местоположении ближайшего продуктового магазина, детского сада или школы для ребенка [5], однако, мы считаем, что эти факторы важны и для внутренних мигрантов.

Другая степень публичности связана с выходом за пределы своего двора/микрорайона и посещение городских публичных мест. Как правило, именно они вызывают большинство ярких эмоций респондентов и формируют облик города для приезжих («Вообще, уже ради одного вида на Исеть, Ельцин-центр

вечером, когда огоньки отражаются в воде, стоило переезжать» (Ж., 34), однако с ними связано много отрицательных эмоций и полярных оценок: «Ну сколько ты погуляешь по центру? Ну раз, два, может, месяц. А грязь весной будет все время» (М., 45). Много людей в парках, на центральных улицах создают «ощущение праздника» или «мешают отдыхать», самокаты на улицах — это «сразу видно, что город современный, продвинутый» или «надо их запретить».

3. Фланерство. Почти сто лет назад В. Беньямин, описывая современных ему горожан, обратил внимание на фланера — человека, праздно гуляющего по городу, наслаждающегося архитектурой, улочками, парками [1]. В XIX в. растущий и меняющийся город требовал новых пространств, появились большие магазины и пассажи, по которым можно было часами гулять — фланировать. Однако у Беньямина фланер — это не просто потребитель и любитель шоппинга — он вдумчивый и тонко чувствующий наблюдатель за городом, который, выступая в качестве продукта города, сам, в свою очередь, создает его. Фланерство не осталось в XIX в. — новые пространства и новые города создают новый тип фланеров. Современный фланер — это не только мужчина, но и женщина, фланирование не ограничивается бульварами или пассажирами торговых галерей. Большинство наших респондентов (21 из 30 человек) отмечали, что в первые месяцы жизни в Екатеринбурге много времени уделяли прогулкам по городу, причем 11 человек оправдывали свое времяпрепровождение прагматическими аспектами (желанием узнать город, чтобы не заблудиться в следующий раз, выяснить, где находятся необходимые инфраструктурные объекты и так далее), остальные обращали внимание на архитектуру, парки, дворы, остальные использовали прогулки как часть досуга. Мы интерпретируем фланерство как способ освоения города. Фланерство в некотором смысле демократично — не имеет значения этническая принадлежность, владение языком, даже уровень дохода. Среди опрошенных респондентов те, которые практиковали фланерство, гораздо быстрее почувствовали себя комфортно в городе и описывали отношение к нему как эмоциональное, чем те, которые ограничивали свои перемещения работой-домом и ближайшей инфраструктурой.

В заключение отметим, что результаты нашего исследования не претендуют на исчерпывающие выводы по заявленной теме, а, скорее, представляют собой приглашение к дискуссии, которая, в свою очередь, призвана привлечь внимание на практики внутренних мигрантов и повышение роли города как объекта в коммуникации.

Литература и источники

1. Беньямин В. Париж, столица XIX столетия // Озарения. М., 2000. С. 153–167.
2. Флорес Н. «Эффект клана». Городские нелегальные миграционные сети мексиканцев в США. Тенденции международной миграции // Международная миграция населения: Россия и современный мир. 2006. № 16. С. 72–86.
3. Чернявская Ю. Советское как детское: опыт двора // Логос. 2017. № 27 (5). С. 219–240.
4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2006.
5. Eijk G. van. Does living in a poor neighbourhood result in network poverty? A study on local networks, locality-based relationships and neighbourhood settings // Journal of Housing and the Built Environment. 2010. № 25. P. 467–480.
6. Ryan L. Differentiated Embedding: Polish Migrants in London Negotiating Belonging Over Time // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. № 44 (2). P. 233–251.
7. Tobler W. Migration: Ravenstein, Thorntwaite, and beyond // Urban Geography, Spatial Analysis in Geography. 1995. № 16 (4). P. 327–343.
8. Vertovec S. Super-diversity and its Implications // Ethnic and Racial Studies. 2007. № 30 (6). P. 1024–1054.

Oksana V. Golovashina

Doctor of Philosophical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ovgolovashina@mail.ru

MAKING THE CITY HOME: MIGRANTS IN EKATERINBURG

Based on the materials of the field study (30 informants, semi-structured interviews), the author examines the practices of interaction with the city of internal migrants living in Ekaterinburg from one to three years. The author draws attention to the fact that successful integration is facilitated by an increase in the emotional attitude towards the city, flâneurism and the active use of public spaces.

Keywords: internal migration, city, communication, integration

Ермакова Ольга Константиновна

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: ermakovaok@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ ИНОСТРАНЦЕВ НА УРАЛЕ:
АДМИНИСТРАТИВНАЯ РОЛЬ ЕКАТЕРИНБУРГА (1720–1750-е гг.)**

УДК 94(470.5)“1720/1750”

Иностранные специалисты появились в Екатеринбурге с момента основания города. Здесь же располагались отраслевые органы управления горной промышленностью, контролировавшие работу иностранцев на всех казенных заводах Урала. В докладе речь пойдет о ключевой административной роли Екатеринбурга в управлении профессиональной деятельностью и повседневной жизнью представителей иноземцев как особой социальной группы.

Ключевые слова: Екатеринбург, иностранные специалисты, Сибирский обербергамт, Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов, социально-правовой статус

Основание Екатеринбурга и интенсивное развитие горнозаводской отрасли на Урале в первой четверти XVIII в. оказались неразрывно связаны с приездом в регион значительного для провинции количества иностранных специалистов (прежде всего для металлургической отрасли). Таким образом, практически сразу на территории уральских заводов образовалась особая социальная страта иностранцев, большая часть из которых, в силу выполняемых профессиональных задач, вошла в состав местной технической элиты. Говоря о социальной группе иноземцев, мы используем наиболее широкую и обтекаемую единицу социальной стратификации. Под «социальной группой иностранных специалистов» понимается категория людей — выходцев из иностранных государств, объединенных общностью основных рамок социально-правового статуса, обстоятельств переезда на Урал (по приглашению российского правительства или по собственной инициативе), социокультурных маркеров. При этом для первой половины XVIII в. едва ли справедливо говорить о «сообществе» иностранцев. В одной из недавних работ об иностранных выходцах в Екатеринбурге 1720-х — начала 1730-х гг. Д. А. Редин убедительно доказал, что «к концу первого десятилетия жизни Екатеринбурга в нем так и не сложилась влиятельная, обособленная и относительно гомогенная колония иностранцев». Причины состояли в различиях юридического статуса, отсутствии корпоративных привилегий, «минимизированной сфере частной жизни» и высокой степени географической мобильности [3, с. 1696–1697].

Действительно, не только в Екатеринбурге, но и в целом на казенных уральских заводах состав социальной группы иностранных специалистов не был однородным и постоянно видоизменялся. Трансформировалось и отношение власти к иноземцам, в зависимости от общегосударственных тенденций и от конкретных нужд металлургического производства в тот или иной период времени. Управление иностранными специалистами, включая реализацию всей совокупности их прав, привилегий и обязательств, находилось в ведении отраслевых административных структур, расположенных в Екатеринбурге и подчинявшихся центральному горному ведомству Российской империи — Берг-коллегии. В Екатеринбурге как горнозаводском центре решались основные текущие вопросы, связанные с профессиональной деятельностью и условиями повседневной жизни иностранцев, работавших на казенных заводах всего Уральского региона. При этом, одни аспекты пребывания иноземцев находились напрямую в компетенции Сибирского обербергамта (а затем — Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов), другие же определялись только посредством коммуникации с Берг-коллегией. Выявление основных компетенций уральского горного управления в отношении иностранных специалистов приближает к пониманию административной роли Екатеринбурга в формировании социальной группы иностранцев (города и всего региона) со всем многообразием ее внутренней структуры.

Следуя логике традиционного пути иностранца, прибывшего на российскую службу и определенного в распоряжение Берг-коллегии, можно выявить роль различных ведомств в судьбе иноземца. Когда иностранца определяли «в службу на Сибирские заводы», из Берг-коллегии поступал ряд распоряжений, касавшихся обеспечения проезда специалиста (предоставление казенных подвод, компенсация издержек, сопровождение в дороге) до Екатеринбурга и дальнейших действий. Одновременно в Екатеринбург направляли копии документов о приеме на службу иностранца: соответствующего указа и контракта¹. В фондах уральской горной администрации отложились копии договоров с иноземцами, которые впоследствии могли быть продлены. При необходимости условия продолжения службы изменялись уже на местах.

Одной из задач, решавшихся непосредственно в Екатеринбурге, можно считать распределение прибывших иноземцев по казенным заводам и организацию их отправки к местам службы. Берг-коллегия не во всех случаях указывала, куда именно следует направить вновь приехавших мастеров. Соответственно, дальнейший путь следования (если иноземец не оставался в Екатеринбурге) обеспечивался согласно распоряжениям Главного правления Сибирских и Казанских заводов. На счет Канцелярии записывались и сопутствующие расходы, а отчеты о предпринятых действиях следовало посылать в Берг-коллегию.

Органы уральского горного управления нередко инициировали прием на службу и увольнение иноземцев, продление контрактов или их досрочное расторжение. Окончательные решения принимались Берг-коллегией. Например, в 1738 г. в Генерал-берг-директориуме рассматривался вопрос о досрочном увольнении аптекаря Тамме. По свидетельствам Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов, иностранец совершенно не показал «в аптекарском и бухгалтерском деле искусства». В результате иноземец получил абшид (документ об увольнении), положенное жалование и отпуск в отечество².

Местные отраслевые органы управления рассматривали жалобы иностранных специалистов по различным поводам. Среди таковых встречались претензии на нарушения контрактов, несвоевременную или неполную выплату жалования. Так, в середине 1720-х — начале 1730-х гг. в Сибирский обербергамт поступило большое количество требований и жалоб от известного вздорным характером бергмейстера Иоганна Готфрида Гейденрейха (касающихся его нежелания ехать в Нерчинск для осмотра руд, невыплаты «бергмейстерских акциденций», требования в повышении чина и т. п.). Впрочем, иноземец неоднократно обращался с претензиями и в Берг-коллегию³. На уровне Сибирского обербергамта отдавались текущие распоряжения относительно отправления иноземца (при необходимости — с применением силы) на Нерчинские рудники, о выплате жалования. В то же время, повышение чина и разрешение на отъезд из России (а также отказ в выплате акциденций) иностранец получил только после обсуждения данных вопросов членами Берг-коллегии⁴.

Сибирский обербергамт рассматривал спорные финансовые вопросы, а также создавал прецеденты некоторых привилегий иноземцев. Например, в одном из протоколов 1725 г. разбирался вопрос о выдаче жалования мастерам за так называемые прогульные дни, когда выполнять работы оказывалось невозможным в силу объективных причин, таких как недостаток воды в плотине. Местным работникам (не-иноземцам) не полагалось оплачивать дни простоя, а если кому-то уже было выплачено за них жалование, следовало в дальнейшем удерживать эти суммы. Однако специалистов-иностранцев это правило не касалось. Сибирский обербергамт предписывал выдавать им жалование за дни простоя так же, как и за рабочее время⁵.

Структуры уральского горного управления служили связующим звеном между заводскими конторами и Берг-коллегией. Интересен случай, когда саксонский лозоходец Иоганн Рылке в 1748 г. некоторое

¹ См., напр.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1. Кн. 193. Л. 179–180.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 193. Л. 149.

³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 33. Л. 92–92об., 132–133; Д. 193. Л. 137.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 33. Л. 80об., 133; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 80–82об.; Д. 180. Л. 10–10об., 79–83об.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 80об.

время отсутствовал на месте службы (на Полевском заводе) по причине болезни. Согласно контрактам, у иноземцев, как и у русских мастеров, с каждого рубля из жалования вычиталось по 1 копейке «на госпиталь». Поэтому, когда заводской конторе стало известно о болезни саксонца, Рылке было выплачено в полном размере все жалование за то время, что он не появлялся на службе. Однако впоследствии оказалось, что под видом болезни мастер отсутствовал на заводе почти в два раза дольше, чем реально находился на лечении, что подтвердил штаб-лекарь Екатеринбургского госпиталя. Этот прецедент послужил поводом для подачи Канцелярией Главного заводов правления предложения в Берг-коллегию о том, чтобы иноземцам в случае болезни выдавалось только половинное жалование, «чтобы не могли они пронырством своим отбывать от работы»⁶. Таким образом, иностранцы могли лишиться некоторых преимуществ своего статуса.

Помимо прочего, роль местных отраслевых органов управления заключалась в формировании и развитии как производственных объектов, так и социальной инфраструктуры горных заводов. Это касалось, например, медицинской службы — создания аптеки в Екатеринбурге, аптекарского огорода, госпиталей при заводах [см. подробнее: 1, с. 7–18; 2]. Данный процесс подразумевал формирование профессиональной команды медиков (лекарей, аптекарей, провизоров). Ключевые позиции в ней занимали иноземцы, причем между некоторыми из них контакты завязывались еще до приезда в Екатеринбург, создавая основы корпоративных связей⁷.

Екатеринбург с момента основания стал центром притяжения иноземцев. Состав социальной группы иностранных специалистов постоянно изменялся количественно и качественно. При этом отраслевые органы управления горной промышленностью, сосредоточенные в Екатеринбурге, координировали деятельность всех иностранцев, работавших на казенных заводах Урала. На основе текущих управленческих решений постепенно вырабатывались принципы корпоративных привилегий, детализировался социально-правовой статус иностранных специалистов, выстраивались коммуникации иноземцев с органами власти, а за Екатеринбургом во всех этих процессах сохранялась ключевая роль административного центра.

Литература и источники

1. Копырина С. М., Черноухов А. В. Медицинская инфраструктура на казенных заводах Урала во второй трети XVIII в. // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 1 (25). С. 7–18.
2. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005.
3. Редин Д. Иностранные выходцы в Екатеринбурге: у начала социальной организации города // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 5. С. 1695–1717.

Olga K. Ermakova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ermakovaok@mail.ru

FORMATION OF A SOCIAL GROUP OF FOREIGNERS IN THE URALS: THE ADMINISTRATIVE ROLE OF EKATERINBURG (1720–1750s)

Foreign specialists have appeared in Ekaterinburg since its foundation. The sectoral governing bodies of the mining industry, which controlled the work of foreigners at all state-owned factories in the Urals, were also located here. The presentation will focus on the key administrative role of Ekaterinburg in managing the professional activities and daily life of representatives of the social group of foreigners.

Keywords: Ekaterinburg, foreign specialists, Siberian Oberbergamt, Office of the Main Board of the Siberian and Kazan plants, social and legal status

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1253. Л. 142–151об.

⁷ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 193. Л. 238.

Ершов Михаил Фёдорович

к.и.н., в.н.с., Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

E-mail: mfershov@mail.ru

АБОРИГЕНЫ, ГОРОД И СОЦИАЛЬНОЕ ТЕЛО

УДК 304

Проблема культурных контактов города и пришельца во многом связана с сознанием человеком патриархальной культуры. Нахождение в городе воспринималось им как расставание с сакральным миром. Для преодоления дискомфорта человек нуждался в компенсаторных механизмах. Одним из таких механизмов стало городское социальное тело.

Ключевые слова: абориген, город, дискомфорт, социальное тело

Исследователь А. Г. Киселев зафиксировал в беседе с информантом (М. К. Волдина) восприятие девочками из аборигенного села г. Ханты-Мансийска в 1951 г. Они, будущие учащиеся педучилища, прибыв на пристань, удивились большому количеству (по их мнению) идущих мимо людей. Одна из девочек даже предложила подругам переждать, пока люди пройдут, но ожидание было напрасным [3, с. 141–142]. Этот частный случай способен вывести на проблему пребывания человека патриархальной культуры в городе. Сведения о дискомфортном состоянии аборигенов в городе имеют длительную историю. Так, дореволюционная отечественная публицистика уделяла немалое внимание неэквивалентной торговле предпринимателей с сибирскими аборигенами и их спаиванию. При этом обычно игнорировались причины такого поведения со стороны коренных народов Севера. Фактически под пером наблюдателей они выступали в роли недееспособных жертв алчного купечества. Между тем, хаотические перемещения в непривычной среде, изрядно сдобренные алкоголем, были, по существу, профанной изнанкой священных ритуалов принадлежности к большому миру, а впоследствии — их нездоровой заменой. Пришелец в чуждом городе пытался подсознательно вырваться из массива непривычной социальной телесности, хоть как-то обособиться [4].

Но получалось это далеко не всегда. В мировоззрении рыбаков и охотников не было места пустоте, отчуждению, абсолютной автономии. Мыслимый вход в чуждый город обязательно должен был стать перемещением «куда-то», пусть и без конкретного адреса. Ритуал опьянения на определенное время возвращал гостя из социального окружения русских в привычный природно-космический мир. Данный культурный эрзац или его рудименты сохранялись очень долго, вплоть до сегодняшнего дня. Иное положение складывалось для жителей города. Здесь репрессивные и дисциплинирующие практики соединяли людей и в тоже время дифференцировали, создавали обстановку конкуренции.

Существование дискомфорта стимулировало к поиску психических, демпферных и компенсаторных механизмов. В критической ситуации индивид остро нуждался в возможной защите и взятии ответственности от некоего запредельного мира. По мнению американского психолога Дж. Джейнса, человеческая цивилизация расширяет размеры сообществ сверх привычных пределов непосредственной коммуникации. И когда коллектив перерастает размеры кочующей орды, коммуникация становится опосредованной. Коллективные действия следует прогнозировать, кодировать в речевых сигналах, а сигналы запоминать. Так возникает язык. Эта несложная схема плоттогенеза приводит Дж. Джейнса (книга «Происхождение сознания из бикамерального ума», 1982 г.) к весьма нетривиальной гипотезе: у человека без рефлексии припоминание происходит в форме звуковой галлюцинации, приказа свыше [8, с. 230–233].

Отвлекаясь от этих концептуальных положений, заметим, что усложнение коммуникации действительно нуждалось в неких компенсаторных механизмах. Потеря реального телесного и визуального контакта для человека с неразвитыми рефлексией и индивидуальным сознанием оборачивалась подсознательной тягой к иллюзорному восстановлению уже утраченного единства. У героев Гомера это якобы слышимые ими приказания богов. Польский ученый М. Оссовская выделяет ряд качеств ведущих

персонажей «Илиады» и «Одиссеи». Их отличают знатное происхождение, сила, телесная красота, отвага, честь, учтивость и щедрость [6, с. 40–43]. Эти характерные черты свидетельствуют о начале проявления индивидуальности и одновременно раскрывают приверженность неким, по преимуществу телесным, образцам.

Как свидетельствует С. К. Патканов, в былинные времена «характерным признаком красоты у остяков считалась белизна и прозрачность тела. О красивых людях в сказаниях и сказках говорится, что у них “сквозь кости виден мозг и сквозь мозг видны кости”». Иные богатыри, напротив, отличались плотностью и непрозрачностью тел, которые состояли «как бы из сплошной массы серебра и золота» [7, с. 47]. Дискуссии о возможных этнических различиях этих богатырей не отменяют их знакового мифического единства. Во всех случаях внешность богатырей нарочито символична. Это демонстративное свидетельство их принадлежности к сакральному миру. В знаменитой «Былине о богатырях города Эмдера» к одному из персонажей прилетает филин, который словесно требует отправляться в поход за знатной невестой [1, с. 214–215].

Видимо, демонстративное агрессивное поведение богатырских сообществ выступило способом временной регенерации всеобъемлющей телесности в протогородах, но не для всех, а лишь для избранных, для людей, обладающих сверхъестественными свойствами. Обычный человек, оказавшийся в стрессовой городской ситуации, стремился к некоему демпферу, чтобы войти в сферу искомого контакта. Ему требовались те каналы связи, которые он мог воспринимать: видеть, слышать, обонять, осязать. Запрос на ощущения удовлетворялся либо обращением к реальности, либо — к иллюзорному миру. Данная общественная потребность привела к тому, что со временем города вырастали из богатырских одежд. Их потенция обращалась вовнутрь и генерировала собственное социальное тело, о котором много говорится в гуманитарных исследованиях [2].

Соотнесение города и тела отнюдь не случайно. Б. В. Марков акцентирует внимание на том, что город не сводится к архитектуре и не прочитывается до конца как система знаков или овеществленная форма духа. Город предстает как территория, «пространство, которое организует, упорядочивает и в каком-то смысле формирует индивидуальное и общественное тело. Поэтому зарождение и история города неотделимы от истории тела. Ведь тело — это не организм, а такое же порождение цивилизации, как и все то, что создано человеком» [5, с. 174]. Социокультурная эволюция городов в конечном итоге сводилась к эмансипации от прежней сакральной космической телесности и включению в социальную телесность конкретного городского центра.

Появление в современных этнологических исследованиях таких устойчивых дефиниций, как «городские ханты» или «городские ненцы», свидетельствует о завершении непростых процессов адаптации малочисленных коренных народов Севера к ранее непривычным городским реалиям. Ныне в городах сосуществуют и взаимодействуют активные личности, творимая ими социальная телесность и очеловеченное пространство. Мифические контакты с представителями сакрального мира с успехом заменены воспитанием, деятельностью СМИ, цифровыми технологиями и PR-компаниями.

... В 1951 г. юные абитуриентки смогли преодолеть свой первичный шок и добраться до здания местного педучилища. Их ожидали проживание в студенческом общежитии, годы напряженной учебы и общения с самыми разнообразными людьми.

Литература и источники

1. Былина про богатырей города Эмдера // Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001. С. 213–221.
2. Власова Е. В. Социальное тело // Вестник УрО РАН. 2007. № 4 (22). С. 165–172.
3. Воспоминания М. К. Вагатовой (Волдиной) // Ровесницы Ханты-Мансийского округа. Воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска. Ханты-Мансийск, 2020. С. 80–226.

4. Ершов М. Ф. Телесные образы очеловеченного пространства у коренных народов Югры // Вестник Нижневартговского государственного университета. 2023. № 1 (61). С. 68–75.
5. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры СПб., 1994.
6. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
7. Патканов С. К. Сочинения: в 5 т. Тюмень, 2003. Т. 5: Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия.
8. Шкуратов В. А. Историческая психология. М., 1997.

Mikhail F. Ershov

Candidate of Historical Sciences, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
(Russia, Khanty-Mansiysk)
E-mail: mfershov@mail.ru

ABORIGINAL PEOPLE, THE CITY AND THE SOCIAL BODY

The problem of cultural contacts between the city and the newcomer is largely connected with the consciousness of a person of patriarchal culture. Being in the city was perceived by him as parting with the sacred world. To overcome discomfort, a person needed compensatory mechanisms. One of these mechanisms was the urban social body.

Keywords: native, city, discomfort, social body

Заболотных Елизавета Александровна

н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: elizaveta.zabolotnykh@urfu.ru

Главацкая Елена Михайловна

д.и.н., профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

**ФЕНОМЕН БЕЗБРАЧИЯ В ГОРОДАХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1897 г.)**

УДК 94(470.5)''1897'':314.5

В докладе проанализирован брачный статус городского населения Пермской губернии на материалах Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Установлено, что около 42 % горожанок в возрасте от 17 до 49 лет в браке не состояли. При этом численность мужского населения, в том числе неженатых, превышала женское. Это могло свидетельствовать о начале модернизации семейно-брачных отношений.

Ключевые слова: брачный статус, безбрачие, перепись населения, историческая демография, городское население, Урал

Исследование динамики соотношения полов населения Пермской губернии конца XIX — начала XX в., проведенное на материалах учета населения, показало, что при рождении соотношение полов было близко к биологической норме — 105 мальчиков на 100 девочек и стремительно падало в течение первых месяцев жизни вследствие высокой младенческой смертности, сильнее поражавшей мальчиков в силу их меньшей биологической защищенности. Численное преимущество девочек снижалось по мере их взросления, однако миграции, всеобщая воинская повинность и высокая производственная смертность молодых мужчин создавали дефицит женихов на брачном рынке, ставя молодых женщин, особенно горожанок, в невыгодное положение [1]. Работа посвящена анализу феномена женского одиночества в городах Пермской губернии на материалах переписи населения 1897 г.¹ Группа выборки включила женщин от 17 до 49 лет².

Согласно данным переписи, в некоторых городах Пермской губернии почти половина (до 48 %) женщин детородного возраста (17–49 лет) не состояла в браке: или не вышли замуж, или овдовели³. Екатеринбург и Пермь, самые крупные города губернии, находились в шестерке лидеров по количеству не состоявших в браке женщин (46 и 42 % соответственно). В Ирбите также было зафиксировано 46 %, что, скорее всего, было связано с проведением переписи в дни ярмарки, на которую съезжались женщины ради сезонного заработка в качестве прислуги и пр. (см. табл. 1). Более 40 % незамужних женщин было зарегистрировано в Соликамске, Чердыни и Верхотурье, что могло быть вызвано потребностью этих старинных городов в прислуге и наличием крупных женских монастырей в сочетании с небольшой численностью населения.

Таблица 1

Брачный статус горожанок Пермской губернии в возрасте 17–49 лет

Города	все женщины	девицы	%	вдовы	%	все незамужние, %
Соликамск	985	381	39	92	9	48
Екатеринбург	11 669	3 996	34	1 425	12	46

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. СПб., 1904. Т. 31.

² Для анализа не использовались данные о девушках 15–16 лет. Большинство из них проживало в домах родителей и на 1897 г. во всей Пермской губернии только 59 таких девушек состояли в браке. После 50 лет женщины могли выйти замуж, но процент таких браков был очень низким и заключались они не для продолжения рода, а скорее в силу экономической и социально-бытовой целесообразности. Также в выборке не учитывались не указавшие свое семейное положение.

³ Доля разведенных женщин не превышала 0,19 % [2, с. 112].

Продолжение таблицы 1

Города	все женщины	девицы	%	вдовы	%	все незамужние, %
Ирбит	3 895	1 415	36	376	10	46
Чердынь	862	313	36	75	9	45
Пермь	11 908	3 719	31	1 289	11	42
Верхотурье	727	223	31	69	9	40
Шадринск	2 978	807	27	351	12	39
Камышлов	1 882	512	27	202	11	38
Оханск	451	121	27	46	10	37
Красноуфимск	1 351	349	26	142	11	36
Оса	1 135	285	25	100	9	34
Кунгур	3 404	826	24	266	8	32
Дедюхин	694	144	21	53	8	28
Всего	41 941	13 091	31	4 486	11	42

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. СПб., 1904. Т. 31.

Доля не состоявших в браке женщин в городах Пермской губернии была выше, чем в селах. При этом количество холостых и вдовых мужчин было также значительным (см. табл. 2).

Таблица 2

Не состоявшие в браке жители Пермской губернии, %

Тип населения	Женщины, 17–49 лет	Мужчины, 17–59 лет
Горожане	41,2	36,8
Селяне	23,3	23,5

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения...

Более того, соотношение полов в населении городов складывалось в пользу мужчин, особенно в возрастной группе от 20 до 39 лет (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение полов в городах и селах Пермской губернии в 1897 г.

Возрастная группа	Число мужчин на 100 женщин	
	город	село
17–19	112,5	93,5
20–29	127,8	82,6
30–39	124,7	92,9
40–49	115,5	94,3
50–59	91,4	90,5

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения...

Тем не менее, согласно расчетам, проведенным по данным переписи 1897 г., при объективном «излишке» мужчин, в том числе свободных, средний уровень окончательного безбрачия екатеринбурженок в возрастных группах, активно вступающих в брак (20–39 лет), составил 29,7 % [3, с. 113]. Более 40 % девушек и рано овдовевших молодых женщин Екатеринбурга оставались одинокими. Существовавшее жесткое законодательство обрекало их на подавление сексуальности, отсутствие законного супруга лишало женщину права иметь детей, что приводило к появлению младенцев, рожденных вне брака. По данным статистики, внебрачная рождаемость в городах Пермской губернии в начале XX в. в среднем составляла 9 % [4], а на следующий после проведения переписи год достигла 12 %.

В результате проведенного пилотного исследования было обнаружено, что, несмотря на объективный «излишек» мужчин в городах Пермской губернии значительное число горожанок детородного возраста не состояло в браке (более 41 % в городах и 23 % в селах). Мужчины, попав в город, также часто не спешили создавать семьи, что могло быть связано с началом модернизации в области семейно-брачных отношений.

Литература и источники

1. Glavatskaya E., Zabolotnykh E., Bobitsky A., Bakharev D. From Birth to Marriage: Sex Ratios in the Late Imperial and Early Soviet Urals // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10. № 5. P. 1770–1787.
2. Кончаковская Н. Б. Брачность в уездных городах Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2023. № 1 (45). С. 106–130.
3. Главацкая Е. М., Бобицкий А. В., Заболотных Е. А., Вишневская А. В. Брачность в Екатеринбурге начала XX в.: квантитативный анализ // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 104–121.
4. Главацкая Е. М., Заболотных Е. А. Внебрачная рождаемость на Урале в конце XIX — начале XX в. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 24. № 4. С. 89–109.

Elizaveta A. Zabolotnykh

Institute of History and Archaeology, Ural branch of RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: elizaveta.zabolotnykh@urfu.ru

Elena M. Glavatskaya

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

URBAN CELIBACY IN PERM PROVINCE (BASED ON THE 1897 POPULATION CENSUS)

The paper based on the First All-Russian population census of 1897 data and focuses on the marital status of the urban population in Perm province. The analyses shows that around 42 % of urban women aged 17 to 49 were not married. At the same time, the male population, including unmarried ones, exceeded the female population. This could indicate the beginning of the modernization of family and marriage relations.

Keywords: marital status; celibacy; population census; urban population, Ural, historical demography

Измайлов Бахтияр Искандерович

к.и.н., с.н.с., Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань)

E-mail: bahismala@inbox.ru

**«МОЖЕТ СЛЫТЬ СТОЛИЦЕЮ БОЛЬШОГО ЦАРСТВА»:
ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЛИКА КАЗАНИ В XVIII–XIX вв.**

УДК 94(470.41)''17/18''

В докладе на примере Казани показывается процесс выстраивания диалога центральной и местной властей с инородческим населением империи. Появление органа городского самоуправления — Казанской татарской ратуши — стало важным фактором приобщения татарского населения Казани к общеимперской системе через распространение городской модели управления и изменение образа жизни.

Ключевые слова: Казань, Татарская слобода, городское самоуправление, имперская политика

Казань издавна воспринималась современниками как место встречи Европы и Азии, средоточие восточной и западной, христианской и мусульманской культур [1]. В 1767 г. Екатерина II, находясь с визитом в Казани, в письме французскому просветителю Вольтеру воодушевленно писала о том, что она «теперь в Азии» [3, с. 26]. Для Екатерины II одним из наглядных свидетельств принадлежности Казани к Азии был пестрый этнический состав населения города, в котором, по ее словам, «находится двадцать различных народов, не имеющих между собой ни малейшего сходства» [3, с. 26]. Казань действительно была центром региона с полиэтничным и поликонфессиональным населением и давними традициями государственности. Неслучайно в другом «казанском» письме, к графу Н. И. Панину, императрица называла Казань городом, «который всячески может слыть столицею большого царства» [4, с. 24].

Однако формирование Казани как крупного многонационального и поликонфессионального города произошло не одновременно. После покорения Иваном Грозным Казани в 1552 г. на землях бывшего Казанского ханства Российское государство искало, зачастую путем проб и ошибок, наиболее оптимальные механизмы управления окраинами и принципы взаимоотношений с местными народами. Царское правительство осознавало важность наведения мостов между новой властью и инородческим населением. Отсюда и строгие наказания Ивана Грозного середины XVI в. воеводам и архиепископу, требовавшие не притеснять местное нерусское население. Первые неосторожные попытки административно-правовой унификации и религиозной ассимиляции народов края наталкивались на упорное сопротивление, выражавшееся как в форме скрытого недовольства, так и открытых вооруженных выступлений.

Особый интерес представляет история Татарской слободы г. Казани, которая демонстрирует сложность и драматичность выстраивания диалога мусульманской общины с центральной и местной властями. В XVII — первой половине XVIII в. казанские власти неоднократно предпринимали попытки вытеснить татарское население за черту города, используя в качестве рычагов воздействия экономические и социальные меры. Провал политики радикального решения «татарского вопроса» привел к тому, что в поиске оптимального режима интеграции региона в общеимперский «организм» самодержавие пошло по пути организации взаимодействия с местными элитами.

Смена политического курса в отношении татар произошла в период правления Екатерины II, когда, кроме принятия важнейших законодательных актов последней четверти XVIII в., в 1781 г. в Казани был учрежден представительный орган самоуправления татарского общества — Казанская татарская ратуша. Ее появление стало важным фактором приобщения татар к общеимперской системе через распространение городской модели управления и изменение образа жизни. Магистраты и ратуши были широко распространены по всей России, но Казанская татарская ратуша имела ряд особенностей, характерных для данной периферии.

В ведение Казанской татарской ратуши входило население Старой и Новой татарских слобод — своеобразного мусульманского пригорода Казани. Казанская татарская ратуша стала тем полем, или,

пользуясь предложенным А. И. Миллером выражением, «тканью», на которой происходило взаимодействие имперской власти и местной элиты в лице представителей татарской общины г. Казани [2, с. 7]. Неслучайно и то, что Казанская татарская ратуша была открыта именно для жителей Татарских слобод. Татарское население г. Казани со второй половины XVIII в. стало восприниматься как главная опора российской власти в регионе, способное оказать влияние на все мусульманское население.

Изучение взаимодействия российской власти и татарской общины г. Казани на примере Казанской татарской ратуши позволяет представить и те ключевые вопросы, которые наиболее остро волновали обоих участников этого «диалога властей». Если для татар это была возможность достижения сословно-статусных привилегий, то для российской власти Казанская татарская ратуша была своего рода средством приобщения нерусского населения к имперской политической культуре. Не последнюю роль в этом играл общеимперский церемониал, приобщавший татарское население к общеимперским ценностям и традициям. Например, в 1783 г. по случаю рождения дочери Павла I великой княжны Александры в Казанскую татарскую ратушу поступил указ о принесении «молебного благодарения». Указ был прочтен в мечетях Казани перед многолюдным собранием жителей Старой и Новой татарских слобод. Не менее важной была присяга, которая, как свидетельствуют источники, приносилась в «большой соборной мечети»¹. Присяга зачитывалась на татарском языке с клятвой и целованием Корана. Текст ее был идентичным как для христиан, так и для мусульман с той лишь разницей, что в первом случае она давалась на Коране, а во втором — на Евангелии.

Функционирование Казанской татарской ратуши привело к появлению в стандартном для большинства сословных органов самоуправления круге вопросов специфического направления деятельности — организации и проведения выборов заседателей (*казыев*) в Оренбургское магометанское духовное собрание. Это также доказывает, что Казанской татарской ратуше российской властью отводилась важная роль. Открытие в 1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания многие исследователи определяют в качестве ключевого этапа в истории государственно-исламских отношений в Российской империи. Если муфтий назначался указом императора, а впоследствии по представлению министра внутренних дел, то заседатели выбирались татарским населением Казанской губернии. Организация и проведение выборов были возложены на татарскую общину Казани. Большинство исследователей по истории ислама, объясняя ограничение выборов заседателей рамками Казанской губернии, сходятся во мнении, что государство учло лояльность местного населения по отношению к российской власти. В то же время этот шаг свидетельствует и о желании российского правительства переложить некоторые свои функции на плечи самих татар, предоставив им тем самым самостоятельность в решении некоторых вопросов. Несложно заметить, что это явно выводило Казанскую татарскую ратушу за рамки только города Казани и придавало ей статус представительного органа всего татарского населения Казанской губернии.

Казанская татарская ратуша выступала не только посредником в отношениях между татарским обществом и российской властью, но являлась пропагандирующей и направляющей инстанцией. Благодаря ее деятельности населению Татарских слобод прививалось новое мировоззрение об их полноправном статусе подданных Российской империи.

Создание Казанской ратуши стало важной вехой в жизни татарского народа и являлось одним из первых мероприятий правительства самодержавной России по привлечению верхушки татарского общества на сторону верховной власти. Впервые со времени Казанского ханства татары получили возможность на законных основаниях регулировать свои экономические и правовые отношения с российскими властями. Благодаря деятельности Казанской татарской ратуши к середине XIX в. у более чем половины представителей татарских купеческих семейств имелся опыт административной работы в разных должностях и исполнения различных обязанностей.

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 22. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

Литература и источники

1. Горизонтов Л. Е. Казань и Казанская губерния на ментальных картах Российской империи XIX — начала XX веков // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт: материалы Международной научной конференции. М., 2007. С. 27–38.
2. Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
3. Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. М., 1803.
4. Письма и записки Императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину. М., 1863.

Bakhtiyar I. Izmailov Candidate of Historical Sciences, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
(Russia, Kazan)

E-mail: bahismala@inbox.ru

**“IT CAN BE SAID TO BE THE CAPITAL OF A BIG TSARDOM”:
FORMATION OF THE MULTINATIONAL IMAGE OF KAZAN
IN THE 18th — 19th CENTURIES**

The report, using the example of Kazan, shows the process of building a dialogue between the central and local authorities and the empire’s non-Russian population. The emergence of the city self-government body — Kazan Tatar Town Hall — became an important factor in introducing the Tatar population of Kazan to the general imperial system through the spread of the urban management model and changing the way of life.

Keywords: Kazan, Tatar Sloboda, city self-government, imperial policy

Каменских Михаил Сергеевич

к.и.н., с.н.с., Институт гуманитарных исследований УрО РАН — филиал Пермского ФИЦ УрО РАН
(г. Пермь)

E-mail: mkamenskih27@gmail.ru

УРАЛ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ 1920–1930-х гг.

УДК 94(470.5)“1920/1930”:314.15

Доклад посвящен оценке роли Урала в национальной политике России первых десяти лет советской власти. В этот период на Урале был создан крупный регион — Уральская область. Он считался «русским», однако приграничное положение с национальными республиками, наличие мест компактного проживания отдельных народов актуализировали необходимости реализации национальной политики.

Ключевые слова: национальная политика, Уральская область, национальные меньшинства

В политической конфигурации нового советского государства Урал как регион играл очень важную роль. Численность рабочих исторически здесь была достаточно высока относительно общей доли населения, в связи с чем большевики пользовались здесь поддержкой. Известно, что в случае поражения революции в столицах в период Гражданской войны большевики готовы были перенести столицу в Екатеринбург. Как регион лояльный советской власти Урал стал своего рода плацдармом для многих социальных экспериментов, реализованных позже на территории всей страны. Это демонстрирует и пример национальной политики.

Административно-территориальное устройство Урала было оформлено после принятия постановления ВЦИК от 3 ноября 1923 года «О введении в жизнь положения об Уральской области». Это был первый крупный регион, созданный в СССР. Область включала в себя 15 округов с общим населением 6,8 млн человек¹, объединив территории пяти бывших губерний (Пермской, Оренбургской, Тобольской, Уфимской и Вятской). Создавая такой огромный регион, власти имели цель «построить мощный хозяйственный комбинат, в котором промышленность опирается на сельское хозяйство, а сельское хозяйство располагает емким внутренним рынком уральской промышленности».

Уральская область была «русским» регионом, находившимся в окружении целого ряда республик, с каждой из которых выстраивалась сложная система взаимодействия. На это прямо указывал председатель Уралоблисполкома Д. Е. Сулимова во вступлении к изданию «Урал после районирования» 1926 г.: «Тем более актуальным становится вопрос об окончательном закреплении внешних границ Уральской области. Границы Уральской области могут считаться установленными лишь с большими оговорками. Требуется срочного урегулирования внешняя граница с Казакстаном и Башреспубликой. Национальный принцип, на основе которого организованы Казакстан и Башреспублика, отрицательно отразился на цельности и правильности экономической границы Уральской области с этими соседями. Совершенно экономически необоснованными являются претензии автономной Вотской области... В местах экономического тяготения к Уралу фактически образуется двойная подведомственность: по линии общегосударственно-административной — башцентрам, по линии хозяйственной — уральским центрам. Создается весьма тяжелое положение, которое очень невыгодно отражается на работе всего аппарата... Агряшский кантон вклинивается в центральную часть Урала, этим пограничным спором затрагиваются интересы 25 000 русского безземельного и малоземельного крестьянского населения» [6, с. 8–10].

Распространенным и весьма аргументированным в историографии является тезис о преимуществах и уступках в рамках национальной политики так называемым национальным территориям — административно-территориальным единицам, сформированным по этническому признаку. Историк Т. Мартин применительно к советскому режиму в 2001 г. сформулировал ставшее классическим понятие «империи

¹ Постановление ВЦИК от 3 ноября 1923 года «О введении в действие Положения об Уральской области» // КонсультантПлюс. URL.: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17300#0550592639252756> (дата обращения: 30.08.2019).

положительной деятельности» (*The affirmative nation Empire*) [5]. Суть этой модели в том, что центральные власти вкладывали значительные средства в поддержку культуры и экономики национальных окраин в ущерб центральным регионам с преимущественно русским населением. Опыт разрешения территориальных споров вокруг Уральской области показывает, что решения часто принимались не в пользу «национальных территорий». Архивные источники свидетельствуют, что национальная политика реализовывалась не по принципу приоритета нерусских народов, а с учетом текущих политических задач, часто даже просто спонтанно [3; 4, с. 101–120]. Советскую политику как вынужденную политику компромиссов описала в своей монографии американская исследовательница Ф. Хирш. По ее мнению, большевики поддерживали местный национализм (*state sponsored nationalism*) для того, чтобы сохранить и централизовать власть [1, с. 5, 10–11]. Дж. М. Истер в книге «Советское государственное строительство» доказывает, что «неформальное сотрудничество и внутрисоветские конфликты были нормой, а не исключением в отношениях между центром и регионами» [2, с. 41].

В рамках данного доклада хочется остановиться на системе управления национальной политикой на Урале в период с 1923 по 1934 гг.

Для реализации национальной политики на уровне области 15 декабря 1923 г. был образован Уральский Областной Совет национальных меньшинств, штат которого был утвержден в количестве трех (после — пяти человек) и одного технического работника. Кроме того, при облисполкоме была учреждена должность уполномоченного по работе среди национальных меньшинств. Первым эту должность занял член президиума облисполкома А. И. Плешков. Было разработано Положение об уполномоченном нацмен². Согласно этому документу, в каждом округе должны были открыться окружные отделы по работе с национальными меньшинствами с подчинением отделу при облисполкоме в г. Свердловске³. Уполномоченные (или инспектора) нацмен работали в 11 из 15 созданных округов⁴. Естественно, что эти инспектора в силу пространности территорий Уральской области не в состоянии были обслужить всю массу учреждений, работавших по линии взаимодействия с локальными этническими сообществами. Работа инспекторов носила инспекционный характер и проводилась точно в зависимости от текущей ситуации. В Пермском округе, например, этой работой занимался на общественных началах бывший уполномоченный губернского отдела народного образования Кадыров, который в то время занимал должность заведующего татаро-башкирского детского дома [3, с. 110–111]. После 1925 г. решением облисполкома была проведена реорганизация всех бюро при окружках и райкомах РКП(б), областное бюро было ликвидировано, при парткомах разрешалось иметь только штатного инструктора⁵.

На областном уровне национальный вопрос в 1920-е гг. поднимался дважды. Впервые это случилось на пленуме Уралобкома в июне 1925 г., где был заслушан доклад «О повседневной партийной работе среди нацмен», в котором, в частности, отмечалось, что «до сих пор нет достаточного изучения условий быта, культуры, хозяйственного, экономического и социального устройства» национальностей, что объявлялось «серьезным препятствием» в удовлетворении их культурных и экономических потребностей⁶.

После создания управленческой сети в виде уполномоченных нацмен в округах и курирующего их отдела в структуре облисполкома власти вернулись к вопросу о регулировании национальной политики в 1927 г., когда в рамках подготовки «Всероссийского совещания нацмен» в Свердловске было организовано Первое областное совещание работников нацмен⁷. Оно состоялось 17 декабря 1927 г. и было приурочено к десятилетию советской власти. Участие в нем приняли работники райисполкомов

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 185.

³ Районирование Урала / Урал. обл. ком. Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Свердловск, 1924. С. 8.

⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 299.

⁵ Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 233. Л. 8.

⁶ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 8.

⁷ Президиум ВЦИК циркулярной радиограммой от 24 февраля 1927 г. предложил всем краевым областным и губернским исполкомам использовать предстоящие съезды советов для организации местных совещаний среди национальных меньшинств. См.: ГАСО Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 138.

и сельсоветов, где компактно проживали представители разных национальностей. Целью совещания объявлялось «подведение общих итогов советской работы среди национальных меньшинств за последние годы, а также коллективная проработка практических мероприятий по отдельным отраслям хозяйственного и культурного строительства на ближайший период времени»⁸. На заседании были заслушаны доклады «Советское строительство среди национальных меньшинств на Урале» (от Челябинского и Троицкого округов), «О проведении революционной законности и судеустройства среди национальных меньшинств области», «О стоянии и задачах просвещения», «О кооперативном строительстве среди нацмен», «О состоянии и перспективах развития сельского хозяйства в национальных районах». В прениях прозвучало 53 выступления, из них 40 — от работников с мест⁹.

После совещания 1927 г. обсуждение национального вопроса в деловой повестке советских органов встречается все реже. К концу 1920-х гг. национальная политика практически перестает обсуждаться, за исключением вопросов, связанных с языковой политикой и районированием.

Очевидно, национальная политика РСФСР реализовывалась не только в рамках «национальных» территорий, но и в регионах с преимущественно русским населением, каким была Уральская область. Часто эта политика выстраивалась на основе самых разных соображений, влияние на принятие решений оказывали разные факторы. Но именно решения и события 1920–1930-х гг. заложили основу административно-территориального устройства страны, сформировали этнокультурный облик регионов таким, каким он остается и по сей день.

Литература и источники

1. Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca; London, 2005.
2. Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.
3. Каменских М. С. Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб., 2019.
4. Каменских М. С. Факторы этничности при территориальном размежевании Уральской области и Башкирской Республики в 1920-е годы // *Вестник Пермского университета*. 2022. № 3 (58). С. 48–57.
5. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
6. Урал после районирования. Свердловск, 1926.

Mikhail S. Kamenskikh

Candidate of Historical Sciences, Institute of Humanitarian Studies
Ural Branch of the RAS (Russia, Perm)
E-mail: mkamenskikh27@gmail.com

THE URALS IN RUSSIA'S NATIONAL POLICY IN THE 1920S–1930S

The paper is devoted to assessing the role of the Urals in the national policy of Russia in the first ten years of Soviet power. During this period, a large region was created in the Urals - the Ural region. The region was considered “Russian”, however, the border position with the national republics, the presence of places of compact residence of individual peoples actualized the need for the implementation of national policy.

Keywords: national policy, Ural region, national minorities

⁸ Резолюции 1-го областного совещания работников среди национальных меньшинств Урала 17–20 декабря 1927 года. Свердловск, 1928. С. 1.

⁹ Там же. С. 3–11.

Каравасва Дина Николаевна

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

E-mail: dina.karavaeva@bk.ru

**СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
(НА МАТЕРИАЛАХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ)¹**

УДК 394, 94, 930.2

Работа посвящена презентации результатов исследования региональной идентичности Северной Англии в отношении стереотипизации региональных образов. Стереотипы, несмотря на свою условную природу, обладают серьезным потенциалом и могут быть важной частью самосознания. Несмотря на множественность толкований «Севера», у региона есть общие представления, позволяющие чувствовать себя отличными, в том числе посредством актуализации и использования стереотипов. Образы, символы и структуры конца XVIII — начала XIX в. являются весомой частью региональной идентичности.

Ключевые слова: Северная Англия, региональная идентичность, стереотипизация, постиндустриальный, индустриальный, Манчестер, Ливерпуль

Образ региона, стереотипы, идентичность и региональное развитие — взаимосвязанные понятия. Северная Англия, так называемая индустриальная вотчина Великобритании, разнообразнейшая в социокультурном и административном отношении территория, во многом имеющая ряд сходств в развитии с территорией Урала, представляет собой симптоматичный феномен.

В XVII и XIX вв. Север Англии превратился в экономически развитый регион, флагман индустриализма в Великобритании. В XX в. регион и его крупнейшие города — Манчестер, Ливерпуль, Лидс, Йорк и др. — стали свидетелями упадка, а также изменения своих прежних ролей. Во времена правления М. Тэтчер в 1980-е гг. большая часть производства была приватизирована, на фоне окончания холодной войны и конкуренции со стороны Юго-Восточной Азии экономика региона сильно пострадала. Исследователи констатируют глубокий социокультурный кризис и трансформацию в 1990–2010-е гг. [13, р. 5–6].

Исторически идентичность северян и образ Севера за его пределами развивались вокруг различных интерпретаций географии, поведения и ментальности. Генеалогия стереотипизации Севера нуждается в отдельном исследовании, однако очевидно, что внешние и внутренние представления о регионе — исторический феномен с давней историей. Как считает Н. Джюэл, образ Севера конструировался из центра с XII в.: Еще Уильям Малмесберийский, описывая современное ему княжество Нортумбрия, использовал уничижительные эпитеты, отмечая преобладание «дегенеративных повадок», называя северян «свирепой, мятежной расой» [6, р. 37–38, 58]. Появление литературы в жанре путешествий XVI в. (Д. Дефо, в частности) закрепило в широком общественном дискурсе образ Севера как земли примитивной и унылой, с суровым климатом и хитрыми людьми [2, р. 24].

Экономический подъем и индустриализация на Севере усилили и распространили прежние образы. Репортажи о рабочих стачках 1830-х и 1840-х гг. реанимировали старые представления о Севере как о беспокойном регионе [12, р. 7]. Эти ассоциации приобрели новое звучание с появлением нового среднего класса из коммерческих индустриальных кругов и их «мещанской» культуры. Так, в 1821 г. журнал «Blackwood's Edinburgh Magazine» акцентировал внимание на фелистинизме манчестерской элиты: «Джентльмены, чья интеллектуальная жизнь ограничивается игрой в твист, распитием портвейна и раздачей проклятий в адрес власти» [13, р. 45].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-02064 «Особенности дискурса национальной/гражданской идентичности в in-between пространствах “иммигрантских” сообществ (на материалах «британских мусульман» в современной Великобритании)» (рук. Д. Н. Каравасва).

Вместе с тем, по крайней мере с конца XVII в., многие путешественники видели Север краем упорного труда и достижений в индустриальной сфере. К началу XIX в. отношение к Северу постепенно менялось во многом благодаря писателям и художникам романтизма: северные ландшафты, особенно Озерного края, становились источником вдохновения, территорией творческой регенерации. То же самое стало характерно и для поп-культуры второй половины XX в. [10, р. 35–37].

Внутренние трения региона, например, между территориями, стремившимися к лидерству, например, Йоркширом и Ланкаширом, также сформировали специфические стереотипы [8]. Одной из наиболее выразительных локальных идентичностей обладали и обладают йоркширцы. Йоркшир позиционирует своих жителей как хранителей старых «вечных» ценностей: например, фермера Ханну Хоксвел, о которой было снято документальное кино и выпущена серия книг в 1970–1980-е гг. [2, р. 7–8]. При этом южанам йоркширцы представляются «свиными троллями», «нелепым жульем» [5, р. 220]. О ланкаширцах, в том числе в самом Ланкашире, распространено мнение как о более мягких, вежливых и добросердечных людях, не столь заикленных на финансовом благополучии, как йоркширцы [13, р. 130–136]. Ливерпуль же с его сильным кельтским наследием, интенсивной портовой жизнью представляет иной тип идентичности, основанный на кипучей деятельности, космополитизме, нонконформизме [1].

Историческое положение Манчестера как «столицы регионов» Англии провоцировало появление сложностей в отношениях с другими центрами. Манчестер — один из наиболее динамично развивавшихся и привлекавших туристов городов, знаменитый рабочим движением (образование Лиги против хлебных законов в 1839 г., Национальной организации чартистов в 1840 г. и др.), культурными достижениями (новеллы Дизраели «Сибилла», 1845; Гаскелла «Север и Юг», 1855). Манчестер к началу XX в. стал еще и культурной столицей Севера (благодаря основанию Манчестерского королевского музыкального колледжа и Манчестерского театра). С 1920-х гг. Манчестер оказался вотчиной ряда ведущих спортивных изданий [11, р. 17]. Благодаря этим структурам в Манчестере создавались лучшие условия для развития позитивной идентичности, нежели, например, в Ливерпуле, зачастую обращавшемся и до сих пор обращающемуся к общему дискурсу «славного прошлого», а не собственным региональным ценностям и символам [3, р. 5–6]. Соперничество Манчестера с другими крупными городами Севера породило внутреннюю динамику конкуренции и диалога на Севере. Дж. Белчем в этой связи напоминает, что «Манчестер всегда являлся истинно северным городом в представлениях не-северян и способствовал созданию удобного образа Севера для обитателей других регионов» [9, р. 3].

Ливерпульцы называли и называют свой город «вторым в империи» [9, р. 3–4] из-за роли крупнейшего морского порта и транзита для колоний, оспаривая, таким образом, превосходство Манчестера. Д. Рассел пишет о том, что в одной из ливерпульских газет 1964 г. говорилось и об «абсурдных и пагубных претензиях» Манчестера, способного «только на то, чтобы выдавать свое гнилое фабричное сырье за культурные ценности» [13, р. 20]. «Деиндустриализация» и ее разрушительные последствия коснулись в 1980–1990-х гг. Ливерпуля сильнее остальных. На фоне экономического упадка 1980-х гг. общественность увидела Ливерпуль «типичным примером всего того неправильного, что случилось в британских крупных городах» [9, р. 55; 7].

С Севером Англии связано большинство негативных стереотипов о сегрегации и высоком уровне миграции. Бредфорд у Лидса и Олдем в Большом Манчестере из-за массовой иммиграции 1960–1970-х гг. и последующего компактного расселения остаются в некотором смысле «иконами» мультикультурализма и его негативных последствий [4, р. 195–196].

Таким образом, стереотипы, несмотря на свою условную природу, обладали и обладают серьезным потенциалом, и могут быть важной частью самосознания. Образы, символы и структуры конца XVIII — начала XIX в. (урбанизм, основанная на индустриальном производстве экономика, культура рабочего класса, специфическое административно-территориальное деление) являются весомой частью региональной идентичности.

Литература и источники

1. Belchem J. An Accent Exceedingly Rare: Scouse and the Inflection of Class // Merseypride. Essays in Liverpool Exceptionalism. Liverpool, 2000. P. 31–67.
2. Bradford M. The Fight for Yorkshire. Beverley, 1998.
3. Briggs A. Themes in Northern History // Northern History. 1966. Vol. 1. Iss. 1. P. 1–6.
4. Bryant C. The Nations of Britain. Oxford, 2010.
5. Dellheim C. Imagining England: Victorian Views of the North // Northern History. 1980. Vol. 22. P. 216–230.
6. Jewell H. The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England. Manchester, 1994.
7. Leeson P. Goodbye Scottie Road. The Photography of Peter Leeson. L.: Bluecoat Press, 2008.
8. Mandler P. The Consciousness of Modernity? Liberalism and the English “National Character” // Meaning of Modernity. Oxford, 2001. P. 119–144.
9. Merseypride. Essays in Liverpool exceptionalism. Liverpool, 2006.
10. Moir E. The Discovery of Britain. The English Tourists, 1540–1840. London, 1964.
11. Musgrove F. The North of England. A History from Roman Times to the Present. Oxford, 1990.
12. Rawnsley S. Constructing “the North”: Space and a Sense of Place // Northern Identities. Historical Interpretations of “The North” and “Northernness”. Aldershot, 2000. P. 3–22.
13. Russell D. Looking North: Northern England and the National Imagination. Manchester, New York, 2004.

Dina N. Karavaeva

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS;
Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: dina.karavaeva@bk.ru

STEREOTYPING AND REGIONAL IDENTITY**(ON THE MATERIALS OF THE NORTHERN ENGLAND INDUSTRIAL REGIONS)**

The work is devoted to the presentation of research of the regional identity of Northern England in relation to the stereotyping of regional images. Images and structures of the late 18th till early 19th centuries are a significant part of the regional self-awareness of identity.

Keywords: Northern England, regional identity, stereotyping, post-industrial, industrial, Manchester, Liverpool

Корнилов Геннадий Егорович

д.и.н., г.н.с., заслуженный деятель науки РФ, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: genakorn@mail.ru

НАСЕЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА ЗА 300 ЛЕТ (1723–2023 гг.): ПРОЦЕСС РОСТА

УДК 94(470.5)“1723/2023”:314

В докладе представлены результаты изучения истории формирования населения Екатеринбурга за 300-летний период. Анализ сведений о численности населения показал, что на протяжении полутора столетий (с XVIII и практически до 1870-х гг.) шел процесс становления сбора демографических сведений по России и соответственно по Екатеринбургу. Показана роль начальника Екатеринбургских горных заводов, академика И. Ф. Германа, в разработке таблиц о народонаселении. С 1873 г., когда была проведена первая однодневная перепись населения города, а затем с 1887 г., статистико-демографические сведения становятся репрезентативными. Основным источником исследования формирования населения города стали переписи 1897, 1920, 1923, 1926, 1931, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010, 2021 гг., а также текущий учет населения, проводившийся органами государственной статистики.

Ключевые слова: историческая демография, историография истории населения, исторические источники, переписи населения, динамика численности Екатеринбурга

Историографическая ситуация по истории Екатеринбурга на сегодняшний день такова, что многие вопросы остаются дискуссионными. Основным вопросом остается численность населения города. В докладе предпринята попытка реконструкции численности населения Екатеринбурга в длительной протяженности его истории.

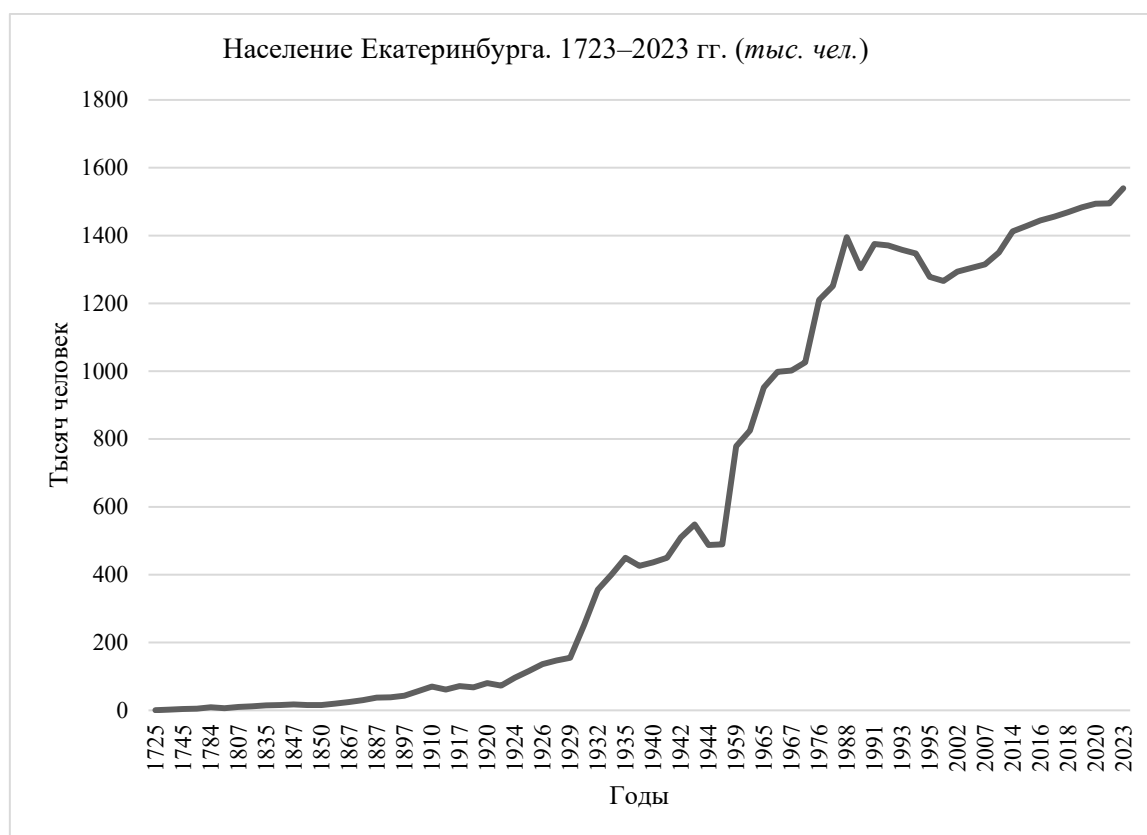
Немногочисленные сведения о населении первых 150 лет Екатеринбурга неполны и фрагментарны, дают приблизительную оценку количества жителей. Они реконструируются на основе переписей налогоплательщиков (ревизий) и выборочного текущего административного, полицейского и церковно-приходского учета. Данные этих учетов не обобщались, они отрывочны и неполны. Сведения о населении Екатеринбурга первого века его существования содержатся в описаниях путешественников С. Г. Гмелина, И. И. Лепехина, И. П. Фалька и др., а также в исследованиях современников-статистиков. Нередко за определенные годы встречается несколько альтернативных данных о количестве населения. Только методом аппроксимации возможно решение об использовании того или иного документа.

Данные о количестве жителей Екатеринбурга в начале XIX в. в научный оборот ввел начальник Екатеринбургского горного управления, академик И. Ф. Герман. Это были таблицы по казенным заводам и Монетному двору за 1802–1808 гг., состоящими под ведомством Екатеринбургского горного начальства, о бракосочетавшихся, родившихся и умерших, причинах смерти и возрасту умерших. Таблицы были представлены им в Императорскую Академию наук. По просьбе Германа данные были обработаны и описаны академиком Вольфгангом Людвигом Крафтом [1, р. 237–256]. И. Ф. Герман в Екатеринбургской типографии в 1806 г. опубликовал книгу «О составлении народных таблиц» [2], где данные по населению Екатеринбурга были впервые сформированы в таблицы. Однако сведения в них относились только к железодельному заводу, Монетному двору, горной и монетной ротах и служащих горного ведомства, что составляло по городу 5 024 человека мужского и женского пола. В них нет сведений о купцах, мещанах и разночинцах. Эти данные дополняются сведениями Н. С. Попова, опубликованными в 1801 г., где отмечено, что в Екатеринбурге купцов 380, мещан 1 291, всех жителей с мастеровыми 3 376 человек [3, § 83].

К завершению первого столетия истории Екатеринбурга данные о количестве его жителей в источниках также разнятся. Если врач Т. Успенский пишет о 10 185 жителях [4, р. 123], то в статистическом сборнике о городах и посадах Российской империи приводится цифра в 11 889 человек [5, с. 24, 25].

Современный историк Н. С. Корепанов приводит сведения о 10 011 жителях города [6, с. 217]. Таким образом, даже краткий обзор литературы и источников о населении Екатеринбурга за его первый век показывают сложную ситуацию с поиском данных и трактовкой опубликованных сведений о населении.

До проведения переписей учет населения проводился разными органами и по различной методике. Две однодневные переписи населения Екатеринбурга в 1873 г. и 1887 г., а затем всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., перепись 1920 г., городская перепись 1923 г., всеобщая перепись 1926 г., городской учет по типу переписи в Свердловске 1931 г., всесоюзные переписи 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. и в всероссийские переписи 2002, 2010, 2021 гг. являются основным источником данных о формировании городского населения и его динамике. Кроме того, производился постоянный текущий учет населения города. Если материалы переписей опубликованы, то данные текущего учета хранятся в основном в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и федеральных архивах, Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Эти источники позволяют реконструировать процесс формирования населения Екатеринбурга (см. график).

За первые 150 лет истории Екатеринбурга в условиях традиционного типа воспроизводства число его жителей увеличивалось за счет естественного прироста, но постепенно росла миграционная составляющая в источниках формирования горожан. Привлекательность города определялась его административной функцией. Хотя с 1723 г. официальное административное положение Екатеринбурга несколько раз менялось, он не терял господствующего в крае положения и неуклонно рос благодаря выгодному месторасположению — в центре горнозаводского района на самом удобном перевале через Уральский хребет из Европы в Азию. По практически единодушному мнению уральских историков, Екатеринбург был рожден как столица горнозаводского края, ею он и остался. За свой первый век Екатеринбург трижды менял административное лицо: 1) завод-центр Екатеринбургского горного ведомства, входивший в Тобольскую губернию на правах провинции; 2) город-центр области, входившей

в Пермское наместничество на правах губернии; 3) уездный город Пермской губернии с 1781 г. Во втором веке своей истории Екатеринбург имел особый статус Горного города (в 1807–1863 гг.), а затем был передан в гражданское ведомство, уравнившись в правах с другими городами Пермской губернии. За третий век Екатеринбург — центр Екатеринбургской губернии (1919–1923 гг.) и областной центр огромной Уральской области (1923–1934 гг., с 1924 г. город переименован в Свердловск). С 17 января 1934 г. существовала самостоятельная Свердловская область, в 1938 г. из нее была выделена Пермская (Молотовская) область. С мая 2000 г. Екатеринбург (переименован в 1991 г.) — административный центр Уральского федерального округа. Конечно, изменение статуса города напрямую существенно не влияло на демографическую ситуацию, но тем не менее являлась фактором притяжения населения. Особенно это проявилось в особой роли города в истории России — оживлять застоявшуюся или пострадавшую от войн экономику страны. Можно согласиться с мнением Н. С. Корепанова, что практически трижды Екатеринбург/Свердловск вытягивал отрасли экономики, которые затем выводили страну на передовые рубежи в стране и мире [6, с. 234]: 1720-е гг. — это металлургия; в 1820-е гг. — золотодобыча; 1920–1930-е гг. — машиностроение. Строительство новых промышленных предприятий, развитие транспортной инфраструктуры постоянно привлекало к себе переселенцев. Именно миграция в условиях современного типа воспроизводства являлась основным фактором и источником роста населения города. В 1967 г. население города достигло 1 млн, а в 2021 г. — 1,5 млн человек.

Выявленные сведения позволяют проследить процесс удвоения численности населения Екатеринбурга в следующих интервалах: 1745–1802 гг. (57 лет), 1802–1861 гг. (59 лет), 1862–1892 гг. (30 лет), 1893–1917 гг. (64 года), 1917–1927 гг. (10 лет), 1928–1931 гг. (3 года), 1932–1942 гг. (10 лет), 1942–1967 гг. (25 лет), с 1967 г. к 2023 г. произошел рост в 1,5 раза.

На графике видно, что в истории города в XX в. наблюдались демографические катаклизмы, когда фиксировалось абсолютное сокращение населения: в 1936–1939 гг., 1944–1945 гг., 1991–2013 гг. Кроме того, в отдельные годы наблюдались демографические кризисы, когда в городе наблюдался отрицательный естественный прирост (например, в 1932–1934 гг., 1942–1944 гг.).

На протяжении трех столетий происходил постоянный рост населения за счет расширения границ города. За каждым таким расширением следовал период быстрого освоения новых территорий и роста численности населения.

Использование данных об общей численности населения Екатеринбурга/Свердловска за столь длительный исторический период должно сопровождаться большим числом оговорок.

Литература и источники

1. Krafft W. Sûr les tables de Population des Établissements Impériaux pour les Mines de Catherinebourg, présentées à l'Académie par S. E. Mr. Hermann, Capitaine en Chef des Mines // Nova acta Academiae Scientiarum Petropolitanae. Petropoli. MDCCCXVI. Tomus XV. Petropoli MDCCCXVI (1806). P. 237–256.
2. Герман И. Ф. О составлении народных таблиц / сочинено обер-берг-гауптманом 4 го класса и кавалером, Екатеринбургских горных заводов начальником, Императорской С. Петербургской и Королевских Берлинской, Стокгольмской, Минхенской, Копенгагенской и Геттингской Академии наук и других учебных обществ членом, Иваном Германом. [Екатеринбург], 1808.
3. Попов Н. С. Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для Атласа 1800 года. Пермь, 1801.
4. Uspensky T. Medico-topographica districtus Ekaterinburgens is et urbiseius descriptio. Mosquae, 1835.
5. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб., 1829.
6. Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005.

Gennady E. Kornilov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS

(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: genakorn@mail.ru

**THE POPULATION OF EKATERINBURG FOR 300 YEARS (1723–2023):
THE PROCESS OF GROWTH**

The paper presents the results of the historical study of the population formation in Ekaterinburg over a 300-year period. Analysis of population data revealed that the process of collecting demographic information on Russia (and, accordingly, on Ekaterinburg) took a century and a half (from the 18th century until almost the 1870s). The role of the head of the Ekaterinburg mining plants, academician I. F. Herman, in the development of population tables is shown. Since 1873, when the first one-day census of the city's population was conducted, and then 1887, statistical and demographic information has become representative. The main source for examining the population formation of the city were the censuses of 1897, 1920, 1923, 1926, 1931, 1937, 1939, 1959, 1979, 1989, 2002, 2010, 2021 as well as the current population records.

Keywords: historical demography, history of the Ural, population censuses, population structure, Ekaterinburg

Кузнецов Виктор Николаевич

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: jurist-istor@mail.ru

ПАМЯТЬ ОБ И. В. КУРЧАТОВЕ НА УРАЛЕ: МУЗЕИ, ПАМЯТНИКИ, ГЕОНИМЫ

УДК 94 (470.5)

Родившийся на Урале И. В. Курчатов участвовал в создании на уральской земле первого завода атомной промышленности по производству компонентов для атомных зарядов. После завершения работ по реализации советского атомного проекта он возглавил работы по проектированию первой в стране промышленной атомной электростанции вблизи г. Свердловска. Его имя навечно вписано в историю Урала.

Ключевые слова: атомная электростанция, памятник, музей

Игорь Васильевич Курчатов трижды был избран депутатом Верховного Совета СССР от города Свердловска (ныне г. Екатеринбург) — административного центра Свердловской области. Недалеко от города находится Белоярская атомная электростанция (АЭС) — воплощение мечты И. В. Курчатова по использованию атомной энергии в мирных целях.

После создания ядерного потенциала страны, обеспечившего ее надежную обороноспособность, И. В. Курчатов всю свою научную деятельность посвятил мирному использованию возможностей атомной энергии. Он лично руководил созданием первой в мире Обнинской АЭС с водографитовым канальным реактором АМ (Атом Мирный). Этот реактор стал прототипом для более мощных реакторов АМБ (Атом Мирный Большой) — АМБ-100 и АМБ-200 на Белоярской АЭС, находящейся в г. Заречный Свердловской области.

Через несколько дней после смерти И. В. Курчатова ЦК КПСС и Совет Министров СССР присвоили его имя ряду объектов, связанных с атомной отраслью, как дань памяти легендарному ученому-атомщику. Указом от 11 февраля 1960 г. имя И. В. Курчатова было присвоено Белоярской АЭС, пуск первого энергоблока которой состоялся 26 апреля 1964 г.

Увековечить память о великом ученом на Белоярской АЭС решили в апреле 1969 г., когда готовились отметить пятилетие со дня пуска первого блока станции. Был объявлен конкурс на лучший проект памятника ученому, вложившему столько труда в создание уран-графитовых реакторов, на основе которых и была построена первая экспериментально-промышленная атомная станция, названная его именем. Победил в конкурсе проект ленинградского архитектора Рейнгольда Пашковского, который был членом Союза архитекторов.

20 апреля 1969 г. на здании главного корпуса 1-й очереди Белоярской АЭС был открыт барельеф И. В. Курчатова, в течение долгих лет служивший ее «визитной карточкой». Этот профильный рельефный портрет И. В. Курчатова на серой стене центрального корпуса станции и слова «Я счастлив тем, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке Страны Советов» каждый день видят те, кто идет по дороге на смену.

Кроме того, решением Исполнительного комитета Заречного поселкового Совета депутатов трудящихся от 19 ноября 1967 г. № 74, на основании ходатайства коллектива Белоярской АЭС, одной из улиц присвоено наименование «Проспект Курчатова» (в настоящее время — улица Курчатова) [1, с. 21]¹.

В фондах краеведческого музея городского округа «Заречный» хранятся артефакты, связанные с академиком И. В. Курчатовым: значки и настольные медали, настенные панно и плакетки, комплекты фотототкрыток, художественный портрет И. В. Курчатова (худ. Хазанов). Также здесь хранится металлический сборный настенный барельеф, который когда-то украшал зал заседаний Белоярской АЭС. Барельеф представляет собой контурное изображение И. В. Курчатова в профиль.

¹ Архивный отдел администрации ГО Заречный. Ф. 1, 6, 22.

Особой гордостью музейных работников является специальная экспозиция, в которой оформлен информационный стенд «Подвиг во имя науки» и ковер с изображением академика И. В. Курчатова. На лацкане пиджака изображен значок депутата Верховного Совета СССР. По свидетельствам работников Белоярской АЭС таких ковров было изготовлено всего шесть и такими коврами в начале 1980-х гг. награждались специалисты станции, добившиеся высоких результатов в своей трудовой деятельности.

На малой родине ученого-физика мировой величины, в г. Сим, находится мемориальная комната, в которой экспонируются личные вещи И. В. Курчатова: плащ, брюки, рубашка и письменный прибор, переданные родным братом академика, Борисом.

В г. Озерске Челябинской области рядом с музеем Производственного объединения (ПО) «Маяк» находится Дом-музей И. В. Курчатова, в котором он жил в 1951 г. Первоначально дом был построен на берегу оз. Иртяш, но позднее его было решено перенести ближе к музею предприятия.

В г. Трехгорный в экспозиции Историко-культурного центра хранится кепка И. В. Курчатова, которую передал в 1972 г. секретарь ученого Дмитрий Переверзев.

И. В. Курчатову на Урале установлено несколько памятников. В г. Снежинске Челябинской области к двадцатилетию Всероссийского научно-исследовательского института технической физики был установлен памятник, открытие которого состоялось в 20 июня 1975 г. Автором памятника стал известный скульптор из г. Касли Челябинской области, член Союза художников СССР Александр Семенович Гилев, который работал над моделью около пяти лет [1, с. 230–235]. Примечательно, что позднее по модели А. С. Гилева на государственном заводе № 1 в г. Снежинске были изготовлены две копии этого монументального скульптурного сооружения. Одна из копий памятника установлена в г. Курчатова на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне, вторая в г. Озерск Челябинской области [1, с. 233].

Еще один памятник И. В. Курчатову открыт 25 ноября 1977 г. на родине ученого в г. Симе, перед центральной проходной Симского агрегатного завода (в настоящее время — Публичное акционерное общество «Агрегат»).

В закрытом городе Челябинске-65 (ныне закрытое административно-территориальное образование «Город Озерск») памятник Игорю Васильевичу Курчатову был торжественно открыт в дни празднования тридцатилетия со дня основания предприятия, 11 июня 1978 г., в сквере у здания управления химкомбината «Маяк» [3, с. 32].

Решением Исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся от 15 марта 1973 г. № 80 в г. Челябинск-65 (40) именем И. В. Курчатова названа площадь, расположенная рядом с памятником². На установленной мемориальной доске этим же решением исполкома утверждена надпись: «Площадь носит имя трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий, академика Курчатова Игоря Васильевича»³.

На промышленной площадке ПО «Маяк», возле первого реактора — здания № 156 — на гранитном постаменте установлен бюст И. В. Курчатова, открытый 19 июня 1978 г. Он представляет собой копию верхней части скульптуры работы А. С. Гилева. У входа в здание на стене установлена мемориальная доска с текстом: «В этом здании в 1948–1949 гг. работал над созданием и пуском первой энергетической установки в СССР академик Курчатов Игорь Васильевич».

В центре г. Челябинска в 1986 г. к 250-летию областного центра Южного Урала, была установлена архитектурно-скульптурная композиция со статуей И. В. Курчатова. Общая высота памятника с постаментом составила 11 м. Материалы были доставлены из Каменогорского гранитного карьера под г. Ленинградом [2, с. 614]⁴. Вместе с памятником в Челябинске появился Курчатовский район и ул. Курчатова.

На Урале бережно хранят память о своем выдающемся земляке, а достижения Игоря Васильевича Курчатова являются предметом гордости уральцев. 12 января 2023 г. научный мир России отметил

² Муниципальный архив Озерского городского округа (МАОГО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 7. Л. 184–185.

³ Там же.

⁴ Елфимов Ю. Н. Памятники И. В. Курчатову // Камертон (Озерск). 2001. 2, 9 февр.

120-летний юбилей И. В. Курчатова. В этот день на его родине в г. Симе и в г. Челябинске состоялся целый ряд мероприятий, посвященных памяти великого ученого.

Литература и источники

1. Волков Л. П. Размышления над прошлым участника атомного проекта. М., 2019.
2. Полякова Т. А. Курчатову И. В. памятники // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2004. Т. 3.
3. Трякин П. И. Памятные места города Озерска. Озерск, 2002.

Victor N. Kuznetsov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: jurist-istor@mail.ru

MEMORY OF I. V. KURCHATOV IN THE URALS: MUSEUMS, MONUMENTS, GEONYMS

Born in the Urals, I. V. Kurchatov participated in the creation of the first plant of the nuclear industry on the Ural land for the production of components for atomic charges. After completing the work on the implementation of the Soviet nuclear project, he led the design of the country's first industrial nuclear power plant near the city of Sverdlovsk. His name is forever inscribed in the history of the Urals.

Keywords: nuclear power plant, monument, museum

Масальцева Татьяна Николаевна

к.филол.н., доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь); н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: alba@mail.ru

Н. А. СИНИЦЫН — ПЕДАГОГ И ЖУРНАЛИСТ

УДК 94(470.5)''18'':82

В докладе предлагается оценка литературно-критической деятельности постоянного сотрудника газеты «Пермские губернские ведомости» Н. А. Синицына, автора цикла критических обзоров (1896–1898 гг.). Рассмотрены особенности диалога с читателем, аргументации выбора литературных текстов для обсуждения, идейная позиция, критика.

Ключевые слова: провинциальная газета, газетная литературная критика, провинциальный журналист, педагогика

В 1890-е гг. российская провинциальная пресса развивается не менее активно, чем столичная, ежедневная газета становится ведущим типом издания, создавая привычку погружения читателя в изучение информационного поля России. Расширяется аудитория провинциальных газет, количество которых в российских губерниях стремительно возрастает. Исследователи прессы данного периода отмечают, что многие провинциальные газеты чрезвычайно эффективно взаимодействуют с аудиторией, поскольку издаются энтузиастами и профессионалами своего дела [1]. Потребность чтения новостной информации сочеталась с необходимостью саморазвития, формирования системы ценностей провинциальных читателей, следовательно, возник спрос на газету универсального содержания, оперативно предоставляющую разнообразные журналистские тексты максимально широкого спектра тем, способствующую социализации и самообразованию одновременно. Газетные публикации универсального содержания выделялись как высокой концентрацией информации, так и легкостью/доступностью изложения. Кроме того, частные газеты оказывали значительное влияние и на провинциальные губернские ведомости, особенно на редакционную политику неофициальных разделов, к 1890-м гг. превращающихся в относительно независимые от официальных, так как их редакция старалась придерживаться полной свободы мнений [2].

Современными исследователями газетной литературной критики конца XIX — начала XX в. делается акцент на стилевых особенностях и социальной функции критико-публицистических выступлений [3, с. 43]. При оценке последней значимой оказывается идейная позиция литературного критика провинциальной газеты — провинциального интеллигента, получившего классическое образование и имеющего сформировавшуюся систему взглядов на значение и социальную роль современной литературы.

Активно развивающаяся в последней трети XIX в. система земских организаций создавалась идейными людьми, для которых работа по оздоровлению и просвещению пермской общественности была насущной необходимостью. Земские учителя, врачи, ветеринары, агрономы не только работали в своей сфере, но и ощущали необходимость делиться своим опытом, мыслями и наблюдениями с пермской общественностью. С развитием неофициального отдела «Пермских губернских ведомостей» появилась возможность публикации развернутых аналитических и публицистических текстов, касавшихся политической, экономической и культурной жизни собственно России и российской провинции. Поскольку литературная жизнь для читателя представляла несомненный интерес, он нуждался в руководстве для чтения, авторитетном слове специалиста. Поэтому развернутые публикации литературно-критического характера в 1890-х гг. стали публиковаться еженедельно.

Одним из первых авторов-обозревателей современной литературы и литературной критики был преподаватель словесности Пермской Мариинской женской гимназии Николай Афиногенович Синицын (1863–?). Он также занимал должность секретаря педагогического совета, читал публичные лекции в реальном училище в 1892 г. В период с 1896 по 1898 гг. он, предпочитая жанр литературного (журнального)

обозрения, опубликовал цикл статей «Периодическая печать. Письма» (всего их было издано 43, так как они появлялись еженедельно). Адресатом его писем была прежде всего «многочисленная армия народных учителей», учителей-практиков, по мнению автора, занимавшихся весьма важным делом — формированием мировоззрения и системы ценностей молодежи. В своих письмах Н. А. Синицын делал обзор центральных периодических изданий; ведущими темами критика были проблемы педагогики и современной литературы. Поэтому интерес обозревателя был сосредоточен на журналах со «специально педагогическими статьями»: «Городской и сельский учитель», «Русская школа», «Школьное хозяйство», «Русский начальный учитель», «Жизнь и школа». Критик также использовал популярные журналы для самообразования «Мир Божий» и «Образование» — ему импонировала их «живая связь с наукой и литературой». Как педагогу Синицыну была чрезвычайно важна оценка социальных функций литературного произведения, поэтому он последовательно знакомил читателей с наиболее удачными, на его взгляд, и интересными статьями на литературные темы, причем критику импонировал анализ просветительской и воспитательной роли литературных произведений.

Критерием отбора произведения для разговора с читателем для Н. А. Синицына было умение писателя отзываться на вопросы времени, идейность («полезность») и высокая художественность произведения. Приоритет критик, безусловно, видел в идейности: произведение должно «будить мысль» читателя.

В письмах были затронуты следующие проблемы: положение народа, отношение интеллигенции и народа, «женский вопрос», воспитание человека и др. Оценка литературных произведений осуществлялась в прагматичном аспекте: насколько то или иное произведение способствовало «правильному» постижению жизни молодежью, соответствовало гуманистическим идеалам и воспитательным целям.

Литература и источники

1. Болтуц О. А. Провинциальный газетный фельетон: от отдела к жанру: на материале кубанской периодики рубежа XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
2. Лепилкина О. И. Типологическая модель провинциальной частной универсальной газеты во второй половине XIX века // Наука. Инновации. Технологии. 2011. № 72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskaya-model-provintsialnoy-chastnoy-universalnoy-gazety-vo-vtoroy-polovine-xix-veka> (дата обращения: 08.06.2023).
3. Пасевич З. В. Литературная критика на страницах газет «русского Харбина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 42–48.

Tatyana N. Masaltseva

Candidate of Philological Sciences, Perm State National Research University (Russia, Perm);
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: alba@mail.ru

N. A. SINITSYN IS A TEACHER AND JOURNALIST

The researcher offers an assessment of the literary and critical activity of the permanent employee of the newspaper “Perm Provincial Vedomosti” N. A. Sinitsyn — the author of the cycle of critical reviews (1896–1898). The features of dialogue with the reader, argumentation, the choice of literary texts for discussion, the ideological position of the critic are considered.

Keywords: provincial newspaper, newspaper literary criticism, provincial journalist, pedagogy

Миронова Наталья Сергеевна

доцент, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н. С. Алфёрова
(г. Екатеринбург)

E-mail: mironovanat1982@yandex.ru

Уморина Жанна Эдуардовна

доцент, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н. С. Алфёрова
(г. Екатеринбург)

E-mail: umorina87@yandex.ru

**АРХИТЕКТОР УРАЛЬСКОГО НЕОКЛАССИЦИЗМА
1930–1950-х гг. АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ТАФФ**

УДК 72.035

В докладе актуализируется проблема сохранения архитектурного наследия неоклассицизма на Урале на примере города Свердловска. Подчеркивается идентичность стиля неоклассицизма в исполнении архитектора А. П. Тафф в 1930–1950-х гг., а также демонстрируются подходы к изучению его наследия студентами УрГАХУ.

Ключевые слова: неоклассицизм, архитектура, наследие, памятники архитектуры

Уральский неоклассицизм пришел на смену конструктивизму, развивался в период с 1930 по 1950 гг. и был вдохновлен классическими архитектурными формами, такими как колонны, портики, купола и арки, продолжительное время использовавшимися в классических постройках дворянской архитектуры. Примерами такой архитектуры являются построенные в конце XIX — начале XX в. в Екатеринбурге и других городах Урала здания губернаторских и губернских управ, банков, театров, концертных залов, музеев и других общественных зданий.

Уральский неоклассицизм развивался неравномерно, согласно Е. В. Иовлевой, причину тому следует искать «в диспропорциональном увеличении доли промышленной инфраструктуры по сравнению со сферой гражданского строительства (особенно в военный период), в нерегулярном притоке капиталовложений в строительство, в характерной для региона необходимости экономии средств, противоречащей пышности и помпезности, которая была присуща стилю, в конфликте между технологичностью строительного процесса и декоративностью форм, в сосуществовании «дворцов» и трущоб в виде жилых бараков» [1, с. 12].

Уральский неоклассицизм — важный элемент истории архитектуры и культуры Урала. Он отражает бурное развитие региона в период с 1930 по 1950 гг. и является прекрасным примером использования классических архитектурных форм в современном контексте. Многие здания уральского неоклассицизма сегодня являются историческими и культурными памятниками и привлекают внимание туристов и любителей архитектуры.

Наряду с известными уральскими архитекторами К. Т. Бобыкиным, Г. А. Голубевым, В. В. Емельяновым и др., хотелось бы отметить труды и малоизвестных архитекторов, которые работали в стиле неоклассики в городе Свердловске в тот период. К их числу можно отнести Александра Павловича Таффа.

Александр Павлович Тафф (1914–1989) работал на Урале в конце XIX — начале XX в. Он родился в Москве и получил образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В 1896 г. переехал на Урал, в Екатеринбург.

Александр Тафф стал одним из ведущих архитекторов уральского неоклассицизма. Он проектировал здания в различных городах Урала, включая Екатеринбург/Свердловск, Челябинск, Пермь и другие. Он был известен своими крупными общественными зданиями, такими как Дом печати (издательство и типография «Уральского рабочего») в Свердловске, Свердловский теле- и радиоцентр на улице Луначарского, Свердловский строительный техникум на улице Малышева, комбинат «Свердловскуголь» на проспекте

Ленин (позднее главное здание УрГУ, ныне — УрФУ) [1]. Дом Таффа (ул. Московская, 6) — историческое здание, построенное в начале XX в., также характеризуется типичными чертами неоклассического стиля, такими как портики, колонны и декоративные элементы¹.

При этом следует отметить, что в числе проектов А. П. Таффа оказались не только здания, но и градостроительные объекты. Он принимал участие в проектировании поселка Красный, а также входил в рабочую группу, спланировавшую районы Эльмаш и Уралмаш в Свердловске. Его здания стали не только примерами неоклассической архитектуры, но и площадками для апробации новых инженерных разработок. Например, в здании Свердловского строительного техникума на улице Малышева, 117, была впервые использована система принудительной приточной вентиляции помещений через оконные проемы. Известно, однако, что часть инженерных задумок А. П. Таффа осталась нереализованной.

Кроме того известно, что Александр Тафф был активным участником культурной жизни Урала, выступив, к примеру, одним из основателей Уральского отделения Российского архитектурного общества.

В 1958 г. архитектор переехал в Белоруссию. С 1962 г. преподавал в архитектурно-строительном институте Усть-Каменогорска. С 1968 г. работал в Пензе. Некоторое время являлся заместителем главного архитектора Пензы, затем — главным архитектором местного проектного института Министерства легкой промышленности СССР, затем — преподавателем инженерно-строительного института. Умер в 1989 г. в Минске².

Наследие А. П. Таффа в современном Екатеринбурге не забыто и входит в программу изучения неоклассицизма в рамках учебной ознакомительной практики студентов УрГАХУ. Вот несколько подходов, которые используются в рамках такой практики на кафедре Основ архитектурного проектирования УрГАХУ при изучении архитектурных объектов в стиле неоклассицизм архитектора А. П. Таффа:

- историко-библиографический;
- текстуальный;
- практический (натурные исследования и обмеры).

Студенты начинают исследования с исторического контекста неоклассицизма и его применения в архитектуре Екатеринбурга. Этот этап включает: изучение истории периода, когда здания были построены, а также политических, социальных и культурных факторов, повлиявших на выбор этого стиля.

В процессе изучения объекта проводится анализ архитектурных элементов, использованных Таффом: портиков, колонн, фасадов, деталей орнамента и других характерных черт неоклассического стиля. Студенты проводят сравнительный анализ с другими неоклассическими сооружениями и определяют уникальные черты, которые делают здания Таффа особенными.

Практический подход включает в себя посещение и обмер зданий, построенных Таффом. Это дает возможность студентам изучить детали, пропорции и композицию в реальности. Для этого используется метод фотофиксации объекта, его деталей и фрагментов, создания эскизов с натуры и цифровых моделей здания посредством НВИМ или других программ трехмерного моделирования.

Обязательным в рамках практики также является исследование контекста, в котором те или иные здания были построены. Это предполагает изучение взаимодействий А. Таффа с другими архитекторами и заказчиками, позволяя оценить вклад архитектора в формирование городской среды.

Образцы архитектуры, созданные Александром Павловичем Таффом, позволяют охарактеризовать его как гения места. Его работы в городе Свердловск/Екатеринбурге воплощали и воплощают принципы гармонии, уважения к контексту и глубокого понимания местности [2]. Не случайно здания, созданные А. Таффом, продолжают удивлять и вдохновлять как жителей города, так и его гостей, являясь его визитной карточкой.

¹ О работе архитектора А. П. Таффа: отзыв проф. К. Т. Бабыкина от 19 октября 1958 г. (предоставлен дочерью архитектора А. П. Таффа из семейного архива А. П. Таффа, Минск).

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2682. Оп. 1. Д. 165.

Литература и источники

1. Иовлева Е. В. Неоклассицизм в архитектуре Свердловска (1930–1950 гг.): дис. ... канд. архитектуры. Екатеринбург, 2004.
2. Иовлева Е. В. «Соц» плюс «нео» Екатеринбурга // Домострой. 2000. № 11. С. 29.

Mironova Natalia Sergeevna

Ural State University of Architecture and Art (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: mironovanat1982@yandex.ru

Umorina Zhanna Aduardovna

Ural State University of Architecture and Art (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: umorina87@yandex.ru

ARCHITECT OF THE 1930–1950s URAL NEOCLASSICISM ALEXANDER PAVLOVICH TAFF

The report actualizes the problem of preserving the architectural heritage of neoclassicism in the Urals on the example of the city of Ekaterinburg. It emphasizes the identity of the neoclassical style performed by the architect A.P. Taff in the 1930s–1950s and demonstrates approaches to the study of his heritage by students of the Ural State University of Architecture and Art.

Keywords: neoclassicism, architecture, heritage, architectural monuments

Мотревич Владимир Павлович

д.и.н., профессор, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(г. Екатеринбург)

E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

**ГОРОД СВЕРДЛОВСК НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ СССР 1939 г.)**

УДК 94(470.5):314

На основе малоизученных материалов Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. проводятся данные о численности, половом составе, брачности, численности семей, национальном составе, грамотности и образовании жителей Свердловска накануне Второй мировой войны, их распределению по общественным группам, в отраслях народного хозяйства и занятиям в них.

Ключевые слова: Свердловск, перепись, состав населения

Проведенная 6 января 1937 г. Всесоюзная перепись населения СССР показала, что численность учтенного населения страны гораздо меньше озвученных ранее оценок и тем самым опровергла тезис о быстром росте населения при социализме. В результате 26 сентября 1937 г. в газете «Правда» была напечатана информация о том, что Всесоюзная перепись населения СССР 6 января 1937 г. была проведена Центральным Управлением Народно-Хозяйственного Учета (ЦУНХУ) с нарушением утвержденных правительством инструкций. Поэтому СНК СССР признал организацию переписи неудовлетворительной, ее материалы дефектными и обязал ЦУНХУ провести Всесоюзную перепись населения в январе 1939 г.¹ Важнейшей задачей новой переписи стало получение более приемлемых для правительства данных об общей численности населения страны. Основные итоги переписи 1939 г. опубликованы. Имеются публикации ее результатов и в отдельных регионах страны [1; 4]. При этом необходимо отметить, что в историографии даются неоднозначные оценки результатов переписи. Однако аксиоматическим является тот факт, что ее данные о численности населения оказались завышенными. Что касается многих сотен других демографических характеристик, то в их фальсификации не было необходимости. Поэтому, по нашему мнению, их можно вводить в научный оборот как вполне достоверную информацию [3; 4].

На всей территории СССР перепись населения 1939 г. проводилась методом опроса на протяжении 7 дней (с 17 по 23 января) в городских поселениях и 10 дней (с 17 по 26 января) в сельской местности. По данным переписи, по состоянию на 17 января численность жителей г. Свердловска составляла 425 533 человека, 54 % жителей составляли женщины. За прошедшее после переписи населения 1926 г. время количество проживавших в областном центре людей увеличилось в три раза. Административное деление города состояло из шести районов. Самым крупным по населению был Молотовский район (89,3 тыс. человек). Далее следовали Октябрьский (82,4 тыс.), Ленинский (78,5 тыс.), Орджоникидзевский (65,4 тыс.), Сталинский (64,7 тыс.) и Кагановичский (49,7 тыс.) районы. Данные о возрастном составе свидетельствуют, что 16 % жителей составляли дети в возрасте до 7 лет, еще 12,8 % находились в возрасте от 8 до 14 лет. Девушки и юноши в возрасте от 15 до 19 лет составляли 9,9 % жителей. Самой крупной после детей возрастной группой населения были мужчины и женщины от 20 до 29 лет, составлявшие четверть населения города (24,7 %). По мере повышения возраста доли различных групп в составе населения быстро сокращались. Лица в возрасте 30–39 лет составляли 17,7 % жителей города, 40–49 лет — 8,7 %, 50–59 лет — 5,7 %. Лиц старше 60 лет было совсем немного — 4,5 % населения. Перепись учла в городе 98 959 семей, состоящих в основном из двух (27,6 тыс.), трех (27,4 тыс.) и четырех (21,4 тыс.) человек. Но много было и больших семей: 917 семей состояли из 8 человек, 302 — из 9 человек и 155 семей имели в своем составе 10 и более человек [4, с. 341, 342].

¹ Правда. 1937. 26 сент.

Весьма интересны данные о состоянии в браке лиц от 15 лет и старше. Они показывают, что, во-первых, начиная с 30-летнего возраста доля состоявших в браке мужчин была значительно больше, чем женщин. Во-вторых, начиная с сорокалетнего возраста доля женатых мужчин в расчете на 1 000 жителей областного центра продолжала возрастать, в то время как доля замужних женщин быстро сокращалась. В результате в возрасте 50–59 лет доля женатых мужчин превышала аналогичный показатель у женщин в 2,2 раза, а у лиц старше 60 лет — более чем в 4 раза. Данные различия, по нашему мнению, были обусловлены более высокой смертностью мужчин в старших возрастах [4, с. 342].

Данные о национальном составе населения города показывают абсолютное доминирование русского населения (90,81 %). Далее следовали татары (2,7 %), евреи и украинцы (по 1,87 %), мордва (0,61 %), белорусы (0,51 %), удмурты (0,29 %), башкиры (0,25 %), чуваша и поляки (по 0,16 %), коми (0,12 %), марийцы (0,10 %) и др. При этом 94,33 % населения города считали своим родным языком русский. Особенно заметной языковая ассимиляция была у евреев, белорусов и украинцев. Так, из 7 952 учтенных в Свердловске евреев назвали родным язык своей национальности только 1 758 человек или 22,1 %. Значительно ниже этот показатель был у татар, 92,7 % их назвали родным языком татарский [4, с. 346, 347].

Большой раздел переписи был посвящен грамотности и образованию населения. Они свидетельствуют, что 95 % жителей города в возрасте от 9 до 49 лет были грамотными, что было результатом осуществленной в СССР в межвоенный период культурной революции. Меньше всего этот процесс затронул лиц старшего поколения. В возрастной группе 50 лет и старше грамотных было всего 62 %. Данные о лицах, имевших среднее и высшее образование, показывают, что в расчете на 1 000 опрошенных граждан среднее образование имели 189, а высшее 21 человек. При этом, если по среднему образованию преимущество лиц мужского пола было незначительным, то по высшему оно было более чем двукратным. Перепись позволяет определить и грамотность населения Свердловска по национальностям. Самый высокий уровень грамотности перепись отметила у еврейского населения города — 97,9 % их в возрасте 9 лет и старше были грамотны. Далее следовали украинцы — 95,2 %, белорусы — 95 %, русские — 91,2 %, татары — 78,1 % и мордовцы — 74,4 %. Данные о лицах с высшим образованием показывают, что наивысший показатель также был у евреев. В расчете на 1 000 человек своей национальности его имели 129 евреев, 57 белорусов, 50 украинцев, 19 русских, 5 татар и 3 мордовца [4, с. 344, 348–351].

Значительное место в переписи было уделено сбору сведений о распределении населения Свердловска по общественным группам, отраслях народного хозяйства и занятиям в них. Данные о распределении населения города по общественным группам подтверждают индустриальный характер города, больше половины его жителей (55 %) составляли рабочие. На долю служащих приходился еще 41 % жителей, остальные были кооперированными и некооперированными кустарями, колхозниками и крестьянами единоличниками. Доля нетрудящихся составляла всего 0,01 % горожан. Распределение имеющих занятия по отраслям народного хозяйства города показывает, что больше всего горожан (77,7 тыс.) было занято в промышленности. Далее в порядке убывания следовали торговля, заготовки и общественное питание (23,4 тыс.), транспорт и связь (20 тыс.), просвещение, наука, искусство и печать (19 тыс.), строительство (18,2 тыс.), государственные учреждения, партийные и общественные организации (13,3 тыс.), здравоохранение (12,3 тыс.), жилищное и коммунальное хозяйство (8,7 тыс.), сельское хозяйство (4,2 тыс.) и т. д. [4, с. 353].

Распределение горожан по занятиям содержит сведения не только о количестве, но и половом составе работников. В частности, перепись учла в г. Свердловске 9 444 руководителя партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий. Доля женщин среди них составляла 18 %. Среди указанных руководителей насчитывалось 655 руководителей общесоюзных, республиканских и областных организаций, 507 руководителей районных и городских организаций, 135 судей и прокуроров, 390 руководителей учебных заведений, 116 руководителей медицинских учреждений, 800 директоров и заведующих магазинами и т. д. Деление населения по занятиям также было

достаточно подробным. Так, в группе металлистов были зафиксированы сведения о численности таких рабочих, как токари, фрезеровщики, электросварщики, инструментальщики и лекальщики, слесаря, кузнецы и молотобойцы, водопроводчики и трубопроводчики, жестянщики, медники, паяльщики, лудильщики и др. [4, с. 355–361].

В материалах переписи содержатся сведения не только в целом по городу, но и по его районам. По ним имеются сведения о грамотности мужчин и женщин разных возрастов, числе учащихся и лиц с высшим образованием, национальном составе проживающих там мужчин и женщин. Таким образом, материалы Всесоюзной переписи населения СССР позволяют достаточно подробно характеризовать население довоенного Свердловска, как в рамках всего города, так и по его отдельным районам.

Литература и источники

1. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992.
2. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сборник материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002.
3. Жиромская В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 3. С. 84–104.
4. Мотревич В. П. Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период. История и историография. Свердловск, 1990. С. 108–117.

Vladimir P. Motrevich

Doctor of Historical Sciences, Ural State Law University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

THE CITY OF SVERDLOVSK ON THE EVE OF WORLD WAR II (ACCORDING TO THE ALL-UNION CENSUS OF THE USSR IN 1939)

On the basis of little-studied materials of the USSR All-Union Population Census of 1939, data on the number, sex composition, marital status, number of families, national composition, literacy and education of residents of Sverdlovsk and its administrative districts on the eve of World War II, distribution by social groups, in sectors of the national economy and occupations in them are conducted.

Keywords: Sverdlovsk, census, population composition.

Пашков Александр Михайлович

д.и.н., профессор, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск)

E-mail: pashkov@petsu.ru

**АНТРОПОЛОГИЯ ГОРНОЗАВОДСКОГО ГОРОДА КОНЦА XVIII — СЕРЕДИНЫ XIX в.
(НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОЗАВОДСКА)**

УДК 94(470.22)''17/18''

Основание в 1784 г. Александровского пушечного завода, преобразование в 1777 г. Петровской слободы в город Петрозаводск и образование в 1784 г. Олонецкой губернии с центром в Петрозаводске породило ситуацию двоевластия, когда городом управляла как гражданская, так и заводская администрация. Это приводило к противостоянию, а иногда и к конфликтам между ними. Большое влияние на социокультурную ситуацию в Петрозаводске оказывало горное офицерство. Служба на заводе играла роль социального лифта и для выходцев из простого народа. В языке петрозаводчан бытовали горнозаводские провинциализмы.

Ключевые слова: историческая антропология, Петрозаводск, Александровский завод, горные офицеры, чиновничество, провинциализмы

Петрозаводск был основан в 1703 г. как слобода при Петровском заводе. В 1734 г. завод был закрыт, но слобода продолжала существовать. В 1774 г. здесь был основан Александровский пушечный завод, ставший в конце XVIII — первой половине XIX в. основным производителем корабельной и крепостной артиллерии в России.

Быстрое развитие этого завода привело к повышению статуса поселения: в 1777 г. Петровская слобода была преобразована в город Петрозаводск, а в 1784 г. Петрозаводск стал центром Олонецкой наместничества (губернии). С того времени и до 1917 г. город получил двойное назначение — как город-завод и как губернский центр. Это отразилось и на составе населения. В 1785 г. в Петрозаводске проживало 3 254 человека, в том числе 1 069 «казенного ведомства обывателей и казенных мастеровых» (с членами семей)¹. Наличие большого удельного веса мастеровых в населении Петрозаводска наблюдалось и в последующие годы. По переписи 1863 г. в Петрозаводске проживало 10 516 человек, в том числе 2 375 мастеровых (с членами семей)².

Особенностью жизни Петрозаводска в 1774–1880 гг. было своего рода двоевластие. Формально город подчинялся губернатору, другим губернским учреждениям и городской думе. Но в городе находился большой пушечный завод, сотни мастеровых и десятки горных офицеров. На заводе была даже своя полиция во главе с заводским полицмейстером. Губернатор подчинялся императору, Сенату и министру внутренних дел, а горный начальник — Департаменту горных и соляных дел Министерства финансов. Иногда это приводило к конфликтам. Так, в 1812 г. губернатор В. И. Мертенс устроил смотр приписным крестьянам, направляемым в ополчение, и те ему пожаловались, что «вовсе никогда не упражнялись в стрельбе зверей и не имеют понятия, каким образом должно заряжать ружье». Мертенс немедленно написал на имя горного начальника А. В. Армстронга отношение, в котором обвинил его в нарушении инструкции о наборе стрелков. Армстронг ответил, что «заводское правление при выборе оных основывалось на показаниях местных волостных правлений и целых крестьянских обществ, которым стрелки сии более известны» [3, с. 26–27].

Надо отметить, что в случае возникновения конфликтных ситуаций между губернским и заводским начальством, Петербург обычно решал споры в пользу горных заводов. Это ущемляло губернских чиновников, и в первой половине XIX в. с их стороны периодически возникали проекты переноса губернского

¹ Народнонаселение Петрозаводска в 1785 году // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 11.

² Исчисление народонаселения города Петрозаводска // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 22.

центра в Вытегру, тогда как Петрозаводск, по их мнению, должен был остаться «на правах горного города»³ [1, с. 102–109].

Особенностью Петрозаводска и других городов-заводов было наличие там сословной группы горных офицеров. С середины XVIII в. до 1867 г. они были наиболее привилегированной частью гражданского чиновничества. Уже в 1755 г. они, первыми из всех гражданских чиновников, получили особый мундир горного ведомства [2, с. 33–36]. В 1761 г. Елизавета Петровна подписала указ об уравнивании в правах, рангах и жалованье горных офицеров с артиллерийскими и инженерными офицерами. Историк горного дела Д. С. Меньшенин отмечал, что в середине XVIII в. «горная служба, получив уважение и особенный блестящий мундир, приобрела в сие время людей благородных и благовоспитанных, кои прежде не вступали в оную, как не представляющую ничего для честолюбия»⁴. По его мнению, «многие выгоды и преимущества» горной службы объяснялись тем, что они «по справедливости достойны людей, посвятивших дни свои на служение Отечеству или в глубине земли, недоступной для света солнечного, или при пламени печей плавильных, в странах диких, хладных, лишенных приятностей общежития и удобностей жизни»⁵. Николай I указом от 9 мая 1826 г. подтвердил равенство горной службы с военной и даровал выпускникам Горного корпуса права выпускников Московского благородного пансиона и ряд других льгот.

Кроме родовитого дворянства служба в горном ведомстве привлекала и представителей других сословий. Действительно, приобретая за сложные условия службы и особую подготовку права артиллерийских офицеров и военных инженеров, горные чиновники получили не просто особое наименование своих чинов (так называемые горные чины). К тому же они уже при получении низшего горного чина шихтмейстера приобретали права потомственного дворянства, а с ним и право покупать крестьян и дворовых людей. До 1834 г. все служители казенных горных заводов, отслужившие в низшем горном звании унтер-шихтмейстера не менее 12 лет, имели право на получение классного горного чина, то есть на потомственное дворянство.

Горные офицеры выделялись из общей массы чиновников и высоким уровнем своего образования. Уже в 1773 г. Екатерина II учредила в Петербурге Горное училище с правами академии и при нем Горный музей. Обучение в училище длилось три года, выпускникам присваивался чин шихтмейстера. В 1804 г. училище было преобразовано в Горный кадетский корпус, там расширилось преподавание общеобразовательных дисциплин (поэзия, мифология, латынь, театральные представления, игра на фортепиано и др.). В 1806 г. Горный корпус был приравнен к университетам и в 1834 г. преобразован в Корпус горных инженеров.

Таким образом, пребывание в Петрозаводске нескольких десятков горных офицеров, многие из которых были широко образованными выпускниками горных учебных заведений, оказывало влияние на социокультурную ситуацию в городе. Наиболее яркими их представителями можно считать братьев Константина и Николая Бутеневых и их отца Федора Бутенева.

Служба в горном ведомстве давала возможность социального лифта даже детям мастеровых. Так, сын мастера Александровского завода Иван Чудинов в 1796 г. в возрасте 12 лет поступил писцом на службу на Александровский завод, а закончил ее в 1850 г. в чине берггауптмана VI класса (полковника) [4, с. 185–196].

Наличие в городе большого пушечного завода влияло на самые разные стороны жизни петрозаводчан, включая топонимику и местный говор. Все отлитые на заводе орудия подвергались испытанию — пробе. Проба происходила на окраине города, стреляли из пушек в сторону озера. Место, где происходило это испытание, впоследствии было застроено домами, и образовалась существующая и доныне улица Пробная.

³ Левитский С. А. Проекты перенесения губернского управления из Петрозаводска в Вытегру // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск, 1902. С. 270–296.

⁴ Меньшенин Д. С. Об успехах горного промысла в России // Горный журнал. 1829. Кн. 2. С. 196.

⁵ Там же. С. 213–214.

Уроженец Петрозаводска московский этнограф Г. И. Куликовский писал в 1887 г.:

«Между петрозаводскими обывателями в употреблении слово “калибер”, характеризующее их со стороны горнозаводской деятельности: всякое сходство рассматривается ими как тождество размеров известных частей сравниваемого лица: одинаковый рост, физиономия и пр.

Мало того, слово “калибер” употребляется и для обозначения внутреннего, нравственного сходства двух известных субъектов. “Уж не того, брат, калибру хозяин!” — с горечью заявляет один мастерской другому, давая понять, что нравственный ценз бывшего хозяина по размерам был высшего “калибра” по сравнению с теперешним».

В связи с тем, что во время испытания отлитых пушек («пробы») пушки иногда взрывались, Г. И. Куликовский приводит еще одно выражение:

«Каждому из петрозаводских жителей, конечно, приходилось не раз слышать ругательство “рвань пушечна”, заменяющее собою слово “оборванец”.

В ругательстве этом опять-таки ярко сказывается горнозаводской мастерской, уподобивший лохмотья обрезкам и осколкам чугуна, им обрабатываемого, давший заводскому термину право гражданства в своем языке»⁶.

Литература и источники

1. Ефимова В. В. Проект перенесения губернского управления из Петрозаводска в Вытегру в 1820-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 5. С. 102–109.
2. Короткова И. Б. Геральдическая эволюция мундиров Горного ведомства // 275 лет Геральдической службе России. Материалы конференции. СПб., 1997. С. 33–36.
3. Пашков А. М. «В стрелянии зверей упражняющихся...»: мобилизация приписных крестьян Олонецкой губернии в ополчение в 1812 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 7. Ч. 1. С. 25–28.
4. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII — начала XX века. Петрозаводск, 2007.

Alexander M. Pashkov

Doctor of Historical Sciences, Petrozavodsk State University (Russia Petrozavodsk)

E-mail: pashkov@petsu.ru

ANTHROPOLOGY OF THE MINING TOWN OF THE LATE 18th — MID 19th CENTURY (CASE OF PETROZAVODSK)

The foundation of the Alexandrovsky Cannon Foundry in 1784, the transformation of Petrovskaya Sloboda into the city of Petrozavodsk in 1777, and the formation of the Olonets province (*gubernija*) in 1784 with the center in Petrozavodsk gave rise to a situation of dual power, when the city was ruled by both civil and mining administration. This led to confrontation, and sometimes to conflicts between them. Mining officers had a great influence on the socio-cultural situation in Petrozavodsk. The service at the factory played the role of a social elevator for people from the common people. Mining provincialisms existed in the language of Petrozavodsk residents.

Keywords: historical anthropology, Petrozavodsk, Alexandrovsky Foundry, mining officers, officialdom, provincialisms

⁶ Куликовский Г. И. Олонецкие провинциализмы. Психологическо-лингвистический этюд // Олонецкие губернские ведомости. 1887. № 82.

Пирожкова Наталья Константиновна

заместитель начальника научно-исследовательского отдела, Государственный архив Пермского края
(г. Пермь)

E-mail: pirozhkovanatal@gmail.com

**ЖИТЕЛИ ГУБЕРНСКОЙ ПЕРМИ
В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА**

УДК 930.253(470.5):929.5

Сведения о семейной истории пермяков находятся в Государственном архиве Пермского края в таких материалах, как ревизские сказки, метрические книги церквей, брачные обыски, исповедные книги о прихожанах, паспорта, виды на жительство, метрические свидетельства и призывные документы мещан, формулярные списки лиц, находившихся на госслужбе, клировые ведомости с послужными списками духовенства, книги ЗАГС, документы учебных заведений.

Ключевые слова: генеалогия, Пермь, архивные фонды.

История возникновения и развития города — это история не только возведения зданий и планирования застройки, но и заселения его жителями, миграции будущих горожан из других мест, а для Перми — еще и притока заводских работников. Кроме того, это, безусловно, еще и семейная история горожан.

Информацию о семейной истории жителей Перми и Мотовилихинского завода (Мотовилихи), позже вошедшего в состав города, можно найти в метрических и генеалогических документах, находящихся на хранении в Государственном архиве Пермского края (ГАПК).

В ревизских сказках города Перми и Мотовилихинского завода содержатся сведения о составе семей жителей Перми (мещан, солдат, мастеровых, купцов) за период с 1782 по 1858 гг. По ревизским сказкам можно восстановить и отследить возраст, род занятий, факты отдачи в рекруты, смерти, рождения, принятия в семью родственников, бегства представителей конкретных семейств пермских жителей, узнать, откуда они переехали или были перемещены в Пермь, причину такого перемещения, а также количество поколений предков той или иной семьи, длительность проживания в городе. В ГАПК ревизские сказки, как основные, так и дополнительные, находятся в фонде 111 (описи 1 и 3) «Пермская казенная палата Министерства финансов /г. Пермь/», фонде 695 «Мотовилихинская заводская контора /завод Мотовилихинский Пермского уезда/», фонде 37 (опись 1) «Пермская духовная консистория /г. Пермь/», фонде 512 «Пермская городская дума /г. Пермь/».

В период с 1795 по 1919 гг. в Мотовилихе действовали 3 православных церкви, в Перми — более 19 церквей и 2 собора, а также единоверческая церковь, католический храм и синагога. По метрическим книгам выявляются записи о рождении, бракосочетании, смерти лиц, временно или постоянно проживавших в городе. В записях о рождении в обязательном порядке указывали социальное положение, место происхождения (населенный пункт, волость, губерния), вероисповедание, фамилию, имя, отчество отца, имя и отчество матери, а также данные воспитателей. В записях о браке — сведения о возрасте каждого из пары, место рождения, сословную принадлежность, и о то, каким был брак по счету для каждого из молодоженов, данные поручителей (шаферов). В записях о смерти фиксировались возраст на момент смерти, место захоронения, причина смерти, если речь шла о членах семьи, то о степени их родства.

Другой вид метрических документов — брачные обыски церквей и соборов города — содержат сведения о людях, собиравшихся венчаться в церкви, и выявлявшие отсутствие препятствий к совершению брака, в том числе данные о звании, месте жительства, возрасте, отсутствии между женихом и невестой родства и свойства, семейном положении, согласии родителей. Как и метрические книги. Эти документы содержатся в фонде 37 (описи 1, 4 и 6) «Пермская духовная консистория Ведомства православного исповедания /г. Пермь/», фонде 189 «Вознесенско-Феодосиевская церковь Ведомства православного

исповедания /г. Пермь/», фонде 415. «Воскресенская церковь Пермской епархии Ведомства православного исповедания /г. Пермь/».

После 1917 г. метрические книги сменили книги записей актов гражданского состояния (о рождении, браке, смерти, разводе) Исполнительного комитета Пермского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Исполнительного комитета Мотовилихинского волостного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Однако до 1919 г. включительно записи вносились в книги как прежнего, так и нового типа. Книги записей актов гражданского состояния Перми и Мотовилихи за период с 1917 по 1925 гг. сосредоточены в фонде Р-1982 «Комитет ЗАГС Пермского края /Пермь/».

Другой полезный источник — исповедальные ведомости (рописи) церквей — это фактически посемейные списки проживавших на территории прихода лиц (кроме детей младше 1 года), в которые включались сведения о социальном положении, для крепостных крестьян владельческая принадлежность, место жительства, возраст, состав семьи.

Важно, что, помимо общих документов метрического характера о жителях Перми на хранении в ГАПК находятся также документы по мещанскому сословию, духовенству, а также документы находившихся на государственной военной или статской службе лиц.

К генеалогическим источникам, содержащимся в фонде 141 «Пермская мещанская управа /г. Пермь/», относятся следующие группы дел: 1) документы о рождении/браке/смерти/разводе мещан, 2) документы о присоединении к мещанскому сословию и исключению из него, 3) документы по воинской повинности, 4) документы о выдаче мещанам г. Перми паспортов, паспортных книжек, видов на жительство, 5) документы о взыскании денежных повинностей с мещан, посемейные списки, документы о приеме в богадельню или о назначении пособия, прошения мещан о бесплатном обучении детей. Хотя многие из этих документов вторичны, они дают возможность уточнить многие данные о горожанах: даты рождения, браков или смерти, место рождения мещан и их детей, факт постоянного или временного проживания, длительного пребывания вне места приписки к обществу мещан, род занятий, сословный статус до и после причисления к пермскому мещанству, вероисповедание, факты межсословных браков.

Источником сведений о представителях церковного клира могут служить клировые ведомости, включающие в себя три части: «Ведомости о церкви», «Послужные списки» и «Ведомости о приходе». В сведениях «О причте означенной церкви» следовало излагать достаточно подробно, например, «всю службу священника», дату посвящения в сан и территориальные перемещения из прихода в приход, дату и место рождения, из какого звания происходит, где и чему обучался, когда и кем в какой чин произведен и к какому месту, какие проходил и проходит особенные должности, когда и чем был награжден, а также состав семей. Заносились имя, отчество, фамилия настоятеля/протоиерея/священника, его возраст, происхождение, в каком городе/селе/заводе какого уезда родился, по окончании курса в какой семинарии или академии был уволен с аттестатом какого разряда или с какой академической степенью, для какой церкви посвящен в сан священника, откуда переведен на настоящее место, имеет грамоту или нет, факт исполнения обязанностей благочинного, депутата или духовника, за что и каких наградам удостоен. Подробные данные имелись о протоиерее, дьяконе, дьячке и их семьях. Клировые ведомости с послужными списками духовенства храмов Перми и Мотовилихинского завода находятся в фонде 108 «Благочинный церквей Градо-Пермского округа Пермской духовной консистории», фонде 415 «Воскресенская церковь Пермской епархии Ведомства православного исповедания», фонде 416 «Княже-Михайловская церковь Пермской епархии Ведомства православного исповедания», фонде Р-1 «Пермское епархиальное управление», фонде 37 (опись 1) «Пермская духовная консистория /г. Пермь/».

Сведения о том или ином чиновнике, его возрасте, должностях, происхождении, карьере, семейном положении, вероисповедании и местоположении включались в формулярный список. Формулярные и послужные списки хранятся в фонде 65 «Канцелярия Пермского губернатора», фонде 36 «Пермское губернское правление», фонде 1 «Пермский окружной суд», фонде 143 «Врачебное отделение Пермского

губернского правления», фонде 42 «Директор народных училищ Пермской губернии», фонде 112 «Пермское губернское по воинской повинности присутствие», фонде 111 (опись 3) «Пермская казенная палата Министерства финансов /г. Пермь/», фонде 110 «Управление пермским почтово-телеграфным округом Министерства внутренних дел», фонде 210 «Пермская городская торговая школа /г. Пермь/», фонде 278 «Пермская губернская чертежная 3-го департамента Сената».

Копии метрических свидетельств о рождении/браке, справок мещанской управы, документов о ранее полученном образовании, данные о месте жительства учащихся и педагогов могут быть найдены в фондах учебных заведений: фонд 497 «Пермская I-я мужская гимназия», фонд 171 «Пермская II-я мужская гимназия», фонд 33 «Пермская Мариинская женская гимназия Министерства Народного Просвещения», фонд 185 «Пермское Алексеевское реальное училище», фонд 172 «Пермская Александровская женская гимназия», фонд 34 «Пермская учительская женская семинария». В фонде Р-180 (опись 2 и 4) «Пермский государственный университет Министерства образования РФ (г. Пермь)» имеются личные дела студентов и преподавателей за 1916–1936 гг., где содержатся копии метрических свидетельств, документов об образовании, анкеты, автобиографии, фото.

Можно сделать вывод о том, что Государственный архив Пермского края обладает значительным потенциалом для восстановления и исследования семейной истории и генеалогии жителей Мотовилихи и г. Перми. Изучение таких документов дает возможность восстановить количественный и качественный состав проживавших, получить данные об изменении состава жителей, их повседневной жизни, оценить влияние значимых исторических событий на жизненные траектории конкретных людей. Но прежде всего вышеперечисленные документы необходимы в рамках биографических исследований, персональной и эго-истории. При этом важно подчеркнуть, что большая часть такого плана документов оцифрована и доступна на сайте «Поколения Пермского края», в информационной системе «Архивы Прикамья».

Natalia K. Pirozhkova

The State Archive of Perm Krai (Russia, Perm)

E-mail: pirozhkovanatal@gmail.com

RESIDENTS OF THE PROVINCIAL CENTRE OF PERM IN ARCHIVAL DOCUMENTS OF GENEALOGICAL ASPECTS

The State Archive of Perm Krai has information on the family history of the inhabitants of the city of Perm containing in such materials as revision lists, registers of parishioners, pre-wedding researches, confession books, passports, residence permits, metric certificates and conscription papers of burgers, official lists of the civil servicemen, clergy registers with service records of the clergy, registry office books, documents of educational institutions.

Keywords: genealogy, Perm, archival funds

Псянчин Айбулат Валиевич

д.географ.н., заведующий отделом, Институт истории, языка и литературы
Уфимского ФИЦ РАН (г. Уфа)
E-mail: psyanchin@mail.ru

Мигранова Эльза Венеровна

к.и.н, с.н.с., Институт истории, языка и литературы Уфимского ФИЦ РАН (г. Уфа)
E-mail: mig.el@mail.ru

Каримов Айбулат Галимьянович

к.соц.н., заведующий сектором, Институт социально-экономических исследований
Уфимского ФИЦ РАН (г. Уфа)
E-mail: karaigal@gmail.com

**ЭТНОЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ УФИМЦА
(НА МАТЕРИАЛАХ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В г. УФА)¹**

УДК 316.4:39(=943.43)

В докладе на основе анализа опроса уфимцев освещаются вопросы сохранения, развития и популяризации родных и государственных языков Республики Башкортостан, их преподавания, специфика межэтнических отношений в столице, наиболее актуальные проблемы, волнующие горожан, бренды города. Составление культурного портрета предусматривало определение того, насколько читающими являются жители Уфы, как часто они посещают театры и т. д.

Ключевые слова: Республика Башкортостан (РБ), Уфа, этносоциологическое исследование, этноязыковой и культурный портрет уфимца

Изучение этноязыковых и культурных процессов в условиях современного полиэтничного города, каковым является столица РБ г. Уфа, представляет серьезный научный и практический интерес. Уфа, являясь одним из крупнейших городов-миллионников нашей страны, исторически сложилась как поликультурный и полиэтничный мегаполис, что определяет активное межэтническое взаимодействие проживающих здесь народов. В силу данных факторов особую актуальность приобретает необходимость комплексного анализа этноязыковой и этнокультурной ситуации в городе.

В основу исследования положены данные опроса жителей города Уфы, проведенного в 2021 г. в рамках реализации проекта «Этноязыковой и культурный портрет жителя полиэтничного города на примере этносоциологического исследования в г. Уфе», а также работы, проведенные в 2023 г. в рамках проекта «Укрепление российского патриотизма как фактор обеспечения единства многонационального народа в условиях современных геополитических вызовов (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Марий Эл, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия)». Выборка была составлена в соответствии с половозрастной, социально-экономической, территориальной и другими характеристиками генеральной совокупности. Всего была опрошена 1 000 уфимцев.

Важной задачей исследования являлась оценка современной этноязыковой ситуации в Уфе и определение уровня владения горожанами родными языками. Среди представителей трех наиболее многочисленных народов города — русских, башкир и татар — выявилась следующая картина. Ожидается, что для более чем 99 % русских родным языком является русский язык; для 89 % башкир — башкирский; для 85 % татар — татарский. Причем значительное число нерусских респондентов (особенно молодежь и представители среднего возраста) отметило, что для них родным одновременно является как язык своей национальности, так и русский язык.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Укрепление российского патриотизма как фактор обеспечения единства многонационального народа в условиях современных геополитических вызовов (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Марий Эл, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия)».

Что касается владения родными языками детей опрошенных, то немногим больше половины башкир отметили, что их дети владеют родным языком (56,1 %); респондентов татарской национальности, ответивших, что их дети владеют родным языком, оказалось 41,3 %; среди представителей других национальностей этот показатель меньше — 26,8 %.

Проведенный опрос выявил существование ряда проблем, связанных с изучением родных языков в школах, а также с отношением горожан к изучению башкирского языка как второго государственного. К примеру, выяснилось, что, несмотря на то что в школах Башкортостана вот уже много лет башкирский изучается как государственный представителями всех национальностей, проживающих в регионе, только 33,5 % респондентов владеют башкирским языком, 15,8 % — все понимают, но не говорят, 19,7 % — понимают отдельные фразы, 31 % — не владеют.

Если говорить в целом об отношении уфимцев к необходимости изучения башкирского языка как языка республикообразующего этноса, то большинство — 57,7 % — высказались за добровольность такого изучения. Для сохранения и развития башкирского языка как государственного в РБ уфимцы предлагают его популяризировать, сделать востребованным в различных сферах общественно-политической, экономической, культурной жизни, создавать и укреплять национальную языковую среду (рис. 1).

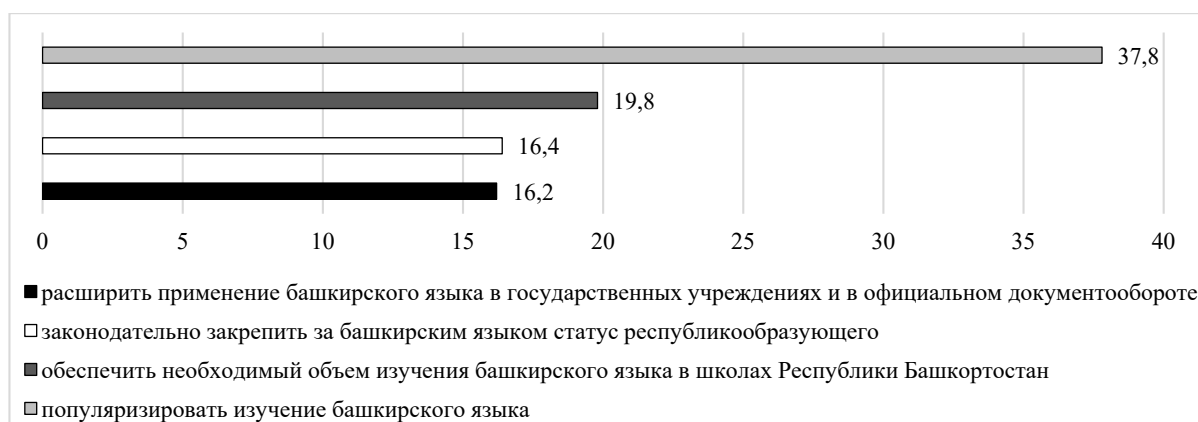

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Что, по-Вашему мнению, необходимо сделать для сохранения и развития башкирского языка как государственного в РБ?», %

Во многом взаимосвязанными с обозначенными выше вопросами являются методы преподавания родных языков и государственного башкирского языка в республике. Как оказалось, почти треть опрошенных недовольна существующими методами преподавания родных языков. Несерьезное отношение к предмету со стороны школьников как препятствие в усвоении родных языков отметили 25,9 %; отсутствие в преподавании современных и интерактивных методов обучения — 19,2 %; низкую компетентность учителей родных языков — 13,2 %; сложность учебного материала — 12 %; нехватку учителей родных языков — 9,3 % респондентов. Распределение ответов на вопрос «Как должно осуществляться обучение родным языкам?» показывает, что значительная доля респондентов (34,1 %) считает, что такое обучение должно происходить преимущественно в семьях; 22,9 % — назвали школу; 13,6 % — дошкольные учреждения, 4,3 % — средне-специальные и высшие учебные заведения; о том, что нужно больше внимания уделять самообразованию, высказались 10,7 %.

В целом следует отметить, что потенциал изучения родных языков в Республике Башкортостан достаточно серьезный, об этом свидетельствуют следующие цифры. Так, более половины опрошенных отметили, что развитие народа без владения родным языком невозможно (52,8 %), а преобладающее большинство (90,4 %) хотели бы, чтобы их дети (внуки, племянники) владели родным языком.

Исследование показало, что Уфу отличает достаточно высокий уровень межэтнической толерантности. Так, 58,3 % одобряют межэтнические браки, а 24,1 % опрошенных отмечают, что их отношение к таким бракам зависит от конкретной ситуации. При этом незначительное количество респондентов отметило,

что в РБ и в Уфе иногда возникают конфликты на национальной и языковой почве. Определенную настороженность вызывает то, что 35,5 % опрошенных уфимцев сами сталкивались с особым или неприязненным отношением к своей национальности со стороны представителей других народов. Об этом сообщили 46,4 % городских башкир.

В ходе исследования также предусматривалось составление культурного портрета жителя города Уфы, выявление способов проведения досуга (чтение книг, посещение театров, концертов, выставок, музеев, просмотр ТВ и т. д.), отношения к сохранению этнических традиций. Опрос показал, что уфимцев можно назвать «относительно читающими», так как преобладающее большинство (95,1 %) опрошенных ответили, что читают книги. Правда, почти половина (49,5 %) за последний год прочитала не более 5 книг, 18,6 % — 5–10 книг, свыше 10 книг прочитало только 18,3 % опрошенных (рис. 2, 3).

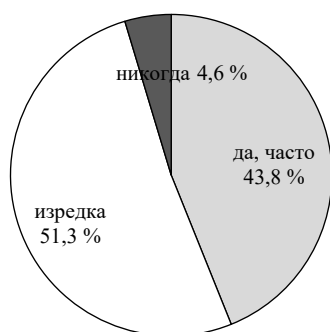

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос: «Читаете ли Вы книги?», %

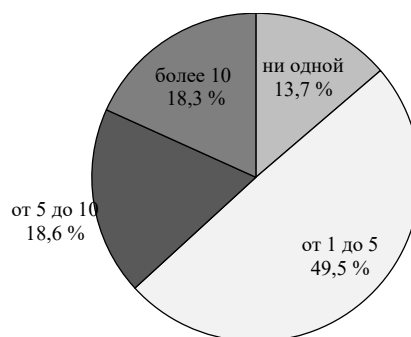

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос: «Сколько книг прочитали Вы за последний год?», %

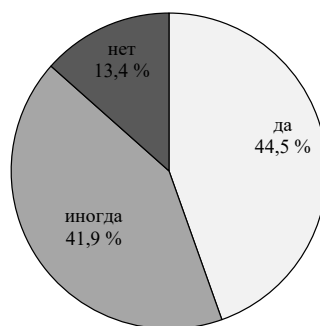

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос: «Смотрите ли Вы телевизор?», %

Для преобладающего большинства опрошенных уфимцев (86,4 %) просмотр телевизора — один из основных способов проведения досуга (рис. 4). Из них 21,6 % отметили, что чаще всего смотрят художественные фильмы и сериалы, 18,7 % — федеральные и 17 % — республиканские новости; на предпочтительный просмотр научно-познавательных фильмов указали 13,7 %.

Более 79 % уфимцев отметили, что они проводят традиционные и религиозные семейные обряды (никах/венчание, имянаречение/крещение, поминки и пр.). Среди жителей города довольно высоким оказался уровень религиозности. На вопрос «Верующий ли Вы человек?» почти 70 % респондентов дали положительный ответ. В качестве основных религий были названы мусульманство и христианство, около 6 % оказались представителями других конфессий, чуть более 10 % опрошенных назвали себя атеистами.

Один из вопросов, который был задан уфимцам, касался того, где им больше всего нравится проводить свободное время. Жителями были названы парки, набережная р. Белой, торговые центры и т. д. Были также высказаны предложения по повышению комфортности Уфы и привлечению сюда туристов,

по благоустройству и озеленению города, сохранению его исторического наследия, проведению различных фестивалей и концертов, спортивных, научных и промышленных мероприятий российского и международного уровня и т. д. Среди брендов г. Уфы с большим отрывом лидируют башкирский мед, самый большой в Европе конный памятник Салавату Юлаеву, кумыс, курай, хоккейный клуб «Салават Юлаев», футбольный клуб «Уфа» и т. д. В число брендов также были включены «Три шурупа», куница, фонтан «Семь девушек», Монумент Дружбы, сарматское золото, ансамбль им. Ф. Гаскарова, Арт-квадрат, уфимские липы и т. д.

В рамках Проекта нами также были получены данные по оценке респондентами наиболее острых социальных проблем города. Следует отметить, что языковые проблемы (в том числе, проблема изучения башкирского языка) для горожан не стоят в числе наиболее острых, традиционно наиболее актуальными считаются низкая зарплата, высокие цены и тарифы ЖКХ, инфляция и т. д. (рис. 5).

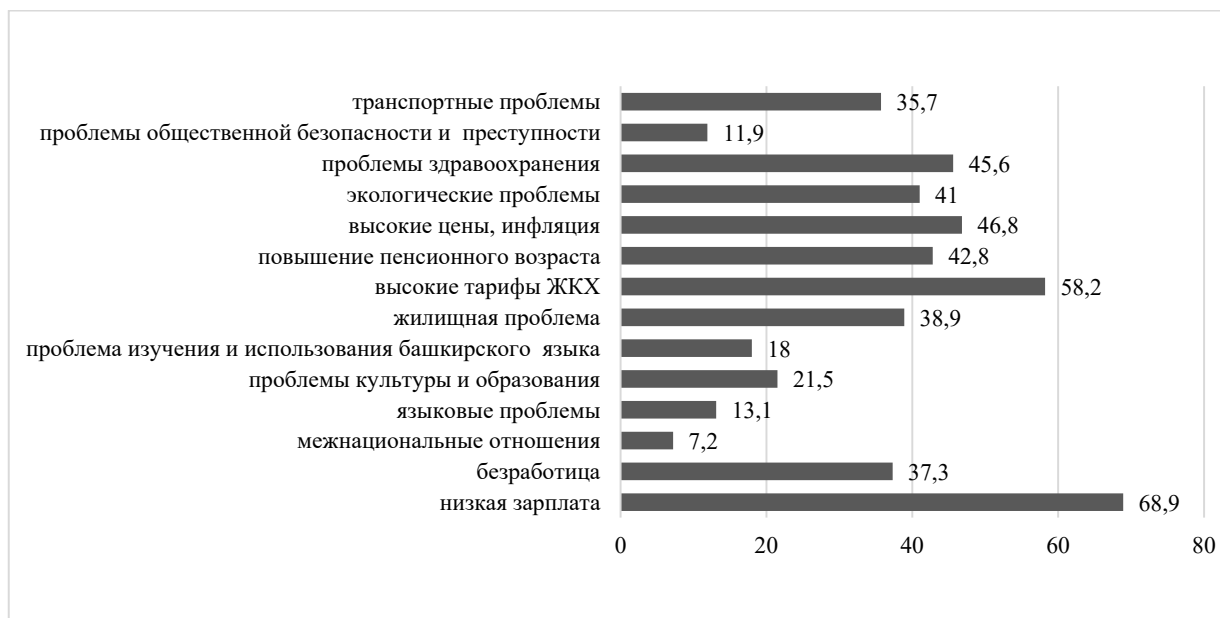

Рис. 5. Ответы респондентов на вопрос: «Какие социальные проблемы в г. Уфе, на Ваш взгляд, стоят наиболее остро?», %

Однако, несмотря на имеющиеся проблемы и трудности, процент счастливых людей среди уфимцев оказался довольно высоким. К таковым себя отнесли 84,7% опрошенных (рис. 6). Ощущение счастья формируется у них прежде всего благодаря собственному здоровью и здоровью близких, наличию работы и семьи.

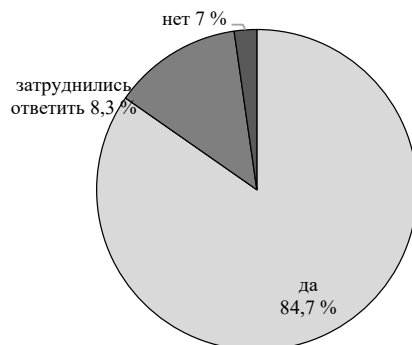

Рис. 6. Ответы респондентов на вопрос: «Счастливы ли Вы человек?», %

Приведенные данные позволяют определить вектор этносоциальных, общественных, культурных, языковых процессов, происходящих сегодня в среде горожан, добавляя штрихи к этнокультурному и языковому портрету современного жителя такого полиэтничного города, как столица Республики Башкортостан — город Уфа. Итоги исследования также могут лечь в основу программных документов по совершенствованию этноязыковой ситуации и межэтнических отношений в г. Уфе и в Республике Башкортостан, разрабатываемых органами государственной власти.

Aibulat V. Psyanchin

Doctor of Geographical Sciences, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the RAS (Russia, Ufa)
E-mail: psyanchin@mail.ru

Elsa V. Migranova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the RAS (Russia, Ufa)
E-mail: mig.el@mail.ru

Aibulat G. Karimov

Candidate of Sociological Sciences, Institute for Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (Russia, Ufa)
E-mail: karaigal@gmail.com

**ETHNOLANGUAGE AND CULTURAL PORTRAIT OF UFA
(BASED ON THE MATERIALS OF AN ETHNOSOCIOLOGICAL STUDY IN UFA)**

This report, based on the analysis of the responses of Ufa residents, highlights the issues of preservation, development and popularization of the native and state languages of the Republic of Bashkortostan, their teaching, interethnic relations in the capital, identifies topical issues of concern to citizens. Drawing up a cultural portrait involves determining how many Ufa residents study, often visit museums, theaters, exhibitions.

Keywords: Republic of Bashkortostan, Ufa, this is a sociological study, ethnolanguage and cultural portrait

Середа Надежда Владимировна

д.и.н., профессор, Тверской государственный университет (г. Тверь)

E-mail: Nv.sereda@Yandex.ru

ГОРОДСКОЕ СООБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

УДК 94(47)''17''

В докладе рассмотрен первый этап модернизации структуры городского населения и управления городами при Петре I. Автор увязывает этот процесс с введением подушной подати и формулирует тезис о гражданах городов как о плательщиках подушной подати, внесенных в ревизскую сказку данного города.

Ключевые слова: Пётр I, модернизация, управление городами, структура городского населения, городское сообщество, подушная подать

До Петра I система управления каждым городом включала множество элементов, отражая корпоративность городского населения и, по сути, отсутствие в городе единого городского сообщества. Функционирование этих структур (посадской общины, профессиональных корпораций, например, записных каменщиков и др.) было направлено прежде всего на выполнение членами этих корпораций налоговых обязательств и каких-либо служб и повинностей в пользу государства. Назначение к подобного рода службам А. Н. Сперанский рассматривал как «систему разверстки» государственных нужд между отдельными категориями населения и справедливо отмечал, что такая система вела к обособлению отдельных групп городского населения [4, с. 32]. Члены каждой из корпораций имели особые права, льготы и особые обязанности. В конце XVII в. подобные структуры часто имели свои органы самоуправления (например, выбирали своего старосту в случае проживания обособленно от населения посада); в составе государственного управления они были вертикально ориентированы, то есть в большей степени зависели от центральных учреждений — приказов, чем от воеводы — главы местной администрации. Так, записные кирпичники и каменщики обязаны были выполнять строительные работы в самых разных частях государства. Они считались состоявшими на службе у государства, были освобождены от посадского тягла, то есть являлись беломестцами, изымались из общей подсудности провинциальной администрации и подчинялись административно-судебной власти Приказа Каменных дел [4, с. 8]. В собственности подобных корпораций были орудия труда и производства (инструменты, сараи для обжига кирпича и др.). Такая система приводила к тому, что в управлении населением каждого отдельного города участвовало несколько ведомств, поскольку различные категории населения подчинялись разным приказам: пушкари — Пушкарскому, стрельцы — Стрелецкому, каменщики — Приказу Каменных дел, дворяне — Разрядному приказу. Члены посадской общины, главной городской самоуправляющейся корпорации, подчинялись сразу нескольким приказам: по части сбора таможенных и кабацких денег — приказу Большой казны, по сбору ямских денег — Ямскому и т. д. [5, с. 102].

Обязанности, проистекавшие от принадлежности записного ремесленника к той или иной корпорации, выполняли главы семейств, а льготами зачастую пользовались не только члены семей, но и достаточно отдаленные родственники [3, с. 108]. Это было тем более легко, что беломестцы отнюдь не всегда проживали в обособленных слободах.

Такая ситуация крайне затрудняла управление страной, делала его малоэффективным. Не способствовала она и консолидации городского населения, мешала осознанию региональных интересов и формированию региональных элит.

Первые попытки консолидации городского населения относятся, видимо, к Соборному Уложению 1649 г., когда была ликвидирована часть белых слобод, путем перевода их населения в число посадских людей. Большое значение для консолидации городского населения имела реформа 1699 г. Введение нового приказа — Ратуши — объяснялось в законодательстве необходимостью попечения государства

о «купецких и промышленных людях» [5, с. 107]. Тенденция ликвидации льготного состояния и централизации управления торгово-промышленными людьми стала более заметной с 1704 г., когда вышел указ, по которому все мастеровые и торговые люди должны были пройти регистрацию у воевод и платить деньги (от 2 алтын до 2 гривен в год) за право вести свою деятельность. Одновременно в стране стали проводить регистрацию записных ремесленников и перепись корпоративного имущества [4, с. 204]. Но в условиях, когда мобилизационный характер экономики усиливался, ликвидировать категорию записных ремесленников едва ли было возможно. Вопрос о ликвидации такой системы мобилизации ресурсов мог всерьез рассматриваться лишь после завершения Северной войны. Не случайно время проведения магистратской реформы и окончание Северной войны совпали.

Введение в жизнь системы магистратских учреждений объясняется прежде всего потребностью в консолидации городского населения, ликвидации в его составе лишних социальных перегородок.

Реформа 1699 г. носила «факультативный характер», то есть не была обязательной [2, с. 119], и поэтому была проведена далеко не везде. Кроме того, реформа делала ставку на создание корпорации по роду занятий, игнорируя различия в правовом положении уездных крестьян и посадских людей (или констатируя факт их отсутствия) и объединяя их по принципу причастности к выполнению одинаковых служб в пользу государства (прежде всего служб у таможенных, питейных, соляных сборов). Такой подход, как мне кажется, сохранял корпоративность. В результате, во всех регионах — и там, и где реформа 1699 г. была проведена, и там, где нет, — множество категорий городского населения, как и раньше, находились в введении различных приказов.

Более реальное значение для консолидации городского населения имели проведение первой переписи и введение магистратского устройства. Введение подушного налога прикрепляло каждого мужчину страны к его основному месту жительства. Это было сопряжено с записью в ревизскую сказку по данному населенному пункту и выплатой подушной подати именно в данном месте. Финансовая реформа увеличила численность налогоплательщиков. В Сибири происходили массовые записи в подушный оклад. Судя по данным, приводимым М. О. Акишиным, в ходе переписи 1723 г., которую Акишин отождествляет с «посадским строением», в иркутский «посад» были внесены сын сотника, девять казаков, сибирские дворяне В. Хлуднев и В. Фирсов, а также служилые люди. Сомнение в правомерности использования ученым термина «посад» усиливает приводимый этим же автором факт, что в 1724 г. служилые татары и казачьи дети просили об исключении их «из разночинского оклада», куда они оказались внесенными в ходе переписи. В Тобольске в 1723 г. в оклад по городу было записано 277 человек: из казаков, из дворян, из детей боярских, из пушкарей и их детей. Им противопоставлены записанные в цех 31 человек [1], скорее всего, имеются в виду крестьяне, которых можно было записывать в цехи на время.

В ходе переписи населения в городах создавали новую корпорацию — плательщиков подушной подати. Часть тех, кто был положен в оклад по первой ревизии, не входила в компетенцию посадской общины — основного элемента тяглой структуры городского самоуправления XVII — начала XVIII в. Пушкари, стрельцы и другие разночинцы, проживавшие в городах, с того времени стали платить подушную подать наравне с другими посадскими людьми города, но при этом они не исполняли всего многообразия обязанностей, возложенных на членов посадской общины на момент проведения магистратской реформы и подушной подати. Они были избавлены от тяжелейшей, требующей долгих отлучек из города службы при сборе косвенных налогов [3, с. 13–14]. Правда, некоторые из положенных в подушный оклад, выполняли в пользу государства какие-то другие повинности, например, работали на заводах, как это было с тульскими оружейниками [6]. Подчинить эти категории городского населения должностным лицам посадской общины едва ли было возможно и целесообразно.

Проведение первой переписи в стране и введение подушного обложения совпали с проведением магистратской реформы, и совпадение это не является случайным. Е. В. Анисимов, изучая податную реформу Петра I, заметил, что в годы ее проведения термин «посадские» не употреблялся. На мой взгляд, это вполне логично. Термин «посадские» не мог употребляться применительно ко всем положенным

в подушный оклад по городу, по той причине, что он не отражал в полной мере состава городских плательщиков подушной подати. Пушкари, стрельцы и другие разночинцы, проживавшие в городах, с того времени в большинстве случаев стали платить подушную подать наравне с другими горожанами, положенными в подушный оклад по городу. Это способствовало консолидации городского населения, так как исчезли некоторые корпорации, построенные по профессионально-территориальному принципу, целый ряд категорий городского населения лишился былых льгот; они только лишь были положены в подушный оклад, но при этом не исполняли всего многообразия обязанностей, возложенных на членов посадской общины. В частности, они были освобождены от таких традиционных посадских служб, как соляная и питейная [3, с. 13–14]. А это значит, что разночинцы не входили в состав городских посадских общин, хотя и принадлежали к числу городского населения, положенного в оклад. В таких условиях подчинить эти категории городского населения должностным лицам посадской общины едва ли было возможно и целесообразно.

Литература и источники

1. Акишин М. О. I ревизия и посадское строение в Сибири // Россия и Восток. Тезисы международной конференции. Ярославль, 1995. Вып. 2. Ч. 2. С. 164–167.
2. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1892.
3. Сидорова И. Б. Положение разночинцев в русском обществе (XVIII — первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1982.
4. Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел. М., 1930.
5. Тарловская В. Р. Из истории городской реформы в России конца XVII — начала XVIII в. // Государственные учреждения России XVI–XVIII в. М., 1991. С. 98–118.
6. Юркин И. Н. Выборные службы в системе управления Оружейной слободой Тулы в первой трети XVIII столетия // Управление городами: история и современность: материалы научной конференции (Тверь, 23–24 ноября 2000 г.). Тверь, 2001. С. 129–141.

Nadezhda V. Sereda

Doctor of Historical Sciences, Tver State University (Russia, Tver)

E-mail: Nv.sereda@Yandex.ru

URBAN COMMUNITY IN THE CONTEXT OF THE MODERNIZATION PROCESS IN RUSSIA

The report considers the first stage of modernization of the structure of the urban population and city administration under Peter I. The author links these processes with the introduction of the poll tax and formulates the thesis about the citizens of cities as payers of the poll tax included in the revision list of this city.

Keywords: Peter I, modernization, city management, structure of the urban population, urban community, poll tax

Титов Александр Леонидович

к.архитектуры, доцент, Уральский государственный архитектурно-художественный университет
им. Н. С. Алфёрова (г. Екатеринбург)

E-mail: fosberi@mail.ru

М. П. МАЛАХОВ: АРХИТЕКТОР И ИНЖЕНЕР, СОЗДАТЕЛЬ ШКОЛЫ ЗОДЧИХ

УДК 72.035:929

В докладе освещены основные этапы жизненного пути и архитектурного творчества М. П. Малахова, раскрыта тема созданной им мастерской и так называемой архитектурной школы, дана оценка результатов ее работы. Приведены примеры архитектурных проектов Малахова.

Ключевые слова: М. П. Малахов, школа зодчих, архитектура Урала, архитектура классицизма

Мастера архитектуры на Урале в первой половине XIX в. были представлены целым рядом ярких и плодотворных личностей, к наиболее значительным из которых можно отнести Михаила Павловича Малахова, чьим самоотверженным трудом и творческой мыслью были созданы значительные архитектурные проекты и инженерные решения того времени.

Кроме того, М. П. Малахов, прославился созданием своеобразной школы зодчих, в которой он воспитал хороших специалистов, продолжателей своего дела как на архитектурном поприще, так и в области инженерных решений, которых у него было разработано немало. Его ученики стали продолжателями архитектурных традиций, главные из которых лежали в русле уральского классицизма, ставшего фундаментом архитектуры региона. В данном докладе хотелось бы кратко рассказать о начале творческого пути самого М. П. Малахова и его становлении как архитектора.

Архитектор родился в 1781 г. в Украине, в семье мелкопоместного дворянина. В период своей юности он работал канцеляристом в Черниговском местном поветовом суде, а также на почте. Будучи писцом, Малахов много занимался рисованием и «сочинял прожекты» для строительства зданий. Незаурядные способности позволили ему в начале 1800 г. достаточно легко поступить в Академию художеств «для усовершенствования себя в архитектурной науке» [1, с. 41]. В 1801 г. он успешно закончил обучение с аттестатом первой степени. В том же году Малахов поступил на службу в медицинскую коллегию, а затем в Министерство внутренних дел. В течение следующих пяти лет он работал «архитекторским помощником» на главных постройках Казанского собора, медико-хирургической академии, а также лекционных театров в Санкт-Петербурге. С конца 1805 г. Малахов в Оренбурге, а с 1 февраля 1815 г. «по объявленному желанию» он начал работать архитектором Екатеринбургских заводов. С 1832 г. он заменил И. И. Свиязева на должности архитектора Уральского горного правления.

Малахов проработал в Екатеринбурге 27 лет, вплоть до самой своей кончины. За это время он спроектировал и построил большое количество промышленных и жилых зданий во многих городах уральского региона. В государственных архивах было обнаружено более чем 30 проектов, принадлежавших Малахову [2, с. 19]. Безусловно, это далеко не полная информация о выполненных им работах, но и этого вполне достаточно, чтобы представить масштаб творческой деятельности архитектора.

Кроме многих других построек, выполненных Малаховым, его творчество наиболее полно характеризует прежде всего проект корпуса трех паровых машин для Березовских золотых приисков, спроектированный в 1830 г. В плане здание разделено капитальными стенами на шесть отделений, попарно. Каждая пара их рассчитана на постановку кирпичной печи с котлом в одном из помещений и собственно машины в другом. Такое разделение создавало определенные удобства для работы в цехе.

Фасад здания отвечает внутренней планировке, а его архитектурное решение построено на ритмичном сочетании больших арок (с проемами) и прямоугольных дверных и оконных проемов; с тем, чтобы подчеркнуть ось композиции, центральная пара отделений несколько выдвинута из плоскости стены, приподнята и завершена парапетом.

В связи с общей композицией и ритмом проемов поставлены вытяжные трубы с убывающей по высоте толщиной и членениями, отвечающими членениям здания и профиля. Таким образом, несмотря на то что паровые машины на Урале в то время были редкостью, Малахов разобрался в их особенностях и спроектировал здание, соответствующее новым производственным агрегатам.

Среди многочисленных построек М. П. Малахова следует также выделить комплексы промышленных зданий в Каменском и Нижне-Исетском заводах. Эти постройки отличаются пониманием нужд основного производства, единством архитектурного замысла, передовой по тому времени строительной техникой и градостроительным подходом к решению центрального ансамбля завода. В заводских зданиях М. П. Малахов использовал довольно ограниченные архитектурные средства — расшивку стен рустами, несложные карнизы и тяги, раскреповки центральных частей. Между тем, многие здания, спроектированные Малаховым, такие как госпитали, конторы заводов, жилые дома и другие постройки, характеризуются удобным расположением помещений и функциональностью, могли быть выполнены с использованием богатого арсенала архитектурных средств. Так, Малахов нередко использовал для перекрытия центральной части здания купол, тем самым придавая строению парадный вид. Целый ряд зданий архитектор завершил ротондами с купольными перекрытиями (контора Каменского завода, собственный дом Малахова и др.).

Кроме того, М. П. Малахов составил несколько планов заводских поселений и генеральный план города Екатеринбурга [3]. Эти планы отличаются учетом особенностей местности, главного и подчиненного в композиции плана, а также перспективы комплексной застройки центральной части города.

В 1832 г., заменив Свиязева на посту архитектора Уральского горного правления, Малахов, также как и его предшественник, вел большую работу по экспертизе проектов горнозаводского строительства и надзору за стройками. Он часто выезжал на места, проверял и корректировал проекты и сметы, давал указания об изменении конструкций зданий. Тем самым его деятельность способствовала выработке определенных правил проектирования и строительства заводских и гражданских зданий на Урале, основанных на строгой технологической схеме, передовых по тому времени конструкциях, методах строительства и законах архитектуры.

Одним из важнейших результатов деятельности М. П. Малахова стало создание своеобразной «школы зодчих» [1, с. 41]. В Екатеринбурге Малахов организовал свою проектную мастерскую, где постоянно работали его ученики: З. Гуляев, И. Галкин, Ф. Пролубников и другие. Их проекты и постройки отличаются качествами и чертами, сближающими их с работами учителя. Качество их подготовки основывалось на внимательном изучении как канонов архитектурных ордеров, так и более поздней классике. При этом, конечно же, нельзя сказать, что все проекты, выполненные М. П. Малаховым и архитекторами его мастерской, были совершенны, не всегда интерпретация классики была удачной, что, однако, ни в коей мере не умаляет значения творчества архитектора и его подопечных.

Говоря же в целом о региональной архитектуре первой половины XIX в., необходимо отметить, что тогда уральских архитекторов объединяла общность взглядов на принципы планировки заводских площадок, территорий заводских поселков и городов, проектирования зданий и сооружений. Единые принципы творчества архитекторов региона сложились вследствие единого для большинства архитекторов источника знаний. Их творческое лицо определилось учебой в Академии художеств, большой практической школой, которой руководили корифеи русского классицизма [4]. В дальнейшем это единство взглядов было поддержано общностью задач, решавшихся архитекторами Урала, и постоянной творческой взаимосвязью между ними.

Историческое значение архитектурной деятельности М. П. Малахова в первой половине XIX в. становится еще более важным, если учесть, что во второй половине XIX и начале XX в. на уральских заводах работало лишь несколько архитекторов, и их творчество было достаточно эклектичным, о чем красноречиво говорят здания того времени. Малахов же, оставив после себя несколько учеников, которые продолжали заложенные им архитектурные традиции уральского классицизма, обеспечил региону

достаточное количество достойных примеров архитектурного творчества, определяющих лицо целого ряда уральских городов.

Литература и источники

1. Алферов Н. С. Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960.
2. Букин В. П., Пискунов В. А. Свердловск. Перспективы развития до 2000 года. Свердловск, 1982.
3. Михаил Малахов — отец уральского классицизма. К 235-летию с года рождения великого русского зодчего // Строительный эксперт. URL: <https://ardexpert.ru/article/8144> (дата обращения: 18.06.2023)
4. Русский классицизм в архитектуре // Фасадный декор. URL: http://www.facade-project.ru/spravochniki/razdel_statej/fasadnyj_dekor_v_stilyah_arhitektury/klassicism_v_arhitekture_rossii/

Aleksandr L. Titov

Candidate of Architecture, Ural State University of Architecture and Art (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: fosberi@mail.ru

M. P. MALAKHOV:

ARCHITECT AND ENGINEER, CREATOR OF THE SCHOOL OF ARCHITECTS

The report highlights the main stages of the life path and architectural creativity of M. P. Malakhov, reveals the theme of the workshop he created and the so-called architectural school, as well as an assessment of the results of its work. Examples of Malakhov's architectural projects are given.

Keywords: M. P. Malakhov, school of architects, architecture of the Urals, architecture of classicism

Торопов Андрей Николаевич

к.и.н, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)

E-mail: atoropoff@rambler.ru

УРАЛЬСКИЙ ЗАВОДОВЛАДЕЛЕЦ ИВАН САВВИЧ ЯКОВЛЕВ

УДК 94(470.5):929

Доклад посвящен роли заводовладельца И. С. Яковлева в истории Урала, его участию в развитии Верх-Исетского горнозаводского округа.

Ключевые слова: история Урала, Яковлевы, металлургические заводы, Верх-Исетский горнозаводской округ

Иван Саввич Яковлев (1746–1801), сын знаменитого российского предпринимателя и одного из крупнейших уральских заводовладельцев Саввы Яковлевича Яковлева (Собакина), сам являлся владельцем большого числа уральских заводов сравнительно недолгий срок. В течение большей части этого срока между сыновьями Саввы Яковлева происходили споры по различным вопросам раздела принадлежавших ему уральских заводов. Поэтому, несмотря на возросший в последнее время интерес к роду Яковлевых и их огромному уральскому заводскому хозяйству, биографии Ивана Яковлева уделено гораздо меньше внимания, чем некоторым другим представителям рода Яковлевых, в том числе и его потомкам — владельцам Верх-Исетского горнозаводского округа в XIX в.: Алексею Ивановичу Яковлеву (1768–1849), Надежде Алексеевне Стенбок-Фермор (1815–1897) и др. [3]. Однако изучение роли Ивана Яковлева в истории уральской промышленности, в развитии указанного горнозаводского округа и, конечно же, в истории Верх-Исетского завода, имеющего важное значение для истории города Екатеринбурга, заслуживает отдельного научного исследования. В этом исследовании, на наш взгляд, должны быть выделены следующие проблемы: жизнь и деятельность И. С. Яковлева до смерти Саввы Яковлева, участие в разделе наследства отца, развитие собственного заводского хозяйства, степень участия в управлении принадлежавшими ему предприятиями, а также раздел принадлежавших ему заводов между наследниками.

О жизни и деятельности Ивана Яковлева до того, как он стал владельцем уральских заводов, выявлено на сегодняшний день крайне мало сведений, что связано с указанными выше причинами, и, возможно, с отсутствием каких-либо значительных успехов в раннем периоде его деятельности. Известно, что Савва Яковлев активно привлекал своих старших сыновей к предпринимательской деятельности, его дети часто упоминаются в документах, связанных с коммерческими делами. Так П. Н. Петров, рассматривая деятельность Саввы Яковлева как откупщика питейных сборов, отмечает, что тот «с компаниею» получил на откуп на семь лет, с 1759 г., все казенные сборы, в том числе и питейные, в Петербурге и Москве. В числе компаньонов Саввы Яковлева П. Н. Петров называет троих его детей: Ивана, Петра и Гаврилу [4, с. 594, 599–600, 799]. Савва Яковлев с детьми Михаилом, Петром, Иваном и Гаврилой были исключены из подушного оклада и пожалованы шпагами сенатским указом от 2 сентября 1758 г. «за прилежное старание» в коммерческой деятельности¹. Однако в силу своего возраста, а также, вероятно, в силу отсутствия предпринимательских талантов, которыми обладали его отец и старший брат Михаил, вклад Ивана Яковлева в формирование хозяйства Яковлевых в тот период выглядит крайне незначительным. Также можно предположить, что именно старшего сына Михаила Савва Яковлев видел продолжателем своего дела, поскольку известно, что для других своих сыновей он выбрал военную карьеру. Двое из них, Петр и Сергей, стали подполковниками, Гавриил — капитаном, Иван — поручиком Таганрогского драгунского полка². Однако после смерти отца жизнь Ивана Яковлева серьезно изменилась.

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 72. Оп. 1. Д. 16. Л. 3–Зоб.

² ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 23. Л. 2; Д. 36. Л. 1; Д. 112. Л. 1об; Оп. 2. Д. 86. Л. 268.

Раздел имущества Саввы Яковлева был рассмотрен нами ранее [6], поэтому здесь следует выделить только следующие важные факты. В результате раздела Ивану Яковлеву на Урале стала принадлежать «Верх-Исетская часть» отцовского наследства (Верх-Исетский, Режевской, Холуницкий, Климовский и недостроенный Чернохолуницкий заводы), а также проданная ему матерью М. С. Яковлевой «Шуралинская часть» (Шуралинский, Верхнетагильский со вспомогательным Вогульским, Верхнейвинский, Шайтанский, Сылвенский, Уткинский заводы)³. Таким образом, Иван Яковлев стал владельцем одного из крупнейших на Урале заводских хозяйств, которое уступало своими размерами заводскому хозяйству отца, но значительно превосходило заводские хозяйства, доставшиеся его братьям Петру и Сергею. Важно отметить, что именно Ивану мать продала свою часть заводов, благодаря чему он и стал таким крупным заводовладельцем. Впоследствии принадлежавшие ему заводы разделили на два горнозаводских округа: Верх-Исетский и Холуницкий.

Источники свидетельствуют, что, как и другие дети Саввы Яковлева, Петр и Сергей, Иван продолжил дело отца по развитию уже имевшихся металлургических производств и строительству новых. В 1795 г. в качестве вспомогательного для Сылвенского завода Иван Яковлев построил Саргинский железодельный завод. Также в 1800 г. в Холуницком горном округе были созданы Боровской вспомогательный чугуноплавильный и железодельный заводы⁴. При Иване Яковлеве в 1796 г. началось строительство Нижневерхнейвинского вспомогательного завода [2, с. 114]. Также он добивался разрешения основать в своем округе медеплавильный завод. Названный Нейво-Рудянским, он был построен в 1810 г., уже после смерти Ивана Яковлева, его сыном Алексеем⁵.

Однако в заводском хозяйстве Ивана Яковлева прослеживается та же тенденция, что и во многих других частновладельческих округах, когда заводчики уже не принимают непосредственного участия в управлении своими предприятиями «в качестве управляющих» [1, с. 9]. Иван Яковлев сразу же после получения наследства передал функции управления в Верхисетской части приказчику Григорию Заверняеву, а в Шуралинской — Дмитрию Дееву⁶. Поэтому очевидно, что большинство вопросов, связанных с работой уже утроенных заводов, их обеспечением и развитием решались не самим владельцем, а управляющими.

Для оценки вклада Ивана Яковлева в уральскую историю очень важно отметить заметный рост роли одного из старейших на Урале — Верх-Исетского чугуноплавильного и железодельного завода. В свое время Верх-Исетский завод строился казной как вспомогательный к Екатеринбургскому заводу, но после его передачи графу Воронцову увеличил количество кричных молотов, став самостоятельным предприятием [2, с. 100–101]. После приобретения завода Саввой Яковлевым и особенно после раздела его хозяйства роль предприятия изменилась. Верх-Исетский завод стал центром самостоятельного заводского хозяйства, центром формирующегося горнозаводского округа, а также продолжал свое развитие как одно из крупнейших металлургических предприятий Урала [2, с. 101–102]. Роль заводовладельца Ивана Яковлева в этих процессах, имевших решающее значение для истории завода, а впоследствии и важное значение для истории города Екатеринбурга, бесспорна. Не только благодаря тому, что предприятие досталось ему по наследству, но в первую очередь благодаря активному участию заводовладельца в управлении своим хозяйством, его управленческим решениям.

Иван Саввич Яковлев умер раньше своих братьев Петра и Сергея Яковлевых 27 ноября 1801 г.⁷ В течение нескольких лет его уральское заводское хозяйство находилось под общим управлением его наследников, затем, 29 октября 1806 г., Московским надворным судом наследство Ивана Яковлева было разделено

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2499.

⁴ Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 14. Д. 105. Л. 13об.

⁵ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 142. Л. 327.

⁶ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 23. Л. 149.

⁷ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 373. Л. 3.

на две части между его сыновьями⁸. Алексей Иванович Яковлев получил весь Верх-Исетский горнозаводской округ [5, с. 74]. В него вошли восемь основных чугуноплавильных и железоделательных заводов: Верх-Исетский, Уткинский, Сылвенский, Режевской, Верхнейвинский, Верхнетагильский, Шуралинский и Шайтанский, а также три вспомогательных: Вогульский, Саргинский и Нижневерхнейвинский. Александр Иванович Яковлев получил Холуницкий горнозаводской округ (Климковский и Холуницкий заводы, вспомогательный Боровской и недостроенный Чернохолуницкий завод) [7, с. 5].

Вклад Ивана Яковлева в развитие уральской промышленности является достаточно весомым. Он не просто владел одним из крупнейших заводских хозяйств в регионе, но и обеспечил его развитие, построив ряд новых предприятий. Кроме того, именно время Ивана Яковлева стало временем формирования Верх-Исетского горнозаводского округа, а также повышения роли Верх-Исетского чугуноплавильного и железоделательного завода. Во всех этих процессах, имеющих большое значение для истории Урала и Екатеринбурга, Иван Саввич Яковлев принимал активное участие, заняв в истории края и города свое достойное место.

Литература и источники

1. Железкин В. Г., Устьянцев С. В. Технологическое развитие черной металлургии Урала (конец XVIII — 60-е годы XIX века): опыт социального анализа. Екатеринбург, 1995.
2. Металлургические заводы Урала XVIII–XX веков. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001.
3. Неклюдов Е. Г., Торопов А. Н. Род Яковлевых. Екатеринбург, 2013.
4. Петров П. Н. История Санкт-Петербурга, 1703–1782. СПб., 1884.
5. Прокофьева Т. Г. Из истории округа Верх-Исетских заводов в первой четверти XIX в. // Из истории заводов и фабрик Урала. Свердловск, 1960. Вып. 1. С. 74–80.
6. Торопов А. Н. Заводское хозяйство Яковлевых на Урале во второй половине XVIII — начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.
7. Холуницкие заводы действительного статского советника Альфонса Фомича Поклевского-Козелл Вятской губернии Слободского и Глазовского уездов. Вятка, 1890.

Andrey N. Toropov

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: atoropoff@rambler.ru

THE OWNER OF A LARGE NUMBER OF URAL FACTORIES IVAN YAKOVLEV IN THE HISTORY OF THE URALS

The report is devoted to the role the owner of a large number of Ural factories Ivan Yakovlev in the history of the Urals, his participation in the development of the Verch-Issetski Mining and Metallurgical district.

Keywords: history of the Urals, Yakovlevs, metallurgical plants, Verch-Issetski Mining and Metallurgical District

⁸ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 142. Л. 195.

Туров Сергей Викторович

к.и.н., доцент, Тюменский государственный университет

E-mail: svtur57@mail.ru

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ
(БЕРЕЗОВ, СУРГУТ, САМАРОВО) В КОНТЕКСТЕ ПРИРОДНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ (XVII — НАЧАЛО XX вв.)¹**

УДК 94(571.122)''16/19''

Рассматриваются традиции, отражавшие специфику природно-общественных взаимосвязей — общественные обетные праздники (моления) и индивидуальные обеты в память об избавлении от стихийных бедствий. Как правило, обеты приходились на день памяти какого-либо святого, в связи с чем складывался культ святого и почитание его образа. Почитался день памяти какого-либо святого, грозящий стихийными бедствиями.

Ключевые слова: Северное Зауралье, Березов, Сургут, Самарово, стихийные бедствия, обетные праздники

Православие всегда было достаточно пластичной религиозной доктриной, чутко реагировавшей на местные (локальные) этнокультурные, хозяйственные и иные условия. Отражением в православной традиции природно-общественных взаимосвязей явились местные церковные (обетные) праздники. Так, в XVII в. в г. Березове после одного из катастрофических наводнений и воследовавшего падежа скота был установлен праздник (общественное моление) во имя Епифания, епископа кипрского, на день памяти которого пришлось окончание стихийного бедствия. По меньшей мере до первой половины XIX в. эта традиция соблюдалась, ибо катастрофические наводнения повторялись с завидной регулярностью. В березовском Воскресенском соборе находилась глубоко почитаемая прихожанами икона святителя. В 1840-х гг. икону решено было обновить. Сюжет должен был отображать суть почитания святого: «... Пред Спасителем, изобразив его на облаках небесных, написать стоящего на земле святителя Епифания, и позади его, вдали, представить падающий с неба снег, а с противной стороны — выходящее из-за туч солнце; внизу же иконы долженствовали быть в виду город и река Сосва, освобождающаяся ото льда». Однако сюжету этому не суждено было воплотиться в образ [1]. Еще один общественный молебен совершался в часовне над могилой некоего «неизвестного святого» ежегодно в июне с 1820-х гг. после того, как в Березове выдался голодный год. Иногда горожане видели святого, обходившего часовню. Особенно часто бывали подобные явления накануне различных стихийных бедствий: наводнений, пожаров, повальных болезней [2]. В Березовском соборе выделялась прихожанами икона «Архангел Михаил Грозных сил воевода», помимо прочего, в местной традиции архангел осмыслялся как защитник «от черново зверя, от белого медведя» [3, с. 5].

В Сургуте на 9 августа был установлен обетный праздник в память о том, что во время бури 1871 г. обошлось без человеческих жертв². Еще одна сургутская культовая традиция была зафиксирована наблюдателями в конце XIX в.: «...В случае избавления от несчастья (буря на реке, блуждание по лесу или тяжкая болезнь) давать обет «обещанье» отслужить молебен тому или иному святому, той или иной иконе» [4, с. 162]. Там же в Сургуте бытовала еще одна традиция — особое почитание определенного дня как дня во всех отношениях неблагоприятного. Таким днем сургутяне считали 29 августа, день памяти Усекновения честных главы святого Иоанна Предтечи (Ивана Постного). На Ивана Постного

¹ Выявление источников по теме в центральных библиотеках (РГБ, РНБ) выполнено за счет средств гранта РФФИ № 20-49-720018 «Интеллектуальный капитал как драйвер ускоренного развития Тюменского региона: от аграрно-сырьевой к постиндустриальной модели развития» (рук. А.Н. Сорокин). Выявление источников в региональных библиотеках выполнено за счет гранта Правительства РФ № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» (рук. В. П. Зиновьев).

² На пароходе от Тобольска до Томска: (путевые заметки) // Сибирская газета. 1885. 2 июня. С. 558.

не решались предпринимать каких-либо далеких выходов из дому, боясь заблудиться или встретиться с медведем, не ездили на реку («возьметса такая погода, что свету божьего не видать») [4, с. 46]

В 1848 г. в с. Самарово свирепствовала холера. В ознаменование избавления от этой напасти в Ильин день (20 июля) и в последующие два дня в Самарово отмечался молебнами обетный праздник [5, с. 142]. 25 октября отмечался обетный праздник, установленный в связи с голодом и холерой, посетившими Самаровский край в 1891 г.³

Таким образом, на уровне религиозных традиций нашли отражение бедствия, с которыми жители северного таежного края не могли справиться без божьей помощи: катастрофические наводнения, эпидемические заболевания, хищные звери, ненастная погода, пожары.

Литература и источники

1. Абрамов Н. А. Празднование в г. Березове святителю Епифанию, епископу кипрскому // Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 509–515.
2. Губарев К. От Тобольска до Березова // Современник. 1863. № 1. С. 371.
3. Туров С. В. Земные и небесные всадники града Березова: к вопросу о роли мифо-эпической традиции в формировании исторического самосознания русского населения азиатской России (XVII — начало XX века) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 54–61.
4. Неклепаев И. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. Тюмень, 1997.
5. Лопарев Х. М. Самарово. Тюмень, 1997.

Sergei V. Turov

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: svtur57@mail.ru

ORTHODOX TRADITIONS OF THE REGIONAL CENTERS OF THE NORTHERN TRANS-URALS (BEREZOV, SURGUT, SAMAROVO) IN THE CONTEXT OF NATURAL AND SOCIAL RELATIONSHIPS (17TH — EARLY 20TH CENTURIES)

Traditions reflecting the specifics of natural and social interrelations are considered — public votive holidays (prayers) and individual vows in memory of getting rid of natural disasters. As a rule, the vows fell on the day of the memory of a saint, in connection with which the cult of the saint and the veneration of his image developed. The day of remembrance of a saint, threatening with natural disasters, was revered.

Keywords: Northern Trans-Urals, Berezov, Surgut, Samarovo, natural disasters, votive holidays

³ Асин М. Наши корреспонденции. с. Самарское, Тобольского уезда // Вестник Западной Сибири. 1913. 10 авг.

Черных Александр Васильевич

чл.-корр РАН, д.и.н., директор, Институт гуманитарных исследований УрО РАН — филиал Пермского ФИЦ УрО РАН (г. Пермь)

E-mail: atschernych@yandex.ru

**ЭТНИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА:
ОТ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ К СЕТЕВОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ**

УДК 94(470.5):314.15

В докладе рассматриваются особенности проявления этничности в условиях городских пространств. Анализируются различные модели сохранения этничности: от сохранения компактности расселения и общинных институтов до формирования земляческих, конфессиональных, этнических групп и общностей, основанных на сетевой коммуникации и выступающих одним из институтов сохранения и трансляции этничности.

Ключевые слова: этничность, этнические процессы, городские сообщества

Изучение этничности в условиях города, сохранение языка, этнической идентичности и этнокультурных комплексов активизировалось только в последние десятилетия. Традиционно этнографами пристально изучались преимущественно сельские этнические сообщества, имеющие очерченные ареалы расселения, активно сохраняющие идентичность и транслирующие формы этнической культуры. Эта особенность сохраняется и в настоящее время при исследовании комплексов традиционной культуры и этничности. В то же время изучение города как принципиально иной формы поселения и организации сообществ, характеризующаяся сложностью этнического состава и межэтнического взаимодействия, сложностью в проведении полевых исследований, требует новых подходов и более затратных методик полевой работы [6; 7].

На протяжении последних нескольких лет сотрудники Института гуманитарных исследований УрО РАН — филиала Пермского ФИЦ УрО РАН проводят системные исследования среди этнических сообществ города Перми, как сформировавшихся достаточно рано в городском пространстве (поляки, немцы, татары и др.), так и появившихся позднее, в XX в. (китайцы, корейцы, белорусы, латыши и др.), а также миграционных сообществ, активное формирование которых происходило только в последние десятилетия [2; 3; 8; 9]. Данные материалы по г. Перми и стали основной источниковой базой для настоящего исследования.

Среди целей и задач работы — рассмотреть на примере разных этнических сообществ города различные модели функционирования этничности: от сохранения компактности расселения и общинных институтов до формирования земляческих, конфессиональных, этнических групп и общностей, основанных на сетевой коммуникации и выступающих одним из институтов трансляции этничности.

Наиболее простой формой социальной организации, обеспечивающей трансляцию этнической идентичности, языка, комплексов этнической культуры представляются территориальные сообщества, особенностью которых является компактность расселения. Именно такие формы в большей степени характеризуют традиционное сельское расселение. Однако и в условиях города мы также наблюдаем стремление к относительной компактности расселения для отдельных этнических и конфессиональных сообществ в истории города Перми. Город Пермь изначально складывался как полиэтничный. Однодневная перепись города Перми, произведенная 7 апреля 1890 г., показала такую этническую структуру жителей города. Среди 37902 горожан доля русских составляла 94,8 % (35947 чел.), вторым по численности этническим сообществом были евреи 1,9 % (724), третьим — татары 1,8 % (672), четвертым — поляки 0,7 % (368), пятым — немцы 0,4 % (145). Такая же этническая структура сохранялась и в последующие годы, с той разницей, что увеличивалась численность всех народов, а татары стали занимать второе место после русских. Перепись 1897 г. отметила, что на 45 205 жителей города приходилось 41 902 русских,

1 263 татар, 864 еврея, 739 поляков, 184 немца. Кроме того, перепись зафиксировала и другие народы: 73 украинца, 25 белорусов, 8 чехов, 17 литовцев, 3 финна, 6 эстонцев, 4 коми-пермяка, 45 башкир и другие¹. «Татарская» мечеть, синагога, «польский» костел, «немецкая» кирха и сегодня маркируют городское пространство исторической части Перми. И хотя евреи старались селиться поблизости от синагоги, немцы — у лютеранской кирхи, а татары проживали на улицах, идущих к мечети, сохранить в условиях города территориальные сообщества было достаточно сложно. В настоящее время единственной моделью социальной организации этнических сообществ, основанной на компактном совместном проживании, можно назвать лишь расселение общин цыган-кэлдэраров.

Наиболее действенной для сохранения идентичности и коммуникации в условиях города представляются модели сетевого взаимодействия. При общих закономерностях сетевых сообществ в их в основе лежат коммуникации и взаимодействие, а компактность расселения не играет роли в их функционировании. Сетевые связи между представителями этнических сообществ строились на основе нескольких факторов. Одним из центров сетевой коммуникации становились конфессиональные общины. Так, для поляков г. Перми, сформировавшихся из разных миграционных волн, таким центром объединения сообщества долгое время оставался католический костел. Эту функцию в еврейском сообществе выполняла синагога, у немцев — лютеранская кирха. Однако примеры конфессиональных общин и формирования вокруг них этнических сообществ являются лишь одной моделью сетевых сообществ в условиях городской среды, характерной для дореволюционного и в меньшей степени постсоветского периода.

Для целого ряда этнических общин города основой для формирования сетевых сообществ служат родственные связи. Примером такого сообщества можно назвать корейскую общину: миграции корейцев в г. Пермь в послевоенные годы XX в. привели к формированию сетевого сообщества на основе родственных связей, которые во многом поддерживали и последующие миграции корейцев в регион [4].

Важным для формирования коммуникации в условиях города представляются и земляческие связи. В этом случае центр «этничности» находится за пределами города, но связь с ним сохраняется и поддерживается. На основе земляческих и родственных связей происходит коммуникация и внутри городского пространства. Такие модели взаимодействия характерны для этнических групп, имеющих компактные ареалы проживания в Пермском крае: коми-пермяков, удмуртов, марийцев, татар, башкир, чувашей.

Действующей моделью формирования сетевых сообществ для современных этнокультурных процессов является объединение вокруг институтов самоорганизации — общественных национально-культурных центров. В значительном ряде случаев в результате деятельности такой организации удается выстроить коммуникацию внутри сообщества и включить в эту деятельность значительное число участников, представляющих данную этнокультурную традицию.

Немало примеров, когда на поддержание этничности работает сразу несколько институтов — конфессиональные сообщества, родственные связи и общественные институты.

Характерной особенностью городских групп является активное поддержание этничности и коммуникации внутри своего сообщества первым поколением мигрантов, которые ориентированы на поддержание этничности, владеют родным языком и являются носителями основных комплексов этнической культуры. Второе поколение уже, как правило, не проявляет активной потребности в деятельности этнических сообществ. Рассматривая данный тезис в исторической перспективе, можно отметить, что в случае нескольких миграционных волн только мигранты последней волны сохраняют идентичность и формируют этнические институты. Такую ситуацию наглядно демонстрируют материалы по болгарскому сообществу. Второе и третье поколения показывают слабое владение болгарским языком и культурными традициями, не всегда сохраняют болгарскую этническую идентичность [1].

¹ Памятная книжка и адрес календарь Пермской губернии на 1893 г. Пермь, 1892. С.104: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. 16. С. 96–97.

Новые миграционные процессы последних десятилетий, вызывавших активный приток в регион народов Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, также показывают сложные и разнообразные формы самоорганизации — стремление к созданию территориальных сообществ, связанных с районами занятости мигрантов, становление и деятельность общественных институтов, сохранение родственных и земляческих коммуникаций, взаимодействие с территориями выхода мигрантов [5].

Таким образом, в условиях полиэтничного пространства города реализуются разные модели и стратегии самоорганизации и формы сохранения этничности. В последнее десятилетие еще одной активной формой коммуникации и формирования этнических сетевых сообществ становится также интернет-пространство, а социальные сети выступают платформой коммуникации и организации этнических сообществ.

Литература и источники

1. Болгары Урала и Сибири: очерки истории и этнографии / отв. ред. А. В. Черных, П. Христов. СПб., 2022.
2. Вайман Д. И., Черных А. В. Немцы Перми: история и культура. Пермь, 2015.
3. Голева Т. Г., Черных А. В. Коми-пермяки Перми: история и культура. Пермь, 2016.
4. Каменских М. С. Корейцы Прикамья: семьи и судьбы. СПб., 2021.
5. Каменских М. С. Мигранты и стереотипы о мигрантах в общественном пространстве российского мегаполиса // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Сер.: Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 129–140.
6. Мокин К. С. Город как контекст драматургии этничности // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 4. С. 207–218;
7. Набок И. Л., Малышева Е. В. Метаморфозы этничности в жизненном пространстве современного мегаполиса // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 90–94.
8. Черных А. В. Марийцы Перми: история и культура. Пермь, 2015.
9. Черных А. В. Татары Перми: история и культура. Пермь, 2015.

Aleksander V. Chernykh

Doctor of Historical Sciences, corresponding member of the RAS, Institute of Humanitarian Studies
Ural Branch of the RAS (Russia, Perm)
E-mail: atschernych@yandex.ru

ETHNICITY IN URBAN CONDITIONS: FROM TERRITORIAL COMMUNITIES TO NETWORKING

The study observes the specificity of ethnicity manifestations in urban conditions. It notes that the investigation of city communities hasn't been a priority topic for traditional ethnography. On the example of the compactness of resettlement and community institutions to the formation of homeland and confessional ethnic groups and communities based on networking and being one of the institutions of ethnicity preservation and manifestation.

Keywords: ethnicity, ethnic processes, urban communities

ПРОСТРАНСТВА «РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ»: ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Алексеева Елена Вениаминовна

д.и.н., профессор РАН, в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: alekseeva167@mail.ru

Быстрова Татьяна Юрьевна

д.филос.н., профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
E-mail: taby27@yandex.ru

ТОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА XVIII–XX вв.)

УДК 711.4:94(470.5)''17/19''

Применение топологического подхода в исследовании градостроительных планов с учетом промышленных детерминант развития Екатеринбурга показало, что исходная топология поселения в разных технологических укладах и исторических обстоятельствах задает городу меридиональное направление развития, в большей мере обусловленное природными свойствами места. В периоды спада или стабилизации промышленной активности, доминирующей становится ось «запад — восток».

Ключевые слова: топология, Екатеринбург, историческая промышленная территория города, исторический ландшафт, индустриальное наследие

История изменения планов городов и факторов, которые определяют их формы не только в прошлом, но и в будущем, исследуются редко и не в полной мере комплексно. Например, типологический подход, говорящий о двух основных формах городских планов — круглой и квадратной [1; 9; и др.], отталкивается от протогородских поселенческих структур, в которых еще не было промышленности или торговли в современном смысле слова, заведомо упрощает исследовательский взгляд, не упоминая о рельефе, транспорте, источниках сырья, рассматривая конфигурацию как своего рода самоценную сущность. Но, даже будучи созданным круглым или квадратным, город не может позже обеспечить воспроизведение структуры исключительно регламентами или управленческими решениями: есть обстоятельства, которые, по меньшей мере, способствуют ее удержанию. Это касается и Екатеринбурга, чьи планировочные решения уже представлены исследователями [2; 3; и др.], но не объяснены в полной мере в единстве внутренних и внешних детерминант.

Модель пульсирующего развития Екатеринбурга соотносит пространственное развитие с динамикой численности населения города с момента его основания и с учетом реальной трансформации планов города. Учитывая при моделировании, что «исходная схема поселения задавалась прямоугольной крепостью 654 × 762 м, которая позже неоднократно трансформировалась с циклами скругления и “оквадрачивания”», В. В. Литовский приходит к выводу, что это диктовалось сначала соображениями безопасности, а затем обеспечения равнодоступности и шаговой доступности территорий [6, с. 18]. «Лимитирующими факторами» планировки города оказываются в этом случае траектории передвижения жителей. Однако единственны ли они? Можно ли считать, что какой-либо город стремится к кругу или квадрату, потому что таковы законы его самоорганизации или подобного рода модель требует усложнения?

История возникновения и последующего развития заводов Екатеринбурга, обстоятельства их строительства, социально-экономические характеристики и производственные достижения отражены

в обширной историографии [4; 7; 9; и др.]. Есть попытка Н. С. Корепанова в семиотическом ключе осмыслить планировку раннего Екатеринбурга через аллегорическую символику как отражение «неба на земле», модель вселенной, придание особого значения расположению городских осей по сторонам света, симметричному размещению ключевых сооружений и уличных линий в четырехугольнике крепости [5].

Проведенная исследователями работа способствовала осознанию ценности исторической промышленной территории города. Так, выполнен ретроспективный анализ и выделены четыре исторических этапа развития территории одного из старейших заводов Екатеринбурга — Верхне-Уктусского (Елизаветинского), выявлены характерные объемно-планировочные изменения каждого из этапов, определена ценность исторической территории периферийного района города, а также границы наиболее значимой для территории поселения исторической части [13]. Однако исторический ландшафт и планировочная структура остаются недооцененными как специфический уникальный ресурс перспективного развития мегаполиса, а представление общей картины пространственного развития города как результата действия производственных императивов далеко от системности и целостности. Эта картина пока формируется фрагментарно.

Изучение нами пространственной динамики Екатеринбурга как индустриального города опирается на междисциплинарные работы по истории российских городов [12; и др.]. В исследовании пространственного развития города в общем плане мы ориентировались на идеи геоурбанистики, достижения научной школы географического градоведения, которая учитывает факторы эволюции систем городского расселения, в том числе индустриализацию, рассматривает исторические поселения как объекты культурного наследия и хранителей исторической памяти [10].

В основу исследования положена топология как метод выявления постоянного, устойчивого и относительно неизменного, «что характеризует тот или иной объект, несмотря на наличие определенных переменных параметров, и обеспечивает его относительную тождественность самому себе на разных этапах развития во времени и пространстве», а также в конкретном значении отношения объекта (или его различных элементов) к пространству/месту/строению/структуре, пространственным/структурным характеристикам [11, с. 104].

Исследование генезиса градостроительных планов Екатеринбурга в непосредственной связи с их промышленными детерминантами показывает, что исходная топология данного места, создаваемого как индустриальное поселение, в разных технологических укладах и исторических обстоятельствах задает городу основное направление развития по меридиональной оси, в большей мере обусловленной природными свойствами места (рельеф, вода, сырье). В периоды спада или стабилизации промышленной активности, выхода на первый план в развитии Екатеринбурга внеиндустриальных задач доминирующей становится ось «запад — восток». Доказательство этого тезиса углубляет представление о градообразующих процессах, поскольку, наряду с фиксацией конфигурации города в разные периоды, становятся видны уникальные ландшафтно-географические факторы ее формирования, включая залежи полезных ископаемых, а само планировочное решение перестает выглядеть как результат исключительно типовых закономерностей или обстоятельств.

Работа с градостроительным наследием в российских городах разного масштаба является условием их устойчивости, развития, этнокультурной и технологической идентичности. Для принятия адекватных решений, сохраняющих идентичность Екатеринбурга, выстраивания межпоколенческой преемственности, осознания разнообразия и значимости созданного здесь историко-культурного достояния для российской и мировой истории нужно видеть город как целое в его исторической динамике и связывать частные нововведения с его исходной топологией.

Литература и источники

1. Бочаров Ю. П., Кудрявцев О. К. Планировочная структура современного города. М., 1972.
2. Букин В. П., Пискунов В. А. Свердловск. Перспективы развития до 2000 года. Свердловск, 1982.

3. Екатеринбург: история города в архитектуре. Екатеринбург, 1998.
4. Корепанов Н. С. Город посредине России: культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2005.
5. Корепанов Н. С. Топонимика и символика планировки раннего Екатеринбурга (20–60-е гг. XVIII в.) // Город Екатеринбург: историко-культурное наследие и современность. Екатеринбург, 1996.
6. Литовский В. В. Пространственное развитие Большого Екатеринбурга и его лимитирующие факторы // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2020. № 1 (44). С. 16–19.
7. Лотарева Р. М. Города-заводы России: XVIII — первая половина XX века. Екатеринбург, 2011.
8. Мазаев Г. В. Форма плана города: эволюция представлений // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2015. № 2. С. 21–27.
9. Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX в. М., 2006.
10. Обедков А. П. Географическое градоведение и городская политика в России. Сыктывкар, 2020.
11. Полубиченко Л. В. Топологическая парадигма гуманитарного знания: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 102–117.
12. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2011.
13. Хомяков А. А., Десятов Л. В., Солонина Н. С. Историко-культурная ценность территории Верхне-Уктусского (Елизаветинского) завода в обособленном районе города // Новые идеи нового века — 2018. Хабаровск, 2018. Т. 1. С. 458–462.

Elena V. Alekseeva

Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: alekseeva167@mail.ru

Tatyana Yu. Bystrova

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: taby27@yandex.ru

TOPOLOGICAL APPROACH IN INDUSTRIAL CITY STUDY (ON THE EXAMPLE OF EKATERINBURG OF 18–20th CENTURIES)

The application of the topological approach in the study of urban plans and industrial determinants of the development of Ekaterinburg showed that the initial topology of the settlement in different technological patterns and historical circumstances sets the city's main direction of development along the meridional axis, which is largely determined by the natural properties of the place. During periods of decline or stabilization of industrial activity, the west-east axis becomes dominant.

Keywords: topology, Ekaterinburg, historical industrial area of the city, historical landscape, industrial heritage

Бугров Константин Дмитриевич

д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН;
профессор, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

**СТАРЫЕ РАБОЧИЕ ПОСЕЛКИ В ПРОСТРАНСТВАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ «СТОЛИЦ»
УРАЛА: ВИЗ И МОТОВИЛИХА В XX в.¹**

УДК 94(470.5)''19'':711.581

В докладе рассмотрены траектории градостроительного развития рабочих поселков старых промышленных предприятий, оказавшихся в XX в. интегрированными в пространство крупных областных «столиц» — Свердловска и Перми. Сделан вывод о том, что, хотя процессы развития самих поселков в XX в. были сходными, логика их интеграции в общегородской контекст различалась, что оказало влияние на складывание «ландшафтов столичности» в двух областных центрах.

Ключевые слова: Верх-Исетский завод, Мотовилихинский завод, рабочий поселок, компактный город

Исторической чертой, характерной и для Перми, и для Екатеринбурга, является тесная связь их развития с крупными заводскими поселками, до XX в. не составлявшими с городом единое целое. Речь идет о Верх-Исетском заводе (ВИЗе) в случае Екатеринбурга и о Мотовилихинских заводах в случае Перми. Крупные рабочие городки оказались «втянуты» в орбиту своего соседа лишь в годы советской власти, в 1920-х гг. Процесс их интеграции в общегородское пространство стал важной частью складывания «столичного» ландшафта обоих областных центров.

География Мотовилихинского поселка была чрезвычайно сложной из-за того, что его рассекали сразу несколько речек — Ива, Таложанка и Мотовилиха: на холмах над этими речками располагались поселки Заива, Пихтовка, Запруд, Костарево, Гарцы, Вышка 1-я и Вышка 2-я. В 1930-е гг. был выстроен новый городок — Рабочий Поселок, занявший пустырь к западу от старого деревянного поселка Заива на вершине горы [6]. Предполагалось, что Мотовилиха будет расти на запад, в сторону Перми. Здесь, согласно планам 1930-х гг., должен был располагаться новый центр единого города [10, с. 63–64]. Хотя эти планы и не были воплощены, в послевоенный период пространство на высоте холма между Мотовилихой и Пермью — Городские Горки — было застроено целиком. Образовался своего рода парадный проспект — улица Молотова (ныне — Якова Свердлова), ведущий из центра Перми на старую Мотовилиху, которая продолжала существовать, сохраняя дореволюционный облик. Ее символическим центром являлась гора Вышка, на которой в 1920 г. был установлен памятник борцам революции 1905 г. авторства инженера В. Е. Гомзикова; в 1970 г. на горе был построен комплекс диорамы, изображающей бои 1905 г. в поселке завода. Социально-культурный центр района был оторван от символического; он формировался с 1930-х гг. в Рабочем Поселке: в 1963 г. здесь был возведен дворец культуры, позднее — спортивный комплекс; западнее разместился цирк. Тем не менее, в целом Пермь оставалась рыхлым конгломератом заводских поселков [5, с. 33].

Размах строительства в поселке Верх-Исетского завода был меньшим, а рельеф — более простым, хотя и тут завод занимал оба берега Исети. С 1920-х гг. здесь прослеживалось стремление разместить новый поселок так, чтобы занять холм, отделявший старый ВИЗ от Екатеринбурга: вначале на мысу Исети был выстроен поселок «Красная Кровля» (такое название носил тогда завод), а в 1930-е гг. новая застройка концентрировалась вдоль улицы Нагорная, захватывая территорию старого кладбища; в 1930 г. была снесена Всехсвятская церковь, на месте которой выстроили клуб металлистов, жилой дом и школу ФЗУ. Эвакуация времен Великой Отечественной обернулась тем, что главное здание формирующегося поселка — клуб — оказалось занято кабельным заводом; освоение горы прекратилось,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10119 «Культурное наследие на Урале: социальная роль, трансформация, трансляция» (рук. А. С. Палкин).

и в послевоенный период район ВИЗа начал расти главным образом на юг, а не на восток. Главной магистралью стала улица Заводская, ведущая непосредственно к заводской проходной [2, с. 179]. На площади Субботников в 1957 г. был построен новый дворец культуры; в 1986 г. была оформлена западная сторона площади, где был возведен спортивный центр с бассейном. Уже с 1920-х гг. ВИЗ расценивался свердловскими градостроителями как часть центрального района города [1].

В отличие от ВИЗа Мотовилиха оказалась надежно «защищена» от сноса своим сложным рельефом. Новые капитальные кварталы Мотовилихинского района появлялись вдали от промышленной площадки, на юго-западе, на сельскохозяйственных землях. Лишь в конце 1980-х гг. началось наступление на старую застройку района Заива: почти вся старая застройка к востоку от улицы Хрустальная и к югу от улицы Уральская была снесена; на юге новые здания вышли к обрывистому склону долины реки Ива, образуя там эффектные «бастионы». Была также предпринята попытка застроить район Пихтовка, однако целиком освоить его территорию не получилось. Старый же поселок Мотовилихи и в XXI в. сохраняет старинный облик. Генеральные планы 1938 г. и 1972 г. предполагали застройку Запруда и Висима многоэтажными домами, уничтожение старых деревянных кварталов, создание в речных долинах зеленых зон, однако эти идеи не были реализованы. Старая Мотовилиха воспринималась одновременно и как памятник истории, и как досадное обременение города заведомо устаревшим жильем. Авторы литературы о заводе обычно акцентировали контраст между новой застройкой и старыми «кособокими подслеповатыми домами», обреченными на исчезновение [9, с. 15, 441–442, 599].

На ход развития заводских поселков, заданный еще в 1930-х гг., существенный отпечаток наложил кризис, с которым старые предприятия столкнулись в середине XX в. Хотя Мотовилиха входила в число крупнейших заводов довоенной поры, она все же была старым предприятием; к тому же завод оказался жертвой сокращения артиллерийских программ в пользу ракетостроения. План по развертыванию на Мотовилихе производства автомобилей отвергли, после чего было решено осваивать здесь ракетную тематику [4, с. 65–66]. Для этих целей выстроили новый комплекс; первоначально его развертывали на территории мотовилихинских шлакоотвалов, затем пришлось намывать землю. Создание новых цехов, вскоре выделенных в отдельное предприятие, Пермский завод химического машиностроения (ПЗХО, ныне — завод «Машиностроитель»), привело к уничтожению части старого поселка Язовая. С 1971 г. началось строительство поселка Вышка-2 — соцгородка ПЗХО. Этот поселок, разместившийся на вершине холма над промышленной площадкой, был изолирован; к нему не проложили линию трамвая, а сообщение с железнодорожной веткой, шедшей между промзоной и подножием холма, осуществлялось по лестницам.

С кризисом, но иного характера столкнулся и Верх-Исетский завод. Как и Мотовилиха, завод прошел переоснащение на рубеже 1920–1930-х гг., но уже к 1960-м гг. старая площадка Верх-Исетского завода рассматривалась городским руководством как обременение: специализация завода на выпуске трансформаторной стали предполагала сброс в Исеть опасных отходов травильного производства. Его предлагалось остановить и вынести на Челябинский металлургический завод [3, с. 16–17]. Заводское руководство, стремясь не допустить ликвидации предприятия, предложило новаторскую технологию очистки отходов травильного производства [7, с. 13]. В 1973 г. к северу от старого завода был выстроен новый цех холодной прокатки (ЦХП). С его пуском предполагалось создать новый социальный центр для левобережного района. Старая площадка подлежала постепенному демонтажу с частичной музеефикацией [2, с. 190] и развертыванием общегородской зоны отдыха на заводском пруду. Генеральный план, принятый в 1972 г., предполагал соединить площадь Субботников с центром Свердловска напрямую через улицу Татищева [8, с. 126–128]. Однако ресурсов для превращения старого заводского поселка в рекреационную зону не хватило, и старая заводская площадка продолжила работу. Тем не менее, застройка старого поселка развернулась с 1960-х гг. и на правом, и на левом берегах; к 1990-м гг. старый ВИЗ, кроме несколько прилегавших к заводу и пруду кварталов, был снесен.

В XX в. и Мотовилиха, и ВИЗ следовали сходной траектории урбанистического развития — создание в 1920-х — 1930-х гг. нового соцгородка, тяготеющего к центральной части Перми и Свердловска

соответственно; кризис середины XX в. с последующим созданием новой промышленной площадки и жилого городка при ней. Однако на эту логику накладывалась другая, общегородская или «столичная», и методы интеграции старых заводских поселков в социальную ткань Свердловска и Перми оказались различны. Свердловские планировщики с 1930-х гг. оперировали понятием компактности города, выделяя историческое ядро (его формирование в значительной мере было связано с формированием железнодорожной инфраструктуры в конце XIX — начале XX в.) и стремясь к его интенсивной перестройке. Принципиально иная географическая и транспортная ситуация в Перми привела к попыткам возвести новый центр единого города Пермь-Мотовилиха на Горках. Однако впоследствии центр Перми продолжил развитие на старом месте (доминирующим направлением стало юго-западное), Горки превратились в восточную периферию, а старая Мотовилиха оказалась законсервирована в своем довоенном облике, став одновременно историческим наследием и предметом «урбанистического стыда»; коммунальные и социальные трудности района усугубились развитием производственной площадки на север и появлением новых изолированных жилых кварталов.

Литература и источники

1. Большой Свердловск. Свердловск, 1930.
2. Верх-Исетский металлургический. Свердловск, 1972.
3. Идет холоднокатаная сталь! Свердловск, 1974.
4. Кадочников В. Мотовилиха: продолжение легенды. Пермь, 2011.
5. Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М, 2008.
6. Ложкин А. Ю., Киселев А. Б. Сохранение культурного наследия в рамках достопримечательного места (на примере соцгородка «Рабочий поселок», Пермь) // Новая жизнь памятников архитектуры конструктивизма. Материалы научно-практической конференции. 20–21 октября 2014 г. Новосибирск, 2015. С. 27–38.
7. Ожиганов В. С., Иванцов Г. Б. Быль о чистой воде. Свердловск, 1985.
8. Свердловск. Перспективы развития до 2000 года. Свердловск, 1982.
9. Слово о Мотовилихе. Годы. События. Люди. Пермь, 1974.
10. Терехин А. С. Пермь. Очерк архитектуры. Пермь, 1980.

Konstantin D. Bugrov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS;
Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

OLD WORKERS SETTLEMENTS IN THE SPACES OF THE URALS' REGIONAL "CAPITALS": VIZ AND MOTOVILIKHA IN THE 20TH CENTURY

The paper considers the trajectories of urban development of old industrial enterprises' workers settlements that in the 20th century turned out to be integrated into the space of large regional "capitals" — Sverdlovsk and Perm. It is concluded that, although the processes of development of the settlements in the 20th century were similar, the logic of their integration into the citywide context was different, which influenced the formation of the "landscapes of capitalness" in the two regional centers.

Keywords: Verkh-Isetsy plant, Motovilikha plant, workers settlement, compact city

Бушмакина Юлия Владимировна

старший преподаватель, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
ученый секретарь, Пермская краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького (г. Пермь)
E-mail: yuliyabushmakina@gmail.com

Сафрошенко Ольга Николаевна

музейный куратор (г. Пермь)
E-mail: sovra@rambler.ru

**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. УСОЛЬЕ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
И РЕВИТАЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ НИЖНИХ СОЛЯНЫХ ПРОМЫСЛОВ**

УДК 94(470.5):719

Несмотря на богатую историю уральской добывающей промышленности, немногие заводские сооружения в Пермском крае сохранились до настоящего времени. При этом фрагмент сохранившейся исторической застройки Нижних соляных промыслов в Усолье (включающий каменную солеварню, припасные магазейны (амбары), кузницы и корпуса для паровых машин) не всегда воспринимается как индустриальное наследие. В докладе рассматривается возможность их сохранения через музеефикацию комплекса.

Ключевые слова: соляные промыслы, Строгановы, индустриальное наследие, музеефикация

Несмотря на богатую историю уральской промышленности, немногие заводские сооружения Пермского края сохранились до настоящего времени. На государственный учет как объекты культурного наследия поставлены в основном непроектные здания: заводоуправления заводские конторы, дома инженеров и служащих, заводские школы и госпитали (например, в Полазне, Чёрмозе, Нердве, Юго-Камске). В разной степени сохранности находятся сооружения полутора десятков заводов: от некоторых остались только заводские плотины (Бикбарда, Уинское, Пашия и др.), от других — плотина и один-два корпуса (Очер, Павловский, Пожва и др.). Гораздо меньше примеров сохранившихся заводских ансамблей (Пермские пушечные заводы, завод им. Шпагина, Лысьвенский и Кыновский заводы) [4]. К последней группе, при условии грамотных работ по реставрации и музеефикации, можно отнести комплекс зданий Усольских солеваренных заводов (промыслов).

Усолье, город на севере Пермского края был основан в 1606 г. как слобода при новых промыслах Никиты Строганова. На протяжении всей своей дореволюционной истории поселение было крупным промышленным, торговым и культурным центром Прикамья, превосходящим по численности населения уездный центр — Соликамск (а на некоторых этапах своего развития и губернский город Пермь). Как справедливо отмечает Г. П. Головчанский, Усолье «выполняло многие функции города» и только «принадлежность частным владельцам не позволила селу официально получить этот статус» [2, с. 19].

Промыслы были своеобразным «градообразующим предприятием», и наличие здесь концентрированных соляных рассолов предопределило развитие поселения. В начале XVII в. (Ново)усольские промыслы были относительно небольшими и основывались на ручном труде: на месте обнаружения соляных рассолов устраивали колодцы, далее по желобам рассол поступал в черные солеварни, затем готовую соль переносили в амбары [1, с. 10–23]. В 1720–1750-е гг. совершенствуется технология производства соли, в результате чего в солеварении в Прикамье произошел переход к мануфактурному производству: вместо колодцев стали устраивать глубокие рассолоподъемные трубы, появились конные двигатели для подъема рассола, лари их отстаивания перед вываркой, что потребовало более сложного разделения труда [6, с. 89–145; 7, с. 83]. В первой половине XIX в. в Усолье внедрили первые паровые двигатели (кстати, одновременно с горными заводами) и первые белые солеварни [5, 3, с. 173–196], постепенно произошел переход от мануфактурного типа производства к заводскому. После отмены крепостного права началась активная модернизация промыслов: совершенствовалось устройство черных

варниц, проектировались варницы немецкого типа, широкое распространение получили паровые машины [3, с. 173–196], завершился переход к заводскому типу производства (сами владельцы промыслов с того времени называют их солеваренными заводами). В начале XX в. были спроектированы новые современные варницы, позволявшие заменить старые черные (и «полубелые»), выполнен проект механической откатки, когда все строения сообщались при помощи вагонеток. Однако тогда же пришло понимание технологической тупиковости такого способа производства соли и невозможности его успешной конкуренции с другими способами соледобычи. Стоит ли удивляться, что в начале 1920-х гг., вскоре после революции и национализации, Усольские солеваренные заводы были закрыты

После строительства и запуска Камской гидроэлектростанции в середине XX в. историческая часть Усоля оказалась подтоплена и сегодня представляет собой сеть небольших островов, на которой соседствуют музейные институции, действующие церкви и женский монастырь. Здания и сооружения Усольских солеваренных заводов долгое время не воспринимались как значимая часть культурного наследия города и региона: в 1990–2000-е гг. церкви и бывшие владельческие усадьбы в Усолье реставрировали и музеефицировали, тогда как солеварни и амбары, находившиеся на периферии исторической части города, оставались в запустении, никак не использовались и постепенно разрушались.

В настоящее время идет создание Усольского музея-заповедника, который включит в себя всю историческую (островную) территорию города: не только культовые и гражданские постройки исторического центра, но и бывший промышленный район — Нижние соляные промыслы. В рамках нового музея планируются работы по музеефикации сохранившихся производственных и вспомогательных построек.

На территории промыслов сохранились каменные здания двух каменных солеварен, мастерской, два корпуса для размещения паровых машин, две кузницы и пять припасных амбаров (магазинов). Необходимые для производства соли рассолоподъемные башни, соляные лари (бассейны) и соляные амбары традиционно возводили в деревянном исполнении; все они в Усолье утрачены в начале XX в., после прекращения здесь выварки соли.

В 2022 г. благотворительный фонд Владимира Потанина поддержал проект Березниковского историко-художественного музея «Солевары: возвращение» по консервации каменной Никольской солеварни бывшего Усольского сользавода и исследованию промышленной территории города. В рамках реализации этого проекта в центральных и местных архивохранилищах было выявлено 18 карт и планов производственной территории Усоля, датированных концом XVIII — началом XX вв. Их геопривязка к современной топографической основе позволила определить расположение несохранившихся промысловых сооружений, их историческую (в том числе утраченную) планировку, а также уточнить функциональное назначение сохранившихся зданий-памятников и их строительную историю.

Одновременно ведется работа по созданию концепции Усольского музея-заповедника, предусматривающей музеефикацию Нижних соляных промыслов. В связи с дороговизной, а иногда и технической невозможностью реставрации всех промышленных построек планируется создание «Парка руин». Значительно разрушенные (в том числе, и в результате подтопления) амбары, варницы и кузницы в первую очередь предполагается законсервировать с целью предотвращения их дальнейшего разрушения. Во вторую очередь планируется приспособление для современного использования в качестве выставочных залов (при технических возможностях) наиболее сохранившихся зданий: никольской солеварни, материального магазина и одной из сохранившихся кузниц.

Территория Нижних соляных промыслов — одна из перспективных площадок для организации нового экскурсионного и туристического маршрута музейного комплекса. В июле 2023 г. началась серия бесплатных экскурсий, которая вызвала большой интерес у самой широкой аудитории.

В рамках проекта «Солевары: возвращение» командой волонтеров проекта при поддержке промышленных предприятий Березников проведена частичная расчистка места, обустроены смотровые площадки, установлены информационные модули, рассказывающие об истории промыслов и сохранившихся объектов. В планах музея — сотрудничество с археологами в целях выявления наиболее перспективных

площадок для поиска сохранившихся подземных частей промыслов. Территория Нижних промыслов частично вошла в состав проекта благоустройства, заявленного МО «Город Березники» на Всероссийский конкурс благоустройства малых городов и исторических поселений.

Нижние промыслы в Усолье — один из немногих промышленных комплексов в Пермском крае, считающийся более десятка строений на неурбанизированной территории без вкраплений дисгармонирующих элементов застройки. Кроме того, сведения о других сохранившихся каменных солеварнях на территории России отсутствуют (в отличие от деревянных варниц, известных и на Русском Севере, и в Прикамье). Опыт других промышленных территорий Пермского края показывает, что музейфикация заводских строений, не задействованных в производстве, — один из немногих способов сохранения индустриального наследия. Музейфикация Нижних соляных промыслов в Усолье и их включение в состав музея-заповедника — единственный способ сохранения каменных построек солеваренного завода и возможность включения депрессивной территории в культурную жизнь города и региона.

Литература

1. Акт раздела соляных промыслов 1749 г. // Дмитриев А. А. Материалы к истории рода Строгановых за последние два столетия. Пермь, 1883. С. 10–23.
2. Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005.
3. Загаевский К. Черные и белые варницы в Усолье // Горный журнал. 1883. Кн. 4. № 11. С. 173–196.
4. Историко-культурное наследие Пермского края: каталог-справочник / под ред. А. Б. Киселева, В. А. Якиной. Пермь, 2011.
5. Милованов. Новоусольские и Ленвенские соляные промыслы // Горный журнал. 1856. Кн. 1. С. 1–70.
6. Раздельные и другие акты на отчину Андрея и Петра Семеновичей и Ивана Максимовича Строгановых // Дополнения к «Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией». СПб., 1846. Т. 2. С. 89–145.
7. Рычков Н. П. Продолжение журнала или дневниковых записок путешествия Капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб., 1772.

Yulia V. Bushmakina

Perm State Humanitarian-Pedagogical University; Perm State Krai Universal Library
named after A. M. Gorky (Russia, Perm)
E-mail: yuliyabushmakina@gmail.com

Olga N. Safroshenko

Museum curator (Russia, Perm)
E-mail: sovra@rambler.ru

INDUSTRIAL HERITAGE OF USOLYE: PROBLEMS OF CONSERVATION AND REVITALIZATION OF THE TERRITORY OF THE LOWER SALT MINES

Despite the rich history of the Ural mining industry, few factory buildings in the Perm region have survived to this day. A fragment of the surviving historical building of the Lower salt mines in Usolye (including a stone saltworks, barns, forges and buildings for steam engines) is perceived by few as an industrial heritage. The article considers the possibility of their preservation through the museumification of the complex.

Keywords: salt mines, Stroganovs, industrial heritage, museumification

Быстрова Татьяна Юрьевна

д.филос.н., профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

E-mail: taby27@yandex.ru

МЕТОДЫ РАБОТЫ С ИНДУСТРИАЛЬНЫМ НАСЛЕДИЕМ: ЧТО НЕОБХОДИМО И ВОЗМОЖНО ДЛЯ ЕКАТЕРИНБУРГА

УДК 719(470.5)

Представлен ряд актуальных методов работы с объектами индустриального наследия разного масштаба, очерчены возможности их применения в Екатеринбурге.

Ключевые слова: индустриальное наследие, методы работы с наследием, Екатеринбург

Время смены парадигм в науке, искусстве, городском управлении, музейной деятельности требует четкости исходных формулировок, которая способствует принятию наиболее адекватных решений, уводя от субъективности, присутствующей в сфере работы с наследием у экспертов и общественности. Что же нужно учитывать в первую очередь?

Во-первых, это *глобальные ценностные изменения*, происходящие на протяжении последних пятидесяти лет, когда статичная вертикаль в духе «красиво — не красиво» или «должно — не должно» сменяется непрерывно меняющимся горизонтом разнообразных оценок, в числе которых могут быть и признание красоты машины, и понимание значимости повседневных действий людей, и отказ от идеи общепризнанных шедевров в пользу уникальности региональных объектов и артефактов. Более ранняя, классическая версия продолжает жить не только в охранных документах, но и в профессиональном сознании многих специалистов. Наряду с ней мы видим переосмысление индустриальности. Заводской цех может рассматриваться не только как безымянный временный функциональный объем, но как выражение представлений людей определенного периода о труде и т. д.

Во-вторых, это *трансформация процесса встречи представителей целевой аудитории с наследием*. Сегодня культура участия распространяется и на сферу работы с индустриальными объектами и площадками, традиционно бывшими закрытыми и огораживающимися от «ненужных» глаз. О происходящих изменениях российской аудитории свидетельствуют социологические данные Четвертой Индустриальной биеннале современного искусства в Екатеринбурге [7].

Новой и авторитетной тенденцией в охранной и музейной среде становится уход от чрезмерно модернизирующих интерпретаций. Специалисты считают, что важно дать высказаться объекту, экспонату, а не конструировать только собственные смыслы [12]. Не нужно ради популяризации уподоблять неизвестную машину или сооружение чему-то, что не связано с эпохой. Однако освоение артефактов технической эпохи на индустриальном Урале может поначалу вызывать скуку и даже раздражение, преодолеть которые можно только системными многоуровневыми усилиями и практиками вовлечения.

Контекст деятельности по сохранению и актуализации изучаемых нами объектов задается мало разработанным теоретиками, но широко употребляемым прикладными специалистами понятием *индустриальная культура* [9, pp. 1–16], формирующим представление о динамичной социальной подсистеме, в которой промышленное производство прошлого и настоящего является неотъемлемой частью жизни человека. Возможно, первым среди российских ученых его употребил Г. Г. Григорян в 1997 г., очертив круг явлений, входящих, по его мнению, в индустриальную культуру [4, с. 137]. При наличии названных им компонентов проявляется ряд специфических признаков места, формирующих его отчетливую идентичность, но в некоторых случаях затрудняющих видение перспектив [11, p. 106], как это было и с Екатеринбургом в 1990–2000-е гг.

Метод работы с территорией как с культурным ландшафтом. В российских источниках о культурном ландшафте первыми заговорили сотрудники Института Наследия (Москва) Р. Ф. Тульчинский,

Ю. А. Веденин, М. К. Кулешова, Е. К. Булатова рассматривает с этих позиций Нижне-Исетскую набережную Екатеринбурга, останавливаясь, правда, исключительно на устойчивости территории и ее защите от стихийных бедствий и не говоря об ее историческом значении для города [1, с. 314–324]. Между тем, там сохранились Нижне-Исетский пруд, Нижнеисетская плотина, заводская контора 1827–1843 гг., заводоуправление 1843–1915 гг., заводской госпиталь, обелиск памятника в честь Александра II, восстановлена Церковь Казанской иконы Божией Матери.

Культурный ландшафт представляет собой систему, на протяжении определенного времени складывающуюся в природном ландшафте усилиями человека и входящую в местную экосистему [6]. Концепт культурного ландшафта не предполагает обязательного хронологического разделения «слоев» на более или менее ценные, значима именно уникальная транс-историческая целостность территории. К тому же с 1990-х гг. культурный ландшафт понимается как особый вид наследия [3]. Оно может быть разным по масштабу, но в любом случае акцент при его исследовании и репрезентации делается на его уникальности и всех факторах, которые ее обеспечивают.

На какие именно пространства Екатеринбурга как агломерации можно посмотреть как на культурные ландшафты? Прежде всего это уникальная система расселения горнозаводского Урала в целом. Более локальными культурными ландшафтами можно считать территорию отдельных заводских районов — ВИЗа, Уралмаша, Химмаша и т. д., а в малых городах (Арамиле, Березовском, Среднеуральск) охватывать этим понятием всю территорию города в единстве производственных и повседневных связей разных периодов.

Помимо названного, особой актуальностью обладают два вида методик — *мультикритериальные* (требующие привлечения специалистов разных сфер для работы с индустриальными объектами) и *социокультурные (culture-led)*.

Мультикритериальные методы работы с индустриальными объектами и территориями помогают в принятии решений о степени вносимых изменений и выборе новой функции или назначения бывшего промышленного объекта, в том числе с учетом потребностей и запросов горожан [2, р. 44–48]. Началом подхода можно считать разработку Т. Саати в 1970-х гг. аналитического процесса иерархизации. Методика Дж. Клавера и соавторов реализует мультикритериальность в сфере работы с наследием и апробирована в более чем 500 проектах [10, р. 176]. Как правило, сторонники подхода формируют базовую структуру из трех уровней. На верхнем расположены цели, на следующем — критерии оценки, на последнем — альтернативы развития объекта индустриального наследия. Становится возможным выделить приоритеты, ранжировать альтернативы и определить оптимальное девелоперское или архитектурное решение.

Культурная регенерация индустриального объекта или площадки — это их освоение в рамках развития новых культурных и творческих индустрий, а также образования и туризма, при котором культура становится не контекстом или «наполнением», а фактором экономического развития объекта или территории, средством привлечения наиболее активной и креативной части жителей или туристов [8]. В 1980-х гг. термин получил широкое распространение в основном в городской и социальной политике, а большая часть проектов регенерации была связана с бывшими индустриальными районами. Наряду с этим понятие часто используется сегодня как органическая метафора с диапазоном значений от обновления местной культуры и наследия к «целостному» росту устойчивого сообщества.

Метод предполагает их видение как живой динамичной целостности, в которой важно актуализировать внешние и внутренние связи, не только экономические или, к примеру, транспортные, но и человеческие. Результатом становится усиление идентичности — в противовес глобализации. Фактически Екатеринбург является первопроходцем в использовании культурных методов в этой сфере. Переосмысление промышленной истории и индустриального пространства, совершаемое при посредстве современного искусства и других актуальных культурных практик, действительно требовалось и требуется.

Литература и источники

1. Булатова Е. К. Нижне-Исетская набережная Екатеринбурга // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.). М.; Омск, 2020. С. 314–324.
2. Быстрова Т. Ю., Певная М. В. Отношение жителей к архитектурному наследию — ресурс развития малых индустриальных городов // Академический вестник УралНИИпроект. 2019. № 2. С. 43–49.
3. Веденин Ю. А. Концепция культурного ландшафта как основа формирования системы особо охраняемых территорий // Материальная база сферы культуры. Научно-информационный сборник. М., 1999. Вып 1.
4. Григорян Г. Г. Выступление на заключительном заседании Международной конференции «Россия и ападная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700–1950». Екатеринбург, 1997.
5. Каганский В. Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 134–145.
6. Унагаева Н. А. Проблемы типологии и композиции в ландшафтной архитектуре второй половины XX — начала XXI вв. (зарубежный опыт): автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 2011.
7. «Что-то новое и необычное»: аудитория современного искусства в крупных городах России / отв. ред. А. Ю. Прудникова, науч. ред. Л. Е. Петрова. М.; Екатеринбург, 2018.
8. Bailey Ch., Miles S., Stark P. Culture-led regeneration and the revitalization of Identities in Newcastle, Gateshead and the North of England // International Journal of Cultural Policy. 2004. Vol. 10. № 1. P. 47–65.
9. Bole D. ‘What is industrial culture anyway?’ Theoretical framing of the concept in economic geography // Geography Compass. 2021. Vol. 15. Iss. 11. P. 1–16. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/gec3.12595> (дата обращения: 20.05.2023).
10. Claver J., Sebastián M. A., Sanz-Lobera A. Opportunities of the multicriteria methods in the study of immovable assets of the Spanish industrial heritage // Procedia Engineering. 2015. Vol. 132. P. 175–182.
11. Görmar F., Harfst J. Path renewal or path dependence? The role of industrial culture in regional restructuring // Urban Science. 2019. № 3 (4). article 106. URL: <https://doi.org/10.3390/urbansci3040106> (дата обращения: 20.05.2023).
12. Harrison R. at all. Heritage Futures // Archaeology International. 2016. № 19. P. 68–72. URL: <http://dx.doi.org/10.5334/ai.1912> (дата обращения: 20.05.2023).

Tatyana Yu. Bystrova

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: taby27@yandex.ru

METHODS OF WORKING WITH INDUSTRIAL HERITAGE: WHAT IS NECESSARY AND POSSIBLE FOR EKATERINBURG

A number of relevant methods of working with industrial heritage objects of various sizes are presented, and the possibilities of their application in Ekaterinburg are outlined.

Keywords: industrial heritage, methods of working with heritage, Ekaterinburg

Веретёнов Владимир Александрович

заведующий музеем, ПАО «Мотовилихинские заводы» (г. Пермь)

НЕИЗВЕСТНАЯ МОТОВИЛИХА: ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕРМСКОГО ЗАВОДА В НАШИ ДНИ

УДК 94(470.5):719

В докладе рассматривается историческая среда Мотовилихинских заводов в контексте формирования объектов культурного наследия Мотовилихинского района — достопримечательных мест, памятников, ансамблей. Подчеркивается, что многие из дошедших до нашего времени гражданских и производственных построек завода находятся в аварийном состоянии, что с каждым годом увеличивает вероятность их полного разрушения, и при этом завод в текущем его состоянии не в состоянии собственными силами провести восстановительные работы, тогда как городские власти и общественность не имеют доступа на территорию завода, а с ним и возможности изучать и сохранять расположенные здесь исторически значимые объекты. Именно поэтому проблема интеграции объектов индустриального наследия в городскую среду актуальна и требует рассмотрения.

Ключевые слова: Мотовилихинские заводы, Мотовилиха, Пермь, объекты культурного наследия, индустриальное наследие, история промышленности, памятники

На протяжении всей своей истории Мотовилихинские заводы, долгое время оставаясь основным предприятием в Мотовилихе, не только обеспечивали десятки тысяч человек рабочими местами, но и имели возможность планировать и развивать городскую среду рядом с ними. Завод, особенно в советские годы, занимался развитием жилого, культурного, хозяйственного сектора, что позволило сформировать будущий облик Мотовилихинского района.

Со временем, как и в любом ином населенном пункте, в Мотовилихе началось формирование своих районных «культурных констант»: достопримечательных мест, памятников, ансамблей. Их формальная фиксация и атрибуция была связана с выходом постановления № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», где памятники культуры подразделялись на четыре категории: архитектуры, искусства, археологии и истории¹. Подобную классификацию многие продолжают использовать и сегодня², совмещая ее с классификацией объектов культурного наследия (ОКН), принятой в Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ.

Переходя к ОКН, расположенным на территории Мотовилихинских заводов, стоит заметить, что здесь, на примере нескольких цехов, присутствует смешение нескольких архитектурных стилей: романского и кирпичного, конструктивизма и минимализма, и т. д., и т. п. На заводе практически не осталось зданий, которые не перестраивались, поэтому фабрика XIX в. может включать в себя элементы пристройки или надстройки более поздних эпох. Однако данный процесс является укоренившейся в промышленном строительстве традицией: даже заводоуправление до 1917 г. успело подвергнуться перестройке не менее трех раз. Вместе с тем, данный факт позволяет проследить процесс развития завода, демонстрируя этапы модернизации промышленного оборудования.

Интерес к истории завода, его промышленной архитектуре возник в 1960–1970-е гг. Однако специалистам Пермского областного центра охраны памятников (ЦОП) удалось выявить и внести заводские постройки в список объектов индустриального наследия только в начале 1990-х гг. В основном это были ОКН, которые имели большую архитектурную или историческую ценность: заводоуправление, «дом главного механика», лаборатория, чугунолитейная, электролитейная, механическая и снарядная фабрики, построенные в XIX — начале XX в.

¹ Постановление Совмина СССР от 14.10.1948 № 3898. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm (дата обращения: 06.03.2023).

² Государственное краевое бюджетное учреждение культуры «Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия)». URL: <http://ксоп.ru/index.htm> (дата обращения: 06.03.2023).

Одним из самых известных объектов индустриального наследия на территории завода считается чугунолитейная фабрика № 1. Здание фабрики в 1865–1866 гг. спроектировал инженер Г. Л. Грасгоф, который занимался строительством всего чугунопушечного завода. В 1868 г. именно здесь был отлит уже другой объект культурного наследия — пермская «Царь-пушка». С 1898 г. фабрика стала закалочно-пушечной, здесь закаляли стволы пушек Канэ [5, с. 29].

В первые годы советской власти в здании чугунолитейной фабрики № 1 открылась учебно-показательная мастерская школы ФЗУ, а с 1932 г. был размещен отдел капитального строительства завода. До начала 2000-х гг. здание использовалось под склад, а затем было законсервировано. При этом его состояние вызывает серьезные опасения: в нескольких местах уже произошли локальные обрушения кирпичной кладки.

На главной заводской площади, в небольшом отдалении друг от друга, находятся еще три строения, которые отнесены к ОКН. Одно из наиболее узнаваемых — трехэтажное здание заводоуправления. Главная контора завода была построена в 1868 г. Первоначально это было небольшое двухэтажное здание с бухгалтерией, канцелярией, архивом. В середине 1870-х гг., в связи с объединением заводов, здание конторы было расширено: на втором этаже появилась приемная Горного начальника и кабинеты его помощников.

В конце XIX в. заводоуправление пережило большую реконструкцию, в ходе которой были снесены находящиеся рядом с управлением сараи, на их месте возникло два пристроя, где расположились библиотека и музей. Современный облик здание приобрело в 1960-х гг., когда был надстроен третий этаж и возведена новая главная проходная завода. Но несмотря на утерю исторического облика, в самом здании сохранились отдельные артефакты прошедших эпох: элементы декора, освещения, двери и т. д.

Напротив заводоуправления расположено здание одной из первых на Урале электростанций, открытой Н. Г. Славяновым в 1886 г. Именно в этом здании будущий Горный начальник разместил две динамо-машины, которые обеспечивали завод электрическим освещением [3, с. 33.] и позволяли проводить опыты со сваркой металлов. К сожалению, сегодня сложно распознать первоначальный архитектурный облик здания: оно перестраивалось еще при жизни Н. Г. Славянова в 1890-е гг. для размещения более мощных динамо-машин, а также было надстроено в 1899 г. из-за постройки рядом прессовой фабрики. Сегодня это территория цеха № 53.

Здание механической фабрики в своем первоначальном облике не сохранилось. Спроектированная Н. В. Воронцовым в 1875 г., фабрика стала самой большой постройкой Пермских пушечных заводов (ППЗ) [2, с. 18]. Здание пережило две реконструкции: в 1905–1906 гг. помещения фабрики расширили, а в 1930-е гг. ее часть была снесена в связи с постройкой нового цеха № 5 и в целях улучшения транспортной доступности между цехами завода.

Два ОКН на заводе относятся к XX в. Среди них — снарядная фабрика, в настоящее время цех № 3. Несколько странно, что в реестре ОКН фабрика идет именно под таким названием: в здании находилась новая лафетная фабрика, открытая в 1916 г. В годы Первой мировой войны здесь ежемесячно выпускалось не менее 80 лафетов.

В отдалении от всех уже перечисленных объектов находится построенное в начале 1930-х гг. здание заводской металлургической лаборатории, где работали известные ученые-металлурги Г. К. Петухов, С. С. Штейнберг, В. И. Тыжнов.

В 1993 г. все вышеупомянутые здания оказались в очередном каталоге памятников истории и культуры Пермской области [1]. За последующие годы краевым ЦОПом потенциальные объекты индустриального наследия, которые могли бы оказаться в реестре ОКН, выявлены не были. Отчасти это обусловлено политикой администрации завода, которая не заинтересована в выявлении и сохранении таких объектов.

Важно понимать, что риск потери уникальных заводских строений возрастает с каждым годом, и это касается не только ОКН, но и тех объектов, которые в их число не вошли. Среди потенциальных ОКН, например, можно назвать действующий цех № 28 — ковочно-прессовую фабрику, построенную в 1912 г. специально для размещения парогидравлических прессов мощностью от 1 500 до 3 000 тонн.

Рядом с заводской площадью находится бывший главный магазин — ранее так называли склады готовой продукции перед отправлением заказчику. Здание было возведено в конце 1860-х гг. Напротив него расположена сверлильная фабрика № 1, построенная в 1867 г. В 1880-е гг. в котловом отделении фабрики располагалась мастерская Н. Г. Славянова, где он занимался разработкой динамо-машины собственной конструкции.

В другом ряду параллельно сверлильной фабрике был возведен небольшой корпус медяжной мастерской, где занимались ремонтом паропроводных и водопроводных труб на протяжении XIX в., а также инструментальный цех, который был построен в 1929 г. в стиле конструктивизма.

На заводскую площадь выходит корпус старой молотовой фабрики, построенной в 1867 г. Здесь было размещено несколько паровых молотов, мощностью от 1,5 до 15 тонн, а также большой прокатный стан. Благодаря реконструкции 1880-е гг. на фабрике появились печи для приготовления пудлингового железа, шедшего на строительство речных судов. Верфь ППЗ располагалась за фабрикой. В 1921 г. здание приобрело свой современный вид: это был вынужденный шаг, так как стены старого цеха могли обрушиться, кроме того, провалилась кровля [4, с. 20]. Сегодня здесь расположен цех № 25.

В северной и северо-восточной частях территории завода также находится ряд исторических цехов. Рядом с вышеупомянутой новой лафетной фабрикой расположено здание щитовой фабрики, возведенной в начале XX в. В ней было организовано производство щитов для артиллерийских систем. Восточнее находится старая лафетная фабрика с пристроем в виде котельного цеха. Сегодня оба здания находятся в аварийном состоянии. Напротив этих строений располагалась снарядная фабрика № 2, где уже в советские годы выпускались известные мотовилихинские смесители, но в конце 1990-х гг. здание снесли.

Наконец, рядом с малой проходной завода в 1877 г. было возведено двухэтажное здание модельной фабрики. До сегодняшнего дня оно сохранилось почти без изменений и, что важно, сохраняет свою первоначальную функцию: здесь изготавливаются деревянные модели для литейных и прессовых форм металлургического и прессового производств.

Малая проходная размещалась в двухэтажном кирпичном здании, которое сегодня занимает отдел кадров и профсоюз. В годы Первой мировой войны здесь был госпиталь для раненых, а в 1917 г. открылся первый на Урале Народный университет, который в дальнейшем был преобразован в Народный политехникум [5, с. 92].

От находившейся рядом постоянно перестраивавшейся чугунолитейной фабрики № 2, лучше всего сохранился ее склад, построенный в 1867 г. и зате. Вплоть до 1932 г., использовавшийся как паровозное депо для узкоколейной железной дороги.

Таким образом, в настоящее время на территории «Мотовилихинских заводов» находится большое количество объектов, не внесенных в реестр ОКН, которые, однако, можно рассматривать как часть индустриального наследия, требующего охраны. Они ценны не только с точки зрения промышленной архитектуры, но и как прекрасная возможность реконструкции процесса изготовления чугунных и стальных орудий второй половины XIX — начала XX в. Тем более что на Урале заводов этого периода с подобным профилем больше нет.

Литература и источники

1. Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь, 1993.
2. Темников И. Н. Пермский пушечный завод и его технические средства. Пермь, 1911.
3. Битинская Л. А. Слово о Славянове: к 125-летию изобретения Н. Г. Славяновым электрической сварки плавящимся электродом. Пермь, 2013.
4. Суятин Н. И. История развития ЦЗЛ отдела главного металлурга завода им. Ленина. Пермь, 1982. [Рукопись, архив музея завода].
5. Силина Т. И. По старой и новой Мотовилихе. Пермь, 2016.

Vladimir A. Veretyonov

PJSC “Motovilikha Plants” (Russia, Perm)

UNKNOWN MOTOVILIKHA: THE PERM PLANTS’ INDUSTRIAL HERITAGE TODAY

The paper examines the historical environment of the Motovilikha plants in the context of the formation of cultural heritage sites of the Motovilikha district — places of interest, monuments, and ensembles. It is emphasized that many of the civil and industrial buildings of the plant that have survived up to today are in disrepair. Every year increases the likelihood of their complete destruction. At the same time, the plant in its current state is not able to carry out restoration work on its own, while the city authorities and the public do not have access to the territory of the plant, and the opportunity to study and preserve the historically significant objects located here. That is why the problem of integrating industrial heritage objects into the urban environment is relevant and requires consideration.

Keywords: Motovilikha plants, Motovilikha, Perm, cultural heritage sites, industrial heritage, industrial history, monuments

Демина Ирина Валерьевна

начальник научно-исследовательского отдела, Государственный архив Пермского края (г. Пермь)

E-mail: irinachadr@mail.ru

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ АРХИТЕКТОРОВ КАК ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРМИ И ПЕРМСКОГО КРАЯ

УДК 930.253:719.(470.5)

В докладе рассматриваются личные фонды пермских архитекторов Александра Сергеевича Терёхина и Льва Николаевича Златогорского. Архивные документы в фондах пермских архитекторов позволяют выявить подробную информацию о памятниках архитектуры и объектах индустриального наследия.

Ключевые слова: личный фонд, индустриальное наследие, архивный документ, А. С. Терёхин, Л. Н. Златогорский

Архивные фонды личного происхождения — это фонды, состоящие из документов, образовавшихся в процессе жизни и деятельности физического лица, семьи, рода. Государственный архив Пермского края хранит и комплекует личные фонды деятелей науки, культуры, здравоохранения, образования, науки, искусства, сотрудников органов государственной власти, работников промышленных предприятий, участников революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, краеведов и других людей, внесших вклад в развитие Пермского края. Фонды личного происхождения хранят память не только о самих фондообразователях, их родных и знакомых, но и о тех сферах жизни общества, с которыми они были связаны по роду деятельности и которыми они интересовались. Особый интерес представляют личные фонды архитекторов — квалифицированных специалистов, занимавшихся проектированием сооружений, разработкой объемно-планировочных и интерьерных решений, надзором за строительством и реставрацией архитектурных объектов.

В Государственном архиве Пермского края хранятся личные фонды двух пермских архитекторов — Александра Сергеевича Терёхина¹ и Льва Николаевича Златогорского². Эти коллекции интересны как разнообразием видового состава документов, так их тематикой. Оба фонда примерно одинаковы по объему. Фонд А. С. Терёхина насчитывает 277 единиц хранения, фонд Л. Н. Златогорского — 271.

Документы личного архива А. С. Терёхина были переданы на государственное хранение женой Александра Сергеевича в декабре 2001 г. в состоянии россыпи. Научно-техническая обработка архива была проведена в 2003 г. и 2008 г.

А. С. Терёхин (1928–1993) учился в Ленинградском инженерно-строительном институте на строительном факультете, одновременно посещая лекции по архитектуре. В 1954 г. он начал работать в Пермском строительном техникуме сначала преподавателем архитектуры, потом заместителем директора по учебно-воспитательной работе. С 1960 г. Александр Сергеевич активно участвовал в создании кафедры архитектуры Пермского политехнического института. В эти годы он написал свою главную книгу — «Жизнь и творчество архитектора И. И. Свиязева», изданную в 1970 г. под редакцией учителя Терехина, известного историка русской архитектуры В. И. Пилявского. За этот труд А. С. Терёхину была присуждена ученая степень кандидата архитектуры. С 1972 г. Александр Сергеевич работал над проблемами планировки и застройки городов и населенных мест Пермской области в Пермской лаборатории комплексных экологических исследований Института экономики Уральского научного центра СССР, с 1977 г. преподавал в Пермском сельскохозяйственном институте, составляя указатель архитекторов и строителей древней Перми. С 1992 г. А. С. Терёхин — профессор Уральского филиала Всероссийской Академии живописи, ваяния и зодчества, заведующий кафедрой архитектуры. В течение более 10 лет

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1785.

² ГАПК. Ф. Р-1619.

он трудился над монографией «Архитектура Прикамья. Основные проблемы расселения и градостроительства» на соискание ученой степени доктора архитектуры. Защита диссертации не состоялась по причине болезни Александра Сергеевича. Всего же А. С. Терёхин создал более 300 научных публикаций по архитектуре Прикамья, а также стал инициатором создания и автором научной концепции архитектурно-этнографического музея деревянного зодчества в Хохловке.

Большую часть личного фонда А. С. Терёхина составляют материалы о его научной и научно-педагогической деятельности. Изучая историю архитектуры, Александр Сергеевич не был равнодушен и к другим вопросам истории. Он собирал материалы о пермских художниках, работал над проблемами охраны памятников, интересовался жизнью и деятельностью краеведческих музеев, был большим любителем театра.

Интерес представляют материалы научной и творческой работы фондообразователя над его монографиями «Архитектор Андрей Воронихин» (Пермь, 1968)³, «Жизнь и творчество архитектора И. И. Свизева» (Пермь, 1970)⁴, «Пермь. Очерк архитектуры» (Пермь, 1980)⁵, документы по работе над докторской диссертацией⁶.

Отдельный раздел составляют подготовительные материалы, собранные А. С. Терёхиным в процессе исследовательской работы. Это карты, планы городов Пермской губернии и Пермской области, проекты архитектурных памятников, выписки по различным темам из архивных источников и печатных изданий, фотографии зданий церквей, объектов промышленного и гражданского строительства XVIII–XX вв. Особый интерес представляют подлинные фотографии Пермских пушечных заводов 1898 г.⁷, серии фотографий административных зданий 1960-х и 1970-х гг., а также улиц Перми⁸, подборка фотографий 1970-х гг. с изображением сельских усадеб с деревянными жилыми домами и надворными постройками в населенных пунктах Пермской области⁹.

Документы личного архива Л. Н. Златогорского были переданы в архив его дочерью Ольгой Львовной Лотодовой в 1978 г. Научно-техническая обработка архива была проведена в 1980 г. Было установлено, что документы архива охватывают период с середины XIX в. по 1975 г.

Л. Н. Златогорский (1909–1977) после окончания в 1929 г. школы-девятилетки в Уфе работал в различных строительных организациях Баку, Челябинска, Сталинграда, Севастополя. В 1934 г. он поступил учиться в Азербайджанский Краснознаменный индустриальный институт им. Азизбекова на архитектурно-строительный факультет, который успешно окончил в 1940 г. Учебу Лев Николаевич совмещал с работой в проектных организациях Баку. После окончания института Л. Н. Златогорский переехал в г. Молотов. Здесь он работал в Молотовском филиале «Востокнефтепроекта» архитектором, а затем заместителем главного архитектора города в Молотовском горисполкоме. С июля 1941 до конца 1943 г. находился на военной службе. В марте 1944 г. Л. Н. Златогорский вступил в должность заместителя главного архитектора города. В августе 1945 г., в связи с организацией областного отдела по делам архитектуры при Молотовском облисполкоме, Лев Николаевич был назначен начальником инспекции по охране памятников архитектуры при этом отделе. С 1949 по 1962 г. Л. Н. Златогорский работал преподавателем дисциплин «Планировка и застройка населенных мест» и «Архитектура сельхозугодий и сооружений» на землеустроительном факультете Молотовского сельхозинститута. С 1962 г. Л. Н. Златогорский руководил работой партии по планировке сельскохозяйственных районов и населенных мест в Пермской экспедиции «Росгипрозем». С января 1963 г. возглавил отдел по делам строительства и архитектуры Пермского

³ ГАПК. Ф. Р-1785. Оп. 1. Д. 132, 134.

⁴ ГАПК. Ф. Р-1785. Оп. 1. Д. 140, 141.

⁵ ГАПК. Ф. Р-1785. Оп. 1. Д. 6, 155.

⁶ ГАПК. Ф. Р-1785. Оп. 1. Д. 143, 144, 147.

⁷ ГАПК. Ф. Р-1785. Оп. 1. Д. 198.

⁸ ГАПК. Ф. Р-1785. Оп. 1. Д. 220, 221.

⁹ ГАПК. Ф. Р-1785. Оп. 1. Д. 225.

(сельского) облисполкома, с марта 1963 г. — проектную контору «Облколхозпроект». До выхода на пенсию по возрасту Лев Николаевич работал преподавателем Пермского строительного техникума, старшим инженером и главным специалистом отдела генпланов Пермского проектного института «Пермсельхозпроект».

Значительную часть личного фонда Л. Н. Златогорского составляют творческие материалы. На протяжении всей своей жизни Лев Николаевич практически никогда не прекращал работу как автор-архитектор: постоянно участвовал в конкурсах, исполнял различные модели и макеты инженерных сооружений. В фонде хранятся его чертежи, расчеты, эскизы, наброски и рисунки, в том числе сфотографированные и представляющие собой позитивы и негативы на стекле. Это проекты или материалы к проектам сельских и городских зданий разного назначения, например, макет торфобрикетного завода Молотовского гортоптреста, выполненный Л. Н. Златогорским для 2-й промышленной выставки Молотовской области 1948 г.¹⁰, рисунок здания Камского речного пароходства и др.¹¹

В фонде Л. Н. Златогорского представлены документы, относящиеся к периоду его работы в Управлении по делам архитектуры при Молотовском облисполкоме. Среди них особенно интересны, касающиеся обследования и изучения памятников архитектуры Чердынского и Соликамского районов области, Коми-Пермяцкого национального округа. Это списки выявленных объектов культурного наследия, планы церквей, материалы обмеров строений, пояснительные записки и доклады, связанные с исследованием памятников архитектуры.

Среди документов, собранных Л. Н. Златогорским, немало материалов, связанных со зданиями религиозного назначения. Это чертежи, фотографии культовых зданий XIX — середины XX в., располагавшихся на территории современного Пермского края: чертежи иконостаса Новоусольского Спасского собора Соликамского уезда Пермской губернии 1819 г.¹², проект часовни, предполагаемой к постройке в деревне Ратеговой Губдорской волости Чердынского уезда Пермской губернии XIX в.¹³

Хотелось бы отметить разнообразие видов документов, отложившихся в фондах архитекторов, а также их содержательность. Многие из этих документов аккумулируют в себе информацию, которую невозможно найти в других источниках, в связи с чем эти материалы безусловно важны для восстановления и сохранения объектов индустриального и культурного наследия Перми и Пермского края. Архивистам, музейным сотрудникам, работникам туристической индустрии и педагогам материалы личных фондов архитекторов могут быть интересны для создания экспозиций, разработки туристических маршрутов, проведения учебно-исследовательских работ учащихся, подготовки тех или иных научных и научно-популярных изданий.

Irina V. Demina

The State Archive of the Perm Region (Russia, Perm)

E-mail: irinachadr@mail.ru

PERSONAL FUNDS OF ARCHITECTS AS A DOCUMENTARY BASIS FOR THE PRESERVATION OF THE INDUSTRIAL HERITAGE OF PERM AND THE PERM TERRITORY

In the conditions of increasing demand for archival documents to support the restoration of industrial heritage sites in the Perm Territory, documents from personal funds acquire a special role. The article studies the personal funds of the Permian architects Alexander Sergeevich Terekhin and Lev Nikolaevich Zlatogorsky. Archival documents in the funds of Perm architects make it possible to find detailed information about architectural monuments and industrial heritage sites.

Keywords: Personal fund, industrial heritage, archival document, A. S. Terekhin, L. N. Zlatogorsky

¹⁰ ГАПК. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 31.

¹¹ ГАПК. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 63.

¹² ГАПК. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 171.

¹³ ГАПК. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 166.

Думчиков Александр Александрович

н.с., Музей истории Екатеринбурга (г. Екатеринбург)

E-mail: adumcikov@gmail.com

Симонов Максим Анатольевич

к.и.н., н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: m.a.simonov1@yandex.ru

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРАХ БОЛЬШОГО УРАЛА 1929–1939 гг.

УДК 94(470.5)''1929/1939'':711.4

В докладе анализируется градостроительная политика в центрах так называемого Большого Урала в период первых пятилеток. Подчеркивается, что строительство на территории новых региональных центров, возникших после ликвидации Уральской области, большого числа промышленных предприятий значительно изменило городской ландшафт и создало проблемы с социальной инфраструктурой. При этом решения о новом строительстве зачастую принимал не сам город, а союзный центр. Такая ситуация породила борьбу вокруг градостроительной политики, в которой «региональным столицам» приходилось лавировать между различными группами интересов.

Ключевые слова: СССР, Большой Урал, 1930-е гг., градостроительство, урбанистика

Главным фактором развития советских городов в 1930-е гг. была индустриализация. Строящиеся промышленные предприятия остро нуждались в рабочих руках, что подстегивало миграцию из деревни и, как следствие, создание новых городских районов. В рамках этого процесса особый интерес представляет история развития уральских региональных столиц — Екатеринбург, Пермь, Челябинска.

После окончания Гражданской войны бывшие губернии Российской империи — Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская — 3 ноября 1923 г. были объединены в Уральскую область. В публицистике 1920-х гг. такую обширную территорию называли «Большой Урал». В основе его создания лежала идея Госплана СССР об объединении «однородных в хозяйственном отношении территорий в целях обеспечения планирования и улучшения руководства» [4, с. 32].

После провозглашения И. В. Сталиным в ноябре 1929 г. политики «великого перелома», регионы, создававшиеся как автономные промышленные комплексы, перестали удовлетворять требованиям союзного центра [2, с. 137–138]. В январе 1934 г. Уральская область была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области. Формально это произошло по просьбам «советских, хозяйственных и общественных организаций» [5]. В современной историографии это событие связывают с персональным «недовольством Сталина результатами работы руководителей Уральской области в годы первой пятилетки» [7, с. 87] и указывают на то, что публикация соответствующего Постановления ВЦИК совпала с проведением в Свердловске XII областной партийной конференции, посвященной итогам выполнения плана. В последующем 1938 г. из состава Свердловской области была выделена Пермская [6, с. 39]. В отличие от разделения Уральской области в 1934 г. союзный центр теперь не стал ссылаться на абстрактные «просьбы» с мест, а просто постановил «разделить» область на две — Свердловскую и Пермскую.

В контексте указанных административных преобразований важно проследить развитие городского хозяйства и историю разработки генеральных планов в столицах вновь образованных регионов, учитывая при этом, что еще некоторое время после разделения Уральской области основные институты, занимавшиеся экономическим и городским планированием, аккумулировал Свердловск. Определяющим фактором пространственного расширения городов в этот момент стало размещение на их территории промышленных предприятий, которые формировали вокруг себя рабочие поселки (соцгорода). Они задавали структуру селитебных участков, максимально приближая их к промплощадкам.

Поселки-сателлиты необходимо было обеспечивать коммуникациями и транспортной связью с историческим ядром города. Однако многочисленность таких поселков и их размещение в зависимости от производственных потребностей, а не требований генеральных планов, исключали возможность создания компактного города. Эту проблему в 1937 г. отметил свердловский архитектор В. В. Емельянов: «В важнейших вопросах планировки, определяющих судьбу здоровья сотен тысяч трудящихся, процветало делячество, стремление подчинить работу узкому выполнению того или иного задания заказчика, считавшегося обычно лишь с ведомственной заинтересованностью» [1, с. 8]. Решить эту проблему не смогли ни региональные власти, ни местные проектные организации. Во многом это было связано с тем, что процесс выработки решений в рамках взаимодействия между институтами разных уровней (народными комиссариатами, всесоюзным и региональным руководством, а также руководителями конкретных строек) изначально не предполагал заинтересованного диалога и консенсуса.

Литература и источники

1. Емельянов В. В. За комплексное планирование // Опыт стройки. 1937. № 6. С. 7–9.
2. Круглов В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи практика результаты. М., 2020.
3. Меерович М. Г. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. М., 2011.
4. Павловский Р. С., Шафир М. А. Административно-территориальное устройство СССР. М., 1961.
5. Постановление ВЦИК 07.01.1934 «О разделении Уральской области». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18629#DFy4LhTTu0WdZ1WN> (дата обращения: 01.06.2023).
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 октября 1938 года «О разделении Свердловской области РСФСР на Пермскую и Свердловскую области» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М., 1956.
7. Фельдман М. А. Уральская область в декабре 1923 — январе 1934 гг.: жизнь и судьба — пространственный аспект // Management Issues. 2021. № 6. С. 82–92.

Aleksander A. Dumchikov

Museum of the History of Ekaterinburg (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: adumcikov@gmail.com

Maksim A. Simonov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS

(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: m.a.simonov1@yandex.ru

URBAN PLANNING POLICY IN THE ADMINISTRATIVE CENTERS OF THE GREAT URALS IN 1929–1939

The paper analyzes the urban planning policy in the centers of the so-called Great Urals during the first five-year plans. It is emphasized that the construction of a large number of industrial enterprises on the territory of new regional centers that emerged after the liquidation of the Ural Oblast has significantly changed the urban landscape and created problems with social infrastructure. At the same time, decisions on new construction were often made not by the city itself, but by the union center. This situation gave rise to a struggle over urban planning policy, in which the «regional capitals» had to maneuver between different interest groups.

Keywords: Great Urals, 1930s, urban policy, general plans, socialist cities

Зубова Ирина Станиславовна

директор института Дизайна, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н. С. Алфёрова (г. Екатеринбург)

E-mail: zubova55@mail.ru

Карташова Любовь Степановна

доцент, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н. С. Алфёрова (г. Екатеринбург)

E-mail: kartashova.zadanie@yandex.ru

**АРХИТЕКТУРА И ИСТОРИЯ ГОРОДА КАК ОБЪЕКТЫ КОМПОЗИЦИОННОГО
АНАЛИЗА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КОМПОЗИЦИИ**

УДК 7.012 (075)

Темы доклада — актуализация тематики творческих работ по композиции при сохранении универсальных принципов композиционно-художественной подготовки; реализация в рамках учебного задания социокультурного подхода через композиционный анализ и творческую интерпретацию архитектурного и культурно-исторического наследия региона.

Ключевые слова: композиционный анализ, композиционная модель, цветовая и графическая композиция, абстрактная модель, творческий синтез, культура и история города

Современный облик Екатеринбурга во многом сформирован работами выпускников УрГАХУ. Органично ли новые объекты архитектуры и городского благоустройства вписываются в сложившийся облик города, должны ли они нести явные внешние признаки исторической «наследственности» или заостренное противостояние «нового» и «старого» создает гармонию контраста, — вряд ли на эти вопросы есть однозначный ответ. Очевидно одно: профессионал, работающий в сложившейся культурно-исторической среде, в конкретном архитектурном контексте, должен воспринимать и осознавать проектную ситуацию и решать творческие задачи, опираясь на аналитическое исследование всех факторов. Анализ и творческий синтез — необходимые компоненты профессионального творчества. Методику композиционного анализа и синтеза студенты УрГАХУ осваивают уже на начальных этапах обучения в рамках дисциплины «Цветовая и графическая композиция». Общая направленность тематики творческого задания, завершающего первый год обучения композиции в 2023 году, — 300-летие Екатеринбурга. Студентам предлагалось самостоятельно выбрать несколько объектов изучения из области архитектуры, культуры или истории города. После обсуждения с преподавателем и оценки потенциальных возможностей реализации выбранной темы средствами плоскостной иллюзорно-пространственной композиции объект определялся окончательно. Первый этап работы — сбор информации. Уже на этом этапе важна личная заинтересованность автора, определяющая глубину погружения в материал, сознательный отбор характерных признаков. Формально-поверхностный подход к изучению темы, простое накопление фактов или изображений не могут служить основой для плодотворной работы. Формирование композиционного «ключа» авторской работы, завершающей первый учебный год, представляет определенные сложности для студентов в силу отсутствия профессионального и недостаточности творческого опыта и возможно только на основе всестороннего и мотивированного анализа выбранного объекта.

Принципиальное различие тем, связанных с изучением архитектуры или исторического наследия, заключено в наличии исходного визуального ряда в первом случае и практически полном его отсутствии во втором. При обращении к архитектурной тематике собранные материалы в первом случае будут представлять собой в основном изображения фрагментов городского пейзажа или памятников архитектуры. Результатом изучения истории является главным образом вербальная информация с возможным наличием изображений культурных или исторических артефактов. Соответственно, наборы приемов композиционного анализа также имеют отличия.

Анализ архитектурных объектов предполагает как изучение свойств формы, так и выявление принципа взаимодействия формы и пространства, определение характерных ритмов чередования массы и пространства, выявление доминант и их характеристик, способов формирования центров как сгустков массы или воздуха пространств, концентрации вертикалей, акцента протяженной горизонтали или точно найденного контраста вертикали и горизонтали. Неизобразительные абстрактные признаки форм и принципы организации пространства выявляются в результате формального композиционного анализа через выделение характерных черт, отбор и удаление несущественных, их точное ранжирование. Это наиболее доступный студентам этап изучения, легко поддающийся графической визуализации в виде аналитических зарисовок. Содержательный анализ, выявляющий смысл геометрических построений, обычно дается сложнее, но именно на основе выявления неочевидных качеств и внутренних связей, путем эмоционально-ассоциативных сопоставлений через формулировку метафор происходит определение характера авторской композиционной модели. В результате освоения принципов формального и содержательного анализа формируются навыки взаимодействия с внешними объективно заданными проектными условиями, профессиональный подход к анализу проектной ситуации. Завершающим итогом этапа формального и содержательного анализа является выраженный в названии образ будущей авторской работы. Цветовой строй композиции формируется также на основе содержательного анализа и не должен фиксировать цвет реальных архитектурных объектов. Цвет как важное средство организации композиционной плоскости работает вместе с пластикой, ритмами членений. Обладая сильным эмоциональным воздействием, точно найденный колорит выражает образное содержание композиции.

Вторая тематическая направленность — история города. Первый этап работы — определение знаковых вех истории, выдающихся событий и артефактов. Специфика обращения к культурно-историческим темам творческого задания заключается в композиционном изучении неизобразительных объектов — исторических и культурных событий и фактов. Поиски способов визуализации исторических, музыкальных, событийных, ситуационных образов мотивируют студентов «осознанно использовать творческий потенциал абстрактных композиционных явлений» [1, с. 147]. Через трансляцию общечеловеческих и культурных ценностей приходит понимание драматургии событий и сравнительной значимости фактов. В качестве промежуточного этапа необходима словесная формулировка композиционного сценария. Эмоциональная вовлеченность автора в тему вносит в решение учебной задачи индивидуальный мотивационный компонент, который важен для формирования творческого подхода к решению практических задач, определению личного «почерка» автора в профессиональной деятельности уже на ранних этапах обучения.

Результатом исследовательского аналитического этапа в любом случае является сформулированная композиционная идея, ритмический и колористический «ключ» будущей композиции. Сформулированная идея композиции реализуется в процессе вариантного проектирования эскизов на основе анализа выбранной темы, строгого отбора количества и выявление иерархии элементов композиции. Определяется тип композиции, расположение и способ выявления композиционного центра. В процессе творческого синтеза определяется окончательный вариант. Изобразительные возможности ограничены условиями учебного задания — создания иллюзорно-пространственной плоскостной композиции. Задача может быть решена как исключительно средствами абстрактной композиции, так и с включением стилизованных изобразительных элементов, орнаментальных деталей. Ограничения и четкая формулировка задачи имитируют условия будущей профессиональной проектной деятельности. Используя воображение, навыки комбинаторики, предыдущий опыт композиционно-художественного моделирования и знание основных законов композиции, студенты учатся отбирать необходимые и достаточные пластические средства и приемы, решать задачу минимальными средствами с максимальной выразительностью.

Литература и источники

1. Бойцов С. Ф., Чурсин Д. В. Равновесие: учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2020.
2. Чуваргина Н. П., Ушакова Т. А. Основы графического моделирования в архитектурном проектировании: учебное пособие. Свердловск, 1990.

Irina S. Zubova

Ural State University of Architecture and Art named after N. S. Alferov (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubova55@mail.ru

Liubov S. Kartashova

Ural State University of Architecture and Art named after N. S. Alferov (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: kartashova.zadanie@yandex.ru

**CITY'S ARCHITECTURE AND HISTORY AS OBJECTS OF ANALYSIS OF COMPOSITION
IN THE EDUCATIONAL PROCESS**

In this paper, the author describes the ways of actualization universal artistic principles from the perspective of local identity. The impact of historical and cultural aspects on a process of creating an artistic piece is being studied. In addition, the article describes how sociocultural approach could be used in the educational tasks as a part of analysis.

Keywords: Composition analysis, composition model, color and graphic composition, abstract model, creative synthesis, city's history and culture

Иливицкая Лариса Геннадьевна

д. филос. н., доцент, Самарский государственный медицинский университет

Министерства здравоохранения РФ (г. Самара)

E-mail: l.g.ilivitskaya@samsmu.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РАЙОНОВ В ВОСПРИЯТИИ ГОРОЖАН

УДК 711.58(470.43)

В докладе раскрывается исторический потенциал индустриальных районов российских городов с точки зрения их восприятия горожанами. В качестве примера выбран первый промышленный район города Самары — Безымянка. Показано, что большинством жителей города такие районы не воспринимаются как особенные и не рассматриваются как места, обладающие историей.

Ключевые слова: город, индустриальный район, исторический потенциал, Безымянка

Постиндустриальная реальность современного города ставит вопрос о новых способах и вариантах включения промышленных районов в общее городское пространство. Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев подобная задача не теряла своей актуальности на протяжении всего времени их существования. Будучи напрямую связанными с процессами индустриализации, промышленные районы изначально являлись «точками роста» города. Однако данного факта оказалось совсем не достаточно для того, чтобы они были признаны в качестве значимой части города. Более того, им было отказано даже в получении «равных прав». Между старыми городскими районами и новыми промышленными пролегла символическая граница, разделившая пространство на собственно город и негород (или недогород). В ментальности горожан они стали обладателями негативных характеристик и оценок. Промзона, рабочий район, городская окраина — вот тот устойчивый образ, который стал их постоянным спутником. Справедливости ради надо отметить, что неприятие промышленных районов — это не российский феномен, их негативное маркирование носит глобальный характер.

«Уход» из города индустриальной экономики поставил промышленные районы в еще более сложное положение. Тот промышленный потенциал, который выступал, пожалуй, единственным положительным элементом имиджа территорий, теперь потерял свое значение. Более того, в связи с экономическим кризисом 1990-х гг. к чертам этих районов добавились проблемы обнищания населения, безработицы, криминализации и т. п.

На настоящий момент большинство исследователей указывают на две базовые стратегии, позволяющие индустриальным районам найти свое место в новых условиях и инициировать процессы положительного смыслообразования. Первая стратегия — экономико-технологическая. Она предполагает, что имеющаяся промышленная база путем модернизации может быть адаптирована к новым экономическим условиям. Вторая стратегия — гуманитарная. В ее эпицентре ее находятся не промышленные структуры, а новые направления развития города. Причем, как отмечает Ш. Зукин, к гуманитарным стратегиям в большинстве случаев прибегают тогда, когда возможности для осуществления стратегий промышленного роста отсутствуют, тогда, когда город не имеет ресурсов для реализации производственной деятельности или когда подобные попытки не дали удовлетворительного результата [2, с. 380]. Обращение к индустриальному прошлому промышленных районов как раз и есть один из вариантов реализации гуманитарной стратегии. Именно историческое наследие выступает значимым фактором реабилитации индустриальных территорий, их вхождения в пространство города, возрастания их ценности, формирования новой смысловой наполненности. В специальной брошюре ЮНЕСКО 2011 г. говорится, что «городское наследие является ключевым ресурсом для улучшения удобства городских районов и способствует экономическому развитию и социальной сплоченности в меняющейся глобальной обстановке» [3].

Российские города только приобретают опыт привлечения индустриального прошлого для городского развития. На то, будет ли успешен этот опыт, влияет множество факторов. Представляется, что не последнюю роль в этом играют представления самих горожан об историческом потенциале промышленных районов. Речь идет о том, готовы ли сами жители города рассматривать их не просто в качестве территории, где сконцентрировано большое количество предприятий и заводов с прилегающими к ним жилыми домами, но и как место, имеющее свою историю, обладающее исторической памятью. Именно этот аспект мы бы хотели осветить в отношении первого промышленного района города Самары — Безымянки.

Безымянка является по своему происхождению типичным для российских городов образованием — соцгородом. Однако она не имеет административного статуса и потому не совсем обычна. Территория Безымянки задана лишь на ментальном уровне, а название присутствует лишь в повседневном дискурсе жителей города. При этом именно Безымянка для самарцев является воплощением всего того, что может быть соотнесено с индустриальным прошлым города. Ее символический смысл позволяет видеть в ней репрезентанта промышленной части города, которая находится в оппозиции к «старому» городу, историческому центру Самары.

Безымянка не имеет единственно «правильной» и «утвержденной» даты рождения. В советское время ее появление связывалось с началом Великой Отечественной войны, с эвакуацией в Куйбышев (как тогда называлась Самара) заводов из западных регионов страны. Для значительной части опрошенных (39,6 %) именно с этого момента берет свое начало Безымянка. Но фактически ее история началась на 40 лет раньше. Сам топоним «Безымянка» возник в качестве названия станции Самаро-Златоустовской железной дороге (1903 г.). Местом жилого расселения она стала в 1912 г., когда началось строительство Самарского железнодорожно-ремонтного завода, вокруг которого и образовался рабочий поселок. Следует отметить, что несколько позже жители этого поселка попытались реализовать популярную в то время концепцию города-сада. Вторая половина 1930-х гг. — это период, когда Безымянка начала формироваться в качестве первого района города. Она выделялась в качестве стратегической площадки для индустриального развития, и должна была воплотить идеи соцгорода. Но эти знаковые для Безымянки даты известны значительно меньшему количеству жителей.

Однако, вне зависимости от того, какая дата рождения была выбрана респондентами, район не воспринимается ими как место с историей. Характеризуя Безымянку (респондентам было предложено назвать три прилагательных, которые в наибольшей степени к ней приложимы), они либо указывали на ее промышленную ориентацию, либо оценивали ее как место жительства (благоустройство, комфортность проживания, безопасность и т. д.) [1]. Но при этом фактически никто не использовал характеристики, которые можно было бы интерпретировать как отсылку к историческому прошлому района. То есть прилагательные «советский», «исторический», «соцгородской» и т. п. не были использованы по отношению к ней.

Респондентам также было предложено указать, знакомы ли они с историей Безымянки. Только каждый четвертый (24,1 %) посчитал, что он знаком с историей района. Около половины опрошенных затруднилось ответить на этот вопрос (48,9 %). Оценка же информированности горожан относительно прошлого Безымянки показала, что ее историю можно охарактеризовать как «точечную». Для большинства респондентов говорить об историческом прошлом района оказалось возможно только в связи с событиями Великой Отечественной войны («эвакуация заводов», «строительство заводов», «подвиг заводчан», «выпуск Ил-2»). Ни до, ни после никаких значимых дат, по мнению жителей, в ее истории не было.

Говоря о сегодняшнем видении Безымянки, следует отметить, что ее статус «промзоны», «рабочего района» носит устойчивый характер. На вопрос о том, какое определение района больше всего для него подходит, были получены следующие ответы (см. табл.).

Определения Безымянки, %

Определения	Количество ответов, %
Рабочий район	33,4
Второй исторический центр города	12,9
Городская окраина	7,9
Обычный район города	14,3
Промзона	14,0
Спальный район	10,7
Удобный для проживания район	6,8

Как видно из представленных данных, подавляющее большинство опрошенных не готовы видеть в Безымянке еще один исторический центр города, связанный с советским прошлым.

Таким образом, на настоящий момент исторический потенциал района с точки зрения горожан можно оценить как низкий. Тот небольшой пласт «исторического», на который указывают жители, имеет промышленную окраску и связан с заводами и предприятиями. Интерес, который наметился в последнее время к районам подобным Безымянке, стремление придать им исторический статус, требует реконструирования их прошлого, что позволит открыть новые смысловые горизонты, задать различные исторические проекции, преодолеть их выключенность из исторического контекста, придать импульс для дальнейшего развития.

Литература и источники

1. Иливицкая Л. Г. Промышленные районы города и их восприятие горожанами // Промышленное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Нижний Тагил, 2020. С. 96–101.
2. Зукин Ш. Культуры городов. М., 2015.
3. Новая жизнь исторических городов: изложение подхода, ориентированного на исторические городские ландшафты. ЮНЕСКО, 2013. URL: <https://whc.unesco.org/document/128592> (дата обращения: 11.05.2023).

Larisa G. Ilivitskaya

Doctor of Philosophical Sciences, Samara State Medical University (Russia, Samara)

E-mail: l.g.ilivitskaya@samsmu.ru

**THE HISTORICAL POTENTIAL OF INDUSTRIAL AREAS
IN THE PERCEPTION OF CITIZENS**

The report reveals the historical potential of the industrial regions of Russian cities from the point of view of the townspeople. As an example, the historical first industrial district of the city of Samara — *Bezmyanka* was chosen. It is shown that for most residents of the city, areas of this kind are deprived of historical status and are not considered from the point of view of a place with history.

Keywords: city, industrial area, historical potential, *Bezmyanka*

Кашаева Юлия Анатольевна

к.и.н., директор, Государственный архив Пермского края; доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (г. Пермь)

E-mail: jkashaeva@mail.ru

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ГОРОДА ПЕРМИ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПЕРМСКОГО КРАЯ

УДК 930.253(470.5):719

В докладе подводятся промежуточные итоги выявления в фондах Государственного архива Пермского края документов, так или иначе связанных с задачами изучения, сохранения и восстановления объектов индустриального наследия города Перми. Предлагается классификация таких документов и их краткая содержательная характеристика.

Ключевые слова: документальное наследие, индустриальное наследие, архивный документ, реставрация

Сохранение архивных документов о промышленных комплексах и отдельных заводских постройках в городе Перми является важным не только с точки зрения научно-исследовательского интереса, но и с точки зрения интереса практического. В Государственном архиве Пермского края (ГАПК) сформировался значительный массив архивных фондов, содержащих документы о сохранившемся и утраченном индустриальном наследии Перми. При этом главными для изучения, сохранения и восстановления объектов индустриального наследия Перми следует признать следующие группы документов ГАПК: 1) планы и карты застроенных территорий, чертежи зданий и сооружений (научно-техническая документация); 2) решения органов власти и другие распорядительные документы о застройке территорий; 3) фотографии; 4) проектная документация, отложившаяся в фондах органов власти и предприятий.

В первой группе можно выделить материалы фонда 279 «Коллекция планов, карт и чертежей, отложившихся в фондах губернской чертежной, межевой комиссии и Пермском земельно-устроительном отряде». Это чертежи оборудования и цехов Пермских пушечных заводов (в описях № 4, 5), в частности, чертежи нефтяной печи (для штамповки шрапнелей)¹, печи для скрепления орудий², закалочной печи для фугасных бомб на закалочной фабрике³. По другим предприятиям — это чертеж медно-литейной печи и нефтяного горна на Пермском механическом заводе И. И. Любимова⁴, который был построен на нижней пристани Камы возле Слудской Свято-Троицкой церкви. Завод служил для ремонта старых и постройки новых речных судов. Значительная часть научно-технической документации является копиями (цианотипия (синька), диазотипия), не всегда высокого качества.

Во второй группе следует отметить фонды Пермской городской управы (фонд 35), Пермского горисполкома (фонд Р-176) и облизполкома (фонд Р-564). В фонде Пермской городской управы, к примеру, отложились документы о выделении земли под заводскую застройку, строительстве частных и казенных зданий и сооружений, некоторые нормативные документы. В фонде Пермского горисполкома — материалы о застройке и выделении городских земель. В фонде Пермского облизполкома хранятся документы, касающиеся районной планировки и вопросов социально-экономического планирования территорий.

Фотографии промышленных зданий Перми, застройки набережной, различных строений в связи с открытием Уральской горнозаводской железной дороги, сохранились в ряде фондов, в том числе в фонде фотоальбомов и фондах личного происхождения. Заводские альбомы, созданные к юбилейным датам предприятий, являются наиболее востребованными со стороны исследователей индустриального

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 279. Оп. 4. Д. 335.

² ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 876.

³ ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 877.

⁴ ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 148.

наследия. Ярким примером служит «Альбом фотографий с историей завода с 1860 по 1932 год / Машиностроительный завод им. В. И. Ленина»⁵. На момент создания альбом имел гриф «секретно», возможно, он был сделан к 1963 г., когда отмечался 100-летний юбилей завода. В альбом было помещено 313 фотоотпечатков, иллюстрирующих историю завода, каждый из которых имеет свой порядковый номер, дату и название. Из 313 фотоотпечатков, составляющих альбом, 99 отражают историю Пермских пушечных заводов в период Российской империи. Фотографии промышленных предприятий могут быть разделены на несколько групп в соответствии с сюжетами: 1) панорамы завода и заводского поселка; 2) фотографии заводских цехов, внутренних заводских пространств; 3) фотографии продукции завода; 4) фотографии управляющих, инженеров и рабочих заводов; 5) фотографии мероприятий (митинги, празднования юбилеев, встреча значимых личностей и т. п.). Архивный комплекс фотографий позволяет, с одной стороны, визуализировать индустриальное развитие Перми, промышленных объектов на территории города за 150 лет.

Различного типа документация, зафиксировавшая «работу» с пространством в рамках создания и оборудования крупных промышленных предприятий представлена в фондах пермских заводов (фонды Р-33, Р-42, Р-1445, Р-1655 и другие). Эти материалы характеризуются многообразием и вариативностью, требуя более скрупулезного изучения.

Yulia A. Kashaeva

Candidate of Historical Sciences, State Archive of Perm Krai;
Perm National Research Polytechnic University (Russia, Perm)
E-mail: jkashaeva@mail.ru

INDUSTRIAL HERITAGE OF THE CITY OF PERM IN THE DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF PERM KRAI

The report summarizes the intermediate results of the identification of documents in the funds of the State Archive of Perm Krai, one way or another related to the tasks of studying, preserving and restoring objects of the industrial heritage of the city of Perm. A classification of such documents and their brief substantive characteristics are proposed.

Keywords: documentary heritage, industrial heritage, archival document, restoration

⁵ ГАПК. Ф. Р-33. Оп. 4. Д. 210.

Козлова Вероника Юрьевна

к.и.н., заместитель директора Культурно-просветительского центра, Исторический парк «Россия — моя история. Пермский край» (г. Пермь)

E-mail: veronikakozlova2011@yandex.ru

**РОЛЬ ТРАНСПОРТА В РАЗВИТИИ ЕГОШИХИНСКОГО ЗАВОДА
И ГОРОДА ПЕРМИ В XVIII–XIX вв.**

УДК 94(470.5)''17/18''

Слобода Егошихинского завода отличалась от остальных близлежащих горнозаводских поселений наличием крупной пристани. После преобразования слободы в губернский город Пермь транспортная функция продолжала играть ведущую роль. Появление пароходного транспорта и открытие железной дороги привели к строительству крупнейших промышленных предприятий города. Кроме того, транспортная активность напрямую влияла на образ жизни горожан.

Ключевые слова: транспортная функция, город, образ жизни горожан

Особенность поселения вокруг Егошихинского завода, от которого ведет свою историю город Пермь, состояла в том, что в нем было два «градообразующих» центра — горный завод и пристань. Причем на Урале Егошиха была единственным таким поселением. Через Егошиху отправляли продукцию все заводы Пермского горного округа, центром которого она была в 1730–1750-х гг.: «Егошиха уже в 20-х годах XVIII в. являлась заводским поселком и не только пристанью, но и крупным портом. Здесь догружали коломенки медью Пермских заводов, еще раз проверяли оборудование, загружали необходимые снасти для будущего верхового хода по Волге и отправлялись в путь... При остановке в Егошихе груз перераспределялся по судам, что позволяло добиться схожей осадки судов и, в дальнейшем, нанять одинаковое количество бурлаков при верховом ходе по Волге. На коломенки догружалась медь, на Егошихинский завод отправлялись железо, инструменты, части производственных механизмов. В результате удавалось освободить часть коломенок» [1, с. 198].

Егошихинская пристань была самой крупной на Каме. Вот как она выглядела в XVIII в.: «Чуть пониже завода имелась знатная пристань — ее тут называли Камской пристанью — на всем Урале сравнима она была разве что с казенной Уткинской пристанью на Чусовой. Собою Камская пристань представляла уже довольно плотно застроенный, многофункциональный береговой участок. Здесь стояло несколько амбаров под руду и готовую медь, под лесоматериалы и присылаемые из Екатеринбурга грузы, под становые и ходовые якоря и судовые снасти — рогожи, бочки, лычные веревки и пеньковые суки (канаты). Имелось плотбище, где строили суда, вблизи которого ссыпали доставленную дощаниками руду. Стоял огромный бревенчатый сарай, 14 на 8 сажень, со створными воротами под казенные суда, стояли и сараи попроще под лодочки тем, кто мог себе их позволить» [2, с. 70].

Таким образом, в Егошихинском заводе находились рядовой медеплавильный завод и крупнейшая пристань на Каме с небольшим судостроительным производством. Именно благодаря второму с учетом удобного географического положения было принято решение преобразовать поселение в губернский город Пермь.

Промышленность в городе развивалась медленно. В 1786 г. Егошихинский завод был закрыт, появились пять кожевенных, пять салотопенных, два мыловаренных и восемь кирпичных заводов [3, с. 147]. В то же время удобные сухопутные и водные пути создавали условия для развития торговой и транспортной функции Перми. Товары шли по Каме, Сибирскому, Казанскому и Соликамскому трактам. С пермской пристани их отправляли в центральную Россию по Каме и Волге.

Экономическое развитие Перми оживилось после возникновения на Каме пароходства в 1846 г. Камский флот начал быстро расти. Пароходство, способствуя увеличению грузооборота между Европейской Россией и Сибирью, оказало заметное воздействие на концентрацию транспортно-перевалочных

операций именно в Перми. Она стала почти монополистом в грузоперевалочных операциях между Европейской Россией, Сибирью и Китаем. По размеру грузооборота Пермь уступала лишь Нижнему Новгороду, Рыбинску, Ярославлю и Казани.

Развитие пароходства на Каме привело к появлению новой отрасли — судостроения. В 1859 г. был построен механико-парохододелательный завод Гуллета-Тета. Появилось канатное производство. В 1874 г. братьями Каменскими был построен литейно-механический завод для строительства и ремонта пароходов. Купленный И. И. Любимовым в 1878 г. бывший завод Гуллета-Тета после модернизации превратился в одно из крупнейших судостроительных предприятий Урала. На нем строились речные пассажирские и буксирные пароходы, морские винтовые шхуны, изготавливались паровые машины и котлы для горных заводов и паровых мельниц, паровые молоты, прокатные станы и т. д. [4, с. 695].

Во второй половине XIX в. главную роль в определении значения Перми и развитии городских функций продолжало играть ее выгодное географическое положение, транзитно-транспортная функция. Пермь поглощала до 50 % всего торгового оборота Прикамья и была первой по грузообороту пристанью на Каме [4, с. 693].

Громадное экономическое значение для города имело открытие Уральской горнозаводской железной дороги от Перми до Екатеринбурга, построенной в 1878 г. Она вместе с рекой Камой делала Пермь важнейшим транспортным узлом Урала. Начало действовать крупнейшее предприятие Перми — Главные железнодорожные мастерские. Появилось железнодорожное училище. Пермь стала перевалочным пунктом в железнодорожных грузоперевозках и самым удобным местом пересадки пассажиров с пароходов на железную дорогу.

В 1890-х гг. Пермь оказалась включенной в общую железнодорожную сеть России, а ее исключительное удобное местоположение было учтено при строительстве Пермь-Котласской и Главной (Пермь — Кунгур — Екатеринбург) железных дорог. Железнодорожный мост через Каму, построенный в городской черте в 1899 г., стал первым таким мостом, крупнейшим на Урале. В 1906 г. проложили железную дорогу Вятка — Санкт-Петербург, и Пермь получила прямой выход к столице России. Прокладка железной дороги, устройство тоннеля, подпорных стенок, строительство железнодорожных вокзалов станций Пермь I и Пермь II оказали значительное влияние на архитектуру и планировку города. Железная дорога отрезала жилые кварталы от реки Камы.

Однако к тому времени Кама уже сделала свое дело в развитии города, где к 1896 г. работало 139 промышленных предприятий: 33 пряничных и хлебных, по 9 кожевенных и кузнечных, по 5 кузнечных и механических, 8 типографий, а также свечные, пивоваренные, водочные, экипажные, химические и другие производства¹.

К концу XIX в. в Перми под влияние социально-экономических процессов, государственной политики и миграций сформировалась структура занятости населения, оформились профессиональные группы. Более 23 % населения относились к работникам различных промышленных предприятий. При этом особенностью Перми было то, что здесь доля работающих на транспорте была в полтора раза выше, чем в других городах России и составляла 7,1 % [5, с. 304–314; 6, с. 176–185]. Более половины из них (890 человек) были заняты на железнодорожном транспорте. Остальные трудились на водном транспорте, занимались извозом [6, с. 176–185].

Почти все жители Перми являлись либо свидетелями движения транспорта, либо потребителями транспортных услуг и непосредственно ощущали транспортный ритм города: ««Свистки неприятно отдающиеся в ушах горожан береговой полосы города» издавали командиры буксирных пароходов, которые во время стоянки у города постоянно пользовались свистками². Влияние пароходства на жизнь пермяков можно отследить по материалам неофициальной части газеты «Пермские губернские ведомости». Пассажирские, товарно-пассажирские, почтово-пассажирские пароходы совершали регулярные рейсы

¹ Государственный архив Пермского края. Ф. 65. Оп. 1. Д. 56.

² Неуместные свистки // Пермские губернские ведомости. 1906. 18 июля.

в Казань, Нижний Новгород, Рыбинск, Ярославль, Осу, Оханск, Кунгур, Чердынь. Для потенциальных пассажиров важна была любая информация о движении судов — расписание, цены, условия проезда.

Пермяки знали мельчайшие подробности обо всех происшествиях на пароходах. Например, о том, что на всех судах предписывалось иметь аптечки; о том, на пароходах Любимова продавали карты реки Камы, а на пароходе «Кама» провели телефонный кабель. Читатели узнавали, что на пароходах Любимова не чисто, неряшливо, а прислуга небрежно относится к своим обязанностям³. Никакие мелочи, связанные с пароходами, не могли ускользнуть от пермяка, читавшего «Пермские губернские ведомости», откликавшиеся на запросы потенциальных и реальных пассажиров.

Наличие пассажирского пароходства непосредственно влияло на жизнь горожан. Благодаря Камере и пароходам появилась в Перми такая черта летней жизни, как дачи. Расписание всех дачных пароходов можно было найти на страницах газеты. Здесь же размещались объявления о сдаче, продаже и аренде дач. Любопытно, что в способе добираться до дач с пароходами конкурировал железнодорожный транспорт. Это проявилось в таком дачном месте, как Нижняя Курья. Если пароход ломался, сообщение с дачами прекращалось на неопределенное время. Поэтому многие дачники предпочитали пользоваться дачными и пассажирскими поездами. Плата за проезд там была ниже. Ходили поезда два раза в день по принципу «туда и обратно»⁴.

Начиная с апреля на берегу Камы кипела деловая жизнь, связанная с обеспечением навигации. В Перми появлялось много артелей грузчиков, которые приезжали работать на сезон. На пристанях активно велась торговля как с пристанских лавочек, так и с расположенных напротив шатровых балаганов, где разной мелочью торговали татары. Торговые точки мешали движению по мостовой, как и груды товаров, которые сваливали прямо на дорогу. Набережная Камы была местом для работы, а не для отдыха.

К началу XX в. ритм жизни города Перми задавался именно Камой, предполагая определенную цикличность. Это, в частности, напрямую фиксировали «Пермские губернские ведомости», где зимой сообщали о переезде через Каму на лошадях, в марте появлялись объявления об аренде дач, в апреле описывался ледоход, а за ним и камская навигация, которая заканчивалась в сентябре вместе с землечерпальными работами. При этом важнейшим моментом в жизни города был ледоход на Камере: «Коренной пермяк, лишь только услышит о первой подвижке, тотчас же устремляется лицезреть последний акт оживления природы. Ожила Кама, и центр деловой жизни перенесен на ее набережную. Кипит деятельность на берегу, устанавливают пристани, мостки, всюду спешный ремонт»⁵.

Таковы лишь некоторые черты образа жизни пермяков, определявшиеся речным транспортом. А если прибавить к этому местных и транзитных извозчиков, а также железнодорожный транспорт, то совершенно очевидно, что транспорт и его развитие играли важнейшую роль в истории Перми.

Литература и источники

1. Уланов К. А. Транспортные речные коммуникации металлургических казенных заводов Урала с Европейской частью России в 20–50-е гг. XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2021.

2. Корепанов Н. С. Пермь заводская. 1723–1781 гг. Екатеринбург, 2011.

3. Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении земледелия, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского вольного экономического общества высочайше одобренному и тщанием и иждивением оногo Общества изданное. СПб., 1813. Т. 1–2.

4. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния: в 2 ч. СПб., 1864. Ч. 1.

³ Пермские губернские ведомости. 1903. 25 мая. С. 3; 1905. 3 июля. С. 2; 1898. 11 июля. С. 3.

⁴ К дачным делам // Пермские губернские ведомости. 1905. 22 июня. С. 2.

⁵ На Камере. Всякому овощу — свое время // Пермские губернские ведомости. 1906. 12 апр.

5. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения. СПб., 1905. Т. 2.

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. Вып. 31: Пермская губерния.

Veronika Yu. Kozlova

Candidate of Historical Sciences, Historical Park “Russia is My History. Perm Krai” (Russia, Perm)

E-mail: veronikakozlova2011@yandex.ru

THE ROLE OF TRANSPORT IN THE DEVELOPMENT OF THE EGOSHIKHINSKY PLANT AND THE CITY OF PERM IN THE 18th –19th CENTURIES

The settlement of the Egoshikhinsky plant differed from the rest of the mining settlements by the presence of a large pier. After the transformation into the provincial city of Perm, the transport function continued to play a leading role. The appearance of steamship transport and the construction of the railway led to the construction of the largest industrial enterprises of the city. Transport activity directly affected the lifestyle of citizens.

Keywords: transport function, city, lifestyle of citizens

Коньшева Евгения Владимировна

к.искусствоведения, в.н.с., Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (г. Москва)

E-mail: e_kon@mail.ru

**ОТ РАБОЧЕГО ПОСЕЛКА К «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ГОРОДУ»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ
ПРОМЫШЛЕННО-СЕЛИТЕБНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ**

УДК 711(470.5)''1920/1930''

На примере городов Урала (Екатеринбург, Пермь, Челябинск, Магнитогорск) показана трансформация градостроительных подходов в проектировании промышленно-селитебных комплексов в годы первой пятилетки. Рассмотрена эволюция от лучевых планировок и индивидуализированного облика рабочих поселков конца 1920-х гг. к рационализации и типизации планировки и «коллективизации» застройки в проектах 1929–1930 гг. и «фордистским» принципам организации «социалистического города» начала 1930-х гг.

Ключевые слова: промышленно-селитебные комплексы, планировка и застройка, первая пятилетка, трансформация

Градостроительная практика периода первой пятилетки была связана, прежде всего, с проектированием и застройкой промышленно-селитебных комплексов. За короткий промежуток времени подходы к архитектурно-планировочной организации подобных комплексов претерпели кардинальные изменения. Поселения при уральских промышленных предприятиях, возводившиеся в рамках Урало-Кузбасского проекта, наглядно демонстрируют характер и результат этих трансформаций.

Проекты рабочих поселений второй половины 1920-х гг. при уральских заводах-новостройках металлургической и машиностроительной отраслей обладали типологической схожестью: городки примыкали к заводской площадке и были развернуты к ней «фронтom», ориентация «лучей» главных магистралей на предзаводскую площадь была наиболее распространенным планировочным приемом. Это демонстрируют, например, проекты поселков при Уральском машиностроительном заводе (1928 г., арх. П. В. Оранский), при Магнитогорском металлургическом комбинате (1928 г., ЛенГипромез и УралГипромез; 1929 г., Госпроект, арх. С. Е. Чернышев), Нижне-Тагильском вагоностроительном заводе (1928 г., ЛенГипромез) и др. Подобные решения были предопределены экономическим фактором — удобной взаимосвязью жилой зоны и предприятия. Кроме того, ориентированная на предприятие лучевая композиция получила и художественно-образное осмысление — движение к «фабричному Кремлю». Промышленное предприятие трактовалось как ядро, смысловой и композиционный центр рабочего поселения. Заводские конторы должны были выступать одной из архитектурных доминант города, а предзаводская площадь планировалась не только как центр трудовой жизни, но и как средоточие общественных функций. Другим распространенным вариантом была схема с композиционной осью «завод — общественный центр поселения», когда «лучи» сходились на главной городской площади, от которой уже направлялась линия основной магистрали к заводу, или же сложные многоцентровые композиции с дополнительным планировочным узлом — вокзалом (проекты поселка Бумстрой (Краснокамск, 1930 г.), рабочего поселка ЧТЗ (Ленгипромез, 1930 г.), соцгорода ВЭО в Свердловске (1930 г.) и др.). Однако в 1930 г. все подобные планировки были уже «уходящей натурой», несмотря на то что в проектах заводских поселений конца 1920-х гг. на смену рассредоточенной усадебной застройке поселков-садов уже приходит ориентир на многоэтажную застройку для индивидуально-семейного и коллективного проживания.

Исходным моментом трансформации стали установки первого пятилетнего плана, пересмотренные в сторону резкого увеличения летом–осенью 1929 г. и предопределившие «сверхтемпы» не только

индустриализации, но и урбанизации, как и принципы организации нового, «социалистического города». Ключевые особенности соцгорода в реальной практике строительства определялись, с одной стороны, его сущностью как промышленно-селитебного образования. Промпредприятие предопределяло местоположение, размеры, перспективы и направление территориального развития, характер композиционного решения городской планировки. Направления и интенсивность рабочих потоков являлись определяющими факторами для функционального зонирования города, трассировки и иерархии магистралей и улиц, системы организации транспорта, размещение городского центра (центров) и характер его планировочной связи с заводом. С другой стороны, идеология соцгорода была ориентирована на «коммунализацию» жизни. В программах на проектирование «социалистических городов» в 1929 г. и начале 1930 г. обрисовывалась картина жизни трудящихся в жилкоммунах, а нормативные документы предписывали переходить от индивидуальной квартиры к домам-коммунам и целым коммунальным кварталам. Соответственно и при проектировании соцгородов предусматривали отдельные кварталы полностью обобщественного сектора (жилкомбинаты) (Бумстрой (Краснокамск), 1929 г.; «город-коммуна» ЧТЗ (1930 г., Ленгипромез); соцгород ЧТЗ (А. Буров и др., 1930 г.), соцгород Магнитогорск (1930 г., Цекомбанк, Э. Май и др.). Почти не получив воплощения, идея жилкомбината оказала решающее влияние на формирование концепции квартала со значительной ролью обобщественного обслуживающего сектора. В начале 1930-х гг. квартал с комплексной системой социально-бытового обслуживания стал планировочной единицей промышленно-селитебных комплексов, имевших, в свою очередь, развитую ступенчатую систему соцкультбыта (соцгород ЧТЗ, соцгород Уралмаш, Рабочий поселок Мотовилихинского завода и др.). Основным типом жилых зданий утверждалась многоэтажная секционная застройка, обеспечивающая высокую плотность заселения (до 300–350 чел/га). В 1930 г. строчная типовая секционная трех-, четырехэтажная застройка уже становится характерным элементом, что демонстрируют и в том числе вышеназванные комплексы.

Планировочная конструкция соцгородов начала 1930-х гг. демонстрировала способы решения задачи организации крупного промышленно-селитебного комплекса, трансформацию планировочных подходов от поселка к городу — прежде всего речь идет о более сложной организации городской структуры. Определяющий подход к проектированию в тот период — понимание города как функционально организованного пространства. В 1930–1932 гг. была предпринята попытка перенести на градостроительную сферу индустриальные методы: город механистически конструировался и должен был являть собой типовой продукт. Планировочные приемы стандартизировались, а городская структура формировалась из типовых планировочных модулей, которые мультиплицировались необходимое число раз. Ключевым элементом новой стратегии являлись структурно-планировочные модули, выстроенные в иерархическом порядке: жилой комплекс — жилой квартал — район. Таким образом, функционирование города, подобно производственному процессу, было разбито на отдельные циклы. При этом структура формировалась «снизу–вверх», от базовой единицы к завершенному городскому пространству. Пространство города функционально зонировалось, а между зонами устанавливались оптимальные коммуникации. Трафик планировался по принципу «раздельных путей», и улицы получали собственные функциональные роли. Магистраль между городом и промышленным предприятием трассировалась по границе города, аккумулируя потоки людей и транспорта и направляя их к производству. Размещение общегородского, районных и квартальных центров было связано со схемами движения «людских потоков». Территория города членилась продольными и поперечными улицами на типизированные прямоугольные кварталы, обеспечивая экономичность городской инфраструктуры. Жилая застройка представляла собой серийный продукт, ее типы были рассчитаны на несколько категорий потребителей с унифицированными потребностями. Новое городское пространство задавало специфическую «технология жизни», основанную на функциональном детерминизме и рациональном поведении, превращая «социалистический город» в технократическую утопию. Новые подходы к городской планировке демонстрируют проекты Магнитогорска (1930–1933 гг., Э. Май и др.), Нового Орска (1932–1935 гг., М. Стам, Х. Шмидт и др.),

Нижне-Курьинска (1932 г., Х. Майер и др.), соцгорода Вагонстроя в Нижнем Тагиле (1932–1934 гг., А. Мостаков и др.).

Градостроительные поиски периода первой пятилетки, которые были сконцентрированы преимущественно на автономном промышленно-селитебном комплексе, оставили в наследство рассредоточенную планировочную структуру крупных уральских городов и на долгие десятилетия заложили пути их пространственного развития.

Литература и источники

1. Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург, 2018.
2. Коньшева Е. В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. М., 2017.
3. Советское градостроительство 1917–1941: в 2-х кн. / отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М., 2018.
4. Смирнов Л. Н. Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2008.

Evgeniya V. Konysheva

Candidate of Fine Arts, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture
and Urban Planning (Russia, Moscow)

E-mail: e_kon@mail.ru

FROM A WORKERS' SETTLEMENT TO A "SOCIALIST CITY": THE TRANSFORMATION OF URBAN PLANNING APPROACHES IN THE DESIGN OF INDUSTRIAL AND RESIDENTIAL COMPLEXES DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLAN

On the example of the cities of the Urals (Ekaterinburg, Perm, Chelyabinsk, and Magnitogorsk), the transformation of urban planning approaches in the design of industrial and residential complexes during the first five-year plan is shown. The evolution from beam layouts and the individualized appearance of workers' settlements of the late 1920s is considered to the rationalization and typification of planning and the "collective" buildings in the projects of 1929–1930 and the "Fordist" principles of organizing the "socialist city" of the early 1930s.

Keywords: industrial and residential complexes, planning and development, first five-year plan, transformation

Манькова Ирина Леонидовна

к.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: ilman.08@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ СТОЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТОБОЛЬСКА

УДК 94(571)“16”

В докладе рассматриваются элементы культурного ландшафта Тобольска XVII в., свидетельствующие о его статусе как административной и церковной столицы Сибири. Анализируется история строительства и размещение в городском пространстве «города» (административного центра) и архиерейского двора. Акцентируется внимание на роли епархиальной власти в идеологическом обосновании столичности Тобольска и его благоустройстве.

Ключевые слова: Тобольск, история Сибири XVII в., культурный ландшафт, Тобольский архиерейский дом

Тобольск возник в 1597 г. на начальном этапе русской колонизации Сибири недалеко от столицы бывшего Сибирского ханства — Искера/Кашлыка/Сибиря и стал опорной базой для его окончательного разгрома. Русские ратники выбрали для будущего города стратегически выгодное место (возвышенность при впадении Тобола в Иртыш), с трех сторон защищенное естественными рубежами. В дальнейшем рельеф местности определил и планировку Тобольска. Естественным образом он оказался разделенным на две части — нагорную на высоком береговом откосе (верхний посад) и подгорную (нижний посад).

Роль Тобольска как военного, административного и экономического центра Сибири в XVII в. основательно изучена и представлена в историографии. Целью доклада является показать визуализацию особого статуса Тобольска в его культурном ландшафте. Подобно другим русским городам — уездным центрам, неотъемлемой частью его культурного ландшафта являлся «город» (административный центр), расположенный в нагорной части и укрепленный городскими стенами с башнями. Внутри него находились соборная Вознесенская церковь, съезжая изба, стрелецкая изба, зелейный погреб, воеводский двор, государственные амбары. В подгорной части был построен калмыцкий двор для постоя калмыцких посланцев. С учреждением Сибирской и Тобольской епархии в 1620 г. Тобольск стал и церковно-административной столицей Сибири. Первоначально планировалось, что архиерейский двор (резиденция правящего архиерея) будет размещаться в «городе», а Вознесенская соборная церковь станет местом архиерейского служения. Однако, приехав в Тобольск, первый архиепископ Киприан выбрал другое место для архиерейского двора — в нагорной же части города, но на соседнем мысу. Архиерейский двор с Софийским собором, обнесенный оградой (в конце XVII в. каменной стеной с башнями), стал доминантой верхнего посада наравне с «городом» (центром воеводской власти). История взаимоотношений тобольских воевод и сибирских архиереев свидетельствует о противоборстве сторон за лидерство или хотя бы равнозначность властных полномочий.

Резиденция сибирских архиереев была размещена на месте основания Тобольска, тем самым символизируя сопричастность Русской православной церкви к присоединению Сибири. Этот дискурс ярко представлен в сибирских летописях, первая из которых, Есиповская, составлялась при Софийском архиерейском доме. Именно в этих источниках впервые «столичность» Тобольска (центра государственности) обосновывается местом его расположения рядом с бывшей столицей Сибирского ханства. Согласно сибирским летописям, его основание знаменовало «победу и одоление на окаянных бусурмен»¹. Тобольский архиерейский дом сыграл решающую роль в формировании образа Тобольска как форпоста христианства. Религиозный ландшафт города формировался с усиленным доминированием православия. На протяжении первого столетия истории Тобольска он состоял только из православных культовых

¹ Есиповская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36, ч. 1. С. 65.

объектов, хотя значительную этническую группу населения представляли татары. По количеству церквей Tobolsk значительно опережал другие сибирские города. Сибирские архиереи пытались влиять на внешний облик города: добивались мощения улиц, по которым проходили крестные ходы, настаивали на разграничении в городском пространстве территорий проживания православных и иноверных татар и бухарцев. Дуализм «светского» и «церковного» являлся необъемлемой чертой культурного ландшафта средневекового Tobolska — столицы «Сибирского царства».

Irina L. Mankova

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ilman.08@mail.ru

REFLECTION OF THE CAPITAL IN THE CULTURAL LANDSCAPE OF MEDIEVAL TOBOLSK

The report examines the elements of the cultural landscape of Tobolsk in the 17th century, which testify to its status as the administrative and ecclesiastical capital of Siberia. The history of construction and placement in the urban space of the “city” (administrative center) and the bishop’s court are analyzed. Attention is focused on the role of the diocesan authorities in the ideological justification of the capital city of Tobolsk and its improvement.

Keywords: Tobolsk, history of Siberia in the 17th century, cultural landscape, Tobolsk Bishop’s House

Нагорная Оксана Сергеевна

д.и.н., профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(г. Ярославль)

E-mail: nagornaja.oxana@mail.ru

Воробьева Дарья Николаевна

аспирант, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(г. Ярославль)

E-mail: vorobievadn@gmail.com

**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ РОССИЙСКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ СТОЛИЦ:
ПРИЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ МЕДИАЦИИ СЛОЖНОГО НАСЛЕДИЯ**

УДК 379.822

На примере актуальных форм работы с индустриальным наследием в Ярославле и Перми (музейных выставок, аудиопрогулок, спектаклей) авторы анализируют конфликтные поля современной мемориальной культуры, сложившиеся вокруг истории российских индустриализаций и судеб работников промышленных предприятий. Инструмент культурной медиации осмысляется в ракурсе оживленных дискуссий критического изучения наследия.

Ключевые слова: культурная медиация, индустриальное наследие, мемориальная культура, междисциплинарные исследования

Понятие «культурное наследие» или «наследие» достаточно прочно вошло в политический и академический дискурсы, а также в вокабуляр обывателей. Однако единое определение термина, а главное — однозначное понимание его социальной роли на сегодняшний день отсутствуют. Наследием называют очень многое: от отдельных архитектурных построек и целых городских кварталов до редких ремесел и празднично-обрядовых традиций. Среди видов наследия различают и смешивают материальное и нематериальное, историческое, фольклорное, индустриальное и (с недавнего времени) цифровое [2, с. 59]. С середины XX в., во многом благодаря деятельности ЮНЕСКО, понятие «наследие» все более усложняется, постепенно вбирая все новые и новые объекты, признанные ценными и требующие защиты. Знаковым поворотом стало включение в 1979 г. в список Всемирного наследия останков нацистского лагеря уничтожения Освенцим. Тем самым место массового убийства и свидетельство преступлений человечества было возведено в статус явления культуры. Данный диссонанс в понимании наследия остается на заднем плане, чаще всего не рефлексировается в российских дискуссиях.

Одним из новых направлений в междисциплинарных исследованиях на стыке истории, культурологии, урбанистики выступают *heritage studies (critical heritage studies)*. О тесной взаимосвязи научного изучения наследия и широких общественных дебатов на современном этапе свидетельствуют дискуссии о необходимости реституции колониального искусства. Не менее значимым явлением стали дебаты о необходимости возвращения личных вещей жертв Холокоста, выставленных в музеях и мемориалах, их потомкам.

Несмотря на имманентную связь с прошлым, способы означивания наследия и обращения с ним формируются в настоящем. Трактовки изменяются в зависимости от социально-исторического контекста и не являются универсальными, то есть не могут быть в равной степени значимыми и одинаково понимаемыми всеми. Основным мнемоническим актором в поле определения наследия выступает государство, которое через приписывание значимости и включение в охранные списки придает тем или иным объектам, местам памяти символическую ценность. С недавнего времени вопросы формирования исторической памяти и сохранения наследия стали активно транслироваться в образовательную среду и даже включаться в задачи педагогов общего среднего образования. Вопрос об управляемости и формируемости исторической памяти сверху, конечно, требует отдельного разговора.

Современная мнемоническая культура демонстрирует ряд мощных перекосов, уязвимостей, влияющих на сохранность наследия. Во-первых, мы пользуемся термином Николая Эппле, наличие «неудобного прошлого» [8]. Не требует особых подходов работа с объектами культурной памяти, выраженными в шедеврах церковной или светской архитектуры, к примеру, XVII–XVIII вв. Но до сих пор не вполне понятно, как следует работать с памятью о массовых репрессиях, объектами принудительного труда и заключения? Несмотря на их презентность, чаще всего они выступают фигурой умолчания. Во-вторых, сохраняется региональная асимметрия в работе с наследием. К примеру, в Ярославле помимо достопримечательностей Золотого кольца сохранился значимый пласт индустриального наследия XVIII–XIX вв., практически не включенного в зону официального просветительства или дискуссии о сохранении ансамблевых застроек. В целом, несмотря на наличие интересных проектов по работе с индустриальным наследием в России, эти практики являются маргинальными, в лучшем случае речь идет о реновации зданий и размещении в них креативных кластеров. Дискуссии вокруг пермского проекта на заводе Шпагина демонстрируют, что за фасадом работы с индустриальным наследием кроются попытки административных решений наболевших вопросов и даже искаленные людские судьбы [6]. В-третьих, отсутствие инструментов просвещения при работе с разными видами наследия, в том числе индустриального, с разными целевыми аудиториями [4]. Целесообразно говорить о необходимости заимствования существующих практик работы с современным искусством и их адаптации к сфере индустриального наследия.

Относительно новый прием в практике художественных галерей — арт-медиацию — возможно расширить до понятия «культурной медиации». Под ним мы понимаем образовательную и просветительскую коммуникативную практику, нацеленную на обучение интерпретировать и критически осмысливать конфликтное прошлое и его наследие. Медиатор отказывается от менторской роли и примеряет на себя роль посредника между неудобным прошлым и разными целевыми категориями. Он помогает потребителям понять артефакты не так называемой высокой культуры, а именно неявной для обывателя ценности индустриального наследия с помощью диалога с объектом в его, возможно, нематериальном виде, в диалоге друг с другом и с самим собой. Адаптивность этой практики потенциально позволяет использовать ее в инклюзивном образовании [7].

Амбивалентность сложившейся ситуации мы попытаемся представить на основе анализа трех форм актуальной работы с индустриальным наследием: выставки и музейные проекты, иммерсивные спектакли и аудиопрогулки, цифровые проекты.

К сожалению, здания и сооружения двух российских индустриализаций в равной степени подвергаются разрушению. Проблемой здесь является не только высокая стоимость реноваций, особенно, если речь идет об архитектурных ансамблях, но и отсутствие консенсуса в вопросе сохранения или утраты связи объектов с производством. В Перми, и это демонстрирует пример завода Шпагина, превращение в культурный кластер разрушает эту взаимосвязь — цеха и рабочие перемещаются в другое место, производство превращается в абстрактную память о нем [6]. В Ярославле долгие годы ведутся дискуссии о том, что при создании культурных кластеров в зданиях бывших фабрик необходимо частичное сохранение производства, обеспечивающего аутентичность индустриальных пространств [9].

Наиболее отработанным инструментом осмысления индустриального наследия выступают музейные выставки постоянного и временного характера. При этом индустриальные артефакты представляются из разных перспектив: производство вещи, использование вещи, память вещи (ее путь до музейной витрины). Значимым прорывом, обеспеченным соединением идеи и технологии, стала пермская выставка «Звуки, запахи, заводы» (2017 г.). Она достигла важнейшего эффекта, оживив «индустриальное» через перевод его в осязаемый и слышимый формат [1]. Подобный подход позволяет преодолеть сложившуюся традицию абсолютной музейной тишины, сглаживающую полное конфликтов взаимодействие человека и окружающей среды в условиях фабричного производства, исключаящую из понимания посетителя какофонию и смрад индустриального. Кроме того, «стерильность» музейных выставок исключает важный срез промышленного наследия, а именно его экологическое измерение.

Музейная форма осмысления индустриального наследия демонстрирует еще одну важную уязвимость. История заводов, особенно спонсированная современной администрацией предприятий, склонна к превращению в однозначную «историю успеха». К примеру, музей гидроэлектроэнергетики в Угличе находится в здании администрации Волголага, при этом история принудительного труда представлена недостаточно внятно [3]. Более того, во всех текстах, начиная от сайта, заканчивая экспликациями, происходит глорификация отрасли, ее достижений, без какого-либо обсуждения их цены и жертв. Особо авторы экспозиции гордятся кабинетом лагерного начальника с аутентичными предметами, но без единой оговорки его функций. Та же тенденция проявляется в пермском проекте «Запахи, звуки, заводы», где художественное осмысление наследия соседствует с парадной рекламой продукции [1].

Аудиопрогулки по индустриальным районам могут совмещать разные перспективы осмысления индустриального опыта: голоса свидетелей, выдержки из исторических текстов, голос и позицию медиатора. Важна их привязка к месту событий, а также возможность иллюстрировать многослойную и разнонаправленную биографию индустриальных ландшафтов.

Проницаема граница между аудиопрогулками и еще одним инструментом медиации – театр.doc, иммерсивный театр, вербатим. Показательной для современной ситуации осмысления индустриального наследия является ситуация вокруг спектакля «Голоса цеха» (2022 г., реж. С. Карпов) в Ярославле, поставленного на материалах интервью работников фабрики «Красный перекоп». Постановка включала в себя разные плоскости антропологии советского труда, наложенные на специфику советской истории — войну, голод, аресты, скудный фабричный быт, тяжелейший труд, влияние производства на здоровье, наконец, размышления о будущем комбината [5]. Тем не менее, нынешнее руководство комбината возмутил сюжет о пьянстве на производстве, поэтому спектакль был перенесен из аутентичных производственных помещений на подмостки Театра им. Ф. Волкова. Яркое культурное явление городского масштаба было включено в программу празднования 300-летия Ярославской большой мануфактуры, при этом из спектакля были изъяты сцены, связанные с голодом и репрессиями. Подобные траектории памяти об индустриальном свидетельствуют о неготовности определенных мнемонических акторов к обсуждению отдельных тем, а также об актуальности культурной медиации конфликтного наследия.

Подводя итоги, следует отметить важность осмысления и потенциала, и уязвимостей современной культурной медиации индустриального наследия в российской провинции. Через 3d-моделирование, аудиопрогулки, театральные спектакли важно демонстрировать не только утраченные объекты, ансамбли, но и экологическую ситуацию, звуковую атмосферу, эмоциональные режимы, показать, как индустриальное вплетено в ткань города. Перспектива разделенного исторического (семейного) опыта способна привлечь к индустриальному наследию разные аудитории, особенно слабо охваченных партисипативными проектами людей «серебряного возраста». Обратной стороной выступает нерелексивная ностальгия, которая окрашивает все аспекты прошлого в позитивные тона. Через некритичную тематизацию индустриального происходит легкий переход к «историям успеха», к глорификации все эпох и сторон заводской жизни. Художественное осмысление индустриального прошлого может стать действенным инструментом, однако часто оно требует дополнительной медиации.

Как представляется, концептуальная критика и дискуссии об уязвимостях существующих проектов осмысления индустриального прошлого позволит более четко выделить его потенциал в работе с диссонантным наследием, каковым являются в том числе материальные и нематериальные останки разных фаз российской индустриализации.

Литература и источники

1. 333. Запахи. Звуки. Заводы. // Музей современного искусства PERMM: официальный сайт. URL: <https://permm.ru/exhibition/333-zapahi-zvuki-zavody-muzeefikatsiya-nematerialnyh-substantsij-zavodov-permskogo-kraya> (дата обращения: 05.06.2023).

2. Ключевые понятия музеологии / пер. с фр. А. В. Урядникова; сост. А. Desvallées и F. Mairesse. М., 2012.

3. Музей гидроэнергетики // Учебно-производственный информационный центр Гидроэнергетики: официальный сайт. URL: <http://www.hydrmuseum.ru/> (дата обращения: 05.06.2023).
4. Образовательный разворот. Кто еще производит знания в культуре? Сборник статей / сост. А. Белишкина, Я. Кличук, Ж. Монбарон. СПб., 2021.
5. Пожидаев П. В стенах ярославской фабрики состоялась премьера спектакля «Голоса цеха» // Вести-Ярославль: официальный сайт. 07 июня 2022 г. URL: <https://vesti-yaroslavl.ru/novosti/item/64254-v-stenakh-yaroslavskoj-fabriki-sostoyalas-premera-spektaklya-golosa-tsekha> (дата обращения: 05.06.2023).
6. Ревалоризация промышленных пространств, Пермь: интервью с Иваном Козловым // Уральская индустриальная биеннале современного искусства: официальный сайт. URL: <https://uralbiennale.bm.digital/article/1068357946437558762/revalorizatsiyaindustrialnyih-prostranstv-perm> (дата обращения: 05.06.2023).
7. Штернфельд Н., Аше Ф. «Радикальный демократический музей» — разговор о возможностях определения нового музея / пер. С. Бабкина // Центр экспериментальной музеологии: сайт. 26 апреля 2021 г. URL: <https://redmuseum.church/radikalnyj-demokraticeskij-gmuzej> (дата обращения: 14.03.2023).
8. Эппле Н. В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М., 2020.
9. Кривцова Ю. «Копай, где стоишь» // Городские новости: сетевое издание. 2022. URL: <https://city-news.ru/news/society/yuliya-krivtsova-kopay-gde-stoish/> (дата обращения: 05.06.2023).

Oksana S. Nagornaia

Doctor of Historical Sciences, Yaroslavl State Pedagogical University (Russia, Yaroslavl)

E-mail: nagornaja.oxana@mail.ru

Daria N. Vorobyova

Yaroslavl State Pedagogical University (Russia, Yaroslavl)

E-mail: vorobievadn@gmail.com

THE INDUSTRIAL PAST OF RUSSIAN PROVINCIAL CAPITALS: TECHNIQUES OF CULTURAL MEDIATION OF COMPLEX HERITAGE

The authors analyze actual forms of work with industrial heritage in Yaroslavl and Perm (museum exhibitions, audio-guided walks, performances). They discuss conflict fields of modern memorial culture that have developed around the history of factories and their employees. The tool of cultural mediation is presented in the context of lively debates on critical heritage studies.

Keywords: cultural mediation, industrial heritage, memorial culture, interdisciplinary research

Никонова Ольга Юрьевна

д.и.н, профессор, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

E-mail: olga-nikonova@yandex.ru

Агуникян Нелли Тиграновна

аспирант, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

E-mail: golubeva_nelly@mail.ru

**«РАССАДНИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ» В ЧЕЛЯБИНСКЕ, СВЕРДЛОВСКЕ
И ПЕРМИ В 1930-е гг.: ПКИО КАК МАРКЕРЫ «СТОЛИЧНОСТИ»**

УДК 94(470.5)''1930'':712.253

В докладе анализируется история создания парков культуры и отдыха в трех уральских столицах — Свердловске, Челябинске и Перми от принятия решения, создания проекта и до реализации в 1930-е гг. Авторы приходят к выводу, что все три парка позиционировались руководством городов как образцовые и дискурсивно маркировались как признаки «столичности» каждого города.

Ключевые слова: парки культуры и отдыха, Свердловск, Челябинск, Пермь, образцовые культурно-досуговые пространства, архитекторы

Директор Харьковского парка культуры и отдыха, начиная свою методическую брошюру о целях и задачах парков культуры и отдыха (ПКИО), процитировал Максима Горького: «Он¹ организован как выгодное предприятие, как средство вытащить заработок из кармана человека, и, пропитанный страстью к золоту, он трижды гнусен и противен в этом болоте светлой скуки...» [1, с. 5]. Цитата великого пролетарского писателя открывала брошюру не только потому, что Харьковский ПКИО носил имя Горького, но и потому, что московский Парк Горького стал на многие годы идеалом осмысленного, культурного социалистического досуга. Парк поражал воображение не только рядовых советских граждан, но и иностранцев, вдохновлял на свершения советских архитекторов и будоражил самолюбие провинциальных советских партийных и городских руководителей.

Проектировщики, опираясь на столичный опыт, использовали его как образец. Однако на местах «громადье планов» наталкивалось на неготовность регионов к реализации крупных проектов. Конфликт между желаемым (статус крупного, столичного города) и действительным порождал гибридные архитектурно-ландшафтные и политические решения. Уральские города Челябинск, Свердловск и Пермь, каждый из которых по целому комплексу причин претендовал, в воображении их партийно-советского руководства, на статус региональной столицы, также в идеальном варианте должны были обладать образцовыми «рассадниками социалистической культуры».

Историографическую основу исследования составили работы, рассматривающие роль парков в городском пространстве (К. Кухер, В. С. Теордоронский, Е. Добренко), исследования, посвященные специфике работы ПКИО (Е. В. Барышева, М. Б. Буланова, Е. А. Угрехелидзе), немногочисленные публикации по истории уральских ПКИО (Н. В. Гришина, Н. Т. Агуникян, Е. Рабинович и др.). Основными источниками для реконструкции истории основания парков культуры и отдыха в уральских городах стали делопроизводственная документация Объединенного государственного архива Челябинской области, Государственного архива Свердловской области, периодическая печать и опубликованные труды специалистов по ландшафтному дизайну и садово-парковой архитектуре первых десятилетий советской власти.

В Челябинске и Свердловске для реализации «столичных» по размаху ПКИО были выбраны городские зеленые пространства, которые с дореволюционных времен служили местами нерегламентированного отдыха. В Перми события развивались по-другому. Базой для создания ПКИО стал бывший городской сад. Такие же сады имелись и в других городах, но по непонятным пока причинам ни городской сад

¹ Парк Кони Айленд в Нью-Йорке.

Челябинска, ни бывший «Сад народных развлечений» в Свердловске не стали площадками для трансформации в «рассадники социалистической культуры».

Челябинский городской сосновый бор как место отдыха горожан пользовался дурной славой, поэтому партийное руководство города решило, что «сосновый бор, до сего времени использовавшийся в летнее время как место пьяных прогулок, должен быть превращён в центральное место культурного отдыха рабочего»². На заседании Президиума Челябинского Горсовета 1928 г. решение по организации в основном бору парка культуры и отдыха было признано необходимым³. Для того, чтобы организовать строительство парка была создана специальная комиссия. Для проектирования Свердловского центрального ПККиО было создано специальное проектное бюро во главе с А. М. Дукельским⁴. Челябинский ПККиО проектировали Л. С. Залеская и М. И. Прохорова, основоположницы советской ландшафтной архитектуры, выпускницы Высшего художественно-технического института и члены Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА). Московская группа архитекторов опиралась на ранее полученный опыт работы в Проектном бюро ЦПККиО г. Москвы. Свердловский ПККиО проектировался архитекторами, специализировавшимися на проектировании гражданских и промышленных сооружений. Архитекторы А. М. Дукельский и В. Д. Соколов являлись выпускниками Ленинградской академии художеств по специальности «Архитектура» и строительного отделения Академии художеств. Архитекторы ориентировались на столичный опыт паркостроения, так как собственных навыков и знаний на момент 1930-х гг. было недостаточно для масштабного проектирования. Установить, кто проектировал пермский парк и было ли целенаправленное строительство, не удалось, но можно предположить, что пермский горсовет, как и свердловский, взял курс на выдвижение местной проектирующей команды, поскольку пермский парк в работах московского проектного бюро на момент 1930-х гг. не числился.

В начале 1930-х гг. начались подготовительные работы к строительству Челябинского и Свердловского ПККиО на территории городских зеленых массивов. Действительность сразу начала расходиться с планами. В марте 1932 г. Уралобком ВЛКСМ отмечал, что строящийся Свердловский ПККиО, который рассматривался как «сооружение грандиозной культурной ценности не только Свердловска, но и всего Урала», имел «колоссальное культурно-политическое значение в деле создания подлинно социалистического Свердловска — центра индустриального Урала», не привлекал должного внимания⁵. Председатель горсовета Иванов сетовал, что парк, «считающийся действующим, занял одно из последних мест в СССР, оставаясь позади не только московских и ленинградских парков, но и парков таких городов, как Баку, Харьков, Пермь, Тула и парков Донбасса»⁶.

Пермский парк имел несколько другую основу. В начале 1880-х гг. его первоначальным слоем стал бульвар из берез для гуляний и дорога для экипажей. В дальнейшем бульвар стал превращаться в «Сад общественного собрания», где в летнем помещении клуба расположился небольшой театр, буфет, бильярд, кегельбан, синемаграф, комнаты для игр в карты. Новые насаждения образовали «ботанический» или Загородный сад. После Октябрьской Революции 1918 г. Загородный сад стал именоваться Красным садом. С приходом советской власти территория поэтапно оформлялась в соответствии с нормами паркостроения, проходя этапы развития от «Красного сада» в конце 1920-х гг. до «Пермского городского сада культуры и отдыха им. М. Горького» в 1960-х гг.

Таким образом, процесс создания парков культуры и отдыха в центрах Среднего, Южного и Западного Урала проходил в соответствии с общими идеологическими установками советского партийного руководства. Однако в процессе проектирования советские архитекторы сочетали в своих проектах

² Построим Парк культуры и отдыха. Вести стройку такими темпами, чтобы к 1 мая обеспечить открытие // Челябинский рабочий. 1932. 28 февр.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 97. Л. 370.

⁴ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 164. Л. 8.

⁵ ГАСО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 745. Л. 69.

⁶ ГАСО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 164. Л. 15.

имеющийся опыт проектирования европейских парков, дореволюционные традиции парков имперской России и новшества советской архитектурной мысли. Масштабные проекты в ходе их реализации наталкивались на типичные для 1930-х гг. проблемы экономического и социального характера, что превращало создание ПКиО в растянутый по времени и сложный процесс, результат которого не всегда совпадал с проектом.

Литература и источники

1. Ивановский М. Харьковский парк культуры и отдыха. Киев, 1952.

Olga Yu. Nikonova

Doctor of Historical Sciences, South Ural State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: olga-nikonova@yandex.ru

Nelly T. Agunikyan

South Ural State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: golubeva_nelly@mail.ru

“NURSERIES OF SOCIALIST CULTURE” IN CHELYABINSK, SVERDLOVSK AND PERM IN THE 1930s: PARKS OF CULTURE AND LEISURE AS MARKERS OF “CAPITALNESS”

The paper analyzes the history of creation of parks of culture and leisure in three Ural capitals — Sverdlovsk, Chelyabinsk and Perm — from the decision making, project creation and up to the realization in 1930s. The authors come to the conclusion, that all three parks were positioned by city leaders as exemplary and were discursively marked as markers of “capitalness” of each city.

Keywords: parks of culture and leisure, Sverdlovsk, Chelyabinsk, Perm, exemplary cultural and leisure spaces, architects

Сарабеев Виталий Юрьевич

главный археограф, Государственный архив Пермского края (г. Пермь)

E-mail: baader88@gmail.com

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ПЕРМСКИХ ПУШЕЧНЫХ ЗАВОДОВ КАК ЧАСТЬ БУДУЩЕГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПЕРМИ

УДК 94(470.5)''18/19''

В докладе на основании архивных документов иллюстрируются основные способы освоения будущего городского пространства Перми во второй половине XIX — начале XX в., происходившего на земельных угодьях, принадлежавших Пермским пушечным заводам. Источниками для доклада стали документы, хранящиеся в фонде 276 «Пермские пушечные заводы Уральского горного управления Горного департамента Министерства торговли и промышленности» Государственного архива Пермского края.

Ключевые слова: Пермские пушечные заводы, горнозаводская промышленность, Пермь, Мотовилиха, архивный фонд, Государственный архив Пермского края

На протяжении двух столетий Мотовилиха являлась населенным пунктом-спутником сначала Егошихинского медеплавильного завода, а затем города Перми. После закрытия в 1863 г. Мотовилихинского медеплавильного завода на его месте было создано предприятие, и сегодня являющееся одним из ключевых в промышленной мощи Пермского края. В 1871 г. построенные в середине 1860-х гг. сталепушечный и чугунопушечный заводы объединились в Пермские пушечные заводы (ППЗ).

В Государственном архиве Пермского края в фонде 276 «Пермские пушечные заводы Уральского горного управления Горного департамента Министерства торговли и промышленности» содержится более полутора тысяч архивных дел за период 1723–1926 гг. Документы фонда разнообразны по своему составу, включая как производственную документацию, так и материалы по личному составу. Большое количество архивных дел содержит документы, касающиеся роли Пермских пушечных заводов в освоении территории, являющейся сегодня частью городского пространства Перми.

Пермские пушечные заводы представляли собой большое государственное оборонное предприятие, вокруг которого постоянно рос жилой поселок, где в начале XX в. проживало более 20 тысяч человек. Заводы владели значительным недвижимым имуществом, в том числе и земельными угодьями. Судя по документам, хранящимся в архивном деле об обложении земскими сборами недвижимых имуществ Пермских пушечных заводов за 1902–1903 гг., земельные участки завода — горнозаводские дачи — располагались в Пермском, Осинском и Соликамском уездах Пермской губернии¹.

Предприятие участвовало в освоении территорий, которые ныне находятся в городской черте Перми, что нашло отражение в документах периода второй половины XIX — начала XX в. На земле, принадлежавшей заводу, строились здания общественного назначения, а также помещения для промышленных и торговых заведений. Земля отводилась и для сельскохозяйственных работ.

Пермские пушечные заводы в деле использования земельных угодий активно сотрудничали с земскими учреждениями. Например, 11 марта 1897 г. Пермская уездная земская управа обратилась к горному начальнику Пермским пушечных заводов с просьбой об отводе земли для земских общественных учреждений. В обращении было указано, что «по рекомендации г. губернатора в 1892 г. в д. Левшиной на летнее время открывалась чайно-столовая и ночлежный приют для пришлого рабочего населения в зданиях, принадлежащих пермскому купцу Любимову, но на предстоящее лето Любимов не может предоставить своих зданий в виду надобности их для себя... Управа имеет честь покорнейше просить Ваше высококордие разрешить занять из горнозаводской дачи в указанной местности вблизи деревни Левшиной около одной десятины для постановки зданий чайной-столовой и ночлежного дома»². Согласие было

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 276. Оп. 1. Д. 109.

² ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 46. Л. 2–2об.

получено, 10 мая того же года лесничий Пермских пушечных заводов представил заводскому управлению план земельного участка, который отводился Пермской уездной земской управе³.

С подобными просьбами к руководству предприятия обращались и власти Мотовилихинской волости. В частности, 13 октября 1901 г. волостное правление направило горному начальнику ППЗ ходатайство о занятии места на рыночной площади под постройку пожарного помещения. В документе указывалось, что «существующее под волостным правлением помещение для семи пожарных машин и при них семи бочек весьма тесно, отчего в выезде по тревоге каждый раз приходится машины выносить на руках и тогда уже впрягать лошадей; такой же труд для рабочих и продолжительное замедление повторяется и при постановке машин и бочек на место»⁴. К сожалению, информация о решении этого вопроса в соответствующем архивном деле отсутствует.

Интенсивное развитие системы образования в Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. отражалось и на строительстве новых учебных заведений на землях Пермских пушечных заводов. 31 мая 1895 г. главный начальник Уральских горных заводов сообщал горному начальнику ППЗ, что по докладу министра земледелия и государственных имуществ «последовало Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на уступку Министерству народного просвещения принадлежащего пермским казенным заводам и находящегося в Мотовилихинском селении около церковной площади участка земли площадью в одну тысячу сто пятнадцать квадратных сажен под постройку двухклассного училища»⁵.

Еще одним способом освоения и использования горнозаводских дач являлась организация на их территории различных хозяйств. Например, Пермская губернская земская управа 30 октября 1902 г. обратилась к Министру земледелия и государственных имуществ с просьбой о выделении земли под пасеку. В ходатайстве было указано, что «Пермское уездное земство, стремясь к улучшению развития пчеловодства в уезде, имеет у себя на службе инструктора пчеловодства, который, объезжая пасеки, дает пчеловодам путные в их промысле указания». В связи с этим уездным земством был «намечен удобный для устройства пасеки участок земли, в 3,5 десятины величиною, в 40-м квартале Мотовилихинской казенной дачи, в расстоянии около 7 верст от Перми по Сибирскому тракту против кордона»⁶. 11 марта 1904 г. Горное управление Министерства земледелия и государственных имуществ сообщило горному начальнику ППЗ, что к удовлетворению ходатайства никаких препятствий нет⁷.

В некоторых случаях земля отводилась заводом для нужд сельскохозяйственного образования, повышения культуры сельского хозяйства в окрестностях Перми. Яркий пример тому содержится в документе от 19 февраля 1898 г., в котором Горное управление Министерства земледелия и государственных имуществ сообщало горному начальнику Пермских пушечных заводов о ходатайстве Пермской уездной земской управы. Управа просила о выделении заводской земли под «образцовое опытное поле, которое, состоя под руководством специалиста агронома, давало бы возможность учащим в народных училищах, где устроены огородные и полевые хозяйства, усовершенствоваться в сельскохозяйственных приемах и которое, вместе с тем, наглядно бы ознакомило окрестное население с улучшенными орудиями, сортами культурных растений и проч.»⁸ 14 декабря того же года лесничий Пермских пушечных заводов уведомил горного начальника ППЗ о составлении двух подлинных актов о передаче земли уездному земству. Для организации опытного поля был выделен участок земли площадью в 30 десятин⁹.

Еще один интересный пример использования земельных владений Пермских пушечных заводов в интересах науки связан с выделением участка для нужд Пермской метеорологической станции, по

³ Там же. Л. 4.

⁴ ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.

⁵ ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 36. Л. 10.

⁶ ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 105. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 8–8об.

⁸ ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–1об.

⁹ Там же. Л. 9.

ходатайству заведующего станцией, знаменитого ученого-климатолога Федора Николаевича Панаева. 5 августа 1900 г. Горное управление Министерства земледелия и государственных имуществ уведомило горного начальника ППЗ о решении отвести в распоряжение станции участка заводской земли «для производства на нем опытов возделывания сельскохозяйственных растений и для более правильной постановки сельскохозяйственно-метеорологических наблюдений»¹⁰. Уже 19 октября того же года лесничий Пермских пушечных заводов сообщил горному начальнику ППЗ о том, что станции выделено три десятины близ города Перми¹¹.

На территории, принадлежавшей Пермским пушечным заводам, велась также частная застройка. Одни из самых ранних документов, касавшихся вновь образованного в 1860-х гг. предприятия, посвящен постройке в Мотовилихинской заводской даче кирпичного сарая крестьянином Вятской губернии Иваном Федоровичем Куклиным. 5 сентября 1861 г. Уральское горное правление Министерства финансов направило циркуляр горному начальнику ППЗ. В документе указывалось: «Имея в виду, что за место, просимое крестьянином Куклиным для постройки кирпичного сарая, будут платимы поземельные деньги, и кроме того с самого кирпича будет взysкиваться в пользу городской богадельни по 3 коп. с каждой тысячи кирпича... разрешить Ваше Высокоблагородие дозволить Куклину постройку сарая на убранном им месте»¹². Земля из горнозаводских дач выделялась большому количеству частных лиц, прежде всего работникам самих заводов. Книга по составлению и выдаче владельных актов на усадьбы жителям Мотовилихинского селения Пермской губернии, датированная 1872 г., содержит записи о 1 608 участках, выделенных местному населению¹³.

Очевидно, таким образом, что освоение земельной собственности заводов во второй половине XIX — начале XX в. далеко не всегда было связано именно с заводскими нуждами. Этот процесс происходил путем отведения заводской земли для самых разных нужд, причем как органов власти и общественных учреждений, так и частных лиц. Не будучи еще частью города Перми, пушечные заводы тем самым вносили свой вклад в формирование будущего городского пространства, сложившегося после объединения Перми и Мотовилихи.

Vitaly Y. Sarabeev

The State Archive of the Perm Krai (Russia, Perm)

E-mail: baader88@gmail.com

LAND OWNERSHIP OF PERM CANNON FACTORIES AS PART OF THE FUTURE URBAN SPACE OF PERM

Based on archival documents, the article illustrates the main ways of developing the future urban space of Perm in the second half of the 19th — early 20th centuries, which took place on land owned by Perm cannon factories. The sources for writing the article were documents stored in the fund 276 “Perm Cannon Factories of the Ural Mining Administration of the Mining Department of the Ministry of Trade and Industry” of the State Archive of the Perm Krai.

Keywords: Perm cannon factories, mining industry, Perm, Mотовиликха, archival fund, State Archive of the Perm Krai

¹⁰ ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 56. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 16.

¹² ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

¹³ ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 10.

Сперанский Петр Андреевич

м.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН; ассистент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

E-mail: pasperanskiy@mail.ru

РАННЕСОВЕТСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ ОДНОГО ИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ КВАРТАЛОВ СВЕРДЛОВСКА В 1920–1930-е гг.¹

УДК 94(470.5)“1920/1930”

Доклад посвящен выявлению основных особенностей раннесоветской модели урбанизации на примере одного из центральных кварталов Свердловска. Выделены два ключевых хронологических этапа развития квартала в 1920–1930-е гг. Сделан вывод, что все трансформации, которым был подвергнут квартал в указанный период, были направлены на превращение Свердловска в развитый социалистический город.

Ключевые слова: урбанизация, социалистический город, историко-культурное наследие, локальная история, история повседневности

Квартал, известный современным жителям Екатеринбурга по квадрату улиц Ленина, Тургенева, Первомайская, Карла Либкнехта, является пространством, где сплелись воедино трехвековая история города, его культура, архитектура и искусство. Первые строения на улицах квартала появились еще в XVIII в., поэтому, являясь ровесником Екатеринбурга, он по праву может называться местом, хранящим в себе историческую память о всех эпохах, пережитых городом.

В данном контексте интерес представляет эпоха 1920–1930-х гг., когда руководство страны взяло курс на строительство социалистической модели общества. Крупные города были подвержены масштабным политическим, экономическим, социальным и культурным трансформациям, что обусловило возникновение советской модели урбанизации, итогом которой стало формирование сети социалистических городов. В докладе на примере истории одного из центральных кварталов Свердловска предпринимается попытка выявить особенности эволюции культурного и социального пространства города в 1920–1930-е гг., характерные для раннесоветской модели урбанизации.

Пришедшие к власти в Екатеринбурге большевики первоначально занялись зачисткой его топонимики. За 1919 г. были переименованы все улицы, составлявшие основу квартала. Улица Вознесенская стала носить имя немецкого коммуниста Карла Либкнехта, Главный проспект переименован в улицу Ленина, Клубная — в Первомайскую, а Верхне-Вознесенская — в улицу Тургенева [2, с. 75, 96, 130, 166].

Социальная политика проводилась в соответствии с идеями классового подхода. Многие здания квартала были муниципализированы и переданы в руки жилищно-арендных кооперативных товариществ. В бывших усадьбах стали размещаться коммунальные квартиры. Такая судьба постигла дом, располагавшийся по адресу К. Либкнехта, 26. Обилие комнат в здании, входившем в комплекс усадьбы горного инженера А. Г. Качки, способствовало его превращению в типичный раннесоветский коммунальный проект, где общее жилое пространство разделили между представителями рабочего класса, служащих и интеллигенции [1].

В первой половине 1920-х гг. жизнь квартала стала политизироваться. Из некогда respectable места проживания предпринимателей, научной и творческой интеллигенции он превратился в центр проведения трибуналов, агитации и пропаганды. В доме по ул. Тургенева, 15, некогда принадлежавшем банкиру И. З. Маклецкому, разместился Городской народный суд, проходили сессии Революционного трибунала [6]. Здание по Карла Либкнехта, 36, где ранее находилась мастерская фотохудожника В. Л. Метенкова, занял агитационно-плакатный отдел Уральского отделения РОСТА, главной задачей

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01530 «Социалистический город как модель советской урбанизации (на примере Свердловска 1920-х — середины 1950-х гг.)» (рук. А. В. Сперанский).

которого было донесение социально-политической информации до горожан при помощи визуальных образов. В 1923 г. вместо этого отдела в здании разместился 1-й показательный туберкулезный диспансер, а позднее — терапевтический корпус тубинститута.

Во второй половине 1920-х — 1930-е гг. квартал принял современные очертания и вновь стал важным социальным и культурным центром города. Здесь появилось множество новых объектов городской инфраструктуры, развернулись масштабные стройки. В частности, в 1929–1930 гг. для редакции и типографии газеты «Уральский рабочий» в квартале построили Дом печати, признанный ныне «жемчужиной» уральского конструктивизма. Первым автором проекта считается инженер В. А. Сигов. Однако в 1930 г. к разработке подключился видный представитель свердловского конструктивизма, Г. А. Голубев, под руководством которого Дом печати принял вид монолитного железобетонного здания-гиганта с непрерывными ленточными окнами и выступающими за линию основного объема эркерами. Особенностью строения была его функциональность, отвечавшая потребностям рабочих. Здесь, помимо помещений типографии и редакции, размещалось общежитие для сотрудников, предприятия общепита, спортзалы, душевые и комнаты отдыха [5, с. 56–60].

Параллельно со стройками в квартале начали появляться важные объекты городской инфраструктуры. В 1931 г. двухэтажный особняк, принадлежавший некогда И. З. Маклецкому, был передан из рук юстиции Уралоблздраву и в него перевели Областной институт охраны здоровья детей и подростков. Надстройка здания двумя дополнительными этажами придала ему современный вид. Институт просуществовал в этих стенах недолго. В 1935 г. здесь была размещена детская поликлиника, проработавшая до 2018 г. [6].

Культурная революция, захлестнувшая страну в 1920–1930-е гг., значительно повлияла на создание социалистического образа Свердловска. Кардинальным изменениям подверглась вся городская социокультурная сфера, основными точками которой стали рабочие клубы и приклубные парки. Во второй половине 1920-х гг. по адресу Первомайская, 24а по проекту архитектора И. П. Антонова возвели монументальное здание в конструктивистском стиле, где разместились рабочие клубы профсоюзов мукомольной промышленности и пищевиков. Здесь работали шахматный, драматический, художественный и музыкальный кружки, проводились киносеансы и концерты, работал историко-политический лекторий.

При здании клуба располагался большой сад, открытый для свободного посещения. На физкультурной площадке горожане играли в футбол, городки, крокет. Открытая эстрада была местом выступлений струнного оркестра, любительской театральной мастерской. В читальне проходили шахматные сеансы. Особый культурный тон в жизни города задавали музыкальные, кинотеатральные и музейные учреждения. На территории квартала находились: музыкальное училище, получившее в 1928 г. имя П. И. Чайковского, кинотеатр «Совкино», Дом Октябрьской революции.

В 1933 г. произошло знаменательное для города событие. По инициативе первого секретаря Уралобкома И. Д. Кабакова на пересечении ул. Ленина и К. Либкнехта открылся Свердловский театр музыкальной комедии. Его первым директором стал Л. В. Лукер, а первым поставленным спектаклем — знаменитая бродвейская оперетта Р. Фримеля и Г. Стотгардта «Роз-Мари». В 1930-е гг. театр играл значительную роль в деле культурного просвещения горожан. На его сцене выступали выдающиеся артисты (М. Г. Виск, А. Г. Маренич, С. А. Дыбчо, Б. Коринтели), шли оперетты мирового уровня [4].

В июне 1939 г. здание по К. Либкнехта, 26, где находились коммунальные квартиры, было передано под создание Музея революции (Дома-музея Я. М. Свердлова). В 1905 г. в этом доме располагалась подпольная школа партийных агитаторов, которую посещал Свердлов, что и стало решающим аргументом для открытия музея. Первоначально его экспозиция состояла из бюста Я. М. Свердлова, фотографий его семьи, а также писем революционера жене. В одной из комнат была воссоздана обстановка конспиративной квартиры пропагандистов, а также подпольной типографии [3, с. 69].

Таким образом, в истории квартала 1920–1930-х гг. прослеживаются два этапа. Первый (начало — середина 1920-х гг.) характеризовался изменениями, связанными с необходимостью мобилизации

городского пространства для сиюминутных нужд государства в условиях политической нестабильности. Второй (середина 1920-х — 1930-е гг.) — с изменением пространства квартала в направлении создания современной социальной и культурной инфраструктуры в условиях стабильно развивавшегося индустриального города. В итоге можно заключить, что трансформации, которым был подвергнут квартал в 1920–1930-е гг., соответствовали господствовавшей в стране модели урбанизации.

Литература и источники

1. Жители коммуналок (коммунальная инфографика 1929–1939 гг.) // Квартал 89. URL: <https://goroskoprak.github.io/quarter89.github.io/> (дата обращения: 08.06.2023).
2. Зорина Л. И., Слукин В. М. Улицы и площади старого Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005.
3. Леденцова Е. К., Овчинникова Б. Б. Музеи Урала в истории России XX века. М., Екатеринбург, 2019.
4. Матафонова Ю. К. Свердловский государственный академический театр музыкальной комедии. Екатеринбург, 2007. Т. 1.
5. Михайлова Л. Г. К вопросу атрибуции Дома печати в Свердловске // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2014. № 4. С. 56–60.
6. Сперанский П. А. Семь жизней дома Маклецкого // Квартал 89. URL: https://ekb89.ru/sem_zhiznei_doma_makletsogo (дата обращения: 08.06.2023).

Petr A. Speransky

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS; Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: pasperanskiy@mail.ru

EARLY SOVIET URBANIZATION ON THE EXAMPLE OF DEVELOPMENT OF ONE OF THE CENTRAL QUARTERS OF SVEDLOVSK IN THE 1920–1930S

The paper is devoted to identifying the main features of the early Soviet model of urbanization on the example of one of the central quarters of Sverdlovsk. The study identifies two key chronological stages in the development of this quarter in the 1920s–1930s. The paper concludes that all the transformations that this quarter was subjected to during this period were aimed at turning Sverdlovsk into a developed socialist city.

Keywords: urbanization, socialist city, historical and cultural heritage, local history, history of everyday life

Стариков Александр Александрович

член-корр. РААСН, к. архитектуры, Народный архитектор Российской Федерации,
советник при ректорате, Уральский государственный архитектурно-художественный университет
им. Н. С. Алфёрова (г. Екатеринбург)
E-mail: starikov4646@gmail.com

ГОРНЫЙ ГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГ. К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 72.03(470.54)

Доклад посвящен административным и социально экономическим условиям возникновения и развития Екатеринбурга, его особому статусу как региональной столицы Урала, повлиявшему на его идентичность и место в архитектурно-градостроительной культуре России.

Ключевые слова: Екатеринбург, административный статус, идентичность, городская среда, архитектурно-градостроительная культура

Встречая 300-летний юбилей города Екатеринбурга, очень важно обратиться к истории города, его идентичности среди других русских городов, которые, несомненно, наложили отпечаток на все его архитектурно-градостроительное наследие. К этому вопросу в 1889 г. впервые обратился видный уральский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк в историческом очерке «Город Екатеринбург» [5].

В календаре памятных дат 2023 г. особое место занимает 7 (18) ноября 1723 г., когда произошел пробный пуск двух молотов строящегося на Урале крупнейшего чугунолитейного и железоделательного завода. Еще ранее, 28 августа, генералом Георгом Вильгельмом де Генниным был получен положительный ответ ее Величества Екатерины I на его просьбу назвать новый завод ее именем.

Так состоялось знаменательное царственное крещение завода, который простой народ уже назвал городом. По словам Д. Н. Мамина-Сибиряка, Екатеринбург, подобно счастливым людям, родился в сорочке и в ряду других русских городов с первого дня своего появления на свет божий занял исключительное место [5].

По замыслам Императора, на Урале должен был появиться главный центр строительства и управления крупнейшим горнозаводским районом страны. Этим и занялся другой сподвижник Петра I, капитан Василий Никитич Татищев. Ему было поручено, руководствуясь Берг-привилегией, создать из отдельных заводов и рудников единый военно-промышленный район.

В. Н. Татищев решил создать индустриальную державу, столицей ее сделать образцовый завод, наделенный, кроме производства, функциями управления, здравоохранения, образования и торговли, с собственной армией и полицией. Горнозаводская столица должна являться резиденцией Горного начальника (командира) со своей администрацией, штатом чиновников, мастеров и работных людей. Горнозаводская администрация не должна подчиняться гражданской, а напрямую Берг-коллегии Сената и руководствоваться собственными законами — Горным Уложением.

В 1721 г. В. Н. Татищев, определив место строительства нового завода на реке Исети в центре Урала, переводит туда обербергамт — главное управление уральскими и сибирскими заводами, два батальона Тобольского полка (около 400 человек), окрестных крестьян и работных людей и начинает строить завод. Такая держава и горная ее столица были созданы.

Таким образом, В. Н. Татищев еще в начале XVIII в. сформулировал концепцию нового в истории градостроительства типа поселения в виде индустриального города [4], а в правовых документах того времени — «горного города» [2]. И хотя официальный статус горного города Екатеринбург, единственный в России, получил лишь 8 апреля 1807 г., по факту он им стал гораздо раньше.

Сменивший В. Н. Татищева в 1723 г. генерал В. И. де Геннин, полностью одобрил все его планы и с энтузиазмом продолжил строить и завод, и крепость.

Отметим при этом, что в западной литературе первенство в индустриальном градостроительстве отводится городу-солеварне Шо во Франции (1775 г.) по проекту архитектора Клода Николя Леду. Однако город Шо так и не был достроен до конца.

Согласно первому плану Екатеринбургского завода-крепости, он представлял поселение в духе европейских идеальных городов XVII в. Жесткую планировочную структуру ее представлял крест взаимно перпендикулярных осей симметрии, ориентированных по сторонам света. Заводская плотина высотой 6,5 метров и пруд обеспечивали напором воды действие заводских механизмов [7].

Подлинный «золотой век» для Екатеринбурга начался в 1830-х гг. в связи с открытием золотых месторождений в Сибири.

В 1829 и 1845 гг. были высочайше утверждены первые генеральные планы города, выполненные архитектором горного ведомства М. П. Малаховым. Все градоформирующие основы горного города были сохранены.

Статус горнозаводской столицы и «золотые дожди» привлекали в город профессиональных зодчих: М. П. Малахова, И. И. Свиязева, Э. Х. Сарториуса. К. Г. Турского, Ю. О. Дютеля и др. Время их творчества совпало с расцветом русского классицизма. Английский путешественник Т. У. Аткинсон в 1847 г. удивился внешнему виду города, поскольку частные здания были выполнены в таком изящном стиле и с таким вкусом, что могли бы занять место в любом европейском городе [5].

После отмены крепостного права строительство Горнозаводской железной дороги, связавшей город с Пермью, Тюменью и Челябинском, превратили его в один из ведущих фабрично-заводских, торговых и культурных центров страны. К 1917 г. численность его населения превышала 70 тысяч человек. В полной мере разворачивается творчество таких архитекторов, как К. Т. Бабыкин, С. С. Козлов, А. И. Падучев, А. Б. Турчевич, А. И. Черданцев.

Коренным образом изменяется планировочная структура: из моногорода — к городу групповому. Крупнейшие заводы строятся рядом со старым городом в виде соцгородков: Уралмаш, Эльмаш, Химмаш. Старый центр сохраняет свои планировочные позиции, но приспособляется к новым региональным функциям. Здесь размещаются масштабные здания и комплексы Уралобкома, Дома промышленности, Дома печати, Дома связи, клубов и спортивных сооружений. Большинство из них размещается на Главном проспекте (проспекте Ленина), а сам проспект замыкается величественным ансамблем Уральского индустриального института.

Масштабы строительства новой уральской столицы привлекают в город лидеров советского архитектурного авангарда, таких как Д. Ф. Фридман, Я. А. Корнфельд, М. Я. Гинзбург, Г. А. Голубев, А. А. Пастернак, В. В. Емельянов, И. П. Антонов, В. Д. Соколов и др. Коллекция произведений советского авангарда является здесь теперь самой крупной, насчитывает свыше 140 объектов и активно формирует новый масштаб и облик города. Численность жителей достигает 400 тыс. человек. В 1933 г., после разделения Уральской области, Свердловск возглавляет Свердловскую область и Уральский экономический район.

В годы войны сюда эвакуируются десятки заводов. Город становится одним из главных арсеналов СССР. В послевоенные годы основное внимание уделяется социальной сфере, прежде всего жилищному и культурному строительству. Численность населения в 1989 г. достигла 1 365 тыс. человек.

Началась разработка нового Генерального плана развития Свердловска. В 1972 г. генплан сохранил идеальный «планировочный крест», место исторического ядра, усилив роль регионального перекрестка железных и автодорог с Севера на Юг и с Запада на Восток.

В годы массового типового строительства развернулось творчество выдающегося архитектора академика Г. И. Белянкина. Ему удалось осуществить яркие индивидуальные проекты, но главной его заслугой как главного архитектора города был запрет на типовое строительство в центральном районе, что позволило сохранить историческую среду XVIII–XIX вв.

В постсоветский период Екатеринбург вновь укрепляет свои столичные функции в регионе, став административным, экономическим и культурным центром Уральского федерального округа. Новая

стратегия города как постиндустриального мегаполиса, с развитой экономикой знаний, высокотехнологичным производством, сферой торговли и услуг, включая финансовую и логистическую, способствовали росту города, численность населения которого превысила 1,5 млн человек.

Город превратился в современный мегаполис. На правом берегу заводского пруда был построен новый деловой центр. В различных районах города были возведены десятки современных жилых комплексов, офисных и торговых зданий, центров досуга и развлечений. На месте старого завода был устроен музейно-выставочный комплекс — Исторический сквер.

Таким образом, Екатеринбург сумел сохранить яркую идентичность городской среды, основу которой формирует его статус как постиндустриальной столицы Урала, сохранившей исключительное место среди других российских городов.

Литература и источники

1. Зубков К. И. Горный город // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002.
2. Лотарева Р. М. Города — заводы России. XVIII — первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993.
3. Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург (Исторический очерк) // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем. Екатеринбург, 1889.
4. Николаев И. С. Промышленные предприятия в городах. М., 1965.
5. Рябов Б. Г. «Машины» горнозаводского Урала и Сибири (XVIII — середина XIX веков). Екатеринбург, 2016.

Aleksander A. Starikov

Candidate of Architecture, Ural State University of Architecture and Art (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: starikov4646@gmail.com

MINING CITY OF EKATERINBURG. ON THE QUESTION OF IDENTITY

The paper is devoted to the administrative and socio-economic conditions for the emergence and development of Ekaterinburg, its special status as the regional capital of the Urals, which influenced its identity and place in the architectural and urban culture of Russia.

Keywords: Ekaterinburg, administrative status, identity, urban environment, architectural and urban culture

Черепанов Александр Борисович

директор, АНО «Пермский автомобильный музей “Ретро-гараж”» (г. Пермь)

Черепанова Анна Александровна

заместитель директора, АНО «Пермский автомобильный музей “Ретро-гараж”» (г. Пермь)

E-mail: avtoretro59@gmail.com

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ
ПО СОХРАНЕНИЮ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРМИ:
ОПЫТ АНО «ПЕРМСКИЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ МУЗЕЙ “РЕТРО-ГАРАЖ”»**

УДК 719(470.5):069.017

Общественные инициативы рассматриваются как неотъемлемая часть сохранения индустриального наследия региональных столиц. В докладе изучается опыт одной из таких инициатив, а именно работы по сохранению индустриального наследия Перми в рамках деятельности АНО «Пермский автомобильный музей “Ретро-гараж”» в 2016–2023 гг.

Ключевые слова: индустриальное наследие, Горнозаводская цивилизация, проектная деятельность, частный музей

Уральская идентичность определяется системой региональных ценностей, основанных на промышленном развитии Урала. Индустриальное наследие — это прежде всего огромный пласт культурного наследия, включающий архитектуру, транспорт, технологии. Несмотря на огромный запрос общества и имеющийся потенциал, в настоящее время в Пермском крае уделяется недостаточно внимания представлению и популяризации краевого индустриального наследия: ярких событийных мероприятий явно недостаточно. Кроме того, нет равного доступа жителей огромного Пермского края к немногочисленным мероприятиям исторической индустриальной тематики, сосредоточенным в Перми.

Не могут кардинально решить проблему или улучшить ситуацию имеющиеся в Пермском крае разрозненные корпоративные музеи крупных оборонных предприятий, находящиеся на закрытых режимных территориях с пропускной системой и неудобным графиком работы. Их главная задача — сохранение богатой истории конкретного предприятия, профориентация молодежи и мероприятия для гостей в юбилейные и «красные» даты. Массовость и публичность их целями не являются.

Подход самых достойных местных краеведческих музеев к демонстрации индустриального наследия ограничивается классическим представлением документальных материалов и немногочисленных, небольших по размеру и весу артефактов. Для организации ярких мероприятий, соответствующих лучшим российским практикам с участием ретро-техники, у музеев нет ресурсов, соответствующей инженерной инфраструктуры и штатных инженеров-специалистов. Нет взаимодействия музеев с представителями крупного промышленного бизнеса, имеющего опыт сохранения и демонстрации индустриального наследия.

При этом интерес жителей Пермского края к своей промышленной истории огромен. Социологическое исследование, проведенное в рамках проекта «Индустриальное ядро пермской истории» и собравшее 2 335 голосов, показало актуальность и востребованность темы регионального индустриального наследия жителями Перми.

Анкетирование жителей во время автопробега «Пермь Великая 2019», который прошел через города-заводы, расположенные на легендарной Горнозаводской железной дороге и имеющие яркую индустриальную историю, показало, что среди участников мероприятия более 60 % составила молодежь в возрасте от 18 до 30 лет и школьники в возрасте от 10 до 17 лет.

Тягу населения Пермского края к индустриальному наследию обосновал почетный гость Пермского «Музейного форума 2015», директор Эрмитажа, академик М. Б. Пиотровский: «В культурном коде Перми, в ее “ДНК” так сказать, находятся два феномена — это Строгановы и Промышленность, Технологии.

Технические вопросы, техническая эстетика при этом гораздо ближе пермякам, промышленный мир уже стал частью пермского характера, что можно понимать как часть пермской самоидентификации». Эти слова подтверждает посещаемость мероприятий, экспонирующих индустриальное прошлое и настоящее Перми, когда люди «голосуют ногами». Так, ежегодно 9 мая на железнодорожной станции «Пермь I» «Поезд Победы» с паровозом и историческим составом-музеем собирает более 10 000 жителей Перми, половина их них — семьи с детьми. Примечательно при этом, что для того, чтобы посетить передвижной выставочно-лекционный комплекс РЖД из восьми вагонов (ПВЛК), посетители оказались готовы простоять в очереди более двух часов, несмотря на нулевую октябрьскую. За два дня ПВЛК в Перми посетили более 2 000 человек. Организованную музеем «Ретро-гараж» церемонию встречи в Перми крупнейшей в мире трансконтинентальной гонки на исторических автомобилях «Пекин — Париж 2016» посетило более 30 000 человек, в том числе более половины — подростки и молодежь. Однако, очевидно, что при возрастающем интересе молодежи и подростков к индустриальному наследию через событийный досуг достаточного продвижения данных мероприятий пока нет.

Решить эту проблему может помочь грантовая поддержка. К примеру, музей «Ретро-гараж» осуществляет свою деятельность при поддержке Фонда президентских грантов. В 2019 г. на базе музея был реализован проект «Индустриальное ядро Пермской истории», в рамках которого были сформулированы концептуальные предложения по созданию краевого технического музея на площадке завода им. Шпагина с целью сохранения и популяризации регионального индустриального наследия с учетом лучшего российского и зарубежного опыта. Итогом реализации проекта стало распоряжение правительства Пермского края № 198-РП от 18 сентября 2019 г. о создании индустриального парка и пространства инженерных экспозиций на территории завода им. Шпагина. Министр культуры Пермского края В. М. Торчинский на Санкт-Петербургском культурном форуме выступил с презентацией планов по реновации промышленных территорий и сохранению индустриального наследия. Однако к концу 2019 г. планы у властей изменились. Многократные обращения к региональным властям с предложениями о создании технического музея на основе государственно-частного партнерства не получили поддержку. Обращения об оказании музеем «Ретро-Гараж» как социально-ориентированной организации имущественной или финансовой поддержки были отклонены. Единственная субсидия на оплату аренды помещения для размещения музея «Ретро-гараж» в размере 3,5 млн рублей была предоставлена в 2021 г.

Одним из важных приоритетов развития музея «Ретро-гараж» является активное привлечение регионального («ММК-ЛМЗ», г. Лысьва) и российского бизнеса («РЖД») к решению проблем обеспечения равного доступа жителей Пермского края к знакомству с индустриальной историей и промышленным наследием. Кроме того, промышленный пермский бизнес является источником исторических экспонатов, высвобождаемых при модернизации производства. Практически все корпоративные музеи заводов «под завязку» заполнены экспонатами из-за дефицита площадей и не имеют возможности развиваться без серьезных инвестиций в музей. Это ведет к неминуемой утрате высвобождаемого старого оборудования, которое интересно краевому техническому музею.

Огромный социальный потенциал проекта содержится в расширении географии мероприятий в Пермском крае и самое главное — в непосредственном соучастии граждан в формировании культурной политики, нацеленной в том числе и на сохранение уникальной региональной идентичности. Местные сообщества при таком подходе выступают не только как потенциальные посетители музея, но и как стержень самой музейной институции.

Aleksander B. Cherepanov

Anna A. Cherepanova

ANO Perm Automobile Museum “Retro garage” (Russia, Perm)

E-mail: avtoretro59@gmail.com

**PUBLIC INITIATIVES TO PRESERVE THE INDUSTRIAL HERITAGE OF PERM:
THE EXPERIENCE OF ANO PERM AUTOMOBILE MUSEUM “RETRO GARAGE”**

Public initiatives are considered as an integral part of preserving the industrial heritage of regional capitals. The report examines the experience of preserving the industrial heritage of Perm ANO Perm Automobile Museum “Retro Garage” for 2016–2023.

Keywords: industrial heritage, mining civilization, project activity, private museum

Шарапова Александра Глебовна

руководитель проектов, ООО «Проектная мастерская “Гудзон”» (г. Пермь)

E-mail: gudzonpm@yandex.ru

ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ: РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ИЛИ РЕДЕВЕЛОПМЕНТ?

УДК 711.58:719

Вовлечение застроенных территорий, в частности? территорий промышленных предприятий, в оборот — актуальный вопрос для любого города, а региональной столицы — в особенности, ведь «расползание» всегда сопутствует росту затрат на инфраструктуру. Промышленные территории, расположенные в центральных и прибрежных зонах — территории скрытого потенциала, и их грамотное использование позволяет городу решить наиболее актуальные проблемы развития. В докладе на примере российских региональных столиц рассмотрены наиболее вероятные сценария вовлечения таких территорий в оборот, а также некоторые механизмы реализации таких проектов. Автор пытается ответить на вопрос, часто возникающий в городских сообществах: почему органы власти так редко включаются в проекты ревитализации, часто предпочитая им «хищный» редевелопмент.

Ключевые слова: ревитализация, индустриальное наследие, редевелопмент

В урбанистике и городском планировании термин «ревитализация» означает процесс восстановления и оживления городского пространства с учетом его истории, самобытности и локальной идентичности. Основная задача девелопера в таких проектах — разработка новой, востребованной функциональной программы использования зданий и сооружений с сохранением их формы и объема в пространстве [1, с. 12]. Как и некоторые другие проекты развития территорий, проекты ревитализации находятся под действием сетевой экстерналии, когда ценность пространства зависит от числа его пользователей. Таким образом, наибольший интерес представляют внутренние территории города, занятые неработающими промышленными и коммерческими объектами, ветхим жильем, — те территории, потенциал которых пока скрыт [2, с. 39]. Имея достаточно высокую стоимость входа в проект, обусловленную необходимостью реконструкции инфраструктуры, переоборудования зданий, соблюдения законодательства об охране объектов и др., проекты ревитализации не так привлекательны для девелоперов, поэтому требуют специальных монетарных и регуляторно-организационных мер поддержки.

Вместе с тем, на примере проектов на территории завода им. Шпагина в Перми, набережной в Воронеже, Сипайловской дамбы в Уфе, мы скорее наблюдаем городской бустеризм, за ширмой которого остается множество проблем, не решенных на стадии предпроектного анализа. В подавляющем большинстве случаев, одной из таких проблем будет разграничение прав собственности на объекты недвижимости. Объективно понимая, что размер земельного налога растет медленнее, чем рыночная стоимость участков, собственники не видят необходимости в реконструкции, реставрации, редевелопменте объектов, предпочитая практику спекулятивного владения [3, с. 120].

Вместе с тем, потенциал таких территорий в контексте экономики города огромен, особенно в городах Урала и Сибири. Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны предприятия размещались на базе действующих производств и обрастали жилыми домами. В современной пространственной структуре городов эти территории стали центральными.

В итоге мы наблюдаем несколько сценариев. Первый, когда территория завода выкупается частным девелопером, происходит «зачистка» промышленных объектов и территория получает новую функцию, чаще жилую. Отличный пример — редевелопмент территории завода им. Масленникова в Самаре. Аналогичный сценарий реализуется на участке бывшего мясокомбината в городе Перми, территории пермского завода смазок и смазочно-охлаждающих жидкостей, территории старейшего в Екатеринбурге молочного завода и многих других.

Другой сценарий — преобразование территории с сохранением доминирующей функции. Примером служит создание в Хабаровске индустриального парка «Дальэнергомаш» в границах территории завода. В таких проектах реконструкция корпусов, новое строительство и развитие инфраструктуры зависят от новых резидентов, их стабильности на рынке и, конечно, особых мер государственной поддержки.

Третий сценарий развития территорий бывших заводов, собственно, их ревитализация. Прекрасным образцом является проект «Новая Голландия» в Санкт-Петербурге. Новая Голландия — это остров в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга, памятник промышленной архитектуры раннего классицизма. Объекты культурного наследия здесь были приспособлены к современному использованию без изменения предметов охраны [5, с. 209]. Этот проект — результат коллаборации различных субъектов: федеральных властей (этап подготовке площадки, вывода военных частей), творческой элиты (этап разработки критериев архитектурного конкурса, оценки проектных предложений), инвесторов. Проект показал, как может быть реализован механизм инвестиционного контракта применительно к развитию общественных пространств.

Проекты ревитализации могут быть реализованы с частичным сохранением производства. В качестве примера рассмотрим проект Нимлофт в Иваново. Новая Ивановская мануфактура была основана купцом П. Г. Кокушкиным в конце XVIII в. Сейчас здания постепенно реконструируются, в части цехов сохранилось текстильное производство, а оставшееся пространство — культурный кластер города.

Сравнивая сценарии развития промышленных территорий, расположенных в городской среде с позиции городских или региональных властей, заметна разница в их целеполагании. Сценарий с редевелопментом в краткосрочном горизонте закрывает потребность города на увеличение темпов ввода жилья, но при любых рыночных скачках может привести к «замораживанию» территории: органы власти будут вынуждены искать новые площадки под строительство, осваивая периферию и растягивая инфраструктуру.

Сценарий усиления профильной функции путем создания индустриального парка дает ряд положительных эффектов, таких как дополнительные рабочие места, рост инвестиций в промышленность и валового регионального продукта, но центральное расположение таких объектов в структуре города минимизирует доходы городской экономики от земельного налога, негативно сказывается на качестве и комфорте окружающей среды.

Сценарий ревитализации требует от города «терпения», поскольку положительные эффекты его реализации могут быть косвенными и проявляться в долгосрочном периоде за счет роста потока туристов, доли креативных отраслей в структуре экономики и т.п. При этом ревитализация предлагает самую широкую функциональную программу использования территории: от лофт-квартир до музеефикации наиболее ценных объектов индустриального наследия.

Литература и источники

1. Nabiullina K. R. On the issue of revitalization of urban real estate in the post-Covid world // Real estate: economics, management. 2021. № 3. P. 11–16.
2. Кителева А. Г., Лоренц П. З. Возможности городской регенерации в постсоветском пространстве российских городов-миллионников // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Сер.: Прикладная экология. Урбанистика. 2017. № 3 (27). С. 39–54.
3. Короткова Е., Мокрушина К., Куричева Е., Журавлев С., Ирбитская И. Управление пространственно-экономическим развитием города: скрытые ресурсы. М., 2016.
4. Гримашевич А., Кутляева Р. Самарские индустриальные «пустоши» на берегу Волги трансформируют в урбанистический кластер. URL: <https://oboz.info/samarskie-industrialnye-pustoshi-na-beregu-volgi-transformiruyut-v-urbanisticheskij-klaster/> (дата обращения: 15.06.2023).
5. Левшина О. Н. Креативные кластеры как способ преобразования городской среды и инструмент повышения туристической привлекательности города (на примере Санкт-Петербурга) // Общество: философия, история, культура. № 8 (100). 2022. С. 208–211.

6. Nimloft — ревитализация фабрики «Новая Ивановская мануфактура» // Официальный сайт проекта.
URL: <http://nimloft.ru> (дата обращения: 16.06.2023).

Aleksandra G. Sharapova
E-mail: gudzonpm@yandex.ru

**URBAN DEVELOPMENT APPROACHES TO INDUSTRIAL TERRITORIES:
REVITALIZATION OR REDEVELOPMENT?**

Put on the market a built-up territories, in particular an industrial areas, is a topical issue for any city, because “sprawl” always accompanies an increase of infrastructure costs. Industrial territories located in the central and coastal zones have a hidden potential, and their competent use allows to solve the most pressing urban development problems. In focus of this article are the most probable programs to put on the market industrial areas and the implementation mechanisms of such projects. The author attempts to answer a question that often arises in urban communities: why are authorities so rarely involved in revitalization projects, preferring “predatory” redevelopment to them.

Keywords: revitalization, industrial heritage, redevelopment

Штиглиц Маргарита Сергеевна

чл.-корр. РААСН, д.архитектуры, г.н.с., Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (г. Санкт-Петербург)
E-mail: mstig@mail.ru

**ПАМЯТНИКИ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО АВАНГАРДА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

УДК 72.036(470.23-25)''1920/1930''

Промышленные сооружения ленинградского авангарда внесли острые и выразительные акценты в городской пейзаж. Однако в Петербурге, всемирно известном классическом городе, архитектура конструктивизма находится в тени высоких стилей и классических градостроительных ансамблей. В докладе в историческом аспекте рассмотрены наиболее яркие образцы индустриальной архитектуры 1920–1930-х гг. и охарактеризовано их современное состояние.

Ключевые слова: архитектурное наследие, промышленные сооружения, архитектура ленинградского авангарда

Архитектурное наследие Северной столицы, оставленное прошлыми поколениями, обширно и многопланово, оно включает и такую специфическую область, как промышленная архитектура, наибольший след оставившая в течение столетия — с первой трети XIX до первой трети XX в. «Золотой век» этой области зодчества относится к 1920–1930-м гг.

В произведениях того времени выражены пафос индустриализации, мощь техники и динамизм эпохи. Тяга к подчеркнутой образности, ее возвышенная, героико-романтическая окраска определяли в те годы художественные поиски в различных видах искусства. Специфические, полные брутальной экспрессии архитектурные образы созданы чисто утилитарными средствами, самой конструкцией. Здания и комплексы этого направления внесли острые и выразительные акценты в городской пейзаж. Однако в Петербурге, всемирно известном классическом городе, архитектура конструктивизма находится в тени высоких стилей и градостроительных ансамблей. В наибольшей степени это касается промышленных сооружений. Эти шедевры, сыгравшие огромную роль в становлении мировой архитектуры, остались за чертой пристального внимания.

По закону Санкт-Петербурга все исторические здания до 1917 г. признаны неоспоримой ценностью. Ленинградские памятники архитектуры авангарда не пользуются такой бесспорной защитой, однако они в 2001 г. были включены в список вновь выявленных объектов культурного наследия, а в настоящее время постепенно переводятся в категорию объектов культурного наследия регионального значения.

Современная постиндустриальная эпоха отмечена преобразованиями промышленных ландшафтов, оказавшихся в пределах объединенной зоны и зоны регулирования застройки.

Тенденции в градостроительной политике обусловлены сменой технологий, освобождением и переуплотнением старых промышленных зданий, комплексов и целых индустриальных ландшафтов. Эти перемены характерны и для Петербурга — одного из крупнейших промышленных центров России.

Промышленные сооружения и комплексы, обладающие историко-культурным потенциалом, можно разделить на три группы — действующие, перепрофилированные и без функционального использования. В отношении каждой из этих категорий существуют проблемы сохранения памятников промышленной архитектуры, расположенных на заводских территориях.

Наиболее яркий пример — Трикотажная фабрика «Красное Знамя» (1926–1928 гг.) выдающегося немецкого архитектора Э. Мендельсона. Новаторский проект осуществлялся в обстановке противодействия со стороны некоторых ленинградских коллег и с искажением авторского замысла. Расположенные по периметру квартала четырехэтажные производственные корпуса решены в жестких функционалистских формах на основе железобетонного каркаса. Не все идеи автора нашли воплощение, только силовая станция (ТЭЦ), поставленная на остром углу квартала, полностью соответствует проекту. В ее

прямоугольный блок с торца всечены три закругленных объема водонапорной башни, имеющие разный диаметр. Смелая по пластике, полная движения композиция убедительно соединяет черты экспрессионизма и функционализма и воплощает постулат автора «функция плюс динамика».

Последние годы велась острая борьба вокруг этого памятника, оставшегося без функции. Результаты острых дискуссий неоднозначны. К сожалению, не удалось сохранить внутреннее пространство фабричного двора и освоить его по замыслу автора. Кубатура победила. Рядом с ТЭЦ возведен жилой квартал. Борьба экспертного сообщества за снижение высоты возводимого рядом с электростанцией жилого дома не увенчалась успехом. Однако важным достижением можно считать то, что здание отреставрировано одновременно с возведением новых домов, а не после заселения и продажи жилья. Тем не менее, проведена только наружная реставрация, без функционального наполнения. Сейчас городская администрация совместно с владельцами прорабатывает возможности приспособления здания под культурные цели.

В сооружениях ленинградского авангарда прослеживается сильное влияние архитектуры фабрики «Красное Знамя», в частности, в решении комплекса Мясокомбината имени С. М. Кирова, построенного по проекту группы инженеров и архитекторов в 1931–1933 гг. под руководством ленинградского зодчего Н. А. Троцкого. В этом выдающемся произведении ленинградского конструктивизма, как и во многих других постройках того времени, заметно не только сильное влияние экспрессионизма Мендельсона, но и архитектуры Баухауза. Каждое звено производственного цикла выделено в самостоятельный геометрически четкий объем. Вместе с тем, все они связаны в единую композиционно-технологическую систему. Конструкции корпусов выполнены из монолитного железобетона. Главным опознавательным знаком комплекса служит 42-метровая башня, динамично врезанная в основное здание. Она как бы составлена из двух всеченных друг в друга вертикальных пластин. Башня сообщает строго конструктивистской архитектуре ярко выраженный экспрессионистский оттенок.

Построенный на южной окраине города, Мясокомбинат с его запоминающимся силуэтом служил доминантой, видимой при въезде в город издалека. За инженерные и архитектурные достоинства он был отмечен «Гран При» на Парижской международной выставке 1937 г.

Долгие годы ведется борьба за включение этого памятника как единого комплекса в перечень объектов культурного наследия регионального значения и за полноценное функциональное наполнение. Однако до сих пор нет концепции приспособления, поскольку не утверждены предметы охраны. Корпуса пустуют, не законсервированы. А вокруг сжимается кольцо новой жилой застройки.

В новой градостроительной ситуации оказался и Канатный цех с водонапорной башней завода «Красный гвоздильщик» (1930–1931 гг.). Автор — архитектор, художник, педагог и теоретик Яков Чернихов снискал международную известность как мастер блестящих архитектурных фантазий, в которых воплотились творческие принципы авангарда и пафос машинных форм. Среди многих его работ в области промышленного строительства осуществлена лишь эта небольшая постройка. Динамичная композиция построена на остром контрасте легкой вертикали водонапорной башни и протяженного канатного цеха. В обнаженной конструкции башни полностью выявлены и реализованы формообразующие возможности железобетона. Узкий высокий ствол возносит вверх объем водонапорного бака, скругленный выступ которого опирается на тонкие столбы. Резкое столкновение жестких прямолинейных и плавных криволинейных форм усиливает пластическую экспрессию лаконичной композиции. Силуэт башни эффектно смотрится в перспективе улиц промышленной зоны Васильевского острова.

Исторически памятник находился в окружении промышленной застройки конца XIX в., которую не удалось сохранить. Многие годы он был заброшен и пришел в предаварийное состояние. В настоящее время проводится реставрация водонапорной башни и реконструкция здания канатного цеха с его дальнейшим приспособлением под офисные цели.

В отличие от предыдущих примеров Левашовский механизированный хлебозавод на Барочной улице (1933 г.) подлежит приспособлению. Он построен по новой оригинальной технологии индустриального хлебопечения, разработанной и внедренной талантливым инженером Г. П. Марсаковым. Строительная

часть осуществлена архитектором П. Д. Бункиным. Согласно концепции Марсакова, основанной на теории машин, структура здания не только вытекает из технологии, но и образует с ней единое целое. По проекту Марсакова в Ленинграде был построен еще один подобный хлебозавод, Кушелевский, и два аналогичных в Москве. В этих сооружениях полностью достигнута искомая цель исканий авангарда — синтез функциональных, конструктивных и художественных новаций.

Круглая форма многоэтажного здания органично связана с вертикально-кольцевым циклом приготовления хлеба. Основу композиции хлебозаводов составляет цельный цилиндрический объем с примыкающими по концам диаметра вертикальными параллелепипедами лестниц. В главный круглый массив основного здания вырастает еще один цилиндр с котельной, перекрытый пологим куполом. Сочленения этих частей создает эффект ступенчатого нарастания криволинейных форм. В центре здания установлена круглая вращающаяся печь. С верхних этажей хлеб поступает по круговой автоматизированной линии в складские помещения и зону отгрузки. Одноэтажное звено здания, предназначенное для отпуска хлеба, завершается дугообразным консольным козырьком.

В результате осуществления здесь проекта культурно-делового центра сохранилось все объемно-пространственное решение с размещением в основном цилиндрическом объеме офисных помещений и элементов исторической памяти о годах блокады, во время которых предприятие работало. В меньшем цилиндрическом объеме котельной сохранено историческое открытое пространство, предназначенное под культурно-концертные мероприятия. Не удалось избежать и необратимых утрат, среди которых уничтоженное уникальное оборудование — неотъемлемый элемент памятника. Вокруг здания хлебозавода также образовалось кольцо жилых домов, однако памятник хорошо просматривается с Левашовского проспекта.

В заключение следует отметить, что в настоящее время в Петербурге остро стоит проблема использования памятников архитектуры авангарда. Ведь в отличие от классических построек, по сути своей вторичных, возведенных русскими и европейскими архитекторами по образу и подобию античности, в этой архитектуре важна новаторская стилеобразующая роль, признанная специалистами во всем мире. Эти произведения, пользующиеся международной известностью, по основным критериям соответствуют статусу объектов всемирного наследия. Однако трансформации, происходящие с ними в современных условиях, превращают это утверждение в проблематичное.

Литература и источники

1. Кириков Б. М., Штиглиц М. С. Архитектура ленинградского авангарда. Путеводитель. СПб., 2020.
2. Кириков Б. М., Штиглиц М. С. Памятники промышленной архитектуры Петербурга. М., 2020.
3. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. М., 1996.
4. Штиглиц М. С. Непарадный Петербург: наследие промышленной архитектуры. М., 2021.
5. Штиглиц М. С. Промышленная архитектура Петербурга. СПб., 2023.

Margarita S. Stieglitz

Doctor of Architecture, Corresponding Member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (branch of the Federal State Budgetary Institution “TsNIP of the Ministry of Construction of Russia”) (Russia, St. Petersburg)
E-mail: mstig@mail.ru

MONUMENTS OF INDUSTRIAL ARCHITECTURE OF THE LENINGRAD AVANT-GARDE: HISTORY AND CURRENT STATE

The industrial buildings of the Leningrad avant-garde brought sharp and expressive accents to the urban landscape. However, in St. Petersburg, the world-famous classical city, constructivist architecture is overshadowed by high styles and classical urban ensembles. The report considers in the historical aspect the most striking examples of the 1920s–1930s industrial architecture, and characterizes their current state.

Keywords: architectural heritage, industrial buildings, architecture of the Leningrad avant-garde

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ «РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ»

Абашев Владимир Васильевич

д.филол.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
(г. Пермь)

E-mail: vv_abashev@mail.ru

«ИМПЕРАТРИЦА ИЛИ РАБОЧИЕ»? ИМЯ КАК ИСТОЧНИК ГОРОДСКОГО ВООБРАЖАЕМОГО В ИСТОРИИ ПЕРМИ

УДК 81'22:94(470.53)

На примере двух пермских юбилеев (1973 и 2023) рассматривается роль именования в сфере визуальных и нарративных репрезентаций города. Продуктивность имени *Пермь* объясняется его емким семиотическим потенциалом, удачно корреспондирующим с богатой возможностями поэтической функцией, то есть способностью имени быть агентом текстопостроения.

Ключевые слова: Пермь, нарратив, городское воображаемое, семиозис

Роль имени города в его символической истории на примере двух пермских юбилеев (1973 г. и 2023 г.) рассматривается здесь в русле городских исследований, связанных с концептом городского воображаемого — *urban imaginaries* [11; 12; 13]. Под воображаемым города принято понимать сферу множественных чувственно-эмоциональных и когнитивных отражений города, реализующихся в дискурсивных и визуальных практиках, где место *place* производит свою уникальность в противостоянии унифицирующему пространству *space* [11]. В сфере воображаемого соперничают модели, которыми руководствуются заинтересованные субъекты: художники, писатели, краеведы, музейные работники, политтехнологи, PR-агентства и, наконец, политики. В этом соревновании какие-то из моделей воображения получают поддержку власти и становятся доминирующими в практиках репрезентации. В Перми существенным источником работы воображаемого и его репрезентаций стало имя города. Но его роль проявилась не сразу.

Столетие Пермь встретила в 1881 г. Спустя 92 года город отметил 250-летие. Предвосхитив характерную для постсоветского периода [10] практику переноса дат оснований городов в отдаленное прошлое, руководители Перми на рубеже 1960–1970-х гг. изменили базовый для любого поселения нарратив основания, что соответствовало символически той материальной трансформации Перми, которую город пережил в предшествующее столетие. С открытия пермских пушечных заводов в 1870-е гг. началась индустриализация губернской столицы, лишенной до этого существенной экономической жизни. Не без оснований Д. Н. Мамин-Сибиряк называл Пермь «измышлением административной фантазии» [4, с. 48]. А в советский период Пермь стала одним из промышленных центров страны и обрела новую идентичность. «Говорят, у каждого города свой норов, — писали газеты юбилейного года, — У нашей Перми... самая существенная примета — рабочий город. Индустрией... определяется размах городского строительства. Рабочим классом... норов Перми»¹.

Новая история основания города делала его индустриальную идентичность изначальной. В 1968 г. «неожиданно» завязалось обсуждение даты рождения города. Его участники настаивали на том, что годом основания надо считать не 1781 г., когда вышел указ Екатерины II об учреждении Перми, а 1723 г. — год закладки Егошихинского завода. Были возражения. Историк Ф. С. Горовой настаивал, что города

¹ Город трудовой славы // Вечерняя Пермь. 1973. 10 окт.

в России зачастую возникали не как итог естественного роста поселения, а «по инициативе государственной власти как административные центры», поэтому «когда... потребовался... губернский центр, он и был... построен по политическим соображениям» [1, с. 117, 118]. Это заключение соответствовало исторической реальности. Город был учрежден в ходе реформы административно-территориального деления Российской империи, проведенной в 1775–1785 гг. Но победил поддержанный властью краеведческий патриотизм. Идеологическую подоплеку решения ясно выразил один из участников дискуссии, поставивший вопрос ребром: «Императрица или рабочие»? Ответ был предсказуем: «Появление... города на Каме было вызвано не императорскими указами, а... трудом и волей народа»².

Так в полемике ученых-историков и журналистов-краеведов победил идеологически фундированный нарратив о рождении города из заводского поселка. Избранный нарратив города-завода влиял как на градостроительную практику, так и на приоритеты локальной коммеморативной политики и практики репрезентации территориальной идентичности.

Риторика юбилея отразила пафос города-завода. «В трудовом вдохновенном марше, — писали в 1973 г. пермские газеты, — вечно молодой бастион отечественной индустрии, фундамент опорного края державы, рабочий город-красавец на красавице и труженице Каме встречал свой юбилей». Оговоримся. Приведенная фраза не цитата, а центон, объединивший общие места юбилейных материалов в пермской периодике. Индустрия, рабочий класс, молодость, красота и «трудовой вдохновенный марш» в будущее, — на этих опорных концептах держался дискурс нового юбилея Перми. Собственно, в нем не было ничего локально своеобразного, пермского. Он повторял опорные концепты унифицирующего советского городского дискурса. Это скорее был юбилей Молотова — города, имя которого семантически фиксировало индустриальную идентичность Перми. Господство официального дискурса и воображения проявления иного видения города подавляло. Между тем именно в 1970-е гг. на уровне индивидуальных творческих проектов историков, краеведов, филологов, поэтов и художников литературно-художественного андеграунда начинался интенсивный поиск другой Перми.

Советские города располагались в пространстве семиотически однородных репрезентаций. Поэтому пермяку, современнику 2000-х и 2010-х, покажется неожиданным отсутствие в репрезентации города всего того, что стало почти навязчивым к его трехсотлетию юбилею, а именно: пермский звериный стиль, Пермь Великая, пермский период, пермские ящеры, пермские боги, — все то, что объединяется концептом «пермские древности» и что сегодня в значительной степени определяет дизайн городской среды, визуальные и нарративные репрезентации города на Каме. Все они неразрывно связаны с именем, дарованным Екатериной II в 1781 г. Так что указ императрицы определил современное символическое бытие Перми.

Именованная города в XVIII в. как и советский нарратив основания Перми имел идеологическую подоплеку, а именно геополитически мотивированное стремление к древнейшим историческим корням. Эта логику демонстрирует более ранний екатерининский указ. «Наречением сим, — звучало в акте о создании Херсонской епархии, — возобновляем мы... те знаменитейшие названия, которые от глубокой древности сохраняет Российская история» [2, с. 105]. Та же логика работала и в наречении города на Каме. Современникам идеологический посыл указа был ясен: «Губернский город Пермь открыт под сим именем в 18 день октября 1781 года... [и] чрез то возобновлено древнее название Великой Перми» [7, с. 115]. А в соответствии с принятой историками XVIII в. мифологической версией, «Пермия получила себе наименование от древней... Биармии, которая ещё до приходу в Россию варяжских князей управлялась собственными... князьями... в древности приобретшими себе славу» [6, с. 216]. Так Перми было предписано возродить на карте империи одно из «знаменитейших названий, которые от глубокой древности сохранила Российская история».

Таким образом, ключевое обстоятельство рождения города состояло в том, что месту новому было дано древнее, насыщенное историко-культурной памятью имя. Ведь только письменная история имени

² Вершинин Т. Императрица или рабочие? Сколько лет Перми? // Молодая гвардия. 1968. 4 окт.

‘Пермь’ ко времени учреждения города насчитывала не менее восьми веков. А «ситуация искусственного города», как показал Ю. М. Лотман, обладает мифогенным потенциалом: «Отсутствие истории... [ведет к] росту мифологии. Миф восполняет семиотическую пустоту» [3, с. 36]. В случае Перми мифогенным началом выступило имя, ставшее триггером работы локального воображения. Историческую память древнего имени город принял как свое собственное предание.

Дарованное городу имя обладало двумя удачно корреспондирующими качествами: и емким семиотическим, и эффективным поэтическим потенциалом. По крайней мере дважды, в конце XIV и в XVIII вв., имя будущего города оказывалось в фокусе авторефлексии русской культуры, обрастая символической аурой. В конце XIV в. крещение Перми стало темой «Жития Стефана Пермского». Благодаря Епифанию Премудрому представление о языческой стране «иде же веруют в кудесы, и волхованья, и в чарованья» [9, с. 74] стало отличительной особенностью семантики ‘Перми’. Вторая волна историко-культурной тематизации ‘Перми’ пришлась на XVIII в., когда благодаря труду Страленберга возникла идея о родстве Перми и страны исландских саг Биармии. Идею Перми-Биармии подхватили М. В. Ломоносов и В. Н. Татищев, позднее — Н. М. Карамзин. Биармийскую легенду подпитывали местные предания о чуди, населявшей Прикамье в дохристианский период. Ореол архаики, таинственной древности и магии, который приобретала Пермь благодаря Епифанию, биармийскому мифу и преданиям о чуди, поддерживался археологическими находками — обнаружением предметов сасанидского серебра и «шаманских бляшек», которые позднее получают название пермского звериного стиля. Биармийский миф был усвоен городом: одна из улиц старой Перми называлась Биармской.

Так благодаря имени в памяти русской культуры Пермь утверждалась как древняя языческая земля, страна тайн, скрытых сокровищ и магических инспираций, а только потом — город. К середине XIX в. трудами Р. И. Мурчисона Пермь приросла пермским периодом, распахнувшим бескрайний простор для работы воображения. Инспирирующую роль имени в воображении города иллюстрирует пассаж из очерка В. А. Поссе. «Со словом “Пермь”, — писал он в 1906, — в нашем представлении связывается что-то очень древнее: пермской называется одна из геологических “систем” или эпох; о “Перми Великой” в связи с “чудью белоглазой” упоминают древнейшие русские летописи; о ней же, как о Биармландии, говорят и скандинавские саги» [8, с. 240]. Слова, сказанные более чем сто лет назад, предьявляют матрицу современного воображения. Пермь Великая, Биармия, чудские древности, Пермский период — это перечень концептов, с которым работает поставленное сегодня на поток воображение Перми. Отмеченное В. А. Поссе неопределенное, но в высшей степени суггестивное «что-то очень древнее» и является источником, питающим доминирующую модель пермского воображения и современные практики ее репрезентации. Словом, пермская архаика имеет не столько вещественное, явленное в артефактах, сколько лингво-семиотическое основание, самим артефактам дающее притягательное освещение.

Помимо семиотического потенциала имени, его продуктивность поддерживается поэтическим ресурсом, то есть способностью быть агентом текстопостроения. Здесь работают два фактора. Важную роль играет высокая паронимическая аттрактивность имени, то есть его способность ассоциативно притягивать слова близкие по звучанию, но иные по значению. Слово ‘Пермь’ оказывается центром большого гнезда паронимов: империя, премьера, перемена, перо, тюрьма, беременность, прямота, прима, премия и т. п. Эту возможность слова блестяще использовал еще Епифаний Премудрый. Наконец, важно формальное качество имени — его односложность, что увеличивает возможность использования слова в поэзии. У пятисложного Екатеринбург в русской метрике меньше комбинаторных возможностей.

Описанная модель воображения сравнительно молодая. Если не считать ее истоков в XIX в. и подспудной интенсификации в 1970-е гг., она заработала в 1990-е гг. и строилась в отталкивании от образов советского рабочего города-красавца на красавице-Каме. Поэты, художники, краеведы, историки и филологи открывали и пропагандировали «пермскую древность» как новое и подлинное основание идентичности города. В начале же 2010-х гг. их фантазии нашли поддержку власти и мало-помалу приобрели статус административной программы с присущим ей масштабированием от открытия музея пермских

древностей до канализационных люков с парадоксальным сочетанием даты открытия завода 1723 г. и силуэтом медведя в жертвенной позе.

Так дар императрицы, имя города, стал одним из основных ресурсов современного воображения и репрезентации Перми. Поэтому наряду с юбилеем медеплавильного завода стоило бы учредить праздник именин города, ответив на дар благодарностью.

Литература и источники

1. Горовой Ф. С. О дате основания города Перми (К вопросу о датах основания городов как исторических памятниках) // Уральский археографический ежегодник за 1970 год. Пермь, 1971. С. 106–121.
2. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.
3. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С. 30–45.
4. Мамин-Сибиряк Д. Н. Старая Пермь // Вестник Европы. 1889. Июль. С. 44–104.
5. Назаровский Б. Н. Некоторые вопросы истории города // Пермский край. Старая Пермь (1723–1917). Пермь, 1992. С. 16–41.
6. О древнем и нынешнем состоянии Великой Перми // Древняя Российская Вивлиофика. М., 1791. Ч. 18. С. 216–219.
7. Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. Ч. 3.
8. Поссе В. А. По Европе и России. Наблюдения и настроения СПб., 1909.
9. Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995.
10. Сиренов А. В. О феномене удревления городов в России постсоветского периода // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 185–193.
11. Bloomfield J. Researching the Urban Imaginary: Resisting the Erasure of Places // European Studies. Brill, 2006. Vol. 23: Urban Mindscapes of Europe. P. 43–61.
12. Soja E. Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden, MA, 2000.
13. The Routledge Companion to Urban Imaginaries / Ed. by Ch. Lindner, M. Meissner. New York, 2019.

Vladimir V. Abashev

Doctor of Philological Sciences, Perm State National Research University (Russia, Perm)

E-mail: vv_abashev@mail.ru

“EMPRESS OR WORKERS”? THE NAME AS A SOURCE OF THE URBAN IMAGINARY IN THE HISTORY OF PERM

On the example of two Perm’s anniversaries (1973 and 2023), the paper considers the role of naming in the field of visual and narrative representations of the city. The productivity of the name Perm is explained by its capacious semiotic potential, which successfully corresponds to the poetic function rich in possibilities, that is, the ability of the name to be an agent of text construction.

Keywords: Perm, narrative, urban imaginary, semiosis

Богумил Татьяна Александровна

к.филол.н., доцент, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

E-mail: tbogumil@mail.ru

ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРУД БАРНАУЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

УДК 82(571.15)

В докладе представлен обзор художественных образов барнаульского пруда, который с 1744 по 1926 гг. был неотъемлемой частью городского пейзажа. Пруд символизировал тяжелое и великое горнозаводское прошлое современного центра Алтайского края. Сиюминутная выгода от ликвидации пруда возобладала над исторической ценностью ныне утраченного элемента ландшафта.

Ключевые слова: сибирский текст, Алтай, городской текст, сереброплавильный завод, плотина

Горнозаводской поселок Барнаул был основан на месте впадения р. Барнаулки в р. Обь в 1739 г. по велению А. Н. Демидова. В 1848 г. город стал промышленно-металлургическим и административным центром Колывано-Воскресенского горного округа, в состав которого входило еще четыре меде- и сереброплавильных заводов: Змеиногорский (1736), Павловский (1763), Локтевский (1781) и Гарвиловский (1795). Алтайские заводы строились по образцу уральских. Как известно, обязательными элементами ландшафта горнозаводского поселения были плотина и пруд. Первоначально плотина на р. Барнаулка была из суглинка, укрепленная деревом, длиной более 500 м, с двумя прорезами (для работы и сброса паводковых вод), высотой до 6 м. По своей протяженности это было, вероятно, крупнейшее на тот момент (1744 г.) гидротехническое сооружение России [2, с. 154]. Образовавшийся водоем в разные периоды был в длину от 1 650 до 2 000 м (в 1907 г. — до 3 000 м), средней шириной 400–500 м, глубиной от 1 до 4 м [1, с. 117].

После прорыва плотины весенним паводком в 1793 г. ее реконструировали: повысили, укрепили откосы кирпичной кладкой. Очередные разрушения в результате наводнения 1928 г. устранять не стали. К тому времени барнаульский сереброплавильный завод был давно закрыт (с 1893 г.), город успел побывать купеческим центром, в 1920-е гг. формировался как агропромышленный центр региона. Плотина утратила прикладное значение как источник энергии, став памятником истории гидротехники первой половины XVIII в. Пруд, выполнявший после закрытия завода в основном рекреационную функцию, обмелел и критиковался горожанами как причина заболоченности окрестных улиц, подтапливания фундаментов и подвалов домов.

Первые призывы к спуску пруда прозвучали после случившегося в конце 1915 г. пожара, от которого существенно пострадали корпуса бывшего завода. В газете «Жизнь Алтая» зимой 1916 г. были опубликованы: статья со ссылкой на телеграмму из Петербурга о предлагаемой ликвидации и завода, и пруда; три исторических очерка «Барнаульский завод», написанных предпринимателем и депутатом Государственной Думы Василием Вершининым; стихотворение «Плач о пруде» известного сибирского поэта и критика Порфирия Казанского (под псевдонимом Премудрая крыса Онуфрий).

«Маленький фельетон» как жанр сатирический и злободневный акцентирует неудобства, которые испытывают горожане в связи с прудом: заболоченность, грязь, шумное веселье и матерное слово пролетариев (Зайчанская слобода — беднейшие густонаселенные окрестности пруда; Гора — Нагорная часть в историческом центре города). Незначительные «блага» — «вешнее катание», «для барышень кувшинки», летние купания — в таком «тухлом» контексте выглядят сомнительной псевдоромантической пошлостью. Поэтому сетования обывателей о всем том, что «утечет навек с прудом», по меньшей мере, комичны [9].

Однако соседство фельетона с очерками об истории барнаульского завода дает возможность иначе посмотреть на предлагаемый спуск пруда — в долгосрочной, а не сиюминутной перспективе. Поскольку возникновение плотины и пруда было обусловлено заводскими нуждами, в сознании многих писателей

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00496 «Образ Алтая в сибирском тексте русской культуры» (рук. Т. А. Богумил).

эти объекты символизировали горнозаводское прошлое города. Так, в рассказе алтайского историка и краеведа П. А. Бородкина «На Барна-ауле» использован прием психологического параллелизма. Устройство плотины пришлыми демидовскими людьми «пленяет» речку и закабальет свободных поселенцев деревни: «...запряг Демид воду в работу» [3, с. 9], «...потекла иная жизнь в Усть-Барнаульской — одневольная, вечно занятая работой без конца на заводчика» [3, с. 10]. В реконструируемой советским писателем действительности середины XIX в. к плотине приурочены трагические события, связанные с бесправным положением крестьян: убийство надсмотрщиком мальчика, мечтавшего стать механиком, как И. Ползунов, и облегчить тяжелейший труд подкатчиков руды при помощи воды («Малолеты»); падение генеральши из кареты в лужу под откосом плотины, и жестокое наказание безвинного кучера, приведшее к его смерти («Черный город»); случайное, в запале масленичных игрищ на льду пруда, убийство товарища-мастерового вместо «генерала» («Любой ценой»).

В более ранней, но малодоступной советскому читателю эпопее писателя-эмигранта Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» (том 3, «Веления земли», 1926) семантика плотины также напрямую связана с горнозаводским этапом истории города: «У самой плотины пруда, сделанной прочно и на много сотен лет тяжелым крепостным трудом, стояли вросшие в землю каменные здания старика завода. <...> Всюду валялись обломки старинной, жестокой силы и свидетельствовали о том былом труде, который создавал лишь мучая и убивая. Черные переплеты под крышею завода, как чьи-то угрожающие, высоко воздетые и судорожно сцепившиеся руки, замерли в дикой и безмолвной ярости и так навековали» [4, с. 79–80].

В романе С. П. Залыгина «После бури» (1986) также воссоздаются 1920-е гг., однако плотина и пруд описаны исключительно как исторические объекты, вне размышлений о тяжелой подневольной работе: «Знаменитый был пруд, древний, по сибирским понятиям очень древний, построенный только чуть позже петровского времени для того, чтобы вода, падая с плотины, вращала бы двигатели серебряного завода...» [5, с. 72].

Во всех вышеприведенных произведениях в обязательном порядке в связи с плотинной, прудом и заводом упомянуто о тепловом двигателе Ивана Ивановича Ползунова. Изобретатель умер от чахотки за семь дней до пуска машины. Двигатель проработал почти два месяца и принес за это время одиннадцать тысяч серебром прибыли [10, с. 38]. После поломки начальство решило уничтожить машину. На берегу пруда долго валялись ее металлические части. Так плотина и пруд оказываются пространством, где совершались величайшие открытия, и местом разбитых надежд на лучшую жизнь, гибельным локусом.

В автобиографической повести М. Д. Зверева «Заимка в бору» (1980) описано, как зимой на пруду проходили воскресные кулачные бои. Свидетелем последнего сражения в 1913 г. оказался рассказчик: «Ранняя бурная оттепель за неделю нагнала воду поверх льда, бои прекратились до будущей зимы. Но летом началась первая мировая война. Потом революция, и кулачные бои в Барнауле прекратились навсегда» [6, с. 413]. Не ко времени растаявший лед становится знаком начала слома векового уклада, радикальной смены государственного и мирового устройства.

Весной 1926 г. горсовет принял решение о ликвидации пруда. Память о былом хранит барнаульская топонимика: улицы Правый берег пруда, Левонабережная, переулки Прудской и Малый Прудской (остальные из двенадцати Прудских переулков на настоящий момент переименованы [7, с. 415–416]). Многие, столь опрометчиво признанное ничтожным, «навек и невозвратно» [8] унесли с собой воды исчезнувшего пруда.

Литература и источники

1. Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000.
2. Бородаев В. Б., Конте А. В. У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000.
3. Бородкин П. А. Исторические рассказы о Барнауле. Барнаул, 1963.
4. Гребенщиков Г. Д. Собрание сочинений: в 6 т. Барнаул, 2013. Т. 2.
5. Залыгин С. П. После бури. М., 1986.

6. Зверев М. Д. Заимка в бору // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: антология: в 5 т. Барнаул, 2012. Т. 5. С. 389–448.
7. Названия улиц города Барнаула: историко-лингвистическое описание. Барнаул, 2003.
8. Премудрая крыса Онуфрий [Казанский П. А.]. Плач о пруде // Жизнь Алтая. 1916. № 7. 10 января. С. 2–3. URL: <http://irbis.akunb.altlib.ru:81/pm/pm000014/1916007.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).
9. Скалон Н., Коваленко А. Как столичные чиновники чуть не разрушили некогда великий сереброплавильный завод и приказали спустить плотину в Барнауле // Altapress.ru. 2016. URL: <https://long.altapress.ru/altay-srebro/> (дата обращения: 04.05.2023).
10. Юдалевич М. И. Барнаул. Барнаул, 1992.

Tatiana A. Bogumil

Candidate of Philological Sciences, Altai State Pedagogical University (Russia, Barnaul)

E-mail: tbogumil@mail.ru

THE MOUNTAIN FACTORY POND OF BARNAUL IN HISTORY AND FICTION

The paper presents an overview of the artistic images of the Barnaul pond, which from 1744 to 1926 years was an integral part of the urban landscape. The pond symbolized the heavy and great mining past of the modern center of the Altai Territory. The momentary benefit from the elimination of the pond prevailed over the historical value of the now lost element of the landscape.

Keywords: Siberian text, Altai, urban text, silver-melting plant, dam

Всеволодов Антон Владимирович

к.и.н., доцент, Череповецкий государственный университет (г. Череповец)

E-mail: vsevolodov12@yandex.ru

ГЕНИЙ И МЕСТА: О «РОДИНЕ» В. В. ВЕРЕЩАГИНА КАК ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ¹

УДК 94(470.12):929

В докладе рассматривается один из аспектов памятования о В. В. Верещагине в российской/советской культуре XX в. Анализируются принятые способы указания места и обстоятельств рождения художника. Показано, что в дореволюционный период строгой схемы локализации его «родины» не сложилось. В поздних источниках смысловой фокус стал смещаться от Череповца и окрестностей в сторону Вологодской области как региона, включающего не только место рождения, но и другие жизненные этапы художника.

Ключевые слова: В. В. Верещагин, биография, место рождения, территориальная идентичность, Череповец, Вологодская область

В биографиях В. В. Верещагина о начале его жизни обычно сообщается скупо. Образцом здесь служит работа А. Н. Тихомирова, где сказано: «...Родился 14 (26) октября 1842 года в помещицкой семье в городе Череповце, бывшей Новгородской губернии» [15, с. 6].

Сам Верещагин в воспоминаниях впервые упомянул Череповец только на 33-й странице, указав, что здесь случилось «достопамятное событие» («В день папашина рождения, вечером, когда во всех гостиных комнатах играли в карты, я явился на свет»). Далее он писал: «...Так как наши переехали через 2–3 года в деревню [Пертовку — А. В.], то о времени городского житья я ничего не помню» [4, с. 33]. В письме В. В. Стасову от 1 августа 1874 г. Василий Васильевич именовал себя «новгородцем» в том смысле, что являлся уроженцем Новгородской губернии [2, с. 35]. Уже позднее он отметил: «Род мой из Вологды...» (видимо, поскольку его дед по матери Н. П. Жеребцов владел землями в Вологодской губернии) [16, с. 79].

В структуре нарративного шаблона, связанного с описанием раннего детства художника, Череповец в дореволюционный период еще не закрепился — то ли по причине малости уездного города в сравнении с масштабом личности и заслуг его уроженца, то ли из-за того, что точности в данном случае вообще не придавалось большого значения. Первые биографы Верещагина — В. В. Стасов и Ф. И. Булгаков — упоминали Череповец только в связи с рождением своего героя [1, с. 17; 14, стб. 271 (2-я пагин.)]. В иных источниках город как биографический топос могли заменять ссылки на социальное происхождение, дату рождения или образовательный статус. Тогда получалось, что Василий Васильевич родился «в дворянской семье, в Новгородской губ.», а детство «провел в деревне»²; или — родился в 1842 г. [3], или, без предисловий о раннем детстве, — что окончил Александровский малолетний корпус [6]. Встречались, однако, и географически корректные локализации [5].

В советской литературе формула «родился в Череповце — провел раннее детство в деревне» закрепилась [ср.: 12, с. 9], причем сельское в ее событийном наполнении явно преобладало над городским. Так, в «Повести о Верещагине» (1956) К. И. Конищева малой родиной Василия Васильевича изображены окрестности реки Шексны, близ которой располагались оба семейных имения, Пертовка и Любец [9, с. 318–319].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01128 «Василий Верещагин: творческая идентификация, динамика восприятия, стратегии освоения и актуализации наследия в российском культурном опыте XIX — начала XXI вв.» (рук. О. Ю. Солодянкина).

² В. В. Верещагин (некролог) // Российский государственный исторический архив. Ф. 489. Оп. 14. Литера «В». Д. 29.

В. П. Суетенко в повествовании о московском периоде жизни и творчества художника включил Череповец и дважды Череповецкий уезд в Вологодскую губернию, а вот владения Верещагиных в Вологодском уезде конца XVII в. почему-то отнес к губернии Новгородской [14, с. 151, 199]. Эти пространственные ошибки в каком-то смысле симптом, демонстрирующий, как вопрос о том, что считать родиной Верещагина, понемногу перемещался из плоскости чистой биографии в плоскость культурных репрезентаций регионального. Действительно, с включением Череповца и нескольких соседних районов в состав Вологодской области (с 1937 г.) Верещагин часто стал позиционироваться как вологодский художник; во всяком случае, тенденция к его «присвоению» заметна в краеведческой литературе 1950–1980-х гг. Так, в учебном пособии Т. И. Осьминского Верещагин включен в перечень «выдающихся людей XIX века — уроженцев края». Связь его с «краем» отмечена коротко, но изящно: «В Череповце родился и вблизи него вырос» [11, с. 50]. Писатель В. С. Железняк адаптировал старую схему к изменившимся административно-территориальным реалиям: «...Родился в дворянской семье, владевшей небольшими поместьями в Новгородской и Вологодской губерниях. Родиной художника был уездный городок Череповец», теперь — «большой промышленный и культурный центр Вологодской области» [8, с. 8, 57]. В качестве рамки, объединяющей оба аспекта верещагинской территориальной идентичности, а заодно и две части нового региона, писатель выбирает Север: здесь расположены «родные места» Василия Васильевича, то есть «череповецкие и вологодские приволья» [8, с. 47]. Параллелизм двух воображаемых пространств у Железняка оборачивается явно в пользу второго. Череповец и «деревенька Пертовка» — это места детства и ностальгических воспоминаний, единственный крупный факт творческой деятельности, который с ними связывается, — так и оставшиеся неоконченными после 1866 г. «Бурлаки». Наоборот, Вологда — территория творчества: ее людей и дома, и даже березки на ее улицах Верещагин «любит» и о них пишет [8, с. 47–49; 8].

Спор недавно вошедшего в вологодский ареал и еще не закрепившегося в нем Череповца и областной столицы за право стать смысловым ядром дискурса о знаменитом земляке иногда разрешался компромиссно. В книге В. М. Малкова «По земле Вологодской» о художнике говорится в контексте рассказа о Череповецком краеведческом музее, который известен «далеко за пределами Вологодской области». Здесь Верещагину, якобы, посвящен целый отдел с «редчайшими материалами». Журналист отмечает сразу, как бы выдерживая баланс интересов двух городов, что «в 1894 году во время путешествия по Северной Двине В. В. Верещагин жил несколько месяцев в Вологде». Завершается все снова ошибкой: согласно Малкову, в череповецком доме семьи Василий Васильевич не родился, но «жил и работал» [10, с. 153–155].

Сказанное демонстрирует ключевую особенность сложившейся в послевоенный период региональной стратегии увековечения памяти о Верещагине. Она нацеливалась на то, чтобы формировать представление о художнике как уроженце Вологодской области / земли / края. Попытка превратить Верещагина в гения места одного Череповца будет сделана позднее — в 1990-е гг.

Литература и источники

1. Булгаков Ф. И. В. В. Верещагин и его произведения. СПб., 1905.
2. Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. М., 1981.
3. Верещагин // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 6: Винцано — Виона. С. 27.
4. Верещагин В. В. Детство и отрочество художника В. В. Верещагина. М., 1895. Т. 1: Деревня. Корпус. Рисовальная школа.
5. Верещагин Василий Васильевич // Настольный энциклопедический словарь. 4-е изд., перераб. Т-ва А. Гранат и К°. М., 1912. Т. 2: Ботнический залив — Грациус. С. 908.
6. Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 6: Верещагин — Воинская повинность. С. 321.
7. Железняк В. Художник-баталист — солдат мира // Дорогие сердцу места. Путеводитель по Вологде и области. Архангельск, 1979. С. 157–163.

8. Железняк В. С. Художник Верещагин (1842–1904). Вологда, 1967.
9. Коницев К. И. Повесть о Воронихине. Повесть о Верещагине. Л., 1975.
10. Малков В. М. По земле Вологодской. Вологда, 1968.
11. Осьминский Т. И. Наш край в истории СССР: учебное пособие для учащихся восьмилетней и средней школ Вологодской волости. Вологда, 1969.
12. Садовень В. В. В. Верещагин. М., 1950.
13. Стасов В. В. Василий Васильевич Верещагин // Стасов В.В. Собр. соч. 1847–1886. СПб., 1894. Т. 2: Художественные статьи.
14. Суетенко В. П. Дом у заставы. Московские годы жизни и творчества В. В. Верещагина. М., 1968.
15. Тихомиров А. Н. Василий Васильевич Верещагин (жизнь и творчество) (1842–1904). М.; Л., 1942.
16. Указатель выставки картин В. В. Верещагина, с объяснительным текстом. 1895. Москва, Исторический музей. М., 1895.

Anton V. Vsevolodov

Candidate of Historical Sciences, Cherepovets State University (Russia, Cherepovets)

E-mail: vsevolodov12@yandex.ru

GENIUS AND PLACES: ABOUT V. V. VERESHCHAGIN'S "HOMELAND" AS A PROBLEM OF CULTURAL HISTORY

One of the aspects of remembering V. V. Vereshchagin in the Russian/Soviet culture of the 20th century is considered below. The accepted ways of indicating the place and circumstances of the artist's birth are analyzed. It is shown that in the pre-revolutionary period, there was no strict localization scheme for his "homeland". In later sources, the semantic focus began to shift from Cherepovets and the surrounding area towards the Vologda Region as a region that includes not only the place of birth, but also a wider living area.

Keywords: V. V. Vereshchagin, biography, place of birth, territorial identity, Cherepovets, Vologda region

Голикова Светлана Викторовна

д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: avokilog@mail.ru

ИСТОЧНИКИ ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX В. О «СТОЛИЧНОСТИ» ОРЕНБУРГА

УДК 94(470/57)«18»

Приводятся свидетельства современников о признаках Оренбурга как «столичного» города и его сходстве с Санкт-Петербургом.

Ключевые слова: образ города, столичность, эго-документы

Наметившаяся в начале XIX в. активизация процесса регионообразования в Российской империи вызвала интерес не только к крупным областям: Крыму, Кавказу, Сибири, Уралу, но и к их внутренней структуре, прежде всего к городам, а среди них — к местным «столицам». Оренбург уже тогда принадлежал к их числу. Анализ конструирования его образа на символической карте страны может углубить представления не только о формирующемся уральском макрорегионе, но и об урбанизации окраин страны. Сюжетов об образах российских городов, особенно до середины XIX в., в научной литературе мало, а форпост России на востоке, привлекавший внимание многих авторов, является продуктивным объектом такого изучения, в том числе и с точки зрения столичности. Самое незатейливое обнаружение этого качества проявляется путем сравнения города с действующей столицей государства, и в этом «младший современник» Перми и Екатеринбурга (ибо возник чуть позже) опередил своих региональных «собратьев», поскольку о его сходстве с Санкт-Петербургом заговорили довольно рано — со второй трети XIX в.

Образ города делится на создаваемый «изнутри» и «извне». Выработкой первого занимались сами оренбуржцы. Он, прежде всего, был призван служить их самоидентификации и больше предназначался для «внутреннего» пользования. Образ «извне» создавался приезжими, и посредством него центр Оренбургской губернии позиционировался относительно других городов необъятной империи. Два этих образа, естественно, пересекались, но дихотомия «мы — они» в них чувствовалась. Приезжие делились своими впечатлениями о городе в первую очередь в путевой прозе, оказав более сильное, преобладающее влияние на складывание представлений об Оренбурге благодаря тому, что травелоги часто создавались непосредственно для публикации. Поэтому авторы травелогов имели доступ к более широкой читательской аудитории, нежели оренбургские жители, целенаправленно занимаясь поставленной задачей, используя литературные и художественные приемы создания образа и обладая при этом более широким географическим кругозором по сравнению с теми же, в большинстве своем не покидавшими городские пределы, обывателями.

Внесших вклад в формирование «внешнего» образа Оренбурга можно разделить на две группы. К первой относятся «профессиональные» создатели травелогов. Городу в этом плане повезло — его довольно рано посетил П. П. Свинын, много сделавший на страницах издаваемых им «Отечественных записок» для создания ментальных географических карт тогдашней России и призывавший просвещенную публику путешествовать и изучать свою страну. Остальные авторы, составившие свое видение Оренбурга, приезжали сюда по служебной надобности и оставались здесь разное время: С. А. Юревич, Г. П. Федоров — проездом, И. Ф. Бларамберг — на долгие годы, переехавший служить поближе к матери П. П. Жакмон вообще превратился в старожила. К тем и другим примыкает П. И. Небольсин, который совмещал деловые путешествия с созданием травелогов (изданных достаточно быстро). Остальные представители второй группы описали приезд в Оренбург и впечатления о нем в письмах или дневниках и даже воспоминаниях, опубликованных значительно позднее времени пребывания в городе. Жанровые отличия эго-документов от путевой прозы не должны в данном случае смущать, поскольку часто ее адепты (из ранних стоит вспомнить «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина) писали отчеты о поездках в виде писем и дневников.

Оренбург — единственный из увиденных П. П. Свиным в 1824 г. уральских городов, которому тот посвятил отдельную статью. Там уже фигурировало получившее развитие в дальнейшем представление о «столичном» статусе Оренбурга как места сосредоточения «хорошего общества»: к своему удивлению на азиатской окраине России автор обнаружил «общество людей самых образованных, лучшего тона, обладающих отличными талантами, а потому проводящих время как нельзя приятнее» [6, с. 3]. Замечание неумолимого путешественника прозвучало еще до приезда на оренбургское губернаторство В. А. Перовского, при котором сравнение его резиденции со столицей проявилось особенно сильно. Формирование представления об Оренбурге как городе аристократичном и даже напоминающем столицу продолжил в 1837 г. флигель-адъютант С. А. Юрьевич, который сопровождал в поездке цесаревича Александра Николаевича. В письме к жене Юрьевич отметил, что дочери служивших здесь генералов «по манерам своим как бы сейчас из петербургских пансионеров» [2, с. 468]. В первом впечатлении приехавшего в 1841 г. сюда на службу И. Ф. Бларамберга отразились и представления об аристократичности города. «Здесь было полно офицеров всех чинов», — отмечал приезжий. Однако на их фоне выделялась высшая страта: «В Оренбурге находилось и много гвардейских офицеров из Петербурга, которые служили под началом военного губернатора генерал-адъютанта Перовского...» [1, с. 218]. Именно присутствие «блестящего круга образованных военных и гражданских чиновников», в который вступил и этот будущий генерал-лейтенант, способствовало тому, что «отдаленность от столицы не ощущалась». По мнению Бларамберга, такому положению вещей город был обязан В. А. Перовскому: «Первый срок его губернаторства в этом крае — с 1832 по 1842 г. — считался золотым веком Оренбурга» [1, с. 221]. Описывая бал по поводу открытия здания дворянского собрания, военный топограф вновь затронул тему «столичности»: «Блестящие мундиры, богатые туалеты, музыка, обслуживание и ужин были не хуже, чем в Петербурге...» [1, с. 248].

Прапорщик П. П. Жакмон, приехавший в Оренбург в 1853 г. также отметил, что «общество здешнее состояло из петербургской интеллигенции. Весь штат командующего войсками и генерал-губернатора составляли гвардейские офицеры, а канцелярия генерал-губернатора была из чиновников, окончивших лицей или училище правоведения» [4, с. 863–864]. В других своих воспоминаниях П. П. Жакмон утверждал, что сравнение Оренбурга со столицей к тому времени стало привычным, и город на границе с Азией получил «наименование маленького уголка Петербурга». Он относил это к заслугам тогдашнего генерал-губернатора В. А. Перовского, которого «шутя сравнивали с Людовиком XIV»: «для престижа своей власти» он в свое второе губернаторство устраивал балы, пиршества, празднества, окружал себя «свитой, состоявшей из блестящих и титулованных гвардейских офицеров» [3, с. 78–79].

Побывавший в Оренбурге в 1850–1851 гг. П. И. Небольсин также отметил в облике города эту черту: «Как важная крепость и как средоточие управления ... Оренбург, естественно, вмещает в себя всю аристократию целого народонаселения края: все что есть лучшего, пышного, торжественного по отношению к общественному положению, к богатству, роскоши, высшей образованности — все это дружно скопилось в одном Оренбурге» [5, с. 189]. Автор поведал и о встретившихся ему повседневных проявлениях аристократизма: «роскошные, большие каменные здания», «звучные аккорды бальной музыки», «чудные звуки итальянской арии», «франтовские экипажи на лежачих рессорах», «кавалькада из амазонок — оренбургских барышень, окруженных услужливыми, щеголеватыми кавалерами» [5, с. 187].

Сменившие Перовского генерал-губернаторы пытались поддерживать столичный имидж Оренбурга. Молодому офицеру Г. П. Федорову в 1868 г. местные порядки живо напомнили недавние петербургские: «Каждое воскресенье, после обедни, в зал генерал-губернаторского дома собирались все служащие, и дежурный адъютант выстраивал их по рангам. Спустя полчаса выходил Крыжановский и, обойдя весь чиновный строй и милостиво улыбнувшись некоторым счастливым, торжественно уходил в кабинет». «Ну, точно в былое время в Зимнем дворце», — заключал военный [7, с. 796–797].

«Столичность» Оренбурга во второй трети XIX в. в основном проявлялась, таким образом, через понятия «аристократичность», «чиновность», «титулованность» и им подобные. Следует подчеркнуть,

что она оказалась связана не столько с именем Перовского, сколько с поворотом российской внешней политики на востоке в сторону Средней Азии, после присоединения которой блеск города стал заметно меркнуть. Однако в качестве «региональной столицы» его развитие продолжалось.

Литература и источники

1. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978.
2. Дорожные письма С. А. Юрьевича // Русский архив. 1887. № 4. С. 441–468.
3. Жакмон П. П. Из воспоминаний оренбургского старожила // Исторический вестник. 1905. Т. 100. С. 74–88.
4. Жакмон П. П. На царском смотре. (Из воспоминаний партионного офицера) // Исторический вестник. 1903. Т. 93. С. 863–878.
5. Небольсин П. И. Рассказы проезжего. СПб., 1854.
6. Свиньин П. П. Картины Оренбурга и его окрестностей // Отечественные записки. 1828. Ч. 35. № 99. С. 3–38.
7. Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. Т. 133. С. 786–12.

Svetlana V. Golikova

Doctor of historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: avokilog@mail.ru

SOURCES OF THE SECOND THIRD OF THE 19th CENTURY ABOUT THE “CAPITAL” OF ORENBURG

The report provides evidence of contemporaries about the properties of Orenburg as a capital city and of the similarity of Orenburg with St. Petersburg

Keywords: city image, capital, ego-documents

Головнева Елена Валентиновна

д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

E-mail: golovneva.elena@gmail.com

ВЛАДИВОСТОК В АРХИВНЫХ ВИДОВЫХ ОТКРЫТКАХ¹

УДК 94(571.63):769.5

Изучаются архивные визуальные репрезентации г. Владивостока посредством анализа видовых открыток. В качестве материала для исследования коллекция видовых открыток Бориса Владимировича Августовского (1902–1991), известного дальневосточного краеведа и коллекционера, которым была собрана уникальная коллекция документальных и фотографических материалов, посвященных истории г. Владивостока и Приморского края.

Ключевые слова: визуальные репрезентации, конструирование, видовая открытка, образ города, г. Владивосток, Б. В. Августовский

Уникальность Владивостока как города «дальневосточного фронта» прежде всего заключается в его местоположении. Находящийся на значительном отдалении от центра страны, Владивосток воспринимался в прошлом и воспринимается сейчас как город, расположенный на «краю света», имеющий особые ландшафтные и климатические черты. С точки зрения своего геополитического положения, Владивосток — это русско-европейский город в Азии, военный форпост, основанный на земле, которая до 1860 г. принадлежала Китаю.

Значение города возросло после того, как в 1896 г. был открыт Суэцкий канал, намного сокративший путь из Европы в Тихий океан и на русский Дальний Восток. Оказавшись настоящим «плавильным котлом» (в городе был многонациональный состав населения, преобладали военные, иностранцы, мужчины — при выраженном недостатке женщин и временном характере населения), Владивосток оказался в зоне пристального интереса приезжающих на Дальний Восток. Город посещали писатель А. П. Чехов, наследник российского престола цесаревич Николай, адмирал С. О. Макаров, полярный исследователь Ф. Нансен, оставившие после себя яркие свидетельства о пребывании во Владивостоке.

Основание Владивостока в 1860 г. совпало с появлением фотоаппаратов в Европе и с увеличением интереса к фотофиксации отдаленных территорий Российской империи. В частности, фотографические материалы, изображающие города Дальнего Востока были оставлены лейтенантом Владимиром Менделеевым, который в 1891 г., совершая путешествие на крейсере «Память Азова», сделал множество снимков с видами Дальнего Востока. Большой вклад в документирование истории региона своей коллекцией из более чем 150 снимков внес фотограф-купец Владимир Ланин, проживавший во Владивостоке в период с 1870 до 1888 г. и фотографировавший виды Амура, Южно-Уссурийского края, первых дальневосточных городов Хабаровска и Владивостока. Часть собрания американки Элеоноры Лорд Прей (1868–1954), прожившей во Владивостоке более тридцати лет, составляет два десятка фотоальбомов, которые содержат замечательные виды старого Владивостока 5]

Не случайно, именно Владивосток — город портовый, военный и динамичный — стал отправным пунктом развития фотоискусства на Дальнем Востоке, а в городе стали постепенно появляться местные фотографы. Самыми известными фотоателее во Владивостоке были мастерская Ф. И. Подзорова на ул. Светланской, мастерская В. К. Мацкевича на ул. Пекинской и «Золотой Рог» на ул. Среднепологой. Ф. И. Подзорову принадлежат качественные и великолепные открытки, которые печатались в голубовато-зеленом тоне. Каждая открытка была пронумерована и подписана: «Привет из Порт-Артура», «Привет из Дальнего», «Издания Фот. Ф. И. Подзорова, Порт-Артур». Тыльная сторона фотобумаги, на которой в конце XIX— начале XX в. печатались фотографии, снабжалась надписью post card, или

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00518 «Киноатлас СССР: опыт позиционирования многонационального государства» (рук. И. А. Головнев).

оборотная сторона была расчерчена под почтовую марку и адрес. Фотографию на такой бумаге, снабженную адресом и почтовой маркой, можно было отправлять по почте.

К сожалению, до нас не дошли имена всех фотографов, сотрудничавших с производителями открыток в самом Владивостоке в первой половине XX в., а, следовательно, неизвестны их биографии (такие важные детали, скажем, как время и место получения профессиональных навыков, происхождение). Тем не менее, выбор объектов для фотографирования и манера построения кадра вполне выдержаны в духе времени: на открытках представлены либо панорама всего города или отдельной улицы, сфотографированные сверху, либо отдельно стоящие здания (в основном административные, военные или культурные учреждения). В таком подходе выражается неявная установка: в городе, где имеются памятники культуры, архитектурные достопримечательности, с которыми связаны жизни выдающихся соотечественников, существуют фундаментальные основания «экзистенциальной парадигмы города» [2, с. 47; 3, с. 176].

Не случайно, большой интерес к коллекционированию этих открыток, как значимых инструментов репрезентации города, проявляли краеведы. Один из них, хорошо известный на Дальнем Востоке — Борис Владимирович Августовский (1902–1991), член Географического общества СССР, член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры²

На видовых открытках из архивной коллекции Б. В. Августовского³ мы видим историю становления и развития г. Владивостока: строительство одноэтажных деревянных домов в первые двадцать лет существования города, появление с 1880 г. каменных и кирпичных домов и архитектурных памятников известных архитекторов А. А. Гвоздиовского, Г. Р. Юнгхенделя, Ф. Ф. Постникова (новый железнодорожный вокзал, универсальный магазин «Кунст и Альберс», здание костела и морского штаба, гостиниц «Версаль» и «Гранд-отель», Восточного института и др.). Видовые открытки из коллекции Б. В. Августовского характеризуются эффектностью фронтальных и угловых ракурсов, выверенностью точек репрезентаций, крупными планами архитектурных деталей. Рамка открытки как будто фиксирует для зрителя идеальную точку зрения, из которой разворачивается зрелище.

Анализ обширного, но содержательно целостного массива видовых открыток позволяет выделить мотивы и образы («опорные точки» конструирования), из которых складывается образ Владивостока в конце XIX — начале XX в.:

- панорамные виды (с бухты Золотой Рог, улицы Светланская, Алеутская, Пекинская);
- храмы (Успенская церковь, Покровская церковь, Лютеранская кирха);
- памятники (Китайская кумирня, Триумфальная арка, памятник Г. И. Невельскому и др.);
- здания («Пушкинский театр», железнодорожный вокзал, Русско-китайский банк, Почтово-телеграфная контора, Консульство Японии, Торговый дом «Кунст и Альберс»).

В определенной степени эти виды контрастируют с хаотичной застройкой Владивостока 1880-х гг., где «большинство домов, принадлежащие небогатому классу, деревянные; построены против всяких правил гигиены, весьма тесны, холодны и сыры...» [4, с. 113]. Районы, где преобладали азиатские мигранты (так называемый Манзовский базар вблизи Семеновской площади, район вблизи Семеновского покоса и др.), запечатлены на фотографиях, сделанных иностранцами в качестве удивлявших их «экзотических мест» города [1], но остаются за пределами открытки как сувенирной продукции, формирующей эстетически привлекательный образ города.

Итак, видовые открытки оказываются эффективным способом конструирования визуального образа Владивостока. В городах с яркими отличительными особенностями климата, ландшафта, окружающей природы, местоположения (каковым, безусловно, является Владивосток), конструирование образа города опирается на объективные характеристики, и в его восприятии велика роль визуальных образов, порождаемых, в том числе, видовыми открытками из коллекции Б. В. Августовского.

² Августовский Б. В. «История Владивостока стала для меня смыслом жизни» // Архив Общества изучения Амурского края. Ф. 18. Оп. 4. Д. 1. Л. 132.

³ Открытки из коллекции Б. В. Августовского // Там же. Л. 132, 144.

Литература и источники

1. Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскелла. 11 августа 1919 — 23 февраля 1920 / авт.-сост. Д. А. Анча, В. И. Калинин, Т. З. Позняк. Хабаровск, 2009.
2. Горнова Г. В. Философия города. М., 2014.
3. Мартишина Н. И. Мифологический компонент в конструировании образа города и городской идентичности // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 3 (25). С. 168–178.
4. Позняк Т. З. Образ Владивостока в представлении современников во второй половине XIX — начале XX в. // Ойкумена. 2014. № 3. С. 109–119.
6. Прей Э. Л. Избранные письма, 1894–1906. Владивосток, 2012.

Elena V. Golovneva

Doctor of Philosophical Sciences, Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

E-mail: golovneva.elena@gmail.com

VLADIVOSTOK AND THE ARCHIVE POSRCARDS

The article examines archival visual representations of Vladivostok by analyzing a special type of photographic materials — view postcards. As a case study the collection of view postcards by Boris Vladimirovich Avgustovsky (1902–1991) is considered. Avgustovsky is a famous Far Eastern local historian, who collected a unique collection of documentary and photographic materials, postcards, books, manuscripts and articles on the history of Vladivostok and the Primorsky Territory.

Keywords: visual representations, constructing, view postcard, B. V. Avgustovsky, the image of city, Vladivostok

Горюнов Дмитрий Валерьевич

к.филос.н., доцент, Пермский государственный институт культуры (г. Пермь)

E-mail: mitra17@yandex.ru

Загороднева Кристина Владимировна

к.филол.н., доцент, Пермский государственный институт культуры (г. Пермь)

E-mail: zagor-kris@yandex.ru

**ГЕОПОЭТИКА УРАЛА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИМИРА БАБЕНКО
«МОЙ ЕКАТЕРИНБУРГ» И АННЫ МАТВЕЕВОЙ «ГОРОЖАНЕ»**

УДК 82.0(470.5)

С учетом новейших исследований пермских ученых (В. В. Абашев, М. П. Абашева, Е. Г. Власова и др.), посвященных геопоэтике Урала и конструированию урбанистического пространства, авторы сопоставляют произведения известных екатеринбургских деятелей культуры, науки, искусства: Владимира Бабенко и Анны Матвеевой. Различные в жанровом и тематическом аспектах тексты объединяет любовь писателей к Екатеринбургу и шире — к Уралу. Сквозными *персонажами* обеих книг становятся драматург Николай Коляда и дом Ипатьева.

Ключевые слова: хронотоп, событийность, Урал, геопоэтика, путеводитель, урбанизация, современная литература

В 2012 г. авторы статьи «Литература и география. Урал в геопоэтике России», вводя в широкий научный обиход термин *геопоэтика*, подчеркивают связь земли и культуры: «Понятие *геопоэтика* отличает прозрачность смысла. Оно фиксирует сам момент взаимодействия и единства земного пространства (*гео*) и организующей его культурной формы (*поэтика*) <...> Возникновение *геопоэтики* какой-либо территории предполагает именно высокую степень рефлексии, когда ландшафт концептуализируется (в историческом, геополитическом, антропологическом и философско-эстетическом отношении) и его доминирующие черты получают символическое осмысление» [1, с. 143–144].

Книга профессора и писателя, ректора ЕГТИ (1985–2016) Владимира Гавриловича Бабенко «Бумеранг: Рассказы. Пьесы. Мемуары. Афоризмы» (Екатеринбург, 2004) завершается главой «Мой Екатеринбург. Записки еще не старого жителя» с примечанием: «Это повторная, дополненная, публикация “Записок”. Первое издание вышло под псевдонимом Владимир Цыганов (Екатеринбург, 1999)» [3, с. 351]. Путь на работу как заведомо выбранный маршрут обрастает новыми смыслами и символически откликается на внутренний мир повествователя: «Иду найденным маршрутом. Все внутри словно оседает, отстаивается, уплотняется. Я не заставляю себя думать о работе. Решения придут сами собой, непроизвольно <...> Прохожу перекрестки, дома, с которыми что-то связано, такое и сякое, давнее, недавнее...» [3, с. 351]. Обращаясь к афоризмам французского писателя эпохи Возрождения Мишеля Монтеня, Владимир Бабенко акцентирует на «карте души», упомянутой в «Опытах»: «...Ведь вот и эти улицы, весь этот неуютный и грязный Свердловск–Екатеринбург — тоже своего рода карта моей души, моей жизни» [3, с. 351].

«Картирование в туристической и образовательной практике» — один из разделов сборника «Текст и карта: Урал в травелогах конца XVIII — начала XX в.» [5]. В нем подробно описана методика литературного картирования и практика ее использования. Исследователи, в частности, обращаются к популярному жанру литературной прогулки, исследуя его в том числе на историческом материале уральских путевых очерков. Распространенное в названии слово прогулка нередко встречается в произведениях как зарубежных, так и отечественных авторов: «Прогулки по Флоренции» Джона Рескина, «Майская прогулка болящей» Анны Буниной, «Прогулки по литературной Одессе» Ростислава Александрова, «Я тихо шел по улице безлюдной» Алексея Плещеева, «Петербург: пешком по городу» Александра Друзя. Совершенно разноплановые с точки зрения рода и жанра произведения объединяет интимное начало и территориальная привязанность.

Так, воспоминания Владимира Бабенко о первых днях учебы в университете связаны с городским ландшафтом: «Моя университетская учеба начиналась в здании, расположенном на углу улиц 8 Марта и Народной Воли. Теперь в нем экономический университет, а в прежние времена что только ни располагалось! Не стоит удивляться. Как в старом Екатеринбурге, так и в советском Свердловске имелось не так-то много капитальных каменных строений, и в каждый новый период истории города именно в них размещались те учреждения, в которых власть нуждалась наиболее остро или которые считала престижными» [3, с. 370].

Особым и частично случайным пространством для карьеры педагога автор произведения «Мой Екатеринбург» считает Ипатьевский дом, именно ему посвящена глава «В Ипатьевском доме и... в своем»: «Дважды обойдя внизу под горкой деревянные бараки и не обнаружив ничего похожего на институт культуры, громко чертыхаюсь и тащусь обратно на горку к подъезду особняка с фотографиями. Выходит, следовало все же подняться по той шикарной лестнице с чугунными завитушками. Я припоздал <...> узнаю, что мои лекции проходили в “комнате великих княжон”, проживавших в ней в 1918-м. Из нее ушли они на расстрел» [3, с. 423].

Постоянные пространственные перемещения героя / (или) автора произведения на автобусе и других видах транспорта связаны отчасти с любовью и привязанностью к семье. Приведем два примера: «Когда совсем не было ни гроша и в карты не везло, когда никак не удавалось просочиться в общагу в самое холодное время года, я двигал к последнему приюту, к родительскому дому в окраинном тюменском переулке. Ездил я в поездах “зайцем”. Пути — 300 километров <...> Никакого жилья в Свердловске. Жена и дочь находились в Ревде у родителей жены. От Ревды до Свердловска ехать час пятнадцать плюс еще добираться на автобусе от железнодорожного вокзала» [3, с. 383, 405]. Конкретные указания на время следования электрички, поезда, отсутствие денег, другие бытовые трудности подчеркивают драматический потенциал произведения и имплицитно отсылают к западноевропейской традиции жанра *романа воспитания и романа путешествия*.

В книге много поэзии, тепла и любви. Открывается она фразой «Посвящаю Людмиле» и стихотворением «Теплая осень». Приведем фрагмент из стихотворения: «В лесу, как в любви, тепло и влажно... // Лист постарел. В пояснице прострел. Не важно... // Растут волнушки — свинячьи ушки. // В траве — масленки пометом лосенка. // Белые в пике эрекции // Достигли отличной комплекции» [3, с. 2]. Театральная и визуальная составляющие организуют хронотоп произведения: большой фрагмент из диалога с уральским драматургом, впечатления от спектаклей, сценография и другое.

Анна Матвеева в книге «Горожане. Удивительные истории из жизни людей города Е.» (2017) в девяти очерках создает особую атмосферу Екатеринбурга, подчеркивая его уникальность и признаваясь в любви: «Посвящается всем жителям Екатеринбурга — лучшего в мире города» [4, с. 2]. Яркий портрет писательницы на обложке книги на фоне старых и серых снимков города свидетельствует о ее личной привязанности к городу. Создавая парные портреты/образы («Николай Ипатьев и Борис Ельцин»; «Евгений Малахин (Старик Букашкин) и Николай Коляда»; «Белла Дижур и Эрнст Неизвестный» и др.), Анна Матвеева проводит параллели между героями. Так, главным героем пятой главы «Дом, который... *Николай Ипатьев и Борис Ельцин*», соответственно, становится дом и его трагическая судьба: «Днем 22 сентября к особняку инженера Ипатьева подъехали бульдозер и шар-баба. Взрывать было запрещено — могли пострадать соседние здания. Крепко сложенный дом сопротивлялся до последнего — но рабочие треста “Средуралмеханизация-2” и не такие крепости брали... Целый век простоял на косогоре этот дом, не одна сотня людей стоптала здесь свои сапоги» [4, с. 142]. Название отсылает к шуточному английскому стихотворению, получившему в русской культуре популярность благодаря переводу С. Я. Маршака: «Вот дом, который построил Джек. // А это пшеница...» Не исключена параллель и с нашумевшим романом Мариам Петросян «Дом, в котором...»

Семейная тема становится основой главы «Веселый бог работы. *Белла Дижур и Эрнст Неизвестный*»: «Когда показали ребенка, она заплакала — носик у малыша был свернут набок. В буквальном смысле

слова лежал на щечке» [4, с. 205]. Поэтически-интимная тональность обусловлена и фрагментами из стихотворений, посвященных сыну, и темой войны: «Хороший скульптор должен быть философом, гениальный — мыслителем. Скульптуры Неизвестного из серии “Война – это...” — первые, тяжелые шаги на пути, где раненый солдат не может подняться, а идущий воин с трудом переставляет неподъемные ноги» [4, с. 232]. Стихи и воспоминания любящей матери, известной детской писательницы Беллы Дижур, о скульпторе и художественном оформителе присутствуют в книге «Горожане».

Каждую главу предваряют фотографии героев. Создатель перформансов и «уличный художник Свердловска» [4, с. 194] старик Букашкин и заслуженный деятель искусств Николай Коляда представлены в разных амплуа.

Упомянув в статье повесть Анны Матвеевой «Перевал Дятлова», Марина Петровна Абашева отмечает: «Суммируя версии гибели группы Дятлова, функционирующие в многочисленных продуктах массовой культуры, можно заметить, что они сводятся к тем же устойчивым мотивам, что разрабатывает массовая литература в изображении Урала <...> Массовое сознание перебирает версии, существующие не столько у следствия, сколько в коллективной памяти местного мифа, еще раз утверждая его продуктивность и силу» [2, с. 130].

Новое городское пространство диктует условия: климат, люди, место жительства, язык и другое. Конструирование урбанистического пространства постоянно обновляется материалами, они имеют междисциплинарный характер. Проза Владимира Бабенко посвящена, в основном, теме любви и творческим личностям, о чем уже свидетельствуют заглавия книг: «Гений и любовь: Опаленные страстью» (М., 2006) и «Этот прекрасный полоумный маркиз де Сад: Жизнь. Страсти. Творчество» (М., 2015). В его произведении «Мой Екатеринбург» прослеживается эмоциональная, драматическая даже нота. Путеводитель Анны Матвеевой «Горожане» обращен, прежде всего, к историческим фактам, конкретным событиям, персоналиям, в нем сугубо личное отражается на обложке книги, где изображен автор на фоне города, и в посвящении любимому городу.

Литература и источники

1. Абашев В. В., Абашева М. П. Литература и география. Урал в геопэтике России // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2012. Вып. 2 (19). С. 143–151.
2. Абашева М. П. Регион как культурно-символический ресурс. Урал в современной массовой литературе и культуре // Топографии популярной культуры. М., 2015. С. 117–132.
3. Бабенко В. Бумеранг: Рассказы. Пьесы. Мемуары. Афоризмы. Екатеринбург, 2004.
4. Матвеева А. А. Горожане. Удивительные истории из жизни людей города Е. М., 2017.
5. Текст и карта: Урал в травелогах конца XVIII — начала XX в. Пермь, 2016.

Dmitry V. Goryunov

Candidate of Philosophical Sciences, Perm State Institute of Culture (Russia, Perm)

E-mail: mitra17@yandex.ru

Kristina V. Zagorodneva

Candidate of Philology, Perm State Institute of Culture (Russia, Perm)

E-mail: zagor-kris@yandex.ru

GEOPOETICS OF THE URAL IN THE PROSA'S VLADIMIR BABENKO “MY EKATERINBURG” AND ANNA MATVEEVA “TOWNSPEOPLE”

Taking into account the latest research on the geopoetics of the Ural and the design of the urban space of Perm scientists (V. V. Abashev, M. P. Abasheva, E. G. Vlasova) Vladimir Babenko and Anna Matveeva are being studied. Different in genre and thematic aspects, these texts are united by the writers' love for Ekaterinburg and for the Ural. The playwright Nikolai Kolyada and Ipatiev house becomes *characters* in both books.

Keywords: chronotope, eventfulness, Ural, geopoetics, guidebook, urbanization, modern literature

Грамотчикова Наталья Борисовна

к.филол.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

ПЕРМЬ И ЕКАТЕРИНБУРГ В ПУТЕВОДИТЕЛЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ДИНАМИКА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА УРАЛА

УДК 94(470.5):911.53

Путеводители — это справочно-информационные издания, прагматически ориентированные на запросы туристического рынка и использующие ресурсы разнообразных литературных жанров. Автор анализирует, как установка на формирование привлекательного образа территории реализуется в путеводителях по Уралу в различные эпохи, наиболее динамичной из которых является первая половина XX в., под влиянием мощных социальных преобразований меняя образы Перми и Екатеринбурга.

Ключевые слова: путеводитель, туризм, культурный ландшафт, В. М. Быков, Н. Ловцов

Путеводители представляют собой справочно-информационные издания, адресованные различным целевым аудиториям и живо реагирующие на изменение спроса-предложения туристического рынка, то есть имеют сугубо прагматическую направленность. Их задача — создать привлекательный облик территории, ресурсами чего становятся описания географических и культурных объектов, как правило, уже «встроенные» в некую иерархию смыслов. Жанровые источники путеводителей различны: словари, сборники статистических сведений, научные труды, путевые записки и очерки, краеведческие работы, поэтическое творчество, а также эпистолярные и эго-документы. Путеводители преобразуют их «внутреннее знание» в образ места для гостя, путешественника, туриста [7, с. IV].

Первая половина XX в. на Урале — необыкновенно динамичный период: развитие транспортных магистралей и индустриализация наслаиваются друг на друга и формируют новый геокультурный облик Урала. Пароходное сообщение по Каме и Волге и сеть железных дорог уже к первым десятилетиям XX в. обеспечили массовый поток туристов на Урал, что отразилось в издании как минимум трех путеводителей [4; 7; 8]. В 1920-е гг. резко меняется целевая аудитория туристической литературы: на смену образованному любопытствующему среднему классу приходит «пролетарский турист», для которого поездка по стройкам индустриализации играет роль «живой агитации».

Радикальность изменения подходов к историко-культурному облику Урала отражается в публикации в 1920–1930-е гг. нескольких десятков путеводителей и очерков, призванных представить новые образы уральских городов. При этом связка Пермь — Екатеринбург в изучаемый период предстает как логически естественная, но состязательная: железные дороги, идущие через Екатеринбург, связывают уральские заводы с камско-вожским судоходством Перми.

Путевые записки проезжающих через Урал в XIX в. в первую очередь задействовали речное сообщение. Приуралье и Пермь, увиденные с реки, порождали образы опустевшего пространства, где доминируют созерцательность и фотографичность [2, с. 11]. Екатеринбург и восточный склон Урала динамичнее и технократичнее, а передвижение по железным дорогам требует активных усилий по «собираанию» пространства.

Переход от речного сообщения к железнодорожному в организации основных туристических маршрутов замечен и в путеводителях. Путеводитель В. Чекана 1899 г. композиционно выстроен по рекам — «естественным и самым старинным путям на Урал» [7, с. 1], преподнося Уральскую горнозаводскую железную дорогу «любителям природы» как привлекательную «своими местными красотами и теми трудностями, которые нужно было преодолеть строителям при переходе через главным хребет Урала» [7, с. 64]. Здесь же Пермь характеризуется как город, который «кроме красивого местоположения, ничего интересного не представляет» [7, с. 21]: так жанровая рекламная установка путеводителей оказывается не способна преодолеть «провинциальный миф», довлеющий над Пермью. В образе Екатеринбурга акцентируется его

органичность окружающему пространству и населенным пунктам, это «живой узел» среднеуральской жизни, который жители именуют «столицей Урала» [7, с. 159]. Состязательность Екатеринбурга и Перми находит отражение в байке о споре между пермским губернатором И. И. Огаревым и главным горным начальником В. А. Глинкой, где побеждает «уральский царек» [7, с. 163].

Позднее «столичность» Екатеринбурга становится общим местом, это «центр тяжести всех путешествий по Уралу» [4; 7, с. 163–165]. Издания В. Весновского и Ф. Доброхотова представляют собой добротные труды, аккумулирующие силы целых творческих коллективов, с хорошим справочным аппаратом, продуманной структурой и указателями. В подводящем итог первых десятилетий XX в. путеводителе Ф. Доброхотова Пермь возглавляет раздел о северном Урале, а Екатеринбург — о среднем [8]. Адресат этих авторов — образованные и обеспеченные люди среднего класса, восприимчивые к «образовательным экскурсиям».

Язык постреволюционного (само)описания Урала ориентирован на новую целевую аудиторию — «пролетарских туристов». Первым автором, создающим облик Советского Екатеринбурга в справочниках-путеводителях, стал В. М. Быков, первый руководитель областного архива (Партархива Свердловской области). В прошлом советского Екатеринбурга подчеркивается жестокость социального строя, расправы и казни, общая милитаризация управления: «Можно себе представить, что выходило на практике из этого конгломерата полиции, помещичьей власти, военного суда и специальной горной инквизиции» [1, с. 16]. За историческим очерком следуют несколько специализированных описаний города, составляющих мозаичную и впечатляющую картину Екатеринбурга 1922 г.: слабый прирост населения в целом из-за неблагоприятных санитарных условий и невиданной детской смертности (40 % в возрасте до 10 лет), убыль населения в результате голода и тифа в 1921 г., грамотность населения 60 % и др. [1, с. 30–38]. Основная целевая категория сборника — командированные работники. Быков же выпускает и первый сборник с новым, перечеркивающим на обложке старое названием — Свердловск.

Сложность работы по составлению справочно-информационных пособий, отмечаемая В. Быковым в первом сборнике — непрерывные реорганизации советского аппарата [1, с. 1], — в начале 1930-х гг. усугубляется требованиями к срочному информационно-агитационному обеспечению маршрутов «пролетарского туризма» по строящимся объектам индустриализации. Интересным опытом этого периода можно считать изложение маршрутов Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) в очерках Н. Ловцова. Он помещает Пермь, близ которой начато строительство Краснокамского целлюлозно-бумажного комбината, во главу культурной революции [5, с. 5]. Центр тяжести туристического ландшафта у Ловцова смещается с «живых узлов» в малолюдные прежде районы: Краснокамск, Кизел, Ирбит, Краснополянск, отражая логику социального эксперимента.

Очерки Н. Ловцова погружают читателя в глубочайшую архаику, когда на месте Уральских гор «между Европой и Азией бушевало море, глубокое, соленое, необозримое». Логика радикальных преобразований задается как неминуемая на протяжении всей земной истории: «На земле нет ничего постоянного» [6, с. 5]. Ловцов разрабатывает несколько маршрутов ОПТЭ по социалистическим объектам Урала: Свердловск включен в маршруты по черной металлургии и химической промышленности, Пермь подана как центр камского пароходства и родина многих выдающихся деятелей культуры.

В 1930-е гг. можно отметить взрывной рост краеведческих и туристических изданий, что было следствием подъема краеведческого движения 1920-х гг. и ростом социальной мобильности на Урале, однако репрессии подорвали этот процесс. Тем не менее облик Урала, востребованный в следующем десятилетии, также был заложен в очерках 1930-х гг.: «Урал есть при наступлении с запада и востока главная военная тыловая база Советской Республики, что делает Урал сосредоточением всей военной промышленности государства. ... А вместе с развитием Урала будет развиваться и его столица — Екатеринбург» [3, с. 310]. Дальнейшая «блестящая будущность» Екатеринбурга в последующие десятилетия пережила еще несколько культурных трансформаций, остающихся за пределами данного текста.

Литература и источники

1. Быков В. М. Советский Екатеринбург. Справочник-путеводитель. Екатеринбург, 1922.
2. Власова Е. Г. В контакте с пространством: образ Урала в литературе путешествий XIX — начала XX в. // По Каме и Уралу: путевые записки XIX — начала XX вв. Пермь, 2011. С. VIII–XIX.
3. Екатеринбург за двести лет (1723–1923). Издание юбилейной комиссии Екатеринбургского городского совета рабочих и красноармейских депутатов / ред. В. М. Быков. Екатеринбург, 1923.
4. Иллюстрированный путеводитель по Уралу / предисл. Н. Весновского. Екатеринбург, 1904.
5. Ловцов Н. К большому Уралу. Очерк. М.; Ленинград, 1931.
6. Ловцов Н. По Горнозаводскому Уралу. Путеводитель. М.; Л., 1931.
7. Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1899.
8. Урал северный, средний, южный / сост. Ф. П. Доброхотов. Пг., 1917.

Natalia B. Gramatchikova

Candidate of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

PERM AND EKATERINBURG IN THE GUIDEBOOKS (1899–1940): THE DYNAMICS OF THE URAL HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPES

Guidebooks are reference and informational publications that are pragmatically oriented to the needs of the tourist market and use resources of various literary genres. The author analyzes how the setting for the formation of an attractive image of the territory is implemented in the guides to the Urals in various epochs, the most dynamic of which is the first half of the 20th century, when under the influence of powerful social transformations, the images of Perm and Yekaterinburg were changing in them.

Keywords: travel guide, tourism, cultural landscape, V. M. Bykov, N. Lovtsov

Григорьев Георгий Алексеевич

к.филол.н., Объединенный музей писателей Урала (г. Екатеринбург)

E-mail: nauka-ompu@yandex.ru.

«ЗАВТРАШНЕЕ СВЕРДЛОВСКА НАЧИНАЕТ ВЫРИСОВЫВАТЬСЯ ВО ВСЕ БОЛЬШИМ»: П. П. БАЖОВ О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ ГОРОДА

УДК 82:94(470.5)

В докладе проанализирован корпус текстов П. П. Бажова, так или иначе связанных с Екатеринбургом–Свердловском, выявлены основные характеристики образа города в художественном и публицистическом творчестве писателя.

Ключевые слова: П. П. Бажов, Екатеринбург, Свердловск, образ города

Творчество Павла Петровича Бажова носит довольно специфический характер. Во-первых, любое его произведение имеет в своей основе тот или иной исследовательский материал. Это могут быть архивные источники, результаты его собирательской работы (сюжеты и образы, бытующие в народе, либо языковой материал, либо свидетельства участников описываемых событий).

Во-вторых, один из программных пунктов его творческой стратегии — пристальный интерес к геопоэтической составляющей того, о чем он пишет. Для писателя принципиально важны географические характеристики описываемых событий, маркированность происходящего той или иной местностью — художественная константа его творчества.

В-третьих, во всех бажовских текстах отчетливо просматривается его ценностная система, Бажову чужда отстраненность, безоценочное отношение к описываемым явлениям, событиям, персонажам. Иными словами, читатель всегда довольно ясно понимает, что писатель одобряет, чему сочувствует, а что осуждает.

Принимая это во внимание, можно проследить взаимосвязь биографии писателя и его творческих успехов. Ранние сказы Бажовы, основанные на фольклорных сюжетах и образах жителей Полевского округа, принесли ему мировую славу и признание. Помимо прочего, в этих текстах содержался мощный геопоэтический заряд — образ жизни, язык, философия жителей небольшого горнозаводского поселка стали достоянием русской, да и мировой литературы. Состоялось рождение мифа об Урале, повлиявшего на весь корпус последующих художественных интерпретаций уральского локуса. При этом заметим, что у Бажова для этого были все предпосылки: ко второй половине 1930-х гг. им был собран богатый языковой материал; еще в детстве он слышал множество рассказов, основанных на оригинальной системе фантастических образов и сюжетов изустной народной истории заводов; у него была возможность убедиться в уникальности этой локальной мифологии; наконец, Полевской завод относился к местам детства писателя, — местам, которые попросту сформировали его мировоззрение [3, с. 187–189].

Очень похожая ситуация, казалось бы, сложилась и с Екатеринбургом–Свердловском. Писатель прожил в нем свыше 40 лет. Он имел возможность работать с городскими архивами как до революции (вместе с краеведом Н. С. Смородинцевым), так и в советское время (например, будучи научным сотрудником Истпарта). Сохранились творческие записи Бажова, наблюдавшего за городскими жителями, за их языком. Однако создать выразительный образ Екатеринбурга, сопоставимый с образами сказов «Гумёшевского цикла», писателю не удалось. Очерк «Наш город», написанный в 1946 г., а позднее дополненный и изданный под названием «Дальнее-близкое», представляет интерес для специалистов, но вряд ли может быть отнесен к художественной удаче. Сам Бажов отзывался о нем так: «Работа не задалась. Получилось что-то вроде крошки из личных мемуаров и попыток описать город на разных этапах его жизни» [3, с. 258].

Все же объем корпуса разного рода высказываний писателя о Екатеринбурге–Свердловске достаточно велик, чтобы выделить некоторые основные положения бажовского представления о прошлом,

настоящем и будущем города. Анализируя полный текст автобиографической повести «Дальнее-близкое», небольшого фрагмента сказа «Золотые дайки» [2, с. 534–535], два выступления на конференциях по истории города в 1947–1948 гг., а также фрагменты писем и дневниковых записей, можно сформулировать следующее.

1) Город всегда привлекал внимание писателя живым, динамичным сочетанием противоположностей: бойкая торговля и обилие церквей, жалкое положение жителей окраин и яркая роскошь более благополучных горожан. Из этого сочетания, по мнению Бажова, городу на протяжении всей истории удается вырастить «новое» (синоним всего прогрессивного).

2) Подлинную силу городу дают не замыслы «генералов-строителей» (например, В. Н. Татищева и Г. В. де Геннина) [1, с. 330], а степень инициативности «нижних слоев» [3, с. 258]. История города напрямую зависит от талантливости, предприимчивости, мастерства, упорства его жителей. И, по мнению Бажова, екатеринбуржцы всегда обладали этими качествами.

3) Однако же существует и серьезная угроза росту и развитию — отказ со стороны столичных властей в праве на самоуправление, саморегулирование, принятие стратегических решений [3, с. 157].

Образ Екатеринбург–Свердловска для Бажова является уникальным по своей сложности, многоставности. Являясь, строго говоря, уральским городом, «на другие города наш не походит» [1, с. 186]. Он как бы вбирает в себя все особенности горнозаводского уклада (зачастую самые противоположные), но перерабатывает их и дает на выходе совершенно особую энергетику, развивается по своему, особенному пути.

Литература и источники

1. Бажов П. П. Дальнее-близкое: повести, очерки, статьи, выступления. Свердловск, 1989.
2. Бажов П. П. Малахитовая шкатулка (научное издание). М.; Екатеринбург, 2019.
3. Павел Петрович Бажов. Письма. 1911–1950 / сост. Г. А. Григорьев, Л. С. Григорьева. М.; Екатеринбург, 2018.

Georgy A. Grigoryev

Candidate of Philological Sciences, United Museum of the Urals Writers (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: nauka-ompu@yandex.ru

“TOMORROW’S SVERDLOVSK IS BEGINNING TO BECOME QUITE LARGE”.

P. P. BAZHOV ABOUT THE PAST AND FUTURE OF THE CITY

The author analyzes texts by P. P. Bazhov somehow or other connected with Ekaterinburg — Sverdlovsk, reveals the main characteristics of the image of the city in the fiction and journalistic works of the writer.

Keywords: P. P. Bazhov, Ekaterinburg, Sverdlovsk, image of the city

Дианов Сергей Александрович

д.и.н., профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(г. Пермь)
E-mail: sadianov@gmail.com

Дианова Юлия Викторовна

к.культурологии, доцент Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(г. Пермь)
E-mail: julok1@mail.ru

**ОБРАЗЫ ПЕРМСКОСТИ В ГЕОКУЛЬТУРНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ**

УДК 008

В докладе излагается авторская точка зрения о возможности применения геокультурного подхода в современных стратегиях брендинга поселений уральского региона. Акцент сделан на феноменальной личности П. П. Бажова, которая посредством образно-символических репрезентаций занимает сегодня важное место в процессе воспитания добродетелей.

Ключевые слова: поселения, геокультурный потенциал, пермскость, П. П. Бажов, гений места

«Пермь» — древнее название Камской земли, образ легендарного места. К началу XVI в. «Пермь» стала этнонимом — именем населения, проживавшего в пределах современного Пермского края [3, с. 8]. В конце XVIII в. Пермью был назван город, ставший столицей новой губернии. П. А. Корчагин справедливо полагает, что на протяжении 900 лет имя «Пермь» соединяло обширные территории и этнические группы населения, не давало образоваться разрывам, ментальным «пустотам» [6, с. 9]. Аналогичной позиции придерживается В. В. Абашев, подчеркивая при этом важность использования производного понятия «пермскость». В кратком варианте пермскость — это исторически возникшая структура семантических образов и других составляющих символики Пермской земли. Пермскость придает региону статус особой территории, обладающей духовной силой и творческой мощью [1, с. 83]. Позднее ученый признал, что смыслы пермскости хоть и остаются в наши дни неизменными, их выбор и комбинации варьируются. Размышления о возможности применения понятия «пермскость» в рамках геокультурного подхода побуждают нас высказать следующие соображения.

Прежде всего необходимо говорить о пермскости не только с позиции уже сложившихся рамочных представлений о территориальной идентичности. В диспуте о смыслах пермскости не следует ограничиваться только границами пермского региона. Было бы ошибочным утверждать, что в пермскости воплощается исключительно геокультурный образ Пермского края. Вместе с тем, нельзя отрицать и то, что пермскость — это историческое явление, проявившееся и развивавшееся на территории Перми. Однако в силу масштабной исторической событийности в эпоху Нового времени произошло смещение сущностно-смысловых характеристик пермскости на обширные территории Большого Урала. Поэтому пермскость следует рассматривать не как местечковую самость или набор пластов сугубо прикамской истории, а как систему культурных реалий и образно-жизненных представлений, которая была востребована людьми в далеком прошлом и остается живой «пульсирующей» для представителей современного социума. Приведем конкретный пример. Сегодня мало кто из исследователей ставит под сомнение пермское происхождение *пермского звериного стиля*. При этом образы звериного стиля в XXI в. органично присутствуют в культурных программах поселений Свердловской области, Республики Коми, Республики Удмуртии. Соответственно, пермскость востребована и как явление, означающее наличие особого формата геокультурной консолидации соседствующих поселенческих сообществ на основе полезных *взаимопризнаваемых* результатов их многовековой творчески созидательной деятельности. Геокультурная консолидация играет важную роль в процессе социальной интеграции территориальных

общностей. *Образы пермскости* выступают в качестве таких полезных результатов, которые не приводят к разного рода социокультурным разрывам. Причем обращение к ним в настоящем позволяет приступить к разработке образно-символических репрезентаций («образных формул»), заинтересованность в которых определяется местными сообществами исходя из собственного видения стратегических целей перспективного развития геокультурного потенциала их территорий (табл.).

Таблица

Применение образов пермскости для поселений

Образы пермскости	Поселения Пермского края	Поселения «Большого Урала»
Образы пермского звериного стиля	высоко востребованы	высоко востребованы
Образы пермского геологического периода	высоко востребованы	высоко востребованы
Образ «Пермяк — соленые уши»	высоко востребованы	допустимы
Образы «Камы-реки и камского поречья»	высоко востребованы	востребованы
Образ П. П. Бажова как гения места	высоко востребованы	высоко востребованы
Образы Ермака Тимофеевича	востребованы	высоко востребованы
Образы пермских «живых» ремесел	высоко востребованы	востребованы
Легендарные образы «камской» Чуди	востребованы	востребованы

Тактика применения образов пермскости зависит от уровня состояния городской и сельской геокультуры. В тех поселениях, где местные сообщества находятся на стадии формулирования первооснов геокультурного развития (*начальный уровень*), рекомендуется применение приемов простого тиражирования узнаваемых образов пермскости (их вывод в общественные пространства). Так, для сел, демонстрирующих успешный опыт внедрения образов пермскости в публично-общественную и жилую среду (*базовый уровень*), целесообразнее всего сделать акцент на использовании «образных формул», основанием для которых могут выступать сюжетные художественно-эмоциональные мотивы. В *развитых* сельских геокультурах образы пермскости логично подавать акцентно, исходя из содержания приоритетных целей и задач геокультурной стратегии развития сельской округи.

Другими словами, для поселений начального уровня рекомендуется использовать образы пермскости, придерживаясь текста исторической событийности (историко-археологический; культурологический; геологический). Обращаясь к поселениям базового и развитого уровней, важно иметь в виду, что далеко не все сюжеты исторической событийности логично использовать в процессе разработки геокультурной стратегии развития села, включая проектирование его визуально-семантического каркаса. Для таких поселений больше всего востребованы альтернативные образно-символические репрезентации с характерными художественно-эмоциональными мотивами. В развитии темы приведем пример, рассмотрев образ П. П. Бажова как *гения места*.

Историко-биографический текст. Каждой пермской семье известны легендарные образы, созданные Павлом Петровичем Бажовым (1879–1950) в его знаменитых уральских сказах («Каменный цветок», «Медной горы Хозяйка», «Серебряное копытце») [2]. В сказах показан кропотливый труд уральских мастеров — рудознатцев, камнерезов, литейщиков и сталеваров, а также пылкий характер удалых старателей, посвятивших жизнь поиску золота. В статье к изданию «Уральских сказов» (1987) А. Л. Налепин справедливо заметил, что «сказы Бажова населены вовсе не сказочными героями, а людьми самыми обыкновенными». «Бажовские герои всегда в борьбе с теми людьми, которые являются носителями всего приземленного, ничтожного и суетного, метко характеризуя людей такого склада термином “пустая порода”», — отмечал знаток творчества П. П. Бажова [5, с. 16].

Биография П. П. Бажова говорит о том, что его личность была многогранной. Юношеские годы он посвятил получению качественного образования в Екатеринбургском духовном училище, а затем в Пермской духовной семинарии. Достигнув зрелого возраста, П. П. Бажов оказался вовлечен в гущу событий Гражданской войны. Вступив в ряды Красной армии, он побывал и на штабной работе, и на поле боя, принимал активное участие в партизанском движении на территории Западной Сибири. Война

для бывшего учителя русского языка закончилась в г. Усть-Каменогорске. В 1921 г. П. П. Бажов вернулся на Урал, в г. Камышлов до 1923 г. осваивал новую профессию — редактора периодического издания. В итоге журналистика стала его основным профессиональным делом. В редакции «Уральской областной крестьянской газеты» он занимался освещением будней сельских поселений Уральской области. Как спецкор П. П. Бажов лично выезжал в села, знакомился с крестьянскими заботами. В феврале 1930 г., находясь в г. Ирбите, принял активное участие в районном совещании сельских корреспондентов. 9 марта 1930 г. он был принят в Уральскую ассоциацию пролетарских писателей по секции очеркистов. В том же году была опубликована его первая книга — «Пять ступеней коллективизации», в которой рассказывалось о становлении колхозов в деревнях Ирбитского округа. В первой половине 1930-х гг. П. П. Бажов исполнял обязанности старшего инспектора Уралобллита, затем заведующего сектором сельскохозяйственной литературы Уральского государственного издательства. В 1936–1938 гг. в серии изданий «Уральская библиотека занимательного краеведения» П. П. Бажов поместил свои первые уральские сказы. В 1949 г. вышли его мемуары «Дальнее-близкое».

Образно-символические репрезентации. В XXI в. в ряде поселений уральского региона образы бажовских сказов нашли применение в индустрии гостеприимства (природно-культурный парк «Бажовские места» в Сысерти, «Парк сказов» в Арамиле). Другим направлением стало создание в общеобразовательных организациях музейных тематических экспозиций, посвященных творчеству П. П. Бажова [4]. Вместе с тем, личный вклад П. П. Бажова в развитие интеллектуального капитала тружеников села прошлого века дает веские основания для его признания *гением места*. Образ П. П. Бажова продолжает побуждать к распознаванию ключевых добродетелей, которые продолжают воспитываться в социуме:

- трудолюбие («всякий труд прекрасен»);
- созидательный характер повседневной активности человека;
- творческое понимание своего ремесла («в душе рабочего человека поэт должен победить ремесленника»);
- приверженность традициям и символам места;
- непримиримость к варварскому разорению природного ландшафта;
- стремление к познанию, к открытию новых знаний и расширению кругозора.

Исходя из вышесказанного логично предложить включить в «образную формулу» для сельского поселения такие черты гения места, как:

- 1) актуально звучащий «Голос села», благодаря которому жители бывают в курсе текущих событий, происходящих в поселении;
- 2) востребованный «Призыв к грамоте», формирующий спрос у местных сообществ к просвещению и упрочению базы знаний;
- 3) повседневный призыв «Не утратить способность к труду!», демонстрация позиции труженика;
- 4) уверенность в правоте «Правда в подвижничестве», отрицание пустоты и праздности в деловом и бытовом поведении.

Литература и источники

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.
2. Бажов П. П. Уральские сказы. М., 1979.
3. Белавин А. М. 900 лет имени «Пермь» // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2014. Вып. 9. С. 1–8.
4. Музей Павла Бажова в школе № 14 г. Перми. URL: https://vk.com/wall-10148531_12911 (дата обращения: 30.05.2023).
5. Налепин А. Л. Открытая миру книга // Бажов П. П. Уральские сказы. М., 1987. С. 5–18.
6. От даты — к имени. В Перми разрабатывается концепция празднования юбилея города: интервью с П. А. Корчагиным // Пятница. 2020. № 31 (986). С. 9.

Sergey A. Dianov

Doctor of Historical Sciences, Perm National Research Polytechnic University (Russia Perm)

E-mail: sadianov@gmail.com

Julia V. Dianova

Candidate of Cultural Studies, Perm National Research Polytechnic University (Russia Perm)

E-mail: julok1@mail.ru

IMAGES OF PERMIANITY IN THE GEOCULTURAL POTENTIAL OF URBAN AND RURAL SETTLEMENTS

The report presents the author's point about the possibility of applying the geocultural approach in modern strategies for branding the settlements of the Ural region. The emphasis is on the phenomenal personality of P. P. Bazhov, which, through figurative and symbolic representations, today occupies an important place in the process of educating virtues.

Keywords: settlements, geocultural potential, Permianity, P. P. Bazhov, genius loci

Кондакова Юлия Васильевна

к.филол.н., доцент, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н. С. Алфёрова (г. Екатеринбург)

E-mail: jkondakova@yandex.ru

ВОПЛОЩЕНИЕ БРЕНДА ЕКАТЕРИНБУРГА В МОДЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 687.01

Учет городской идентичности в коллекциях современных дизайнеров позволяет им создавать вещи, актуальные для местных жителей. Цель доклада — анализ коллекций, отражающих идентичность потребителей из Екатеринбурга, учитывая то, что у столицы Урала создается репутация модного города, не забывающего про традиции, но ориентированного на инновации.

Ключевые слова: образ, мода, дизайн одежды, Екатеринбург, городская идентичность

В последнее время поиск региональных и сугубо городских брендов становится все более актуальным для Среднего Урала, что заставляет по-новому взглянуть на привычные достижения региона и пересмотреть подход к их возможной интерпретации. Одной из характерных примет последних десятилетий XXI в. является динамичное развитие рынка, на котором постоянно происходит ожесточенная конкурентная борьба, — рынка территорий. При этом конкуренция между городами и регионами присутствует практически во всех областях — от экономики до культурно-символического слоя.

В научной литературе описаны несколько функций бренда, которые он призван выполнять [1; 5; 6]. Во-первых, идентификация — быстрое узнавание и распознавание объекта по его ключевым признакам (положительным и отрицательным). Во-вторых, идеализация — создание позитивного информационного пространства вокруг объекта. В-третьих, контрастность — противопоставление и четкое отграничение. В-четвертых, дифференциация — выделение отличительных особенностей, которые являются конкурентными преимуществами объекта. Отметим, что названные функции актуальны для имиджа любого типа, в том числе и для бренда территории. Современные исследования по территориальному маркетингу называют бренд города наряду с репутацией наиболее ценными нематериальными активами, имеющими огромное стратегическое значение.

Особый интерес вызывает подход к рассматриваемому понятию, представленный в трудах Д. В. Визгалова «Брендинг города» и «Пусть города живут». По мнению автора, имидж города — это прежде всего «восприятие города извне» [2, с. 37], то есть внешней целевой аудиторией. Другими словами, представление о территории формируется вне ее границ, и местные жители не могут являться носителями имиджа территории. При этом Д. В. Визгалов выделяет три источника формирования бренда: во-первых, объективные свойства, которыми обладает территория; во-вторых, индивидуальные впечатления, приобретенные из личного опыта; в-третьих, информация, полученная от других людей, а также расхожие представления о месте, существующие стереотипы.

Интересно, что Д. В. Визгалов соотносит с брендом города понятие «городская идентичность», которое связано с восприятием местных жителей. Автор указывает на взаимно определяющие друг друга процессы влияния существующей городской среды на ее восприятие населением, характер которого (положительный или отрицательный), в свою очередь, приводит к изменениям и преобразованиям пространства. Так, городская идентичность, по мысли Д. В. Визгалова, определяется тремя составляющими: символическим, смысловым капиталом города; восприятием города жителями, которое определяется этим капиталом; поведения горожан по отношению к месту проживания. Поскольку «горожане выступают носителями и хранителями идентичности места, а целевые аудитории — имиджа места» [3, с. 82], бренд отражает городскую идентичность. Таким образом, он являет собой комплексное явление, комбинацию объективного и субъективного.

Работа над формированием бренда Екатеринбурга проводится достаточно давно. Однако сегодня вопрос позиционирования территории остается проблемным и входит в число одних из самых горячо обсуждаемых в городском сообществе. Трудности, которые возникают в процессе разработки бренда Екатеринбурга, во многом обусловлены комплексом разнородных характеристик, которыми обладает территория. В последнее время активно обсуждаются несколько направлений продвижения:

- город на границе Европы и Азии;
- центр делового туризма, или бизнес-город;
- город на пересечении крупных магистралей, транспортный узел;
- культурная столица Среднего Урала.

Культурная жизнь Екатеринбурга очень насыщена. Известность в качестве культурной столицы город приобрел прежде всего благодаря большому количеству различных фестивалей и крупных мероприятий всероссийского и международного масштаба. Кроме того, к настоящему времени Екатеринбург приобрел известность как территория с интенсивно развивающейся индустрией моды. Одним из подтверждений этого является деятельность Екатеринбурга по ежесезонной организации недели моды, без которой невозможно представить культурный ландшафт города, с активным привлечением как мэтров дизайна, так и молодых специалистов.

В частности, примером подобной активной деятельности может послужить проведение весной 2022 г. в рамках 16 сезона Недели моды в Екатеринбурге фестиваля «FASHION DEBUT» (среди мероприятий — творческий конкурс «Авангард в жизни и в моде», мастер-класс для городских дизайнеров и стилистов, формирующих актуальные образы, а также круглый стол для студентов и специалистов Уральского архитектурно-художественного и Уральского федерального университетов). В рамках 17 сезона Недели моды в Екатеринбурге осенью 2022 г. УрГАХУ провел первую в городе всероссийскую научно-практическую конференцию «Индустрия моды: дизайн, мода, образ жизни», посвященную формированию городских и региональных брендов, а также ответам современной моды на вызовы времени. Особое внимание на конференции уделялось стратегиям импортозамещения, перспективным трендам региональной модной индустрии, образованию кадров модной индустрии новейшего времени и новым возможностям российских fashion-брендов. Затем участники конференции приняли участие в вечернем показе, продемонстрировав полноценную связь теории с практикой.

Также сегодня на Урале существует не один десяток дизайнеров модной одежды и аксессуаров — как довольно молодых брендов (*Ushatava*, *Siammsiamm*, *Urals* и др.), так и ветеранов индустрии моды (например, Л. Султанова, Л. Селянина), которые стали визитной карточкой Екатеринбурга. Среди них бренд одежды *12Storeez*. Персональный стиль основательниц (Ирины и Марины Голомаздиных) пользуется у современных российских потребителей такой популярностью, что к 2023 г. у марки появились свои магазины более чем в 10 городах России. *12Storeez* отличается от конкурентов тем, что игнорирует традиционные сезонные коллекции, ежемесячно выпуская мини-коллекцию новых моделей. Подобный подход, заставляющий дизайнеров постоянно обращаться к трендам, создает Екатеринбургу репутацию модного города, не забывающего про традиции, но ориентированного на инновации.

Екатеринбург по праву считается модным городом. На улицах города повсеместно можно наблюдать модно одетых молодых людей, которые всегда искали возможности выделиться из толпы, и элегантно одетых людей старшего поколения, которые умело сочетают различные стили в своем образе и тем самым становятся заметны среди остальной массы населения. Желание показать свою индивидуальность существует вне зависимости от времени года и социального статуса человека. Хочется отметить, что в Екатеринбурге очень популярны школы, преподающие основы стиля: «Модная контора», «ImageServices», «Высшая школа имиджа и стиля», «UNO-fashion SCHOOL» и др.

Мода как «отражение духовных идеалов социальной группы в конкретных объектах, выражающих определенные ценности» [4, с. 6] представляет собою визуализацию изменений, происходящих в социуме. Как известно, современный город-миллионник требует сверхактивности, мобильности

и динамичности. Это урбанистическое требование, адресованное городом его жителям, «считывается» благодаря современной городской моде. В частности, в Екатеринбурге, отличающемся особой активностью в связи с визуализацией темы «город на стыке Европы и Азии», ежегодно проводится ряд мероприятий международного уровня, не считая постоянно сменяющихся экспозиций в художественных галереях, функционирования площадок для мастер-классов и других проявлений активной арт-жизни горожан. Стоит ли удивляться, что екатеринбуржцу хочется как меняться самому, так и считывать в уличном пространстве новый оригинальный визуальный ряд.

Литература и источники

1. Важенина И. С. Имидж, репутация и бренд территории. Екатеринбург, 2013.
2. Визгалов Д. В. Брендинг города. М., 2011.
3. Визгалов Д. Пусть города живут. М., 2015.
4. Демшина А. Ю. Мода в контексте визуальной культуры: вторая половина XX — начало XXI вв. СПб., 2009.
5. Киреева С. А., Кузина К. А. Имидж региона: теоретический аспект // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2007. № 1 (36). С. 233–235.
6. Пашкина Т. А. Понятие «имидж территории» в современной науке и практике // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Вып. 2. Сер.: Социология. Политология. С. 63–66.

Yulia V. Kondakova

Candidate of Philological Sciences, Ural State University of Architecture and Art (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: jkondakova@yandex.ru

THE EMBODIMENT OF THE EKATERINBURG BRAND IN FASHION AS A REFLECTION URBAN IDENTITY

Taking into account urban identity in the collections of modern designers allows them to create things that are relevant to local residents. The purpose of this article is to analyze collections reflecting the identity of consumers from Ekaterinburg, given that the capital of the Urals has a reputation as a fashionable city that does not forget about traditions, but is focused on innovation.

Keywords: image, fashion, fashion design, Ekaterinburg, urban identity

Лебеденко Елена Юрьевна

к.и.н., н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: hyulebed@mail.ru

Суржикова Наталья Викторовна

д.и.н., заместитель директора, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: snvplus@mail.ru

**МЕЖДУ «ГОРОДОМ-СКАЗКОЙ», «КУЛЬТУРНЫМ ГОРОДОМ»
И «ПРЕСКВЕРНЫМ ГОРОДИШКОМ»: СОВЕТСКИЙ ГОРОД
В ДНЕВНИКЕ ПРОВИНЦИАЛКИ КОНЦА 1940-х — НАЧАЛА 1950-х гг.**

УДК 94(47)''1940/1950''

В докладе рассматриваются варианты презентации советского города в дневнике советской провинциалки конца 1940-х — начала 1950-х гг. Демонстрируется, что дайаристка, несмотря на давление пропагандистских клише, сумела увидеть в «анатомии» каждого советского города что-то особенное.

Ключевые слова: дневник, «анатомия» города, иерархия, «советскость», дискурс

Автор изучаемого нами дневника, а точнее фрагмента дневника¹, Татьяна Дорощеевна Ходолей-Рожкова (1904–1985), родилась в Киеве, в семье инженера-лесоведа, потомственного почетного гражданина. В Киеве же прошло ее детство, совпавшее с эпохой войн и революций. Образование Таня получила в Киевском железнодорожном техникуме, Киевском высшем техникуме внешних сношений и Московском промышленно-экономическом институте. В Москве, куда семья Рожковых переехала в 1927 г., Татьяна обучалась не только в институте, но и на Высших литературных курсах им. В. Брюсова вплоть до их ликвидации в 1929 г. Семейей для Т. Рожковой был любимый отец, вместе с которым в 1941 г. она оказалась в эвакуации в Тюмени. Здесь ее ждала работа в центральной городской библиотеке, редакции газеты «Красное знамя» (позже — «Тюменская правда»), областном музее. В 1947 г. в жизни Т. Рожковой наступил новый период, связанный с ее переходом на работу в Тюменский областной архивный отдел. С тех пор архивная работа стала делом всей ее жизни, сначала она занималась им в Тюмени, а затем, с 1955 г., в Тобольске, в архиве которого и хранятся ее дневники, включая так называемые «Сибирские тетради» конца 1940-х — начала 1950-х гг.

Т. Д. Рожкова, обычная советская провинциалка, была человеком, не только много читавшим, но и много писавшим — с одной стороны, и человеком, часто и охотно ездившим как по личным делам, так и делам службы — с другой. Оба эти обстоятельства оказали самое непосредственное влияние на ее дневник в целом и на его отдельные страницы в частности. Некоторые из этих страниц посвящены теме города, хотя дайаристка, конечно, вряд ли воспринимала ее как особую тему, просто описывая в дневнике увиденные ею места и местечки. Москва, Тюмень, Свердловск, Тобольск, Ханты-Мансийск, Салехард, Самарово — именно такой их перечень позволяют составить дневниковые записи Т.Д. Рожковой конца 1940-х — начала 1950-х гг. Выстраивать на основе этого перечня иерархию советских городов и весей, исходя из их «советскости», бессмысленно: она очевидна, начинаясь со столичной Москвы и замыкаясь захолустным Самарово. Вместе с тем, при кажущейся очевидности этой иерархии «эпитеты» и суждения дайаристки, связанные с «городской темой», весьма любопытны как с точки зрения отражения общего настроения эпохи, так и с точки зрения личного, «единичного» взгляда на «анатомию» [1] советского города.

Сразу отметим, взгляд этот у Т. Д. Рожковой весьма далек от документальной точности и всегда эмоционально наполнен. Так, в случае с Москвой его наполняют восхищение и любование. «Около 12 ч[асов] двинули по Тверской — вниз на Красную площадь. Впечатления прекрасные и незабываемые от всего виденного. Ради такого дня можно год поскучать в Тюмени. Улица Горького преобразилась — на

¹ См. подробнее: [4, 5].

ней как в Сказке повыврастали целые дворцы, а вдоль них зазеленели молодые липы. У Охотного ряда наша колонна поравнялась с другим, идущими со всех сторон колоннами. Картина ослепительная — движущиеся сплошным потоком праздничные колонны, над которыми реют алые знамена, звуки многочисленных оркестров, яркий майский день, блеск солнца. — Хороша была Москва в этот час!» — записала дайаристка в дневнике 5 мая 1950 г., характеризуя первомайскую Москву не просто как праздничную, что ожидаемо. Главное здесь — восприятие Москвы как города-сказки, насыщенного светом, цветом, звуком и движением. Напоминая репортаж, этот фрагмент дневника Т. Д. Рожковой напрямую отсылает к газетному — и не только газетному — дискурсу позднесталинской эпохи со свойственным ему пафосом движения, энергии и устремленности к лучшему².

Этим же пафосом проникнуто описание Свердловска: «Я очарована Свердловском. Я никак не предполагала, что “столица индустриального Урала” — такой милый “южный” город, ... напоминающий чем-то может быть Ростов-на-Дону. Он весь такой светлый, праздничный и главное настоящий культурный город, а не захолустная деревня вроде Тюмени богоспасаемой. Дома сразу выделяются конструктивные схемы Первой пятилетки и более парадные и эффектные дома последних лет [так в тексте — *Е. Л., Н. С.*]. А размах площадей и простор проспектов, а растущие новостройки. Хорош был город в золоте заката. Да, жить бы здесь, в душе бы не было такой тоски и унынья. Душа города светла и над ней веет полет творческой мысли. Воздух тут легче, чем в ... Тюмени. Люди иные — выше, культурнее намного...»³ Примечательно, что «лицо» города при этом маркировано не только в соответствии с уже сложившимися представлениями о советском Свердловске как о городе индустриальном. Здесь важна еще и пропагандистская риторика «культурности», еще в 1930-е гг. транслировавшаяся из области «большой» государственной политики и политизированной эстетики в сферу повседневности и в конечном итоге фактически синонимизировавшаяся с «советскостью»⁴. Тем самым через пафос созидания Т. Д. Рожкова неосознанно охарактеризовала Свердловск не просто как город новостроек, но и как город-кузницу новых — советских — людей.

Двойственны и противоречивы в дневнике Т. Д. Рожковой образы другого советского города — Тюмени. Это связано с тем, что здесь она не просто (по)бывала — здесь она жила. Сетую на очевидную провинциальность и социальное неблагополучие Тюмени, дайаристка, однако, нашла для ее описания добрые слова. Подобрать их ей помогло историческое прошлое города, которое как бы компенсировало факт отсутствия в Тюмени, городе с «сельским, деревенским уютом», масштабных строек и иных выраженных признаков «советскости»: «Спускается тихий вечер над бескрайними Сибирскими просторами... В окно мне виден противоположный берег зеленого лога, на краю которого стоит наш домик и на нем бывший гостинный двор — теперь военная часть там помещается, неизменно напоминая мне о бывшей казачьей команде, о которой мне нередко попадаются документы в XVIII в. ... По дну зеленого лога немолчно и тихо звеня бежит широкий ручей (прежняя река Тюменка)... Древнее Кучумово городище! Из этого ручья кучумовы жены наполняли звонкие узкогорлые кувшины студеной водой. Чудесный золотой покой!»⁵

Усиливая внимание на нетронутой завораживающей природе вокруг, Т. Д. Рожкова компенсировала провинциальность другого захолустья: «Вот наконец и Ханты-Мансийск. Он произвел очень милое впечатление. Домики чистенькие — новые. Выстроен по плану. Кругом сопки покрытые кедровым лесом, вдали бескрайний разлив Иртыша синий, синий, как море. Воздух напоен легким запахом пихты и кедра. Тюменским блатом и спекуляцией и не пахнет. Настоящий Социалистичный город... Очаровательный город, чудесный светлый покой охватывает душу... Лес новый, красивый, незнакомый — шумит, шумит — зеленый, пушистый, загадочный, полный ароматов и тайны... Мерный звон

² Рожкова Т. Д. Дневник, 1947–1951 гг. // Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 60. Л. 82об. Запись от 5 мая 1950 г.

³ Там же. Л. 189. Запись от 14 декабря 1950 г.

⁴ См. подробнее, напр.: [3].

⁵ ГАТ. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 60. Л. 43, 45. Записи от 13 и 14 августа 1949 г.

колокольчиков — стадо идет домой»⁶. Надеясь Ханты-Мансийск городом, — а он им уже активно назывался, хотя официально стал только в 1950 г., — дайристка фактически признавала, что дикая, неподчиненная природа быть городу советским не мешала, хотя и сообщала ему явное «анатомическое» отличие от рукотворных Москвы, Свердловска и т.д.

Еще более отличен Салехард. Серый и деревянный, он оставил у Т. Д. Рожковой в основном негативное, где-то даже гнетущее впечатление: «Вот я и в Сале-Харде. Прескверный городишко — напоминает багажный склад или товарное отделение — сплошные серые доски справа, слева сверху и снизу, а вокруг резкий пронзительный и пронизывающий ветер. Милый лесной Хантэ-Мансийск по сравнению с этим багажным отделением просто нежная пастушеская идиллия... И напрасно мне говорил заполярный энтузиаст, диссертант К[...], что Сале-Хард — это советский Клондайк. Золотоискательная или изыскательная горячка, вино, деньги, собаки, крепкие морские волки и прочее... Ничего этого не вижу абсолютно...», — отметила дайристка при первом знакомстве с городом⁷. Однако, покидая его, Т. Д. Рожкова все-таки признала: «Да, все же напоминает Клондайки. Все время шныряют самолеты экспедиций и во двор везут горы оленьих шкур и мешки...»⁸ Соглашаясь с тем, что «полярная собака», «холодный ветер Арктики», «северная белая ночь», «заполярная ромашка» и т. п. звучало значительно, главной достопримечательностью Салехарда дайристка определила далекие горы Полярного Урала. Ничего привычно советского и прежде всего чего-то вновь построенного она здесь не увидела, почему при описании города Т. Д. Рожкова и пыталась «примерить» на Салехард знакомые ей с детства образы из произведений Дж. Лондона и Л. Буссенара, осторожно миксуя их с арктическим советским мифом и привычными для него составляющими покорения Севера (экспедиции, авиация и пр.)⁹.

Очевидно, что, несмотря на давление пропагандистских штампов, Т. Д. Рожкова сумела увидеть в «анатомии» каждого советского города что-то свое, особенное. Именно поэтому, в целом сохранив приверженность декларируемым критериям их оценки, она оказалась не готова к их однозначному ранжированию, решив для себя эту проблему посредством еще одного расхожего советского клише: «Наша родина так хороша, что везде есть чудесные уголки, и на Севере, и на Юге, и на Западе, и на Востоке»¹⁰. При этом отметим, что выбирая место собственного пристанища, Т. Д. Рожкова в конце концов остановилась на Тобольске, но это уже совсем другая история, — история о зафасадной советской действительности, мнимых и реальных, с точки зрения советского обывателя, городских благах, бытовом комфорте и его мерилах, — история о том, что наряду с иерархией городов и весей, основанной на принципе «советскости», имела место и совсем другая иерархия, которая требует другого, специального разговора.

Литература и источники

1. Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций. М., 2009.
2. Бугаева Л. Д. Арктический миф в советской культуре 1930-х годов и его возрождение // Звезда. 2018. № 8. С. 220–243.
3. Волков В.В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213.
4. Лебеденко Е. Ю., Суржикова Н. В. Дневник (не)обыкновенной женщины: диалоги со временем и поиски себя // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2021. № 1 (52). С. 168–180.
5. Лебеденко Е. Ю., Суржикова Н. В. «Нет, хорошо жить на свете все-таки!..»: счастье, любовь и время в дневнике советской провинциалки середины XX в. // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 180–189.

⁶ Там же. Л. 4–4об. Записи от 10 и 11 июля 1947 г.

⁷ Там же. Л. 15–16. Запись от 14 августа 1947 г.

⁸ Там же. Л. 16об. Запись от 15 августа 1947 г.

⁹ См. об этом подробнее: [2].

¹⁰ ГАТ. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 60. Л. 45. Запись от 14 августа 1949 г.

Elena Yu. Lebedenko

Candidate of the Historical Sciences, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: hyulebed@mail.ru

Nataliya V. Surzhikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: snvplus@mail.ru

**BETWEEN A “FAIRY TALE CITY”, “CULTURAL CITY” AND A “BAD TOWN”:
A SOVIET CITY IN A PROVINCIAL WOMAN’S DIARY
OF THE LATE 1940s AND EARLY 1950s**

The report discusses options for presenting a Soviet city in the diary of a Soviet provincial woman in the late 1940s — early 1950s. It is shown that the diarist, despite the pressure of propaganda clichés, managed to see something special in the “anatomy” of each Soviet city.

Keywords: diary, “anatomy” of the city, hierarchy, «Sovietness», discourse

Лейбович Олег Леонидович

д.и.н., профессор, Пермский государственный институт культуры (г. Пермь)

E-mail: oleg.leibov@gmail.com

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ГОРОЖАН В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1930–1940-х гг. ПЕРМСКИЙ ВАРИАНТ

УДК 94(470.5)''1930/1940''

В докладе на основании архивных разысканий ставится проблема конструирования локальной идентичности жителей областного центра г. Перми (Молотова) в их контактах с людьми из других европейских регионов Советского Союза, по преимуществу во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в первые послевоенные годы. Встреча людей с разными культурными традициями стала главным условием формирования собственного «пермского Я» в сравнении с иными видами региональной идентичности.

Ключевые слова: 1930–1940 гг., г. Пермь, локальная идентичность, образы своих и чужих

В 1950 г. сотрудники отдела охраны Министерства государственной безопасности (МГБ) Камского бассейна пожаловались в обком ВКП(б) на своего нового начальника. Подполковник Н. Д. Ровинский, откомандированный в г. Молотов из Москвы, был человеком грубым, часто нетрезвым, в выражениях отнюдь не стеснявшимся. Подчиненных, что называется, «лаял матерно», а когда хотел их по-особенному уязвить, «называл их безынициативными, олухами, ни к чему не способными пермяками...»¹ Жителей областного центра приучали называть себя «молотовчанами», но это имя так и не прижилось. Для людей, столкнувшихся с ними по службе, или по иной оказии, местные обыватели оставались пермяками — людьми недалекими, угрюмыми, мало к чему дельному способными. У секретаря Пермского горкома в 1934–1937 гг. А. Я. Гольшева, в недавнем прошлом заместителя Н. К. Крупской в Наркомате просвещения РСФСР, любимым словечком было «маразм». Им он оценивал потуги местных хозяйственных кадров². В этих высказываниях обнаруживается привнесенный извне вызов, на который пришлось отвечать в течение десятилетий, по мере усиления и умножения межрегиональных и межгородских связей. Они создавали предпосылки для формирования собственной пермской идентичности в конкурентной общественной и культурной среде. Процесс конструирования локального «Я» в пермской особенной ситуации является темой доклада. Доклад выполнен в парадигме социокультурной истории. Согласно принятым в ней правилам, «в фокус внимания ставится человек как субъект действия, наделенный ментальными, ценностными и этическими характеристиками, которые определяются исторически сформированным контекстом культуры, в свою очередь понимаемой как совокупность способов и результатов» [3, с. 9]. Представляется необходимым сделать еще одно уточнение, касающееся техники описания: идти от отдельных, индивидуальных случаев с тем, чтобы не потерять личностное начало в самоопределении конкретных индивидов; отталкиваться от обнаруженного личностного опыта, не навязывать историческим персонажам идей, которых у них, возможно, и не было; во всяком случае, в доступных источниках они не выявлены; исходить «из эмпирических данных, проливающих свет на их внутреннюю логику и контексты, ее формирующие» [4, с. 44]. Источники следует искать в эго-документах, а на практике в извлечениях из них, сделанных сотрудниками НКГБ–МГБУ и впоследствии попавших в сводки и справки для партийных инстанций. Исходным объяснительным принципом служит идея Э. Беневисте: «Осознание себя становится возможным, только когда переживается по контрасту (с другими)» [5, р. 260]. Следует также учитывать, стало быть, состязательный контекст. Самоопределение

¹ Работкин — Хмелевскому. Справка о непартийном поведении начальника отдела охраны МГБ Камского речного бассейна Ровинского Н.Г., 10 ноября 1949 г. // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 15. Д. 110. Л. 100.

² Стенограмма VI городской партийной конференции, 26–27 мая 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 26.

«пермского Я» предполагает борьбу за его рейтинг по отношению к «Я соперничающему»: Московскому, Свердловскому, Ленинградскому.

Важно помнить, что Пермь первоначально проигрывала своим конкурентам. У нее была плохая литературная репутация. Достаточно вспомнить уничижительные оценки Перми, разбросанные по путевым очеркам Д. Н. Мамина-Сибиряка: город, населенный чиновными и торговыми людьми («измышление административной фантазии»), — людьми настолько увечными, что они лишены возможности отдыхать и веселиться («город скучает как параличней») [1, с. 291–338]. В общем, град обреченный, как написали спустя едва ли не век братья Стругацкие. Тем более, до середины 1960-х гг. советские власти всячески препятствовали какой бы то ни было регионализации культурной жизни за пределами национальных республик. Молотовских литераторов учили политически грамотные редакторы: «После замечания т. Назаровского, что тема Урала — неправильное выражение, — существует не тема Урала, а уральский материал. “Не признаю выражения, — говорит т. Римская, — уральская тема”. Тема должна быть советской, партийной, государственной, темой социалистического строительства, построенной на местном материале»³. Книга Веры Пановой «Кружилиха», как и ранние повести Б. Л. Пастернака, исправить ситуацию не могли.

Первый массовый контакт жителей г. Молотова, в подавляющем большинстве своем горожан в первом поколении, не освоивших к тому же набор удобств, делавших поселение современным городом, с жителями западных областей Союза, произошел в годы войны. У многих эвакуированных вызвало шок состояние городской среды, в том числе климатические условия: «Что Вы? (выражаясь нецензурно) мне сдался этот Урал, ни за что не останусь. Мы — южане и поедем все на Юг, там наше место работы. Здесь же на Урале подохнем с голоду, так как здесь ничего нет и вряд ли что будет»⁴.

Особенно вновь прибывших возмущали местные обыватели: «Пермяки — это не люди, а людишки, головы которых набиты всем, чем хочет, только не мозгами. У них единственное занятие — сплетни, склоки, клевета и ложь. Вот в чем они, действительно, достигли “культуры”, а в остальном — пешки»⁵.

Местные жители платили той же монетой: «Эти идиоты жалеют только своих — тульских, а если местный, то черт с ним. Больше терпения нет смотреть на этих начальников и это руководство»⁶.

Ответ на полученный вызов запоздал на десятилетия. В 1960-е гг. произошел сдвиг в партийной культурной политике в сторону ее частичной регионализации [2]. У местной гуманитарной интеллигенции появилась возможность группироваться вокруг высших учебных заведения, музеев, городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Ее притязания на обоснование, защиту и продвижение территориальной культурной идентичности были признаны партийными инстанциями, более того, использованы в соревновании между областями за ресурсы. Территориальный символический капитал мог быть конвертирован в материальные предпочтения: в союзные инвестиции в промышленное производство, в сельское хозяйство, в развитие городской среды. Партийные органы поощряли краеведческие разыскания, одобряли с ведома Москвы поиски художественного своеобразия в искусстве далекого прошлого: Пермский звериный стиль, деревянная скульптура, строгановское шитье легитимировали разработку особой символики — советского герба г. Перми с геральдическим медведем. «Но в действительности не самодержцы всероссийские даровали пермякам медведя, а, наоборот, они взяли у пермяков медведя в свой герб, — аргументировал необходимость этого заимствования пермский журналист Б. Н. Назаровский⁷.

Конструкторы новой пермской идентичности из гуманитарного сообщества инициировали удлинение местной городской истории всего лишь на 50 лет, но эта операция позволила сделать Пермь младшим

³ Протокол собрания писателей Молотовского отделения ССП, 4 января 1952 г. // ГАПК. Ф. Р-1188. Оп. 1. Д. 4. Л. 5об., 8.

⁴ Попонин — Коростелеву. Докладная записка, 13 августа 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 26. Д. 192. Л. 30об.

⁵ Мешков — Хмелевскому, 17 сентября 1943 г. // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 286. Л. 246.

⁶ Горшков — Рохманову. Докладная записка, 3 мая 1944 г. // ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 26. Д. 328. Л. 39об.–40.

⁷ Назаровский Б. Н. Медведь на гербе Перми // Звезда. 1969. 18 окт.

ровесником Ленинграда, сделать ее основателем В. Н. Тагищева, обнаружить в ее истоках горнозаводское, а не бюрократическое начало, ввести в большую историю XVIII в.

Был также отредактирован образ Перми в XX столетии. В череду пролетарских революционеров пропустили поэтов и филантропов; к заводским новостройкам добавили «первый на Урале» университет. В полном объеме использовали метафору «Урал — опорный край державы» — и для событий Великой Отечественной войны, и для последующих десятилетий. Была заново написана история эвакуации. В ней едва ли не главное место занял Ленинградский театр имени Кирова. В духе пасторали были изображены трудовые отношения на оборонных заводах. Солдат, угощающий юных передовиков производства вареньем в своем кабинете, стал символом особого индустриального пермского гуманизма. В географическом описании Перми главную роль отвели реке Каме — сопернице большой Волги.

К началу 1970-х гг. была создана новая версия пермской истории, достойная региональной столицы. На ее основе сложилась местная идентичность. Житель Перми мог осознавать себя равным среди равных в большом советском обществе. На вызов 1930-х гг. последовал ответ из поздней советской истории.

Литература и источники

1. Мамин-Сибиряк Д. Н. Старая Пермь. Путевые очерки // Собрание сочинений в 12-ти томах. Свердловск, 1951. Т. 12: Автобиографические произведения. Публицистика С. 291–338.
2. Митрохин Н. М. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003.
3. Репина Л. П. Исторические представления и культурное многообразие мира. Вместо предисловия // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2006. Вып. 16. С. 5–14.
4. Ястребицкая А. Л. О культур-диалогической природе историографического: взгляд из 90-х // XX век: методологические проблемы исторического познания. 2001. № 1. С. 8–55.
5. Benveniste É. Problèmes de linguistique générale, tome I: 1939–1964. Collection Bibliothèque des Sciences humaines, Gallimard Parution, 1966.

Oleg L. Leybovich

Doctor of Historical Sciences, Perm State Institute of Culture (Russia, Perm)

E-mail: oleg.leibov@gmail.com

LOCAL IDENTIFICATION OF CITY CITIZENS IN SOVIET SOCIETY IN THE 1930–1940s. THE PERM VARIANT

The report based on archival researches raises the problem of local identity construction of residents of the regional centre of Perm (Molotov) in their contacts with people from other European regions of the Soviet Union, mostly during the Great Patriotic War 1941–1945 and in the first postwar years. The encounter of people with different cultural traditions was the main condition for the formation of one's own "Permian self" in comparison to other types of regional identity.

Keywords: 1930–1940s, Perm, local identity, images of their own and others

Лимерова Валентина Александровна

к.пед.н., с.н.с., Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар)

E-mail: juva64@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТОЛИЦЫ КОМИ КРАЯ В ЛИТЕРАТУРЕ РЕГИОНА 1840–1930 гг.

УДК 82(470.13)

На материале произведений дореволюционных авторов и поэмы В. А. Савина «Сыктывкар» (1932 г.) выявляются различия в принципах конструирования образа столицы Коми края в дореволюционный и послереволюционный периоды, рассматриваются особенности перехода от топографического способа описания захолустного Усть-Сысольска к созданию образа столичного Сыктывкара — города с историей и новой биографией.

Ключевые слова: коми литература, городской текст, Усть-Сысольск, Сыктывкар, В. А. Савин

Город Сыктывкар (до 1930 г. Усть-Сысольск), по сведениям исторической науки, впервые упоминается в письменных источниках в 1856 г. как погост в устье реки Сысолы. В 1780 г. указом Екатерины II он был преобразован в уездный город Усть-Сысольск. С образованием Коми автономной области в 1921 г. город стал ее столицей, а с 1936 г. — столицей Коми АССР (ныне Республики Коми).

Началом литературной истории города можно считать его описание ученым-энциклопедистом Иваном Лепехиным, совершившим поездку по землям Сысолы в 1772 г. и оставившим в «Дневных записках» своего путешествия рассказ о «славной зырянской селитьбе» — Усть-Сысольском погосте.

Активное становление литературного образа Усть-Сысольска начинается с конца 1830-х гг., что связано с развитием региональной прессы и прежде всего учреждением газеты «Ведомости» в Вологодской губернии, в состав которой входил Усть-Сысольский уезд. Своей задачей «Ведомости» видели знакомство читателей с экономикой, географией, населением губернии через описание конкретных мест и местностей. На призыв первой в регионе газеты охотно откликнулась и интеллигенция Коми края: на страницах «Ведомостей» был опубликован целый ряд сочинений о географических примечательностях и населенных пунктах «Зыряндии». Особое место среди них заняли произведения об уездном Усть-Сысольске как центре зырянских земель, то есть месте, наиболее ясно выражавшем черты зырянского уклада жизни. Это «Несколько слов о г. Усть-Сысольске и его уезде» П. Б. Богданова (1848 г.), «Зима в Усть-Сысольске и северное сияние» М. И. Михайлова (1849 г.), «Заметки о городе Усть-Сысольске» и «Об основании города Усть-Сысольска» Е. В. Кичина (1851 г.), «Топография Усть-Сысольского уезда» неизвестного автора (1855 г.), «Нечто об Усть-Сысольске» В. Е. Кичина (1865 г.) и др. На первый взгляд, эти тексты лишь тиражировали сложившееся стереотипное видение провинциального Усть-Сысольска, служившего в литературе метрополии символом провинциальной отсталости и дикости. Однако повторение известных схем мифологизации российской глубинки местным литератором имело и положительный результат, став импульсом к выявлению характерных черт реального города и, в конечном итоге, к созданию оригинального образа своей столицы. Авторы уделяли большое внимание внешнему виду Усть-Сысольска, отмечали его негородские черты (привязанность улиц к реке, отсутствие четко очерченного центра, наличие незастроенных мест внутри городской черты, немногочисленность каменных зданий и т. д.), но не ограничивались констатацией его негородской «физиономии», а объясняли эту особенность крестьянско-охотничьим укладом жизни зырян, предлагали оценку городских объектов, приглушающую критический взгляд заезжего человека-чужака.

XX в. внес свои особенности в литературный портрет Усть-Сысольска — Сыктывкара. Если дореволюционные авторы были сосредоточены на пространственных характеристиках города, то в первых же произведениях советских писателей город обретает свою историю. Ярким примером такой поэтической истории является поэма В. А. Савина «Сыктывкар» (1932 г.). Поэт революционной эпохи создает картину

мира, разломанную на две контрастные половины — «прежде» и «сейчас». Принцип антитезы старого и нового миров реализуется Савиным композиционно: поэма делится на две равновеликие и содержательно автономные части. В первой из них рассказывается дореволюционная история Сыктывкара, вторая создает образ преображенного советскими людьми Коми края и его столицы. Из «дня минувшего» поэт выбирает канонизированные официальной историей события: первые упоминания погоста Усть-Сысолы в письменных источниках, преобразование его по указу Екатерины Великой в город, приезд в Усть-Сысольск Великого князя Сергея Александровича Романова и др. В результате такого подбора событий главными действующими лицами истории предстают не простые горожане из зырян, а чиновные знаменитости, в разное время посещавшие город. Мифологический подтекст въезда-выезда в город целой череды пышно встречаемых гостей рождает в поэме эффект персонификации города, а затем маргинализации его тела-пространства. С последним «гостем» — белогвардейцем Латкиным, «шайку-банду» которого усть-сысольцы встречают хлебом-солью, город окончательно уподобляется неразборчивой в связях женщине.

Новый советский Сыктывкар также имеет женское лицо. Теперь он подобен сказочной красавице: в его убранстве — солнце и похожие на звезды цветы, бриллиантовый день и хрустальная ночь, перламутровая заря, небо, как лазурное море, трава, как зеленый изумруд. Из города, уподобляемого «частушечной» невесте, «чье приданое забрали, а ее забыли», Сыктывкар в изображении Савина превращается в настоящую красу Коми земли. Грудь Сыктывкара украшают дома «новее новых», на месте старых зданий растут заводы, по ярко освещенным улицам бегут автомобили, слышен гул самолетов, жители города молоды и полны сил, среди них много детей — пионеров и октябрят. Мотивы роста, молодости и материнства в корне меняют имиджевый паспорт Сыктывкара, создают образ города-колыбели новой коми культуры, города, олицетворяющего собой стремительность перемен в жизни родной стороны поэта. Поэма В. А. Савина фактически завершает период негативной репрезентации уездного провинциального Усть-Сысольска и начинает новую поэтическую историю культурно-промышленной столицы Коми края.

Valentina A. Limerova

Candidate of Pedagogical Sciences, Institute of Language, Literature and History of Federal Research Centre
Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar)
E-mail: juva64@yandex.ru

LITERARY REPRESENTATIONS OF THE CAPITAL OF THE KOMI REGION IN THE LITERATURE OF THE REGION 1840–1930

Based on the material of the works of pre-revolutionary authors and V. A. Savin's poem *Syktyvkar* (1932), the differences in the principles of constructing the image of the capital of the Komi Territory in the pre-revolutionary and post-revolutionary periods are revealed, the features of the transition from the spatial way of describing the provincial Ust-Sysolsk to creating the image of the capital Syktyvkar — a city with a history and a new biography are considered.

Keywords: Komi literature, urban text, Ust-Sysolsk, Syktyvkar, V. A. Savin

Литовская Мария Аркадьевна

д.филол.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: marialiter@gmail.com

Созина Елена Константиновна

д.филол.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: es8591@yandex.ru

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ОБРАЗА ЕКАТЕРИНБУРГА — СВЕРДЛОВСКА
В СВЕТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УТОПИЙ**

УДК 82(470.5)

Рассматриваются образы Екатеринбурга — Свердловска, возникавшие в литературе в разные периоды его существования и соответствовавшие трем виткам его истории, связанным с определенными идеями утопической организации города как идеального топоса. Проекты возникали со стороны государственных людей, но нередко поддерживались самими жителями; последний из них следует отнести к 1990-м гг.

Ключевые слова: образ Екатеринбурга — Свердловска, город-завод, город-«узел», город-«арсенал», «третья столица»

Екатеринбург, подобно многим другим уральским городам, не вырос естественным образом, а строился в соответствии с определенными государственными задачами — как центр горнозаводского округа с железодельным заводом и как крепость, необходимая для защиты завода от набегов окружающих «немирных» народов. Уникальность города состояла в том, что он был одним из первых специально создаваемых промышленных городов в истории мировой культуры и первым в России «горным городом». Согласно замыслу одного из его «отцов»-основателей, Вилима де Геннина, Екатеринбург должен был служить «образцом в образцовом мире казенных горных заводов» [1, с. 34].

Частично осуществленный утопический проект создания уральской «горнозаводской цивилизации», о которой с пиететом будут писать позже, был в истории города не единственным. Можно говорить о трех эпизодах государственного утопического планирования: в процессе создания Екатеринбурга в XVIII в., в период социалистической модернизации Свердловска во второй половине 1920-х — 1930-е гг., а также в 1990-е гг., когда вновь переименованный в Екатеринбург город начинает еще одну «новую жизнь», на сей раз в качестве столицы федерального округа постсоветской России, потенциальной «третьей столицы» или даже столицы Уральской республики. В докладе ставится задача показать, что меняется в репрезентации Екатеринбурга в художественной словесности, как она отражает смены векторов в описании и представлении города по указанным трем этапам.

На первом этапе воплощенные в документальные тексты мечты основателей Екатеринбурга об образцовом центре казенных горных заводов сменяются сначала образом реального уральского города как «живого узла» восточной России, а затем — изображением его как глухой разочаровывающей провинции, тонущей в забвении среди гор и торфяных болот. От бойкого «сибирского» города Узел (в романе «Приваловские миллионы») до тонущего в грязи Пропадинска («Уральские рассказы») — таков диапазон имен и образов Екатеринбурга в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка, ставшего летописцем и историографом города.

Во второй половине 1920-х гг. возникает образ Свердловска как нового «городища», на краю небытия рожденного «из воли Урала, труда и энергии». У Вл. Маяковского новый Свердловск рождается не из горного или уездного города, а из преодоления природного хаоса: «Из снегового / слепящего лоска, / из перепутанных / сучьев / и хвои» [2, с. 19]. В период Великой Отечественной войны город подтвердил свой потенциал, став «городом-арсеналом», но после ее окончания вернулся к статусу одного из многочисленных региональных центров, любимого своими жителями, но лишенного яркой уникальности.

В начале 1990-х гг. на первый план выходит образ «Ёбурга» — дерзкой «третьей столицы», мечта о которой, позволяет создавать вдохновенную историю места жизни особенных «рифейских людей» (О. Славникова), но и эта мечта остается мечтой, не будучи воплощена в жизнь. Она перекрывается фантазмагорическим и вместе с тем уродливо провинциальным городом А. Сальникова, в котором происходят разнообразные полумистические, полуфантастические происшествия, появляются различные существа из иных миров, люди же «спасаются» от хтони обычной, не фантастической, а вполне прозаической жизнью. Истории о задуманном, но так до конца и не осуществленном образцовом поселении, новые проекты по переустройству городской среды постоянно циркулируют в символическом пространстве Екатеринбурга — Свердловска — Екатеринбурга, подталкивая все новые поколения литераторов дополнять и пересоздавать устоявшиеся образы города.

Литература и источники

1. Корепанов Н. В раннем Екатеринбурге (1723–1781). Екатеринбург, 2001.
2. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1958. Т. 9.

Maria A. Litovskaya

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: marialiter@yandex.ru

Elena K. Sozina

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: es8591@yandex.ru

LITERARY METAMORPHOSES OF THE IMAGE OF THE EKATERINBURG — SVERDLOVSK IN THE LIGHT OF STATE UTOPIAS

The images of Ekaterinburg — Sverdlovsk that appeared in the literature in different periods of its existence and corresponded to three turns of its history associated with certain ideas of the utopian organization of the city as an ideal topos are considered. Projects arose from government people, but were often supported by the residents themselves; the last of them should be attributed to the 1990s.

Keywords: the image of Ekaterinburg — Sverdlovsk, factory city, city–“hub”, city–“arsenal”, “third capital”

Маштакова Любовь Владиславовна

к.филол.н., н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: lika170288@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО МИФА ОБ УРАЛЕ И УРАЛЬЦАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ УРАЛ», 1943 г.)**

УДК 82(470.5)''1943''

Доклад посвящен формированию советского мифа об Урале — кузнице Победы. Однодневная газета «Литературный Урал» (1943 г.), собравшая художественные и нехудожественные тексты разных деятелей культуры, рассматривается как единый текст, транслирующий основные тезисы этого мифа о том, что Урал — центр оборонной мощи страны, его история древнее советской, тыловые города равны прифронтовым.

Ключевые слова: литературный Урал, литература Урала, литература Великой Отечественной войны, опорный край

Среди советских региональных мифов Урал, как на это указывает А. Э. Мурзин, занимает особое место: при известном сопротивлении носителей культурной памяти идеологической перекодировке прошлого и настоящего любого другого региона представление об Урале как «рабочем» крае не вызывало вопросов [4, с. 6]. Сложность, с которой проходило советское конструирование локального мифа в 1930-е и особенно в 1940-е гг., была в другом: досоветская история Урала — это история Урала «демидовского», подъяремного, отсталого, или Урала — «опорного края», триста лет обеспечивавшего военные победы России [2, с. 48–82]. В начале 1940-х гг. это противоречие разрешилось в пользу «оборонной» истории.

В годы становления советского мифа об Урале — кузнице Победы произошло событие, объединившее культурные силы региона. 13–21 июля 1943 г. в г. Молотове проходила конференция «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе», к которой 12 июля была выпущена газета «Литературный Урал». Она объединила разножанровые тексты, но читается как единый текст. Темы, идеи, образы, как застывшие формулы, даже расположение материалов на странице работают на создание единого представления о регионе. Каждый из материалов последовательно развивает нескольких тезисов:

1. Урал — не периферия, а важнейший узел оборонных, технических и культурных сил страны;
2. История Урала в обороне России — не новая, советская, а 300-летняя, как и история рабочих-уральцев — людей труда с «богатырской» силой и независимым характером;
3. Тыл и фронт ощущаются как единство усилий и духа всех участников.

Основные темы заданы в редакторской статье. Автор статьи¹ пишет, что война ставит перед писателями и учеными проблемы формирования исторического патриотического самосознания, то есть уральский миф должен стать частью пересмотренной героической досоветской истории. На той же странице — статья В. В. Данилевского «Слава Урала», в которой последовательно утверждается преимущество оборонной истории советского Урала. Разные исторические события объединяются идеей борьбы за свободный труд и войны с Германией. Две статьи связывает стихотворение Б. Михайлова «Урал», в котором Урал одновременно «седой и суровый» и «дымного фронта опора», современный промышленный регион. Первая страница газеты воспринимается как целое, задается необходимая эпическая торжественность и вместе с тем динамическая напряженность: «Рубашка в поту — а составы полны: / И в небо готовые ринуться птицы, / Орудия, танки и танки видны» [3].

Заглавная страница задает общий тон материалам газеты, вторая и третья — отдаются классикам уральской литературы. Статьи Е. А. Боголюбова о Д. Мамине-Сибиряке, Л. И. Скорино о П. Бажове и В. А. Будрина о Ф. Решетникове — на второй странице. Е. А. Боголюбов строит рассуждения вокруг

¹ Неясно, кому принадлежит текст, в редколлегию входили Н. Анисимов, П. Бажов, Е. Боголюбов, В. Важаев, С. Гинц, С. Данилов, С. Земцов, К. Державин, Л. Скорино.

«национального колорита» и присущего писателю, и продвигаемого им. С ним спорит В. А. Будрин: не только краеведение, но и «родная действительность» вообще должны интересовать писателя. Так, Решетников задолго до Мамина в романе «Где лучше?» (1868 г.) показал рабочий класс — самую ценную часть общества. Закономерными видятся не только фиксация советского исследователя на рабочем классе, но и размещение самой статьи в рамках развития общей темы: от анализа произведений Мамина с их «национальной окрашенностью» — к теме рабочего класса и его страданий на уральских заводах. Выход из этих страданий — в творческом труде и внутренней свободе у героев П. Бажова, об этом статья Л. Скорино. Так конструируется и поверяется идентичность читающего: от места — к профессии, связанной с местом, от профессии — к ценностным категориям свободы.

Пример человека труда на следующей странице — сказ П. Бажова «Хрустальный лак» о лаковом промысле и мастере Артюхе. В сонете «Сказителю Павлу Петровичу Бажову» Ю. Н. Верховского (текст публикуется рядом со сказом) сам Бажов становится таким же мастером, вынесшим свое искусство из «были веков», как и его герои. Мастерство и вдохновение связываются у Верховского со «стальной» душой народа.

Именно «народность», рабочее происхождение писателя и изображение «просыпающегося» гражданского сознания отличают, по мнению И. Р. Эйгеса, произведения А. П. Бондина. Герой статьи Эйгеса, писатель Бондин, наравне с бажовским Артюхой предстает эпическим, но при этом совершенно реальным уральским человеком *self-made*.

Обрамляют «народную тему» два текста: стихотворение О. Высотской «Свердловск» и статья Н. Асанова «Три облика Урала». Статья Асанова посвящена истории уральского оружия и металла, а О. Высотская рисует образ современного Свердловска — города-воина, сражающегося «в Крыму и под Москвой». Тексты завершают единый миф об Урале, в котором регион предстает как место «богатырей», людей труда, как кузница оружия, издавна защищающая границы.

Соседство «исторической темы» и современности — и на следующем развороте. Статья Н. Л. Степанова о творчестве В. Каменского и отрывок из поэмы «Ермак Тимофеевич» напечатаны рядом с очерком М. Слонимского «Седьмая симфония» о директоре завода. В своей статье о Каменском Н. А. Степанов анализирует образы богатырей (Емельян Пугачев, Степан Разин, Иван Болотников), — образы, как подчеркивает автор, не исторически достоверных героев, а борцов за волю и счастье. Отрывок из поэмы «Ермак Тимофеевич» иллюстрирует этот тезис. На той же странице рядом с дружиной Ермака вырастает образ современной «армии завода» в очерке М. Слонимского. «Седьмая симфония» Д. Шостаковича, которую слышит по радио директор, становится камертоном общей «симфонии обороны» на войне и в тылу.

Метафору «оркестр завода» находим в отрывке из книги М. Шагинян «Урал в обороне». Из настоящего, где заводские плановики создают более эффективный способ работы, Шагинян смотрит в будущее, патетически завершая свой очерк словами о том, что победа в войне — не цель, а свидетельство достижений страны, поток творческих сил ее народа не остановить. Победный пафос здесь пересекается с революционным.

Те же смыслы транслирует лирика. В стихотворении «Этот город» Е. Полонской город производит снаряды, «достойные девяти муз», творится высокое искусство. В стихотворении В. Трутневой «Победа», как в притче, солнце славит бойца, боец — кузнеца, кузнец — сталевара и т. д., тыл и фронт становятся едины, каждый трудящийся находит себе место в «кругу почета». В стихотворении Н. Асанова «Город Н.» (Нижний Тагил) достойным жителем города может считаться только рабочий. Город принимает или отторгает тех, кто не идентифицирует себя с коллективным заводским трудом, читатель снова проводит сверку, достоин ли он жить в таком городе.

Статья С. Г. Лаврова «Образ народного богатыря в коми-пермяцком фольклоре» тематически примыкает к статье К. Н. Державина «Об одной пермской сказке» в блоке фольклористики. Описывая богатырей Кудым-Оша и Пера, Лавров дает универсальную характеристику «уральского» характера,

относимую не только к эпическим богатырям, но и к современному герою статьи — поэту-фронтовику Н. Попову, изучавшему коми-пермяцкий фольклор: для такого человека интересы народа выше частной жизни, а жертвенность ради народа — неотъемлемая часть патриотического чувства. Эти качества можно отнести к идеальной модели не только «уральца», стоявшего у станка и мартена, но и советского человека вообще.

Необходимую лирическую линию задают стихотворение М. Комиссаровой об эвакуированной на Урал семье, послание Б. Дижур «Слово матери» о сыне-солдате и рассказ И. Карнауховой «Папин мальчик» о расставшемся с отцом эвакуированном ребенке. Частной жизни советского человека и лирическому чувству отдаются последние страницы газеты, за которыми следуют небольшие статьи о театральной жизни, статья художника В. Таубера о своей работе, анонсы и две короткие сухие рецензии.

Став важным событием в научной и культурной жизни региона, конференция, консолидировавшая ученых и писателей, зафиксировала «точки опоры» регионального мифа. При этом советская история и культура предстают в издании недискуссионным полем, в котором читатель, по выражению Е. Добренко, является «объектом формовки» [1, с. 11], лишен субъектности, и может быть только равен «идеальному уральцу» или стремиться быть равным ему. Собирая разножанровые тексты, газета является по-своему уникальным памятником закрепления советского мифа об Урале, представлений об истории Урала и характере уральцев.

Литература и источники

1. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.
2. Киселев М. А. Прошлое опорного края // Бугров К. Д., Киселев М. А., Маштакова Л. В. Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. Екатеринбург, 2022. С. 17–111.
3. Михайлов Б. Урал // Литературный Урал. 1943. 12 июня.
4. Мурзин А. Э. Советский миф в судьбе Урала. Екатеринбург, 2016.

Liubov V. Mashtakova

Candidate of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: lika170288@mail.ru

THE FORMATION OF THE SOVIET MYTH ABOUT THE URALS AND THE URAL PEOPLE (ON THE MATERIAL OF THE ONE-DAY NEWSPAPER *LITERARY URAL*, 1943)

The report is devoted to the formation of the Soviet myth about the Urals — the forge of the Victory. The one-day newspaper “Literary Ural” (1943), which collected literary and non-fiction texts numbers of cultural figures, is considered as a whole text expressing the main theses of this myth that the Urals is the center of the country’s defense power, its history is older than Soviet, the rear cities have as the important role as the front-line ones.

Keywords: Literary Ural, Ural literature, World War II literature, opornyj kraj

Мурзина Ирина Яковлевна

д.культурологии, Институт образовательных стратегий (г. Екатеринбург)

E-mail: Instos-ekb@yandex.ru

ОБРАЗ «ТРЕТЬЕЙ СТОЛИЦЫ» В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ УРБАНИСТИКИ

УДК 37.013.43

Автор обращается к образу Екатеринбурга как «третьей столицы» и на этом примере рассматривает потенциал нового направления в прикладных исследованиях — образовательной урбанистики. На примере авторского проекта «Город, открытый тобой. Екатеринбург» раскрываются перспективные направления образовательных практик в городской среде, ориентированных на развитие городской идентичности юных граждан.

Ключевые слова: образовательная урбанистика, воспитательный потенциал, городской проект, «третья столица», Екатеринбург, идентичность

Существующая модель «столица–провинция» является выражением твердого убеждения в том, что существует один, магистральный путь культурного развития. Поэтому стремление быть столицей (даже такое исторически мотивированное как у Екатеринбурга, с его особым статусом горного города в XIX в. или столицы Уральской области в 1920-е — начале 1930-х гг.) воспринимается сегодня как заявка на внимание и повышенный интерес к городу, конструирующему и транслирующему культурные смыслы, задающему модные тренды, стили и поведенческие образцы, обеспечивающему свободу выбора занятий, ценностных ориентиров и личностных стратегий, с насыщенной информационной средой и многоликими творческими практиками. С подспудным страхом оказаться «провинциальным» (подражательным, запаздывающим в социокультурном развитии). Быть столицей — значит, иметь будущее, быть привлекательным местом для жизни, в том числе за счет поля возможностей для самопроявления каждого человека.

Этот стереотип чрезвычайно силен, о чем свидетельствуют периодически возникающие рейтинги «региональных столиц», претендующих на звание «третьей» после Москвы и Петербурга. И даже несмотря на то, что в последнее время вопрос о столичности ушел на второй план, для Екатеринбурга он важен как символ значимости города в истории страны, как точки, в которой фокусируются смыслы современности, как дополнительное подтверждение неслучайности «места жизни».

Особого разговора заслуживает развитие городской идентичности горожан, для которых жить в столице — это еще и элемент престижности. Столичность связывается с личной историей, с мифами места, с символическим капиталом города, со знаковыми личностями, создававшими и создающими образ города в сознании соотечественников, с социальными активностями граждан, определяющими стиль жизни и характер городской среды.

Как известно, благополучие города, перспективы его развития во многом зависят от того, насколько консолидировано городское сообщество, осознают ли жители свое единство, воспринимают ли свой город как точку приложения сил, несут ли ответственность за его сегодняшний день и готовы ли связывать свою судьбу с ним в будущем. Не случайно фокус исследовательского внимания в последние несколько лет сосредоточен на вопросе формирования позитивной городской идентичности прежде всего у молодых людей, что во многом связано с демографическими и социально-экономическими проблемами современности.

Особое место в процессе формирования позитивной городской идентичности молодых людей отводится образовательным практикам.

В последние несколько лет в отечественных урбанистических исследованиях появилось новое направление — образовательная урбанистика.

Образовательная урбанистика — это исследование городов школьниками и студентами в процессе обучения и воспитания с целью освоения социокультурного пространства на основе аксиологического подхода.

В соответствии с современными требованиями к образованию мы можем определить цели и задачи, на которые направлена образовательная урбанистика:

1) *усвоение социально значимых знаний* через знакомство с городской / региональной историей; историей своей семьи и ее месте в истории города / региона; городскими / региональными традициями и их духовным смыслом; символикой и знаковыми личностями; мемориальными местами (места коллективной памяти); приобретение начального опыта милосердного отношения к людям и заботы о городе;

2) *создание благоприятных условий для развития социально значимых отношений* через формирование ценностного отношения к городу / региону; к людям, живущим рядом; к природе, нуждающейся в защите и постоянном внимании со стороны человека; к культуре как духовному богатству общества и важному условию ощущения человеком полноты проживаемой жизни, как пространству для творческого самовыражения;

3) *приобретение опыта осуществления социально значимых дел* через участие в городских / региональных проектах, освоение основ гражданской культуры и практик городского активизма.

Возникает вопрос, можно ли использовать потенциал образовательной урбанистики, если не для решения всех проблем малых и больших городов Урала, то хотя бы для микширования некоторых из них?

Нами был разработан и поддержан Министерством образования и молодежной политики Свердловской области проект «Город, открытый тобой. Екатеринбург». Его целью было стимулирование стремления педагогов совместно с учениками разгадывать «тайну» места жизни, знакомясь с историей и сегодняшним днем отдельных городов Среднего Урала. В качестве учебно-методического сопровождения были созданы рабочие тетради для педагогов [5].

Сложность создания таких материалов состояла не столько в отборе материала, сколько в его систематизации и желании представить каждый город как уникальный через репрезентативные факты городской истории, знаковые локусы и персоналии известных горожан. Для Екатеринбурга — еще и акцентировать его центральное место среди городов Среднего Урала.

Задача, которую мы решали, когда готовили рабочую тетрадь о столице Урала, — представить Екатеринбург как многослойное целое, действительно «живой узел» (Д. Н. Мамин-Сибиряк), в котором тесно переплетены прошлое и настоящее, сохраняются следы ушедших поколений, а для вновь вступающих в жизнь его история и сегодняшний день становятся импульсом для самореализации в будущем. Мы хотели найти возможность для удивления и повод для гордости, а значит, увидеть родной город по-новому. Важной воспитательной задачей становится развитие чувства принадлежности и сопричастности к истории и судьбе родного города. Идентичность развивается в процессе узнавания города, в ходе изучения его культурных образцов и понимания тех сложных аспектов истории края, которые отразились в городской жизни.

Наряду с информационно-просветительскими материалами, которые рассматриваются нами как ориентиры на пути изучения городского пространства (знаковые события городской истории, граждане и горожане, городские достопримечательности, музеи), в рабочей тетради предложены творческие и игровые задания, которые могут помочь педагогам во внеурочной деятельности (например, создание мультимедийного ресурса или маршрута «Приключение в городе Е.»).

Рабочая тетрадь «Город, открытый тобой. Екатеринбург» адресована прежде всего педагогам. Она призвана создать дополнительные стимулы для обращения школьников и студентов к городскому пространству как месту реализации собственных устремлений и поиска направлений для самостоятельной деятельности, к формированию гражданских инициатив, опирающихся на понимание социальной ответственности за жизнь микросообщества, города, региона, страны.

Обратившись к городу в разных его «измерениях» — прошлом и настоящем, реальном и виртуальном, — мы старались выявить прежде всего ценностно-смысловые ориентиры и подчеркнуть антропологическую составляющую [1; 4]. Именно в этом индивидуальность города и его лицо. И в этом залог того, что город будет восприниматься его жителями не как временное пристанище «городского кочевника», а как дом, к которому человек чувствует привязанность и с судьбой которого ощущает неразрывную связь. Тогда «столичность» будет восприниматься как метафора значимости места твоей жизни на карте страны и мира.

Литература и источники

1. Шабает Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3 (145). С. 248–267.
2. Буланов М. В., Россинская А. Н., Асонова Е. А. Образовательная урбанистика: опыт описания ключевых понятий // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 6 (40). С. 236–245.
3. Игнатъева Е. Ю., Горычева С. Н., Звяглова М. В. Образовательная урбанистика в контексте дидактики // Перспективы науки и образования. 2022. № 4 (58). С. 42–57.
4. Николаева Ж. В., Троицкая А. А. Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства // Журнал фронтирных исследований. 2020. № 1. С. 11–28.
5. Мурзина И. Я. Город, открытый тобой: рабочие тетради для педагогов. Екатеринбург, 2021–2023. Вып. 1–3. URL: <http://ural-patrius.ru/biblioteka/istoriya-urala/5/> (дата обращения: 01.06.2023).
6. Тимофеева Т. С., Озерина А. А., Голубь О. В. Разработка инструментария для исследования основных факторов формирования городской идентичности // Человеческий капитал. 2021. № 4 (148). С. 142–150.

Irina Ya. Murzina

Doctor of Cultural Studies, Educational Strategies Institute (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: Instos-ekb@yandex.ru

THE IMAGE OF THE “THIRD CAPITAL” IN THE CONTEXT OF EDUCATIONAL URBANISM

The author refers to the image of Ekaterinburg as the “third capital” and uses this example to consider the potential of a new direction in applied research — educational urbanism. On the example of the author’s project “The city opened by you. Ekaterinburg” reveals promising areas of educational practices in the urban environment, focused on the development of urban identity of young citizens.

Keywords: educational urbanism, educational potential, urban project, “the third capital”, Ekaterinburg, identity

Подлубнова Юлия Сергеевна

к.филол.н., н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: tristia@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЕКАТЕРИНБУРГА — СВЕРДЛОВСКА В ОЧЕРКАХ 1920-х — НАЧАЛА 1930-х гг.

УДК 82.09(470.5):82-43

Анализируя массив очерков 1920-х — начала 1930-х гг., мы попытались выявить знаковые репрезентации Екатеринбурга — Свердловска. Очеркистика в целом разрабатывала дихотомию «старый Екатеринбург — новый Свердловск», включавшую противопоставления «провинция/столица», «горно-заводская культура/индустриальная современность», «история угнетения/будущее административного и промышленного центра», и была наполнена описаниями конкретных городских реалий и героев эпохи.

Ключевые слова: Екатеринбург — Свердловск, образ города, советский очерк, литература 1920-х — начала 1930-х гг.

В 1923 г. Екатеринбург, годом позже переименованный Свердловск, стал административным центром огромной по своей площади Уральской области. «Уральская промышленность в годы гражданской войны была практически разрушена», но «в 1921–1927 гг. в производственно-экономическом развитии Уральского региона стала активно осуществляться восстановительно-реконструктивная модель промышленной политики» [1, с. 300]. Менялся регион, менялся город. Перерождение старого горнозаводского Екатеринбурга в индустриальный Свердловск запечатлел В. В. Маяковский, приехавший на Урал в 1928 г. и восхитившийся большой стройкой, в которую превратился город, «работник и воин» (см. стихотворение «Екатеринбург — Свердловск»). Двумя годами ранее другой поэт, Дир Туманный, писал: «Он переполнен радостным трудом, / Он в окружень будничных материй; / Над чахлым губернаторским прудом / Вскипает жизнь новаторских артерий» [5, с. 93]. Поэты обозначили суть процесса, но практически не коснулись деталей: что именно поменялось в городе и как это в целом повлияло на восприятие города приезжими и самими горожанами? И здесь на помощь приходят иные документы эпохи — очерки.

С одной стороны, востребованности очеркистики как формы литературного творчества в 1920-е гг. немало способствовали идеи ЛЕФа, с другой стороны, запрос на «литературу факта» формировался и самой прагматикой власти, заинтересованной в документации и семантизации процессов, идущих в стране. Не случайно 1920-е гг. стали не просто временем возрождения очерка, но и появления его новой разновидности — производственной [8].

Урал, широко включенный в программы индустриализации и планы пятилеток, равно как и его административный центр, не могли остаться вне журналистской работы писателей, их документирующего внимания. Анализируя очеркистику 1920-х гг., сложно не заметить, как трансформируются в ней репрезентации города.

Так, в очерке 1922 г. «Столица Урала» Н. Н. Никитина Екатеринбург представлен как город-огород, обрамленный горами. В его подчеркнуто провинциальном пространстве сосуществуют голодающие дети, бредущие из Тюмени, мещанская жизнь с самоваром и шаньгами; меценаты-богачи и поэты-футуристы из объединения «Улита» [4]. Это еще старый, горнозаводской Екатеринбург, не знающий социальных преобразований. Это еще город, для описания которого более всего подходит оптика фельетона (см. фельетоны В. П. Чекина), которая то и дело появляется у Н. Н. Никитина.

В 1924 г. на Урал приезжает Л. М. Рейснер. Результатом ее поездки стала книга очерков «Уголь, железо и живые люди» (1925 г.). Свердловск не попадает в эту производственную книгу, но фигурирует в примыкающем к ней очерке «Слова из мрамора», опубликованном в журнале «30 дней». Не заводы, но Свердловский художественный техникум оказывается в центре внимания писательницы, рассуждающей, насколько сопоставимы профессии рабочего и художника [9]. Свердловск показан

здесь как производственный и культурный центр, имеющий свою историю, свои традиции, и в целом Л. М. Рейснер как бы восстанавливает тот образ города-крепости, который запечатлел Д. Н. Мамин-Сибиряк и который окажется в центре производственной очеркистики конца 1920-х — начала 1930-х гг.

Сочетание статичности провинции и потенциала культурного центра зафиксировано и в очерках Е. Г. Полонской, побывавшей в городе в 1926 г. «Сколько интересного я видела: и восстановление заводов, и новых людей, которые в первый раз вдохнули воздух свободы, и исторические места» [6, с. 424]. Она пишет: «Город буквально трещит от количества трестов, учреждений, комитетов, представительств и контор, от людей, приезжающих из Москвы или Сибири» [7, с. 16]. Но при этом подчеркивается контраст между административным статусом столицы Урала и тем, что представляет собой «город деревень», в котором нет ни тротуаров, ни водопровода, ни жилья для рабочих. Екатеринбург деревень в книге Е. Г. Полонской сосуществует со Свердловском передовых заводов, городу еще только предстоит преодолеть свою провинциальность.

Разнородные репрезентации города суммирует М. Е. Зуев-Ордынец в книге очерков «Каменный пояс», выпущенной под эгидой журнала «Вокруг света». Как и у Е. Г. Полонской, здесь иллюстрируется тезис о том, что XVIII в. в городе «сомкнулся с веком XX» [3, с. 86], а современная столица Урала — с обширным историческим прошлым (с неперенными золотопромышленниками, гранильщиками, Демидовыми и проч.). Как и Е. Г. Полонская, М. Е. Зуев-Ордынец рассматривает город как место «народной мести», расстрела царской семьи. Именно история выходит у него на первый план, оттесняя социалистические стойки.

Однако в самом конце 1920-х — в начале 1930-х гг. на волне индустриализации все отчетливее проявляла себя производственная проблематика, обозначались производственные мощности города. В книге очерков «Угля, угля!» (1931) новосибирского писателя П. Стрижкова городская история уже безоговорочно уступает место статистике и прагматике социалистического строительства [10].

Волна уральских производственных очерков также пришлась на конец 1920-х — начало 1930-х гг. Их авторы не ставили задачу знакомства читателя с городом, однако обращались к работе заводов, фабрик и других промышленных объектов, к конкретным фактам производственной деятельности. Ярким примером городской очеркистики стал очерк «3000 вольт» А. П. Гайдара (писатель в 1927 г. несколько месяцев жил в городе), посвященный запуску электростанции на Конном острове и опубликованный в газете «Уральский рабочий». Другие примеры — очерки 1932 г. «Котельщик Ермоленко» П. Алексева и «Мастер Мурашов» М. Кучеренко (вышедший отдельной книгой в УралОГИЗе), где изображаются герои эпохи — рабочие ВИЗа и Уралмаша.

Впрочем, после запуска проекта «История фабрик и заводов» на страницы уральской печати вернулся исторический очерк. К примеру, в 1934 г. Ю. Бессонов пытался написать историю ВИЗа, Н. Попова работала над книгой «Екатеринбург — Свердловск», где повторяла тезисы как Д. Н. Мамина-Сибиряка (город-завод), так и очеркистов 1920-х гг.

Очеркисты конца 1920-х — начала 1930-х гг. не искали новые способы репрезентации города, но следовали уже сформированной дихотомии «Екатеринбург — Свердловск» (горнозаводской/индустриальный, провинциальный/столичный) и охотно описывали городские реалии, особенно в их производственной части. Поиски новых смыслов были свойственны, скорее, иного рода литературе [2].

Литература и источники

1. Анимца Е. Г., Дворядкина Е. Б. Промышленная политика и модели регионального развития // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 299–303.
2. Веселкова Н. В., Граматчикова Н. Б. «Куски какого-то еще не реализованного плана»: художественное осмысление истории в уральской очеркистике и прозе 1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 112–121.

3. Зуев-Ордынец М. Каменный пояс. Уральские очерки. Л., 1928.
4. Никитин Н. Столица Урала // Новая Россия. 1922. № 2 (4). С. 9–11.
5. Панов Н. Н. (Туманный Д.). Домик в Свердловске // Человек в зеленом шарфе. Вторая книга стихов (1924–1927). М., 1928. С. 80–93.
6. Полонская Е. Г. Города и встречи. Книга воспоминаний. М., 2008.
7. Полонская Е. Поездка на Урал. Л., 1927.
8. Пути советского очерка: сборник литературно-критических статей / под ред. А. И. Павловского. Л., 1958.
9. Рейснер Л. Слова из мрамора // 30 дней. 1925. № 4. С. 15–20.
10. Стрижков П. Угля, угля. Новосибирск, 1931.

Yulia S. Podlubnova

Candidate of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS

(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: tristia@yandex.ru

REPRESENTATIONS OF EKATERINBURG — SVERDLOVSK IN ESSAYS OF THE 1920S — EARLY 1930S

Analyzing the essays of the 1920s — early 1930s we tried to identify iconic representations of Ekaterinburg — Sverdlovsk. The essay developed the dichotomy “old Ekaterinburg — new Sverdlovsk” including the oppositions “province/capital”, “mining culture/industrial modernity”, “history of oppression/future of the administrative and industrial center” and was filled with descriptions of specific urban realities and heroes of the era.

Keywords: Ekaterinburg — Sverdlovsk, image of the city, soviet essay, literature of the 1920s — early 1930s

Сироткина Татьяна Александровна

д.филол.н., Сургутский государственный педагогический университет (г. Сургут)

E-mail: sirotkina71@mail.ru

ПЕРМЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНЫ ПОЛЯКОВОЙ

УДК 82-94:94(470.5)

В докладе рассматривается образ Перми середины XX в. на материале воспоминаний Елены Николаевны Поляковой, известного лингвиста, профессора Пермского университета. Рассказы автора мемуарного текста посвящены довоенной, военной и послевоенной Перми, путешествиям по Пермскому краю, конкретным людям, жившим в городе в то время. Описания города и окрестностей очень детализированы, что позволяет воссоздать образ территории и характеры тех людей, которые жили и работали в здесь в то время.

Ключевые слова: Пермь, воспоминания, Елена Николаевна Полякова, мемуарные тексты, образ региона

История Перми отражена в научной литературе, справочниках и путеводителях, художественных текстах. Однако интереснее всего для читателя звучат воспоминания людей, чьи судьбы тесно связаны с определенными эпохами городской жизни. Среди таких людей — Елена Николаевна Полякова, известный в России лингвист, профессор Пермского госуниверситета, жизнь которой в Перми началась в 1938 г. и продолжалась до самой смерти в 2021 г.

На материале рукописи воспоминаний Елены Николаевны, переданной автору доклада в октябре 2018 г. и содержащей 211 страниц машинописного текста, рассмотрим, как менялся в сознании автора, уточняясь и проявляясь новыми гранями, образ города.

Детское воспоминание о городе связано у Елены Николаевны, как и у многих из нас, с ограниченным кусочком городского пространства, которое в ранние годы и является для маленького человека всем городом. «Вся моя жизнь в 1938–50 гг., — вспоминает она, — проходила в Перми на территории старого города, границы которого почти совпадали с территорией моего “первогорода”. Его границы: на севере — Кама, на востоке — Егошиха, на юге — улица Пушкина, на Западе — Комсомольский проспект. За эти границы я почти никогда не выходила, все остальное казалось далеким, неизвестным, чужим. В этих границах транспорт был не нужен, до всего можно было легко дойти пешком».

Пермь военных лет предстает перед нами не только глазами самой Елены Николаевны, но и глазами ее матери, рассказы которой она слышала позднее. Так, например, Елена Николаевна пишет: «Еще когда мы приехали в Пермь в 1938, мама записалась как читатель в иностранный отдел библиотеки имени Горького. Он помещался на первом этаже библиотеки, на углу улиц Сибирской и Петропавловской (тогда Карла Маркса и Коммунистической); ныне там городская центральная библиотека имени Пушкина... Во время войны мама поступила на работу в этот иностранный отдел библиотеки, его к тому времени переместили на второй этаж, так как на первом открыли отдел книг для слепых, которым было неудобно подниматься на второй этаж. Помещение иностранного отдела казалось большим и высоким. И там всегда было холодно. В первой большой комнате выдавали книги, напротив входа в нее было две двери. Одна из них вела в большую комнату — хранилище для книг, стеллажи там были очень высокими, за книгами приходилось постоянно подниматься по высокой передвижной лесенке. Другая дверь вела в маленькую комнатку с большим столом, за которым читали ценные книги, не выдаваемые на дом, а также по вечерам проводили консультации по иностранным языкам. Днем она обычно пустовала. Когда я приходила к маме, меня сажали в нее и давали рассматривать очень красивые книги на разных языках с гравюрами. Особенно запомнились книги на немецком языке в темно-красном переплете с золотым теснением и с золотым обрезом, напечатанные готическим шрифтом, в них было много интереснейших гравюр. Мама на работе была постоянно занята, так как читателей было много, пользовались библиотекой многие эвакуированные, постоянно приходили жители “Семиэтажки” — гостиницы, где в эвакуации жили писатели

(Каверин оканчивал там “Два капитана”, Тынянов — “Смерть Вазир Мухтара”), композиторы (Хачатурян писал балет “Гаяне”), артисты, оркестранты, художники — люди театра им. Кирова (Мариинки), приехавшего в Пермь, и хореографического училища. Книжки служили не только для чтения, но и как пособия по костюмам и декорациям к постановкам спектаклей из разных эпох. Помню, что мама подбирала литературу Пашковской, — кажется, театральному художнику по костюмам, тканям. Приходила всегда в окружении сопровождающих мужчин Лиля Брик. Приходили артисты, преподаватели, студенты».

Пермь военных и послевоенных лет показана в воспоминаниях Елены Николаевны многонациональной, люди в которой жили с постоянной готовностью помочь своим соседям и знакомым: «Совместная жизнь в детском саду, в школе, в Доме пионеров, куда ходили в кружки многие дети, в летнем детском лагере и общие заботы дома воспитывали коллективизм, коммуникабельность и толерантность, к которой так часто призывают сейчас. Водники в Перми были со всей Камы — люди разных национальностей, к тому же в войну в доме разместили много эвакуированных, но вопрос о национальностях просто не стоял (как и вопрос о конфессиях, сейчас, к сожалению, разделяющий многих)».

Свои воспоминания Елена Николаевна делит на небольшие главки, каждая из которых имеет свое название. По ним мы можем проследить, какие аспекты пермской жизни отражены в исследуемом источнике. Например, одна из них — «Места для прогулок», начиная которую, автор пишет: «В Перми было немало садов и скверов. Самым близким к дому моего детства был театральный сквер около театра оперы и балета, который в 30–50 гг. XX в. выглядел иначе, чем сейчас, и состоял из двух скверов, разделявшихся Петропавловской улицей, от нее налево отходил один из них — Комсомольский сквер — и продолжался до улицы Ленина. В нем были клумбы с цветами, лавочки, кусты сирени, детская песочница, деревья вдоль улиц Петропавловской, 25 Октября, Сибирской и Ленина. Туда мы уводили младших братьев и сестер поиграть в песочнице. Там можно было посидеть с книгой. В центре сквера был фонтан, на месте которого потом соорудили памятник Ленину».

Большая часть воспоминаний связана с путешествиями по Пермскому краю. Одно из них — о первой в ее жизни диалектологической экспедиции, в которую она поехала вместе с однокурсниками в 1953 г. О той поездке мемуаристка пишет: «Мы ехали в Чердынский район, плыли на небольшом пароходе с преподавателями Федоровой и Скитовой до пристани Редикор на Вишере. До самой Чердыни пароход не доходил. Потом ловили машину, на ней пробирались в Чердынь, откуда дальше добирались в очень старое село Бигичи (раннее название — Бегич, известно с XV в.). Там работали группой в 6 человек. Я никак не могла привыкнуть к низким дверям и из-за своего высокого роста (166 см) зацеплялась головой за притолоки в дверях. Холодный климат вынуждал местных жителей строить избы с маленькими дверями и окнами, чтобы, открывая их, не выстуживать помещение».

Описание каждой поездки по Прикамью начинается с рассказа о тех местах, куда приезжали диалектологи, продолжается перечислением сведений о людях, живущих там, их традициях и особенностях речи, и заканчивается упоминанием о каком-либо интересном случае, произошедшем там. Например, когда Елена Николаевна ездила в экспедицию с мужем, Юрием Алексеевичем Поляковым, он поставил свою палатку не рядом со студенческими палатками, а у глубокого лога. «Пришедший местный житель спросил его, не боится ли он хозяина. — Какого хозяина? — Медведя. У тебя тут в логу медведь живет. — А ты откуда это знаешь? — По затесам. Видишь, на дереве кора содрана? Это след медведя. Когда медведь занимает себе место, он его метит запахом и сдирая кору с дерева. Он встает на задние лапы, а передними помечает свою территорию, сдирая кору с дерева. Если придет другой медведь, то он видит, какого роста хозяин, и не будет с ним вступать в борьбу. ЮАП говорил, что после этого разговора стал прислушиваться к звукам, идущим из лога, но с медведем, к счастью, так и не встретился».

Интересны воспоминания Елены Николаевны о поездках с мужем на археологические раскопки. Как ономастолог, она, естественно, пишет не только об особенностях проведения раскопок и о местной природе, но и о топонимике тех мест, где она побывала: «Раскопки ЮАП вел либо на севере области, либо в ее средней части. Но я побывала с ним и в южной части, в Осинском и Частинском районах.

В Осинском районе археологи исследовали Пещёрское городище в бассейне реки Тулвы. В связи с образованием Воткинского водохранилища в устье Тулвы образовался большой залив, на берегу которого и возвышался археологический памятник, подвергнутый раскопкам. Большой участок бывшего низкого берега Тулвы оказался затопленным, и местные жители с сожалением говорили об этом, вспоминая, как раньше они ходили туда за ягодами. Поднимаясь на городище, я каждый раз собирала грибы, снизу были хорошо видны выступающие из склона пласты рыжиков. Интересна была топонимика этой местности. Городище имело 3 названия: Пещёрское городище, Кузмичева рёлка и Копчаг. Пещёрским его именовали по близлежащей деревне Пещёры и речке Пещёрке, впадающей в Тулву, Кузмичовой рёлкой по давнему владельцу (рёлками здесь назывались возвышенности, участки между двумя оврагами, логами), Копчагом по примыкающему к нему логу. Изучение названия лога привело к определению тюркского источника — название *копчаг* (сравни в тюркских языках название узкого ущелья *копчагай*), видимо, оно было дано татарами, русское название того же объекта — Большой лог. Он действительно был большим в длину и глубоким, с обрывистыми берегами, поросшими ельником. В него впадали ложки поменьше, между которыми тоже были рёлки, называвшиеся по именам владельцев участков на них: Никулина, Архипова и другие».

Таким образом, в воспоминаниях Е. Н. Поляковой предстает перед нами Пермь и Пермский край XX в. Описания города и окрестностей очень детализированы, что позволяет воссоздать образ территории и характеры тех людей, которые жили и работали здесь в то время.

Tatyana A. Sirotkina

Doctor of Philological Sciences, Surgut State Pedagogical University (Russia, Surgut)

E-mail: sirotkina71@mail.ru

PERM IN THE MEMOIRS OF ELENA NIKOLAEVNA POLYAKOVA

The report examines the image of the mid-20th century Perm based on the memoirs of Elena Nikolaevna Polyakova, a well-known linguist, professor at the University of Perm. The stories of the author of the memoir text are devoted to pre-war, military and post-war Perm, travels around the Perm region, specific people who lived in the city at that time. The descriptions of the city and its surroundings are very detailed, which makes it possible to recreate the image of the territory and the characters of those people who lived and worked here at that time.

Keywords: Perm, memories, Elena Nikolaevna Polyakova, memoir texts, image of the region

Срмикян Виолетта Сименовна

аспирант, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

E-mail: vsrmikyana@sfu-kras.ru

КРАСНОЯРСКИЙ ТЕКСТ: К ПРОБЛЕМЕ НАЧАЛА ЛОКАЛЬНОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

УДК 82(571.51)

В докладе исследуется понятие «красноярского текста» как локальной структурно-семантической категории. В центре внимания находится деятельность А. П. Степанова, первого губернатора Енисейской Сибири, и предпринятое им издание «Енисейского альманаха на 1828 год», рассмотренного с точки зрения начала локального культурогенеза и зарождения феномена «красноярского текста» русской литературы.

Ключевые слова: локальный текст, Красноярский текст, образ пространства

«Красноярский текст» представляет собой сложную систему приуроченных к конкретной локальности мифов и сюжетов, облеченных в определенные жанровые формы¹. В рамках исследования истории и семиотики локального текста города Красноярска, его типологии и индивидуальных особенностей в ряду других региональных столиц большое значение приобретает точка отсчета в процессе формирования его литературного образа.

Проблема культурогенеза, как правило, ставится в связи с возникновением первых культурных форм в истории человеческой цивилизации. Однако создание новых культурных центров в пространствах, отдаленных от мест протекания «большой истории», подразумевает наличие единых процессов. В. Н. Топоров в статье «О космологических источниках раннеисторических описаний» называет такие переходные тексты «поле[м] поединка между космологическими и историческими принципами» [6, с. 113]. Первым крупным литературным событием в Красноярске стал выход «Енисейского альманаха на 1828 год» (далее — Альманах), издание которого было предпринято А. П. Степановым, первым губернатором учрежденной незадолго до того, в 1821 г., Енисейской губернии, своего рода культурным героем новой историко-географической области.

Наряду с ориентацией на «миф о начале», Альманах был также и «юбилейным» текстом, посвященным 200-летней годовщине основания Красноярска. Появление Альманаха стало первой попыткой очертить на ментальной карте русской литературы новую историческую область, преобразить административную новацию М. М. Сперанского в культурное событие, легитимировать первое при помощи второго. Важной особенностью, связанной с этим проектом, была инициатива, исходившая не от самодеятельного писателя, потенциального новичка, бросающего вызов культуре центра (на таких примерах преимущественно строит свою теорию П. Бурдьё), а от местной власти, как бы учреждавшей словесность на дальней окраине государства. Именно в первой четверти XIX в. центральный аппарат Российской империи обратил внимание на Сибирь. Такой интерес был обусловлен несколькими факторами: тем, что Сибирь граничила с другими государствами, а потому отсюда, с одной стороны, открывалась возможность для расширения империи, но, с другой, была опасность нападения других государств [2, с. 107].

Характерно, что начало литературной «политики» было продолжением политики государственной. В 1819 г. М. М. Сперанского назначили генерал-губернатором Сибири в целях проведения ревизии из-за произвола местных властей и подготовки реформы управления Сибирью. Благодаря этой реформе в 1822 г. была образована новая самостоятельная губерния — Енисейская, ее столицей стал Красноярск, а губернатором — Александр Петрович Степанов. Именно реформа М. М. Сперанского впервые соединила административно-территориальное устройство с организацией местного самоуправления [2, с. 122]. Вышедший в 1828 г. Альманах показал, что следующий этап интеграции Сибири предполагал не

¹ Методологические основы исследований в этом направлении заложены в классических работах В. В. Абашева [1], Ю. М. Лотмана [4], В. Н. Топорова [7], В. И. Тюпы [8] и др.

только проведение административных реформ, но и использование культурных и прежде всего литературных механизмов.

Деятельность Степанова стала важнейшим этапом формирования литературной среды в Красноярске и Енисейской Сибири. Если реформы Сперанского, по оценкам современников и самого генерал-губернатора, стали «новым покорением Сибири», то культуртрегерская деятельность Степанова, запустив в Сибири те культурные процессы, которые проходили в столице империи почти на век ранее. Результатом этого стала «регулярная литературная работа», качественно новый уровень функционирования образовательных и литературных институтов в Енисейской Сибири.

При появлении А. П. Степанова культурная и общественная жизнь Красноярска сразу оживилась. В городе начали функционировать первые публичная библиотека и типография. Единственное уездное двухклассное училище было преобразовано в четырехклассное, а позже открылись еще два двухклассных училища [5, с. 88]. Именно вокруг А. П. Степанова, по утверждению Н. К. Чернышовой, сложился кружок красноярской интеллигенции, занимавшейся просветительской и культурной деятельностью [9, с. 61]. С кружком оказалось связано и такое крупное издательское дело, как подготовка и выпуск красноярскими литераторами «Енисейского альманаха на 1828 год». Альманах отразил мечту губернатора о превращении Красноярска в культурный центр Сибири. Кроме того, одна из ключевых идей енисейского губернатора состояла в том, чтобы через культурное и литературное поле не только сделать Сибирь «видимой» для центральной части России, но и «присоединить» ее к ней.

На титульном листе Альманаха в качестве места издания указан Красноярск, однако, несмотря на то что на момент издания в Красноярске уже существовала своя типография, книга была напечатана в Москве, в типографии Семёна Селиванского, с формальной точки зрения ничем не отличаясь от столичного продукта. При этом если в центральных изданиях в немногочисленных произведениях, посвященных Сибири, она изображалась, как правило, либо аллегорически, либо с этнографическими и природоописательными неточностями, в альманахе Степанова намечается четко выраженное движение от локуса к топосу, от аллегорического пейзажа к реальному, обладающему своими характерными особенностями и топографической конкретикой. Так, в стихотворениях и прозе появляются конкретные Красноярск, Туруханск и Минусинский край, описания реальных сибирских мест и природных достопримечательностей, флоры и фауны. Степанов выступил в качестве одного из основных авторов альманаха. В своем «Путешествии в Кяхту из Красноярска» быт сибиряков он описал следующим образом: «Жители имеют прекраснейшие избы, всегда побеленные, светлые и чистые; житницы их всегда наполнены хлебом» [3, с. 17].

В произведениях изящной словесности, помещенных в Альманахе, Сибирь и Красноярск также представлялись через топографическую и этнографическую конкретику. Так, в стихотворении И. Петрова «Ночь на Енисее» появляются картины вписанного в природный ландшафт города: «Пустынен Красноярск, в безмолвии ночном, / Над блещущей рекой, объятый тихим сном» [3, с. 77]. Енисей в Красноярском тексте начинает выполнять роль стержня, объединяющего территорию.

Следующая поэтическая стратегия, использованная в Альманахе, — легитимация древностью, «задревнение» Красноярска и окружающих его территорий («Изобретение традиции» по Э. Хобсбауму). Непосредственным контекстом для образа Красноярска стали расположенные неподалеку от него уникальные культурные памятники — наскальные рисунки, курганы: «Я видел древних письмена / На диких скалах Енисея <...> / Я видел древний ряд могил; / Им взор конца не находил / Сии огромные курганы, / Рассеянные по полям [3, с. 83]. Показательно, что каждая строфа в стихотворении А. Кузьмина «Минусинский край», начинается словами лирического героя — «Я видел...», позволяя показать Сибирь глазами очевидца, изнутри.

Таким образом, появление «Енисейского альманаха», предложенная в нем новая поэтика описания региона, приобретение известности в столичной среде послужили отправной точкой к появлению Красноярска и Енисейской Сибири на «литературной карте» России. Во-первых, сибирские поэты

и писатели впервые изобразили быт и культуру сибиряков изнутри, показали сибирские пейзажи и нравы с точки зрения местных уроженцев. Во-вторых, авторы стремились показать Сибирь и Красноярск не аллегорически, а конкретно — этнографически точно, описав реальные природные и культурные топорсы. В-третьих, красноярское литературное издание впервые получило столичную критику, было замечено и отмечено писателями и критиками Москвы и Санкт-Петербурга. При этом еще раз подчеркнем, что инициатива по созданию литературной среды в Красноярске и Енисейской Сибири как необходимом шаге на пути к «регулярной литературной работе» в регионе принадлежала губернатору А. П. Степанову.

Литература и источники

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.
2. Гергилёв Д. Н. Административное управление в XVIII — в первой трети XIX века. Красноярск, 2016.
3. Енисейский Альманах на 1828 год / сост. И. Петров; предисл. Г. Толстой. Красноярск, 2008. 2-е изд., доп.
4. Лотман Ю. М. Символические пространства // Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
5. Потапов И. Ф. Енисейская губерния. История в документах и фотографиях. Красноярск, 2008.
6. Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Т. 6: Сборник научных статей в честь Михаила Михайловича Бахтина (к 75-летию со дня рождения). С. 106–150.
7. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.
8. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
9. Чернышова Н. К. Общественно-политические взгляды А. П. Степанова // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 252–281.

Violetta S. Srmikyan

Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk)

E-mail: vsrmikyan@sfu-kras.ru

KRASNOYARSK TEXT:

ON THE PROBLEM OF THE BEGINNING OF LOCAL CULTURAL GENESIS

The scholarly paper explores the concept of the Krasnoyarsk text as a local structural-semantic category. The focus is on the activities of A. P. Stepanov, the first governor of the Yenisei Siberia, and the publication of the “Yenisei Almanac for 1828” undertaken by him. The Almanac is perceived as the marker of the beginning of a local cultural genesis and the emergence of the phenomenon of the Krasnoyarsk text in Russian literature.

Keywords: local text, Krasnoyarsk text, image of space

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна

д.филол.н., г.н.с., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа)

E-mail: narkas08@mail.ru

«ТРИ ЧУДА» ОДНОЙ МЕСТНОСТИ: ГЕНИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА ЗЕМЛИ БАШКИРСКОЙ

УДК 008:821.512.141

В докладе рассматривается культурный код Республики Башкортостан, определяющий этническую идентичность, культуру в данном случае. В Башкортостане, где коренными жителями являются башкиры, одним из идентифицирующих кодов также выступает литературное творчество, художественная словесность. Обозначенные академиком М. А. Сулеймановым «Три чуда» в лице национальных поэтов Мифтахитдина Акмуллы (1831–1895), Шайехзады Бабича (1895–1919) и Мустая Карима (1919–2005) сегодня определяют не только культуру одного народа. Потому что они кроме национальной литературы своим творчеством обогатили и российскую культуру в целом.

Ключевые слова: чудо, культура, культурный код, башкирская культура, поэты, просветители, российская культура, гении

Культура, как известно, является маркером идентичности и «позволяет выделить особенности таких комплексов, как литература, музыка, язык, архитектура, живопись и сформулировать основные направления в определенной исторической эпохе» [3, с. 527]. Понятие, определяющее этническую культурную идентичность человека, называется «культурный код».

Философский термин «культурный код» сегодня выходит за рамки одной области науки и становится универсальным понятием для идентификации этнической культуры, лица, образа, языка народа, особенностей его самобытной культуры в антропологии, культурологии, этнологии, литературоведении, фольклористике, лингвистике. Такие исследователи, как «О. Афонина, А. В. Дроздова, Н. Н. Изотова, В. В. Красных, А. Е. Махов, К. А. Очеретяный, В. В. Рыжанкова, Н. А. Симбирцева, А. Р. Усманова и другие... используют различные методологические подходы к анализу культурного кода и исследуют при помощи этого концепта явления различных порядков в рамках своих наук» [5, с. 151]. «Основным способом сохранения и передачи культурных традиций нации, их непрерывного развития и обновления является ее культурный код» [1, с. 48]. Культурным кодом земли Башкирской — Республики Башкортостан, — определяющим ее этническую культурную идентичность, кроме всего прочего, является также национальная литература вообще и народные поэты в частности.

Известный башкирский и российский ученый-фольклорист Ахмет Сулейманов (1939–2016) подробно изучил творчество башкирских поэтов разных эпох: Мифтахитдина Акмуллы (1831–1895), Шайехзады Бабича (1895–1919) и Мустая Карима (1919–2005), а также выявил и рассмотрел фольклорные традиции в их поэзии. Эти поэты репрезентируются им как «три чуда», как тот самый культурный код башкирского народа, который определяет народную духовную культуру, высокохудожественную национальную поэзию и богатство родного языка. Монография Ахмета Сулейманова так и называется — «Три чуда» («Өс мөгжизэ») (Уфа, 2009 г.).

Мифтахитдин Акмулла известен как башкирский поэт-просветитель, народный сэсэн-сказитель. В его стихах и импровизациях слышны призывы к просвещению и свету, быть благовоспитанным и служить своему народу, учиться отделять хорошее от плохого, черное от белого, ценить время, в них звучат дидактические наставления стремиться к знаниям, не проводить время впустую, владеть различными ремеслами и т. д. Акмулла — поэт братских народов, башкир и казахов, вошел в историю их литератур как страстный поборник просвещения и прогресса, сэсэн-импровизатор, певец правды, добра и справедливости, защитник интересов простого люда, населяющего просторы Башкирии и Казахстана [4, с. 14]. Он как сэсэн-сказитель, певец-импровизатор, напрямую обращался к своим слушателям и народу

в целом с такими призывами, как «Слушайте вы, люди!», «Услышь это от старца своего!», «Если просите, скажу вам!..» Владение даром сказителя, народного сэсна сближало его с народом, он был его неотделимой частью, носителем его духа, традиций, мировоззрения — кода духовной культуры.

Шайхзада Бабич — пламенный певец и борец за свободу и независимость своего народа, в его творчестве «отразилась нравственная жизнь башкир в этот период», запечатлелись яростная критика и обличение «социальной действительности России», «официальной морали», призывы к «бескомпромиссной борьбе» с угнетателями и т. д. [2, с. 80, 158, 159]. Если Акмулла в своих стихотворениях путем назиданий утверждал важность просвещения и света, то Ш. Бабич «своими пламенными поэтическими призывами и посланиями звал свою нацию к борьбе» [6, с. 143, 429]. Ш. Бабич увлекался устно-поэтическим творчеством своего народа, записывал народные песни, легенды и предания, обряды и обычаи, широко использовал их мотивы в своем творчестве («Сабантуй и народные праздники», «Грачиная каша», «Закливание дождя», поэмы «Клоп», «Газазил» и др.). Созданные им на родном башкирском языке стихотворения и эпиграммы были доступны для простого человека, каждый видел в них образы и традиции духовной картины мира, культурного наследия своего народа.

Творчество поэта современной башкирской поэзии Мустая Карима является воплощением высокохудожественного мастерства поэтического слова, он активно работал не только в области поэзии, но и прозы, и драматургии. По мотивам его повестей «Радость нашего дома» был снят художественный фильм «Сестренка» (реж. Александр Галибин), завоевавший большое признание и любовь у зрителей, одноименный фильм по повести «Помилование» и детскому рассказу «Отряд Таганок» (реж. Айнур Аскарров). Его стихи и поэмы в своей основе, как писал А. М. Сулейманов, носят характер и традиции устного народного творчества, художественное перевоплощение фольклорных и мифологических мотивов. В поэтических образах обнаруживаются реминисценции легендарного Урал-батыра и его крылатого скакуна Акбузата, угадываются древние верования, народная мораль и нравственные устои [7, с. 248–249].

Все перечисленным поэтам в башкирской столице установлены памятники. Они являются местом почитателей башкирской поэзии, национальной духовной культуры; символом культурного кода столицы Республики Башкортостан — г. Уфа. В туристических маршрутах по городу они занимают одну из важных точек, репрезентируют его историю и историю страны в целом. Памятник поэту-просветителю и сэсну-сказителю М. Акмулле установлен на площади перед Башкирским государственным педагогическим университетом (2008 г.), который с 2006 г. носит его имя. Многие тематические экскурсии, посвященные истории образования и культуры башкирской столицы, берут старт с этой точки: Акмулла изображен как путник, севший отдохнуть под ветвями плакучей ивы на берегу родника — слабо бьющегося фонтана, а рядом расположились дети. Родник в данном случае символизирует источник вдохновения и просвещения, сам Акмулла — мудреца-аксакала. Памятник М. Кариму, состоящий из ансамбля, отражающего важные вехи из его жизни, был установлен в 2019 г. к 100-летию поэта на одной из центральных площадей города. Стремящаяся ввысь фигура молодого поэта Ш. Бабича была отлита в бронзу также в 2019 г. в рамках празднования 100-летия образования Республики Башкортостан. Он установлен прямо перед Телецентром республики в самом начале длинной магистральной улицы им. Заки Валиди, что олицетворяет собой прославление широких, открытых путей развития Башкортостана, «белой дороги», а значит, успехов его жителей и гостей. Так, три поэта трех эпох символизируют собой преемственность поколений, культурных ценностей и отражают национальный культурный, духовный код.

Таким образом, А. Сулейманов совершенно обоснованно обозначил упомянутых поэтов как «три чуда». Чудесность, необычность и гениальность он видел в самобытности и особенностях их поэтического мастерства, а также в их датах смерти и рождения. За свой правдивый и острый язык М. Акмулла поплатился жизнью и был вероломно убит в 1895 г. В том же год, что символично, на свет появился Ш. Бабич, который в свои 24 года в 1919 г. также был убит. Именно тогда же, в 1919 г., родился М. Карим... «И не чудо ли это!..», — восклицает А. Сулейманов. Башкирские поэты представляются им как истинные сыны своего народа, мудрецы, мастера слова — сэсны-сказители, творчество которых

неотделимо от традиционных творческих начал, отражают ценности, коды самобытной башкирской культуры и духовности. Творчество каждого из них дополняет друг друга, укрепляя преемственность поколений, чем обогащает не только искусство слова, художественную словесность, но и национальную и российскую культуру в целом.

Литература и источники

1. Бобосов Е. М. Культурный код нации: сущность и особенности // Наука и инновации. 2016. № 3 (57). С. 48–50.
2. Валеев Д.Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. Основные тенденции развития. Уфа, 2001.
3. Велилаева Л. Р., Абдулжемилева Ф. И. Культурный код в художественной литературе // Мир науки, культуры и образования. 2021. № 6 (91). С. 527–530.
4. Вильданов А. Х. Акмулла — певец свободы // Акмулла. Стихи. Уфа, 1981. С. 5–16. (на баш. яз.).
5. Гудова М. Ю., Юань М. Концепт «культурный код» и уровни знаний // Интеллект. Инновации. Инвестиции / Intellect. Innovations. Investments. 2022. № 4. С. 151–159.
6. История башкирской литературы: с древнейших времен до начала XX века: в 3-х т. / отв. ред. Г. Б. Хусаинов, Р. М. Булгаков, М. Х. Надергулов. Уфа, 2012. Т. 1.
7. Сулейманов А. М. Три чуда. Уфа, 2009. (на баш. яз.).

Nerkes A. Khubbitdinova

Doctor of Philological Sciences, Bashkir State Pedagogical University (Russia, Ufa)

E-mail: narkas08@mail.ru

“THREE WONDERFUL” IN ONE PLACE: GENIUS IN THE CULTURAL CODE OF THE LAND OF BASHKIR

The report discusses the cultural code of the Republic of Bashkortostan, which defines ethnic identity, culture in this case. In Bashkortostan, where Bashkirs are the native inhabitants, one of the identifying codes is also literary creativity, artistic literature. Designated by Academician M. A. Suleymanov's “Three Miracles” in the person of national poets Miftakhitdina Akmully (1831–1895), Shayehzady Babicha (1895–1919) and Mustaya Karim (1919–2005) determine today not only the culture of one nation. Because in addition to national literature, they enriched Russian culture as a whole with their creativity.

Keywords: miracle, culture, cultural code, Bashkir culture, poets, educators, Russian culture, genius

Щербич Софья Николаевна

к.и.н., доцент, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)

E-mail: sofia-sh@mail.ru

**«СТОЛИЧНОСТЬ» СИБИРСКИХ ГОРОДОВ В ПУТЕВЫХ ОПИСАНИЯХ
ФРАНЦУЗСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЖЮЛЯ ЛЕГРА**

УДК 94(571)''18''

Доклад посвящен изучению черт «столичности» сибирских городов конца XIX в. по материалам путевого дневника французского путешественника Жюля Легра.

Ключевые слова: Транссибирская магистраль, Челябинск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск

В 1897 г. по Сибири совершил свое путешествие французский славист Жюль Легра, зафиксировавший все свои впечатления от увиденного в путевом дневнике, который является ценнейшим свидетельством повседневной жизни сибирских городов. За семь месяцев перед взором иностранца промелькнули многие сибирские города, оставившие у путешественника яркие впечатления от их посещения. Жюль Легра очень тонко подмечал детали городской повседневности, а также характерные черты, отличающие каждый город друг от друга. Не ускользали от него и амбиции городов, которые претендовали на особую роль в пространстве Сибири в частности и Российской империи в целом.

Путешествие заняло семь месяцев, и за это время Жюль Легра посетил все основные административные центры Сибири, которые в той или иной степени прежде всего оспаривали между собой социокультурное лидерство, имея столичные амбиции. Актором, позволившим сибирским городам, претендовать на элементы «столичности», стала Транссибирская магистраль. Именно ее значение в жизни населения Сибири и интересовало французского путешественника, а так как он был славистом, то созданные им образы городов ожидаемо были настолько красочными, чтобы отразить даже самые тонкие нюансы сибирской повседневности.

Первым пунктом в путешествии Ж. Легра стал г. Челябинск, в судьбе которого Трансиб сыграл решающую роль, позволив претендовать на особый статус пограничного города между Россией и Сибирью, ворот в Азию: «Несколько лет назад Челябинск был всего лишь небольшим городком: строительство железной дороги придало ему значимость, которая возрастает день ото дня. Неизвестная почтовая станция, стоящая в стороне от главного транзитного пути, внезапно стала во главе огромной железной магистрали. Всё, что входит в Сибирь, и всё, что из неё выходит по суше, делает остановку здесь: пассажиры для пересадки на другой поезд, товары в ожидании отправки. Следовательно, перегруженность здесь постоянная: в настоящее время груз из четырех тысяч вагонов скопился в ангарах, подходящих вплотную к пути» [1, с. 26].

Потенцию следующего сибирского города Легра определил так: «Стоящий на перекрестке двух важных торговых путей — Транссиба, который соединяет его с Европой, и Иртыша, который ведёт в Китай, — Омск город не без значения, с многообещающим будущим. Он уже сейчас является административным центром, откуда осуществляется управление огромной провинцией от Урала до Туркестана. Он — резиденция одного из трех наместников Сибири, генерал-губернатора Степного края, а кроме того, есть еще губернатор и целый штат военных и гражданских чиновников. В городе сформировалась наиболее значительная культурная среда по сравнению с большинством других сибирских городов. Толстосумы здесь далеки от того, чтобы задавать тон; здесь образованное общество, интеллигенция, как говорят русские, составляет ядро, которое лежит в основе общественной жизни. Омск — это центр, где ведут беседу, спорят, где некоторые верят ещё в силу прогресса, и где принимают близко к сердцу деятельность многочисленных обществ, которые заполняют лакуны в службах местной администрации. В настоящее время Омск находится в неделе пути от Санкт-Петербурга, но при всём том он расположен на самой границе бесконечной новой страны, которая только слегка приоткрылась, и куда устремляется переселенческий поток» [1, с. 42–43].

Третьим городом, отличавшимся чертами «столичности», согласно Легра, являлся Томск. Вот что он записал о нем: «У города приятный вид, несмотря на лежащие повсюду грязь и нечистоты, которые запачканный снег уже не в силах скрыть. Центральные улицы вдоль и поперек увешаны электрическими проводами, которые соединяются между собой при помощи фарфоровых колец. Медная сеть телефонных проводов опущена так низко, что, кажется, будто их можно потрогать руками. Большие дома из красного кирпича, массивный собор с небесно-голубым куполом, бойкая торговля на рынке, оживленное движение на центральных улицах, — вот что поражает меня прежде всего. Все это, безусловно, является признаком процветания. И действительно, Томск — это крупный центр, гораздо более полный жизни, чем Иркутск, прежняя столица Сибири, почти смещенная сегодня; однако здесь еще положительно доминирует дух купечества. В деле окультуривания и просвещения города большие надежды связываются с нарождающимся Университетом, а также со значительным числом чиновников, привлеченных сюда в связи с открытием железной дороги» [1, с. 71].

Следующим городом с признаками «столичности», которые предопределены были прежде всего его удачным географическим положением, представлялся Красноярск. Вот что пишет Легра по его поводу: «Красноярск, без сомнения, город с прекрасным будущим, поскольку он, как и Кривощёково на Оби, расположен на перекрёстке Транссиба и великой реки — Енисея. Посредством этой реки он сообщается с Китаем, богатым Минусинским округом и, наконец, с Англией, которая открыла и использует путь от Карского моря до устья Енисея» [1, с. 169].

Описывая свои впечатления об Иркутске (столице Восточной Сибири), Легра отмечает его противоречивые черты: «Иркутск является резиденцией генерал-губернатора Восточной Сибири, одним из трёх вице-королей колонии» [1, с. 198]. Полторы тысяч километров не кажутся большим расстоянием в Сибири, но они могут внести существенные отличия в организацию городской жизни. Жюль Легра при характеристике Иркутска невольно сравнивает его Томском: «Изменился не только характер почвы, но и условия жизни стали совершенно другими; необходимо приложить некоторые усилия, чтобы ясно осознать перемену. В Иркутске мы находимся на самом краю русской Сибири. Весь регион, расположенный далее, эксплуатируется на временной основе золотодобытчиками, а особенно колонизован иностранцами, крестьянами монгольского происхождения, бурятами. В течение всего моего путешествия по Сибири продвижение вперёд идёт параллельно китайской границе, но нигде я еще не видел, как здесь, столько следов жёлтого проникновения. Вот, в сущности, то, что серьёзно осложняет серьёзное изучение этого странного нагромождения рас, которое является русской Азией» [1, с. 199].

Наиболее яркие претензии на «столичность» Легра увидел в образе г. Хабаровска: «Я провёл три дня в Хабаровске, столице Приамурья. У меня осталось несколько ярких впечатлений. Во-первых, общий вид города, прекрасно расположенного на отрогах волнистых холмов правого берега Амура и его мощного притока реки Усури. Город занимает главенствующее положение на фоне слияния двух великих рек. Дома по большей части деревянные, но купы зелени, отделяющие их друг от друга, придают городу весёлый вид, несмотря на пыль, скрашивая облик большой деревни, присущий стольким сибирским городам» [1, с. 285]. Легран отмечает, что Российская империя была заинтересована в создании на территории Сибири сразу несколько административных центров с чертами и функциями столичных городов, в том числе в Приамурье: «Была предпринята попытка даровать некоторым городам западные удобства. Именно из этих соображений Хабаровск, несколько лет назад бывшей заурядной деревней, возведен в ранг столицы края и наделен целым рядом гражданских и военных учреждений. Я не изучил их все и, признаюсь, уделил серьезное внимание библиотеке, имеющей 40 тысяч томов, краеведческому музею и опытному полю»; «Русская политика давно уже лелеяла надежду создать в этой части страны прочный центр русского влияния в непосредственной близости от Китая, за которым молча следят, и Японии, страшась её нарождающейся мощи и конкуренции» [1, с. 285].

Для Жюля Легра «столичность» сибирских городов выражалась в создании институтов имперской администрации и развитии социокультурного пространства, выражавшемся в наличии у того или иного

города совокупности сразу нескольких интеллектуальных центров: университета, библиотек, музеев и опытных научных станций. Помимо этих, формальных признаков столичности, сибирские города обладали еще одним, самым главным ее признаком, — это люди, которые могли быть как государственными служащими, так и представителями формирующейся когорты интеллигентов, ратующей за процветание Сибири. Человеческие характеры, воссозданные на страницах дневника Жюль Легра, являются ярким тому подтверждением.

Литература и источники

1. Легра Жюль. В Сибири [Дневник французского путешественника. 1897]. Тюмень; Томск, 2021.

Sofia N. Shcherbich

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: sofia-sh@mail.ru

THE “METROPOLITAN CHARACTER” OF SIBERIAN CITIES IN THE TRAVEL DESCRIPTIONS OF THE FRENCH TRAVELER JULES LEGRE

The report is devoted to the study of the features of the “metropolitan character” Siberian cities of the late 19th century based on the materials of the travel diary of the French traveler Jules Legre

Keywords: Trans-Siberian Railway, Chelyabinsk, Omsk, Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, Khabarovsk

Научное издание

Региональные столицы России — точки опоры и роста

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием
(Екатеринбург — Пермь, 20–22 сентября 2023 г.)

Ответственный редактор

Н. В. Суржикова

Техническое редактирование

Н. А. Бабенкова

Компьютерная верстка

Н. А. Бабенкова

П. О. Поморцев

Подписано в печать 22.08.2023. Формат 60×84/8

Печать офсетная. Бумага ВХИ 80 г/м. Гарнитура Times New Roman

Уч. изд. л. 41,8. Усл. печ. л. 57,66

Тираж 300 экз. Заказ № _____

Оригинал-макет подготовлен в

Институте истории и археологии УрО РАН

620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

тел. 8 (343) 374–28–40; UI_vestnik@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО Универсальная типография «Альфа-Принт»

620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж

